

32
А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XXXII

ТЕКСТОЛОГИЯ
И ПОЭТИКА
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
XI – XVII ВЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1977

Р е д к о л л е г и я :

Д. С. ЛИХАЧЕВ (ответственный редактор), *А. М. ПАНЧЕНКО*,
М. А. САЛМИНА

8/4

Г $\frac{70202-578}{042 (02)-77}$ 327-77

© Издательство «Наука», 1977

ИССЛЕДОВАНИЯ

М. А. САЛМИНА

Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве

Вопрос о датировке повестей Куликовского цикла и, в частности, «Летописной повести» о Куликовской битве, о которой пойдет речь, представляет интерес как для литературоведов, так и для историков общественной мысли. Этот памятник дошел до нас в составе летописей, поэтому вопрос о его происхождении и датировке может решаться только на основе изучения его в тесной связи с теми летописными сводами, в состав которых он входил.

Как показало исследование истории текста «Летописной повести» внутри всех известных летописных сводов,¹ ближайший по времени к событиям 1380 г. общерусский летописный свод 1408 г., отразившийся в Троицкой (Симеоновской) летописи, содержал лишь краткий рассказ о них. Пространная повесть о Куликовской битве впервые появляется только в своде 1448 г., восстанавливаемом на основе Новгородской IV и Софийской I летописей.

Текстологическое изучение обоих произведений позволило сделать вывод, что краткий рассказ Троицкой летописи не является сокращением пространной летописной повести, а напротив — первоначален по отношению к ней. Приведем доказательства.

Краткий рассказ о событиях 1380 г. тесно связан с включавшим его в себя сводом 1408 г. Стилистика этого рассказа соответствует той, которая характерна для ближайших к нему частей Троицкой летописи. Особенно тесно этот рассказ связан и текстологически совпадает с рассказом о битве на Воже 1378 г. Например: 1) «Того же лета. . . ординский поганый Мамай събрав рати многы. . . поиде на великого князя Дмитрия Ивановичя и на всю землю Русскую» (1380 г.) — «Того же лета ординский князь поганый Мамай, събрав воя многы. . . посла. . . на князя великаго Дмитрея Ивановичя и на всю землю Русскую» (1378 г.); 2) «Се же слышав князь великий Дмитрей Ивановичь, събрав воя многы поиде противу их. . . и переехав Оку» (1380 г.) — «Се же слышав князь великий Дмитрей Ивановичь, събрав воя многы и поиде противу их. . . и переехав за Оку» (1378 г.); 3) «. . . логании побегоша, а наши после, бьюще, секуще поганых» (1380 г.) — «. . . татарове. . . побегоша. . . , а наши после за ними, бьючи их и секучи» (1378 г.); 4) «. . . и поможе бог князю великому Дмитрию Ивановичю» (1380 г.) — «. . . и поможе бог князю великому Дмитрею Ивановичю» (1378 г.); 5) «Князь же великий Дмитрей Ивановичь. . . вьзвратися отгуду на Москву. . . с победою великою» (1380 г.) — «Князь же великий

¹ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: Слово о полку Игореве. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 344—384.

Дмитрей възвратився отгуду на Москву с победою великою» (1378 г.); 6) «. . . и мнози вои его. . . обретаючи корысть многу» (1380 г.) — «. . . рати роспусти с многою корыстию» (1378 г.); 7) «Мамай. . . гневашеся и неистоваяся, яряся. . . събра останочную свою силу, еще въсхоте ити изгоном паки. . . на всю Русскую землю» (1380 г.) — «И разгнева же ся зело Мамай и възъярися злобою. . . събрав останочную силу свою. . . поиде. . . изгоном на Рязанскую землю» (1378 г.).² На основании приведенных примеров следует, что краткий рассказ 1380 г. был создан внутри свода 1408 г., а не был привнесен в свод извне.

Далее. Известия краткого рассказа Троицкой летописи входят в пространную повесть целиком, вкрапливаясь в ее текст на всем протяжении.³ Но если рассказ Троицкой летописи отличает стройность, четкая последовательность в изложении, отсутствие повторений и следов использования в нем литературных источников, то пространную повесть характеризуют другие черты. Это не документальная запись о событии 1380 г., каковой является краткий рассказ Троицкой летописи. Пространная повесть о Куликовской битве, включающая в себя фактические данные рассказа Троицкой летописи в тех же самых выражениях, — это обширное повествование, использовавшее литературные параллели, взятые из жития Александра Невского, паремийного чтения о Борисе и Глебе, апокрифического «Слова на рождество Христово о пришествии волхвов», Библии. Повесть насыщена религиозной риторикой, изобилует многочисленными лирико-публицистическими отступлениями, и та композиционная стройность, которая отличает краткий рассказ Троицкой летописи, в ней отсутствует. Для пространной повести характерны повторения, — так, дважды в ней возникает тема союзников Мамаю, не раз повторяется, что Мамай ждет помощи Ягайла, не раз описывается его гнев; неоднократно осуждается поведение Олега Рязанского.⁴

Еще один факт. В пространной летописной повести по отношению к краткому рассказу Троицкой летописи имеются явно вторичные чтения. Так, из краткого рассказа известно, что только после битвы «поведаша князю великому, что князь Олег Рязанский посылал на помощь Мамаю свою силу». В пространной повести уже с самого начала сообщается об измене Олега Рязанского, великий князь Дмитрий узнает о ней еще в Москве, — но в то же время текст сохраняет в последней части и только что приведенную фразу рассказа Троицкой летописи. В пространной летописной повести явно обнаруживается неувязка в содержании. Фраза «поведаша князю. . . свою силу» оказывается в ней явно неуместной. Совершенно очевидно, что при сложении пространной летописной повести эта фраза была механически переписана вместе с остальным текстом из краткого рассказа свода 1408 г.⁵

К числу вторичных чтений пространной летописной повести принадлежит и упоминаемое в ней в «списке убитых» лиц имя князя Федора Тарусского, которое в «списке убитых» рассказа Троицкой летописи отсутствует. Летописи, начиная с великокняжеского свода 1471 г.,⁶ сообщают, что князь Федор Тарусский пал в битве с татарами в 1437 г. под Белевым.⁷

² Более подробно см.: там же, с. 356.

³ Кроме известия об убийстве Мамаю войнами Тохтамыша. В пространной летописной повести Тохтамыш преследует Мамаю, но убивают последнего кафинцы (см.: там же, с. 360).

⁴ Там же, с. 359—360, 364—370.

⁵ Там же, с. 359.

⁶ ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, с. 107.

⁷ Там же, с. 370—372.

Таким образом, вторичность чтений пространной летописной повести несомненна. В то же время в рассказе Троицкой летописи по отношению к пространной летописной повести вторичные чтения не обнаруживаются, в нем нет и никаких следов использования более полного оригинала. Учитывая эти особенности краткого рассказа Троицкой летописи, его стройность и несомненную связь с рассказом о битве на Воже, мы признаем его древнейшим сообщением о Куликовской битве. Считать этот рассказ сокращением пространной летописной повести у нас нет оснований. Пространная летописная повесть свода 1448 г., которую отразило все последующее летописание, возникла на основе краткого рассказа Троицкой летописи, этой старейшей из известных нам записей о событиях 1380 г.⁸

Как показали наблюдения, пространная повесть, или, иначе, — «Летописная повесть» о Куликовской битве, оказалась по своим тенденциям связанной с событиями 40-х годов XV в., временем, когда на Руси, в обстановке постоянных войн с татарами, шла острая борьба за великокняжеский престол между потомками Дмитрия Донского — Василием II и Шемякой. Тема Куликовской битвы 1380 г., отраженная в кратком рассказе Троицкой летописи, явилась для автора «Летописной повести» материалом для публицистического выступления в защиту объединения русских сил против врагов Русского государства в середине XV в.⁹

Выводы, к которым мы пришли в итоге изучения взаимоотношений краткого рассказа Троицкой летописи и «Летописной повести», подтверждаются наблюдениями и над другим летописным памятником свода 1448 г., также связанным с именем Дмитрия Донского, — «Словом о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», старейшие тексты которого содержат Софийская I и Новгородская IV летописи.¹⁰ Как показало текстологическое исследование, его текст в своде 1448 г., как и текст «Летописной повести», основывается на краткой записи о смерти и месте погребения великого князя Дмитрия Троицкой летописи, полностью повторенной в «Слове о житии» и написанной в манере аналогичных ей записей Троицкой летописи. Оказалось, что в «Слове о житии» тенденциозно переделан документ — завещание Дмитрия Донского, что связывает возникновение этого памятника с борьбой Василия II за престол в 40-х годах XV в.¹¹

Итак, «Летописная повесть» о Куликовской битве создана на основе краткого рассказа Троицкой летописи. Старшие ее тексты находятся в восходящих к своду 1448 г. НИВЛ и СИЛ. В дальнейшем, переходя из свода в свод, «Летописная повесть» меняла свой облик, причем эти изменения шли в том же направлении, в каком и работа над другими частями свода: если сокращался свод в целом, то сокращению подвергалась и «Летописная повесть» (Новгородская V, Летопись Авраамки, Ермолинская летопись и др.); если в свод включались дополнительные тексты, то распространялся и самый текст «Летописной повести» (Никоновская летопись, список Дубровского).¹²

Напомнить о выводах, которые были сделаны в результате изучения «Летописной повести» о Куликовской битве, нас вынудило то обстоятельство, что в последние годы появились работы, в которых затрагиваются вопросы происхождения и времени создания этой повести, но в которых неудовлетворительна или вообще отсутствует текстологическая аргумен-

⁸ Там же, с. 359—364.

⁹ Там же, с. 372—376.

¹⁰ М. А. Салмина. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 80—104.

¹¹ Там же, с. 98—104.

¹² М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 354.

тация; отсутствует и стремление рассматривать повесть в связи с историей летописания в целом. Мы имеем в виду две статьи С. Н. Азбелева¹³ и соответствующие разделы книги И. Б. Грекова «Восточная Европа и упадок Золотой Орды».¹⁴ Остановимся сначала на работах С. Н. Азбелева.

С. Н. Азбелев в своей статье «Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского» выдвигает положение, что старейший вариант «Летописной повести» о Куликовской битве содержится в летописном памятнике XVI в. — так называемой Новгородской летописи Дубровского (далее: НЛДубр).¹⁵ Повесть в этой летописи, пишет С. Н. Азбелев, «уникальна по своему составу». Принадлежит к той же самой редакции, что и повесть в НІVЛ и СІЛ, повесть НЛДубр «значительно богаче фактами. Только в НЛДубр описано, и весьма детально, „уряжение“ полков и назначение воевод перед боем; рассказано о роли „дотаенного“ полка; подробно говорится о розысках после окончания битвы раненого великого князя».¹⁶ С. Н. Азбелев приводит «сводку отсутствующего в Новгородской IV, Софийской I и Новгородской V летописях материала НЛДубр».¹⁷

Отстаивая свой взгляд на первичность текста «Летописной повести» в НЛДубр, С. Н. Азбелев опирается на работу А. А. Шахматова, его Отзыв на сочинение С. К. Шамбинаго.¹⁸ С. Н. Азбелев признал убедительным высказывание А. А. Шахматова о существовании «общего протографа» (повести) НІVЛ, СІЛ и НVЛ, отразившегося в НЛДубр, и принял положение А. А. Шахматова о том, что повесть, находящаяся в НІVЛ и СІЛ, является сокращением более полного ее варианта, существовавшего, по А. А. Шахматову, уже в XIV в.¹⁹ НЛДубр, пишет С. Н. Азбелев, «сохранила повесть в том ее составе, который она имела до сокращения, произведенного в общем протографе Новгородской IV, Софийской I и ряда других летописей».²⁰

С. Н. Азбелев согласился с мыслью А. А. Шахматова о существовании отразившегося в НЛДубр особого извода повести, который, согласно А. А. Шахматову, находился в Московской великокняжеской летописи, составленной «ранее 1423 года».²¹ Но если А. А. Шахматов полагал, что в повесть НЛДубр из этого особого извода были сделаны только вставки, то С. Н. Азбелев считает, что НЛДубр отразила в себе этот вид повести целиком. Особый вид повести, согласно С. Н. Азбелеву, хранился в московском государственном архиве и не использовался «составителями официальных московских летописных сводов, так как сообщал ряд существенных, но не вполне удобных для таких сводов подробностей (в особенности

¹³ С. Н. Азбелев. 1) Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского. — В кн.: Летописи и хроники. Сборник статей. 1973 г. Посвящен памяти А. Н. Насонова. М., 1974, с. 164—172; 2) Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла). — В кн.: Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976, с. 78—101.

¹⁴ И. Б. Греков. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975.

¹⁵ Новгородская летопись Дубровского, согласно А. А. Шахматову, представляет собой новгородский свод, доведенный до 1539 г. и составленный в 1542—1548 гг. (А. А. Шахматов. Летописи. — Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 25. Пг. [б. г.], стб. 164).

¹⁶ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 164.

¹⁷ Там же, с. 166—168.

¹⁸ А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906. — Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академией наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910.

¹⁹ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 166.

²⁰ Там же, с. 171.

²¹ А. А. Шахматов. Отзыв. . . , с. 111, 116.

о роли князя Владимира Андреевича». ²² В этом тексте, пишет далее С. Н. Азбелев, говорилось «специально об Иване Родионовиче Квашне, что, вероятно, явилось одной из причин включения текста в новгородский владычный свод (в НЛДубр, — М. С.), к составлению которого имели такое близкое отношение Квашнины». ²³ При включении повести в НЛДубр она, считает С. Н. Азбелев, была сверена с текстом повести по НЛДубр. ²⁴

А. А. Шахматов (в Отзыве на сочинение С. К. Шамбинаго, — работе, на которую опирается С. Н. Азбелев) полагал, что «в основании списка Дубровского ²⁵ лежит. . . Новгор. 5-я летопись», текст которой «сверен и дополнен с Новгор. 4-й». ²⁶ Но впоследствии, в подытоживающей работу по русскому летописанию статье, он отказался от этого взгляда и пришел к выводу, что в основе списка Дубровского лежит НЛДубр. ²⁷ То, что в основе списка Дубровского вплоть до 1447 г. включительно лежит текст НЛДубр, не отрицает и С. Н. Азбелев. ²⁸ Логично поэтому было бы предполагать, что в основе «Летописной повести» списка Дубровского, которая, по словам самого же С. Н. Азбелева, принадлежит к редакции НЛДубр и СЛД, лежит текст повести в версии НЛДубр. Тем не менее С. Н. Азбелев такой, казалось бы, естественный вариант отвергает и считает, что наличие в НЛДубр «нескольких сот разночтений» «с соответствующим текстом Новгородской IV летописи» не позволяет ему «объяснить все это правкой текста Новгородской IV летописи по дополнительному источнику. Проще предположить обратное — что повесть была целиком выписана из дополнительного источника и сверена с соответствующим текстом Новгородской IV летописи». ²⁹ «Такое предположение, — пишет далее С. Н. Азбелев, — подкрепляется наблюдениями над остальными частями НЛДубр. В нее включен целый ряд часто довольно обширных самостоятельных текстов. Большинство их дополняет текст Новгородской IV летописи, но некоторые — заменяют соответствующие его отрезки». ³⁰

Итак, согласно С. Н. Азбелеву: 1) в «Летописной повести» списка Дубровского, более пространной, чем повесть НЛДубр и СЛД (она включает в себя несколько больших эпизодов), текст является и более первичным; 2) эта повесть хранилась в государственном архиве и попала в НЛДубр, вероятно, в связи с упоминанием в ней имени Ивана Квашнина; 3) при включении в Новгородскую летопись текст повести был сверен по НЛДубр. Заметим, что, делая такие выводы, С. Н. Азбелев при этом текстологического исследования «Летописной повести» не проводил. Не ссылается С. Н. Азбелев на высказывавшиеся и после А. А. Шахматова суждения о «Летописной повести» по списку Дубровского и никак не опровергает их.

Между тем текстологическое изучение «Летописной повести» о Куликовской битве в связи с историей летописных сводов, ее в себе заключавших, показало, что текст ее в списке Дубровского идентичен тексту повести в НЛДубр и СЛД. ³¹ Повесть по списку Дубровского восходит к повести

²² С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 169.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ А. А. Шахматов именно так называет новгородский свод, о котором идет речь.

²⁶ А. А. Шахматов. Отзыв. . . , с. 106.

²⁷ А. А. Шахматов. Летописи. — Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 25, стб. 164.

²⁸ См.: С. Н. Азбелев. 1) Две редакции Новгородской летописи Дубровского. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959, с. 219—228; 2) Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960, с. 25—26.

²⁹ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 169.

³⁰ Там же.

³¹ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 350.

НІVЛ с добавлением чтений второй редакции СІЛ.³² Помимо собственно текста «Летописной повести», повесть списка Дубровского содержит еще целый ряд вставок, из которых наиболее крупные — это рассказ об уряжении полков перед сражением, рассказ о «потаенном полку» Владимира Андреевича и рассказ о поисках князя Дмитрия на поле боя. Было высказано предположение, что все эти вставки, за исключением одной — рассказа об уряжении полков, восходят к тексту «Сказания о Мамаевом побоище» и что, возможно, на повесть повлияло «Слово о житии и о представлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», текст которого также содержит рассказ о Куликовской битве.³³

Исследование привело нас к следующему выводу: повесть в списке Дубровского — это позднейший вариант «Летописной повести», усложненный влиянием на ее текст новых источников. Такого вида тексты «Летописной повести» начали появляться в сводах конца XV—XVI в. Повесть в сводах 1493 и 1495 гг., в Хронографе 1512 г. испытала на себе влияние «Сказания о Мамаевом побоище»; «Летописная повесть» Устюжского летописца XVI в. перерабатывается по «Сказанию о Мамаевом побоище» уже на всем своем протяжении. В Никоновской летописи и Степенной книге «Летописная повесть» переделывается по «Сказанию о Мамаевом побоище» и «Слову о житии» настолько, что предстает в этих памятниках уже в виде только отдельных вкраплений.³⁴

Более детальный анализ «Летописной повести» в списке Дубровского, проделанный после выхода статей С. Н. Азбелева, только подтвердил сделанный ранее заключение, что в этой летописи XVI в. находится уже поздний ее текст. Об этом свидетельствуют не только описки и искаженные слова, содержащиеся в повести списка Дубровского в большом количестве (хотя само по себе это обстоятельство также не говорит в пользу первичности ее текста). Как оказалось, повесть списка Дубровского буквально насыщена чтениями вторичного происхождения. Перейдем к рассмотрению текста повести этого списка.

Как уже говорилось выше, историческим источником «Летописной повести» о Куликовской битве был краткий рассказ 1380 г. Троицкой летописи под названием «о великом побоище иже на Дону». При этом составитель «Летописной повести», используя свой источник, включал исторические данные этого рассказа в том же самом стилистическом выражении.

При сравнении текста повести в списке Дубровского с соответствующими фрагментами повести НІVЛ, СІЛ и Троицкой летописи обнаруживается, что текст списка Дубровского отстоит дальше от текста Троицкой, чем НІVЛ, СІЛ.³⁵ Так, в Троицкой: «. . род измалтескыи», в НІVЛ, СІЛ:

³² Там же. То, что в повести списка Дубровского находят место одновременно и чтения НІVЛ, и чтения СІЛ, удовлетворительно объясняется схемой взаимоотношений редакций НЛДубр, предложенной самим С. Н. Азбелевым, по которой список Дубровского, представляющий вторую редакцию НЛДубр, опирается и на НІVЛ, и на СІЛ. Согласно С. Н. Азбелеву, в основе второй редакции НЛДубр лежит первая ее редакция, текст которой, восстанавливаемый по так называемому Отрывку русской летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку и Новгородской Уваровской летописи, восходит ко второй редакции СІЛ. Во второй редакции НЛДубр (где и находится «Летописная повесть»), т. е. списке Дубровского, часть до 1447 г. включительно была заменена текстом НІVЛ (см.: С. Н. А з б е л е в. 1) Две редакции Новгородской летописи Дубровского, с. 219—226; 2) Новгородские летописи XVII века, с. 24—26).

³³ М. А. С а л м и н а. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 350—351.

³⁴ Там же, с. 353—354.

³⁵ Текст Троицкой летописи под 1380 г. см.: М. Д. П р и с е л к о в. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950; текст НІVЛ под 1380 г.: ПСРЛ, т. IV,

«. . . измалтеиский род»; в НЛДубр: «измалтяне». В Троицкой: «. . . тогда поведаша князю великому», в НІВЛ, СІЛ: «. . . поведаша князю великому», в НЛДубр: «. . . слышав же князь великий». В Троицкой: «. . . а сам на реках мосты переметал», в НІВЛ, СІЛ: «. . . а сам на реках переметал мосты»; в НЛДубр: «. . . а на реках повелел мост переметывать». В Троицкой, НІВЛ, СІЛ: «Мамай не во мнозе утече (убежа — НІВЛ, СІЛ). . . и прибеже в свою землю в мале дружине»; в НЛДубр: «Мамай не во мнозе убежа дружине и прибежа во свою землю». В ряде случаев текст повести в списке Дубровского короче текста Троицкой и НІВЛ и СІЛ. Так, в Троицкой: «. . . прииде ему паки другая весть», в НІВЛ: «. . . паки прииде князю Дмитрию Ивановичю другая весть», в СІЛ: «. . . и прииде другая весть паки к великому князю Дмитрию Ивановичю»; в НЛДубр: «. . . прииде великому князю Дмитрию Ивановичю другая весть». В Троицкой: «. . . бог бо невидимою силою устраши сыны агаряны и побегоша», в НІВЛ: «. . . бог бо невидимою силою устраши полки тотарьскыи и побегоша», в СІЛ: «. . . бог бо невидимою силою устраши полки поганых и побегоша»; в НЛДубр: «. . . бог бо невидимою силою устраши татарскыя гоняше». В Троицкой, НІВЛ, СІЛ: «. . . с той ратью готовою поиде противу его»; в НЛДубр: «. . . с тою ратию поиде противу ему». В Троицкой, НІВЛ, СІЛ: «. . . а сам шед, седе», в НЛДубр: «. . . а сам седе». В ряде случаев текст повести списка Дубровского подробнее текста Троицкой, НІВЛ, СІЛ. Так, в Троицкой: «. . . и гнаша их до реки до Мечи», в НІВЛ: «. . . и гониша их до реки до Мечи», в СІЛ: «. . . и гониша их до Мечи до реки»; в НЛДубр: «. . . и гониша их и бьюще до Мечи реки». В Троицкой, НІВЛ, СІЛ: «. . . и мнози вои его възрадовашася, яко обретающе корысть многу»; в НЛДубр: «. . . и мнози враги его вои его възрадовашася, яко обретоша корысть многу». Первичность текста Троицкой по сравнению со списком Дубровского обнаруживается, в частности, в следующем примере: в Троицкой: «. . . и рати понаимовав», в НІВЛ, СІЛ: «. . . и еще к тому рати понаимовал»; в НЛДубр: «. . . еще к тому понаимовал».

Таким образом, наблюдения над рассматриваемыми списками в этом основном звене их взаимоотношений (отношение к рассказу Троицкой летописи) свидетельствуют о том, что текст по списку Дубровского считается более древним, чем текст повести в НІВЛ и СІЛ, не может.

Тот же вывод следует из наблюдений и над другим, уже литературным, источником «Летописной повести» о Куликовской битве — апокрифическим «Словом на рождество Христово о пришествии волхвов». Вставки, сделанные из этого памятника в повесть НІВЛ и СІЛ, в списке Дубровского предстают также в поновленном виде.³⁶ Так, например, в «Слове» читаем: «. . . увы мне, избитаа наша чадца», в НІВЛ: «. . . увы мне, убогаа наша чада», в СІЛ: «. . . увы нам, убогая наша чадца»; в НЛДубр: «. . . увы нам, убогая чадца». В «Слове» НІВЛ, СІЛ: «. . . и смутися умом»; в НЛДубр: «. . . и смутися сердцем и умом».

Далее, сравнение текста повести по списку Дубровского с текстами повести по НІВЛ и СІЛ показало, что в списке Дубровского много пропусков как отдельных слов (отчасти мы это уже видели на приведенных выше примерах), так и целых выражений. Мы не будем перечислять их

ч. 1, вып. 1. Пг., 1915; вып. 2. Л., 1925; текст СІЛ под 1380 г.; ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853; текст НЛДубр (списка Дубровского) под 1380 г.; ГПБ, Ф. IV. 238, л. 244 об.—257 (карандашная пагинация).

³⁶ Текст «Слова на рождество Христово о пришествии волхвов», сходный с «Летописной повестью», приводится в статье В. П. Адриановой-Перетц «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» (ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, с. 87—88).

все, но то, что в списке Дубровского они являются именно пропусками текста, покажем на следующих примерах. Так, фраза в списке Дубровского «. . . и слышав же во граде на Москве, и Переяславле, и на Костроме, и в Володимери, и в Ростове, и во всех князей русских» непонятна, так как после слов «во всех», по сравнению с НІВЛ, СІЛ, в ней пропущено выражение «градах великого князя и всех»; непонятна и фраза «Князь же великий. . . отдохнув от труда своего велико благодарение принесе богу, давшему раба своего», так как после слова «давшему» оказалось пропущено выражение «такову на поганья победу, избавляющему».

Итак, явные пропуски в тексте списка Дубровского также не говорят в пользу его первоначальности по отношению к тексту повести в НІВЛ и СІЛ.

Заметим далее: повесть по списку Дубровского пестрит своими чтениями, которые, скорее всего, могут быть объяснены как поновление текста и внесение этикетных формул. Так, например, в НІВЛ, СІЛ: «. . . и тогда же приспела грамота», в НЛДубр: «. . . и тогда приде к нему грамота»; в НІВЛ: «Ондрей Полочкой с плесковици», в СІЛ: «Андрей Олгордовичь Полоцкий со псковичи», в НЛДубр: «Андрей Полоцкий с полочаны»;³⁷ в НІВЛ, СІЛ: «. . . и орли събирахуся», в НЛДубр: «. . . яко орли разбивахуся»; в НІВЛ: «. . . и святых мученик полк, воина Георгия и славнаго Дмитрия, и великих князей тезоименитых святых Бориса и Глеба», в СІЛ: «. . . и святых мученик полки, и воина великаго Христова Георгия, и славнаго Дмитрия, и великих князей тезоименитых Бориса и Глеба», в НЛДубр: «. . . и святых мученик полк, и воина великомученика Георгия, и славнаго великомученика Дмитрия, и великих князей тезоименитых святых Бориса и Глеба»; в НІВЛ: «И възнесе бог нашего князя», в СІЛ: «Взнесе бог десницею великого князя Дмитрия Ивановича», в НЛДубр: «И вознесе бог десницу нашего государя христианскаго благовернаго царя великого князя Дмитрия Ивановича всеа Руси». В эпизоде «погони» за татарскими полками в повести списка Дубровского иной порядок фраз, чем это имеет место в НІВЛ, СІЛ и других летописных сводах. Видно, что в списке Дубровского произошло искажение первоначального текста — в нем нарушена логика передаваемых событий. В НІВЛ: «И гониша их до реце до Мечи, и тамо бежащих бесчисленное множество погибоша. Княжий же полци гнаша содомлян, бьюще до стана их, и полониша богатства много и вся имена их содомскаа», в СІЛ: «И гониша их до Мечи до реки, и тамо бежащих бесчисленное множество избиено бысть. Княжи же полци гоняще били содомлян и до стану их и полониша богатства много и вся имена их и стада вся татарьскаа», в НЛДубр: «И гониша их и бьюще до Мечи реки и до станов их, и взяша все богатство их и стада, и тамо бежащих бесчисленное множество погибоша».³⁸

Как уже говорилось, в повести по списку Дубровского в сравнении с НІВЛ, СІЛ и другими летописями имеются дополнительные чтения. Это и отдельные слова и фразы, и большие эпизоды, которые, как считает С. Н. Азбелев, находились в «Летописной повести» изначала. Мы не будем перечислять их здесь, они почти все приведены в статье С. Н. Азбелева.³⁹ Остановимся на тех, которые, по словам С. Н. Азбелева, делают «Летописную повесть» списка Дубровского «уникальной».

³⁷ Чтение списка Дубровского «с полочаны» по отношению к НІВЛ и СІЛ вторично. Андрей Полоцкий едва ли мог прийти к Дмитрию «с полочаны», так как, согласно летописным данным, он в 80-х годах XIV в. был псковским князем (см.: Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941).

³⁸ Как уже отмечалось, это выражение списка Дубровского отступает от текста Троицкой летописи: слова «и бьюще» в тексте рассказа Троицкой летописи отсутствуют (см. с. 9).

³⁹ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 166—168.

К тексту, входившему в состав первоначального варианта «Летописной повести», С. Н. Азбелев относит три больших эпизода повести списка Дубровского, о которых уже упомянулось выше: 1) об уряжении полков, 2) о «потаенном полку» князя Владимира Андреевича, 3) о поисках раненого великого князя.

Рассказ об уряжении полков, где описывается расположение полков перед битвой, находится в списке Дубровского (л. 250—250 об.) между фразами повести НІVЛ, СІЛ и других летописей, которые следовали в них одна за другой: «Князю же прешедшу за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы-реки» и «Господь бог един вожааше его». Рассказ об уряжении полков, начинающийся словами «И став ту князь великий, по достоянию полки разрядив», кончается фразой: «Исполчився, поидоша противу себе».⁴⁰ Слова «поидоша противу себе» обозначают начало битвы. После них должно было бы последовать сообщение о самой битве. Однако в повести списка Дубровского в соответствии с текстом повести НІVЛ, СІЛ и других летописей начало битвы описывается много далее. Поэтому вставной характер этих слов (и всего отрывка в целом) здесь очевиден.

Рассказ о выступлении «потаенного полка» в списке Дубровского вклинивается в текст повести по НІVЛ, СІЛ и другим летописям между фразами, также следующими в них одна за другой: «. . . и размесипаша, кождо бо своего супротивника искаше победити», и «И рече к собе Мамай».⁴¹ В этом отрывке, рассказывающем о выступлении в острый момент битвы «потаенного полка» «благородного и храброго» брата великого князя — Владимира Андреевича, сообщается о том, что великого князя «велми язвиша и с коня збиша». Между тем далее в тексте повести списка Дубровского, в полном соответствии с текстами повести НІVЛ, СІЛ и других летописей, о великом князе говорится, что, хотя «вес доспех» его был «бит на нём, но на телеси его раны не бысть никоеже». В списке Дубровского налицо противоречие, которого безусловно не могло быть в первоначальном тексте. Рассказ о «потаенном полку» — явная вставка в списке Дубровского.

⁴⁰ «И став ту князь великий, по достоянию полки разрядив и воеводы учинив. И быша у него тогда в передовом полку по божественей вере самобратныи князь Ондрей и Дмитрей Олгердовичи, да боярин и воевода Микула Васильевич, да князь Федор Романович Белозерский. А у себя же имяше князь великий Дмитрей в полку некоего боярина своего и воеводу Ивана Родивоновича Квашню, да боярина же своего и воеводу Михаила Брянка, да князя Ивана Васильевича Смоленского. А в правой руке воеводы учини князя Андрея Фодоровича Ростовского, да Федора Грунку, да князя Ондрея Федоровича Стародубского. В левой руке воеводы учини князя Васильевича Ярославского, да Лва Морозова, да князя Федора Михайловича Моложского. В сторожевом полку тогда воеводы учини Михайла Иванова, сына Окинфовича, да князя Семена Костянтиновича Оболенского, да брата его князя Ивана Поружского (Тарусского? — М. С.), да Андрея Серкиза. Иныя же свои полки многи разрядив и воеводы учини. В западном же полку в дубравах утаив благороднаго и храбраго брата своего князя Владимира Андреевича, да с ним некоего мужа мудра и храбра Дмитрия Михайловича Волицца, да князя Романа Михайловича Брянского, да князя Василя Михайловича Кашинского, да князя Романовича Новосильского. Исполчився, поидоша противу себе» (список Дубровского, л. 250—250 об.). По-видимому, в этом отрывке повести списка Дубровского произошла двойная вставка в текст: одна, кончавшаяся словами «. . . да князя Романовича Новосильского», другая, состоявшая из слов «поидоша противу себе».

⁴¹ «И за мал час знамян болших не подсекоша, а самого же великого князя велми язвиша и с коня збиша. При часе же девятом глаголаше Вольный князю Владимиру Андреевичю: „Время ти, господине княже“. И тогда потаенный полк благородный храбрый брат великого князя Владимира Андреевич с своими полки удари на татары. И бысть сеча велика, яко и земли двизатися, а Дон-река кровью протече, а главы, аки камень, вялахуся в дуброве» (список Дубровского, л. 252).

Вставкой в списке Дубровского является и третий его большой эпизод, рассказывающий о поисках великого князя после окончания битвы и находящийся в нем между фразами «...и тамо бежащих безчисленное множество погибоша» и «Тогда же на том побоищи убыен бысть на ступе князь Федор Романович Белозерский» «Летописной повести НІVЛ, СІЛ и других летописей». ⁴² В нем, так же как и в только что рассмотренном нами вставном эпизоде списка Дубровского, сообщается, что «Федор Сабур да Григорей Холопищев наидоша великого князя в дуброве под сеченным древом велми язвена лежаще», что противоречит данным этого же списка (и сведениям НІVЛ и СІЛ), что великий князь ранен не был.

Нелогичный и, по-видимому, вставной характер имеет в списке Дубровского фраза «и вся сила литовская» в отрывке, где говорится о бегстве татар. ⁴³ О бегстве литовских войск во главе с Ягайло в списке Дубровского и соответственно НІVЛ и СІЛ говорится только далее, в другом отрывке повести. Здесь же эта фраза о «литве», бегущей под начальством Мамаея, выпадает из текста. ⁴⁴

Как мы убедились, положение С. Н. Азбелева о первичном характере приведенных эпизодов в списке Дубровского опровергается полностью. Наличие в этом списке следов стыка разных источников и текстовых противоречий свидетельствует о том, что дополнительный по отношению к повести НІVЛ и СІЛ в нем материал — вставки в его текст.

Итак, отдаленность повести списка Дубровского и от рассказа Троицкой летописи, и от «Слова на рождество Христово о пришествии волхвов» — источников «Летописной повести», пропуски, явные вставки и в целом ряде случаев противоречия в его тексте говорят о позднем происхождении этого варианта сравнительно с текстами в НІVЛ и СІЛ.

Рассмотрим все же доводы С. Н. Азбелева, на основании которых он считает, что текст повести списка Дубровского «более первоначальный, чем в Новгородской IV и Софийской I летописях». ⁴⁵

В двух случаях С. Н. Азбелев опирается на мнение А. А. Шахматова. А. А. Шахматов в «Отзыве» на работу С. К. Шамбинаго высказал суждение о том, что два чтения списка Дубровского кажутся ему «более первоначальными», чем чтения НІV и СІЛ. Первое из них, следующее за рас-

⁴² «Тогда же бе и руси избито множество. И тогда же возрадовашеся радостию великою благородный храбрый князь Владимир Андреевич о побежении агарян. И востав, повеле на костех трубити собранными трубами. И не обретоса тогда в собрании сам благородный и великий князь Дмитрией Иванович. И оскорбеса тогда благородный князь Влади Дмитрии мер (*так!*) Андреевич и с ним оставши вои его. И повеле князь Владимир искати великого князя в трупия жива или умрша и глаголя: „Аще есто найдет первоначальника нашему спасению, сей первый будет“. И разидошася полцы по дубравам, и начаша искати великого князя. И некто от благородных храбрых воин, костромичи родом, и быша в полку у воеводы Ивана Родивоновича, — Федор Сабур да Григорей Холопищев, наидоша великого князя в дуброве под сеченным древом велми язвена лежаще. Падше, поведаша ему, яко побежени быша агаряне милостию вседержителя бога и твоим благородным подвигом. И тогда приидоша к нему брат его, князь Владимир Андреевич, и вси вои его падше пред ним. И поведаша ему побежение агарян. И тогда благородный великий князь Дмитрией Иванович встав и доиде брата своего князя Владимира и все воинство свое здраво, а погании побежени. И возрадовася духом зело, глаголя: „Слава тебе, господи вседержителю, боже и творче всяческих, яко сотворил еси нам сие по велице милости твоей и не попусти врагом нашим в конец одолети за наша согрешения, и помилова нас по велицей своей милости“. Тогда целовав брата своего и вся оставши его воеводы и воинство и нача ездити по побоищу. И наеха тогда убитых воевод своих на побоищи» (список Дубровского, л. 253—254).

⁴³ Список Дубровского: «И то слышавше темныя его (Мамаея, — М. С.) вси власти князи, вся сила татарская и вся сила литовская и побегоша» (л. 253).

⁴⁴ О вставках в текст списка Дубровского, находящихся в зависимости от Троицкой летописи и «Слова на рождество Христово о пришествии волхвов», говорилось выше.

⁴⁵ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 169.

сказом о том, что русские войны видели помогающие им небесные полки, возглавляемые святыми и воеводой «небесных сил» архистратигом Михаилом, читается так, в НІВЛ: «Двои воеводы видеша полци, тресолнечный полк, и пламенные их стрелы, яже идуть на них»,⁴⁶ в СІЛ: «Видеша погании полци двои воеводы, тресолнечныя полки и пламенныя их стрелы, яже идуть на них»; в списке Дубровского: «Тако же и погании видеша полки по воздуху парящих и избивающе их немилостивно, двои воеводы, 3 солнечные полки и пламенныя их стрелы, яже идуть на них» (л. 252 об.). «Смысл этой последней фразы, — пишет А. А. Шахматов по поводу списка Дубровского, — гораздо яснее: поганые (вероятно, названные при этом половцами, что переделано в полцы) видели двух небесных воевод и три полка с пламенными стрелами, шедших на них. Между тем в Соф. 1-й и Новгород. 4-й выходит, что двое воевод (московских?) видели это, причем дальнейшее „на них“ не заменено более подходящим „на татар“ или „на поганах“».⁴⁷

С аргументами А. А. Шахматова согласиться трудно. Текст НІВЛ действительно испорчен перестановкой слов, но из СІЛ следует, что «полци» — татарские, а воеводы — небесного воинства. Что же касается списка Дубровского, то именно его чтение представляется неясным, так как в нем оказывается дважды повторен рассказ о видении: первый заключается во фразе «Тако же и погании видеша полки по воздуху парящих и избивающе их немилостивно» (л. 252 об.), а второй — во фразе, совпадающей с чтением НІВЛ (но с пропуском слов «видеша полци»). При этом последняя фраза в списке Дубровского настолько испорчена, что вывести из нее ни текст СІЛ, ни даже текст НІВЛ просто невозможно. Создается впечатление, что текст повести в списке Дубровского, восходящий к НІВЛ, разрезан вставкой «Тако же и погании видеша полки по воздуху парящих и избивающе их немилостивно», взятой из другого источника.⁴⁸ Интересно, что точно такая же фраза («Тако же и погании видеша полки по воздуху парящих и избивающе их немилостивне») читается в «Летописной повести» сводов конца XV—XVI вв. — Ермолинской, Прилуцкой (свод 1497 г.), Уваровской (свод 1518 г.) и Львовской летописях;⁴⁹ причем в этих летописях в отличие от списка Дубровского дублировка отсутствует: слова «по воздуху парящих и избивающе их немилостивне» заменяют здесь образ «пламенных стрел», о которых повесть этих летописей вообще не упоминает.

Следующее чтение, приводимое А. А. Шахматовым, на которое ссылается С. Н. Азбелев, — это «и прочте псалма того» (л. 251 об.), добавленное в списке Дубровского к словам, произнесенным великим князем перед началом битвы: «Братие! Бог нам прибежище и сила». Добавочного чтения списка Дубровского — «и прочте псалма того» — нет ни в одном известном списке «Летописной повести», и считать это, в общем случайное, чтение первоначальным без каких-то ни было доказательств нет основа-

⁴⁶ Так выглядит эта цитата в передаче А. А. Шахматова (Отзыв. . . , с. 111), но в большинстве списков после слова «полци» добавлено «погании».

⁴⁷ Там же, с. 111.

⁴⁸ В НІВЛ рассматриваемая фраза следует после слов «архистратига Михаила» (с. 320); в списке Дубровского после этих же слов следует фраза «Тако же и погании. . . их немилостивно», а далее продолжается прерванный текст НІВЛ.

⁴⁹ В Ермолинской: «Тако же и погании видеша полки по воздуху парящих, избивающих немилостивне» (ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 126; далее: Ермолинская); в Прилуцкой: «Тако же и погании видеша полки по воздуху парящих и избивающе их немилостивне» (ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, с. 82; далее: Прилуцкая); в Уваровской: «Тако же и погании видеша полки по воздуху парящих и избивающих немилостивне» (ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, с. 245; далее: Уваровская); в Львовской: «Тогда же погании видеша полки по воздуху парящих и избивающих немилостивна» (ПСРЛ, т. XX, 1-я половина. СПб., 1910, с. 201; далее: Львовская).

ний. Заметим, что А. А. Шахматов высказывался о нем весьма осторожно: «...быть может, и это чтение более первоначально».⁵⁰

Сам С. Н. Азбелев выдвигает следующие аргументы в пользу первоначальности текста повести в списке Дубровского. Он считает, что в конечной части «Летописной повести», в отрывке, где идет речь о поведении Олега Рязанского после битвы, текст НІVЛ и СІЛ «несомненно испорченный».⁵¹ Приводим его по НІVЛ, СІЛ и списку Дубровского. В НІVЛ и СІЛ: «И се внезапно приехаше к нему бояри рязаньский и поведаша, что князь Олег поверг свою землю (свою отчину, землю Рязанскую — СІЛ), да (а — СІЛ) сам побежал и с княгинею, и с детми, и з бояри (с бояры — СІЛ), и молиша его много о семь, дабы на них рати не слал (посылал — СІЛ)»; в списке Дубровского: «И се внезапно приехаша к нему бояре рязансти и поведаша, что князь Олег поверг свою отчину, землю рязанскую, да сам побегл и со княгинею и з детми. И бояря рязанстии молиша великого князя о сем, дабы на них рати не посылал» (л. 256). Испорченность текста НІVЛ и СІЛ по сравнению со списком Дубровского С. Н. Азбелев видит в том, что рязанские бояре сами же и сообщают великому князю, что Олег Рязанский бежал «с бояры». Кроме того, пишет С. Н. Азбелев, бояре «просят Дмитрия, чтобы тот „на них (т. е. на убежавших, — С. А.) рати не послал“ (из дальнейшего видно, что речь должна была идти о возможной посылке рати на самих просителей)». Произошла «ошибка писца, — пишет далее С. Н. Азбелев, — в одной букве („...и з детми. И бояры...“⁵² → „...и з детми, и з бояры...“), что «неизбежно» вызвало «переемсленные содержания» и «дальнейшее изменение текста».⁵³

Недоумения, возникшие при объяснении этого отрывка об Олеге Рязанском «Летописной повести», получают разъяснение, если мы будем считать, что рассказ этот основан на кратком рассказе 1380 г. Троицкой летописи, который читается в ней так: «И се внезапно в то время приехаша к нему князи рязанстии и поведаша ему, что князь Олег поверг свою землю, да сам побежал и с княгинею, и з детми, и с бояры, и с думцами своими, и молиша его о сем, дабы на них рати не слал».⁵⁴ Как видим, с этим отрывком Троицкой летописи сходствует в чтениях не повесть списка Дубровского, а повесть НІVЛ и СІЛ, разнясь с ним, впрочем, как и повесть списка Дубровского, лишь в одном слове — «князи». Список Дубровского следует в этом отрывке уже за НІVЛ и СІЛ: в нем, так же как и в повести этих летописей, чтение «князи» перешло уже в «бояре». Чтение же «...и з детми. И бояря» в нем — вторично.

Несуразностей, о которых говорит С. Н. Азбелев, в тексте повести по НІVЛ и СІЛ нет никаких, текст был просто неправильно прочтен им. Рязанские бояре, сообщив Дмитрию, что их князь вместе с княгинею, детьми и частью бояр ушел из княжества, просят, чтоб великий князь на них, оставшихся бояр, за этот проступок их князя рати бы не посылал. Нет никакого противоречия в том, что бояре говорят о бегстве бояр же. Одни бояре могли бежать, другие — остаться в Рязанском княжестве. Заметим к слову, что тема «верных бояр» для свода 1448 г., к которому восходят НІVЛ и СІЛ, вообще типична.⁵⁵

⁵⁰ А. А. Шахматов. Отзыв... с. 111.

⁵¹ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве... с. 169.

⁵² Заметим, что в списке Дубровского читается: «...и з детми. И бояря...» (л. 256).

⁵³ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве... с. 169—170.

⁵⁴ М. Д. Приселков. Троицкая летопись, с. 420.

⁵⁵ Так, под 1246 г. в НІVЛ и СІЛ рассказывается о боярине Творимире, мудрых советов которого послушались Юрий и Ярослав Всеволодовичи и потерпели поражение в Липецкой битве; под 1447 г. упоминаются верный слуга Василия II — Федор Басе-

Таким образом, доводы С. Н. Азбелева в пользу первоначальности текста списка Дубровского в эпизоде повести об Олеге Рязанском не убедительны.

Кроме рассказа 1380 г. Троицкой летописи, «Слова на рождество Христово о пришествии волхвов», источниками «Летописной повести» о Куликовской битве считаются Повесть (или Житие) об Александре Невском, паремийное чтение о Борисе и Глебе, Библия.⁵⁶ По мнению С. Н. Азбелева, в пользу первоначальности повести списка Дубровского говорят следующие факты: 1) «... в пассажах, которые составляют особенность НЛДубр», так же как и в остальном тексте повести по списку Дубровского, прослеживается связь с Библией; 2) список Дубровского на всем своем протяжении (в том числе и в отрывках, которые составляют его особенность) текстологически тесно связан с той разновидностью Жития Александра Невского, которая представлена в рукописи из собрания Н. П. Лихачева; 3) фраза «Летописной повести» — «утер поту своего», перекликающаяся с паремийным чтением о Борисе и Глебе, в повести списка Дубровского передана именно в том словесном выражении, в каком она находится в этом источнике «Летописной повести».⁵⁷ «Если, — пишет С. Н. Азбелев, — считать, что текст в НЛДубр есть результат внесения дополнений в извод повести, который сохранили Новгородская IV, Софийская I и другие летописи, то придется... признавать вторичное привлечение (этих, — М. С.) трех литературных источников»,⁵⁸ — что кажется С. Н. Азбелеву неестественным.

Вторичное обращение к источнику своего источника для древнерусских памятников вообще не является «неестественным»,⁵⁹ но суть дела в том, что этой, указанной С. Н. Азбелевым, связи списка Дубровского с названными памятниками не существует. Обратимся к фактам.

С. Н. Азбелев считает, что в отрывке списка Дубровского «Мамай же слышав приход великого князя Дмитрия Ивановича и изсеченныя своя видев, и возярися зраком и смутися сердцем и умом и распалися лютою яростию, аки аспида некая гневом дышущи» (л. 249), «отразилось выражение, дважды встречающееся в Евангелии Иоанна — XIV, 1 27».⁶⁰ «Да не смущается сердце ваше, веруйте и в мя веруйте» (1); «Да не смущается сердце ваше, ни устрашает» (27).

Но С. Н. Азбелев забывает о том, что слова этого отрывка списка Дубровского (выделенные разрядкой), за исключением «сердцем и», — буквальное заимствование «Летописной повестью» НЛД и СЛ тех же самых

нок и другие его верные бояре — Семен Филимонов, Иван Ощера, Михаил Плещеев.) Тема «любимых бояр» поднимается особо в одном из произведений этого свода — «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского».

⁵⁶ Об этом писали еще С. М. Соловьев, С. К. Шамбинаго, А. А. Шахматов (см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» О Куликовской битве... с. 364).

⁵⁷ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве... с. 170—171.

⁵⁸ Там же, с. 171.

⁵⁹ Вторичное обращение к источнику для древнерусского книжника было простым рабочим приемом. Так, например, «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского», находившееся под влиянием «Летописной повести» о Куликовской битве и использовавшее с ней одни и те же источники, не просто повторяет цитаты из этих источников, содержащихся в «Летописной повести», а самостоятельно обращается к ним (см.: М. А. Салмина. «Слово о житии...», с. 95—97). Вторично обращались к Еллинскому летописцу — источнику редакции Хронографа 1512 г. новые редакции этого памятника: Западнорусская редакция и Пространная редакция Хронографа (см.: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. М.—Л., 1975, с. 44). Также вторично обращался к Еллинскому летописцу составитель Хронографа 1617 г., основанного на редакции 1512 г.

⁶⁰ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве... с. 170.

слов из «Слова на рождество Христово о пришествии волхвов»;⁶¹ в том числе заимствовано из этого источника и слово «смутися». Слово «сердце», как уже говорилось выше,⁶² было добавлено в отрывок самим писцом списка Дубровского. Таким образом, ни о каком влиянии Евангелия в данном случае не может идти и речи, не говоря уже о том, что по повести списка Дубровского «смутися сердцем и умом» Мамай, а в Евангелии «смущается» сердце.

Далее, С. Н. Азбелев считает, что в эпизоде списка Дубровского, рассказывающем о поисках великого князя на поле битвы (как мы убедились — вставном), «использовано Евангелие Луки — XIII, 30 (сходно с Ев. Матфея — XIX, 30) и X, 21; использован также псалом LI, 3».⁶³ Однако приведенное С. Н. Азбелевым сравнение непонятно, так как никакой аналогии в этом отрывке с указанными местами Евангелия нет. В Евангелии от Луки XIII, 30 читаем: «И се суть последнии, иже будут перви и суть первии, иже будут последнии»; в Евангелии от Матфея XIX, 30: «Мнози же будут перви последнии и последнии первии». Даже если предположить, что С. Н. Азбелев обнаружил сходство с Евангелием во фразе, произносимой князем Владимиром Андреевичем: «. . . аще есто найдет первоначальника нашему спасению, сей первый будет», т. е. кто найдет великого князя, тот будет первый, — то смысл и конструкция ее настолько далеки от евангельского выражения, что эта параллель совершенно неприемлема.

Что касается зависимости указанного фрагмента повести от чтения Евангелия от Луки X, 21, то с евангельским текстом на протяжении всего пространного текста фрагмента могут быть сближены только два слова (они выделены разрядкой): «. . . и тогда благородный великий князь Дмитрий Иванович встав и доиде брата своего князя Владимера и все воинство свое здраво, а погании побезении и в о з р а д о в а с я д у х о м зело, соглаоря: „Слава тебе господи вседержителю боже и творче всяческих, яко створил еси нам сие по велице милости твоей, и не попусти врагом нашим в конец одолети за наша согрешения, и помилова нас по велицей своей милости“» (л. 253 об. — 254).⁶⁴ Но, во-первых, в целом окружающий контекст в Евангелии и повести настолько различен, что сближать оба памятника на основании одного словосочетания едва ли допустимо. Во-вторых, любопытно, что выражение «возрадовася духом» встречается и в других памятниках, например в Никоновской летописи в статье 1399 г., при этом опять-таки окружающий текст никак не соотносится с текстом Евангелия.⁶⁵ Следовательно, говорить о связи повести списка Дубровского именно с евангельским текстом нет оснований.

Аналогии же упоминаемому С. Н. Азбелевым чтению из Псалтыри (Псалом LI, 3: «. . . что хвалишися во злобе сильне беззаконие весь день») в списке Дубровского нам вообще не удалось обнаружить.

Далее, С. Н. Азбелев утверждает, что повесть списка Дубровского имела своим образцом Житие Александра Невского в той версии, которая находится в сборнике из собрания Н. П. Лихачева (далее: Житие Лих).⁶⁶

⁶¹ См.: В. П. Андрианова-Перетц. Слово о житии. . . , с. 87.

⁶² См. с. 9.

⁶³ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 170.

⁶⁴ Ср. Евангелие от Луки X, 21: «В тои час возрадовася духом Исус и рече: Исповедаю ти ся, отче, господи небесе и земли, яко утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем: еи, отче, яко тако бысть благоволение пред тобою».

⁶⁵ «И якоже срет честне святую икону и, видев ю, возрадовася духом и веселием сердца и со слезами и радостью поклонение сътвори» (ПСРЛ, т. XI. М., 1965, с. 179).

⁶⁶ Житие Александра Невского по списку Н. П. Лихачева издано, см.: В. М. Ансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. — ПДПИ т. CLXXX. СПб., 1913, с. 125—137 (далее ссылки на страницы этой работы).

Напомним, что С. К. Шамбинаго считал источником «Летописной повести» Повесть об Александре, находящуюся в СИЛ и Воскресенской летописях.⁶⁷ Хотя нам представляется, что источником ее был вариант, близкий к сохранившемуся в Новгородской I летописи младшего извода.⁶⁸

Если в Житии Лих предположить источник первоначального текста «Летописной повести», то это вошло бы в противоречие с историей сложения «Летописной повести», так как Житие Лих, согласно последнему исследованию о нем, датируется временем не ранее конца XV в.⁶⁹ Связь Жития Лих со списком Дубровского засвидетельствовала бы лишь позднее происхождение повести в этом списке. Но посмотрим, существует ли связь между Житием Лих и повестью списка Дубровского вообще.

С. Н. Азбелев в доказательство выдвинутого им положения приводит 6 текстологических параллелей из повести списка Дубровского и Жития Лих.⁷⁰

Две параллели отпадают сразу, так как к Житию Александра Невского они вообще не имеют отношения. Слова «князи»⁷¹ и «с победою великою» (л. 256), находящиеся также и в тексте НИУЛ и СИЛ, входят в состав тех эпизодов повести, которые созданы под влиянием краткого рассказа «о побоище иже на Дону» Троицкой летописи.

Отпадает в сущности и третья приводимая С. Н. Азбелевым параллель — наличие в обоих памятниках слов «и рече», которые предваряют молитву, приносимую князем Дмитрием Донским в «Летописной повести» и Александром Невским в Житии, когда они узнают о надвигающемся нашествии врагов (в НИУЛ и СИЛ: «и глаголя»).⁷² Эта параллель настолько ничтожна, что могла бы иметь какое-то значение лишь в массе сходствующих в обоих памятниках чтений, но таковые отсутствуют.

Следующая параллель, приводимая С. Н. Азбелевым, — выражение «яко бысть в 6 час дни» во фразе списка Дубровского «яко бысть в 6 час дни нача появливатися погании измалтяне окоянный татарове в поле чисте и велице зело» (л. 251) и «в 6-и час дни» во фразе Жития Лих «Оттоле потчаща наехати на них в 6-й час дни».⁷³ Но гораздо более близкая параллель к чтению списка Дубровского и в том же самом контексте обнаруживается в сводах конца XV—XVI вв. — в Ермолинской, Прилуцкой, Уваровской и Львовской летописях в тексте находящейся в них «Летописной повести». Здесь читается: «И яко бысть в 6 час дни начаша появливатися окаянии татары в поле чисте».⁷⁴ Этот факт заслуживает тем большего

⁶⁷ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, с. 60—64.

⁶⁸ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 365—368.

⁶⁹ Ю. К. Бегунов. Житие Александра Невского в сборнике из собрания Н. П. Лихачева. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 70.

⁷⁰ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 170—171.

⁷¹ С. Н. Азбелев полагает, что слово «князи» («. . . и со всеми прочими князи ординскими») в списке Дубровского (л. 245) появилось под влиянием выражения «с князьми» («И собра силу велику, съвещася с князьми и с епискушы своими») Жития Лих (с. 127).

⁷² В списке Дубровского: «Се же слышав князь великий Дмитрий Иванович и иде к соборней церкви матери божия Богородици и пролия слезы и рече» (л. 246); в Житии Лих: «Александр же, слышав то, словеса их, разгореся сердцем и ввиде в церковь святыя София, пад на колену пред олтарем, нача молитися со слезами святой Софьи, поминая исправленыя родители своих, и рече» (с. 128).

⁷³ В НИУЛ: «И бысть в шестую годину дни, начаша появливатися погании измаилтяне в поле, бе бо поле чисто и велико зело» (с. 318); в СИЛ: «И бысть в шестую годину дни, начаша появливатися окаянии измаилтяне в поле чисте» (с. 94).

⁷⁴ Так в Ермолинской (с. 125), Прилуцкой (с. 82), Уваровской (с. 245) летописях. Во Львовской: «. . . яко бысть во третий час дни, и начаша появливатися окаянии татарове в поле чисте» (с. 201).

внимания, что уже одну параллель в списке Дубровского и повести названных летописей мы уже приводили (см. с. 13).

Как утверждает С. А. Азбелев, Житие Лих повлияло и на тот отрывок списка Дубровского, в котором речь идет о выступлении «потаенного полка». ⁷⁵ «Весь оборот НЛДубр „яко и земли двизатися“, — пишет он, — несомненно навеян здесь житием». ⁷⁶ Но этот оборот вставного эпизода списка Дубровского гораздо теснее связан с тем, который находился в повести о Куликовской битве опять-таки Ермолинской, Прилуцкой, Уваровской и Львовской летописей. Он читается здесь точно так же: «. . . яко и земли двизатися». ⁷⁷ Этот оборот повести в Ермолинской летописи и связанных с ней летописей возник из читающегося еще в НІУЛ и СІЛ выражения: «. . . яко основанию земному подвизатися», ⁷⁸ очевидно, при сложении Ермолинской летописи, когда сокращались и летописный свод, являвшийся ее источником, и «Летописная повесть», находящаяся в нем: ⁷⁹ оба приведенных выражения читаются в названных летописях в одном и том же месте повести, где рассказывается о переходе Дона, в обоих случаях они — образ несметного количества движущегося войска.

Таким образом, налицо третий случай совпадения в чтениях повести списка Дубровского с «Летописной повестью» Ермолинской и связанных с ней летописей.

Но сличение повести списка Дубровского и этих летописей на всем протяжении их текста обнаруживает еще целый ряд совпадений. Так, только в этих памятниках читаем: «Мамай ста за Доном со всеми силами» ⁸⁰ (л. 247), князь великий «помолися во церкви» (л. 247 об.), ⁸¹ Дмитрий получает вести «про поганых» (л. 248), ⁸² «приде» грамота (л. 248 об.), ⁸³ начали появляться «погании измалтяне окоянные татарове

⁷⁵ Список Дубровского: «И тогда потаенный полк благородный храбрый брат великого князя Владимира Андреевич с своими полки, удари на татары. И бысть сеча велика, яко и земли двизатися, а Дон-река кровью потече, а главы, аки камение, валяхуся в дуброве» (л. 252). Житие Лих: «И бысть ту сеча зла и велика немцем и чюди, трук от коший ломления, звук от мечнаго сечения, яко же и морю померзшу двигнутися, и не бе видети леду, покрыло все кровию» (с. 132).

⁷⁶ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 171.

⁷⁷ Так в Ермолинской (с. 125), Прилуцкой (с. 82), Львовской (с. 201) летописях; в Уваровской: «. . . яко земли двизатися» (с. 245).

⁷⁸ Выражение «яко основанию земному подвизатися» читается и в списке Дубровского (л. 250) в том же самом месте, что и в повести НІУЛ и СІЛ — при описании перехода войск через Дон.

⁷⁹ См.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 348—349, прим. 23.

⁸⁰ Примеры в тексте приводятся по списку Дубровского. В Ермолинской (с. 125), Прилуцкой (с. 81), Уваровской (с. 244), Львовской (с. 201): «Мамай ста в поле близ Дону со всеми силами»; в НІУЛ (с. 314): «В то же время Мамай ста за Доном»; в СІЛ (с. 91): «Мамай же ста за Доном»; в Никаноровской: «Мамай ста за Доном» (ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, с. 72; далее: Никаноровской); в своде 1479 г.: «А Мамай ста за Доном» (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 202; далее: свод 1479 г.); в сводах 1493 и 1495 гг. нет (ПСРЛ, т. XXVII, с. 252, 332; далее: свод 1493 г., свод 1495 г.).

⁸¹ В Ермолинской (с. 125): «помолися церкви»; в Прилуцкой (с. 81), Уваровской (с. 244): «помолися в церкви»; в Львовской (с. 201): «помолился во церкви»; в НІУЛ, СІЛ, Никаноровской, сводах 1479, 1493, 1495 гг. — нет.

⁸² В Ермолинской (с. 125), Прилуцкой (с. 82), Уваровской (с. 244), Львовской (с. 201): «про поганых (поганые *Львовская*)»; в НІУЛ (с. 315): «от поганых»; в СІЛ (с. 92): «о поганых»; в Никаноровской (с. 73): «от поганых»; в своде 1479 г. (с. 202): «о поганых»; в своде 1493 г. (с. 252) и своде 1495 г. (с. 331) — нет.

⁸³ Так и в своде 1479 г. (с. 202): «приде» грамота; в Ермолинской (с. 125), Прилуцкой (с. 82), Уваровской (с. 244): «приде» грамота; в Львовской (с. 201): «приде» грамота; в НІУЛ (с. 316), СІЛ (с. 93), Никаноровской (с. 73): «приспела» грамота; в своде 1493 г. (с. 252), в своде 1495 г. (с. 332): «приспе» грамота.

в поле чисте» (л. 251),⁸⁴ «на род христианский» (л. 252 об.),⁸⁵ «тогда же бе и руси избито множество» (л. 253).⁸⁶ В повести только этих летописей содер­жится слово «исполчився» (ополчился *Житие Лих*),⁸⁷ отделенное в спи­ске Дубровского от слов «на усть Непрядвы-реки» описанием расположе­ния полков, в летописях же следующее непосредственно за этими словами (см. с. 11). Повесть только этих летописей содержит и фразу списка Дуб­ровского: «. . . утер поту своего с дружиною своею», особая близость ко­торой в списке Дубровского к паремийному чтению о Борисе и Глебе позволила С. Н. Азбелеву говорить о первоначальности текста повести списка Дубровского по отношению к повести НІV и СІЛ.⁸⁸

Мы убедились, таким образом, что повесть списка Дубровского тек­стологически никак не зависит от Жития Лих. Не испытывала она также ни особого воздействия паремийного чтения о Борисе и Глебе, о котором говорит С. Н. Азбелев, ни влияния в дополнительных эпизодах Библии. Поэтому основанные на этом построения С. Н. Азбелева в пользу перво­начальности повести списка Дубровского отпадают. Связь повести списка Дубровского с Библией и паремийным чтением о Борисе и Глебе ограни­чивается теми же самыми чертами, какие существуют и для повести НІVЛ и СІЛ. Выяснилось также, что нельзя считать повесть списка Дубровского первоначальной и на основании отдельных ее чтений. Анализ приводимых С. Н. Азбелевым примеров в пользу первичности текста повести списка Дубровского не подтверждает его выводов.

Напротив, как показывает текстологическое исследование повести списка Дубровского, и противоречия в ее тексте, и вставной характер ее эпизодов, и наличие уже нарушенной текстовой связи с основными источниками «Летописной повести» — кратким рассказом Троицкой летописи, «Словом на рождество Христово о пришествии волхвов», — всё говорит за то, что по сравнению с повестью НІVЛ и СІЛ ее текст поздний. При этом обнаруживается, что все характерные для повести списка Дуб­ровского текстовые отличия являются индивидуальной ее особенностью. Обращение к «Летописной повести» о Куликовской битве, так называемой Новгородской Уваровской летописи,⁸⁹ восходящей, по определению С. Н. Азбелева, вместе с НЛДубр к единому источнику — своду 1500—1505 гг., показало, что никаких особенностей списка Дубровского в по­вести Новгородской Уваровской летописи нет. Не было их, очевидно,

⁸⁴ В Ермолинской (с. 125), Прилуцкой (с. 82), Уваровской (с. 245), Львовской (с. 201): «. . . окаянии татарове (татары *Уваровская*) в поле чисте»; в НІVЛ (с. 318): «. . . поганин измалтыне в поле, бе бо поле чисто и велико зело»; в СІЛ (с. 94), Никаноровской (с. 74), своде 1479 г. (с. 203): «. . . окаянии измаилтыне в поле чисте»; в своде 1493 г. (с. 253) и в своде 1495 г. (с. 332) — нет.

⁸⁵ В Ермолинской (с. 126), Прилуцкой (с. 82), Уваровской (с. 245), Львовской (с. 201): «на род хрестьянский»; в НІVЛ (с. 320), СІЛ (с. 95), Никаноровской (с. 74): «и на вся крестьяны»; в своде 1479 г. (с. 204): «на полки хрестьянская»; в своде 1493 г. (с. 253) и в своде 1495 г. (с. 332) — нет.

⁸⁶ В Ермолинской (с. 126): «. . . тогда же Руси множество бе избито»; в Прилуцкой (с. 182), Уваровской (с. 245): «. . . тогда же и Руси (Русь *Прилуцкая*) избито бе мно­жество»; в Львовской (с. 201): «. . . тогда же и Руси бо избито много множество»; в НІVЛ, СІЛ, Никаноровской, сводах 1479, 1493, 1495 г. г. — нет.

⁸⁷ С. Н. А з б е л е в. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 171.

⁸⁸ В Ермолинской (с. 126), Львовской (с. 202): «. . . утер поту с дружиною своею»; в Прилуцкой (с. 82), Уваровской (с. 245): «. . . утер поту со дружиною своею»; в НІVЛ (с. 323), СІЛ (с. 96): «. . . утер поту своего»; в Никаноровской (с. 75): «. . . утер поту своего»; в своде 1479 г.: «. . . утер поту своего» (с. 205); в сводах 1493 и 1495 гг. (с. 253, 332) — нет. В паремийном чтении о Борисе и Глебе: «. . . утер пота с дружиною своего» (см.: Д. И. А б р а м о в и ч. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. — В кн.: Памятники древнерусской литературы, вып. 2. Пг., 1916, с. 124).

⁸⁹ С. Н. А з б е л е в. 1) Две редакции Новгородской летописи Дубровского, с. 222; 2) Новгородские летописи XVII века, с. 11—32.

и в повести первой редакции НЛДубр. Они появились, по-видимому, только в самом списке Дубровского (т. е. во второй редакции НЛДубр), когда первая редакция НЛДубр, как считает С. Н. Азбелев, была заменена в части до 1448 г. НІВЛ. Именно тогда, по мнению того же автора, в текст НЛДубр был внесен ряд дополнительных фрагментов, большинство из которых дополняли текст НІВЛ.⁹⁰ Тогда же, по-видимому, был пополнен в списке Дубровского новыми материалами и текст сложной здесь по НІВЛ «Летописной повести». Произошла не сверка какого-то особого извода повести, влившегося в список Дубровского извне, по НІВЛ, как пишет С. Н. Азбелев, а правка текста повести НІВЛ по дополнительным источникам.

С. Н. Азбелев придает особое значение упоминанию в «Летописной повести» списка Дубровского имени Ивана Родионовича Квашни. Он считает Ивана Квашню героем Куликовской битвы и полагает, как уже говорилось, что упоминание его имени в повести списка Дубровского явилось одной из причин включения ее в новгородский свод (т. е. НЛДубр), связанный с интересами рода Квашниных.⁹¹

Тем не менее считать Ивана Родионовича Квашню героем Куликовской битвы, как хочет того С. Н. Азбелев, у нас нет оснований. Неизвестно даже, участвовал ли Иван Квашня в Куликовской битве вообще. Единственное свидетельство о нем в летописях XV в. — Троицкой, Симеоновской — это сообщение о его смерти.⁹² Имя его упомянуто еще в числе послухов в Духовных Дмитрия Донского.⁹³

Свои заключения об Иване Квашне как герое Куликовской битвы С. Н. Азбелев делает, основываясь исключительно на повести самого же списка Дубровского, древность которого он пытается доказать, но где, как мы убедились, отрывки с именем Ивана Родионовича Квашни являются вставными.

Что касается новгородского владычного свода, т. е. списка Дубровского, в котором находится повесть, то, как показал А. Н. Насонов, он действительно отражает интересы боярского рода Квашниных в XVI в. Текст из НІВЛ в нем, пишет А. Н. Насонов, «дополнен новым материалом; в дополнениях можно проследить ряд известий, сделанных с определенной целью: возвеличения боярского рода Квашниных».⁹⁴ К дополнительным материалам списка Дубровского А. Н. Насонов относит и оба известия «Летописной повести» о боярине Иване Родионовиче Квашнине.⁹⁵

Учитывая, с одной стороны, отсутствие в повести Новгородской Уваровской летописи особенностей текста повести списка Дубровского, с другой — отмечая в повести списка Дубровского наличие тенденции, присущей заключающему ее в себе новгородскому своду, — прославления рода Квашниных, приходим к выводу, что «Летописная повесть» списка Дубровского и составлялась специально для этого свода и создана, таким образом, как и самый свод, лишь в 40-х годах XVI в.

⁹⁰ С. Н. Азбелев. 1) Повесть о Куликовской битве. . . , с. 169; 2) Две редакции Новгородской летописи Дубровского, с. 224.

⁹¹ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 169.

⁹² М. Д. Приселков. Троицкая летопись, с. 436: в 1390 г. (6898) «в великое говение преставися раб божий Иван Родионовичъ, нареченный в мнишьском чину Игнагий, и положен бысть у святого Спаса в монастыри, иже на Вьсходне».

⁹³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, с. 25, 37. Имя воеводы Ивана Квашни упоминается еще в «Сказании о Мамаевом побоище». Но так как «Сказание» — всего лишь литературный памятник о Куликовской битве, документальным свидетельством участия Ивана Квашни в этой битве оно считаться не может.

⁹⁴ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, с. 354.

⁹⁵ Там же, с. 355.

Как представляется, повесть списка Дубровского слагалась следующим образом. Положив в основу текст повести НІVЛ, составитель «Летописной повести» списка Дубровского поновлял его и дополнял новыми материалами. Он обращался к какому-то источнику, очень близкому к «Сказанию о Мамаевом побоище», а возможно, что и к нему самому,⁹⁶ и использовал какой-то материал для описания участвовавших в битве полков;⁹⁷ он сверял повесть НІVЛ с другими ее версиями, находящимися в других летописных сводах — в СІ и, как выяснилось, с вариантом ее, находящимся в одном из сводов конца XV—XVI вв. (Ермолинской и связанных с ней летописей), общность в чтении с которым прослеживается на всем протяжении повести.⁹⁸ «Летописная повесть» Ермолинской,

⁹⁶ Многие вставки списка Дубровского перекликаются с текстом «Сказания о Мамаевом побоище». В «Сказании» также рассказывается об «уряжении» полков перед переходом через Оку, с перечислением имен воевод (за исключением некоторых, имена эти разнятся с перечисляемыми в списке Дубровского), о попытке Владимира Андреевича выступить со своим полком, о предостережении Вольтца, о выступлении спрятанного в дубраве полка князя Владимира Андреевича, о поисках великого князя на поле битвы. При этом список Дубровского перекликается со «Сказанием» буквально даже в отдельных выражениях. Так, фраза списка Дубровского в рассказе о «потаенном полку»: «. . . самого же великого князя велми язвипа и с коня збиша» — соответствует фразе Основной редакции «Сказания»: «. . . самого же великого князя узвипа велми и с коня его збиша» (см.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 69; далее: Повести). Имеется перекличка и в словах (только в этих произведениях упоминаемого) Дмитрия Вольтца: «Время ти, господине княже» (список Дубровского, л. 252) — «Княже Владимир, наше время приспе» (Основная редакция «Сказания», Повести, с. 74). Отдельными выражениями совпадает со «Сказанием» и рассказ о поисках раненого князя списка Дубровского: Владимир Андреевич «повеле. . . трубити собранными трубами» (список Дубровского, л. 253 об.) — «повеле трубити в собранные трубы» (Основная редакция «Сказания», Повести, с. 72); «И не обретося. . . великий князь Дмитрей Иванович» (список Дубровского, л. 253 об.) — «. . . и не обрете великого князя» (Основная редакция «Сказания», Повести, с. 72); «. . . сей первый будет» (список Дубровского, л. 253 об.) — «. . . тый. . . првый будет» (Основная редакция «Сказания», Повести, с. 72). Почти сходно передается в обоих произведениях эпизод, где рассказывается, как был обнаружен на поле боя великий князь: «И некто от благородных храбрых воин, костромичи родом, а быша в полку у воеводы Ивана Родивоновича, — Феодор Сабур да Григорей Холопичев, наидоша великого князя в дуброве под сеченым древом велми язвена лежаще» (список Дубровского, л. 253 об.) — «. . . два же етера въина уклонишася на десную страну в дуброву, един имянем Федор Сабур, а другой Григорей Холопичев, оба родом костромичи, . . . наехаша великого князя бита и язвена велми и трудна отдыхающа ему под сению сечена древа» (Основная редакция «Сказания», Повести, с. 73); сходствуют в обоих памятниках выражения «. . . и нача ездити по побоищу» (список Дубровского, л. 254) — «. . . и нача. . . ездити по боищу» (Основная редакция «Сказания», Повести, с. 73); перекликаются со «Сказанием о Мамаевом побоище» (фразы списка Дубровского, вклинивающиеся в текст НІVЛ и СІЛ: «. . . восхоте наперед подвизатися» (л. 251) и «. . . но воеводы удержаша его, не даша ему наперед своим полком битися» (л. 251 об.) — «. . . и въсхоте прежде всех сам битися» (Основная редакция «Сказания», Повести, с. 67), «. . . мнози же русские богатыри удръжавше его. . . глаголюще: „Не подобает тебе, великому князю, наперед самому в плъку битися“» (Основная редакция «Сказания», Повести, с. 67).

⁹⁷ Вопрос о времени сложения вставного известия об уряжении полков в НЛДубр еще остается открытым. Нет, однако, оснований считать его «древним». Это известие могло быть сложено задним числом специально для повести НЛДубр. Характерно, что упоминаемое в нем имя Ивана Квашни во всяком случае (и это можно говорить с большой определенностью) является вставным (см. выше, с. 20). Подходить к этому известию как к «документу», восходящему чуть ли не к XIV в., в высшей степени рискованно.

⁹⁸ По-видимому, составитель «Летописной повести» списка Дубровского использовал также «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», в котором тоже читается рассказ о Куликовской битве: выражение вставного эпизода повести списка Дубровского «Дон-река кровью потече, а главы, аки камение, валяхуся в дуброве» вторит тексту «Слова о житии»: «Дон-река потече кровью смесившеся, и главы татарскы, аки камение, валяшеся, и трупья поганых, аки дубрава, посечена» (см.: М. А. С а л м и н а. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 351).

Прилуцкой и Уваровской летописей старше повести списка Дубровского,⁹⁹ и потому вопрос о их взаимовлиянии решается однозначно — влиять могла только повесть названных летописей. С этим согласуются и наблюдения, сделанные над чтениями, общими для повести этих летописей и повести списка Дубровского: фраза, одинаково читающаяся в обеих версиях повести: «Тако же и погани. . . избивающе их немилостивно» (см. с. 13), — в списке Дубровского вторична.

Остановимся еще на одном, и последнем, положении статьи С. Н. Азбелева, которое затрагивает проблему датировки «Летописной повести». С. Н. Азбелев поднимает вопрос об упоминаемом в «Летописной повести» в «списке убитых» князе Федоре Тарусском, имя которого играет важную роль при определении датировки повести (хотя это и не является единственным ее основанием). Напомним, что дало текстологическое исследование «списка убитых» «Летописной повести»¹⁰⁰ и как объясняется появление в ней имени князя Федора Тарусского.

«Список убитых» в Куликовской битве включал в себя еще краткий рассказ 1380 г. Троицкой летописи, в основном совпадавший со «списком убитых» пергаменного Синодика XV в.¹⁰¹ При сложении «Летописной повести» «список убитых» Троицкой летописи целиком вошел в нее, но при этом составителем повести был использован дополнительный материал.¹⁰² В «список убитых» были включены имена Федора Тарусского, его брата Мстислава, князя Дмитрия Монастырева, Ивана Александровича, Дмитрия Минича. Как оказалось, три имени к Куликовской битве отношения не имели. Дмитрий Минич, Дмитрий Монастырев, Федор Тарусский также были убиты в борьбе с татарами, но не на Куликовом поле, а, согласно летописным данным, первый в 1368-м, второй — в 1378 г. Федор Тарусский, как сообщают об этом летописи, начиная с великокняжеского свода 1471 г., погиб в бою с татарами под Белевым в 1437 г.¹⁰³

Следует отметить, что имя Федора Тарусского вместе с дополнительными именами князей упоминается в повести во всех летописных сводах, начиная с НІVЛ и СІЛ, в том числе и в списке Дубровского, и не является случайным. Имя Федора Тарусского, в Куликовской битве не участвовавшего, попало в «Летописную повесть», видимо, при ее сложении, в конце 40-х годов XV в., одновременно с именами других лиц, также не имевших к Куликовской битве ни малейшего отношения: допустить существование авторского пространного вида повести без дополнительных по отношению к рассказу Троицкой летописи имен убитых у нас нет ос-

⁹⁹ Протограф Ермолинской и сходных с ней летописей создан в 80-х годах XV в. (см.: Я. С. Лурье. Летописание XV в. и Кирилло-Белозерский монастырь. — В кн.: Летописи и хроники. Сборник статей. 1973 г. Посвящен памяти А. Н. Насонова. М., 1974, с. 202—211).

¹⁰⁰ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 370—372.

¹⁰¹ Там же, с. 370. В Троицкой летописи читаем: «И ту убьени быша в суйме: князь Феодор Романовичь Белозерский, сын его князь Иван Федоровичь, Семен Михайловичь, Микула Васильевичь, Михайло Ивановичь, Акинфовичь, Андрей Серкизов, Тимофей Волуй, Михайло Бренков, Лев Морозов, Семен Мелик, Александр Пересвет и инии мнози» (М. Д. П р и с е л к о в. Троицкая летопись, с. 420).

¹⁰² В НІVЛ читаем: «Тогда же на том побоици убьени быша на съступе: князь Феодор Романовичь Белозерский, сын его Иван, князь Феодор Торусский и брат его Мстислав, князь Дмитрий Монастырев, Семен Михайловичь, Микула, сын Васильев тысяцкого, Михайло, Иван, сыны Анкифовичи, Иван Александровичь, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевичь, Акатьевичь, наречаеми Волуй, Михайло Бренков, Лев Мозырев (или Морозов)], Семен Меликов, Дмитрий Миничь, Александр Пересвет, бывый прежде боярин брянский, инии мнози» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, с. 321).

¹⁰³ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 371.

пований.¹⁰⁴ Эти имена были выписаны из Синодика — «книг животных», как об этом пишет сам автор повести. Но если имя Федора Тарусского читалось в «Летописной повести» с момента ее сложения, то ранее 1437 г. она возникнуть не могла.¹⁰⁵

С такой датировкой повести С. Н. Азбелев не соглашается, считая ее слишком поздней, называя «маловероятным» то, «что летописец 40-х годов XV в. своего современника — реального князя Федора Тарусского, убитого в 1437 г., включил в перечень павших 60—70 лет назад на Куликовом поле».¹⁰⁶

Появление в «Летописной повести» имени князя Федора Тарусского С. Н. Азбелев объясняет следующим образом: «Первоначально, надо думать, читалось так, как в Симеоновской летописи: „Князь Федор Романович Белозерский, сын его князь Иван Федорович“. Позднее переписчик, знавший, что в битве участвовал князь Иван Тарусский, отождествил его с князем Иваном Федоровичем. Отсюда, например, чтение, сохранившееся в Ермолинской летописи: „князь Федор Романович Белозерски, сын его князь Иван Федорович Торусски“. В дальнейшем отчество „Федорович“, утерев окончание, дало, очевидно, „князя Федора Тарусского“».¹⁰⁷

Странно, конечно, то, что С. Н. Азбелев в данной статье неожиданно признает чтения краткого рассказа 1380 г. Троицкой (Симеоновской) летописи первоначальными. Но более удивляет самое объяснение появления в повести имени Федора Тарусского.

Первым шагом на пути появления этого имени в повести, по мнению С. Н. Азбелева, явилось отождествление переписчиком князя Ивана Федоровича Белозерского из рассказа Симеоновской летописи с князем Иваном Тарусским — «вполне реальной личностью, попавшей в родословные».¹⁰⁸ Но откуда переписчик повести мог взять имя Ивана Тарусского? В родословцах имя этого князя действительно встречается, но был ли Иван Тарусский участником Куликовской битвы — неизвестно: ни летописи, ни «Летописная повесть» об этом сведений не дают. Имя Ивана Тарусского встречается в летописях, начиная с Троицкой, лишь под 1375 г.: этот князь участвовал в походе Дмитрия Донского на Тверь в 1375 г. Единственные сведения об Иване Тарусском как участнике Куликовской битвы дают «Летописная повесть» списка Дубровского и рассказ о Куликовской битве Никоновской летописи; но и рассказ Никоновской летописи, и повесть списка Дубровского, как выяснилось, — позднего происхождения.¹⁰⁹

Далее С. Н. Азбелев пишет, что пример такому объединенному из двух имен имени — «князь Иван Федорович Торусски» — можно найти в Ермолинской летописи. Но чтение Ермолинской летописи, на которое ссылается С. Н. Азбелев («...сын его князь Иван Федорович То-

¹⁰⁴ Пространная повесть, т. е. «Летописная повесть» о Куликовской битве сложилась, очевидно, при составлении свода 1448 г.: ни в Московско-академическом списке Суздальской летописи, памятнике 20-х годов XV в., ни в западно-русских летописях, основу которых составляет свод, доведенный до 1446 г., пространной летописной повести еще нет. Сообщение о Куликовской битве в этих летописях соответствует рассказу 1380 г. Троицкой летописи (см.: Я. С. Л у р ь е. К проблеме свода 1448 года. — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, с. 145—146).

¹⁰⁵ См. об этом подробнее: М. А. С а л м и н а. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 372.

¹⁰⁶ С. Н. А з б е л е в. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 172.

¹⁰⁷ Там же, с. 172.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ С. Б. Веселовский, называя Ивана Тарусского участником Куликовской битвы, в своих сведениях опирается на данные повести списка Дубровского и Никоновской летописи (см.: С. Б. В е с е л о в с к и й. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 434).

русскы»), — ошибочно. Это чтение находится только в единственном существующем списке этой летописи. В Уваровской и Прилуцкой летописях, сходных до 1417 г. с Ермолинской летописью, это выражение читается точно так же, как в «Летописной повести» всех остальных летописей: «Убиен бысть на ступи князь Федор Романович Беловерский и сын его князь Иван, князь Федор Торусский».¹¹⁰

Не говоря уже о том, что самый путь происхождения имени Федора Тарусского, предложенный С. Н. Азбелевым, является ничем не подтвержденной догадкой, необъяснимым оказывается в его изложении и следующее обстоятельство: С. Н. Азбелев считает самой ранней версией «Летописной повести» ту, которая отражена в списке Дубровского; эта версия предшествует повести НІVЛ и СІЛ. Но в повести списка Дубровского имя Федора Тарусского уже есть, и приводится оно здесь в той же самой формулировке, что и в других летописях. Следовательно, по С. Н. Азбелеву, получается, что все изменения текста, приведшие к «механическому» образованию словосочетания «Федор Тарусский», происходили тогда, когда реальный Федор Тарусский был еще жив. Не вероятно ли это? Объяснение, предложенное С. Н. Азбелевым, представляется гораздо более сложным и сомнительным, чем предположение о том, что Федор Тарусский, умерший в 1437 г., был через 10 лет введен составителем свода 1448 г. в число участников Куликовской битвы.¹¹¹

* * *

Спустя три года после появления рассматриваемой работы С. Н. Азбелев снова обратился к «Летописной повести» о Куликовской битве в статье «Об устных источниках летописных текстов». При этом теперь С. Н. Азбелев исходит как из уже доказанного тезиса из утверждения, что «наиболее полный и в целом наиболее близкий к первоначальному вид повести читается в Новгородской летописи Дубровского».¹¹² Новых аргументов в пользу этой точки зрения С. Н. Азбелев не приводит.

Здесь С. Н. Азбелев, в отличие от предыдущей статьи, уделяет некоторое внимание краткому рассказу, читающемуся в Симеоновской летописи, и даже, по-видимому, принимает (нигде, впрочем, не оговаривая этого нового для него положения) вывод о том, что рассказ, сохранившийся в Симеоновской летописи, принадлежит своду 1408 г. — Троицкой летописи. Но уже этот рассказ 1408 г. является, по его утверждению, сокращением рассказа, читающегося в НЛДубр. «Если допустить, — пишет С. Н. Азбелев, — что подобная редакция Повести есть распространение текста, дошедшего в Симеоновской, то следовало бы ожидать, что последний будет достаточно полно и, во всяком случае, равномерно читаться в составе подробной редакции».¹¹³ С. Н. Азбелев обещает сопоставить «внимательно Повесть по НЛД с текстом Симеоновской летописи»,¹¹⁴ однако не делает этого, а ограничивается лишь перечислением отдельных

¹¹⁰ См.: ПСРЛ, т. XXVIII, с. 82, 245. Совершенно очевидно, что в Ермолинской летописи произошло наслонение имен двух рядом названных князей — Ивана и Федора Тарусского.

¹¹¹ Напомним, что в «Казанской истории», созданной в период 1564—1665 гг. — через 12 лет после Казанского похода 1552 г., — автор ее не затруднился исключить имена попавших в то время в опалу участников похода 1552 г. и включить в именной состав русского войска татарских царевичей, которые заведомо в нем не участвовали (см.: Казанская история. Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954, с. 123, 186—187).

¹¹² С. Н. Азбелев. Об устных источниках летописных текстов. . . , с. 82.

¹¹³ Там же, с. 89—90.

¹¹⁴ Там же, с. 89.

примеров. Но и тот материал, который он отбирает для доказательства вторичности рассказа Троицкой (Симеоновской) летописи, не подтверждает его вывода.

С. Н. Азбелев уделяет наибольшее внимание приведенному мной сопоставлению рассказа Троицкой (Симеоновской) летописи о Куликовской битве с содержащимся в ней рассказом о битве на Воже в 1378 г. Он пишет: в пространной повести «отсутствуют как раз те обороты, которые на наибольшем протяжении текста совпадают в Симеоновской с предшествовавшим в ней описанием битвы на Воже».¹¹⁵ Для того чтобы проверить утверждения С. Н. Азбелева, вернемся опять к примерам, приведенным нами выше (см. с. 3—4) под № 1—7. Как уверяет автор, фрагменты № 2, 3, 4 (по нашей нумерации) «совершенно отсутствуют» в пространной повести. Это неверно. Слов «и поможет бог князю великому Дмитрию Ивановичу» (№ 4), действительно, в пространной редакции нет, так как им соответствует здесь развернутый рассказ о божьей помощи. Однако фрагменты № 2 и 3, вопреки утверждению С. Н. Азбелева, в ней имеются. Так, фрагменту № 2 в НЛДубр соответствует текст: «Се же слышав князь велики Дмитрий Иванович. . . , поиде противу их. . . , собра вои своих» (ГПБ, F.IV.238, л. 246—246 об.). Из фрагмента № 3 С. Н. Азбелев приводит лишь оборот «побегоша, а наши после»,¹¹⁶ в то время как в НЛДубр мы находим параллели и к остальным элементам этого фрагмента: «. . . татарове. . . побегоша и погнаша за ними. . . , бьюще и секуще поганых» (л. 253).

Остальные примеры совпадения рассказов 1380, 1378 гг. Троицкой (Симеоновской) летописи и пространной повести С. Н. Азбелев отвел, объявив их «общераспространенными оборотами» и «клише», «обычными для древнерусской письменности».¹¹⁷ Но, для того чтобы сделать такой вывод, С. Н. Азбелев произвел своеобразную операцию над этими текстами, выбрав из них только отдельные слова.¹¹⁸ В действительности же совпадают в рассказах Троицкой (Симеоновской) летописи и рассказе пространной повести *целые наборы оборотов*, и это нельзя признать чисто случайным совпадением. Дадим параллели к приведенным выше фрагментам (№ 1, 5, 6, 7) из НЛДубр: 1 — «Того же лета. . . ординский Мамай. . . понаимовал. . . поиде на великого князя Дмитрия Ивановича и на брата его князя Володимера Андреевича» (л. 245); 5 — «Христоролюбивый князь Дмитрий. . . возвратишася оттуду в богохранимый град Москву. . . с победою великою» (л. 256); 6 — «. . . и мнози враги (*так!*) его вои. . . обретоша корысть многу» (л. 256); 7 — «Мамай. . . гневашеся и яряся. . . , собра остаточную свою силу, еще восхоте ити изгоном на Русь» (л. 256 об.).

Но пространная повесть, в частности в НЛДубр, совпадает с кратким рассказом о Куликовской битве в Троицкой летописи не только в тех местах, которые сходны с рассказом о битве на Воже 1378 г. Как мы уже писали, весь рассказ о Куликовской битве из Троицкой летописи входит в состав рассказа 1380 г. НЛДубр. Обо всех этих многочисленных совпадениях в этих рассказах С. Н. Азбелев умалчивает. Он считает доказательным для решения вопроса о соотношении текстов Троицкой летописи и НЛДубр только один случай. В рассказе Троицкой летописи Дмитрий Донской получает новое известие о Мамае, «переехав Оку». В НЛДубр этих слов нет. Между тем оборот «переехав Оку» употребля-

¹¹⁵ Там же, с. 90.

¹¹⁶ Там же, с. 90, примеч. 42.

¹¹⁷ Там же, с. 90.

¹¹⁸ Там же, с. 90, примеч. 43.

ется по другому поводу в рассказе о битве на Воже. «Ясно, что слова „и переехав Оку“ были взяты составителем свода 1409 г. из текста 1378 г.», — заявляет С. Н. Азбелев.¹¹⁹ «Если бы мы допустили, что подробная Повесть возникла путем распространения текста Симеоновской, то нельзя было бы объяснить, зачем слова „и переехав Оку“ были опущены в этом ее известии».¹²⁰ На этом утверждении С. Н. Азбелев строит своего рода текстологический треугольник: рассказ 1380 г. Троицкой летописи оказывается составленным на основании двух источников — пространной редакции повести (типа НЛДубр) и рассказа о Воже из самой Троицкой летописи. Но оснований для такого ответственного вывода мы не видим. В пространной повести, находящейся в НЛДубр, за словами о получении Дмитрием Донским вести о походе Мамаея следует развернутый рассказ о злодейских замыслах врагов «крестьянства» — Мамаея, Ягайло, Олега Рязанского. Поэтому естественно, что упоминание о самом походе, начинающемся с перехода Дмитрием Донским Оки, было помещено здесь после этого сообщения и в других выражениях («и начаша возитися за Оку» (л. 248)).

Между тем никаких других данных для построения указанного текстологического треугольника у С. Н. Азбелева нет. Напротив, включение в состав пространной редакции, в частности НЛДубр, как тех фрагментов краткого рассказа 1380 г. Троицкой летописи, которые совпадают с рассказом о битве на Воже, так и большинства фрагментов, которые не связаны с этим рассказом, свидетельствует о простом и ясном текстологическом соотношении. Рассказ свода 1408 г. о Куликовской битве (написанный, вероятно, тем же летописцем, который составил рассказ о Воже, и потому сходный с ним) был основой для пространной повести о Куликовской битве (в ряде летописей, включая и НЛДубр).

С. Н. Азбелев не может не признать, что помещенный в НЛДубр список убитых явно фантастичен и анахронистичен: в нем называются имена Дмитрия Монастырева, Дмитрия Минича, погибших, как уже говорилось, за несколько лет до Куликовской битвы. Упоминается здесь и имя Федора Тарусского, также в Куликовской битве не участвовавшего. И теперь С. Н. Азбелев (в отличие от предыдущей статьи) уже соглашается признать, что появление здесь этого имени — «результат недоразумения».¹²¹ Ясно, что эти анахронизмы могли появиться только в относительно позднем рассказе, так же как характерные для пространной повести генеалогические уточнения к именам других убитых (что Микула Васильевич — сын тысяцкого, Александр Пересвет — «бывый прежде боярин брянский» и т. д.). Эти пояснения, явно предназначенные для более позднего читателя, С. Н. Азбелев считает почему-то первичными и пытается при этом объяснить большую достоверность рассказа Симеоновской летописи в перечне убитых догадкой о вторичной переработке текста: «...возможно, что перечень убитых, читавшийся в подробной Повести, просто был сверен (курсив мой, — М. С.) сводчиком 1409 г. с бывшим у него под руками синодиком».¹²² Натянутость этого рассуждения С. Н. Азбелева очевидна.

Как же представляет себе С. Н. Азбелев историю создания, бытования и включения в летопись XVI в. (НЛДубр) первоначального, по его мнению, пространного варианта повести?

¹¹⁹ Там же, с. 91.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же, с. 88.

¹²² Там же, с. 93.

Повесть, считает С. Н. Азбелев, возникла в Полоцке¹²³ в 1386 г. Вся аргументация в пользу этого утверждения сводится к тому, что повесть не могла быть написана ранее 1386 г. (в связи с русско-татарскими и русско-литовскими отношениями) и вместе с тем не позже 1402 г.¹²⁴ Последняя дата заимствована автором у А. Маркова и основывается только на том, что в повести содержатся риторические обращения к Олегу Рязанскому, которые, по его мнению, не могли быть написаны после смерти этого князя (1402 г.). Аргументы эти нельзя считать серьезными. Риторические обращения к умершим лицам — обычное явление в древнерусской литературе, — ср., например, «Укоры и поносы Ростриге» (Лжедмитрию) в памятниках XVII в., написанные заведомо после его смерти.¹²⁵

Что же произошло, согласно С. Н. Азбелеву, с повестью, после того как она была в 1386 г. сочинена? С одной стороны, рассказ этот, по схеме автора, мог использоваться сводами конца XIV—начала XV в. и хранился как своего рода секретный материал в архиве в течение 170 лет.¹²⁶ С другой стороны, как утверждает С. Н. Азбелев, «за 170 лет существования первоначального подробного извода повести вне летописных сводов текст ее, как можно полагать, переписывался неоднократно: собирая материал для очередного свода, работавшие над ним лица делали списки используемых документов».¹²⁷ Затем эта повесть оказалась включенной в НЛДубр и исправлена, по словам С. Н. Азбелева, по НІVЛ.¹²⁸ Что же это за странная история текста, когда памятник, с одной стороны, хранится в архиве, а с другой — неоднократно переписывается для «очередных сводов», и почему этот внелетописный, по мнению автора, памятник остается совершенно неизвестным по отдельным спискам вне летописи? Почему он появился на свет в своем первоизданном виде только в составе Новгородского свода XVI в. (во второй редакции НЛДубр)? К этому следует добавить, что ни в своих прежних исследованиях НЛДубр,¹²⁹ ни в рассматриваемых статьях С. Н. Азбелев не привел ни одного примера, когда в указанную летопись вошли бы иные (кроме рассказа о Куликовской битве) произведения, восходящие к источникам ранее конца XV—XVI вв., неизвестные по другим памятникам. Поэтому нарисованная им картина возникновения повести о Куликовской битве в НЛДубр не находит подтверждения и в структуре самой НЛДубр. В обеих статьях С. Н. Азбелева отсутствует анализ всей системы летописных сводов, включающих интересующую его повесть. Заявляя о необходимости пол-

¹²³ Основание для географического приурочения повести С. Н. Азбелев видит в упоминании в повести НЛДубр князя Андрея Полоцкого с «полочань», которое, как мы указывали (см. примеч. 37), является вторичным чтением НЛДубр, и в тексте, читающемся полностью в НІVЛ, о том, что «Литва над нами издеваются и поругаются». Но место это, кстаи искаженное в НЛДубр, появилось вообще только в НІVЛ; в СІЛ его нет. Поэтому нет достаточных оснований считать, что оно читалось в общем протографе НІVЛ и СІЛ.

¹²⁴ С. Н. Азбелев. Об устных источниках летописных текстов, с. 82—83.

¹²⁵ См.: Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. — РИБ, т. XIII. СПб., 1909, стб. 579.

¹²⁶ С. Н. Азбелев. 1) Повесть о Куликовской битве. . . , с. 169; 2) Об устных источниках летописных текстов. . . , с. 87—88.

¹²⁷ С. Н. Азбелев. Об устных источниках летописных текстов. . . , с. 88.

¹²⁸ Что именно было взято НЛДубр из ее основного текста, а что — из НІVЛ, С. Н. Азбелев не уточняет. Откуда, например, было взято в повесть НЛДубр слово «царь»? Оно является более уместным для XVI в., чем для XIV в. С. Н. Азбелев не дает ясного ответа на этот вопрос: «. . . не беремся утверждать, что это выражение, созвучное титулованию XVI в., полностью читалось в тексте повести XIV в. Может быть, кое-что добавил и сам составитель НЛД. Но, вероятно, царем Дмитрий Иванович был назван уже в источнике НЛД» (там же, с. 86).

¹²⁹ С. Н. Азбелев. 1) Две редакции Новгородской летописи Дубровского, с. 219—226; 2) Новгородские летописи XVII века, с. 24—26.

ного сличения текстов, С. Н. Азбелев в действительности даже не пытается определить их взаимоотношений и выразить в форме какой-либо стеммы.

Выступая в роли защитника «здравой точки зрения А. А. Шахматова», якобы отвергнутой нами без основательного разбора его аргументации, С. Н. Азбелев, однако, опирается только на высказывание А. А. Шахматова (в его «Отзыве на сочинение С. К. Шамбинаго») о том, что «Летописная повесть» о Куликовской битве появилась в конце XIV в.¹³⁰ Но единственным аргументом А. А. Шахматова было в данном случае то обстоятельство, что «Летописная повесть» отразилась в «Слове о житии», а «Слово» это, по мнению А. А. Шахматова, было написано вскоре после кончины князя Дмитрия Донского.¹³¹ Но, как мы указывали выше, «Слово о житии» должно быть в действительности датировано более поздним временем, а вопрос о датировке этого памятника С. Н. Азбелев обходит. Других аргументов в пользу отнесения повести к XIV в. у А. А. Шахматова не приводится.

Основным принципом работы А. А. Шахматова над летописными памятниками было, как известно, комплексное рассмотрение летописей, построенное на учете всех летописных текстов, включающих исследуемый рассказ. Отдельные выводы подчинялись этой общей системе аргументации. Вот почему А. А. Шахматов отказывался от отдельных высказанных им ранее положений (так было, например, с его верной мыслью о первичности краткого рассказа о Куликовской битве, которую он не стал отстаивать, уступив в этом случае своему оппоненту),¹³² неизменно сохраняя верность общему принципу аргументации. А. А. Шахматов возводил пространный рассказ о Куликовской битве к своду 1423 г. (полихрону) на том основании, что наиболее ранняя из известных нам версия пространного рассказа читается в двух сходных между собой летописях — НВЛ и СЛ.¹³³ Протограф этих двух летописей А. А. Шахматов определял как свод 1448 г., а общерусской основой этого свода был, по его мнению, гипотетический свод 1423 г., наиболее непосредственно отразившийся в Ермолинской летописи и Хронографе.¹³⁴ Опираясь на эти представления А. А. Шахматова, С. Н. Азбелев говорит о Ермолинской, как об «отражающей через промежуточные звенья свод 1418 или 1423 г.»¹³⁵ но представление о Ермолинской летописи как об отражении свода 1423 г. в настоящее время отвергнуто исследователями летописания. А. Н. Насонов неопровержимо доказал, что источником Ермолинской летописи был свод, близкий к своду 1479 г. и составленный не ранее 60-х годов XV в.¹³⁶ Если С. Н. Азбелев с этими выводами не согласен, то он обязан был их оспорить. Если же он этого не делает, то у него нет оснований возвращаться к представлениям о своде 1423 г. и связывать с ним историю

¹³⁰ С. Н. Азбелев. Об устных источниках летописных текстов. . . , с. 81—82.

¹³¹ А. А. Шахматов. Отзыв. . . , с. 119—121.

¹³² А. А. Шахматов в. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. (Источники полихрона 1423 г.). — ЖМНП, 1901, ноябрь, с. 65; 2) Отзыв. . . , с. 104.

¹³³ А. А. Шахматов в «Отзыве» на сочинение С. К. Шамбинаго указывал, что исследование «могло бы сосредоточиться на изучении того текста Летописной повести, который читался в своде 1448 года. . . путем сравнительного изучения обеих названных летописей (НВЛ и СЛ, — М. С.)», и далее писал, что «древнейший хронологический момент, до которого может дойти исследование: Повесть внесена в свод в 1423 году» (с. 88—90).

¹³⁴ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вков. М.—Л., 1938, с. 149—150.

¹³⁵ С. Н. Азбелев. Об устных источниках летописных текстов. . . , с. 88, 94.

¹³⁶ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII века, с. 269—274.

пространной повести о Куликовской битве.¹³⁷ Как бы защищая А. А. Шахматова, С. Н. Азбелев по существу полностью игнорирует его метод. Совершенно отсутствуют в статье С. Н. Азбелева и рассмотрение дальнейших этапов развития летописных сводов, содержащих исследуемую повесть. Какого происхождения повесть в Московско-академическом списке Суздальской летописи, в сокращенных сводах 1493, 1495 гг., в Хронографе, в Московском великокняжеском своде 1479 гг.? Ни одного из этих вопросов С. Н. Азбелев даже не касается. От предполагаемого текста 1386 г. он переходит прямо к своду 1423 г. (НІVІІ—СІІІ), а затем к Новгородской летописи Дубровского.

Пообещав в начале своей статьи, что он рассмотрит «все доводы, выдвинутые в подкрепление» отвергаемой им моей точки зрения,¹³⁸ С. Н. Азбелев утверждает в конце концов, что он не разобрал только тех доводов, «которые базируются лишь на субъективном прочтении текста или недоразумениях».¹³⁹ Но в действительности он не разобрал ни одного из основных аргументов в пользу первичности рассказа Троицкой (Симеоновской) и вторичности пространной повести. Он умолчал о дублировке известия об измене Олега Рязанского в пространной редакции (в результате чего Дмитрий Донской с самого начала знает об этой измене, а в конце ему сообщают о предательстве Олега как о неожиданном событии). Он ничего не говорит о характерных для пространной повести повторениях.¹⁴⁰ Совершенно не рассматривает С. Н. Азбелев ту аргументацию, которая позволила связать пространную повесть с другими рассказами свода 1448 г. Так, аналогичной судьбе повести о Куликовской битве была, например, судьба «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». Оно тоже, как уже говорилось выше, основано на кратких известиях Троицкой летописи, но распространено известиями, связанными именно с тенденциями свода 1448 г. В частности, здесь тенденциозно изложено то самое завещание Дмитрия Донского, вокруг которого шли споры во время феодальной войны 30—40-х годов XV в. От разбора аргументов относительно датировки этого жития С. Н. Азбелев уклоняется. Автор последовательно умалчивает о всем том материале, который противоречит его представлениям. Перед нами своеобразная «текстология умолчаний».

Заявив, что его тезис о первичности повести НЛДубр «представляется в достаточной мере доказанным»,¹⁴¹ С. Н. Азбелев в действительности ни в одной из своих статей не оспорил датировку «Летописной повести» 40-ми годами XV в. и не доказал древнего происхождения рассказа НЛДубр. Это не помешало ему с крайней резкостью характеризовать воззрения своих оппонентов. Он определяет, в частности, мою точку зрения как «экстравагантный взгляд на один из важнейших источников

¹³⁷ О сомнительности гипотезы о своде 1423 г. (полихроне) см.: Я. С. Л у р ь е. Проблема реконструкции недошедших сводов при исследовании летописей. — В кн.: Текстология славянских литератур. Л., 1973, с. 139. С. Н. Азбелев эту статью упоминает, но никаких возражений по этому вопросу не высказывает.

¹³⁸ С. Н. А з б е л е в. Об устных источниках летописных текстов..., с. 81.

¹³⁹ Там же, с. 94 (примеч. 57).

¹⁴⁰ С. Н. Азбелев утверждает, что сочетание двух систем — книжно-риторической и летописно-документальной, а также «нарушение плана» есть и в Симеоновской летописи (там же, с. 94, примеч. 57). Однако он не приводит никаких примеров этому, приписывая мне взгляд, будто бы Житие Александра Невского влияло на Симеоновскую летопись (там же, с. 92, примеч. 49). Но я не считаю, что Житие влияло на Симеоновскую летопись. С. Н. Азбелев, видимо, меня не понял.

¹⁴¹ С. Н. А з б е л е в. Об устных источниках летописных текстов..., с. 93—94.

по отечественной истории», которому, — снисходительно прибавляет он, — «можно было бы не уделять специального внимания».¹⁴² Грозному осуждению подвергаются не только мои статьи, но и все те работы, в которых мои выводы были приняты.

Излагая мою концепцию на происхождение «Летописной повести» о Куликовской битве, С. Н. Азбелев приписывает мне точку зрения, что «под Дмитрием Донским повесть имеет в виду, оказывается, или Василия Темного, или Дмитрия Шемяку».¹⁴³ Это нарочитое искажение моей мысли. Под Дмитрием Донским пространная повесть, естественно, подразумевает Дмитрия Донского, а не кого-либо иного; речь шла не о каких-то аллюзиях в повести, а о том, почему в 40-е годы XV в. оказалось целесообразным создать новый, пространный, вариант повести о Куликовской битве и о том, какие политические группировки могли использовать в этот период содержащийся в повести исторический материал.

Краткий рассказ Троицкой летописи называл сражение 1380 г. великой победой и отдавал должное Дмитрию Донскому как руководителю битвы. Что же касается пространной повести, то она лишь в более литературной и яркой форме повторила и развила первоначальное летописное сообщение. Поэтому признание краткого рассказа древнейшим ни в коей мере не преуменьшает ни исторического значения Куликовской битвы, ни роли великого князя в этой победе.

В статьях С. Н. Азбелева, претенциозных и беспрецедентных по тону в критической части, их доказательная часть при пристальном рассмотрении оказывается удивительно беспомощной, автор высказывает как сами собой разумеющиеся тезисы, которые не только нуждаются в уточнениях и дополнительных аргументах, но и в самом элементарном доказательстве.

* * *

Если С. Н. Азбелев в рассмотренных нами выше статьях в подтверждение своей точки зрения пытается опираться на текстологическую аргументацию, то для работы И. Б. Грекова¹⁴⁴ характерен другой метод исследования. По мнению И. Б. Грекова, в основе изучения исторических и историко-литературных памятников должен лежать анализ их идейно-политической направленности, поэтому «начинать исследование цикла летописных повестей о Куликовской битве. . . более целесообразно с выявления идеологического стержня той или иной редакции, с определения политических установок каждой редакции „Повести“».¹⁴⁵

Как же раскрывается в данной работе этот тезис применительно к памятникам Куликовского цикла? Во-первых, И. Б. Греков убежден, что все эти памятники — достоверные исторические источники,¹⁴⁶ и не до-

¹⁴² Там же, с. 80.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ И. Б. Греков. Восточная Европа. . .

¹⁴⁵ Там же, с. 434.

¹⁴⁶ И. Б. Греков пишет: «Сообщения рассматриваемых источников (произведений Куликовского цикла, — М. С.) о событиях 1380—1381 гг. в основном являются достоверной информацией» (там же, с. 129). Как к «документу» относится И. Б. Греков и к сообщению позднейшего, относящегося уже к XVI в. варианта «Летописной повести» Н.Л.Дубр об «уряжении полков» — эпизоду, как нами доказано, вставному и сложенному, по всей видимости, уже в XVI в. (там же, с. 131—133). Имеющиеся же в памятниках Куликовского цикла (И. Б. Греков относит их все к 30—90-м годам XIV в.) расхождения в трактовке отдельных эпизодов событий 1380 г., в оценке поведения отдельных лиц И. Б. Греков объясняет «переменами политической конъюнктуры в Восточной Европе на протяжении 80—90-х годов XIV в.» (там же, с. 420).

пускает мысли о возможности более сложной идеологической и литературной интерпретации в них исторических событий, чем описание их «по горячим следам» с тем или иным идеологическим осмыслением. Во-вторых, при решении такого важного вопроса, как определение времени создания памятника, И. Б. Греков считает достаточным найти период, в который эти памятники *могли бы быть* созданы. Он выдвигает свою концепцию развития общественной мысли, а затем рассматривает различные памятники именно под углом зрения этой концепции. Произведения Куликовского цикла, которые разные ученые датировали по-разному, И. Б. Греков, согласно своим представлениям о политической обстановке на Руси 80—90-х годов XIV в., считает созданными в пределах последнего десятилетия XIV в.,¹⁴⁷ а соответствие содержания памятников его собственным представлениям является для И. Б. Грекова более решающим, чем установленные исследователями-текстологами факты действительного соотношения дошедших до нас текстов этих произведений.

При такой постановке вопроса получается замкнутый круг, ибо И. Б. Греков выводит датировку памятника из собственной концепции развития общественной мысли, в то время как при построении этой концепции непременно должны быть учтены взаимоотношения конкретных памятников, в свою очередь установленные в ходе исследования их текстов. На текстологической аргументации ученых И. Б. Греков фактически не останавливается, он принимает ту датировку памятника, которая оказывается приемлемой с точки зрения его концепции. Так, он безоговорочно присоединяется к датировке «Задонщины» 1381 годом (следуя за А. В. Соловьевым и В. Ф. Ржигой);¹⁴⁸ датой создания «Слова о житии и о представлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» (вслед за А. В. Соловьевым) считает 1393 год.¹⁴⁹

В чем же суть наших методологических разногласий с И. Б. Грековым? Признавая всю важность и необходимость тщательного анализа идейного содержания исследуемого произведения, мы вместе с тем считаем необходимым подчеркнуть, что современное источниковедение вне текстологического сопоставления конкретных памятников просто недопустимо. И. Б. Грекову для доказательства вероятности своей концепции необходимо было бы вслед за своими предшественниками в изучении произведений Куликовского цикла¹⁵⁰ также обратиться к текстологическим сопоставлениям этих памятников. В настоящее же время едва ли не все звенья его гипотезы могут быть подвергнуты критике и отклонены именно на текстологическом уровне. Изъяны метода исследования

¹⁴⁷ И. Б. Греков устанавливает такую последовательность появления произведений Куликовского цикла; он пишет: «1. „Задонщина“ извода Унд., написанная вскоре после Куликовской битвы и восходящая, возможно, к гипотетическому „Слову о Мамаевом побоище“, созданному, по предположению А. А. Шахматова, в 1381 г.; 2. „Летописная повесть о Куликовской битве“ (пространная редакция), возникшая в начале 90-х годов в связи с созданием „Летописца великого русского“; 3. „Задонщина“ извода Син., возникшая, по нашему мнению, в конце 90-х годов XIV в.; 4. „Сказание о Мамаевом побоище“ (основная редакция), созданная тогда же, в конце 90-х годов XIV в.» (там же, с. 418—419).

¹⁴⁸ И. Б. Греков пишет: «Задонщина» создана, «как доказали Соловьев и Ржига, в 1381 г.» (там же, с. 145; см. также с. 318).

¹⁴⁹ У И. Б. Грекова: «А. В. Соловьев утверждал, что „Слово“ было написано Епифанием Премудрым около 1393 г.» (там же, с. 326; см. также с. 324).

¹⁵⁰ Характерно, что И. Б. Греков, ссылаясь на своих предшественников, занимавшихся памятниками Куликовского цикла, положительно отмечает опыт выявления ими тех или иных идеологических тенденций, но совершенно игнорирует текстологические выводы тех же самых ученых, т. е. опять-таки берет только ту сторону этих исследований, которая подкрепляет его концепцию (там же; см., например, с. 314, 320).

И. Б. Грекова наглядно проявляются при анализе конкретного материала. Рассмотрим, в соответствии с темой нашей статьи, взгляд И. Б. Грекова на историю возникновения «Летописной повести» о Куликовской битве.

Суть точки зрения И. Б. Грекова на историю текста «Летописной повести» заключается в следующем. Отталкиваясь от мнения А. А. Шахматова на «Летописную повесть», высказанного им в «Отзыве» на сочинение С. К. Шамбинаго, что эта повесть в просторном варианте возникла сразу же после Куликовской битвы,¹⁵¹ И. Б. Греков находит возможным датировать ее началом 90-х годов XIV в., ставя появление памятника в связь с составлением свода конца XIV в., общерусского по его мнению, — так называемого «Летописца великого русского».¹⁵² В 1390—1392 гг., пишет И. Б. Греков, «на базе уже существовавших рассказов о Мамаевом побоище была создана или воссоздана летописная повесть о схватке русских войск с Мамаем на Куликовом поле. Вероятнее всего, это была та просторная редакция повести о Куликовской битве, которую мы теперь читаем в Софийской I, Новгородской IV, Типографской, Воскресенской и других летописных сводах», или весьма близкая к ней.¹⁵³ Но далее И. Б. Греков уже исходит из своего предположения как из доказанного и старается лишь связать просторную редакцию повести с политической обстановкой и идеологическими устремлениями 90-х годов XIV в., сопоставив ее с памятниками, возникшими, по его мнению, в тот же период, и прежде всего — с «Задонщиной».¹⁵⁴ В «Летописной повести», пишет И. Б. Греков, восхваляется сотрудничество «князей Владимирского княжения и Литовской Руси», отстаивается «единство русской земли», дается резкая критика Мамаю, Ягайло и Олега Рязанского, идет замалчивание «выдающихся заслуг Владимира Андреевича», — все это, считает он, говорит о возникновении повести «в такой момент политической жизни Восточной Европы, когда, с одной стороны, сложились благоприятные условия для возрождения общерусской программы, для восстановления московско-литовского сотрудничества (точнее, для сотрудничества Киприяна, Василия и Витовта), а с другой — наметилась перспектива политического сближения Орды, Рязани и Польши, точнее Тохтамыша, Олега и Ягайло».¹⁵⁵ Поскольку, по мнению И. Б. Грекова, такая ситуация в Восточной Европе сложилась «с начала 90-х годов XIV в.», просторная «Летописная повесть» и должна была быть создана в это время.¹⁵⁶

«Летописная повесть», пишет И. Б. Греков, испытала на себе влияние «Задонщины» — памятника, имеющего в основе также «общерусскую платформу» и созданного, по мнению И. Б. Грекова, в 1381 г.¹⁵⁷ «Летописная повесть» «широко использовала как художественно-стилистические находки первоначальной редакции „Задонщины“ (по И. Б. Грекову, извода Унд., — М. С.), так и некоторые ее идейно-политические акценты».¹⁵⁸

¹⁵¹ А. А. Шахматов. Отзыв... с. 121.

¹⁵² Существование и характер этого свода сам по себе вызывает споры, но мы не будем сейчас задерживаться на этом вопросе.

¹⁵³ И. Б. Греков. Восточная Европа... с. 329—330.

¹⁵⁴ Там же, с. 331—333.

¹⁵⁵ Там же, с. 441, 333.

¹⁵⁶ Там же, с. 333.

¹⁵⁷ Там же, с. 331.

¹⁵⁸ Там же, с. 402. Попутно заметим, что И. Б. Греков, говоря о взаимоотношении двух изводов «Задонщины» (изводов Унд. и Син.), совершенно игнорирует те суждения, которые высказывались исследователями об этих изводах (см.: Р. П. Дмитриев а. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 199—263).

Что касается краткого рассказа о Куликовской битве в Симеоновской (Троицкой) летописи, то И. Б. Греков рассматривает его как сокращение «Летописной повести», обращая внимание лишь на «идеологические» различия обеих редакций. Так, он считает, что в отличие от «Летописной повести», где прослеживается «общерусская программа», рассказ «краткой редакции» «ведется от имени летописца, политический кругозор которого не выходит за рамки собственно Московской Руси».¹⁵⁹ Это, пишет И. Б. Греков, «видно из характеристики стратегии Мамаю, который просто мстит московскому князю за поражение на реке Воже», «из умолчания факта участия в Куликовской битве литовско-русских князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей и... князя Владимира Андреевича, связанного с Литовско-Русским государством», из того, что здесь «опущены сведения об активной деятельности серпуховского князя Владимира Андреевича, хорошо известные как „Задонщине“, так и другим редакциям данной „Повести“ (в частности, не был упомянут фланговый удар по армии Мамаю, нанесенный им в решающий момент боя)»,¹⁶⁰ и из «тенденциозно отредактированного списка убитых на Куликовом поле», из «заглаживания» поведения князя Олега Рязанского.¹⁶¹ Такой вариант повести «возник, видимо, в ту пору, когда в отношениях между Василием Дмитриевичем московским, с одной стороны, и литовско-русскими князьями — с другой, существовала крайняя холодность и даже враждебность, когда эпоха московско-рязанских споров уступила место периоду тесного сотрудничества между Москвой и Рязанью. Такая политическая конъюнктура сложилась в Восточной Европе после смерти митрополита Киприана», «краткая редакция „Повести о Куликовской битве“ возникла в 1409 г. в связи с подготовкой Троицкой летописи».¹⁶²

Итак, по мнению И. Б. Грекова, в начале 90-х годов возникла пространная редакция «Летописной повести», до нас не дошедшая, которая затем подверглась существенной редакционной переработке, в результате которой появился краткий вариант, сохранившийся в Троицкой (Симеоновской) летописи. Впоследствии, по мнению И. Б. Грекова, пространная редакция вновь возродилась и вошла в летописи середины XV в. — НІVЛ и СІЛ.¹⁶³

В этой схеме И. Б. Грекова все неясно. По сути дела пространный вариант «Летописной повести», искусственно воссоздаваемый И. Б. Грековым, остался неизвестным. Взаимоотношения между пространным (в схеме И. Б. Грекова его место заступает текст, читающийся в НІVЛ, СІЛ, Типографской, Воскресенской) и кратким вариантом Троицкой (Симеоновской) летописи рассматриваются им, минуя текстологический, исключительно на идеологическом уровне. Вместе с тем, как уже говорилось выше, текстологическое сопоставление обоих памятников доказывает как раз обратное их взаимоотношение: рассказ НІVЛ, СІЛ заключает в себе вторичные чтения и поэтому считается возникшим ранее рассказа Троицкой летописи не может. Нет у И. Б. Грекова и доказательств, что «Задонщина» являлась самым ранним памятником среди повестей Ку-

¹⁵⁹ И. Б. Греков. Восточная Европа. . ., с. 439.

¹⁶⁰ И. Б. Греков, очевидно, имеет здесь в виду сведения «Летописной повести» НЛДубр, так как о выступлении засадного полка во главе с Владимиром Андреевичем рассказывается лишь в этом варианте повести. Но такое допущение невозможно, так как версия повести НЛДубр — поздняя, относящаяся уже к XVI в.

¹⁶¹ И. Б. Греков. Восточная Европа. . ., с. 439—440.

¹⁶² Там же, с. 442.

¹⁶³ К особой, третьей, редакции И. Б. Греков относит тот вариант «Летописной повести», который находится в Ермолинской и Львовской летописях, хотя сам признает, что повесть здесь является лишь «извлечением из пространной редакции» (там же, с. 437—438, 442).

ликовского цикла и что она была создана ранее «Летописной повести». Наконец, на каком основании И. Б. Греков приходит к выводу, что «общерусская» точка зрения предшествовала «московской»?¹⁶⁴ Мы не найдем ответа на эти вопросы, так как текстологическая аргументация (которая должна присутствовать рядом с идеологической) в книге И. Б. Грекова полностью отсутствует.

Как же возражает мне И. Б. Греков по вопросу о происхождении «Летописной повести» о Куликовской битве?

Основным аргументом в моей концепции является, как уже сказано, установление взаимоотношений между кратким рассказом Троицкой (Симеоновской) летописи и пространной «Летописной повестью» свода 1448 г. (т. е. НІVЛІ и СІЛ).¹⁶⁵ Именно по этому текстологическому вопросу полемизировали А. А. Шахматов и С. К. Шамбинаго.¹⁶⁶ А. А. Шахматов первоначально считал краткий рассказ Троицкой (Симеоновской) летописи первичным по отношению к пространному рассказу,¹⁶⁷ но потом, согласившись с мнением С. К. Шамбинаго, писал, что краткий рассказ «не больше как извлечение из обычной повести».¹⁶⁸ И. Б. Греков пишет по этому поводу: «Салмина приняла в число своих союзников и раннего Шахматова, сосредоточив весь огонь критики на взглядах Шамбинаго, а вместе с тем и на взглядах зрелого Шахматова — Шахматова 1910 г.».¹⁶⁹ Но дело не в том, чья точка зрения показалась мне более приемлемой, дело в текстологическом сопоставлении обеих редакций, и только на основании этого сопоставления мной и был сделан вывод о первичности краткого рассказа Симеоновской летописи (и соответственно о правоте «раннего Шахматова»). И. Б. Грекову следовало бы не «принимать в число своих союзников» того или иного исследователя, а самостоятельно проверить, насколько справедлива (или, напротив, ошибочна) моя аргументация. Но И. Б. Греков отказался от такого разбора.

Тем не менее, И. Б. Греков все же рассматривает аргументы С. К. Шамбинаго в пользу первичности пространной редакции и мои возражения против него.¹⁷⁰ Какова же позиция И. Б. Грекова в этом споре?

И. Б. Греков напоминает, что в обоснование своего тезиса о первичности пространной редакции «Летописной повести» С. К. Шамбинаго вы-

¹⁶⁴ Сведения источников, которыми И. Б. Греков обосновывает эту точку зрения, сами должны быть исследованы на предмет исторической достоверности и надежно датированы. Характерный пример: едва ли не главным аргументом И. Б. Грекова в обосновании этой очень ответственной точки зрения является его ссылка на известие об «уряжении» полков «Летописной повести» НЛДубр XVI в., которое он считает ранним документом и которое, по мнению И. Б. Грекова, «дает картину максимально широкого круга участников кампании 1380 г., представлявшего чуть ли не всю русскую землю» (там же, с. 132). Между тем именно *документальный* характер данного перечня участников кампании 1380 г. и требуется доказать. Мы полагаем, напротив, что этот список участников сражения — позднего происхождения (см. выше, с. 21).

¹⁶⁵ М. А. С а л м и н а. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 355—364.

¹⁶⁶ С. К. Ш а м б и н а г о. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

¹⁶⁷ А. Ш а х м а т о в. Общерусские летописные своды XIV и XV веков. (Источники Полихрона 1423 г.). — ЖМНП, 1901, ноябрь, с. 65.

¹⁶⁸ А. А. Ш а х м а т о в. Отзыв. . . , с. 104. Как уже говорилось, А. А. Шахматову было свойственно уступать мнению других ученых, если их аргументы казались ему убедительными. Так, он отказался в свое время от датировки свода 1448 г. под влиянием точки зрения А. В. Маркова от прежней (и правильной) (см.: Д. С. Л и х а ч е в. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, с. 275—276; Я. С. Л у р ь е. К проблеме свода 1448 г. — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, с. 142—146) и представленный о Хронографе 1599 г. под влиянием мнения С. П. Розанова (О. В. Т в о р о г о в. Древнерусские Хронографы. Л., 1975, с. 209—213).

¹⁶⁹ И. Б. Г р е к о в. Восточная Европа. . . , с. 451.

¹⁷⁰ С. К. Ш а м б и н а г о. Повести о Мамаевом побоище, с. 81—83; см. возражения ему в моей статье: «Летописная повесть» о Куликовской битве, с. 360—364.

двинул 6 аргументов. С моей критикой первого из них И. Б. Греков в общем согласен.¹⁷¹ Рассматривая «второй пункт доказательств Шамбинаго», касающийся «списка убитых» на Куликовом поле, И. Б. Греков утверждает, что статья 1380 г. Суздальской летописи является, «судя по тексту, сокращением не краткого варианта повести, а пространного».¹⁷² Но, к сожалению, самих текстов И. Б. Греков не разбирает. Этот пространный вариант, в представлении И. Б. Грекова, — неизвестный нам текст, созданный в XIV в., с которым мы, естественно, сравнивать реальный текст Суздальской летописи (Московско-академический ее список) не можем. Но зато, сравнив этот реальный текст с реальным текстом Симеоновской летописи (которую можно считать идентичной в данном рассказе Троицкой), обнаруживаем дословное совпадение их во всех формулировках, хотя рассказ Суздальской летописи несколько короче, чем рассказ Симеоновской, и имеет, кроме того, три мелких добавочных чтения («князь», «ака же не бывала в Руси», «и того всенепорочную мать»), которые могут быть объяснены влиянием Софийской первой, служившей источником Московско-академического списка.¹⁷³ С другой стороны, если мы сравним рассказ Суздальской летописи с реально дошедшим до нас пространством текстом «Летописной повести», читающимся в НІVЛ и СІЛ, то там мы обнаружим совершенно другие формулировки. Так:

Московско-академический список Суздальской летописи ¹⁷⁴	Симеоновская летопись ¹⁷⁵	Софийская I летопись ¹⁷⁶
Мамай, събрав воя многы, поиде.	Мамай, събрав рати многы. . . , поиде.	Мамай с единомысленики своими, со всеми князи ¹⁷⁷ ординьскими. . . поиде.
. . . събра воя многы и поиде противу.	. . . събрав воя многы, поиде противу их.	. . . совкупися со всеми князи русьскими и со всею силою и поиде противу их.
. . . и поможе бог князю великому.	. . . и поможе бог князю великому.	. . . взнесе бог десницею великого князя. ¹⁷⁸
. . . и ту убьени быша на суйме.	. . . и ту убьени быша в суйме.	Тогда же на том побоищи убиен бысть ¹⁷⁹ на съступе.

Приведенные примеры дают нам все основания считать, что рассказ Московско-академического списка Суздальской летописи восходит к краткому рассказу Троицкой (Симеоновской) летописи, а не к пространному рассказу, отраженному в СІЛ, как утверждает И. Б. Греков.

Что касается Синодика XV в., упоминаемого И. Б. Грековым при разборе второго пункта доказательств С. К. Шамбинаго, то И. Б. Греков, во-первых, неправ, заявляя, что между Синодиком и кратким рассказом Троицкой (Симеоновской) летописи «никакого тождества не обнаруживается»;¹⁸⁰ в обоих источниках сходны *все* имена убитых, за исключением имени Александра Пересвета, читающегося только в летописи, и это можно

¹⁷¹ И. Б. Греков. Восточная Европа. . . , с. 451—452.

¹⁷² Там же, с. 452—453.

¹⁷³ См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов. М.—Л., 1938, с. 222.

¹⁷⁴ ПСРЛ, т. 1, вып. 3. Изд. 2-е. Л., 1928, стб. 536.

¹⁷⁵ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 129—130.

¹⁷⁶ ПСРЛ, т. IV, СПб., 1853, с. 90—91, 95.

¹⁷⁷ НІVЛ: «прочими князми» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, с. 311).

¹⁷⁸ НІVЛ: «нашего князя» (там же, с. 320).

¹⁷⁹ НІVЛ: «убьени быша» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, с. 324).

¹⁸⁰ И. Б. Греков. Восточная Европа. . . , с. 453.

было видеть из сопоставления текстов, приведенных в нашей статье.¹⁸¹ Сказано было и об ошибочности упоминания имени Семена Михайловича как участника Куликовской битвы.¹⁸² Во-вторых, И. Б. Греков пытается обосновать свой взгляд на отсутствие в кратком рассказе Троицкой летописи имени Федора Тарусского случайностью: в Синодике оно якобы пропущено из-за его недостоверности, а в Троицкой летописи — по идеологическим соображениям,¹⁸³ при этом в последнем случае И. Б. Греков ссылается на будто бы зафиксированный в документах факт передачи земель Москве тарусским князем Федором, в то время как, что будет показано далее, документ истолкован им неверно. Из сказанного следует, что рассуждения И. Б. Грекова едва ли можно считать текстологическим доказательством. При этом оказывается, что И. Б. Греков возвращает нас к точке зрения С. К. Шамбинаго о том, что краткий рассказ Троицкой летописи содержит сокращенный перечень имен убитых, но сам не прибавляет ничего к его аргументации, уже рассмотренной и отвергнутой нами.¹⁸⁴

Касаясь третьего и пятого тезисов доказательств С. К. Шамбинаго, И. Б. Греков снова не пытается даже рассматривать приводимую мной текстологическую аргументацию, а в поддержку тезисов С. К. Шамбинаго выдвигает соображения лишь идеологического характера.¹⁸⁵ Между тем речь идет о наличии в пространной «Летописной повести» (в описании конфликта с рязанским князем Олегом) следов вторичности по отношению к краткому рассказу Троицкой летописи (см. выше, с. 4) — важнейшему свидетельству при установлении взаимоотношений текстов произведений. Дело не в наличии или отсутствии в том или ином тексте каких-то эпизодов, а в сохранившихся независимо от воли редакторов следах переработки предшествующего текста, которые для текстолога являются основным аргументом при установлении истории текста памятника. Поэтому утверждения И. Б. Грекова, что эти тезисы С. К. Шамбинаго «в основном... остаются в силе»,¹⁸⁶ лишены оснований.

¹⁸¹ М. А. С а л м и н а. «Летописная повесть» о Куликовской битве... , с. 370—371.

¹⁸² Там же, с. 370, примеч. 110.

¹⁸³ И. Б. Г р е к о в. Восточная Европа... , с. 453.

¹⁸⁴ М. А. С а л м и н а. «Летописная повесть» о Куликовской битве... , с. 362. И. Б. Греков считает недостаточным признание «лишь того обстоятельства, что имя Федора Тарусского попало в „Летописную повесть“ одновременно с именами Дмитрия Минича и Дмитрия Монастырева», и хотел бы видеть объяснение, почему «все эти деятели, умершие... в разное время, все же были включены в один список убитых на Куликовом поле» (И. Б. Г р е к о в. Восточная Европа... , с. 448). Мы уже высказывали предположение, что путаница с именами лиц, якобы павших на Куликовом поле — ведь все названные лица в конечном счете погибли в бою с татарами — могла произойти уже в самих «животных книгах» (т. е. в Синодике), которыми, как пишет составитель «Летописной повести» он пользовался (см.: М. А. С а л м и н а. «Летописная повесть» о Куликовской битве... , с. 372). Возможность существования подобных ошибок можно проиллюстрировать на примере упоминавшегося мной и И. Б. Грековым Синодика XV в. из собрания Синодальной библиотеки (№ 667) ГИМ, где в перечень павших на Куликовом поле как-то попало имя князя Семена Михайловича, погибшего в 1377 г. на р. Пьяне. Вопрос о составлении синодиков и возможных при этом неточностях и недоразумениях едва ли может быть сейчас решен без специального исследования и привлечения новых материалов.

¹⁸⁵ По мнению И. Б. Грекова, наличие в пространной редакции повести «спора Москвы с Рязанью», в краткой же — «приглашение этого спора» объясняется тем, что «пространная редакция „Повести“ возникла в годы затяжного московско-рязанского конфликта, а краткая редакция — в годы московско-рязанского сотрудничества» (там же, с. 454).

¹⁸⁶ Там же, с. 455. Попутно заметим, что если бы И. Б. Греков проверил мою текстологическую аргументацию, то несомненно заметил бы свою ошибку: «Слово на рождество Христово о пришествии волхвов» является названием одного произведения,

Тот же метод мы встречаем и при анализе четвертого аргумента С. К. Шамбинаго: И. Б. Греков не разбирает вопроса по существу, а ограничивается лишь упреками, что М. А. Салмина «не желает» считаться с доводом С. К. Шамбинаго.¹⁸⁷

Таким образом, являются несостоятельными все возражения И. Б. Грекова мне и доводы его в защиту точки зрения С. К. Шамбинаго, в чью пользу не приведено ни одного нового аргумента.

И. Б. Греков возражает также против моей датировки «Летописной повести» о Куликовской битве серединой XV в. В его полемике со мной по этому поводу существенное место занимает (как и у С. Н. Азбелева) вопрос о князе Федоре Тарусском. Как же обосновывает свои возражения И. Б. Греков? Во-первых, он неправоммерно считает упоминание имени этого князя моим «едва ли не основным аргументом в пользу датировки „Летописной повести“ концом 30-х—началом 40-х годов».¹⁸⁸ Выше уже шла речь о том, что это лишь *один* из текстологических аргументов датировки «Летописной повести». Но главное в следующем.

И. Б. Греков утверждает: «. . . из информации Симеоновской летописи не вытекает, что погибший в 1437 году князь Федор был единственным тарусским князем, носившим это имя», в Тарусе мог существовать князь «с таким же именем в 70-е годы XIV в.»,¹⁸⁹ чему он, по его словам, находит подтверждение. Речь идет о «докончальной грамоте 1382 г. (по Л. В. Черепнину) между великим князем Дмитрием Ивановичем и рязанским князем Олегом Ивановичем».¹⁹⁰ Судя по всему, И. Б. Греков считает, что в этой грамоте говорится о передаче рязанскому князю земель, которые когда-то были отданы Москве тарусским князем Федором.¹⁹¹ Но из текста грамоты это не вытекает: мы узнаем лишь то, что за Рязанью остается территория, которую в свое время «отступили князи торуские Федору Святославичю». Таким образом, князь Федор Святославич — не тарусский князь, которому уступили земли упомянутые в московско-рязанском договоре не названные здесь тарусские князья. Это был, видимо, смоленский князь.¹⁹² Странными поэтому являются все дальнейшие рассуждения И. Б. Грекова о Федоре Тарусском как о *реальном* князе и, в частности, о том, что территориальные уступки Москвой Рязани произошли, «когда самого Федора Тарусского *уже не было в живых*».¹⁹³ Возможно, что

которое И. Б. Греков напрасно разделил на два — на «Слово на Рождество Христово» и на «О пришествии волхвов».

¹⁸⁷ Там же. Шестой, и последний, аргумент С. К. Шамбинаго был отвергнут еще А. А. Шахматовым (подробнее см. в моей статье: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 361—362).

¹⁸⁸ И. Б. Греков. Восточная Европа. . . , с. 444. В действительности я датировку «Летописную повесть» второй половиной 40-х годов XV в. (см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 374—375).

¹⁸⁹ И. Б. Греков. Восточная Европа. . . , с. 444.

¹⁹⁰ См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, с. 29 (№ 10). Приводим отрывок текста грамоты, на который ссылается И. Б. Греков: «А что на Рязанской стороне, за Окою, что доселе потягло к Москве, почен Лопасна уезд Мьстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Броднич с места, как ся отступил(и) кн(я)зи торуские Федору Святославич(ю), та места к Рязани». Этот текст повторен в грамотах: № 19 (1402 г.), № 33 (1434 г.), № 47 (1447 г.), где интересующая нас фраза идентична приведенной: «. . . как ся отступили кн(я)зи торусские Федор Славич» (с. 53), «. . . как ся отступили кн(я)зи торусские Федору С(вя)тославичю» (с. 84), «. . . как ся отступили торусские кн(я)зи Федору Святославичю» (с. 143).

¹⁹¹ По поводу приведенного текста грамоты И. Б. Греков пишет: «Акт передачи этих земель Москве, осуществленной ранее тарусским князем Федором, в этих условиях был аннулирован (И. Б. Греков. Восточная Европа. . . , с. 447).

¹⁹² См.: А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г., т. 1. СПб., 1889, с. 85, 88, см. также с. 351; т. 2. СПб., 1891, с. 354.

¹⁹³ И. Б. Греков. Восточная Европа. . . , с. 447 (курсив наш).

И. Б. Грекова ввела в заблуждение ошибка в Указателе к изданию «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», где Федор Святославич назван «князем тарусским» (с. 508).

Что же касается ссылки на Д. Иловайского,¹⁹⁴ то на указанных И. Б. Грековым страницах его «Истории Рязанского княжества»¹⁹⁵ упоминается лишь один Федор, а именно Федор Ольгович Рязанский.

Хотя отождествление князя Федора Святославича с князем тарусским, как мы видим, не имеет оснований, И. Б. Греков тем не менее уже на следующей странице пишет, что «тарусский князь Федор вместе с новосильским князем Романом продолжал сохранять верность Москве».¹⁹⁶ Расшифровывая это указание, И. Б. Греков ссылается на участие в тверском походе 1375 г. Романа Новосильского и Ивана (но не Федора!) Тарусского, а также на то, что и Роман, и Иван якобы участвовали в Куликовской битве.¹⁹⁷ Но, как мы уже писали, об участии в Куликовской битве Ивана Тарусского (и теперь еще Романа Новосильского) ни летописи, ни старшие тексты «Летописной повести» сведений не дают. Эти имена упоминаются лишь в позднейших текстах рассказов о Куликовской битве — в Никоновской летописи и в поздней редакции «Летописной повести» — в НЛДубр (XVI в.), в ее вставном эпизоде, видеть в котором отражение первоначальной версии рассказа о Куликовской битве мы не считаем возможным. Но при всем этом речь идет опять-таки об Иване, а не о Федоре Тарусском!

Все последующие рассуждения И. Б. Грекова о Федоре Тарусском, гибель которого на Куликовом поле «оказывается далеко не такой мифической, какой ее хотела бы видеть М. А. Салмина»,¹⁹⁸ после всего сказанного по меньшей мере странны, ибо они основываются как раз на мифическом Федоре Тарусском XIV века, появившемся на наших глазах в результате невнимательного прочтения И. Б. Грековым текста «докончальной» грамоты 1382 г.

Таким образом, основной аргумент И. Б. Грекова против датировки «Летописной повести» концом 40-х годов (но, повторяем, отнюдь не основной в моем построении) оказывается несостоятельным, и по существу И. Б. Греков, как и С. Н. Азбелев, не выдвигает против указанной датировки ни одного сколько-нибудь заслуживающего внимания аргумента.¹⁹⁹

¹⁹⁴ Там же, с. 446 (под № 209, с. 163—164).

¹⁹⁵ Д. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1884.

¹⁹⁶ И. Б. Греков. Восточная Европа. . ., с. 447.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ И. Б. Греков считает «неубедительными» и мои выводы о датировке XV веком «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского». Но, как и во всех остальных случаях, мою текстологическую аргументацию он не рассматривает. И. Б. Греков безоговорочно принимает датировку «Слова о житии» А. В. Соловьева, считая датой его сложения время «около 1393 г.» (хотя А. В. Соловьев говорит, что «„Слово“ было закончено после» 1393 г. или, «скажем, в 1394 г.» — см.: А. В. Соловьев. Елифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьского». — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 90), — и тут же пишет, что «Словом о житии», «возможно, завершился летописный свод 1392 г. (так! — М. С.)» (И. Б. Греков. Восточная Европа. . ., с. 329).

Что касается возражений И. Б. Грекова по поводу взаимоотношений «Летописной повести» с «Задонщиной» и «Сказанием о Мамаевом побоище», то вступать в полемику с И. Б. Грековым, выражающим несогласие с моими выводами, основанными на текстологическом сопоставлении «Летописной повести» и «Задонщины», о влиянии первого произведения на второе (там же, с. 450), я считаю излишним, так как И. Б. Греков ограничивается простым отрицанием моей точки зрения, никак не аргументируя свою позицию. Отметим также следующее. И. Б. Греков пишет: «М. А. Сал-

* * *

Итак, ни С. Н. Азбелеву, ни И. Б. Грекову, ставившим перед собой цель доказать первоначальность пространного варианта повести о Куликовской битве и возникновение этого варианта в XIV или начале XV в., этого сделать не удалось. И. Б. Греков по существу отказался от текстологической аргументации «Летописной повести» о Куликовской битве, считая, как он выразился, ее «больше филологической, чем исторической».²⁰⁰ С. Н. Азбелев же формально прибегает к текстологической аргументации, но его текстология, как мы показали выше, — «текстология умолчаний».

Первоначальность текста памятника и его датировка устанавливаются не на основании какого-то случайно выбранного исследователем текста произведения и не на основе анализа только идейного его содержания. Методологическим принципом современного источниковедения является требование изучать памятник путем параллельного анализа истории текста произведения и его идейной направленности.²⁰¹

Современная текстология требует комплексного изучения памятника:²⁰² должна быть исследована вся совокупность дошедших до нас текстов произведения в их взаимосвязи, с учетом истории текста произведений, послуживших источником при его составлении; а если этот памятник дошел в составе летописей, как в случае с «Летописной повестью», то он должен изучаться в тесной связи с включающими его летописными сводами.

Текстологический анализ «Летописной повести» доказывает, что пространственный вариант повести вторичен, что он возник на основе краткого рассказа о событии 1380 г. Троицкой летописи, и не ранее 1437 г. Анализ же его идейного содержания помогает уточнить эту датировку: из него следует, что «Летописная повесть» о Куликовской битве была сложена в конце 40-х годов XV в.

Не исключено, что в будущем появятся новые материалы, которые позволят внести в изучение «Летописной повести» какие-то новые данные. Но и в этом случае следует руководствоваться, как нам представляется, общими принципами советской текстологии, осуществляя единый идейно-текстологический разбор памятника.

мина выдвинула в рассматриваемой работе (т. е. в статье «„Летописная повесть“ о Куликовской битве. . .», — М. С.). . . дискуссионные положения. . . Кажется сомнительным. . . тезис автора о том, что „Летописная повесть“, созданная якобы на рубеже 30—40-х годов XV в., оказала значительное воздействие и на „Сказание о Мамаевом побоище“ (там же, с. 450). Но в указанной статье о влиянии «Летописной повести» на «Сказание» вообще не говорится. По-видимому, И. Б. Греков имеет в виду другую мою статью «К вопросу о датировке „Сказания о Мамаевом побоище“» (ТОДРЛ, т. XXIX, Л., 1974), которая в книге И. Б. Грекова не названа. В этой статье я действительно доказываю, что основным литературным источником «Сказания» была «Летописная повесть». Непонятно только, почему И. Б. Грекову показалось это «сомнительным», ведь на с. 393 своей книги он сам пишет: «Нам представляется. . . правильным мнение тех историков (С. К. Шамбинаго, А. А. Шахматов и др.), которые считали пространную редакцию „Летописной повести“ основой „Сказания“».

²⁰⁰ И. Б. Греков. Восточная Европа. . ., с. 454.

²⁰¹ Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, с. 46.

²⁰² Там же, с. 262.

Р. П. ДМИТРИЕВА

Повесть о рязанском епископе Василии

(История текста первоначальной редакции)

Повести о Петре и Февронии и о епископе Василии написаны были одновременно и восходят к устным рассказам муромского происхождения. Однако в научной литературе лишь спор об авторе этих произведений связал их вместе. Трудным оказался вопрос не о том, какая из дошедших редакций каждой из повестей является первоначальной, а о том, кто был автором этих первоначальных редакций, выяснение истории текста которых и имеет значение для решения этой проблемы.

Повесть о Петре и Февронии с именем Ермолая-Еразма, церковного писателя и публициста середины XVI в., впервые связал Филарет, который, неизвестно на основании каких источников, утверждал, что «Еразмова повесть писана около 1540 г., а новая редакция ее — около 1560 г.»¹ Предположение о принадлежности Повести о епископе Василии перу того же писателя было высказано значительно позднее, в 1911 г., И. Шляпкиным.² Это мнение И. Шляпкина основывалось на том, что в сборнике ГИМ, собр. Хлудова, № 147Д, эта повесть под названием «О граде Муроме и епископыи его» была переписана среди произведений Ермолая-Еразма. В оглавлении к сборнику было указано о принадлежности ему «Поучения к своей душе» и «Моления к царю», причем последнее было озаглавлено: «Того же списателя к царю моление». Имя автора Повести о епископе Василии не было указано ни в заглавии, ни в оглавлении.

В. Ф. Ржига в своей монографии, посвященной творчеству Ермолая-Еразма, обе повести включил в число произведений этого писателя.³ Однако Ю. А. Яворский нашел аргументацию В. Ф. Ржиги недостаточной и высказал ряд доводов о существовании Повести о Петре и Февронии в более раннее время.⁴ Вопрос о том, когда и кем были написаны эти произведения, до настоящего времени оставался спорным и нерешенным ввиду недостаточности фактических сведений.

В данной статье на основании изучения истории текста Повести о рязанском епископе Василии устанавливается ее первоначальный вид, а при-

¹ Филарет. 1) Русские святые, чтимые всею церковью или местно. (Июнь). Изд. 1-е. Чернигов, 1863, с. 114; изд. 3-е. СПб., 1882, с. 275; 2) Обзор русской духовной литературы. Изд. 1-е. Харьков, 1859, с. 211; изд. 3-е. СПб., 1884, с. 155.

² И. Шляпкин. Ермолай Прегрешный — новый писатель эпохи Грозного. — В кн.: Сборник. Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, с. 546—548.

³ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — ЛЭАК, т. XXXIII. Л., 1926, с. 112—147, 163.

⁴ Ю. А. Яворский. К вопросу о литературной деятельности Ермолая-Еразма, писателя XVI в. — Slavia, 1930—1931, год. IX, seš. 2, s. 278—296.

влечение нового, неизвестного до сих пор материала дает вполне определенный ответ на вопрос, кто был ее автором.

Повесть о рязанском епископе Василии в научный оборот введена давно. Впервые текст ее был издан в 1859 г. Н. С. Тихонравовым по рукописи XVII в.⁵ В следующем году вышел в свет первый выпуск «Памятников старинной русской литературы», где была опубликована эта же Повесть в составе Жития муромского князя Константина и его сыновей.⁶ Однако текстологическим исследованием ее никто не занимался. К настоящему времени можно считать установленным, что Повесть о Василии в XVI в. существовала в виде двух редакций. Первая редакция переписывалась как самостоятельное произведение, вторая дошла до нас только в составе Жития муромского князя Константина.⁷ Третья редакция, известная только в единственном списке, относится к XVII в., и появление ее связано с канонизацией героя Повести.⁸

Для восстановления первоначального текста памятника интерес представляют списки только первой редакции. Этих списков в настоящее время сохранилось только 10.⁹ Привожу краткую характеристику списков, содержащих текст Повести о епископе Василии первой редакции. Вначале даю условное обозначение списков, которым буду пользоваться при дальнейшем изложении.

После того как работа была завершена, удалось обнаружить еще один список Повести — ГБЛ, собр. Музейное, № 4728 — в сборнике XVII в. среди повестей о чудесах от икон, на л. 85—88 об. («Повесть о граде Муроме и о епископе его, како прииде на Рязань и о чудеси пречистаго владычна образа и Богородицына и святаго епископа Василия мурамскаго и резаньскаго»). Этот список передает общие особенности списков *II* и *III* (см. ниже).

1. Список *M*: ЦГАДА, ф. 196 (Мазурина), № 593, в 4-тку, 272 л., вторая половина XVI в. По листам внизу запись: «... У Соли Вычегодские на посаде в соборе... ещения пресвятой Богородицы и у пределав ея и святаго святителя Николы и святых чудотворец Козмы и Дамиана положение Никиты Григорьева сына Строганова».¹⁰ Сборник

⁵ Повесть о чудеси пречистыя Богородицы, о граде Муроме и о епископе его, како прииде на Резань. — Летописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовым, т. II. М., 1859, с. 97—99. По всей видимости, текст подготовлен по рукописи ГБЛ, собр. ОИДР, № 197 (шифр рукописи не указан).

⁶ Повесть о водворении христианства в Муроме. — Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Куселевым-Безбородко, вып. 1. СПб., 1860, с. 229—237.

⁷ На Повесть о епископе Василии в составе Жития князя Константина впервые обратил внимание Н. И. Серебрянский (Н. Серебрянский и. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М., 1915, с. 237—247). Он пришел к выводу, что Повесть была использована в качестве одного из источников при составлении Жития: начало ее было переписано в качестве исторического вступления, а основная часть — как завершающий эпизод истории об утверждении христианства в Муромском крае. Однако Н. И. Серебрянский не обратил внимание на то, что при включении Повести в состав Жития она была значительно переработана (см. об этом: Р. П. Дмитриева. Две редакции XVI в. Повести о рязанском епископе Василии. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, с. 136—142).

⁸ Н. Серебрянский и. Древнерусские княжеские жития, с. 246; Г. К. Вегнер. Повесть о рязанском епископе Василии и ее значение для ранней истории Переяславля-Рязанского. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 171. Рукопись хранится в Псковском музее-заповеднике, собр. Никандровой пустыни, № 292/49.

⁹ Еще один список хранится в ГБЛ, собр. Ундольского, № 1420, но он не представляет интереса, так как это копия, снятая В. М. Ундольским с ркп. ГИМ, собр. Синодальное, № 806 (см.: А. Викторов. Очерк собрания рукописей В. М. Ундольского в полном составе. — В кн.: Славянорусские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания с № 1 по 579. М., 1870, Приложение, с. 54). Имелся еще один список в собр. Уварова, № 533, в четвертку (или собр. Царского, № 397), но, по данным описи ГИМ, где хранится это собрание, он числится утерянным. О нем будет сказано ниже, см. примеч. 13.

¹⁰ Н. Г. Строганов умер бездетным в 1619 г. (см.: А. А. Дмитриев. Строгановы и Ермак. — В кн.: Пермская старина, вып. 4. Пермь, 1892, с. 28).

составлен в основном из житий, причем предпочтение отдается святым с архиепископским и епископским саом (архиепископ новгородский Моисей, архиепископ Константинограда Иоанн, епископ кипрский Епифаний, Никита и Иоанн новгородские). Видимо, как рассказ о епископе в сборник включена и Повесть о Василии (л. 232 об.—234: «О граде Муроме и о епископы его, како приде на Рязань, и о чудеси»).

2. Список *Т*: Гос. библ. Сиб. отд. АН СССР, Q. II.33 (Томский сборник),¹¹ в 4-тку, 725 л., конец XVI—начало XVII в. Сборник составлен из нескольких рукописей, содержание разнообразное. Повесть о епископе Василии включена в цикл статей, посвященных борьбе с бесами (на л. 203—206: «О граде Муроме и о епископы его, како приде на Рязань, и о чудеси»).

3. Список *Х*: ГИМ, собр. Хлудова, № 147 Д, в 4-тку, 462 л. и 6 л. оглавления, вторая половина XVI в. Ркп. описана: Х р. Л о п а р е в. Описание Хлудовской рукописи № 147. — ЧОИДР, кн. III. М., 1887, отд. II, с. 1—18. Состав сборника разнообразный; Повесть о Василии переписана между произведений Ермолая-Еразма (л. 435—442 об.: «Прегрешнаго Ермолая к своей ему души поучение», л. 443—445 об.: «О граде Муроме и о епископы его, како приде на Рязань», л. 446—448 об.: «Того же писателя царю моление»)).¹²

4. Список *Д*: ГБЛ, собр. Долгова, № 53, в 4-тку, 357 л., XVII в. Сборник слов, житий, сказаний, в том числе здесь переписано Житие князя Константина, но без последней его части — «Сказания об обновлении града Муромы» (второй редакции Повести о епископе Василии). Повесть первой редакции переписана на л. 353—355 («О граде Муроме и о епископы его, како приде на Рязань, и о чудеси»). После Повести приведены краткие сведения о князе Константине, об обретении его мощей, о посещении Муромы Иваном IV.

5. Список *О*: ЦГАДА, ф. 201 (Оболенского), № 52, в лист, 524 л., начало XVII в. Минея Четья за май и июнь. На л. 4—24 внизу по полю запись: «В лета 7146 (1638) году дал сию книгу четью месяц май, месяц июнь боярина Ивана Никитича Романова человек Михайло Кубасов сын Азарыч старица княжны Ирины Ивановны. . . в вотчину на Кострому да миротворца Дмитрия Селунского чудотворца по себе и по своих родителех в наследие. . . будущего ради покоя при священницех тех церквей Стефане Семюнове, Любиме Афанасьеве, при воине Стефанове и Кирила, александрских чудотворцев Николы мирликийских да Афанасия в село Сидовское в церкви великаго в чудесах». Повесть о Василии помещена под 22 мая (л. 199—200 об.: «Сказание о граде Муроме и о епископы его, како приде на Рязань, и о чудеси»).

6. Список *Л*: ГПБ, собр. Погодина, № 1558, в лист, 252 л., XVII в. Рукопись описана: А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, вып. 1. СПб., 1882, с. 161—180. Состав сборника разнообразный, но Повесть о Василии помещена среди специально подобранных статей о чудесах от икон. И судя по заглавию Повести о Василии в этом списке, составитель сборника отнес ее к этому жанру (л. 156 об.—157: «Чюдо пречистые Богородицы о граде Муроме и о епископы его, како приде на Рязань»).

7. Список *У*: ГИМ, собр. Уварова, № 40, в лист, 122 л., скоропись 1622 г. Рукопись описана: Л е о н и д. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. 4. М., 1894, с. 202—207. Та часть рукописи, где переписана Повесть о епископе Василии, по подбору статей полностью соответствует рукописи собр. Погодина, № 1558, — обе рукописи содержат одни и те же сказания о чудесах от иконы Богородицы. И текст Повести в списке *У* (л. 75—77: «Чюдо пречистия Богородицы о граде Муроме и о епископы его, како приде на Рязань») повторяет все особенности списка *Л*.¹³

8. Список *И*: ГБЛ, собр. ОИДР, № 197, в 4-тку, 103 л. Сборник составлен из нескольких рукописей XVII в., оглавление к сборнику написано П. М. Строевым, очевидно, и сборник составлен им самим. Рукопись описана: [П. М. Стр о е в]. Библиотека имп. Общества историк и древностей российских. М., 1845, с. 81—82. Листы 58—85 писаны одним почерком второй половины XVII в., здесь переписаны: Житие

¹¹ Благодарю Е. И. Дергачеву-Скоп, сообщившую мне об этом списке Повести.

¹² Текст Повести по этому списку опубликован: И. Ш л я п к и н. Ермолай Прегрешный — новый писатель эпохи Грозного. — В кн.: Сборник. Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели, с. 563—565.

¹³ Одиннадцатый, утерянный в настоящее время, список Повести о Василии, судя по сохранившемуся описанию рукописи, должен быть близок спискам *Л* и *У*. Это сборник собр. Уварова, № 533, в 4-тку, 400 л., составленный из 5 рукописей XVII в. (Л е о н и д. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. 4. М., 1894, № 1821; П. М. Стр о е в. Рукописи славянские и российские, принадлежащие И. Н. Царскому. М., 1846, № 397). Повесть о Василии переписана во второй рукописи (л. 88—173), включающей в основном сказания об иконах. Этот список Повести озаглавлен так же, как и список *Л*: «Чюдо пречистия Богородица о граде Муроме и о епископы его, како приде на Рязань».

Федора Стратилата, «Повесть о чудеси пречистыя Богородицы, о Ватопедском монастыре», «Повесть Харитона Исповедника, бывша в Царьграде». На л. 76—80 об.: «Повесть о чудеси пречистыя Богородицы, о граде Муроме и о епископе его, како прииде на Рязань». В рукописи, откуда эти статьи изъяты, они были обозначены главами с 9 по 12, Повесть о Василии обозначена главой 11.

9. Список *С*: ГИМ, собр. Синодальное, № 806, в 4-тку, 1383 л. Эта рукопись является Четьюми Минейми, составленными Иоанном Милютиным в 1646—1654 гг.¹⁴ Повесть о Василии переписана под 25 июня (л. 1121—1124 об.: «В той же день о житии вкратце сказание о епископе Василии Муромском»). Отметим, что на л. 1096—1119 переписана Повесть о Петре и Февронии. Включение этой повести в Четью Миней под 25 июня свидетельствует о том, что составитель их Иоанн Милютин не был знаком с местной рязанской традицией почитания епископа Василия. Последний был признан святым после того, как в 1609 г. были «обретены» его мощи и стало совершаться местное празднование ему 21 мая, 10 июля и 12 апреля.¹⁵

¹⁰ Список *Е*: ГПБ, собр. Соловецкое, № 287/307, в 4-тку, 180 л., XVI в. Об этой рукописи и о Повести о Василии в ее составе будет сказано ниже.

При беглом знакомстве со всеми списками первой редакции Повести о Василии бросается в глаза своеобразие текста списков *С* и *И*. Они передают то же содержание, что и остальные списки, но излагают его в несколько иной стилистической манере. Поэтому о них можно говорить как об особом виде первой редакции. Однако для истории текста Повести важнее обратить внимание на другие имеющиеся различия во всех сохранившихся списках. Именно эти различия помогают проследить генеалогическую связь между списками, которые делятся на две группы. Списки каждой группы имеют общие чтения, не повторяющиеся в другой.

Одну группу (назовем ее условно Хлудовской) составляют списки *Х* и *Д*, в которых имеется чтение «и здание стен имея от мрамора, и того ради нарицашеся Муром». Этого объяснения происхождения названия города Муром в другой группе нет. Однако необходимо сделать оговорку относительно списка *Д*. При наличии чтения, объединяющего его с *Х*, в нем в то же время имеются чтения, сближающие его с некоторыми списками другой группы. Ниже этому будет дано объяснение.

В другую группу (назовем ее условно Мазуринской) включаются все остальные сохранившиеся списки Повести. Их объединяет наличие в каждом из них двух небольших чтений, отсутствующих в Хлудовской группе. Первое чтение — добавление в заглавии слов «о чудеси» («О граде Муроме и о епископыи его, како преиде на Рязань, и о чудеси»). В списках *П*, *И* и *С* это добавление в заглавии претерпело дальнейшие изменения (*П* — «Чюдо пречистыя Богородицы о граде Муроме. . .», *И* — «Повесть о чудеси пречистыя Богородицы о граде Муроме. . .», *С* — «В той же день о житии вкратце сказание о епископе Василии Муромском»). Второе чтение: во фразах «нося божий и богородичный образ» и «несен бысть со образом» слово «образ» написано в единственном числе, в то время как в *Х* оно дано во множественном.

По характеру чтений видно, что эти различия в списках Повести — результат сознательной правки. Прежде чем решать вопрос о том, в которой из групп текст подвергся правке, необходимо выяснить взаимоотношения списков внутри групп.

Сопоставление между собой списков Мазуринской группы позволяет сделать следующие выводы. Список *Т* явно восходит к тексту *М*: он пере-

¹⁴ В. К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 297—298; И о с и ф. Оглавление Четий Миней (священника Иоанна Милютина). М., 1867; Д. К р а с н. Четий Миней священника Иоанна Милютина. — Моск. унив. изв., 1870, № 8, с. 762—777; 1871, № 1, с. 1—23.

¹⁵ Е. Г о л у б и н с к и й. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, с. 122.

дает все особенности списка *М*, но в нем по сравнению с оригиналом допущены пропуски («преже», «посещения ради», «написах, аще же нечто и не до конца сведе»). Ни один из остальных списков этой группы не является копией другого, но в то же время каждый из них представляет собой дальнейший этап постепенной сознательной правки текста, получившей завершение в *И* и *С*.

Список *М* менее всех остальных отличается от текста Хлудовской группы. Кроме названных двух чтений, характерных для всей Мазуринской группы, в нем имеется несколько мелких отличий, не повторяющихся в других списках: «Не в коликах временах» вместо «Не в колика ж времена», «из храмины епископы» вместо «из храмины епископа», «Чудная же та икона» вместо «Чюдесная же та икона», «удиви» вместо «удивити». Судя по характеру этих чтений, появление их можно объяснять только как результат переписки текста. К числу таких же различий относится и чтение «инии» вместо «мнии». Это же чтение имеется и в списке *И*, который в генетической связи далеко отстоит от *М*; видимо — это независимо друг от друга возникшая ошибка двух писцов.

Список *О* передает следующий этап в истории текста этой группы. В его протограф, восходящий к списку типа *М* (но не содержащий его индивидуальных чтений), была внесена новая, тоже незначительная, но сознательная правка: в конце предложения «И тако пребыть муромская епископы в Рязани, нарицает же ся и по днесь Борисоглебская» добавлена была фраза, еще раз уточняющая мысль, почему муромская епископы называется Борисоглебской — «одержания ради града Мурома святым Глебом»; также были включены две поправки при упоминании о Христе и Богородице (вместо «икону образа божия превичнаго младенца и Богородична» написано «икону образа божия превичнаго написана младенчески и Богородична», вместо «Пречистая божия мати» — «Пресвятая дево божия мати»); перед словом «молити» добавлено слово «почитати». Все эти чтения перешли в список *П*.

Индивидуальные чтения списка *О* незначительны: в заглавии добавлено слово «Сказание», вместо «превеликаго князя Владимира» написано «великаго князя Владимира», «себе» передано через «ся», во фразе «да сея ради вины изгонят ис епископии» допущен пропуск слов «ис епископии».

Списки *П* и *У* переписаны в рукописях среди сказаний о чудесах от икон. Составитель протографа сборников этих списков Повесть о епископе Василии тоже отнес к жанру сказаний об иконах, что нашло отражение в изменении названия произведения: «Чюдо пречистые Богородицы о граде Муроме и о епископы его, како прииде на Резань». Эти списки сохраняют чтения протографа списка *О*, но в то же время передают следующий этап постепенной правки текста. Эти новые изменения вносились, видимо, с целью сделать текст более конкретным и точным. Во фразе «в Росийстей земли град Ростов» слова «в Росийстей земли» были заменены — «в Ростовстей области»; во фразе «в тех градах одержания их епископи» вместо слова «градех» написано «церквах»; о князьях, правящих в Муроме, сказано «болши и вящшии», до этого стояло только «вящшии»; к словам «хотех бо распространити» добавлено «повесть сию». Все эти чтения перешли в список *И*, но последний ведет свое происхождение от оригинала общего протографа списков *П* и *У*. Дело в том, что списки *П* и *У*, помимо измененного заглавия, имеют чтение, не повторяющееся в других списках: в них слово «поприще» заменено словом «верста», этих чтений нет в *И*. Следовательно, текст списка *И* нельзя выводить непосредственно от *П*. Можно отметить своеобразную черту в орфографии этого списка: в нем слово «Рязань» пишется через «е» — «Резань».

Списки *И* и *С* сохраняют все чтения оригинала протографа списков *П* и *У*, но восходят они не непосредственно к этому оригиналу, а к списку, составленному на основании его. *И* и *С* не представляют собой единого текста, каждый из них имеет свои индивидуальные особенности, причем в списке *С* их значительно больше, чем в *И*, но оба они восходят к списку, который по сравнению с протографом списка *П* претерпел большие изменения, хотя правка носила по преимуществу стилистический характер. В содержание произведения ничего нового не внесено, но текст подвергся распространениям путем добавления формул, обычно употреблявшихся в сюжетах о чудесах от икон. Прежде всего это проявилось в частом и пространном упоминании об иконе.

В раннем списке *М* в первый раз икона названа «иконой образа божия пречечнаго младенца и Богородична». В *И* в результате постепенной правки от списка к списку наименование иконы стало более многословным: «образа божия и пречечнаго написана младенчески и пречистая Богородица». В *С* этой формулировке придали более традиционную форму: «образа пречистыя Богородицы со пречечным младенцем господем нашим Исус Христом». Второе упоминание о иконе от списка *М* до списка *И* дошло неизменным: «божий и богородичный образы». В *С* это наименование меняется на более общепринятое: «владычный и Богоматери образ». Составитель протографа списков *И* и *С*, воспринимая Повесть как произведение жанра об иконах, счел необходимым дать еще раз характеристику иконы: при описании отплытия Василия, после слов «стоя на брезу», он добавил: «. . . со образом пречистыя Богородица, на нем же вообразен на руце пречечный младенец господь наш Исус Христос и спаситель миру».

Сопоставление этой дополнительной правки с текстами повестей об иконах подтверждает мысль о том, что упомянутая выше постепенная правка Повести о Василии преследовала цель приблизить ее к жанру повествования о чудесах от икон. Для примера можно взять Повесть о Выдропусской иконе Богоматери, написанную в XVI в. В ней тоже неоднократно дается многословное название иконы («. . . стояша икона у царских врат, образ пречистыя Богородицы и приснодевы Марии, честнаго и славнаго ея Одигитрия, сиречь крепкия заступницы»; «. . . образ пречистыя владычицы наша Богородицы, честнаго и славнаго ея Одигитрия»; «. . . образ пренепорочной и пресвятой Богородицы, честнаго и славнаго ея Одигитрия»¹⁶).

При сопоставлении Повести о Василии с Повестью о Выдропусской иконе Богоматери видна также целенаправленность правки в протографе списков *И* и *С* и в другом случае: это подчеркивание чудесности происшествия. В Повести о Выдропусской иконе читаются такие выражения: «о великое чудо», «дивяся преславному чудеси», «и зрит дивное чудо», «и умом дивляся бывшему чудеси преславному пречистей Богородице»¹⁷.

В протографе списков *И* и *С* тоже добавлено несколько фраз, подчеркивающих описываемые события в Повести как рассказ о чуде от иконы. Так, после сообщения о том, что Василий с иконой вступил на простертую на воде мантию, сделана вставка: «. . . бысть чудо дивно и преславно зело и промыслом Божиим и неизреченными его судьбами и пречистыя Богородица милостию и молением». Далее изложение продолжается как и в остальных списках: «. . . духом бурным несен бысть со образом», но здесь текст снова прерывается вставкой: «. . . оле чудо! яко не по воле несен бысть». Несколько ниже вновь подчеркивается, что это событие случилось

¹⁶ Памятники старинной русской литературы, вып. IV. СПб., 1862, с. 180, 181.

¹⁷ Там же, с. 181—182.

«божиею благодатью и пречистыя Богородицы». В заключение рассказа о путешествии епископа Василия, перед сообщением о том, что Василий прошлыл вверх по реке более 200 поприщ в течение 6 часов, в этих списках снова сделана вставка: «. . . великое чюдо сотвори».

Автором этой правки были сделаны также незначительные дополнения, по всей видимости с целью устранить лаконизм изложения, свойственный оригиналу: 1) вместо «во оконце его» оригинала здесь написано «во оконце выглядая»; 2) к словам «приидоша к епископу в дом» добавлено «и видевшя вражия соблажнення»; 3) фраза «надежу о всяцем спасении своем» изменена — «надежу спасения своего о всяцем уготовании»; 4) в оригинале было — «снем мантию», здесь — «снем же с себе епископ мантию свою святительскую»; 5) к слову «струям» добавлено «речным»; 6) к словам «поведаху же» добавлено «о сем»; 7) к словам «не возвратишася» добавлено «и до ныне»; 8) фраза «по достоянию похвалит» распространена — «по достоянию возможем похвалить».

Список *И* имеет несколько индивидуальных чтений, которые и не позволяют непосредственно к нему возводить *С*. Некоторые из них, по всей видимости, появились в результате недостаточно внимательной работы переписчика. Это следующие чтения: «страдания многа» вместо «страдание ею», «работник» вместо «разбойник», «Епископ же Василий» (вместо «Сий же»), к словам «в девятый час» добавлено «дни», допущен пропуск слов — «ужасает ми ся ум. Хотех бо распространити».

Как уже говорилось выше, текст списка *С* включен в Четырех Минее, составленные в середине XVII в. священником Иоанном Милутиным. Этот текст восходит к протографу списка *И*, передает все его особенности, но, кроме того, содержит и свои, не повторяющиеся больше нигде, чтения. Их, видимо, надо относить к творчеству Иоанна Милутина. Главной целью его правки, скорее всего, было стремление устранить оставшиеся в тексте элементы своеобразия стиля оригинала произведения, подводя его под общепринятые формулы своего времени. Индивидуальные чтения *С* следующие: 1) «святаго Владимира» вместо «Владимира»; 2) «другому же сыну своему Глебу» вместо «сыну же своему, рку же святому Глебу»; 3) «установися во граде Муроме епископия» вместо «бяху в тех церквах одержания их епископи, и нарицахуся тии епископи домовнии» (*И*); 4) «старейший» вместо «болши и вящи» (*И*); 5) «юнейший» вместо «мний»; 6) «образа пречистыя Богородицы со превечным младенцем господем нашим Иисус Христом» вместо «образа божия превечнаго написана младенчески и пречистая Богородица» (*И*); 7) «глаголемыя» вместо «нарицаемыя»; 8) «нося на руку свою владычней и Богоматери образ» вместо «нося божий и Богородичный образ»; 9) «принесен» (два раза) вместо «примчан»; 10) «И тако устроися божиим промыслом муромская епископия» вместо «И тако пребысть муромская епископия». Три больших чтения носят характер распространения текста для уточнения содержания: 1) к словам «поставлен бысть» добавлено «на месте»; 2) в предложение «сея ради вины изгонят из епископии» вставлено слово «епископа»; 3) после фразы «хотяху дати ему отплуги судно мало» добавлено «он же не прият». В списке *С* допущен пропуск двух фраз: «. . . и того же дни в девятый час», «. . . аще же нечто и не до конца сведе написах».

Таким образом, в результате постепенной поэтапной правки текст Повести о Василии в списках *И* и *С* значительно отошел от оригинала, — в нем усилились черты, свойственные жанру повестей об иконах, хотя содержание изменений не претерпело. Во всяком случае, эти два списка для решения вопроса о первоначальном виде Повести не имеют смысла привлекать. Существующая генетическая зависимость списков этой группы в их последовательности от *М* до *С* показывает, что для восстанов-

ления архетипного текста Повести наиболее существенное значение имеют списки *М* и *О*.

Обратимся к спискам Хлудовской группы — *Х* и *Д*. Объединить их в одну группу заставляет наличие в них двух чтений, которые не повторяются ни в одном из списков другой группы: 1) добавление, объясняющее происхождение названия города Мурома: «...и здание стен имея от мрамора, и того ради нарицашеся Мурам»; 2) при названии иконы два раза слово «образ» написано во множественном числе — «нося божий и Богородичный образы», «несен бысть со образы» (в Мазуринской группе это слово везде написано в единственном числе).

Хотя *Х* и *Д* из-за наличия в них названных чтений объединяются в одну группу, но между ними есть различия. Текст списка *Х* в целом более близок *М*, чем *Д*. Сопоставление списка *Х* с *Д* и списками Мазуринской группы позволяет выявить несколько индивидуальных чтений: 1) все списки дают чтения «оттуда уже», в *Х* в этом месте написано «от чудеси»; 2) во фразе «яко преславен град бяше в Росийстей земли» в *Х* утрачено слово «град»; 3) в конце Повести пропущена фраза: «... како молиши сына си со отцем и со святым духом о наших согрешениих!».

Список *Д*, при наличии двух общих чтений *Х*, не повторяющихся ни в одном другом списке, имеет ряд существенных отличительных черт, анализ которых позволяет установить сложную историю его происхождения. Новые чтения по сравнению с протографом списка *Х*, читающиеся в *Д*, делятся на два вида. Чтения одного вида не повторяются в других списках Повести. Это значит, что мы их можем определять как индивидуальные чтения списка *Д*. Они встречаются на протяжении всего текста, хотя на содержание произведения влияния не оказывают. Перечислю наиболее значительные из них в последовательности изложения содержания: 1) «преподобнаго» вместо «превеликаго»; 2) «И в некое же время» вместо «Не в колика ж времена»; 3) пропуск слова «соблазнися»; 4) «приим икону образ божия матере и превечного младенца» вместо «приим икону образа божия превечнаго младенца и Богородична»; 5) к словам «снем мантию» добавлено «с себе»; 6) «противу быстрин струям» вместо «противу струям»; 7) в предложении «И нарицахуся епископи преже рязанстии и потом муромстии» пропущено слово «епископи»; 8) «молящися с нами отцу и сыну и святому духу» вместо «молиши сына си со отцем и святым духом». Кроме того, переписчик списка *Д* любит употреблять имперфект: «разделиши» вместо «разделить», «терпяше» вместо «терпя», «творяши» вместо «творя», «стояше» вместо «стоя», «уповаше» вместо «упова».

Чтений другого вида немного, но они существенны для установления происхождения списка *Д*. Эти чтения повторяются в списках Мазуринской группы, за исключением *М*. Следовательно, они не принадлежат оригиналу, а появились только в протографе списка *О* (см. об этом выше). Как объяснить появление в списке *Д*, принадлежащем к Хлудовской группе, появление вторичных чтений из другой группы? Это могло случиться только в том случае, если текст произведения, скопированный с одного списка, правился по второму списку, принадлежащему другой группе.

Чтений Мазуринской группы (по спискам *О*, *П*, *И*, *С*) в списке *Д* три. Первое: в предложении, где говорится о том, что муромская епископия со времени Василия находилась в Рязани, к словам «нарицает же ся и по днесь Борисоглебская» добавлено разъяснение — «одержания ради града Мурома святому Глебу» (в списках Мазуринской группы последние два слова поставлены в творительном падеже — «святым Глебом»).

Второе чтение менее выразительно. Если в списках *Х*, *М* и *Т* в конце Повести в авторском обращении к Богородице о ней говорится «божия мати», то в списках *Д* и *О*, *П*, *И*, *С* — «дево божия мати». Конечно, эту незначи-

тельную правку в список *Д* могли внести и самостоятельно, но при наличии в нем первого чтения списков *О*, *П*, *И*, *С* нельзя считать появление и этого чтения случайным, оно обусловлено зависимостью от Мазуринской группы.

Объединяет *Д* с названными списками Мазуринской группы и еще одно чтение. Во всех этих списках написано — «два князя от того сродства». В *Х* вместо «того» читается «тогова», в *М* и *Т* — «токова» («такова»). Видимо, появление в списке *Д* этого чтения объясняется теми же причинами, что и в предыдущих случаях. Все три чтения имеют в списке *О*. Однако список *Д* восходит не непосредственно к нему самому, а к его протографу, поскольку индивидуальные черты списка *О* в нем не нашли отражения.

Таким образом, можно констатировать, что список *Д* представляет сводный текст, составленный на основании двух видов текста Повести о епископе Василии первой редакции. Вероятнее предполагать, что текст типа списка *О* служил дополнительным источником, а не основным, так как все учтенные чтения этой группы в *Д* носят смысловой характер. Едва ли бы стали выправлять чтение «образ» на «образы» Хлудовской группы, если бы оно не было в составе основного переписываемого списка (чтение Мазуринской группы было более общепринятым).

Список *Д* представляет значительный интерес не для восстановления первоначальных чтений текста Повести, а для выявления ее дальнейшей судьбы. Большинство отличительных черт списка *Д* (и его индивидуальные чтения, и чтения, совпадающие с двумя видами первой редакции) оказались свойственными и второй редакции Повести (в составе Жития муромского князя Константина). Отмечу наиболее существенные совпадения между списком *Д* и переработанной Повестью в составе Жития муромского князя Константина. Во вторую редакцию включена фраза «одержания ради града Мурома святому Глебу», при этом была сохранена особенность списка *Д*, в котором последние два слова стоят в дательном падеже в отличие от формы творительного падежа списка *О* Мазуринской группы «святым Глебом». Вторая редакция повторяет и индивидуальные чтения списка *Д*. Так, в ней, как и в списке *Д*, читается — «молящиеся с нами отцу и сыну и святому духу» (вместо «молиши сына си со отцем и со святым духом»). Во второй редакции появилась распространенная фраза «противу быстрин речных струй» явно под влиянием текста списка *Д* — «противу быстрин струям» (в остальных списках здесь «противу струям»). Название иконы, читающееся во второй редакции («икону пресвятыя Богородицы с превичным младенцем господем нашим Исусом Христом»), ближе соответствующему тексту в списке *Д* («образ божиа матере и превичном младенце»), нежели первоначальному тексту («образа божиа превичнаго младенца и Богородична»). Имеются также совпадения во второй редакции и списке *Д* в написании отдельных слов.

Таким образом, можно считать очевидным, что текст списка *Д* был положен в основу при составлении второй редакции Повести о епископе Василии. Вероятно, именно для этой цели текст Повести, взятый по одному списку, был сверен и дополнен по другому. Установление этого факта имеет некоторое датирующее значение: ко времени составления Жития Константина Повесть о Василии не только была написана, но и уже существовала по крайней мере в двух вариантах, имеющих хотя и небольшие, но смысловые различия. Это значит, что очень скоро после написания она была подвергнута редактированию, но уже не самим автором.

Установленная текстологическим путем связь между текстом списка *Д* и Житием князя Константина подтверждается и наблюдениями над содержанием сборника, куда включен список *Д*. Составитель сборника собр. Долгова, № 53, в конце рукописи сделал подборку сказаний о чудесах

от икон. Наряду со сказаниями об иконах Богородицы Казанской и Тихвинской он включил и Повесть о епископе Василии. Но вместе с ней из того же источника, из которого взял Повесть, переписал также и следующие за ней краткие заметки о князе муромском Константине и об обретении его мощей в середине XVI в. Эти краткие заметки содержат тот конкретный материал, который был включен в Житие. Последнее было значительно распространено за счет использования текстов из агиографических сочинений. Новых фактических сведений, относящихся к истории города Муром, Житие по сравнению с этими заметками не содержит. Таким образом, Повесть о Василии в этой рукописи и следующие за ней заметки представляют собой материал, отражающий первоначальный этап работы по составлению Жития князя Константина. Данные сборника собр. Долгова, № 53, важны для выяснения истории создания житийных произведений в круге митрополита Макария, но это выходит за пределы темы данной статьи.

В результате проведенного сопоставления сохранившихся списков Повести о епископе Василии первой редакции для восстановления первоначального ее вида выбор падает только на списки *X* и *M*. Они, как уже говорилось, относятся к разным группам, а среди списков своих групп отражают наиболее ранний этап существования Повести. Для восстановления текста Хлудовской группы следует учитывать также список *D*₂ (не принимая во внимание в нем чтений Мазуринской группы). Это необходимо для устранения вторичных чтений списка *X*. Сравнение Хлудовской группы и списка *M* показывает, что текст в них один и тот же, за исключением трех чтений: 1) в Хлудовской группе по сравнению с Мазуринской имеется добавление, объясняющее происхождение названия города Муром — «и здание стен имея от мрамора, и того ради нарицашеся Муром»; 2) в заглавии Мазуринской группы добавлены слова «и о чудеси»; 3) по-разному сказано об иконе (в Хлудовской — «божий и Богородичный образы», в Мазуринской — «божий и Богородичный образ»).

Которая из групп в трех этих случаях дает первоначальные чтения? Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, необходим был бы третий вариант текста, который тоже восходил бы к общему источнику первых двух. Его у нас нет, поэтому о данных разночтениях можно строить только предположения.

В первом случае чтение Хлудовской группы могло быть и авторским, так как добавленное предложение стилистически близко авторской манере (ср. «да сея ради вины», «посещения ради», «нарицает же ся и по днесь Борисоглебская»). Второе чтение (добавление слов «и о чудеси») мне представляется явлением вторичным, так как в авторском тексте произведения нет стремления выдвинуть на первый план мысль о чудесности иконы, цель рассказа — дать объяснение о перенесении епископии в Рязань. В третьем случае чтение Хлудовской группы, видимо, первоначальное, так как оно менее употребительно («образы» вместо «образ» по отношению к одной иконе).

При решении вопроса, какая же группа ближе авторскому тексту, следует еще раз обратить внимание на состав сборников, в которых находятся списки *X* и *M*. Повесть в рукописи списка *M* включена в подборку статей о святых, носивших епископский сан, в Хлудовской рукописи она переписана среди произведений Ермолая-Еразма. Следовательно, списки разных групп имеют и разную рукописную традицию, которая отражает два пути начальной истории текста Повести.

Обнаруженная недавно, уже после того, как была проведена текстологическая работа над списками Повести о Василии, рукопись ГПБ, собр. Соловецкое, № 287/307, позволяет проконтролировать все выска-

занные выше соображения по истории текста Повести о Василии. Эта рукопись относится к середине XVI в., в ее состав входят произведения Ермолая-Еразма. По ряду признаков данный сборник следует считать авторским экземпляром сочинений Ермолая-Еразма.¹⁸ В нем переписана также и Повесть о епископе Василии.

Из рассмотренных выше списков Повести наиболее близким Соловецкому (*Е*) надо признать список *Х*, несмотря на то что последний имеет и пропуски, и небольшие искажения, которых нет в списке *М*. Дело в том, что только *Х* и *Е* сохраняют некоторые особенности индивидуального характера. Если учесть при этом, что Повесть в том и другом сбор-

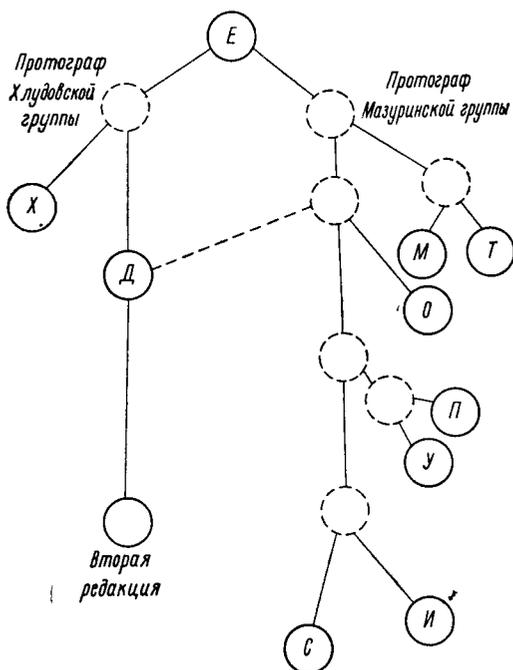

Схема взаимоотношений списков Повести о епископе Василии первой редакции.

нике находится среди произведений Ермолая-Еразма, то естественно сделать вывод, что *Х* восходит к оригиналу, который дошел до нас в Соловецкой рукописи. Только список *Х* сохраняет слово «тогова» во фразе «два князя от тогова сродства». Это своеобразное написание в родительном падеже местоимения «такой» отражает, видимо, индивидуальную особенность речи самого автора. Список *М* меняет это написание, в нем стоит «такова», а последующие списки дают чтение «того». В большинстве случаев список *Х* сохраняет правописание оригинала. Так, название города Муром в нем, как и в оригинале, пишется через «а» — «Мурам». Список *Х* следует за своим оригиналом, употребляет слово «образ» во множественном числе, при названии иконы Богоматери с младенцем (два раза). Название Повести в нем тоже совпадает со списком *Е* в отличие от списка *М*.

Однако список *Х* не является просто копией со списка *Е*. Сообщения о мраморных стенах Муром в Соловецкой рукописи нет, следовательно,

¹⁸ Характеристика сборника с приведением доказательств о составлении его самим автором и включенных в него произведений будет дана в отдельной статье.

Х отражает следующий этап сознательной обработки текста. Не исключено, что это добавление сделано было самим Ермолаем-Еразмом, — он свои произведения нередко подвергал редактированию. В таком случае надо признать, что в списке *М* сохранился первоначальный авторский вариант Повести. Надо подчеркнуть еще раз, что *М* хотя и не передает индивидуальных черт оригинала, как это делает *Х*, но текст его более точен: собственно, кроме добавления в заглавии слов «о чудеси», он полностью совпадает с *Е*. В списке *М* до нас дошла грамотная точная копия с оригинала, которая была снята с целью пустить в читательский оборот только что написанное произведение (см. схему).

Текстологическое сличение списков Повести о епископе Василии свидетельствует о том, что текст Повести в составе Соловецкой рукописи действительно был тем оригиналом, от которого ведут свое происхождение все дошедшие до нас списки. Однако две группы текста отражают разные пути копирования и редактирования.

Установленная история текста Повести о Василии наглядно показывает направленность правки текста оригинала при последующей переписке. Редакторы по преимуществу стремились приблизить произведение к общепринятому канону жанра повестей о чудесах от иконы. На фоне этой постепенной правки хорошо видно стилистическое своеобразие Повести в авторском изложении. Целью автора было дать объяснение о нахождении муромской епископии в Рязани, — этим определена логика всего изложения. Конкретность и лаконизм, эта особенность стиля автора Повести о Василии, проявилась и в другом произведении, связанном с муромским преданием, — в Повести о Петре и Февронии. Таким образом, текстологический анализ сохранившихся списков Повести о рязанском епископе Василии подтверждает, что в Соловецкой рукописи сохранился текст оригинала Повести и автором ее следует признать Ермолая-Еразма.

ПОВЕСТЬ О ВАСИЛИИ,
ЕПИСКОПЕ РЯЗАНСКОМ И МУРОМСКОМ

Первая редакция

Основной текст:

ГПБ, собр. Соловецкое, № 287/307 *Е*

Разночтения:

ЦГАДА, ф. 196 (Мазурина), № 593	<i>М</i>
ГИМ, собр. Хлудова, № 147. Д	<i>Х</i>
ГБЛ, собр. Долгова, № 53	<i>Д</i>
ЦГАДА, ф. 201 (Оболенского), № 52	<i>О</i>
ГПБ, собр. Погодина, № 1558	<i>П</i>
ГИМ, собр. Уварова, № 40, в лист	<i>У</i>
ГБЛ, собр. ОИДР, № 197	<i>И</i>
ГПНТБ СО АН СССР, Q. II. 33 (Томский сборник)	<i>Т</i>

О ¹ граде Мураме и о епископы ² его, како прииде ³ на Рязань ⁴

л. 122

Слышах убо некия ⁵ глаголющих древняя ⁶ сказания о граде Мураме, яко в прежняя лета бысть создан не на том месте, идеже ныне есть ⁷, но беаше негде в той же области, отстояние же имея немало от нынешняго града. Сказание же о нем ⁸, яко преславен град ⁹ бяше в Росийстей ¹⁰ земли во дни древняя ¹¹. Многим же летом прешедшим разорися некако

¹ Сказание о *О*; Повесть о чудеси пречистыя Богородицы о *И*; Чудо пречистыя Богородицы о *ПУ*. ² епископе *И*; епископии *ДУ*. ³ прииде *ПИУ*. ⁴ *Доб.* и о чудеси *МДОТ*. ⁵ неких *Д*. ⁶ древних *Д*. ⁷ *Доб.* стоит *Д*. ⁸ *Доб.* сице *И*. ⁹ *Нет Х*. ¹⁰ Русийстей *П*; Росийской *Д*; Росистей *Т*. ¹¹ *Доб.* и здание стен имея от мрамора, и того ради нарицашеся Мурам *ХД*.

и запусете, и потом по многих летех пренесен бысть на ино место вскраи¹² тоя же области и ту¹³ поставлен бысть, идеже и¹⁴ ныне есть.

Егда же бысть в Киеве и во всей Русии¹⁵ держава превеликаго князя и святого равна¹⁶ апостолом Владимира, и внегда ему дети¹⁷ своя раздели¹⁸ во одержание¹⁹ градов, предать²⁰ сынови своему²¹ рку же²² святому Борису в Росийстей²³ земли²⁴ град Росьтов²⁵, и²⁶ сынови же²⁷ своему²⁸ рку же²⁹ святому Глебу град Мурам. И с тех градов бысть по Христе и³⁰ страдание ею³¹, и якоже святыня³² ею познана³³ бысть от верных и прославися || во святых церквах. И беяху в тех градах³⁴ одержания их епископи, и³⁵ нарицахуся тии³⁶ епископи³⁷ домовнии³⁸ святых стратотерпец Бориса и Глеба. Потом же два князи³⁹ от тогова⁴⁰ же сродства святого превеликаго⁴¹ князя⁴² Владимира, присная суще⁴³ себе братиа⁴⁴, начаша державствовати: вящещи⁴⁵ во граде Мураме⁴⁶, мнии⁴⁷ же в Рязани⁴⁸. Не⁴⁹ в⁵⁰ колика же времена⁵¹ бысть во граде Мураме епископ праведен⁵² именем Василие⁵³. Сего же добляго⁵⁴ жития не терпя⁵⁵ враг, иже древнии⁵⁶ душам разбойник⁵⁷, нача на нь⁵⁸ спону⁵⁹ творити, яко да прилична⁶⁰ его блудному делу сотворить. И воображаяся⁶¹ в девицу, и показуя себе⁶² из храмины⁶³ епископа⁶⁴ овогда во оконце его⁶⁵, иногда же преход творя⁶⁶ из храмины⁶⁷ его. Видевши⁶⁸ же се⁶⁹ мног народ соблазнися⁷⁰, тако же и велможа⁷¹, и⁷² приидоша къ епископу в дом⁷³, да⁷⁴ сея ради вины изгонят⁷⁵ ись епископии⁷⁶.

Епископ же⁷⁷ прием икону образа⁷⁸ божиа⁷⁹ превечнаго младенца⁸⁰ и Богородична⁸¹, на ню же имеяше⁸² надежу⁸³ о всяцем спасении⁸⁴ своем, и поиде из епископии⁸⁵. Проводиша же его до реки, нарицаемыя⁸⁶ Оки, и хотяху дати ему отплуты⁸⁷ судно мало⁸⁸. Сий⁸⁹ же⁹⁰, стоя⁹¹ на брезе⁹², снем мантию⁹³, и простре || на воду, и вступи⁹⁴ на ню, нося божий и⁹⁵ богородичный образы⁹⁶, и⁹⁷ абие⁹⁸ духом бурным несен бысть со образы⁹⁹ противу¹⁰⁰ струям П. 1, отнюду же река течаше. Поведяху же²,

¹² в край И. ¹³ Нет ПИУ. ¹⁴ Нет ДПИУ. ¹⁵ Росии МХДОПИТУ; доб. и И. ¹⁶ равно ХМДОПУИТ. ¹⁷⁻¹⁸ Нет И. ¹⁸ разделиши Д. ¹⁸⁻¹⁹ в содержании И. ²⁰ предеде Д. ²¹⁻²² Нет Д. ²³ Ростовстей УПИ; Росийской Д. ²⁴ области П; в У на поле написано области; облости И. ²⁵ Ростов ХМДОПУИТ. ²⁶ Нет О. ²⁷ Нет И. ²⁸⁻²⁹ Нет Д. ³⁰⁻³¹ страдания многа И. ³¹ им Д. ³² бысть на И. ³³ познано Д. ³⁴ церквах УПИ. ³⁵ Нет О. ³⁶ ти ПУ. ³⁷ епископи ДИ. ³⁸ домовни ПУ. ³⁹ князя ПИТУ. ⁴⁰ токова М; такова Т; того УДОПИ. ⁴¹ преподобнаго Д; великого О; превеликого ПТ. ⁴² Доб. князя И. ⁴³ Нет Д; суца ПУ; суца И. ⁴⁴ братие МТ; братия ПИУ. ⁴⁵ вящещи МДТ; вящци О; болши и вящци ПУ; болши и вяци И. ⁴⁶ Доб. и И. ⁴⁷ инии МИ; и инии Т. ⁴⁸ Рязани ПИУ. ⁴⁸⁻⁵¹ И в некое же время Д. ⁴⁹ Нет И. ⁵⁰⁻⁵¹ коликах временах МТ. ⁵² приведен П. ⁵³ Василий О; Василей И. ⁵⁴ добраго И. ⁵⁵ терпяше Д. ⁵⁶ древни Д; древним ПИУ. ⁵⁷ работник И. ⁵⁸ ны И. ⁵⁹ споны Д. ⁶⁰ прилучна И. ⁶¹ воображается И. ⁶² ся О. ⁶³⁻⁶⁷ Нет П. ⁶⁴ епископы МТ. ⁶⁵ выглядая И. ⁶⁶ творяши Д. ⁶⁸ Видевше ПУ. ⁶⁹ сего Д. ⁷⁰ соблазнишася МТ; нет Д. ⁷¹ велможи ДИ. ⁷² Нет И. ⁷³ Доб. и видевше сия вражия соблажнения И. ⁷⁴ Нет Д. ⁷⁵ изгнати Д. ⁷⁵⁻⁷⁶ Нет О. ⁷⁶ епископства П; епископ У. ⁷⁷ Доб. Василей И. ⁷⁸ образ Д. ⁷⁹ Доб. и МТ. ⁷⁹⁻⁸¹ матери и превечном младенце Д. ⁸⁰ написана младенчески ОПУ; написано младенчески И. ⁸¹ пречистая Богородица И. ⁸² имея ПИУ. ⁸³ надежду ДО. ⁸³⁻⁸⁴ спасения своего о всяцем уготовании И. ⁸⁵ Доб. из града Муромы и И. ⁸⁶ нарицаемыи МТ. ⁸⁷ отплыти ДОПУТ; отплыть И. ⁸⁸ малое И. ⁸⁸⁻⁹⁰ Епископ же Василий и И. ⁸⁹ Сей ДО. ⁹¹ стояше Д. ⁹² Доб. со образом пречистая Богородица, на нем же воображен на руке превечный младенец господь наш Исуе Христос и спаситель миру И. ⁹²⁻⁹³ снем же с себе епископ мантию свою святительскую И. ⁹³ Доб. с себе Д. ⁹⁴ воступи Д. ⁹⁵ Нет ОТ. ⁹⁶ образ МОПУИТ. ⁹⁷ Нет ОПУИ. ⁹⁸ Доб. же УОП; доб. же бысть чудо дивно и преславно зело, и промыслом Божиим и неизреченными его судьбами и пречистия Богородица милостию и молением И. ⁹⁹ образом МОИТ; доб. оле чудо! яко не по воле несен бысть, по И. ¹⁰⁰ Доб. бы- стрин Д.

П 1 Доб. речным И. ² Доб. о сем И.

яко бысть се ³ в ⁴ третий час дне⁵, и того же дни в девятый час ⁶ примчан бысть ⁷ в ⁸ место, еже ныне зовомо ⁹ Старая Рязань; ту бо тогда пребываху и ¹⁰ князи рязанстии. Князь же рязанский Олег срете ¹¹ и ¹² со кресты, и тако пребысть мурамская епископья в Рязани; ¹³ нарицает же ся ¹⁴ и по ¹⁵ днесь Борисоглебская¹⁶.

По сих же паки прият бысть ¹⁷ Мурам от рязанских епископов¹⁸. Сами же к тому в Мурам не возвратишася ¹⁹ и нарицахуся ²⁰ епископи ²¹ преже ²² рязанстии и ²³ потом мурамстии. Егда ²⁴ же посещения ради ²⁵ во град Мурам епископи приход творяху, тогда нарицахуся преже ²⁶ мурамстии и потом рязанстии. Чюдесная ²⁷ же та икона, иже епископа ²⁸ пренесе²⁹, и до ныне в Рязани есть. Он бо ³⁰ верою упова ³¹ на ню³², сия же милостию удивл³³, хотя явити без порока своего раба, и ³⁴ въ едину шесть часов премча ³⁵ вверх по реце ³⁶ множае двусот поприщ³⁷.

О ³⁸ пречистая ^а, ³⁹ божиа мати⁴⁰, кий язык исповесть твоя чюдеса или ⁴¹ кий смысл по достоян⁴²ию похвалит твоя благодеяния ⁴³, како ⁴⁴ молиши ⁴⁵ сына си ⁴⁶ со отцем и со ⁴⁷ святым ⁴⁸ духом ⁴⁹ о наших согрешениях! ⁵⁰ Се бо ⁵¹ слыша ⁵² — не ⁵³ самого зрака твоего, но образа ⁵⁴ написаннаго каки ⁵⁵ силы сотвори ⁵⁶, ужасает ми ся ум! Хотех бо распространити ⁵⁷ и не свем⁵⁸, како написати, понеже ⁵⁹ оттуду уже ⁶⁰ многа лета преидоша, и аз о сем не добре сведе и боюся, да ⁶¹ не явлюся о сем глаголяи ⁶² ложь⁶³. Яко же ⁶⁴ слышах, тако ⁶⁵ и ⁶⁶ написах; аще же нечто и не до конца сведе ⁶⁷ написах, но имея в помощь исправляющу ⁶⁸ владычицу всех Богоматерь, ея же достоит всему христианству без престани ⁶⁹ молити, да избавит ны от навет вражиих, всегда⁷⁰, ныне и присно и в веки веком. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ЕПИСКОПЕ РЯЗАНСКОМ
И МУРОМСКОМ ВАСИЛИИ

Первая редакция, второй вид*

В той же день о житии вкратце сказание
о епископе Василии Муромском

Слышах убо некия глаголющих древняя сказания о граде Муроме, яко в предняя лета бысть не на том месте создан, идеже ныне есть, но

^а В ркп. слово написано под титлом, позднее буква ч была счищена, поэтому можно прочесть пресвятая.

³ сие Д; нет МИТ. ⁴ Нет О. ⁵ дни ПИ. ⁶ Доб. дни И. ⁷ быв ХД; доб. божиею благодатию и пречистая богородицы И. ⁸ не в кое И. ⁹ зовемо МТ. ¹⁰ Нет МОПУТ. ¹¹ стрете ИТ. ¹² его ПУ. ¹³⁻¹⁴ нарицается же И. ¹⁵ до ДТ. ¹⁶ Доб. одержания ради града Мурома святому Глебу Д; доб. одержания ради града Мурома святым Глебом ОПУИ. ¹⁷ и Д. ¹⁸ епископ ИТ. ¹⁹ Доб. и до ныне И. ²⁰ нарицашася О. ²¹ Нет Д. ²² Нет Т. ²³ Нет ХД. ²⁴ И егда Д. ²⁶ прежде ОИ; доб. епископи ДПУ. ²⁷ Чудная МТ. ²⁸ епископ И. ²⁹ принесе МПУИТ. ³⁰⁻³² веруи уповаше Д. ³¹ уповая ПУ. ³³ Доб. иже И; удивити МТ. ³⁴ Нет О; доб. се великое чюдо сотвори, иже бо И. ³⁵ примчан Д; примча О; примчан бысть И. ³⁶ рецем Х; рец О. ³⁷ верст ПУ. ³⁸⁻⁴⁰ пречистая дево владычице и милости И. ³⁹ пресвятая МХОПУТ; доб. дево ДО; доб. дево и ПУ. ⁴¹ ли О. ⁴² Доб. возможем И. ⁴³⁻⁵⁰ Нет Х. ⁴⁴⁻⁴⁹ молящася с нами отцу и сыну и святому духу Д. ⁴⁵ моляще О; моляще ПУ. ⁴⁶ сие П; своего И. ⁴⁷ Нет ОПУИ. ⁴⁸ Нет П. ⁴⁹ убо П. ⁵⁰ слышах Д; слышав ОПУ; слышим И. ⁵¹ Доб. от И. ⁵² Доб. твоего И. ⁵³ какия МТ; какия Д; кий И. ⁵⁴⁻⁵⁷ повесть сию И. ⁵⁷ Доб. повесть сию ПУ. ⁵⁸ вем ОИ. ⁵⁹⁻⁶⁰ от чюдеси Х. ⁶² глаголати О. ⁶³ ложная И. ⁶⁴ Нет ПУ. ⁶⁵ сице И. ⁶⁷ Нет Д; доб. и И. ⁶⁸ исправляющую Д. ⁶⁹ Доб. почитати и ОПУИ. ⁷⁰ Доб. и МОПУИТ.

* Повесть включена в состав Четьи Минеи под 25 июня. Основной список: ГИМ, собр. Синодальное, № 806 (С).

бѣше негде в той же области, отстояние же имея не мало от нынѣшняго града. Сказаніе же о нем сице, яко преславен град бѣше в Русійстей земли во дни древнія. Многим же днем прешедшим разорися некако и запусте, и потом по многих лѣтах пренесен бысть на ино место вскраи тоя же области, и поставлен бысть на месте, идеже ныне есть. || И егда бысть в Києве и по всей Русіи держава превеликаго князя и равно апостолом святаго Владимира, и вегда ему дети своя разделить во одержаніе градов, и предаде сыну своему святому Борису в Ростовстей области град Ростов, другому же сыну святому Глебу град Муром. И ^б с тех градов бысть по Христе страданіе их, и якоже святыня их познана бысть от верных и прославися во святых церквах, и уставися во граде Муроме епископія святых страдотерпец Бориса и Глеба. Потом же два князя от того же родства святаго превеликаго князя Владимира, присная суца себе братія, начаша державствовати: || старейший во граде Муроме, юнейший же в Рязани.

В неколи же времена бысть в Муроме епископ праведен именем Василий. Сего же добраго житія не терпя враг, иже древним душам разбойник, нача спону на нь творити, яко да прилична его блудному делу сотворитъ. И воображаяся в девицу, и показуя себе из храмины у епископа, овогда во оконце его выглядывая, иногда же преход творя из храмины его. Видевше же се много народу соблазнишася, тако же и велможи, и придоша ко епископу в дом, и видевше сія вражія соблажненія и сея || ради вины изгоняют епископа из епископіи. Епископ же Василий приим икону пречистыя Богородицы со превечным младенцем господем нашим Исус Христом, на ню же имея надежду спасенія своего о всяцем упованіи своем, и поиде из епископіи из града Мурома. Проводиша же его до реки глаголемыя Оки и хотяху ему дати судно мало отплыти. Он же не прият и стоя на брези и со образом пречистыя Богородицы, на ней же воображен на руце превечный младенец господь наш Исус Христос Спас всего мира, и снем с себя мантию свою святителскую, и простре на воду, и вступи на ню, нося на руку свою владычный и Богоматери образ. И абие же бысть чюдо дивно и преславно зело, яко промыслом Божиим и неизреченными его судьбами и пречистыя Богородица моленіем несен бысть со образом духом бурном. Оле чудо! Яко не по воде бо несен бысть, но противу струям речным, отнюду же течаше река. Повѣдаху же о сем, яко бысть се в третій час дне.

И пренесен бысть божию благодатию и пречистыя Богородицы в некое место, еже ныне зовомо Старая Рязань. Ту бо тогда пребываху князи рязанстїи. Князь же Олег рязанскїй стрете его со кресты. И тако устроися божиим промыслом || муромская епископія в Рязани; нарицает же ся и по днесь Борисоглебская одержанія ради града Мурома святым Глебом. По сих же паки прият бысть Муром от рязанских епископ. Сами же к тому не возвратишася, и до ныне и нарицаху ся епископи прежде рязанстїи и потом муромстїи. Егда же посещенія ради во град Муром епископи приход творяху, тогда нарицаются прежде муромстїи, потом рязанстїи. Чудесная же та икона, иже епископа принесе, и до ныне в Рязани есть. Он бо верою уповая на ню, сїя милостию удиви, иже хотя явити бес порока своего раба, || и се великое чюдо сотвори, ибо во едину шесть часов пренесен бысть вверх по реке множае двою сот поприщъ.

О Пресвятая дево владычице мати божия, кий язык исповестъ твоя чудеса или кий смысл по достоянію возможет похвалити твоя чудеса, како молиши сына своего Христа бога нашего со отцем и со святым духом

^б В ркп. два раза написано и.

о наших согрешениях! Се бо слышим — не от самого зрака твоего, но от образа твоего написаннаго, какову силу сотвори, ужасает ми ся ум. Хотех бо распространити повесть сию, но не вем, како написати, понеже оттуду уже многа лета преидоша, и аз о сем || не добре сведе и боюся, *л. 1123 об.* да не явлю ся о сем глаголя ложно. Яко же слышах, сице и написах, но имея в помощ спрославляющую владычицу всех Богоматерь. Ея же до-стоит всему християнству без престани почитати и милости просити, да избавит ны от навет вражних всегда и ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Я. С. ЛУРЬЕ

Вторая пространная редакция Первого послания Грозного Курбскому

В истории текста Первого послания Ивана Грозного Курбскому редакция, которая может быть определена как 2-я пространная,¹ занимает особое место. Именно по этой редакции издавался текст послания вплоть до 1951 г. Н. Г. Устрялов положил в основу своего издания один из видов этой редакции — тот, который читается в сборниках (конца XVII в. и более позднего времени), содержащих сочинения Курбского.² Г. З. Кунцевич установил существование двух ее разновидностей, которые он обозначил как редакции I и II; к редакции I он отнес текст, читающийся в сборниках Курбского, а к редакции II — текст, помещенный в обширной хронографической компиляции; кроме того, он обнаружил и издал еще одну — краткую редакцию (редакцию III, по его классификации) послания.³ В 1950 г. автору этих строк удалось обнаружить иную, более первоначальную, редакцию послания, которая может быть определена как его 1-я пространная редакция. Истории 1-й пространной редакции и ее взаимоотношениям с краткой была посвящена особая работа.⁴ В настоящей статье речь пойдет о 2-й пространной редакции (в обоих ее видах — хронографическом и включенном в «сборники Курбского»).

Перечислим прежде всего списки 2-й пространной редакции.

Хронографический вид

1) ГИМ, Увар., 330 (1581), втор. пол. XVII в. (далее: У_е); 2) ГПБ, F.IV.165, кон. XVII в. (далее: X); 3) ГПБ, F.IV.598 (далее: X₁);⁵ кон. XVII в.; 4) ГПБ, собр. СПб. ДА, А 1/91 (далее: С), кон. XVII в.

«Сборники Курбского»

1) ЦГАДА, ф. 181 (МГАМИД), № 60, кон. XVII в.; 2) ГПБ, Погод., № 1494, кон. XVII в.; 3) ГИМ, Синод., № 136, кон. XVII в.; 4) Центр. научн. биб-ка Харьков. ун-та № 168 (сейф), кон. XVII в.; 5) ГИМ, Увар., № 242, XVIII в.; 6) ГИМ, Увар.,

¹ Ср.: Я. С. Л у р ь е. Первое послание Ивана Грозного Курбскому (вопросы истории текста). — ТОДРЛ, т. XXXI. М.—Л., 1975, с. 202—234.

² Сказания князя Курбского, изданные Н. Устряловым. Изд. 3-е. СПб., 1868 (предыдущие издания: СПб., 1833 и 1842).

³ Переписка А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным. Пг., 1914 (оттиск из РИБ, т. XXXI), с. III—IV и 9—102. П. В. Вилькошевский сохранил ту же классификацию, назвав редакции I и II соответственно редакцией А и В (П. В. В и л ь к о ш е в с к и й. К вопросу о редакциях 1-го послания Ивана Грозного к князю А. М. Курбскому. — ЛЗАН, т. XXXIII. Л., 1926, с. 74—75).

⁴ Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, с. 533—544; Я. С. Л у р ь е. Первое послание Грозного Курбскому, с. 209—222.

⁵ В «Посланиях Ивана Грозного» ошибочно F.IV.198.

№ 302, XVIII в.; 7) ГИМ, Барс., № 366, XVIII в.; 8) ГБЛ, Ундольск. (ф. 310), № 779, XVIII в.; 9) ГБЛ, Муз. (ф. 178), № 4851, XVIII в.; 10) ГБЛ, собр. Овчинникова (ф. 209), № 500, XVIII в.; 11) ГБЛ, Муз. (ф. 178), № 9395, XVIII в.; 12) ГБЛ, Муз. (ф. 178), № 8324, XVIII в.; 13) ЦГАДА, ф. 1274 (Панины—Блудовы), № 3026, XVIII в.; 14) ГПБ, собр. Титова, № 1755, XVIII в.; 15) ГПБ, НСРК, F.623, XVIII в.; 16) ГБЛ, Ундольск. (ф. 310), № 780, XVIII в.; 17) ГБЛ, Муз. (ф. 178), № 8991, XVIII в.; 18) ГПБ, Погод., № 1492, XVIII в.; 19) ГБЛ, собр. ОИДР, № 119, XVIII в.; 20) ГПБ, НСРК, 445, XVIII в.; 21) ЦГАДА, ф. 181 (МГАМИД), № 282, XVIII в.; 22) ГПБ, F.IV.135, XVIII в. (с пометками Екатерины II); 23) БАН, собр. Строганова, № 62 (P.O. 65), XVIII в. (копия предыдущей); 24) Псков. обл. ист.-худ. музей, собр. ркп., № 142; 25) Науч. биб-ка ЛГУ, MS E. IV, № 47, XVIII в.; 26) Центр. науч. биб-ка АН УССР, собр. Киев. ун-та, ф. VIII, № 121 (60), XVIII в.; 27) Ульяновский Дворец книги им. В. И. Ленина, фонд редких книг и рукописей, № 1, XVIII в.; 28) ГПБ, F.IV.337, XIX в.; 29) ГБЛ, Муз. (ф. 178), № 2211, XIX в.; 30) ГБЛ, Рум. (ф. 256), № 240, XIX в.⁶

Мы не будем здесь приводить основных доказательств вторичности исследуемой редакции по сравнению с 1-й пространной редакцией послания Грозного. Об этой вторичности, как мы уже указывали, свидетельствует прежде всего перемещение текста, содержащего ответ на заключительную часть послания Курбского («Антихриста же вемы», цитата из Исайи и начало письма Дионисия Ареопагита Демофилу), из конца царского послания в середину, пропуск двух больших фрагментов о византийской истории и о царской власти.⁷ Приведем ряд отдельных вторичных чтений, присущих обоим видам 2-й пространной редакции и отличающих ее от 1-й:⁸

2 - я пространная редакция

... доиде и до Русского царства;
самодержавство божиим изволением (71).

... на многообразныя ми
воды всюду сети поляцающе (72).

... о душевлённых же и
о церковном (76).

... а о безбожных челове-
цах (76).

... и м (ими, имыи) гром бы-
тие. ... и г р о м же, сходя немощи (77).

... кои дерзнуша сия отво-
р и т и (78).

... и чернцов (черноризцев), по-
ч е м у и до конца княженья не возможе
удержати (78).

Авенир, сын Ниров, храбрейший
в о з р а с т о м. ... и от того да что бы-
есть? (79).

... неже зло творящим мучения (80).

... како убогих причита-
тельных в вотчинники, яко
не восхотеша от бога данного им
царя принять? (81).

1 - я пространная редакция

... доиде и до Российского царствия.
Сего православия истинно-
го Российского царствия
самодержавство божиим изволением (9).

... нам много различными
виды всюду сети поляцающе (10).

... о душевных же и о церков-
ном (14).

... а о безбожных языцех (14).

... и играм быти. ... и гра м
же, сходя немощи (15).

... кои дерзнуша сия сотво-
р и т и (16).

... и чернцов помучи, и до
конца княженья не возможе удержи-
жати (17).

Авенир, сын Ниров, храбрейший
в о И з р а и л е. ... и тогда что бысть?
(17)

... неже зло творящим; видиши
ли, яко везде не похваляют
зло творящих мучения? (19).

... како убо сих причита-
еши в мученики, яко не хо-
тевшим от бога данного им царя
приняти? (19).

⁶ При составлении этого перечня мы учитывали материалы, привлеченные Ю. Д. Рыковым при подготовке нового издания «Перепишки Ивана Грозного с Курбским» и любезно предоставленные нам. Мы не включаем в этот перечень список особой сокращенной редакции XVIII в., основанной на «сборниках Курбского» (ср.: Послания Ивана Грозного, с. 558—559, см. ниже примеч. 24).

⁷ Послания Ивана Грозного, с. 530—533, 539 и 543—544. Я. С. Л у р ь е. Первое послание Грозного Курбскому, с. 203, 222.

⁸ Цитаты даются по изданию «Посланий Ивана Грозного», но все соответствующие тексты проверены по рукописям; в скобках указаны разночтения по отдельным видам и спискам обеих редакций.

- ... царю содержати повеленная (84).
- ... и до Лию жерца (85).
- ... Израиль победен бысть во дни Давида царя (85).
- ... вертоград, не имый вины (86).
- ... от Греческого царства от того же вся, избраша себе царя от латынского (87).
- ... та же убо отселе греком во многих странах дани взимаху (87).
- ... како благо есть нам на грех сидети (88).
- ... аще ся ринет (88).
- ... о вразумех креста господня (89).
- ... ссущего млеко младенца сели смертию пагубною (89).
- ... ино то, измениче, они сотворят (сотворяют, а) обличения несть им (91).
- ... ни откуда же промышления уповающе (93).
- ... премесишася богатству и славе и тако скончаша друг на друга (93).
- ... а князь Василей Шуйской на дядей наших княже Андрееве дворе сонмищем иудейским (и содейских) (93).
- ... и на царство вооружися, Даниила митрополита сведши с митрополии (93).
- ... но яко ко владыце... — яко к худейшему чесому (99).
- ... по нашей милости, а не по своему досужеству (100).
- ... иными сопротивных сильных нарица (102).
- ... неделю си рожества и крадения (104).
- ... от брани отвращати, подобно Юношу (Уношу) Угорскому (107).
- ... приклад леты... , егда есть время навькнуем (111).
- ... не враг домосильный же, терплю тебя лихоимствуема (113).
- ... безсмертен же быти мняся (114).
- ... сие же мняху подлежит (114).
- ... тамо мучение, иже зде живущим (115).
- ... по что живот... раздробисте? (117).
- ... подобно Евтропию сконе церковь бо его продаде (118).
- ... иная убо не твоей в милости
- ... царю содержати царство и владети, рабом же рабска содержати повеленная (22).
- ... и до Илия жерца (23).
- ... Израиль победен бысть и киот завета пленен бысть до дни Давыда царя (23).
- ... вертоград, не имый воды (25).
- ... от Греческого царства отторжеся (по спискам ПА от того же вся), избраша убо себе царя от латын Карула царя латынского (26).
- ... тако же убо отселе грекове во многие страны дани даяти начаша, а прежде убо сами дани взимаху (26).
- ... како благо есть вам на градах сидети (28).
- ... аще ся и богатство ринет (28).
- ... о вразех (список П вразе) креста Христова (28).
- ... ссущего млеко младенца моего (так списки КБ; П меня; А нет) смертию пагубною (29).
- ... ино что, измениче, ни сотворят, а обличения несть им (31).
- ... ни откуда же промышления человеческого приемлюще, токмо на божье милосердие уповающе (32).
- ... ринушеся богатству и славе и тако наскочиша друг на друга (33).
- ... а князь Василей Шуйской на дяди нашего княж Андрееве дворе Ивановича учал жити, и на том дворе сонмищем иудейским (33).
- ... и на церковь вооружися, и Даниила митрополита сведши с митрополии (33).
- ... не яко ко владыце... — яко к худейшему чесому (38).
- ... по нашей милости, а не по своему достоинству (40).
- ... и нам сопротивных сильных нарица (42).
- ... на Дию си рожества и крадения [Григорий Богослов] (44).
- ... от брани отвращати, подобно Янушу (Янушу) Угорскому (47).
- ... прикладне ты... , егда есть время навькнути (навькну ими) [Дионисий Ареопагит] (64).
- ... не враг Димофил, ни же терплю тебя лихоимствуема [Дионисий Ареопагит] (66).
- ... безсмертен же быти не мняся (К не мняся) (49).
- ... сие же смеху подлежит (50).
- ... тамо мучение, иже зде живущем (50).
- ... по что живот... разграбисте? (52).
- ... подобно Евтропию сконцу (БА так; К скупцу), не церковь бо его продаде (54).
- ... иная же убо не твоей власти

(властью) бяху, сия убо тебе на похвалу
написуется (120).

...ласкателем своим неким —
развее останком вашего злаго совета (123).

бяху, сия убо тебе на (так АБ; К не)
похвалу и не восписуется (56).

...ласкателей — не вемы, разве
останков вашего злаго совета (51).

К какому именно виду 1-й редакции восходит 2-я пространная редак-ция? Мы уже указывали на существование особого вида 1-й редакции, представленного так называемыми печерскими сборниками и служившего протографом для краткой редакции послания. Во 2-й пространной редак-ции (по обоим ее видам) также обнаруживаются некоторые совпадения с «печерскими сборниками»; однако в ряде чтений 2-я редакция совпадает не с ними, а с другими списками 1-й редакции.⁹

В настоящее время нам стал известен еще один список 1-й простран-ной редакции послания, принадлежащий к группе «печерских сборников»: рукопись Центрального Государственного военно-исторического Архива, ф. ВУА, № 3 (список В).¹⁰ Для сопоставления со 2-й пространной редак-цией список этот особенно ценен потому, что, в отличие от списка ГПБ, Погод., № 1567 (П), он не обрывается на середине, а содержит весь текст до конца и, таким образом, при сравнении второй части послания во 2-й редакции с «печерскими сборниками» мы можем опираться теперь на два списка — А и В. 2-я редакция совпадает с АВ при упоминании «града Волмера» как места пребывания Курбского; в списках ВК этот город именовался по-русски «град Владимир» (что, вероятно, более соответство-вало авторскому тексту Грозного).¹¹

В самом конце послания в цитате из Григория Богослова, сохранив-шейся только в трех списках 1-й редакции — К и АВ («печерских сборни-ках»), с АВ совпадает чтение хронографического вида «. . . и ки ми за-коннава того челоуконенавидства» (в К «. . . ки ми закон Наватов чело-веконенавидства» — 70).

Однако можно привести также и пример обратного соотношения тек-стов. При описании поведения князя Шуйского в годы детства царя текст хронографического вида 2-й редакции включает слова «ногу положа на стол» (в «сборниках Курбского» только «ногу положив», без двух осталь-ных слов); так читается (с небольшим отличием: «положа на стул») в спи-сках ВК 1-й редакции; в «печерских сборниках» (ПАВ) и списке Т слов «положа на стул (стол)» нет.¹²

К вопросу об источнике (или источниках) 2-й пространной редакции мы еще обратимся; пока же отметим, что отличия между двумя основными видами 2-й пространной редакции заключаются, в частности, в различной степени их близости к 1-й пространной редакции.

⁹ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного Курбскому, с. 223—224.

¹⁰ Список этот указан нам Ю. Д. Рыковым. Сборник первой трети XVII в. содер-жит «печерский сборник» наиболее полного состава, включая записку в Печерский монастырь, послания Тетерина и Подубенского и др. Совпадая в основном с ПА, список В в некоторых случаях обнаруживает более первичные чтения. Особенно ин-тересно поэтому, что послание царя помещено здесь в начале всего комплекса (л. 119—237), отдельно от послания Курбского; это может свидетельствовать о том, что в со-став комплекса оно было введено уже после его сложения. Не менее важно и то обстоя-тельство, что на отдельном листе (л. 118), предшествующем посланию, оно озаглавлено «Послание царское во все города на крестопреступников его. . .», что дает лишнее свидетельство о подлинном адресате этого сочинения.

¹¹ «Володимером» и «Володимерцем» Волмер (Валмиера) именовался во Втором послании Курбскому и в других посланиях Ивана Грозного, написанных во время похода в Ливонию в 1577 г. (Послания Ивана Грозного, с. 197, 205, 208).

¹² Текст хронографического вида 2-й редакции воспроизведен в издании 1-го послания Г. Кунцевича частью в различениях с текстом «сборников Курбского» (Переписка князя А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным. СПб., 1914, стб. 9—91), частью отдельно (там же, с. 91—112). В настоящее время текст подготовлен нами для издания «Переписки Ивана Грозного с Курбским».

Хронографический вид значительно ближе к 1-й пространной редакции, чем «сборники Курбского». В ряде случаев он совпадает с 1-й редакцией, между тем как «сборники Курбского» отклоняются от ее текста. Особенно резко это соотношение проявляется в рассказах о бесчинствах Шуйских в годы детства Ивана IV и мятеже во время пожара 1547 г. (95—97; ср. 34—36), о «гонениях» при Алексее и Сильвестре, в притче об Иване Колове, в сравнении Курбского с его отцом (117—119; ср. 52—55) и, наконец, в последней части памятника, начиная с притчи о Карпе (читающейся в «сборниках Курбского» только в одном варианте); окончание (с середины послания Дионисия Ареопагита) в хронографическом виде, несмотря на его дефектность (вызванную уже упомянутой выше перестановкой текста), сохранилось, а в «сборниках Курбского» оказалось замененным изречениями «премудрого Соломона», отсутствующими и в 1-й редакции, и в хронографическом виде (121—124; ср. 57—62 и 67—71).

Кроме этих основных различий, может быть приведен ряд примеров совпадений хронографического вида с 1-й пространной редакцией и соответствующих им иных чтений в «сборниках Курбского».

1 - я редакция и хронографический вид	«Сборники Курбского»
1) ... еже убо всеевшу слово к богу и веру истинну (и к богу истинному) и к нам прямую службу — сие все враг из сердца твоего восхитил (12).	... еже уже подобно на путь веру и враг из сердца твоего восхитил (74).
2) ... яко веры ради избежал еси, и сего ради жив господь бог мой (13).	... яко веры ради, жив господь бог мой (74).
3) ... нас в православии в пресветлых явившихся написал еси (14).	... нас написал еси (75).
4) ... несть на них целости, ниже струп, ниже язва, ниже рана палящая (25).	... несть целости, на них же рана паляща (86).
5) ... не побили и не вемы, кто есть сильнейший во Израиле, понеже Российская земля правитца божим милосердием (30).	... кто есть сильнейший в Израили, и не побили и не вемы, земля правится божим милосердием (90).
6) ... казнити подовластных, и мущу разум (31).	... казнити подовластных разум (91).
7) ... имена родителей своих возложитша (34).	... имена родителей своих подписаша (94).
8) ... да в исходке суды ковати (34).	... да во излишнем суды ковати (94).
9) ... приворотя к себе всех людей (34).	... присовокупя к себе всех людей (94).
10) ... аще убо предводитель не множае полк утверждает, тогда множае побеждаем паче бывает, не же победит (36).	... яко же убо предводитель множае полк утверждает, тогда множае побеждаем паче бывает (97).
11) ... но паче разрушая. И являяся яко ничтоже еси (36).	... но паче разрушая, яко ничтоже еси (97).
12) ... но от часу растяху, и еже убо нам супротивно, сия умножахуся, а еже убо нам послушна и покорна, сия умоляхуся (39).	... но от часу растяху, а еже убо нам послушно и покорно, сия умоляхуся (99).
13) ... ниже близ вашей мысли было (46).	... ниже близ вашей милости было (107).
14) ... и подручны нам сотворили, тако же ваш промысл и попечение о православии (68).	... и подручны нам сотворили, таляви (108).
15) ... победа, еже Днепром и Доном (48).	... победа, еже Хопром и Доном (108).

16) . . . иже с и р у и вдовице (вдовица) (62).

17) . . . и прогневался господь яростию на продерзнутие Озиево (65).

18) . . . а изменником везде казнь и опала жив ет (49).

19) . . . вы, еже (же) по б о ж и ю велению моего владычества. . . отметається. . . , повелеваете мне свою волю творити (51).

20) . . . и аще кровь твоя (55).

21) . . . и еже убо не от не от нас пролитая (А нет), тем же смеху подлежит сия (55).

22) . . . паче же и должная отечеству си совершил (55).

23) . . . не ранами, ниже (ни) кровными потоки (55).

24) . . . о царице нашей и о чадах наших не поскорбисте со мною, убо сицевое на вы вопиет к богу моему (55).

25) . . . вы же поехасте ясти и пити к воеводе нашему. . . и, едчи, пойдете за ними, они же от вас отидоша здрави (56).

26) . . . се ли убо пресветлая победа и одоления преславно и похвально и честно (56).

27) . . . еже убо мало рождшия своя зрел еси, жены своя мало познал еси (56).

28) Лице же свое драго покажуеши! Кто же убо жалуе (восхощет) такова ефиопьска лица видети! Где же убо кто обрящет мужа правдива, иже зекры (зыкры, серы) очи имуща? По неже вид твой злолукавый нрав исповедует (57).

Большая близость хронографического вида к 1-й пространной редакции свидетельствует, очевидно, о первичности этого вида по сравнению со «сборниками Курбского». Такое соотношение этих видов подтверждается и теми случаями, когда хронографический вид частично отстает от текста 1-й редакции, а в «сборниках Курбского» соответствующие отступления оказываются более значительными.

1-я пространная редакция

Хронографический вид

«Сборники Курбского»

29) . . . нетленную славу презрел еси (11).

. . . нелетную славу презрел еси.

. . . нелепотную славу приобрел еси (73).

30) . . . мне возрастом телом (тела, тело) преспеваяще (34).

. . . мне же возрастом летом преспеваяще.

. . . мне же возрастом достигшу (94).

31) Воронцова, изымав и ободрав, позоровав (II изымавши позоровав; В ободрав его и позоровав) (34).

Воронцова, изымав, оборвавши, позоровав.

Воронцова, восхитивши безчестно и оборвавши (95).

. . . иже Сидору вдовица (109).

. . . дерзнувшие же Иозия, гнев божий наведе на ся (112).

. . . а изменником везде казнь и опала бывает (114).

. . . вы, противяся божию повелению моего владычества. . . отметається. . . , повелеваете мне вашу волю творити (116).

. . . а что, речеши, кровь твоя (119).

. . . тем же убо смеху подлежит сия (119).

. . . аще бы и тако, еже от супротивных супостат пролитая кровь твоя, то должная отечеству си сотворил (119).

. . . не ранами, ниже кровными каплями (119).

. . . о царице нашей о чадах наших нимало убо внимасте, сицевое убо мое моление на вы вопиет к богу моему (119).

. . . вы же тогда поехасте на обед к воеводе нашему. . . и, ядше пойдете за ними, и ничто же сотворше, они бо в то время в далечайшее разстояние от вас отидоша (120).

. . . се ли убо пресветлая победа и одоление преславно (120).

. . . еже убо речеши, яко ратных ради отлучений мало зрел рождшей ты и жены своя, отлучения ради, не познал еси (120).

Лице же свое пишешь не явити нам до дне Страшнаго суда божиа. Кто же убо восхощет такового ефиопьскаго лица видети? (121).

32) ... бранная люте понести (36).

33) ... ино (К но и; Т и) ныне свободно есть (43).

34) ... возсиявает солнце (63).

35) ... и аще князя, оправдающаго некто, от них же под ним в чиненных посудити дерзнет (65).

36) ... ниже се мощно ни единому, что (К то) убо безместно О зия тво р и ша, ка де бо га, что же Саул по жи ра я (65).

37) ... просвещать имут потемненныя (66).

38) ... в ем Христа истиннаго бо га на шего (51).

39) ... «солнце не заидет в гнев е в а ш ем», ты же и на суд хо щ е ш и ти у бо без про щ е н и я (К про щ е н и я) (54; ср. П о с л а н и е к Е ф е с я н а м, IV, 26).

... бранная лю бит и понести.

... иное сво б о д н о е с т ь .

... возсиявает сол не ч н ы й с в е т .

... и аще князь, оправдающаго некто, он же под нев ч и н е н н ы х п о с у д и т и д е р з н е т .

... ниже се мощно с не д е н н о м у , ч т о у б о б е з м е с т н о о т с и я т в о р и ш и , о т п а д е б о г а , ч т о ж е С а у л , п о д р а ж а я .

... просвещать имут п у т е м т е м п о н е н ы н е .

... в с е м Х р и с т а и с т и н н а г о б о г а н а ш е г о .

... солнце да не заидет в гнев е без про щ е н и я .

... бранная по нести (96).

... иное сп о д о б н о е с т ь (103).

... возсиявает сол не ч н ы й л у ч а (110).

... и аще князь, оправдая некого или осуждая, предстоя некто, и же нев ч и н е н н ы й с у д ч т о д е р з н е т (112).

... ниже се можно с не д е н н о м у , ч т о у б о о т с е я б e з м e c т н о т в о р и ш и , к р а д е б o g a , ч т о ж е С а u л , п о д р а ж а я (112).

... просвещать имут п у т е м т е м ж е н ы н е (113).

... в с е м и в с е м Х р и с т а б o g a н а ш e g o и с т и н н а г o (116).

... солнце да не заидет в гнев е в а ш е м б e з п р o щ e н и я (118).

Но сопоставление с 1-й пространной редакцией не только свидетельствует о первичности хронографического вида по сравнению со «сборниками Курбского». Такое сопоставление помогает также определить соотношения отдельных списков хронографического вида. Текст древнейшего из этих списков, У_в, оказывается более первоначальным и близким к 1-й пространной редакции, тексты остальных списков (X, идентичный с ним X₁ и C) — вторичным.

Мы можем привести ряд таких случаев, когда текст У_в совпадает с 1-й пространной редакцией, а текст остальных списков — со «сборниками Курбского».

1-я редакция и У_в

40) ... невежу взустити и злодейственных человек возразити (У_в возрастити) и от бога данному царю воцаритися (22).

41) ... промышленности добротного наго не сподобиша (33).

42) ... но от часу ростяху, и еже убо нам сопротивно, сия умножахуся, а еже убо нам послушно (39).

43) ... аще бо на торжищих видиши раба владыце или старцу юношу (67).

44) ... юнныи судия (51).

XС и «сборники Курбского»

... невежу взустити, от бога данному царю воцаритися (83).

... промышленности добротного не сподобиша (93).

... но от часу растяху, а еже убо нам послушно (99).

... аще бо на жилищих видиши раба владыце и старцу юношу (113).

... и изсудия (116).

В ряде случаев У_в занимает своеобразное промежуточное место между остальными списками 2-й пространной редакции и 1-й пространной редакцией.

1 - я редакция	<i>Ув</i>	<i>ХС</i> и «сборники Курбского»
45) . . . тако постри- женных (16).	. . . тако же коих.	. . . тако же святых (78).
46) . . . вы отца ва- шего дьявола естя и похоти отца ва- шего хотите творити (30).	. . . вы есте отца вашего, хотите дело творити.	. . . вы отца вашего хо- чете творити (90).
47) . . . благовидне (благоверне <i>К</i>) на из- ванная (низвынья <i>Б</i>) (64).	. . . благоверне но извыя.	. . . благоведне (благо- видне) называя (111).

В одном случае мы можем отметить даже 4 разных варианта одного места послания. В 1-й пространной редакции говорится об отце Курбского: «. . . отец твой был у князя Михаила Кубенского боярин, понеже он ему дядя» (54; *БА так*; *К* даде); в *Ув*: «. . . отец твой был у Михайло Кубенского боярин, понеже дядя»; в списках *ХС*: «. . . отец твой был у Михайла Кубенского боярин, понеже он ему даде»; в «сборниках Курбского»: «. . . отец твой болярином князя Михайла Кубенскаго» (без последних слов; 119).

Попытаемся теперь восстановить историю текста 2-й пространной редакции и ее основных видов.

Текст 2-й пространной редакции совпадает с «печерскими сборниками», а иногда с остальными списками 1-й пространной редакции. Это обстоятельство может быть объяснено тем, что текст 1-й редакции, служивший источником 2-й редакции, занимал некое промежуточное место между *ПАВ* и остальными списками; возможно, однако, вторичное обращение к источникам как 2-й пространной редакции в целом, так и ее отдельных списков. В том месте, где царь цитирует слова Курбского о «сильных во Израили», избитых Грозным, большинство списков 2-й пространной редакции следует за «печерскими сборниками», где пропущено слово «сильных»: «А еже писал еси, про что емя во Израиле побили. . . » (90; ср. 29; в *БКТ читается* сильных). Однако в *Ув*, в отличие от всех остальных списков 2-й редакции, читается «сильных во Израиле». Как может быть объяснено такое расхождение? Если предполагать, что протограф 2-й пространной редакции совпал в данном случае не с «печерскими сборниками», а с более исправным текстом 1-й редакции и включал слово «сильных», то придется считать, что оригинал списков *ХС* (видимо, под влиянием «печерских сборников») выпустил слово «сильных» и это ошибочное чтение перешло и в «сборники Курбского». Но вероятно ли такое «исправление» текста на явно более сомнительный? Естественнее предположить, что ошибочное чтение «печерских сборников» было уже в протографе 2-й редакции в целом, а составитель списка *Ув*, имея текст послания Курбского (оно помещено в *Ув* перед посланием царя), по нему исправил этот явный пропуск; составители остальных списков 2-й редакции этого сделать не догадались.

Исправление текста по посланию Курбского можно предполагать и в другом чтении, отразившемся во всех без исключения списках 2-й редакции. В 1-й редакции, заявляя о своей готовности предстать перед божьим судом, царь писал: «. . . истязание же не токмо до власти, но и движение сердечное» (52); это соответствует тексту послания Курбского, помещенного в части списков 1-й редакции (в «печерских сборниках»; в остальных списках 1-й редакции послания Курбского нет), где также читается «. . . истязати их до власти»; но в библейском тексте, к которому восходит это место

(Пс., 67, 22), упоминается «... верх в л а с приходящих в прегрешениях». В списках 2-й редакции послания Грозного также помещено послание Курбского, но в ином варианте, где, в частности, читается «... истязати их и до в л а с». В соответствии с этим во всех списках 2-й редакции изменен и текст послания царя: «... истязание же не токмо до в л а с, но и движение сердечное» (117).¹³

Из двух видов 2-й пространной редакции «сборники Курбского», как мы знаем, дальше отходят от 1-й редакции, чем списки хронографического вида. Чем объясняются такие отклонения? С. О. Шмидт обратил особое внимание на различия между обоими видами в рассказе о мятеже 1547 г.; он предположил, что эти изменения имеют авторское происхождение и что текст «сборников Курбского» (или «редакции А») представляет собой особую редакцию, созданную самим Иваном IV при отправлении послания Курбскому.¹⁴ Однако «сборники Курбского», как и 2-я пространная редакция в целом, восходят, как мы знаем, к единому дефектному тексту, где кусок послания попал из заключительной части в середину, что привело к совершенно абсурдным чтениям (включение слов об Алексее Адашеве в послание Дионисия Ареопажита); предполагать, что царь не заметил этого абсурда и редактировал явно дефектный текст, едва ли возможно. Неизбежным поэтому представляется вывод о позднем происхождении «сборников Курбского» как особого вида 2-й редакции. Но, может быть, при создании в XVII в. вида 2-й пространной редакции был использован в качестве дополнительного источника особый, своеобразный текст царского послания? И в этом случае перед нами встанет вопрос, почему редактор, имея такой корректирующий текст послания (в котором, очевидно, не должно было быть специфической сугубо индивидуальной перестановки, присущей протографу 2-й редакции), не восстановил по нему правильного расположения текста. Так или иначе, для того чтобы проверить такое предположение, необходимо рассмотреть характер своеобразных фрагментов и чтений «сборников Курбского».

Если проанализировать приведенные выше разночтения между хронографическим видом и «сборниками Курбского», то легко заметить, что они разделяются на две категории: на явные ляпсусы и на исправления (по большей части небольшие) текста.

Явным ляпсусом (галлографией) был, например, во фразе: «... веры ради избежал еси, и сего ради жив господь бог мой» — пропуск слов «избежал еси и сего ради» (см. пример 2) или слово «талавии», возникшее

¹³ Я. С. Л у р ь е. Первое послание Грозного Курбскому, с. 225—226.

¹⁴ С. О. Ш м и д т. Становление Российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973, с. 34. В своей недавно опубликованной статье С. О. Шмидт, называя «недостаточно обоснованными» аргументы в пользу первичности текста 1-й пространной редакции, ссылается на отмеченные в издании «Посланий Ивана Грозного» дефекты списков *П* и *К* этой редакции (С. О. Ш м и д т. Об адресатах первого послания Ивана Грозного князю Курбскому. — В кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976, с. 318—319). Но это недоразумение. Показательными для характеристики редакции являются не дефекты отдельных ее списков, а общие редакционные особенности. В 1951 г. мы знали только два списка 1-й пространной редакции — *П* и *К* (действительно имеющие дефекты), но уже в 1954 г. стали известными еще два списка (*А* и *Б*); сейчас их известно 6. Приводя «неясные (во всяком случае менее ясные, чем в «сборниках Курбского») чтения *ПК*», С. О. Шмидт ссылается на два места в тексте, читающиеся *только* в *К* (список *П* в этой части не сохранился): он указывает одну индивидуальную ошибку в *К* (о Сильвестре) — «благословив не отпустившу» (в остальных списках правильно «благословие отпустившим») и одно вполне исправное чтение в том же списке («... а еже вы мудрствуете... — от ереси же всякой»; во 2-й пространной редакции: «о ереси»). Между тем вторичность 2-й пространной редакции (и в особенности «сборников Курбского»), как и краткой редакции, может быть подтверждена десятками «необратимых» общередакционных и видовых чтений.

в результате пропуска в словах «та[ко же ваш промысл, попечение о правос]лавии» (пример 14); к числу ляпсусов может быть отнесено множество приведенных выше разночтений между хронографическим видом и «сборниками Курбского» (примеры 1, 2, 3, 4, 5, 6, 10, 11, 12, 13, 14, 21, 26); к ним же относится и большинство своеобразных чтений «сборников Курбского», возникших на основе тех отклонений от текста 1-й редакции, которые, судя по хронографическому виду или тексту Ув, были в его оригинале (примеры 29, 32, 33, 36, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 47). Случайные отклонения от оригинала могут быть отмечены и в тех разделах, которые в «сборниках Курбского» отличаются от хронографического вида (и 1-й редакции) на более широком протяжении (ср. выше, с. 60). Так, явным ляпсусом представляется, например, пропуск начала фразы: «[Видяще (Хр. ведущу) тя от юности твоея, и водворении нашем и в синклитстве (Хр. водворению нашему извыкли естя)] и до нынешней твоей измены всячески дышуше на пагубу нашу» (118, ср. 54).

Однако в других случаях мы можем предполагать в «сборниках Курбского» сознательные, главным образом стилистические, изменения. Среди приведенных примеров стилистическими поправками можно считать изменения выражения «в ысходке» на «во излишнем» (пример 8), «приворотя» на «присовокупя» (пример 9), «казнь . . . живет» на «казнь . . . бывает» (пример 18),¹⁵ «поехасте ясти и пити» на «поехасте на обед» (пример 25) и ряд других (примеры 7, 17, 19, 20, 22, 23, 24, 27, 28). В некоторых случаях, по-видимому, редактор, встретившись в тексте оригинала (хронографического вида) с испорченным текстом, вносил при исправлении и некоторые стилистические изменения. Так, слова 1-й редакции «возрастом тела преспевающе» искажены в хронографическом виде в «возрастом летом преспевающе»; создатель «сборников Курбского» сделал из этого «возрастом достигшу» (пример 30), ср. примеры 31 и 39 — исправление апостольской цитаты. Уже на этих примерах можно заметить, что правка «сборников Курбского» выражалась в усилении книжных, этикетных элементов стиля; кроме того, автор старался подчеркнуть эпистолярный характер памятника, вводя ссылки на слова оппонента: «а что, речеши, кровь твоя» (пример 20), «. . . аще бы и тако, еже от супротивных супостат пролитая кровь твоя, то должная» (пример 22), «. . . еже убо речеши, яко ратных ради отлучений» (пример 27). В 1-й пространной редакции и хронографическом виде не было ссылки на слова Курбского: «. . . не узриши, мню, лица моего до дни Страшного суда»,¹⁶ царь просто замечал: «Лице свое драго показуеши» — и далее отвечал: «Хто же убо желает такова ефиопьска лица видети» — и ссылался на то, что «зекры» (голубые) очи Курбского уже достаточно указывают на его «злолукавый нрав», опираясь, очевидно, на предостережение «Аристотелевых врат»: «Стережися всякого, имуща око зекро». ¹⁷ В «сборниках Курбского» была, во-первых, введена ссылка на оппонента: «Лице же свое пишешь не явити нам до дне Страшного суда божия» ¹⁸ — и, кроме

¹⁵ С. О. Шмидт придает этому различию особенно важное значение, указывая, что общие рассуждения «о иных землях» здесь «достаточно четко локализируются, особенно в списках „сборников Курбского“, ибо «Иван IV опирается на теоретическое положение о том, что „изменником везде казнь живет“» (в других списках «везде казнь бывает») (С. О. Ш м и д т. Об адресатах первого послания. . . , с. 316). Однако именно в «сборниках Курбского» читается «везде казнь бывает» — стилистическое изменение более просторечного оборота оригинала «везде казнь живет».

¹⁶ Послания Ивана Грозного, с. 535.

¹⁷ М. Н. С п е р а н с к и й. Из истории отреченных книг, вып. 4. СПб., 1908, с. 175.

¹⁸ Предложенное нами в издании исправление текста послания по единственному известному тогда списку К' добавление слов: «Лице же свое пишешь не явити нам до

того, опущено все рассуждение о «зекрых очах» и «злорудавом нраве» Курбского, основанное на явно неортодоксальном источнике (пример 28) — в результате чего упоминание о «ефиопском лице» превратилось в простую полемическую грубость.

Стилистический характер редакторской правки «сборников Курбского» еще яснее обнаруживается в тех фрагментах, где отклонение от текста 1-й редакции и хронографического вида имеет более широкий характер — в рассказах о юности царя, о «гонениях» Сильвестра и Адашева и т. д. Отличия в этих разделах (которые мы выше упоминали лишь кратко) сводятся, как легко заметить, к этикетным и идеологическим поправкам.

1-я редакция и хронографический вид

... митрополита затеснили. . . и бояр в хребет толкали (35).

Воистину вся вселенная посмеется, видя такую правду. А о гонении их же что глаголати, каковы тогда случившася? (35).

Нам же пятого на десять лет возраста приходящим, и тако сами яхоямся строити свое царство, и по божи и милости благо было началося строити (35).

... воскричав, народ (35).

... в соборной и апостольской церкви пречистыя богородицы против митрополичья места, безчеловечно убиша и кровью церковь наполниша (35).

... убийство во церкви всем ведомо (35).

... про что убо (36).

Кто же безумен и яр таков обрящется (36).

И он бы их и палил, а себя уберег (36).

... тако ли доброхотно подobaет. . . служити (36).

... без нашего ведома бояр наших любивати (убивати) (36).

... еже нашу душу от мира сего желающи на всяк час во он век препустити (36).

И аще убо вся гонения ваша исчести кто доволен может, за множество их, церковных же и мирских!

«Сборники Курбского»

... митрополита в то время безчестно затеснили. . . , а бояр наших тако же безчестно толкали (95).

Воистинну, сие всем окрестным в подсмеяние, слыша такое их неистовство и гонение! Како могу изречи колики беды, случившася от них. . . (95).

Егда же достигохом лета пятого на десять возраста нашего, тогда, богом наставляеми, сами яхоямся царство строити и за помощию всесильнаго богана чаяся строити и царство наше мирно и немятежно по воле нашей (95).

... множество народа неистовых, воскричав (95).¹⁹

... в соборную церковь Успения пресвятая богородицы, и убиша в церкви безвинно, против митрополичья места, и кровью его помост церковный окровавиша (96).

... во церкви святой убийство всем ведомо (96).²⁰

... о чeso ради (96).

... Кто безумен и яр таков может явитися (96).

... мог бы их погубити, а своя сохранить (96).

... тако ли достойно служити (96).

... безчеловечно бояр наших доброхотных убивати. . . не помышляя в себе страха нашего (96).

... еже во всем нам супротивная устроят (96).

И кто может доволен вся гонения ваши исчести за множество их! Аще кто мало нам послушен явитися, вси

дне Страшного суда божия» (Послания Ивана Грозного, с. 57) ошибочно, так как во всех списках 1-й пространной редакции, известных теперь, и в списках хронографического вида этих слов нет.

¹⁹ Этот пример отмечен С. О. Шмидтом (Становление Российского самодержавства, с. 34—35).

²⁰ Этот пример тоже отмечен С. О. Шмидтом.

Кто мало нам послушен, тех всех гонисте (52).

... пред великим градом приведена и господа нашего Иисуса Христа (53).

... по глаголе сем аки гониму, и вратом затворшимся и мантии с него снятой бывше (53).

... и аще хто помыслит что, и в мгновение ока вся суть нага и отверста пред ним (53).

... а всего тебя семи не лишивали (54).

... лутчи был отца нашим жалованием (54).

ти от вас гонимы бысте неправедно (117).

... пред нелицемерного судию господа нашего Иисуса Христа (117).

... и тако видит себе изгонима от престола славы и восприя лишение в мантии (117).

... и вся наша помышления в мгновении ока нага и явственна пред ним (118).

... и мы всего того есме не памятовали (118).

... лучше был отца своего по нашей к тебе превысочайшей милости (119).

В последней части послания текст «сборников Курбского» несколько сокращен по сравнению с хронографическим видом и 1-й редакцией. Уже в притче об Иване Колове сокращены подробности видения («И души оной усоншей. . . издолеча» — ср. 53 и 117). В хронографическом виде читалась притча о преподобном Поликарпе (Карпе), излагаемая, как и в 1-й редакции, в двух версиях — полной и сокращенной, однако вступительная фраза 1-й редакции к этой притче («А еже убо не хочещи молчати, но всегда проповедати на нас прбезначальной Троице и пречистой владычице богородице и всем святым, воспомина. . . речено в послании божественного Дионисия» и т. д.) здесь выпала. В «сборниках Курбского» дан только один, сугубо сокращенный, вариант притчи (но не совпадающий ни с первым, ни со вторым вариантом притчи в остальных текстах), в котором существенно изменены слова Иисуса (вместо «. . . готов бо есмь и паки за человеки спасаемыя пострадати» в 1-й редакции и хронографическом виде — «. . . готов есмь человеки страдавшия спасти, аще ми покаются»). При этом к притче сделано введение, связывающее ее с посланием Курбского: «А еже речеши, глаголя: „Воссылати богу о отмщении своем“, и сия ли не веси, како преподобный Поликарп» (124); однако, в отличие от 1-й пространной редакции, эта вступительная фраза основывается не на точной цитате из Курбского («. . . не мни мене молчати. . . , буду. . . вопияти прбезначальной Троицы»), а на весьма приблизительном ее изложении. Очевидно, обнаружив здесь пропуск в своем оригинале, составитель «сборников Курбского» стремился просто восполнить его по смыслу. Основной дефект 2-й пространной редакции — перенесение из конца послания в середину большого фрагмента, завершающегося первой половиной послания Дионисия Ареопагита Демофилу, — присущ, как мы уже указывали, ее обоим видам, но в хронографическом виде вторая половина послания Демофилу («. . . или сына отцу досаждающу вкупе») ²¹ сохранилась в заключительной части послания; в «сборниках Курбского» этот ставший непонятным текст оказался опущенным, и вместо него послание заканчивается новым, отсутствующим в других редакциях, абзацем («Но что еще глаголю ти много?» — с. 124) со ссылками на премудрого Соломона (Сирах, XXII, 12; Притчи Солом., IX, 8; Сирах, XXI, 16, 17). Эти замены по своему характеру оказываются сходными с остальными изменениями в тексте послания — они сближают его с памятниками церковной литературы. Кроме уже отмеченных добавлений в притче о Иване Колове («изгонима от престола славы») и о Поликарпе («аще ми покаются»), сходные добавле-

²¹ Переписка Курбского с царем Иоанном Грозным, с. 106—112.

ния сделаны в «сборниках Курбского» и к другим местам послания. Так, в хронографическом виде, как и в 1-й редакции, царь отвечал на слова Курбского, будто «убиенные» им лица предстоят «у престола владычня» — «. . . како убо возможно есть, паче и человеком неведомо»; в «сборниках Курбского» вместо этого делается ссылка на апостольские послания (Иоанн, I, 48): «. . . и сие убо суетно твое помышление по апостолу: „Бога же никто же нигде же виде“» (122). К словам Грозного «. . . по довластным своим благим убо благая подаем, такожде и злым злая» в «сборниках Курбского» также была добавлена ссылка на Соломона (Сирах, XXXIX, 34): «. . . по приточнику: „Благим убо исперва создано благо, такожде и грешникам зло“» (123).

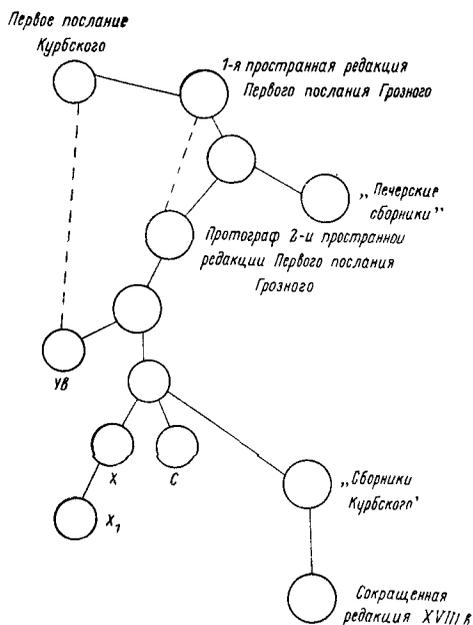

Схема.

Сходный характер всех этих дополнений в тексте «сборников Курбского» не дает оснований видеть в каком-либо из них (в частности, в концовке)²² следы особой авторской или вообще современной редакции памятника. Против такого предположения свидетельствуют не только многочисленные ляпсусы, более обильные, чем во всех остальных версиях, но и характер изменений и дополнений. Если бы редактирование рассказов о событиях в годы юности Ивана IV осуществлялось современным редактором (да еще таким, как Иван Грозный), то он не преминул бы внести туда новые фактические подробности. Именно такие особенности редактирования характерны, например, для лицевых сводов XVI в. (Синодальный список и Царственная книга); возвращаясь в своем Втором послании Курбскому к событиям, описанным в Первом послании, царь также дополнял их новыми фактическими данными. Совсем иной характер имеют дополнения к тексту «сборников Курбского». Замены слова «народ» на

²² В 1951 г. автор этих строк высказывал предположение, что концовка послания в «сборниках Курбского» могла восходить к тексту, посланному царем Курбскому (Послания Ивана Грозного, с. 553). Однако изучение истории текста 2-й пространной редакции и особенностей обработки оригинала в «сборниках Курбского» заставляет отказаться от этого предположения.

«множество народа неистовых» или «кровью церковь наполниша» на «помост церковный окровавиша» не требовали от редактора знакомства с событиями. Для него и век спустя было ясно, что мятежный народ, восставший при Иване IV, состоял из «множества неистовых» и что кровь одного Юрия Васильевича Глинского не могла наполнить целую церковь. Перед нами чисто стилистические, церковно-этикетные исправления.

2-я редакция Первого послания Грозного Курбскому сложилась в XVII в. и отражает литературные интересы этого времени. Хронографический вид этой редакции может быть датирован первой половиной или серединой века (дата древнейшего списка этого вида Ув — середина XVII в.); «сборники Курбского» — еще более позднего происхождения (все списки их — не ранее 70-х годов XVII в.). Нам уже приходилось указывать на невероятность предположения, что текст послания Ивана Грозного в целом мог быть сочинен в XVII в. — об этом свидетельствует, в частности, множество фактических сведений по истории XVI в., содержащихся в нем и подтверждаемых летописными и иными источниками (никаких анахронизмов, черт более позднего творчества в послании не обнаруживается). Факт полемической переписки царя с Курбским засвидетельствован источниками XVI в., и мы с полным основанием можем отнести к этому времени текст 1-й пространной редакции послания.²³ Иное дело — 2-я пространная редакция с ее явными и нелепыми искажениями текста и в особенности ее вторичная версия в «сборниках Курбского». Перед нами отражение интереса к эпохе Грозного и Курбского, выразившееся в создании сборников, объединявших сочинения «государева изменника» с царским посланием, причем все эти памятники были переданы в том не всегда исправном виде, в котором они дошли до книжников XVII в., и с некоторыми изменениями церковно-этикетного характера.²⁴

²³ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного Курбскому, с. 206—207.

²⁴ Еще более позднее происхождение имеет Сокращенная редакция Первого послания Грозного Курбскому, сохранившаяся в списках второй половины XVIII в. (см. о ней: Послания Ивана Грозного, с. 558). Послание Ивана Грозного здесь сокращено, но совершенно иначе, чем в краткой редакции: опущены обширные святоотеческие цитаты (в частности, заимствования из Дионисия Ареопажита, Григория Богослова), но сохранены воспоминания детства и юности Грозного, особенно значительно сокращена заключительная часть послания. Сборники, включающие Сокращенную редакцию, близки по составу к «сборникам Курбского»; сокращенный характер имеют и содержащиеся в них тексты посланий и «Истории» Курбского. Текст Первого послания Грозного Сокращенной редакции также явно восходит к тому виду 2-й пространной редакции, который представлен «сборниками Курбского». Как и в обоих видах 2-й пространной редакции, в Сокращенной редакции пропущены слова «Сего православия истинного Российского царствия» во вступительном титуле царя (ср. Послания Ивана Грозного, с. 9 и 71); вм. «играм» читается «и гром» (с. 15 и 77), вм. «против о с н у прати» — «противу р о ж н а» (с. 18 и 80), вм. «причитаеши в м у ч е н и к и» читается «в о т ч и н и к и» (с. 19 и 81), вм. «на похвалу и не восписуется» — «в похвалу написуется» (с. 56 и 120). Кроме того, обнаруживается ряд чтений, совпадающих со «сборниками Курбского» и отличающихся и от 1-й пространной редакции, и от хронографического вида. Со «сборниками Курбского» совпадает заголовок послания в Сокращенной редакции: «Послание. . . против его князь Андреева писма, которое писано из града Волмера» (с. 9 и 71), чтения «нелепотную славу приобрел еси» вм. «нетленую славу презрел еси», «ниже близ вашей м и л о с т и было» вм. «вашей мысли было» и ряд других (см. выше, с. 60—61, примеры 7, 9, 13, 20, 27, 28, 29, 30, 31); этикетные обороты «а бояр наших тако же безчесно толкали» вм. просторечного «бояр в хребет толкали»; «за помощью всеильного бога» вм. «по божии милости» (ср.: Послания Ивана Грозного, с. 35 и 95) и т. д. Ясно, что источником Сокращенной редакции был текст наиболее поздней полной версии Первого послания, читающейся в «сборниках Курбского». Единственное дополнение в Сокращенной редакции к тексту, взятому из «сборников Курбского», — замена рассказа о болезни Ивана IV упоминанием о болезни его сына и о намерении царя «ехать с царицею моею Анастасиею и со отрочатем на Белоозеро помолитись» — восходит, очевидно, к помещенной в тех же сборниках Сокращенной редакции «Истории о великом князе Московском» Курбского.

П. ХАНТ

Самооправдание протопопа Аввакума

Интерес к творчеству и личности замечательного русского писателя Аввакума постоянно растет и в СССР, и за рубежом. Только в последние годы «Жизне» и другие сочинения Аввакума вышли в переводах на английский, чешский, словацкий, венгерский языки. Недавно объявлены немецкое (ГДР) и сербское издания. Раньше привлекал внимание в первую очередь Аввакум-стилист, блестящий мастер художественного слова; теперь этот вождь крупнейшего оппозиционного движения XVI в. изучается как мыслитель, философ, богослов. Именно в этом плане написана статья американской славистки П. Хант. Начиная со времен царя Алексея Михайловича православные официозы в подавляющем большинстве изображали старообрядцев вообще и Аввакума в частности недалекими ретроgrадами, цеплявшимися за мелочи, а их мировоззрение пренебрежительно окрестили «обрядоверием». П. Хант показывает, что Аввакум был образованным, глубоким и смелым мыслителем, что Аввакум-богослов оставался таким же бунтарем, как и Аввакум — вождь старообрядчества, сопротивлявшегося церковному и светскому гнету. Полагая, что статья П. Хант представляет несомненный научный интерес, редакция вместе с тем подчеркивает, что богословские взгляды Аввакума должны изучаться в теснейшей связи с его социально-политическими воззрениями. Именно в этом аспекте редакция намеревается продолжить в очередных томах ТОДРЛ обсуждение тем, затронутых П. Хант. — *Ред.*

XVII век в России был периодом кризиса,¹ когда процесс разложения средневекового общества затронул как нацию в целом, так и индивида.

При возрастающем осознании релятивизма мира представление о богоизбранности и неподсудности царской власти,² о Москве как о третьем Риме, и вся идея иерархичности мироустройства оказались сильно поколебленными. В искусстве этот процесс проявился в новом восприятии человека, в «развитии индивидуальной точки зрения на события и пробуждении в литературе сознания ценности человеческой личности самой по себе, вне зависимости от ее официального положения в обществе».³ «Вневременная и абсолютная сущность человеческого характера, какой она представлялась в средневековье, поколеблена»,⁴ т. е. поколеблен эпископский объективизм, характерный для произведений более древних.

¹ См.: S. Mathauserová. Baroko v ruské literatuře XVII století. — In: Československé přednášky pro VI mezinárodní sjezd slavistů v Praze. Praha, 1968, s. 253 (далее: Mathauserová).

² Д. С. Лихачев отмечает, что в XVII в. «теологическая точка зрения на происхождение царской власти и идея неподсудности монарха человеческому суду впервые возбудили очень серьезные сомнения» (Д. С. Л и х а ч е в. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 22). Аввакум не имел предшественников по силе разоблачения царя. Об отношениях Аввакума с царем см.: А. Н. Р о б и н с о н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. М., 1963, с. 27—33.

³ Д. С. Л и х а ч е в. Семнадцатый век в русской литературе. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, с. 300.

⁴ Д. С. Л и х а ч е в. Человек в литературе Древней Руси, с. 17.

По мнению С. Матхаузеровой,⁵ «Житие» протопопа Аввакума является ярчайшим примером, отражающим общий процесс поиска новых взаимоотношений субъекта и объекта в литературе XVII в. Она считает, что «Житие» выражает попытку Аввакума осознать объективный, абсолютный мир, который Аввакум субъективизирует потому, что считает себя высшим авторитетом, личностью, способной перевернуть и обновить мир. Д. С. Лихачев в нескольких работах обратил внимание на преобладающий субъективизм «Жития» протопопа Аввакума, отметив, что «личное отношение пронизывает все его изложение, составляя самую суть его».⁶

Проблема взаимоотношения субъекта и объекта была для Аввакума не случайной. В духе средневековых традиций он воспринял кризис отношений субъекта и объекта как кризис отношений человек—бог. Все его творчество и самая жизнь были посвящены решению этой проблемы, и он, в отличие от его исследователей и большинства современных читателей, думал, что решал ее в пользу не человека, но бога. Он верил, что своим творчеством и жизнью успешно защищает старый мир, что новое ощущение силы человеческой личности не угрожает иерархичности и объективной абсолютности мира, а способствует их укреплению. Он считал свою собственную жизнь, изображенную в «Житии», образцом наиболее благополучного решения этой проблемы; однако искреннее полемическое волнение произведения свидетельствуют о том, что источник его динамизма было именно ощущение кризиса, постоянно ищущее разрешения. Этот разлад не только шел от ощущения Аввакумом угрозы старой России со стороны «никониан» как носителей западного миропонимания, центром которого стал человек, но был присущ и ему самому.

* * *

Некоторые исследователи обращали внимание на то, что в творчестве Аввакума действительность изображается и объективно, и субъективно: с точки зрения бога, который охватывает все пространство и видит только вечное, и глазами человека, осмысляющего мир применительно к своему положению во времени и пространстве.

А. С. Демин обращает внимание на две позиции в изображении пространства в «Житии». Он отмечает наличие божественного конуса, «расширяющегося куда-то с небес на землю», и земного — конуса реальной перспективы, идущего от взорающего человека.⁷ В связи с этим А. С. Демин выделяет два вида изображаемого пространства в «Житии» Аввакума. В первом случае пространство видится громадным, необъятным, богатым противоречиями, независимым от человека, где последний является не субъектом, а объектом. В другом же пространство замкнуто «как бы на расстоянии вытянутой руки протопопа», где мир определяется через чувственное восприятие человека.⁸ В изображении природы с ограниченной, субъективной, человеческой точки зрения Аввакум сохраняет внутреннюю память о «зрении» бога, трансцендентном в отношении к человеку.

«Недаром все пейзажи Аввакума заканчиваются напоминаниями о боге, „призрающим“ сверху на мир. Основание конуса, т. е. поверхность обо-

⁵ Mathauserová, s. 256—257.

⁶ Д. С. Лихачев. Старообрядческая литература (протопоп Аввакум). — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, с. 316.

⁷ А. С. Демин. Наблюдения над пейзажем в Житии протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., 1966, с. 402.

⁸ А. С. Демин. Реально-бытовые детали в Житии протопопа Аввакума. (К вопросу о художественной детали). — В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., 1971, с. 238.

зреваемого мира, расширяется тоже почти беспредельно, так как Аввакум постоянно напоминает, что представленная картина является только частью тех 20 тысяч верст, которые он „волочился“, лишь частью земли вообще, только частью всей „бездны“ мира. Каждое описание природы служит поводом к генерализации и заключается выводом — всегда с обобщающим словом „все“ — о всей природе в целом: „А все то у Христаго — света наделано для человек“, „Вся бо та увиди и настрои благий божия нас ради человек“ и т. п. Аввакум словно ясно видит перед собой ту или иную местность, но „боковым зрением“ схватывает всю природу.⁹

Д. С. Лихачев отмечает в «Житии» протопопа Аввакума сосуществование субъективного и объективного взгляда на время. По его мнению, в «Житии» «преобладает „внутреннее время“, время психологическое, субъективное, связанное с трагическим мировосприятием Аввакума, отмечающее в большей мере последовательность событий, чем их объективную временную прикрепленность».¹⁰ Но Д. С. Лихачев подчеркивает, что «субъективность времени, взгляд на прошлое из авторского настоящего, своеобразная перспектива времени, обусловленная появлением индивидуализированной авторской личности», сочетаются с вневременным отношением к действительности, воспринимаемой в ее вечном объективном аспекте, с точки зрения Страшного суда. Для Аввакума, как отмечает Лихачев, эта вечность «была напряженно субъективной».¹¹

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы показать, как Аввакум понимал богословскую проблему соотношений человека с богом, каким образом автопортрет в «Житии» раскрывает глубокое убеждение автора, что он сам является идеальным выражением этого соотношения, почему написание «Жития», в котором отражается его личное сознание, представляется ему «божьим делом».

* * *

Проблема отношений между богом и человеком является центральной не только для Аввакума, но для христианского богословия в целом. Христианство воплотило эту проблему в личности Иисуса, который соединяет в своей двойственной природе и бога, и человека. Оно учило, что воплощение Христа дало человеку возможность обожествить свою собственную плоть и душу, следуя по пути Христа.

Аввакум проповедывал христианскую идею, согласно которой цель человеческой истории — воссоединение мира с богом; среди всей твари только человек способен совершить это. Существование человека во времени подразумевало его соответственное стремление освободиться от временных границ и тем самым участвовать в движении мира от времени в вечность. Осмысляя себя как воплощение бога в человеке, Аввакум считает, что его существование способно обновить Россию и весь мир.

Для Аввакума Христос имеет два существования: внутри и вне времени, историческое и эсхатологическое. Подчеркивая вневременность бытия Христа, Аввакум осмысляет его существование как внепространственное. Включая в себя все реальное пространство, Христос одновре-

⁹ А. С. Демин. Наблюдения над пейзажем. . . , с. 403.

¹⁰ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971, с. 331.

¹¹ Там же, с. 338, 339. С. Матхаузерова, изучившая использование Аввакумом глагольных форм, приходит к тем же самым выводам, что и Д. С. Лихачев: «На свою собственную темпоральную ось он проектирует события, которые продолжают существовать в его сознании рассказчика и временные интервалы которых подчиняются законам перспективы. Но в его поле зрения, как рассказчика, входит даже то, что раньше относилось к существу сверхъестественному» (С. Матхаузерова. Функции времени в древнерусских жанрах. — ТОДРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1972, с. 232).

менно больше его. В своих «выписках из священного и святоотческих писаний»¹² Аввакум делал извлечения из „Слова еже на богоявление Григория Назианзина“, в которых показано, что Святой дух и Христос „неподлетны“, но „присносущны“.¹³ Он цитирует Златоуста, чтобы показать, что Христос — это и «вечное, и безместное», что как богу ему «нет конца и определения».¹⁴

Он обращался и к человеческой ипостаси Христа: «у Пречистыя матери господни и у девы млеко бысть. Егда родила бога-человека без болезни, на руках ея возлегла, сосал титочки свет наш. Потом и хлебец стал есть, и мед, и мясца, и рыбку, да и все ел за спасение наше. И вино пияше, да не как, веть, мы — объядением и пьянством, — нет, но благоискусно дая потребная плоти».¹⁵ Подчиняя времени свое безграничное в сущности пространство, Христос указал человеку выход из границ исторического времени. Аввакум подчеркивает относительность существования исторического Христа.

Аввакум любил говорить о преобразении пространственного мира, имеющего временные границы, при соприкосновении с вневременным божественным началом. Явление Христа в историческом мире, его рождение и зачатие показывали, как при соприкосновении с божеством природа «иступает» свои законы: «Бог идеже хочет, побеждается естество чин: без болезни вниде, без болезни и изыде. И млеко даяше, Дева питаше питающаго всю тварь. И сие не по естеству бе, но выше естества неизреченно. Не бывает у дев млеко, дондеже с мужем во чреве не зачнет» (стб. 620).

То же «иступление» осуществляет природа в уходе бога из истории, в воскресении Христовой плоти.¹⁶ Неизъяснимым образом в воскресении Христа его человеческое тело, не потеряв своих качеств, образовавшихся в зависимости от времени и пространства, оказалось и «вечно, и безместно». Уход Христа из истории — предвестие преобразования всего материального мира. Природа воскреснет и прекратит свое существование во времени, не потеряв определенных в его рамках качеств. Этот момент осмысливается как предшествие эсхатологического Христа, когда его тело обнаружится как воплощение целостности бога. Тогда пространственные границы его тела отождествятся с границами всего сотворенного мира. Мир становится Христом, т. е. идеальным сосуществованием духа и материи. Выражая божество, дающее ему свой образ, мир превышает свои границы, т. е. преобразается.

«А егда будет второе пришествие его, тогда всю переновит сию видимую тварь, сиречь переполощет негасимым огнем, и будет небо ново, и земля нова, и людей тех же переновит, воскреснут вси и комуждо по достоянию

¹² И. М. Кудрявцев издал в «Записках отдела рукописей ГБЛ» (М., 1972, вып. 33, с. 80—212; далее: Кудрявцев) тексты, которые он назвал «Посланием протопопа Аввакума» и «Выписками, черновыми набросками и заметками протопопа Аввакума»; они находятся в «сборнике XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников». Это те фрагменты из круга чтения Аввакума, которым протопоп придавал особое значение. Архив, изданный И. М. Кудрявцевым, состоит из цитат и комментариев из священного и святоотеческого писаний и церковной литературы. Автор публикации предполагает, что Аввакум собрал этот архив после своего возвращения из Сибири и до ссылки в Пустозерск. Н. С. Демкова показывает круг чтения Аввакума, не включая богослужебную и старообрядческую литературу и не касаясь вопроса об использовании им Библии, в статье «Произведения средневековой письменности в сочинениях Аввакума» (ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1962, с. 329—340).

¹³ Кудрявцев, с. 202, № 117.

¹⁴ Там же, с. 198, № 91.

¹⁵ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1. — РИБ, т. XXXIX. Л., 1927, стб. 620—621 (сочинения Аввакума, кроме его «Жития», цитируются далее по этому изданию; номера столбцов указываются в тексте в скобках).

¹⁶ Аввакум в полемике с дяконом Федором настаивал, что тело вместе с духом Христовым сошло в ад, чтобы победить смерть (стб. 635—646).

п р о т и в у д е л и м е с т о (здесь и ниже разрядка моя, — П. Х.) укажет бог во веки веком. Тогда рай Едемский распространится по всей земли, и град святой Сион на воздухе, . . . нощи же не будет там. И не пресечется свет тмою, якоже днем. Светильник в нем будет агнец божий светити Христос, сын божий, надежда наша, свет» (стб. 663—664).

Царство божье есть момент реализации творческой силы в материи. Место человека в этом царстве определяется тем, что он — средство обнаружения животворящей силы внутри рамок времени.

Первоначально человек выражал собою божественную силу и обладал вечной жизнью в раю, где «. . . посреде плотнаго и духовнаго жития устроен», где ничто не изменяется, где все независимо от времени: «Древа не гниющая, травы не ветшающия, цветы не увядаемые, плоды неистлеваемые» (стб. 666). Отказавшись быть выражением бога, захотев стать самим богом, человек утерял божественную целостность и подчинился времени, т. е. пал от абсолютного к относительному существованию.

«Внемли и услыши святого Иоанна Златоуста — Слово о вочеловечении, лист 469: Сотвори бог небо и землю и создание все, на концы же создания человека содела по образу своему и подобию; образ тому дарова, — не начертание телесно, но властный сан, разсудителну силу, еже добродетелями уподоблятися сотворшему. Бысть убо по образу и подобию божию человек, протяг-же подобие в безмерие. . . [Бог] восхоте того [человека] в подобии теци во владычню благость, мерою ж и последованием и чином. . . Прием убо человек, еже подражати божию благость и правду, простре меру подражания в безмерие, и пожела божий ревнитель быти не по добродетели, но по господству; тако бо прелсти его змия, глаголя: в онже день снесте, будите яко бози, ведаеще добро и зло» (стб. 581—583).

Когда человек отказался быть средством выражения целостности мира, он лишил природу своей целостности, и она вместе с человеком подчинилась времени: «Таково-то грех — от человекъ не корыстное дело, и твари бездушной скорбь и болезнь приносит, по Апостолу, оттоле и доднесь — вся тварь совоздыхает и сблезнует с нами, и желает нашего дне, когда сыны божия будем» (стб. 667).

Христос, сын божий, пришел в мир, чтобы вернуть людям сознание их сыновства, чтобы, увидев сыновство Христа, они перестали искать подражания богу-отцу. Воплощением сына божьего родился второй Адам, который искупит греховную природу первого. Этим вторым Адамом способен стать каждый человек, если, отказавшись от своего эгоизма, он признает свою сопричастность бесконечному и посвятит свою жизнь добрым делам, приближающим его к вечности: «Зри! зри! не слушай змии, яко первозданный; не губи в себе образа божия, — самовластия и разсудительныя силы; и не подражай в безмерие: образ быти божий по начертанию — раб еси владыки; не уподобляйся существом сотворшему тя, а не ревнуй быти по господству, а не по добродетели. Паки Златоуст: Похваляет же бог подражание, егда меру имать. . . Уподобилася богу апостоли и не укоришася. . . человеколюбия, милостыни, правды, благочестия» (стб. 583).

Авакум уделял много внимания проблеме преодоления человеком греховной природы первого Адама и достижения состояния второго Адама. Целостной вечностью преодолев временные границы, это состояние явилось бы выходом из относительности человеческого существования. Самое важное — не мерить бога человеческой природой, интеллектуальной или телесной, но стремиться к воссоединению с ним, сознавая свои физические и интеллектуальные рамки в сравнении с его безмерностью.

Аввакум призывает возвыситься над «сластолюбием» (стб. 675), над жизнью ради плотского удовольствия. А. Н. Робинсон показывает, как Аввакум изображает грешника-никонианина в образе сластолюбца.¹⁷ Никониане — «плотолюбцы»; не только их тела, но и «размышления» «толсты» (стб. 520).

Аввакум ссылался¹⁸ на истолкование Максимом Исповедником размышления Дионисия Ареопагита о явлении Моисею божественного мрака, где Максим пишет: «. . . узрев место, идеже стояше бог», Моисей утратил ощущение времени и пространства, возвысившись до пространства духовного. «Тогда отпусти вся видимых же, сиречь чювьственных всех, и зрящих, рекше словесных всех, умных же глаголю и разумных существ, с ними же и наших душ. Тогда в сумрак вниде, сиречь в неразумии еже о бозе. . . и съединився таковым образом».¹⁹

Аввакум называл «буйством проповедания»²⁰ такое состояние души, когда человек нерациональным образом общается с духом божим и сам становится явлением этого духа на земле. Он противопоставлял это «буйство» светской премудрости тех, кто считал возможным познать бога внутри своих интеллектуальных границ.

Аввакум подчеркивал, что человек не может постичь бога своим разумом, своей способностью анализировать жизнь; это достижимо только через самую жизнь, бесконечную, но и зависимую от человека. Вслед за Златоустом он повторяет: «Господь бо весть помышления человеческа, яко суть суетна»,²¹ подчеркивая и мимолетность, несущественность помышлений в противовес жизни, которая является выражением бога, вечным и трансцендентным. В своих «выписях» он заостряет внимание на мысли Ареопагита о том, что бог охватывает всю жизнь, и, следовательно, вся жизнь является выражением бога. «Глаголет великий Дионисий Ареопагит: Се бе бо отвержение испадение истинны есьть, истинна же суще есьть, и истинны испадение — сущаго испадение есьть. Аще убо истинна сущее есьть, отвержение же истинны — сущаго испадение. От сущаго и спасти бог не может, и еже не быти — несть. . . . Аз есьтьмь сый живот, живот, свет, бог, истинна. Глава 7, лист 188».²²

Субъективному сознанию Аввакум не доверял, считая, что каждый человек, подобно Адаму, способен забывать, что он не более чем часть целого. Его любимое изречение: «Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасти». Он противопоставляет идеальную человеческую жизнь (корабль), посвященную осуществлению целостности мира (моря), стремлениям обычного грешника. «Корабли бо по морю преплавают из царства в царство, строя нашу человеческую жизнь. Превозят бо вещи из земли в землю, иде же чево несть, отинуде превозят. Море бо совокупляет воедино всех нас, да любим друг друга и хвалим чинотворца хитреца — бога. Мы же несть тацы суть, не хоцем бо обще стяжания иметь, но вся хощу мне собрать, яко несытый всеядец. Аще бы ми возможно, вся бы вещи морския и земския во утробу свою вместил».²³

¹⁷ А. Н. Р о б и н с о н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, с. 283.

¹⁸ Кудрявцев, с. 200, № 107.

¹⁹ Д и о н и с и й А р е о п а г и т. Что божественный сумрак. Книга о таинственном богословии, глава I. — ВМЧ, октябрь, дни 1—3. СПб., 1970, стб. 723.

²⁰ Кудрявцев, с. 185 (здесь Аввакум цитирует Первое послание Коринфянам, I, 21).

²¹ Там же, с. 195, № 60 (Аввакум здесь конспектирует Беседу десятую Иоанна Златоуста на Первое послание Коринфянам, III, 18—22).

²² Там же, с. 199, № 102 и 104.

²³ Житие Протопопа Аввакума, им самим написанное и другие сочинения. М., 1960, с. 273.

Аввакуму близка идея Златоуста,²⁴ что человеку лучше жить в городе с женой и детьми, чем, скрывшись в пустыне, искать духа божьего. Человек, пребывающий в одиночестве, теряет чувство подлинного соотношения с человеческим миром и склонен считать себя целью и средоточием мира.

Даже апостолы способны забывать о своей причастности целому и тем самым впадать в грех. Цитируя в своих «выписях» Златоустово толкование на Первое послание Павла к коринфянам (глава 8),²⁵ Аввакум особо выделяет именно эту мысль. Восьмая глава Послания описывает, как апостолы неумышленно «соблазнили» других во время трапезы. Хотя сами они сознавали, что ели не ради телесного насыщения и удовольствия, но чтобы подкрепить тело в служении богу, другие, глядя на них, думали, что они прославляют свою плоть, и хотели подражать им. Павел советовал апостолам никогда не забывать о том, как могут воспринять их поведение другие люди: «Блюдете бо, рече, да некогда власть ваша сия преткновение будет немощным братии. . . Ине же не точно немощен, но и брат. . . , и погибнет немощный брат в твоём ядении, его ради Христос умре».²⁶ Христос — широчайший мир, долженствующий быть учтенным в сознании отдельного человека.

Неверие Аввакума в субъективное сознание отдельной личности выражается в том, что он предпочитает дела словам. Слова возникают из стремления рационально осмыслить действительность, т. е. подчинить бога принципам собственного интеллекта, тогда как дела — сама действительность, представляющая собою объективное осуществление субъективного отношения отдельного деятеля к целому. Дела — выражение бога-«живота». Аввакум цитирует Послание Иакова, чтобы подтвердить мысль об оценке внутреннего состояния души. Оно может рассматриваться как действительное, т. е. истинное, лишь если выражается объективно. «Кая польза, братия моя, аще веру глаголет кто имети, дел же не имать. . . вера . . . аще дел не имать, мертва есть о себе. . . Покажи ми веру твою от дел твоих, и аз покажу тебе от дел моих веру мою. Ты веруеши, яко бог един есть. . . , и беси веруют и трепещут зело. — Хочеши ли разумети, о человеце суетне, яко вера без дел мертва есть».²⁷ Человек должен стремиться к тому, чтобы его объективное внешнее поведение отражало его душевную сущность, а именно — правильное понимание бога. Через «буйство проповедания» он «иступляет» самого себя и делает свое существование в физическом пространстве одновременно проявлением духовного пространства. Тем самым он при исторической жизни становится причастен телу Христа, которое в конце истории выражает весь мир. Внутри рамок времени он становится обновителем пространства, чудотворцем, ожидающим великого чуда исчезновения времени.

* * *

Аввакум писал свое «Житие»²⁸ как свидетельство того, что он преодолел в самом себе грех первого Адама в процессе отождествления с Христом. Он полагал, что заслужил право обличать этот грех в никонианах.

²⁴ Кудрявцев, с. 194, № 46.

²⁵ Там же, с. 195, № 61.

²⁶ Там же, с. 181.

²⁷ Иоанн Златоуст. Беседа на 14 посланий святого апостола Павла. Киев, 1623, л. 764.

²⁸ В нашей работе речь идет только о редакции А «Жития», написанной Аввакумом в первое время его ссылки в Пустозерск в первой половине 70-х годов. Цитаты даются по изданию этой редакции в кн.: А. Н. Р о б и н с о н. Жизнеописания Аввакума и Епифания, с. 139—179 (далее: Робинсон).

Введение к «Житию» органически связано с главной повествовательной частью и дает ключ к пониманию идеологии и структуры этого произведения в целом. Аввакум начинает с признания своей человеческой ограниченности. Он взывает к богу, просит помочь ему «иступить» эту ограниченность и стать средством выражения трансцендентного. «Разумя же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от тебя помощи прося: управи ум мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дел, да, добрыми делы просвещен, на судище десныя ти страны причастник буду со всеми избранными твоими».²⁹ Свое подчинение богу он противопоставляет позиции никониан, которые, подобно Адаму, стремятся подражать богу в господстве, а не в добродетели. Он обвиняет их в том, что они не признают, что сущность бога есть «Сый, Свет, Истинна, Живот», но понимают под богом вторичные божественные атрибуты, например «господь», «вседержитель» и т. п. Таким образом, он обвиняет их в искаженном взгляде на мир, в восприятии вторичного и частного (т. е. собственных личностей) как главного и целостного.

Чтобы подготовить читателя к изображению собственного «самоступления», он приводит мысль Ареопагита о том, как человек может приблизиться к Христу. «Тешит нас Дионисий Ареопагит, в книге ево сице пишет: Сей убо есть воистинну истинный христианин, зане истинною разумев Христа, и тем богоразумие стяжав, изступив убо себе не сый в мирском их нраве и прелести, себя же вестъ трезвящися и изменена всякаго прелестнаго неверия, не токмо даже до смерти бедьствующе истинны ради, но и неведением скончевающися всегда, разумом же живуще, и христиanye суть свидетелствуемы».³⁰ Аввакум, вероятно, понимал «разумение» и «неведение» так же, как их понимал истолкователь Ареопагита Максим Исповедник. «Разумение бо убо действо есть и творение».³¹ Максим говорит о двух видах неведения: ³² 1) о неведении, которое означает, что человек лишен существа бога (т. е. находится вне бога), и 2) о неведении, которое указывает, что человек причастен к богу как выражению всего существующего. Когда он объявляет, что «неведение бо тма есть», он имеет в виду неведение Моисея, который, «иступая» себя, «вниде в сомрак», соединился с богом и «невидением все разумеет». Ареопагит в месте, цитируемом здесь Аввакумом, конечно, имел в виду этот последний тип неведения, выражением которого считал себя Аввакум.

Аввакум символически показывает самого себя «неведением скончевающего. . . , разумом живущего», когда он сопоставляет свое отлучение никонианами от церкви с распятием Христа, осмысляя свою собственную судьбу как подражание судьбе Христа. Распятие Христа — высшее сочетание неведения и разумения, которое предвозвещалось Моисеем в Ветхом Завете. Смерть Христа была одновременно животворящим актом соединения духа Сына с Отцом, тем актом, который делал возможным и начинал процесс слияния божьего духа с миром, ожидаемого во втором пришествии. Аввакум показывает, что общим между распятием Христа и его собственным отлучением от церкви было проявление страдания субъекта на трансцендентном уровне, т. е. в природе, «иступившей» свои законы.

²⁹ Робинсон, с. 139.

³⁰ Там же, с. 139—140.

³¹ Толкование 2. Что есть яже слова мысль, и что о божественных именов предание. О божественных именов. Глава 1. — ВМЧ, октябрь, дни 1—3, стб. 396. Аввакум ссылается на эту главу в своих «выписях» (см.: Кудрявцев, с. 199, № 103).

³² ВМЧ октябрь, дни 1—3, стб. 564. Здесь Максим развивает мысль Ареопагита об отождествлении бога со всем существующим, на которую Аввакум обратил внимание в своих «выписях» и которую он цитировал в введении к «Житию». Аввакум несомненно читал толкование Максима на этот текст Ареопагита.

В обоих случаях этот момент изображен не с точки зрения субъекта, живущего разумом и кончающего неведением, но с точки зрения постороннего человека, оценивающего происходящие события. В первом случае толкователь распятия Христа — Дионисий Ареопагит, идеология которого является основой мировоззрения Аввакума: «Сей Дионисий. . . во время распятия господня быв в Солнечном граде и виде: солнце во тму преложися и луна в кровь, звезды в полудне на небеси явилися черным видом. Он же ученику глагола: „Или кончина веку прииде, или бог-слово плотию стражет“; понеже не по обычаю тварь виде изменену».³³ Толкователь расстрижения Аввакума — сам Аввакум, как рассказчик о собственной жизни: «В Петров пост, в пяток, в час шестый тма бысть; солнце померче, луна подтекала от запада же, гнев божий являя, и протоппа Аввакума, беднова горемыку, в то время с прочими остригли в соборной церкви власти».³⁴

Преображение природы, сопутствовавшее распятию Христа, имеет здесь два возможных значения. «Или кончина веку прииде, или бог-слово плотию стражет». «Самоиступление» природы может означать или присутствие духа Христа в относительном историческом мире, которое должно предшествовать абсолютному откровению божьего духа в конце истории, или момент освобождения мира от времени. Значение преобразования природы при символическом распятии Аввакума также амбивалентно и означает или исторический, или эсхатологический момент. Это либо знак слияния духа Аввакума с миром, существовавшим во времени, и тогда Аввакум — один из чудотворцев, либо знак слияния его духа с богом, который преобразует мир Страшным судом.

Аввакум считал, что в своей исторической жизни он достиг и эсхатологической реальности. Он осмысляет свое отлучение от церкви как символический конец своей исторической жизни и начало жизни эсхатологической. Отлучение — это смерть и воскресение его духа и тела, отождествление их границ с миром в его целостности. Он полагает, что в его существовании в ограниченном времени и пространстве воплощается и исторический, и эсхатологический Христос. Эта идея объясняет противоречивость автопортрета Аввакума, в котором он изображает себя то низким страстотерпцем, то страшным судьей. Он показывает себя в постоянном движении из времени в вечность и обратно. При этом он осуществляется и как Христос-человек — через страдание, через конфликт с злым началом, открывая себя в отношении к пространству и времени, и как Христос эсхатологический, воплощающий вечность и безмерность.

Повествовательная структура «Жития» служит средством проявления духа Аввакума в объективном мире. Образец этой структуры — описание символического распятия. Посторонний рассказчик истолковывает значение жизни героя через его чудесное влияние на окружающий мир. «Самоиступление» мира — свидетельство самовыражения героя как бога-живота.

Изображение символического распятия Аввакума-героя показывает, что Аввакум-рассказчик выполняет две функции в «Житии». Во-первых, он объективно изображает «протоппа Аввакума, беднова горемыку» как часть целого. При этом он может сохранять объективность, потому что существует временное и пространственное расстояние между ним как рассказчиком и как героем действия. Во-вторых, он оценивает это объективное действие как выражение божьего духа. Сверхъестественные явления природы толкуются здесь как явления божьего гнева.

³³ Робинсон, с. 140.

³⁴ Там же.

Рассказчик берет на себя ответственность поведать об истинной сущности исторического события, потому что, пережив символическое распятие, отождествляет себя с богом. Слияние его субъективного сознания с объективным миром он считает осуществившимся, и поэтому, выполняя оценочную функцию, выражает не столько субъективное, сколько объективное значение событий. В нем — соединение точек зрения бога и человека.

Рассказчик показывает процесс воссоединения героя с историческим и эсхатологическим Христом как непрерывное движение между первым и вторым Адамом, которое решается в пользу второго. Постоянно забывая о своей подчиненности целому, герой осознает ее через болезненное столкновение с объективным миром и возвращается к богу. Воплощая бога, он «иступает» свои границы.

Рассказчик находится в процессе установления равновесия между субъектом и объектом, достигнутого на основе его опыта как героя действия. На его авторском уровне это осуществляется как установление равновесия между оценочной и изображающей функциями.³⁵

Показывая, что его оценка действия отражает объективную божественную истину, рассказчик сопоставляет свою оценку с цитатами из священного писания (включая святоотческие и старообрядческие), которые служат ключом к пониманию высшего значения действия.

Аввакум избегает опасности перегрузить текст дидактико-идеологическими элементами, что согласуется с его идеей жизни или действия как главного откровения.

Рассказчик и герой действия (и некоторые другие персонажи), преодолевая свою ограниченность, также служат источниками трансцендентных ключевых моментов. Видение Аввакумом божественной истины помогает обнаружить суть изображаемого мира. Эти видения обычно оказываются непостижимыми для зрителя потому, что превышают его разум. Зритель может свидетельствовать о них только «в неведении».

Целостность действия «Жития» в том, что оно представляет собою расширение трансцендентных моментов божественной истины в специфическом времени и специфическом пространстве. Момент, указанный во введении, является доминантным. Слова Ареопажита освещают трансцендентное значение жизни Аввакума как подражания пути Христа к распятию и слиянию с богом-отцом. Главная повествовательная часть начинается видением героя. Оно указывает на значение следующих событий. «А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо, — его же ум человек не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Вольги, яко пожрати мя хочет. И я вскричал: „Чей корабль?“. И сидя на нем отвечал: „Твой корабль! Да, плавай на нем з женою и детми, коли докучаеш!“. И я вострепетах и, седше, разсуждаю: „Что се видимое? И что будет плавание?“».³⁶

³⁵ Например, во введении Аввакум сознательно останавливает себя в середине речи, не желая субъективно осуждать то, что должно быть объективно обнаружено в процессе разрывания событий во времени между первым и вторым пришествием Христа: «Верный разумеет, что делается в земли нашей за нестроение церковное. Говорить о том полно: в день века познано будет всеми; потершим до тех мест» (Робинсон, с. 140). Мы увидим, что, когда Аввакум заканчивает объективное изображение этих событий своей жизни в повествовательной части «Жития», он, совершив отождествление с историческим и эсхатологическим Христом, позволяет себе выступать в качестве судьи.

³⁶ Там же, с. 143—144. Н. С. Демкова указывает на значение корабля как символа того, что жизнь Аввакума представляет собою образ целостности всего божьего мира во всех его противоречиях (с человеческой точки зрения): «Это то разнообразие жизни,

Это видение зрителю неясно, но рассказчик, умудренный опытом героя действия, отвечает, «что будет плавание». Отвечает божьими словами, подчеркивая трансцендентное значение «плавания» как постепенного распятия: «Объяше мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох».³⁷

Плавание — борьба с грехом Адама в себе и вне себя. Страдание этой борьбы есть средство его «самоиступления», совершившегося в момент отлучения от церкви.

Анализ этого процесса — задача другого исследования. Обратим лишь внимание на видение в конце «Жития», когда корабль Аввакумовой судьбы достиг пристани. Видение обнаруживает трансцендентное значение событий, которые развернулись со времени первого заданного героем вопроса. Видение служит окончательным ответом на этот вопрос. Аввакум как герой действия не видит это видение и не рассказывает о нем. Иначе он впал бы в грех гордости, за который Адам был изгнан из рая. Это видение показано нам глазами духовной дочери Аввакума, Анны, которая как представитель объективного мира свидетельствует о полном «самоиступлении» Аввакума: «Егда-де я в правило задремала и повалилась, приступили ко мне два ангела, и взяли меня, и вели меня тесным путем. И на левой стране слышала плачь, и рыдание, и гласы умиленны. Потом-де меня привели во светлое место, зело гораздо красно, и показали-де многие красные жилища и полаты; и всех-де краше полата, незреченною красотою сияет паче всех, и велика гораздо. Ввели-де меня в нея, ано-де стоят столы, и на них послано бело, и блюда з брашнами стоят. По конец-де стола древо кудряво повевает и красотами разными украшено; в древе-де том птичьи гласы слышала я, а топерва-де не могу про них сказать, каковы умильны и хороши. И подержав-де меня паки ис полаты повели, а сами говорят: „Знаешь ли, чья полата сия?“. И аз-де отвещала: „Не знаю; пустите меня в нея“. Они же отвещали: „Отца твоего, протопопа Аввакума, полата сия“».³⁸

Это видение служит оправданием пути и мироощущения Аввакума, оправданием его права быть наставником и судьей других. Но есть более высокий уровень его самооправдания — уровень, который в полном своем объеме превышает границы «жития» и служит своего рода «священным писанием». Это — его собственное творчество. В конце повествования о своей жизни Аввакум обращает внимание на «Пятое челобитное к царю Алексею Михайловичу»: «Таже, братию казня, а меня не казня, сослали в Пустозерье. И я ис Пустозерья послал к царю два послания: первое невелико, а другое болши. Кое о чем говорил. Сказал ему в послании и богознамения некая, показанная мне в темницах; тамо чтый да разумеет».³⁹

«Пятое челобитное царю Алексею Михайловичу» возникло в ответ на расстрижение и отлучение Аввакума от церкви. Аввакум стремился показать, что это отлучение в действительности было отлучением никониан и самого Алексея Михайловича от истинной церкви, воплощением которой являлся сам Аввакум. Основная структура Челобитной — ряд парадоксальных коллизий между ее автором и Алексеем Михайловичем, где человеческое тело является центральным символом. Отпадение царя

та „пестрота“, которую Аввакум встретит в мире, — пестрота добра и зла, красоты и грязи, высоких помыслов и слабостей плоти, через которые суждено пройти Аввакуму» (Н. С. Демков а. Житие Протопопа Аввакума (творческая история произведения). Л., 1974, с. 144).

³⁷ Робинсон, с. 144.

³⁸ Там же, с. 176—177.

³⁹ Там же, с. 169.

от бога и слияние с ним Аввакума изображены в видениях, отмеченных в «Житии». В них решается вопрос о судьбе человеческого тела, его собственного и царского, — какое из них является воплощением Христа в его исторических и эсхатологических существованиях.

Челобитная начинается изображением истинной церкви и мольбой к царю соединиться с ней: «. . . молихом тя, да примиришися богу и умилишися в разделении твоём от церковнаго тела. . . единыя же Сионския церкви святых сосец ея нелестным млеко воспитен еси с ними, сиречь единой православной вере. . . с нами от юности научен еси».⁴⁰

Аввакума не пугает следствие отлучения, — то, что его тело не будет положено в гроб и что не будет отпевания по всем правилам. Он рассматривает это как доказательство полного слияния с миром. То, что царь будет похоронен по обычаю официальной церкви, указывает на его отделение от бога, потому что «пался еси велико, а не востал искривлением Никона. . . умер еси по души ево учением, а не воскрес».⁴¹ «Ты, от здешняго своего царства в вечный свой дом пошедше, только возьмешь гроб и саван, аз же присуждением вашим не сподоблюся савана и гроба, но наги кости мои псами и птицами небесными растерзаны будут и по земле влачimy; так добро и любезно мне на земле лежати и светом одеяну и небом покруту быти. Небо мое, земля моя, свет мой и вся тварь — бог мне дал».⁴²

В первом видении, описанном в Челобитной, Аввакум изображает царское тело нецелостным, отделенным от тела церкви: «. . . и видех тя пред собою. . . , и увидех на брюхе твоём язву zelo велику, исполнена гноя многа. . . , и начах язву на брюхе твоём, слезами моими покропляя, руками сводити, и бысть брюхо твоё цело и здорово. . . , видех спину твою згнашу паче брюха, и язва больши первыя явихся. . . И очутихся от видения того, не исцелих тя всего здрава до конца. Нет, государь, большо покинуть мне, плакать о тебе, вижу, не исцелеть».⁴³

Библейский подтекст — глава 22 Апокалипсиса⁴⁴ — показывает скрытое сравнение между ним и царем. Глава 22 Апокалипсиса описывает конечное царство божие и сопоставляет тех, кто пребудет внутри его, с теми, которые окажутся вне. Аввакум — внутри этого царства уже в исторической жизни. Он один из рабов божьих, которые «послужат ему и узрят лице его и имя его на челех их»,⁴⁵ потому что там цветет древо жизни, питающееся от воды, исходящей от престола бога, которого листья «в исцеление языком». Это древо напоминает «древо кудряво. . . красотами разными украшено», которое «повевает», по словам Анны, в Аввакумовом рае. Рабам Божиим противопоставлены «уязвленные» (знак их отделения от бога). Аввакум изображает уязвленным тело царя, потому что Алексей Михайлович стремился изменить то, что выше разумения отдельного человека и является целостным воплощением слова бога, — русскую церковь.

«Во средостении бо, сиречь между обою пришествию Христову, созьда господь церковь свою. . . яко никогда не погрешити ей. . . ни в малейшем от догмат святых в чем поползнутися ей, но цело, недвижимо, не-

⁴⁰ РИБ, стб. 757.

⁴¹ Там же, стб. 759.

⁴² Там же, стб. 764.

⁴³ Там же, стб. 762.

⁴⁴ Доказательством того, что Аввакум в этом месте сознательно ссылается на главу 22 Апокалипсиса, является следующая мысль в его выписях: «Разве прилагающим приложит господь имя язв, по писаниих отъемлющим отъимет господь часть их от книг живота» (см.: Кудрявцев, с. 183).

⁴⁵ Цитаты этой главы Апокалипсиса из Острожской библии (Острог, 1581).

преклонно, непременно держати кроме всякого преткновения (Маргарит, лист 500, 519), даже до страшного суда великаго бога и спаса нашего Исуса Христа». ⁴⁶

Доказательство полного отделения царя от бога — то, что даже Аввакум, считающий, что он владеет исцеляющими силами древа жизни, не в состоянии «исцелить» этой язвы.

В следующем видении описана творческая сила Аввакума: «... божим благоволением в нощи вторыя недели, против пятка, распространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, а се и руки быша, и ноги велики, потом и весь широк и пространен, под небесем по всей земли распространился, а потом бог вместил в меня небо и землю и всю тварь». ⁴⁷

Древо жизни исцелило его собственный язык. Его слова, как и все проявление его личности, выражают целостность бога, потому что он сам стал Словом. В этом видении, изображающем Аввакума в процессе соединения с богом, подчеркивается его творческий динамизм. Челобитная кончается видением, которое делает ясным, что Аввакумово тело, воплощая всю тварь, выражает силы, преобразующие ее. Этот момент соединения с божественной силой и есть видение бога лицом к лицу: «... а се потом изо облака господа Богородица яви ми ся, потом и Христос с силами многими, и рече ми: „Не бойся, аз есм с тобою“». ⁴⁸

Аввакум в своем «Житии» указывает на эти видения, потому что они обнаруживают значение изображаемого действия в относительном историческом контексте. Но в тексте он прямо указывает и на свое отождествление с Христом-словом.

На соборе 1667 г., после отлучения, герой выступает в образе и исторического, и эсхатологического Христа: «... бог отверз грешные мое уста и посрамил их Христос!». ⁴⁹ Он одновременно и осуждает врагов, и показывает свою человеческую низость, подражая юродству Христа в толковании апостола Павла. Отлученный от церкви, он осмысляет возвращение царя к истинному богу как возвращение к нему, Аввакуму. «... я, реку, не сведу рук с высоты небесныя, дондеже бог тебя отдаст мне». ⁵⁰ Повествование исторической жизни Аввакума-героя оканчивается эсхатологической «встречей» с богом, воплощенным в церкви. Это видение трансцендентной реальности — знак Аввакумова соединения с нею. Оно происходит во время символической смерти Аввакума и выражается песнопением: «Таже осыпали нас землею. . . Мы же, здесь и везде сидящий в темницах, поем пред владыкою Христом, сыном божим, песни песням, их же Соломан воспе, зря на мать Вирьсавию: „Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая моя! Очи твои горят, яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных лучь, и вся в красоте сияеш, яко день в силе своей“». ⁵¹

Аввакум-рассказчик открыто выступает как судья, подводящий итоги. Его личные слова переплетаются с цитатами из Библии. Сравнение истинных и ложных христиан, проходящее сквозь весь текст, заключается последними страшными словами Аввакума: «Будьте оне прокляты, окаянные, со всем лукавым замыслом своим, а стражущим от них вечная память 3-ж!». ⁵²

⁴⁶ Кудрявцев, с. 182.

⁴⁷ РИБ, стб. 763—764.

⁴⁸ Там же, стб. 765—766.

⁴⁹ Робинсон, с. 167.

⁵⁰ Там же, с. 169.

⁵¹ Там же, с. 170.

⁵² Там же, с. 171.

* * *

Мы же, подводя итоги того, как Аввакум своей жизнью и творчеством решал проблему взаимоотношений бога и человека, должны согласиться с мнением исследователей, считающих, что в Аввакуме преобладало субъективное начало, т. е. стремление подчинить все внешнее потрясающей силе своей личности.

Создавая грех Адама, Аввакум старался показать, что преодолевал этот грех через исповедание своей греховности, через страдание и раскаяние, но и собственное решение этого кризиса удовлетворяло его не вполне. Его постоянное признание греховности — не только литературный этикет или шаг к неизбежному ее преодолению.⁵³

Самоизображение Аввакума противоречит его ортодоксальному православному пониманию взаимоотношений бога и человека. Он отождествляет процесс, т. е. свое историческое существование, и результат: эсхатологическое существование. И хотя он настаивает на собственном невежестве, он показывает героя действия, т. е. самого себя, движущимся от непонимания к полному откровению.

В конечном счете в его видении бога нет видения места, «идеже стояше бог», нет «самоиступления», нет тьмы неведения. Это видение, при котором сохранилось самопознание. Это освоение бога внутри собственных границ. Это «светлое место. . . всех краше», это «полата. . . неизреченною красотою» сияющая «паче всех, и велика гораздо» — означает его личность, объемлющую всю тварь и божьи силы.

Аввакум противопоставляет себя апостолам: «. . . апостоли о себе возвещали же, егда что бог соделает в них. . . , что зделаю я, то людям и сказываю; пускай богу молятся о мне! В день века вси жо там познают соделанная мною — или благая, или злая. . . , аще и невежда словом, но не разумом».⁵⁴

Апостолы определяют себя как средства выражения бога, а Аввакум как сознательный творческий деятель, ищущий оправдания вне себя, но нашедший его внутри. «Житие» кончается его отождествлением с читателями, которых он призвал быть объективными свидетелями своего самообнаружения: «Пускай раб-от Христов веселится чтучи! Как умрем, так он почтет, да помянет пред богом нас. А мы за чтущих и послушающих станем бога молить; наши оне люди будут там у Христа, а мы их во веки веком».⁵⁵

Аввакум судит самого себя, и его «Житие» является самооправданием. Деятельность Аввакума, направленная на сохранение старого иерархического мироустройства, объективно разрушает это мироустройство.

⁵³ Н. С. Демкова высказывает эту идею в своем комментарии к изданию неизвестных писем Аввакума. «У Аввакума это не традиционное самоунижение древнерусского книжника, этикетная формула, шаблон стиля, а выражение сугубо личных чувств. . . , отзвук его непрекращающейся борьбы со своей собственной буйной натурой, „богатой страстями“» (см.: Н. С. Демкова, В. И. Малышев. Известные письма протопопа Аввакума. — Зап. отд. рукоп. ГБЛ, 1971, вып. 32, с. 170).

⁵⁴ Робинсон, с. 171—172.

⁵⁵ Там же, с. 178.

Н. В. ПОНЫРКО

Русские святки XVII века

Средневековые праздники дураков справлялись в определенный период: в день св. Стефана (27 декабря), в день «невинных младенцев» (29 декабря), на Новый год (1 января), в день богоявления (6 января), Иванов день.¹ Все эти дни, за исключением последнего, приходятся на так называемое двенадцатидневье между рождеством и богоявлением (25 декабря—6 января).

На Руси, так же как на Западе, время между рождеством и богоявлением проходило в народных празднествах, сопровождавшихся переодеваниями, маскированием, буйными играми. Этот период назывался святками. Представляется неслучайным приурочивание его к рождественскому циклу.

Праздник рождества был воплощением идеи двумирности — бог сошел на землю, «преклонив небеса». Пафос празднования заключался в том, что соединилось божеское и человеческое. Вочеловечившись, Иисус Христос тем самым низвел бога до человека, а человека поднял до бога. Рождество как бы упразднило понятие верха и низа: небо стало землей, а земля небом, — и отменило всяческую иерархию: бог «в рабех кесаревым повелением написатися покорся и нас, рабы сущия, врага и греха свободил еси».² Тема неба, ставшего землей, и земли, превратившейся в небо, была ведущей рождественской темой: «Небо и земля днесь совокупися, рождъшуся Христу, днесь бог на землю прииде, и человек на небеса възде».³ В богослужении пелось: Христос рождается, «да нижняя с вышними совокупит».⁴ Димитрий Ростовский повторял эту мысль, когда в своей «Рождественской драме» вкладывал в уста Неба следующие слова о Христе:

Той мя, Небо, преклонив, на тя, Земле, сниде:
Человек бысть, человек да на небо възде.
Будешь мне, неклятому Небу, приобщенна,

Аз — Земля, ты же Небом будешь нареченна,
Яко же бог наречен и есть человеком,
Смертен человек — богом живым во век веком.⁵

В рождестве противоположности играли и менялись местами: «Безплотный — воплощается, слово — одевается, невидимый — видится, и

¹ М. М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья. М., 1965, с. 83.

² Миней служебная. М., 1768, 29 декабря, л. 354 об.

³ Миней служебная, 25 декабря, л. 302.

⁴ Миней служебная, 2 января, л. 21 об.

⁵ Ранняя русская драматургия (XVII—первая половина XVIII в.). Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972, с. 227.

неосязаемый осязается, и безначальный начинается, сын божий — сын человек бывает».⁶ Всесильный бог и немощный младенец соединялись в одном лице. Одних эта мысль «умилияла», других «устрасала», но для тех и других была насущной, как например для виршеписца Луки Голосова: «Зряй безлетного и невместимаго всеми общего творца и владыку во убозем вертепе почивающа, яко младенца; видяй неприступнаго и неприкосновеннаго света пеленами повиенна; смотряй содержащаго вся рукою во яслех нас ради положенна».⁷ Свободный стал рабом, царь — подданным, владеющий всем — нищим: «Кто не почюдится господню низишествию: горе свобод и доле написан, горе — сын и доле — раб, горе — царь и доле — наемник, горе — богат и доле — скуден».⁸

Рождество было уничтожением бога. Но такое уничтожение имело амбивалентный смысл, так как одновременно и возвышало: «Обнищает богатый, мене обогащая божеством, зле обнищавшаго невоздержанием». Христос, воплотившись, обожил человека: «Въсприят подобие наше от нас. . . , да человечество, грешно суще, богу будет причастно».⁹ «Обоживший земленородных существо», — так говорит о Христе литургический гимн.¹⁰ «И так род наш ныне обожися, аки железо огнем распалися»;¹¹ «Человеком бывает через милость премногу, да брэнна человека уподобит богу»,¹² — повторяли Симеон Полоцкий и Димитрий Ростовский.

Идея рождества заключала в себе изначально глубоко амбивалентную мысль. Христос, придя на землю, встал как бы посреди божеского и человеческого, посреди жизни и смерти.

Как известно, народная культура для выражения амбивалентной идеи прибегает к понятиям главным образом телесного верха и низа. Перемена местами телесного верха и низа, их единство и взаимная замещаемость есть иллюстрация идеи двумирности на телесном уровне. Так как для средневекового сознания человек — это малый мир,¹³ то его верх и низ — это также небо и земля. Амбивалентная мысль рождества переводилась на язык народной культуры.

* * *

Народная обрядность святок во многом была продолжением церковной обрядности или ее травестией.

Карнавальная основа русских святок представлена вполне отчетливо во всех, пусть редких и скудных, упоминаниях этого явления. Здесь и буйные игры, и ряженые, и маскирование, и кощунственный смех.

«И в навечерие рождества Христова, и в навечерии богоявления господня сходятся народи, мужи и жены, и девицы на noctное плещевание и безчисленный говор, на бесовские песни и плясание»; «И в праздник весь день мужи и жены и дети в домах, по улицам отходя и по водам, глумы творят всякими играми и песнями сотанинскими и многими *виды скаредными*»,¹⁴ — свидетельствует Стоглав.

⁶ Минея служебная, 26 декабря, л. 314.

⁷ И. А. Шляпкии. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. ПДП, вып. СХХVIII. СПб., 1898, с. 46.

⁸ Пролог. М., 1661, 25 декабря. Слово Афанасия Александрийского на Рождество Христово, л. 162 об.

⁹ ВМЧ, декабрь, дни 18—23. М., 1907, стб. 1846.

¹⁰ Минея служебная, 25 декабря, л. 304.

¹¹ ГПБ, Ф. XVII. 83, л. 98.

¹² Ранняя русская драматургия (XVII—первая половина XVIII в.), с. 228.

¹³ См.: Е. С п е к т о р с к и й. Проблемы социальной физики в XVII столетии, т. 2. Киев, 1917, с. 393.

¹⁴ Стоглав. СПб., 1863, с. 141, 261.

А вот строки из царской грамоты 1648 г.: «А об рождестве Христове и до богоявлениява дни сходятся мужесково и женсково полу многие люди в бесовское сонмище ко дьявольской прелести, многое бесовское действо играют во всякия бесовския игры. А в навечерии рождества Христова и Васильева дни и богоявления господня клички бесовские кличут — коляду, и таусень, и плугу. И многие человецы неразумием веруют в сон и встречу, и в полаз, и во птичей грай, и загадки загадывают, и сказки сказывают небывалые, и празднословие с смехотворением и кощунанием, и души свои губят такими помраченными и беззаконными делами. *И накладывают на себя личины и платье скomorошеское, и, меж себя наряда, бесовскую кобылку водят*».¹⁵

К постановлению Стоглавого собора и царской грамоте 1648 г., посланной в Белгород, можно прибавить память 1649 г. верхотурского воеводы Рафа Всеволожского приказчику Ирбитской слободы Григорию Барыбину,¹⁶ указ патриарха Филарета от 24 декабря 1627 г.¹⁷

Свидетельства полемического характера о святочных игрищах указывают на стойкость этого явления. Судя по патриаршему указу 1684 г., мало что изменилось со времен Стоглавого собора: «Ведомо великому господину святейшему Иоакиму, патриарху московскому и всея России, учинилось, что на Москве не хранящие закона божия. . . в 24 числе, в навечерии рожества Иисус Христова, ненаказанныи мужескаго полу и женска собрався многим числом от старых и молодых, мужи с женами и девки, ходят по улицам и переулкам, к беснованным и бесовским песням, сложенным ими, многия сквернословия присовокупляют и плясания творят на разжение блудных нечистот и прочих грехопадений. *И преобразжающесе в неподобныя от бога создания, образ человеческий прменяюще, бесовское и кумирское личат, косматые и иными бесовскими ухищреньми содеянные образы на себя надевающе, плясанныи и прочими ухищреньми православных христиан прельщают, отвращающе от святыя божественныя церкви и от празднества торжественнаго рождества спасителя нашего бога, приводят в душепагубный грех. Також и по рождестве Иисус Христове во двою надесеть дней до крещения господа нашего Иисус Христа таковая и бесовская игралица и позорища содевают на прелесть и соблазн православным христианом*».¹⁸

Как будто бы все приведенные документы говорят о полной изолированности святочных игрищ от официальной культуры. И гражданские власти, и церковь осуждают их как «бесовские».

Но есть свидетельства, указывающие на то, что официальная, серьезная культура не всегда противостояла уличному празднеству. Были моменты, когда одно являлось как бы продолжением другого и если не прямо санкционировалось, то во всяком случае молчаливо дозволялось свыше. Упомяну свидетельство Жития Иоанна Неронова. В молодости Иоанн Неронов, будучи ревнителем благочестия, был однажды жестоко избит ряженными, не пожелавшими слушать его обличения. Это было в Вологде на святках, «когда неразумнии люди обыкоша собиратися на бесовская игрища паче прочих дней, налагающе на лица своя личины разныя страшныя по подобию демонских зраков». И этих ряженных Иоанн увидел выходящими из архиерейского дома.¹⁹ Архиерейский дом — прибежище

¹⁵ И. Иванов. Описание государственного архива старых дел. М., 1850, с. 297.

¹⁶ АИ, т. IV. СПб., 1892, № 35.

¹⁷ АИ, т. III. СПб., 1841, № 92, с. 96.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи, т. II (1676—1698). СПб., 1830, № 1101, с. 647.

¹⁹ Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. 1. М., 1875, с. 246—247.

«святочных игрищ. Значит, помимо неприятия, выраженного запретительными указами, было и приятие.

Здесь следует обратиться к обряду печного действия. «За неделю до рождества совершается еще обряд. . .: каждый епископ в своей соборной церкви показывает трех отроков, горящих в печи, куда ангел слетает с церковной крыши к величайшему удивлению зрителей, при множестве пылающих огней, производимых посредством пороха, так называемыми халдейцами, которые в продолжении всех двенадцати дней должны бегать по городу, переодетые в шутовское платье и делая разные смешные шутки, чтобы оживить обряд, совершаемый епископом. В Москве царь и царица всегда бывают при этом торжестве»,²⁰ — писал побывавший в Москве 1588 г. Флетчер.

«Халдейцы» — это участники чина печного действия, исполнители ролей мучителей трех отроков. По свидетельству Адама Олеария, халдейцы получали от патриарха дозволение бегать по городу в течение 8 дней до рождества и 8 дней после, вплоть до крещения; с потешным огнем в руках они поджигали возы сена, бороды прохожих. Одеты халдеи были как масляничные шуты, на головах носили деревянные раскрашенные шляпы и бороды обмазывали медом.²¹

Святочные ряженые, стало быть, выходили на улицы прямо из храмов. Чин печного действия совершался примерно за неделю до рождества: либо в неделю св. праотец, если рождество приходилось на понедельник или вторник, либо в неделю св. отец, если рождество попадало на другие 5 дней. Он был частью службы утрени. В день действия при пении канона утрени седьмая и восьмая его песни (тема которых — мучение трех ветхозаветных отроков, не пожелавших поклониться ветхозаветному идолу) сопровождалась священнодействиями, и составлявшими печное действие. Посредине храма устанавливалась печь. Отроки и халдеи в особых нарядах входили в церковь вместе с патриархом или архиереем (действие могло устраиваться не только в присутствии патриарха, но и в соборных церквях при митрополите или архиепископе). Затем отроки вводились в алтарь, а перед началом пения их выводил оттуда наставник связанными за шею длинным полотенцем так, что один конец его находился спереди, а второй сзади. Наставник вручал отроков ожидавшим их халдеям, и те вводили их в печь. В то время как отроки распевали в печи канон, халдеи разгуливали вокруг печи с особого рода «халдейскими свечами», пальмами и трубками, наполненными горючею травой, и разжигали огонь. Когда во время пения песней протодиакон возглашал «ангел сниде», из-под купола собора спускалось в печь изображение ангела. Халдеи, увидев ангела, падали ниц. Когда ангел скрывался, халдеи поклонялись отрокам и выводили их из печи. Отроки говорили многолетие архиерею и царскому роду. Затем в печи читалось евангелие, при этом в нее вновь входили отроки, провожаемые ко входу халдеями, и с ними протодиакон и протопоп, читавший евангелие.²²

Действо имело непосредственное отношение к рождеству, так как символизировало его. Чудо о трех отроках, Анании, Азарии и Мисаиле, ввергнутых в горящую печь нечестивым царем Навходоносором и не опалившихся печным огнем, прообразовало чудесное рождение Иисуса Христа, когда божественный огонь, вселившийся в деву Марию, не опалил ее естества. «Чуда преестественнаго росадательная изобрази печь

²⁰ Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1905, с. 117.

²¹ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 301.

²² К. Никольский. О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1885, с. 170—172.

образ, не бо яже прият юныя, яко ниже огонь божества девы, в нюже вниде утробу»,²³ — пелось в рождественском ирмосе.²⁴

Что пещное действо являлось предпразднством рождества, открывало собой рождественский цикл и было больше, чем только памятью трех отроков, говорит его совершение не в день 17 декабря (день отроков; в этот день совершалась обычная служба им), а отдельно, в неделю св. отец или праотец. Когда патриарх приходил к царю звать его к пещному действу, он обращал внимание на символический смысл его, относящийся к рождеству, говоря: «Празднуем прообразование бывшей пещи халдейския».²⁵ Тема трех отроков в пещи проходила через все рождественское богослужение в виде отдельных песнопений, постепенно нарастая от 17 декабря к 25 декабря и стихая к 6 января (предпразднство и попразднство). Итак, пещное действо имело прямое отношение к рождеству.

И это было зрелище, шагнувшее в уличное празднество. Связь осуществилась благодаря «халдеям», принадлежащим на протяжении святочного периода одновременно и храму, и улице. «Халдеи» вместе с «отроками» участвовали с причтом во всех богослужениях дня, в который совершалось действо (помимо исполнения самого действа), а также в богослужениях дня рождества. В чине, относящемся к началу XVI в., читаем: «А на праздник рождества Христова провожают митрополита по тому ж чину отроцы, и халдеи, и подьяки к вечерни и от вечерни, к заутрени и от заутрени и действуют вся опричь пещного действа».²⁶ И наряду с этим халдеи бегали по улицам в своем шутовском наряде с потешным огнем в руках, поджигая встреченные возы сена, бороды прохожих. Это были святочные ряженые. Но и одежда, и потешный огонь этих ряженых являлись атрибутами церковного действа. Шляпы, о которых упоминает Олеарий, были, очевидно, раскрашенные «шоломы», которыми убирался головы халдеев во время пещного действа, а потешный огонь — тем самым беглым огнем из плаун-травы, которым халдеи поджигали во время действа вавилонскую пещь с отроками. Эта горячая трава, которую Флетчер даже принял за порох, специально заготавливалась к пещному чину.²⁷

Позволительно поставить святочные забавы халдеев в один ряд с явлениями карнавальная культуры западного средневековья. В странах Западной Европы было в обычае разрешать «чертям», участникам церковных мистерий, бегать в их-костюмах, уже за несколько дней до постановки, по улицам города и окрестным деревням. Этой беготне сопутствовала атмосфера вольности, «необузданной карнавальная свободы».²⁸ Пламя как атрибут карнавала было одновременно атрибутом дьяблерии, главным ее символом.

²³ Минея служебная, 25 декабря, л. 308 об.

²⁴ Ряд песнопений, соединяющих имя Богородицы с представлением о вавилонской печи, приводит К. Никольский (О службах русской церкви. . ., с. 170): «Тебе умную, Богородице, пещь рассмотрим вернии: яко же бо отроки спасе три превозносимы, мир обнови во чреве твоём всецел хвальный отцев бог и препрославлен; Пропишуют верою Авраамстии трие отроцы твое безсеменное рождество. Божеством бы сый неопально слово из тебе плотью хотением описуется, Богородице, в Вифлееме раждаешь на спасение человеком; «Яко пещь, древле приемшая отроки не опали, тако и дева, заченши зиждителя, не опалися утробою»; «Вавилонская пещь отроки не опали, ниже божества огонь деу растли»; «Утробу неопально образуют отроковицы, иже в ветсем опалеями юноши, преестественно рождающую запечатленну».

²⁵ К. Никольский. О службах русской церкви. . ., с. 181.

²⁶ А. Дмитриевский. Чин пещного действа. — Византийский временник, 1894, т. 1, вып. 3—4, с. 595.

²⁷ К. Никольский. О службах русской церкви. . ., с. 186.

²⁸ М. М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле. . ., с. 288—289.

Амбивалентный характер халдейского огня станет ясен, если рассмотреть его символику в «действе». С одной стороны, огонь, пламя, всегда был символом ада. Геенна — огненная. Фрески и иконы изображали ад как огнедышащую пасть чудовища.

Халдейская печь — это также адская печь. Разжигающий ее нечестивый царь и его помощники — халдеи творят сатанинское дело, казнят праведников. Их огонь — это орудие дьявола, убивающий огонь. Но одновременно это и божественный огонь.

Если обратиться к изнаночной стороне этого образа, то окажется, что халдейский огонь, прообразуя рождество, символизирует божество, вселившееся в человеческую плоть, но не опалившее ее. Об огне как знаке воплощения толкует символика кадила: «Что есть кадио именуется? То есть утроба Богородицы. Что есть углие в кадиле? То есть Христос бог наш».²⁹ Огонь как воплотившееся божество присутствует в образе неопалимой купины. Указанная символика не пряталась где-то в тайниках богословия. Это была живая образная система, постоянно мыслимая в литургике, четвѣй литературе, созданной в прошлом, и в произведениях новых писателей. Как пример, относящийся ко второму типу словесных текстов, приведу отрывок из Слова на рождество Христово, помещенного в Великих Минеях Четвѣх митрополита Макария под 25 декабря; автор его толкует ветхозаветный текст следующим образом: «И паки тѣжде пророк Иоиль рече: „Дам чюдеса на небеси выспрь и на земли низу: кровь и огонь и курение дыма“. Кровь — вышлощение, *огнь же — божество*, курение же дыма — дух святой».³⁰ Новой литературой символика, связанная с огнем, была также глубоко усвоена, к ней прибегали постоянно. Ограничусь только одним примером из рождественских декламаций Луки Голосова, сочиненных в 1682 г.:

Чюда преестественаго росодательна печь
изобрази образом удивительну вещь:
не бо яко же прият палит юныя
три бо отрока в печи суть благочинныя,
яко же *огонь божества-девы*, в ню же вниде,
из утробы рождышия преславно изыде.³¹

Итак, огонь халдейской печи был не только адским, убивающим огнем, но и божественным огнем, очищающим и возрождающим.

Очищающий характер воплощения выражался с помощью образа огня. В Слове Григория Богослова на рождество Христово о воплощении Христа сказано так: «Аки светило *вожже свою плоть, греховную тварь очищая*».³² А в диалогах Луки Голосова тема божественного огня воплощения, уничтожающего все греховное и обновляющего человека, выражена следующим образом: «Иисус Христос, бог наш, святым своим воочеловечением на небеса преславно вознесе нас. . . , врага нашего дьявола мѣрский лук сокруши. . . , *злокозньства щиты озем* праведнаго своего гнева *сожже* и вся его гнусная умышления *попали и испепели*».³³

Для греховного, ветхого человека огонь будет убивающим, адским, для духовного, нового — очищающим и возрождающим. Такое амбивалентное осознание символики огня наглядно представлено в сочинении Симеона Полоцкого «Стихи красеогласныя на рождество Христово». Здесь за виршами:

Отроки в святой вере воспитаны,
От мучителя в огонь вечный посланы,

²⁹ Ф. И. Буслаяев. Соч., т. 1. СПб., 1903, с. 260.

³⁰ ВМЧ, декабрь, дни 25—31. М., 1912, стб. 2348—2349.

³¹ И. А. Шляпкии. Царевна Наталья Алексеевна. . . , с. 65.

³² ВМЧ, декабрь, дни 25—31, стб. 2275.

³³ И. А. Шляпкии. Царевна Наталья Алексеевна. . . , с. 43—44.

Яко идолу поклона не даху,
Но сыном божиим орошены бяху

следуют строки:

Мы же, грешны суши, како приблизимся
к сему огневи, да не опалимся.³⁴

Огонь, о котором тут идет речь, — это сразу и адский огонь, и божественный. Божественный он потому, что не опалил отроков, но он же может оказаться адским, для тех, кто «грешны суши». В чине пещного действия огонь, разожженный халдеями, оказывался убийственным для них самих: после появления ангела уже не халдеи разжигали огонь, горящие трубки переходили в руки дьякона, принимавшегося «палить» халдеев.³⁵ «Мы чаяли, вас сожгли, а мы сами сторели», — говорил один из халдеев выходящим из печи отрокам.³⁶

Потешный огонь, с которым бегали по улицам халдеи, был одновременно и убивающим, и возрождающим. Не случайно указано на то, что, забавляясь, халдеи поджигали попавшие им навстречу возы сена. В Новозаветной символике сено, солома являются образом греховного, ветхого, земного. Как акт последнего смирения Христа рисуется его земное рождение в убогом вертепе, в яслях, устланных соломой. В песнопениях предпразднства крещения Иоанн Предтеча, обращаясь к Христу, называет его огнем, а себя сеном («...огнь сый, владыко, да не опалиши меня, сено суща»),³⁷ тем самым говоря о своей греховной, земной сущности. В народных обычаях, зафиксированных этнографами и фольклористами, был распространен обряд возжания соломы, устойчиво приуроченный ко времени святок. Отмечалась связь обряда с поминанием мертвых.³⁸

Я думаю, что устойчивое приурочивание сожжения соломы к святочному циклу связано с амбивалентным смыслом рождественского огня. Оно символизировало преодоление ветхого мира и вместе с ним преодоление смерти. То, что обряд повторялся, как свидетельствует Стоглав, в великий четверг на страстной неделе («В великий четверток порану солому палят и кличют мертвых»),³⁹ в канун праздника воскресения, доминирующей темой которого была тема преодоления смерти, подтверждает связь обряда возжания огня с мыслью о преодолении ветхого чело века.

Преодоление смерти было одной из ведущих тем рождества. Воплощение Христа толковалось как преодоление ветхого, смертного Адама. «Благоволил еси... родитися нас ради, да преждепадшаго спасеши праотца нашего... и, расторгнув смертныя узы, совозставиши вся яже от века сущыя в мертвых»,⁴⁰ — звучало в неделю ветхозаветных праотец. «Преста тобою, дево, смерть, жизнь бо Христа родила еси, дарующаго чести верующим в онъ безсмертно и божественно радование», — пелось в богородичном стихе. «Сице насиловающаи человеческому естеству смерть пришествием божества без вести бысть»,⁴¹ — читалось в Беседе Василия

³⁴ ГПБ, Ф. XVII. 83, л. 79—79 об.

³⁵ К. Никольский. О службах русской церкви... с. 194.

³⁶ Там же, с. 204.

³⁷ Миния служебная, 2 января, л. 23.

³⁸ С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903, с. 315; П. Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 212—213; В. И. Чичеров. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957, с. 51; Д. К. Зеленин. Народный обычай греть покойников. — В кн.: Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. XVIII. Харьков, 1909, с. 257—261.

³⁹ Стоглав, с. 142.

⁴⁰ Миния служебная, неделя святых праотец, л. 110.

⁴¹ ВМЧ, декабрь, дни 25—31, стб. 2292.

Кесарийского на рождество Христово. Неспроста накануне рождества почитались праотцы и отцы, жившие в законе, а не в благодати. Ветхий мир возрождался через воплощение Христа, и только благодаря этому смертный и проклятый Адам удостаивался церковной службы и провозглашался «в скиниях небесных. . . почивающим» («Адама первого почтем, рукою почтеннаго зиждителя»).⁴²

Тема «смертию смерть попра», которая мощно зазвучит в пасхальный период, предопределена рождеством и потому уже в нем содержится. Отметим амбивалентный смысл этой темы: смерть упраздняет смерть, рождает вечную жизнь. Известно, что образ рождающей смерти, рождающей старости был популярен в народной карнавальной культуре.⁴³ Однако, как оказывается, он не чужд и церковной культуре. Обратимся к так называемому «Сказанию Афродитиана», сочинению, повествующему о предсказании персидским жрецом рождения Спасителя и путешествии персидских волхвов за чудесно появившейся звездой к вертепу божественного младенца. Апокрифичность сочинения в данном случае можно скинуть со счетов, довольно того, что «Сказание» принималось официальной культурой, под каким видом — это в данном случае не имеет значения: в Великих Минеях Четых митрополита Макария «Сказание Афродитиана» помещалось под 25 декабря, при этом в нескольких редакциях. Рождество в «Сказании» предвозвещается символически. Для нас важно, какие это символы. Говорится, что некогда персидский царь поставил в своей кумирнице «образ злат девицы млады». И было имя той девицы Ира. По прошествии многих поколений, в царствование царя Кира, случилось следующее: царь, однажды войдя в кумирницу, услышал от жреца: «Радуйся, царю, в веку, яко Ира зачала есть». На что царь ответил: «Умерша ли во утробе имат?». В тот день родился Христос. И в час его рождества в кумирнице было знамение: расступился покров, и сошла с неба звезда, и встала над кумиром девы. Потом она повела за собой волхвов.⁴⁴

«Умершая», которая «во утробе имат», — не образ ли это рождающей смерти? И поставлен он в связь с рождеством. Этому образу сродни и процветший жезл Ааронов (из неживого — живое), также являвшийся одним из символов рождества и неоднократно поминаемый в рождественском богослужении. Вообще «живоносная мертвость» — одна из ведущих тем христианской литургии, звучащая круглый год, помимо рождественского и пасхального периода, в службах мученикам, самая смерть которых оборачивается вечной жизнью.

Тема преодоленной через рождество смерти звучала не только в литургии и сочинениях отцов церкви. Она проходила через творчество новых поколений писателей. Ограничусь примером из Симеона Полоцкого:

Земнаго рода днесь обновление
 бог совершает через воплощение.
 В Ветхом Адаме древле вси умрохом,
 днесь жизнь нову в Христе обретохом.

Во ветсей жизни вси изнемогохом,
 даже до ада в Адаме падохом.

Днесь Христом богом есмы обновлены
 ада свободны, в небо возведени.⁴⁵

⁴² Минея служебная, л. 112.

⁴³ См.: М. М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле. . . , с. 31 и след.

⁴⁴ Н. Тихонов. Памятники отреченной русской литературы, т. II. М., 1863, с. 1—4.

⁴⁵ ГПБ, Ф. XVII. 83, л. 77—77 об.

Святочную игру в покойника, бытовавшую в разных районах России, Украины и Белоруссии, можно расценить как травестию рождественской мысли о умирании и возрождении. Приведем здесь описание этой игры в том виде, в каком она предстала в середине прошлого столетия известному бытописателю С. В. Максимову. «Покойника наряжают во все белое, натирают овсяной мукой лицо, вставляют в рот длинные зубы из брюквы и кладут на скамейку или в гроб, предварительно привязав веревками. Покойника вносят в избу на сиделки четыре человека. Сзади идет поп в рогожной ризе, в камилавке из синей сахарной бумаги, с кадиллом в виде глиняного горшка или рукомойника, в котором дымятся горячие уголья и сухой куриный помет. Рядом с попом выступает дьячок в кафтане с косицей назад, потом плакальщица. . . и, наконец, толпа провожающих покойника родственников, между которыми обязательно умеется мужчина в женском платье с корзиной шанег для поминовения усопшего. Гроб. . . ставят на середину избы и начинается отпевание, состоящее из самой отборной, что называется „острожной. . .“, брани. По окончании отпевания девок заставляют попрощаться с покойником. . . Кончается игра тем, что часть парней уносит покойника хоронить, а другая часть остается в избе и устраивает поминки, состоящие в том, что мужчина, наряженный девкой, оделяет девиц из своей корзины шаньгами — кусками мерзлого помета».⁴⁶

Связь игры в покойника с мыслью о преодолении смерти несомненна. Работы, посвященные святочной игре в покойника, как необходимый элемент ее отмечают воскресение мертвеца. Во многих районах России игра в покойника называлась «похоронами Костромы». Человек, изображавший мертвеца Кострому, в конце игры вскакивал и пускался в пляс.⁴⁷ Очень важно при этом отметить, что игра в Кострому сопровождалась изображением процесса обработки конопля или других растений.⁴⁸ В этом игра в смерть сближалась с темой зерна. Известна народная загадка: «Покойник, покойник, умер во вторник, пришел поп кадить, а он в окошко глядит» (отгадка — хлебное зерно).⁴⁹ Перед нами как бы крошечная миниатюра об игре в покойника. Зерно — старинный символ воскресения через умирание: «Аминь, аминь, глаголю вам. Аще зерно пшенично, пад на земли, не умрет, то едино пребывает, аще же умрет — мног плод сотворит».⁵⁰

Прыганье через «покойника», отмеченное в описании святочной игры, являлось (как, надо полагать, и прыганье через огонь) жестом, выражавшим мысль о преодолении смерти. Святочные дружины ряженных из Южной Македонии, описанные А. Веселовским, встретив на пути похороны, останавливали процессию и, поставив носилки с покойником на землю, перепрыгивали через него. Эти же ряженные, поровнявшись с кладбищем, производили символические жесты — скрещивали мечи.⁵¹

Игра в покойника, таким образом, символизировала преодоление смерти.

В XVII в. украинские святки знали игру в умирание и воскресение козы. Известна была целая интермедия о козе, представлявшаяся ряженными.⁵² Великорусам интермедия о козе незнакома, но зато известен

⁴⁶ С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила, с. 300—301.

⁴⁷ Русское народное поэтическое творчество, т. II. М.—Л., 1955, с. 486—487.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ В. Я. Пропп. Русские аграрные праздники. Л., 1963, с. 69.

⁵⁰ Иоанн, XII, 24.

⁵¹ А. Веселовский. Генварские русалии и готские игры в Византии. — ЖМНП, 1885, ч. 241, с. 10, 14.

⁵² В. Я. Пропп. Русские аграрные праздники, с. 112; В. И. Чернов. Зимний период русского земледельческого календаря. . . , с. 196.

обряд водить кобылку, которую полемические памятники XVII в. называют «бесовскою». К сожалению, кроме упоминания, никаких сколько-либо подробных сведений об этом обряде нет. Мне представляется, что русскую «кобылку» можно сблизить с украинской козой в том отношении, что она также символизировала преодоление ветхого, смертного. На основании того, что С. В. Максимов среди святочных обычаев XIX в. отмечает обычай носить чучело из соломы, которое называли кобылкой,⁵³ можно предположить, что «бесовская кобылка» XVII в. также была соломенным чучелом.

О символике, связанной с соломой, было уже сказано. Здесь добавим, что солома не просто обозначала ветхое, она была также связана с символикой зерна. Зерно и солома — два полюса одного амбивалентного образа. Ведь солома — это то, что остается от колоса, когда от него отделено зерно. Ветхая оболочка воплощена в образе соломы и вечное нетление — в образе зерна. Явные следы подобной образной системы наблюдаем в литургическом тексте, когда читаем: «Стог гуменный твое чрево, всенепорочная Богородице, покажется, клас неводеланный. . . носящо неизреченно».⁵⁴ «Нетленный клас»⁵⁵ — это божество, стог — смертная плоть, его носящая. Существовал народный обычай ставить в сочельник рождества в передний угол избы сноп необмолоченной пшеницы, к которому прилеплялась горящая свеча.⁵⁶ Христианам, как мне представляется, этот обычай должен был напоминать евангельское: «. . . очистит гумно свое и соберет пшеницу свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым».⁵⁷

В описании святочного обряда сжигания соломы отмечено бросание в огонь хлебных зерен.⁵⁸ Это также одна из многочисленных деталей, подтверждающих амбивалентный смысл обряда возжигания и связь его с мыслью о смерти и вечной жизни.

Что представлял собой обычай кликать «плугу», о котором упоминают запретительные грамоты XVII в., доподлинно не известно. Можно только гадать, не с символикой ли сеяния он был связан (в славянских индексах упоминается статья «Како Христос землю орал», как-то, вероятно, зависевшая от евангельской притчи о сеятеле). Если так, то вполне вероятно, что это была одна из вариаций темы зерна.

К теме преодоления смерти причастен и мед, который присутствует в святочном действе вовсе неспроста. Адам Олеарий обратил внимание на то, что бороды халдеев, буйно веселящихся на улицах, были обмазаны медом.⁵⁹ В период святок существовал обычай чертить медом кресты на лбах людей.

Представляется возможным установить символическую подоплеку, связанную с медом, следующим образом. Мед обозначал райскую сладость. Песнопения Постной Триоды, где в преддверии пасхи постоянно варьируется тема сладости вечной жизни и горечи ветхого бытия, говорят: «Горко объем первозданный в раи древле снеть, безсловесно отвержеса и осужден, *от сладости изгнан бысть*»; «Сладость сый, господи, . . . желчи вкусил еси, Христе, *от сладости сущее отпадение*, еже из Адама, ты исправляя».⁶⁰ Сладость — это рай, которого лишился Адам, Христос — залог возвращения к этой сладости. Поэтому Христос — «Иисусе слад-

⁵³ С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила, с. 327.

⁵⁴ Миняя служебная, 21 декабря, л. 211 об.

⁵⁵ Там же, л. 170.

⁵⁶ С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила, с. 315.

⁵⁷ Матфей, III, 17—22.

⁵⁸ Д. К. Зеленин. Народный обычай греть покойников, с. 260.

⁵⁹ Адам Олеарий. Описание. . . , с. 301

⁶⁰ Триодь Постная. М., 1656, л. 71, 308—308 об.

чайший», поэтому он — «Спасе, истинная сладосте». Причаститься «божественной сладости»⁶¹ на языке литургического гимна — значило приобщиться вечной жизни. Ввиду такой семантики крест, воскресение сладость ставились здесь в один ряд: «. . . кресте Христов всесвятый, возрастивый сладость жизни»; «Человеколюбче. . . рабы твоя, в надежди воскресения почившыя, вечному свету твоему невечернему сподоби причаститися и сладости наслаждения».⁶²

Что именно мед символизировал райскую «сладость», противопоставляемую адской горечи, не должно вызывать сомнения. В апокрифических «Страстях Христовых» находим фрагмент о четверодневном Лазаре, где в антитезе «ад и рай» мед прямо назван эквивалентом «услаждения»: «По оживлении же своем Лазарь ничто же ядыше без услаждения, но всякое ядение с медом ядыше от горести адския даже до преставления своего».⁶³ Кутья — символ приобщения к бессмертной жизни (ей, кстати, не случайно отводилось большое место в рождественской обрядности)⁶⁴ как обязательный компонент включала в себя мед (рядом с другими знаками вечности).

Из сказанного можно разуместь, что перемазанные медом бороды халдеев — не случайная деталь, а еще одно выражение рождественской темы преодоленной смерти.

Исконной забавой святочного праздника было ряженье: смена одежд, надевание рваных одежд, оджд наизнанку, мехом наружу. В других русских празднествах годового круга переодевание не практиковалось. Кое-где рядились на масленицу, но это ряженье носило явно случайный характер.⁶⁵ Переодевание было специфической чертой святок.

В средневековой жизни символика переодевания была очень распространена. Смена риз обозначала смену сущности. Самое наличие корпоративных нарядов, обязательных для разных общественных групп, говорит о том, что одежда отождествлялась с сущностью. На Руси непременным правилом при перекрещивании в православие иностранцев было переодевание их при этом в русскую одежду, которую новокрещаемый отныне должен был носить всегда. Когда вдова французского барона Пьера де Ремона, крещенная в православие против своей воли (заодно с мужем), хотела снять с себя русские одежды, это ей было запрещено.⁶⁶ Чем как не отождествлением одежды с сущностью объясняются запреты носить иностранное платье в XVII в. У Никиты Ивановича Романова патриарх отобрал немецкий костюм и сжег как вещь греховную.⁶⁷

Одежды менялись при переходе из одного общественного положения в другое. Как переодевание выглядела схима. При пострижении будущий инок снимал с себя всю одежду, вместо которой надевал «сукнью срачицу и калиги голы», а в конце обряда — и все монашеское облачение.⁶⁸ Патриарх Никон, покидая патриарший престол, представил свой уход как переодевание: «разоблачился» — и велел принести простое монашеское платье.⁶⁹ На символическое значение оджд царя и епископа

⁶¹ Там же, л. 303, 306, 338.

⁶² Там же, л. 240 об., 315.

⁶³ Страсти Христовы. Супрасль, 1794, л. 6 об.—7.

⁶⁴ В. Я. Пропп. Русские аграрные праздники, с. 15.

⁶⁵ Там же, с. 123.

⁶⁶ Адам Олеарий. Описание. . . , с. 307.

⁶⁷ И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, ч. II. М., 1915, с. 213.

⁶⁸ Иннокентий, арх. Пострижение в монашество. Опыт историко-литургического исследования. Вильна, 1899, с. 175.

⁶⁹ С. М. Соловьев. История российская с древнейших времен, т. XI. СПб., 1861, стб. 242.

указывает уже тот факт, что облачение в них представляло собой зрелище. Епископ перед священством облачался во священническое одеяние посреди церкви «всенароднозрительно». ⁷⁰ Царь по великим праздникам, идя на литургию, надевал «царский сан» в приделе Димитрия Селунского Успенского собора и там же разоблачался перед уходом из собора. ⁷¹

Особенно значима была символика одежды в литургике. Каждая деталь облачения священнического сана обозначала отдельную богословскую мысль, как и определенный вид сочетания этих деталей. Высший чин священнослужителей всегда имел облачения низших чинов, иерей сначала облачался в дьяконские одежды, а потом иерейские, епископ — в дьяконские, иерейские, а в конце — в свои. ⁷²

При этом переодевание часто представляло собой реализацию метафоры. «Облечетесь в ризу спасения, препояшитесь поясом целомудрия, примите знамение креста, ноги мысленныя вооружите воздержания оружием и обрящете покой душам вашим», ⁷³ — целось в тропаре. А во время пострижения иерей, одевая постригаемого, приговаривал вслед за каждой новой деталью наряда: «Брат наш облечится в ризу правды и веселия. . . , брат наш облечится в куколь незлобия и в шлем надежда спасения, брат наш препоясает чресла своя силою истины. . . , брат наш обувается в сандалии во уготовање евангелия миру». ⁷⁴ Метафора тропаря тем самым изображалась зрительно.

Рождественская символика также выражалась с помощью метафор переодевания. Две крайние точки рождественского комплекса представлялись как переодевание. Рождество изображалось как своеобразный маскарад Христа, который «огнем божества невещественным в плоть вещественну одеаяся», ⁷⁵ а крещение — как переодевание ветхого человека: «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь». ⁷⁶ Бог рядился в человека, человек — в бога.

Тема «в плоть одеаяся» проходила через весь рождественский цикл («Творец и избавитель мой. . . в мя оболкийся»; «Одеаяся в мою, Иисусе мой, нищету», ⁷⁷ так же как и тема «во Христа облекостесь» («Днесь ветхих риз греховныхх совлачмися и в новыя ризы нетленныя облачимся»; «Грядеши бо обнаженна мя лестию змииною честным крещением во одежду облещи спасительную»; «Иже бо от Адама нази, приидите вси, облечемся в него, да согреемся»). ⁷⁸ При этом переодевание бога и человека представлялось снова как двуединный процесс: переодевание божества в плоть становилось одновременно облачением человека в божество. «Умерщвления риз Адам совлечеса божественным рождеством твоим и во одежду облещеса», — так говорил об этом автор литургического гимна, ⁷⁹ а так придворный поэт:

Брачну одежду на ны возлагает,
егда плоть нашу на себя взимает. ⁸⁰

⁷⁰ Чиновник архиерейского богослужения. М., 1677, л. 16.

⁷¹ И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, ч. I. М., 1862, с. 309, 311.

⁷² К. Никольский. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. Изд. 7-е. СПб., 1907, с. 51.

⁷³ Потребник. М., 1625, л. 306 об.

⁷⁴ Там же, л. 306.

⁷⁵ Минея служебная, 7 января, л. 122.

⁷⁶ Там же, л. 119.

⁷⁷ Минея служебная, декабрь, л. 2 об. 2-й пагинации; Минея служебная, 2 января, л. 20 об.

⁷⁸ Потребник, л. 67; Минея служебная, 3 января, л. 34; 6 января, л. 114 об.

⁷⁹ Минея служебная, 8 января, л. 141.

⁸⁰ ГПБ, Ф. XVII. 83, л. 82 об.

Думаю, что обязательные белые одежды царя и бояр (белые тафтяные или шелковые шубы), в которых они входили в навечерие рождества в Успенский собор,⁸¹ являлись прямой иллюстрацией именно этой мысли: белые одежды — брачные одежды. Переодевание царя у «Иордани» в день богоявления (во время хода на реку стряпчие несли государево платье, которое он переменил после освящения воды)⁸² также имело символическое значение обновления.

Святочное ряжение, стало быть, совпадало с идеей обновления через рождество и крещение. Это было тоже как бы зрительное воплощение метафоры. Амбивалентный смысл его заключался в том, что это было одновременно и переодевание бога в ветхого человека (отсюда рваные, худые наряды ряженных), и облачение тленного человека в нетленное божество.

По поводу же особого пристрастия святочных ряженных к одежде наыворот можно высказать следующие соображения. Эффект «навыорот» неотъемлемо присущ идее двумирности. Новый завет — это как бы Ветхий Завет «навыорот». Все, что в Ветхом Завете пагуба, в Новом Завете — благодать. Если в Ветхом Завете женщина — причина падения, то в Новом через нее приходит спасение, если там вода карает (Ноев потоп), то здесь очищает (крещение), если там — огонь, то здесь — роса. Представление об обратности всего ветхозаветного всему новозаветному было настолько глубоко укоренено в средневековом сознании, что обратность эту искали и находили даже там, где о ней молчало писание. Так была создана целая группа легенд о крестном древе, смысл которых сводился к тому, что крестное древо (т. е. орудие спасения) — не что иное, как райское древо (т. е. орудие падения), вынесенное из Эдема в виде ветви или зерен. Эффект «навыорот» мыслился как нечто обязательное при переходе от ветхого к новому. Рождество было точкой, в которой этот переход осуществлялся, и потому выворачивание одежд (особенно наглядно иллюстрирующее амбивалентность рождественского переодевания) одновременно выражало мысль о «вывернутости» ветхого мира по отношению к новому.

Овчинные, мехом наружу, одеяния также присутствовали в святочном ряжении неспроста. Помимо маскарадного, смехового употребления овчина использовалась и в серьезном обряде рождественского цикла. В святки в крестьянских домах в переднем углу постилалась шуба мехом вверх.⁸³ В Малороссии хозяйка, готовя обрядовый хлеб для рождественского сочельника, надевала гуно, род верхней одежды из овчины шерстью наружу. В гуне разгуливали молодые весь первый день свадьбы.⁸⁴ Необходимой принадлежностью свадебного обрядового порядка была овчина и в Великороссии. В шубе, надетой мехом вверх, встречала молодых родная мать у дверей спальни и осыпала их особым осыпалом.⁸⁵ На свадьбе великого князя Василия Ивановича «тысяцкого жена положила на себя две шубы: одну по обычаю, а другую на изворот, и из мисы осыпала великого князя и великую княгиню».⁸⁶

Совпадение рождественской и свадебной обрядности здесь не случайно. Агнец, руно, овчина мыслились как знак плотского начала. Это

⁸¹ И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1862, с. 306—307.

⁸² Там же, с. 313.

⁸³ С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила, с. 320.

⁸⁴ П. Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства, с. 203.

⁸⁵ И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, ч. II, 1915, с. 491.

⁸⁶ И. Сахаров. Сказания русского народа, кн. VI. СПб., 1841, с. 20.

легко объяснить, прибегнув к символике такой центральной детали архиерейской одежды, как омофор. Служащий архиерей во время служения «носит образ Христов». ⁸⁷ Омофор (нараменник) возлагается на плечи иерея только в кульминационные моменты: проскомидии, хиротонии и др. Чиновник архиерейского богослужения так определяет образное значение омофора: «Омофор. . . заблуждшее образует овча, еже на рамах взяше Спас, си есть наше естество». ⁸⁸ Стало быть, архиерей, облачаясь в омофор, изображал Христа, облекшегося в плоть. И символом естества при этом было заблуждшее овча. Именно поэтому омофору полагалось быть изготовленным из «волны овчей». «Овча», «сиречь человекъ состав», взятое «на раму» Христом и принесенное ко отцу небесному, постоянно поминается в песнопениях рождественского цикла и в поучениях на рождество. ⁸⁹

И еще в одном образном ядре овчина мыслилась как выражение плоти. Фраза 71-го псалма «Снидет, яко дождь на руно», часто употреблялась в рождественской литературе и литургике в связи с воплощением Христа от девы Марии. «„Дождь“ убо — небснаго деля, „на руно же“ — человечества ради», — писал, толкуя эту фразу, Кирилл Иерусалимский. ⁹⁰ «Руном орошенным» назвал Богородицу Димитрий Ростовский. Руно устоячиво символизировало плотское начало.

Из этого становится понятным употребление овчины в свадебном обряде. Объясняется и место овчины в рождественской карнавальной символике. Ряженье в овчинные одежды символизировало рождественскую мысль о спасенной плоти, потому что овчина напоминала не просто о плоти, а о спасенной плоти: руно — Богородица, агнец — обретенный пастырем и принесенный богу-отцу.

Святочное празднество маркировано двумя знаками: рождеством и богоявлением. Случаен ли второй из них? Может быть, богоявление — только календарная межа, следующий великий праздник, стихийно положивший границу? Или все дело только в том, как и полагал А. Веселовский, что так как до середины IV в. день крещения чествовался одновременно и как день рождества, то впоследствии, когда эти праздники разъединились, многие обряды просто остались за старым праздником рождества. ⁹¹ Но почему оказалось возможным соединить два именно эти праздника в один день? Почему впоследствии, когда праздники давно уже были разделены, все рождественское двенадцатидневье мыслилось «яко день един» (а именно так выражался о двенадцатидневьи «Устав о христианском житии»)? ⁹² Случайно ли святочный цикл обрамлен такими многозначными символами, как огонь и вода; огнем начинается и водой кончается.

Связь рождества и богоявления осознавалась как глубоко внутренняя. Начать с того, что для христианского сознания «рождество» и «богоявление» были взаимозаменяемыми словами. Григорий Богослов писал об этом так: «Нынешнее богоявление, рекше раждания празднование: глаголет бо ся обое двема лежащема именъма о единой вещи. . . Имя же еже явится — богоявление, а еже родитися — рождение». ⁹³ Не правда ли, здесь сквозит какая-то амбивалентная мысль?

⁸⁷ Чиновник архиерейского богослужения. М., 1677, л. 24 об.

⁸⁸ Там же, л. 8 об.—9.

⁸⁹ Пролог, л. 171 об.—172; Потребник, л. 295 об.

⁹⁰ ВМЧ, декабрь, дни 18—23, стб. 1843.

⁹¹ А. Веселовский. Опыт по истории развития христианской легенды. — ЖМНП, 1876, ч. 183, с. 274—275.

⁹² Устав о христианском житии. Почаев, 1795, л. 20 об.

⁹³ ВМЧ, декабрь, дни 25—31, Слово Григория Богослова на рождество Христова, стб. 2267.

В службе предпразньюству Рождества есть песнопение, проясняющее содержание этой мысли. Здесь после длительного перечисления примет воплощения и восхваления плотского явления Христа поется: «Поклоняемся рождеству Твоему, Христе, покажи нам и божественная твоя богоявления».⁹⁴ Рождество и богоявление были двумя моментами, в которых раскрывалась сугубая сущность Христа. В рождестве явилось человеческое, в крещении — божеское. Рождество — это только одна половина двумирной сущности, богоявление — вторая. 6 января, в день крещения, они соединялись: огонь источал воду, и вода заливала огонь.

Понятно, почему в ранний христианский период было возможно соединение обоих праздников и почему позже, разделенные 12 днями, они мыслились «яко день един». Рождественское двенадцатидневье было как бы длящимся мгновением. Оно не кончалось до тех пор, покуда не проявлялась вторая половина амбивалентного образа.

Было уже показано, что огонь выражал божество. Но и вода также символизировала Христа. «Яко туча, яко великий дождь, во утробу твою владыка сниде»,⁹⁵ — пели, обращаясь к Богородице. О Богородице же провозглашалось: «Се грядет. . . дождь носящи, собезначально отцу и духови присно Христа».⁹⁶ «Яко бо честная роса, низшед господь, рождшую спасает неопальну»,⁹⁷ — читалось о Христе. При этом огонь и вода являлись как бы знаками единой амбивалентной сущности. В отношении к плоти — это огонь, в отношении к душе — это роса, дождь, вода. Греховное опалается, праведное орошается, — как в чуде с тремя отроками, «на росу огонь преложившими», сделавшими огонь «тучеросным».

Амбивалентный образ — огонь, изливающий воду, был доминирующей темой богослужения рождественского цикла. Одна половина этого образа-символа, огненная, была обращена к плотскому, человеческому, ветхому и со всем этим к рождеству, вторая, водная, — к духовному, божескому и вместе с этим к крещению. Символ крещения — вода, символ рождества — огонь, и то и другое вместе — символ явления бога на земле.

Неслучайно и в церковной, и в народной обрядности дня богоявления огонь и вода соединяются. Во время крестного хода из Кремля на «Иордань» к водосвятию, в котором участвовали патриарх и царь, перед процессией несли большое древко с фонарем.⁹⁸ И. Г. Корб, наблюдавший богоявленское освящение воды в Москве 1698 г., отметил обряд погружения горящей свечи в воду.⁹⁹ В центральных губерниях России, по свидетельству С. В. Максимова, до XIX в. сохранялся обычай в канун Богоявления, после вечерни, на которой совершалось храмовое освящение воды, ставить в сосуд с освященной водой свечи.¹⁰⁰

Олеарий писал: «Халдеи во время своего бегания считались язычниками и нечистыми. Полагают даже, что если бы они в это время умерли, то были бы прокляты. Поэтому в день св. крещения, во время великого

⁹⁴ Миния служебная, 24 декабря, л. 288 об.

⁹⁵ Миния служебная, 21 декабря, л. 219.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же, л. 189.

⁹⁸ Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. Пер. с франц. П. П. Барсова. М., 1873, с. 42.

⁹⁹ И. Г. Корб. Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофоровича Гварриента. М., 1867, с. 128. Обряд погружения возженных свеч при освящении купельной воды, известный Требнику 1625 г. (см.: И. Каратыгин. Обзор некоторых особенностей в чинопоследованиях рукописных требников, принадлежащих библиотеке С.-Петербургской духовной академии. — Христианское чтение, 1877, т. 1, с. 168), причастен к той же самой символике, так как таинство крещения представляло собой как бы малое богоявление.

¹⁰⁰ С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила, с. 334.

всеобщего освящения, их вновь крестили, чтобы смыть с них эту безбожную нечистоту и вновь соединить их с церковью. По принятии крещения они вновь делались столь же чистыми и святыми, как и все остальные. Такие люди иногда оказывались крещеными раз десять и более.¹⁰¹ Ни о каком повторении таинства крещения здесь не может быть и речи. Лютеранин Адам Олеарий явно преувеличивал обрядовое своеобразие русского христианства. Он принял омовение в богоявленской воде за крещение. Но нам в его свидетельстве важно указание на то, что сказанное омовение превратилось в обряд. О купании в проруби в день богоявления, обязательном для святочных ряженных, известно по материалам XIX в.¹⁰²

Халдеи, красные с ног до головы, «огненники», были как бы персонализированным выражением огня во все время святок. Омывание халдеев в крещенской воде в день богоявления составляло обязательное условие их рождественской игры. Одновременно это и был финальный жест маскарада: вода гасила огонь.

Омовение в святой богоявленской воде как бы примиряло смеховой мир святок с серьезным миром церкви, всегда осуждавшей смех и отождествившей, по замечанию А. Н. Веселовского, дьявола и фигляра.¹⁰³ Но рождественское «кошунание» не было кошунством, так как конечный его пункт — омовение в крещенской воде — предполагался изначально. Все святки халдеи изображали ветхого человека, в богоявление же смывали грехи и возрождались и возвращались к новой жизни.

¹⁰¹ Адам Олеарий. Описание. . . , с. 302—303.

¹⁰² С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила, с. 327.

¹⁰³ А. Н. Веселовский. Разыскания в области русских духовных стихов, вып. VII. СПб., 1879, с. 207.

А. М. ПАНЧЕНКО

Два этапа русского барокко

Первые шаги в изучении русского барокко ознаменовались колебаниями между нигилизмом и апологетикой, когда огульному отрицанию русского барокко противопоставлялись панегирики, или «приветства», говоря языком Симеона Полоцкого. Постепенно определился перевес апологетов. Однако простого согласия с тем, что барокко в истории русской литературы имеет право на существование, оказалось мало. Понадобилось исследование русского варианта барокко, — и началось время анализа. В последние годы по этой проблеме весомо высказались Д. С. Лихачев, А. А. Морозов и С. Матхаузерова, И. А. Чернов, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, Л. А. Софронова. Много нового в интерпретацию русской культуры XVII в. внесли книги А. Н. Робинсона и А. С. Демина. Духовная жизнь «бунташного века» оказалась сложной и многоликой, как бы распалась на множество школ и течений. Тотчас была осознана необходимость синтетических работ.

Задача, касающаяся литературоведческого синтеза, применительно к барокко особенно сложна: этот стиль противоречив по самой своей природе, в нем причудливо сочетаются средневековые и ренессансные идеи. В Европе времени барокко уживаются друг с другом христианский оптимизм и христианский пессимизм; ни тот, ни другой нельзя объявить доминантой эпохи, так как оба переживают наивысший расцвет. Один полюс — крайняя аскеза; противоположный — гедонизм. В сфере литературного быта равным образом характерны необычайная плодовитость, своего рода графомания, — и «писательство для себя». Поэт (он же единственный читатель) упорно работает над текстом, потому что творчество способствует совершенствованию души. Среди героев литературных произведений одинаково репрезентативны как рыцари без страха и упрека, так и плуты. Все это отнюдь не ретроспективная абстракция. Люди барокко прекрасно осознавали противоречивость своего времени и выдвинули особый принцип «двойной жизни». В афористическом двустипии его сформулировал Станислав Хераклиуш Любомирский:

Я жил дурно, жил и хорошо, берите с меня пример.
Вот в чем искусство: вкусить мира — и все же завоевать небо.

При всей противоречивости барочной культуры в ней были сквозные идеи, определявшие то, что принято называть духом эпохи. Одна из таких идей — идея движения (отнюдь не случайно движением и пустотой занимаются крупнейшие умы эпохи). Законы «соударения тел», которые пытался вычислить Декарт, — это не только задача из области физики. Это общий принцип: мир осознается как «соударение» людей, находящихся в хаотическом движении. Жизнь — путешествие, модель мира — лабиринт, человек — пилигрим, осужденный плутать в поисках истины.

Для России XVII—первой половины XVIII в. идея динамизма вообще очень важна. После Смуты, подорвавшей средневековую систему, идея динамизма утверждается как идея государственная. Все группировки русской интеллигенции так или иначе ориентируются на динамизм, так или иначе «соударяются» с европейским барокко (на первых порах — с польским и украинно-белорусским).

Патриарх Филарет, официальный идеолог по должности и глава государства *de facto*, которому его слабый сын добровольно уступил власть, провозгласил откровенную реакцию. Он запретил ввозить, хранить и читать европейские книги, в том числе издания единоверных белорусских и украинских типографов. Но программа изоляциониста Филарета кроилась по барочному образцу: он опирался на опыт контрреформации, с которым познакомился в польском плену. По времени отъезд Филарета в Москву почти совпал с польским индексом запрещенных книг епископа Мартина Шишковского (1617 г.). От контрреформации Филарет перенял и уважение к просвещению и гуманитарному знанию (разумеется, если оно не противостояло официальной доктрине). Та группа русских поэтов, которая в 20—30-е годы составляла «приказную школу», не могла обойтись без его поддержки: ведь эту школу возглавляли справщики непосредственно подчинявшегося патриарху Печатного двора, белые и черные попы. Филарет и его преемники на патриаршем престоле не просто терпели, но и поощряли стихотворство — дело для русской письменности новое. Между тем украинно-белорусские и польские истоки московского стихотворства были очевидны всем.

У Филарета и контрреформации были общие задачи — восстановление прежнего культурного равновесия, прежнего культурного статуса, — конечно, с неизбежными поновлениями, почему Филарет тотчас по возвращении в Москву поддержал только что осужденных церковью книжных справщиков, таких как Дионисий Зобнинский и Иван Наседка. У Филарета и контрреформации был общий враг — та оппозиционная смеховая культура, которую представляли польские рыбалты и русские скоморохи. В Польше краковские издания рыбалтовской поэзии преследовала цензура, а в России при Филарете и Михаиле начались прямые репрессии против скоморохов.

Изоляционизм, причем гораздо более строгий, чем изоляционизм Филарета, исповедывал и кружок «ревнителей древлего благочестия», из которого потом вышли вожди старообрядчества. Этим «ревнителям» также была не чужда идея движения, ибо они собирались реформировать церковный обряд. Однако в своем реформаторстве они оставались консервативными моралистами: их идеалом была «святая Русь» давно прошедших времен. К культуре они относились как к сумме вечных идей и поэтому противились идее эволюции, идее исторической дистанции (хотя в частности, например в споре о приоритете русского или новогреческого обрядов, Аввакум и его единомышленники оказались лучшими историками, нежели Никон и вселенские патриархи). Для Аввакума история — лишь эхо новозаветных событий. Движение, к которому Аввакум призывает, это движение вспять, к апостольским заветам, т. е. опять-таки движение по кругу.

Третий путь представляли западники, которые как раз утверждали динамизм. Им суждено было победить. Как и Филарет, они в первую очередь учитывали европейский опыт. Но если Филарет — в полном соответствии с древнерусской традицией — отождествлял динамизм культуры только с количественным ее приращением, то западники стремились к качественной ее перестройке. Их не удовлетворял освященный веками катехизический механизм русской культуры (ставится вопрос — следует

ответ; свободное обсуждение не допускается). Они пытались пользоваться логикой, отождествляя ее, впрочем, с первым разделом риторики (*Inventio*).

В этом отношении западники, восторжествовавшие на соборе 1666—1667 гг., действовали вполне в духе католического барокко: риторика — одна из его доминант. Не случайно в глазах традиционалистов главным пороком западников было пристрастие к «душетлительным силлогизмам».

Сказать «западническая ориентация» — значит еще ничего не сказать. Важно понять, как она отозвалась в русской культуре второй половины XVII—первой четверти XVIII в. С этой ориентацией связаны такие новые для русской культуры феномены, как писательский профессионализм и писательская элитарность. В канун петровских преобразований писатели, бесспорно, были элитой московской интеллигенции. Они осознавали и к месту и не к месту подчеркивали свою элитарность — кстати, не без оснований, потому что в культуре тогда безраздельно преобладал вербальный аспект. Образцом для русских западников была Польша с ее ораторской прозой, с ее блестящей польской и латинской поэзией. Не случайно наряду с латынью в России XVII в. посредническую функцию стал выполнять и польский язык. Польская речь проникла в придворный обиход, все поэты сочиняли по-польски. Поэтому барочный макаронизм приобрел в России провинциальный оттенок: в макароническом стихотворстве и макаронической эпистолографии латынь имела меньший удельный вес, чем польский. Апофеоз Слова — главный пункт эстетической программы московских писателей-профессионалов западнического толка. Вслед за Скалигером и Сарбевским они считают поэта «вторым богом», уподобляют Слово как первоэлемент литературы Логосу. Мир для них — это книга или алфавит, а элементы мира — части книги, ее листы, строки, слова, литеры.

Динамизм в их представлении — нечто вроде словесной процессии, парада слов. Конечно, и вещи участвуют в этом параде слов. На первый взгляд, как ораторская проза, так и поэзия Симеона Полоцкого и его последователей прямо-таки перенасыщены вещами. Симеон Полоцкий предлагает читателю экзотическую картину пестрого мира, где соседствуют сфинкс и саламандра, феникс и крокодил, сирена, пеликан и кентавр, драгоценные камни, магнит и янтарь. Но это — иллюзорная вещьность, потому что вещи как таковые для «второго бога» не представляют интереса. Интересна только их умопостигаемая сущность, только скрытое в них Слово, только их пригодность для дидактических рассуждений. На словесной ткани вещи — лишь «кашликация» (термин Иоанникия Галатовского, теоретика той школы, к которой принадлежал Симеон Полоцкий).

Было бы наивно, исходя из принципа «победителей не судят», ставить западников XVII в. выше традиционалистов. В данном случае нельзя забывать старую истину, согласно которой история искусства — не только история достижений, но также история потерь. Польское и украинно-белорусское барокко дало России силлабическую поэзию, школьный театр, живописный портрет, партесный концерт. Однако оно способствовало упадку иконописи, забвению монодического знаменного пения. Что касается изящной литературы, то тексты непреходящего художественного значения создали в XVII в. все же противники привозной культуры (например, гениальный Авакум), а не западники, что вполне естественно: в новой школе всегда приходится начинать с азав.

Мир средневекового русского искусства — это мир вечных идей, которому мысль о переменах, о новизне прямо-таки противопоказана, враждебна. Западники конструируют свой мир — исполненный движения, подчиняющийся единому «цивилизационному» времени. Чувство дистанции, как пространственной, так и временной, здесь на первом плане.

Люди, населяющие их тексты, — это, как правило, исторические или псевдоисторические персонажи из античных, библейских и просто давних времен. Из современников достойны внимания только царь и его семейство, все остальные могут попасть разве что в «силъвии», т. е. в стихотворения «на случай» — в эпитафии, эпиграмм, генетлика и т. п. Среди героев Симеона Полоцкого очень много фигур из жизни средневековой Европы (конфессиональные мотивы его не смущали), но нет ни одного европейца-современника!

«Пестрый мир» Симеона Полоцкого отражает несколько основополагающих идей барокко — прежде всего вариационизм, идею о переменчивости сущего, а также сенсационализм барокко. Но картины «пестрого мира» связаны и с мыслью о равноправии его элементов, их равновеликости. Картины «пестрого мира» прямо противостоят изоляционизму.

При всей непримиримости эстетических установок традиционалистов и западников, между обоими лагерями было важное сходство: оба течения на вершину культурной иерархии водружали словесность. Для Аввакума вещи — это символы; Симеону Полоцкому вещи нужны для создания метафорического текста. Будучи апологетами Слова, оба писателя решали одни и те же художественные задачи, хотя с противоположных позиций.

Именно поэтому в эпоху реформ Петр I отверг и то, и другое течение. Впрочем, без колебаний не обошлось. В 1689 г., после свержения царевны Софьи, Петр отдал руководство культурой «старомосковской» партии патриарха Иоакима и инока Евфимия. Десять лет спустя, после возвращения из первого заграничного путешествия, Петр предпочел полонофилов и латинистов старого барочного типа Стефана Яворского и Дмитрия Ростовского. Это решение нуждается в комментарии. Почему царь оказал доверие людям толка князя В. В. Голицина и Сильвестра Медведева, клеветов ненавистной ему единокровной сестры-правительницы? Почему Петр, в Голландии и Англии оценивший удобство иметь подчиненную государству церковь, поставил местоблюстителем вакантного патриаршего престола Стефана Яворского, выученика польских иезуитов?

Может быть, здесь играл роль военный союз с Польшей, но вряд ли эта роль была заметной. Просто у Петра не было выбора. Нуждаясь в европейски образованных сотрудниках, царь на первых порах должен был опереться на полонофилов: другой опоры в России не нашлось. Ведь это случилось за много лет до того, как царь открыл для себя Феофана Прокоповича, тоже прошедшего школу католического барокко, но ставшего врагом своих наставников.

Альянс с латинистами был недолгим. Что обусловило его крах? В латинистах Петру I не нравилась элитарность, чувство непогрешимости, творческая независимость. Они разделяли католическую идею «оправдания делами», творчество было для них «делом», от которого зависело вечное блаженство или адские муки. Царь искал покорных исполнителей, а Стефан Яворский, заслоняясь авторитетом апостольских посланий, возражал, что доброе дело, если оно результат приказа, а не свободной воли, не засчитывается в качестве нравственной заслуги. Когда Петр порвал с этой группировкой, она тотчас примирилась с прежним злейшим своим врагом — «старомосковской» партией. Латинисты и традиционалисты сплотились вокруг царевича Алексея.

Для культуры следствия этого разрыва были очень значительны. Профессионалам старого типа Петр противопоставил поденщиков, которые переводили или сочиняли по заказу. Наметилась, естественно, депрофессионализация литературы. Если при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче писательство было прерогативой и привилегией людей с правильным гуманитарным образованием, то при Петре возникло

и быстро размножилось племя дилетантов. Вот пример, позволяющий судить о размахе дилетантизма: в эпоху ассамблей любовные песенки сочиняют петербургские светские львицы из семей Черкасских, Трубецких, Головкиных. Сама царица Елизавета Петровна подвизается на этом поприще. За перо берутся люди, которые едва умеют объясняться порусски — такие, как Виллим Монс. (Кстати, падение запрета на любовную тему было также следствием удаления латинистов от руководства культурой: Симеон Полоцкий и все его последователи отвергали петраркизм). Конечно, дилетантизм — это симптом упадка. Но в дилетантизме петровского времени был и плодотворный элемент: писателем становился частный человек, не скованный жесткими запретами школьного барокко.

Не только статус писателя вызвал разногласия между Петром и латинистами. Царь был против толкования идеи динамизма как производства слов. Отношение к слову как к инструменту преобразования мира, способу создания новой реальности и новой, европеизированной культуры казалось царю-реформатору верхом нелепости. Словесный этикет (или этикет выражения) Петр отождествлял с косностью, с шаблонным мышлением. Поэтому он ополчился против инерции слова, против стереотипных формул, которые были унаследованы от русского средневековья или заимствованы в католическом барокко. Петр объявил себя врагом «красоты» в словесном искусстве.

Сам царь, несмотря на его неряшливые и часто не слишком грамотные писания, был недюжинным стилистом (у первых государей из дома Романовых вообще была литературная жилка). Когда Петр ослаблял самоконтроль, он писал очень хорошо. Об этом говорит хотя бы первая часть письма Ф. М. Апраксину, где осиротевший сын скорбит о только что умершей матери, Наталье Кирилловне Нарышкиной. Обычно хорошим стилем щеголяют. Петр же его презирал. Рубленные, неуклюжие фразы царских текстов — это поза человека, который объявил войну словесному этикету.

Только этой установкой можно объяснить тот факт, что Петр добросовестно выполнял хлопотные обязанности редактора оригинальных и переводных произведений, подготовлявшихся по высочайшему заказу. Когда питомец Славяно-греко-латинской академии Федор Поликарпов в 1717 г. послал венчанному редактору свой перевод «Географии генеральной» Б. Варения, царь был разочарован этим переводом. И. А. Мусин-Пушкин объявил переводчику высочайшее неудовольствие, объяснив, что царь требует «не высоких слов славенских, но простого русского языка». Ссылаясь на Петра, И. А. Мусин-Пушкин приказал: «Посольского приказу употреби слова». «Слова Посольского приказу» — это стиль канцелярского делопроизводства, именно стиль «дела», а не набор словесных стереотипов, стиль, в котором нет места изяществу и красоте.

Восемью годами ранее Феофилакт Лопатинскому, сподвижнику и единомышленнику Стефана Яворского, было поручено составить «Службу благодарственную о великой победе под Полтавой». Как известно, в литургических текстах этикет и инерция проявляются особенно сильно. Служба Феофилакты Лопатинского в этом смысле не составляет исключения. Шведов автор по традиции изобразил как врагов христианства (именно христианства, а не православия), которые побеждены «крестом господним». В таком виде эта служба и была включена в июньскую Минею. Годы спустя, когда готовилось новое издание месячных Миней, Петр наконец выбрал время для редактирования текста. Он убирал синонимы и длинноты, устранял стилистическую симметрию, которой русские авторы учились по славянской Псалтыри, по возможности превращая текст из этикетного в «деловой», отражающий реальные обстоятельства Северной

войны. Что касается «креста господня», то Петр пометил, что война была «не о вере, но о мере, тако ж и у них крест. . . есть во употреблении».

Борьба с инерцией слова не приводила к немедленному успеху. Петр понимал, что преодолеть эту инерцию в богослужебных текстах трудно, да вряд ли и нужно. Но он всячески стремился ограничить влияние церковной стилистики на светскую продукцию, уберечь последнюю от шаблонных слов — значит, уберечь и от шаблонных мыслей. Гражданский шрифт, введение которого не вызывалось типографской необходимостью (ведь можно было убрать несколько букв из кириллицы), служил своего рода перегородкой между церковной и светской печатной продукцией.

Достигнуть уровня европейской цивилизации, по мнению Петра, надлежало не производством слов, а производством вещей. Эту идею, как кажется, разделяли и некоторые из русских предшественников преобразователя — в частности, боярин-западник А. С. Матвеев, воспитатель матери Петра. Если сравнить описи библиотек двух столпов русского западничества XVII в., князя В. В. Голицына и боярина А. С. Матвеева, то бросится в глаза принципиальная разница в подборе книг. Первый из библиофилов — типичный гуманитарий с филологическими пристрастиями, полигистор, в то время как второй — практик, человек дела. А. С. Матвеев собирает пособия по устройству фейерверков, парковой архитектуре и т. п., предвосхищая увлечения сына своей питомицы.

При Петре Россия произвела множество новых для нее вещей — корабли, театры и библиотеки, Академию Наук, Кунсткамеру, парки и парковую скульптуру; она произвела новые одежды, новые манеры, новый стиль общения; она произвела даже новую столицу. В культурной иерархии слово уступило место вещи. Если раньше вещь была аппликацией на словесной ткани, то теперь слово сопровождает вещь, играет роль пояснения, узора, орнамента, своеобразной арабески. Иначе говоря, если прежде весь мир, все элементы мироздания, включая человека, воспринимались как слово, то теперь и слово стало вещью. Таковы стихи в «Арифметике» Магницкого, таковы надписи на триумфальных вратах и названия кораблей российского флота. Каждое название — это девиз эмблемы. Слово было знаменем московского периода русского барокко, вещь стала знаменем барокко петербургского. От словесного «музея раритетов» Симеона Полоцкого к петербургской Кунсткамере, реальному музею монстров и курьезных вещей — такова эволюция русской культуры. На первом этапе барокко динамизм трактовался как производство слов, на втором — как производство вещей.

Эта динамика находится в соответствии с культурной переориентацией Петровской России на протестантское барокко, в частности — на Голландию (кстати говоря, Голландия была единственной страной, которая сохраняла лояльность по отношению к России во всех превратностях Северной войны). Старший брат Петра царь Федор писал латинские стихи, хорошо говорил по-польски и первым браком был женат на западнорусской шляхтянке Агафье Грушецкой. Петр из иностранных языков свободно владел только одним — голландским. Конечно, это факты частной биографии; их можно счесть случайными. Но они отражают общие процессы культурной эволюции.

Раритеты стихотворных сборников Симеона Полоцкого и курьезы петровской Кунсткамеры — это явления из одной области, из барочного сенсационализма. Но это принципиально различное толкование сенсационализма. Симеон Полоцкий ищет сенсации в прошлом; он историк. Петра интересует только настоящее. В сенсационализме Симеона Полоцкого был свойственный как русскому средневековью, так и католическому барокко элемент чуда. Сенсация — это ниспосланное богом чудо, и «при-

клады» Симеона всегда или почти всегда содержат мотивы чудесного. Для Петра сенсационализм — это отклонение от нормы, от приевшегося и надоевшего, от шаблона. Это — событие, неожиданность, т. е. своего рода новаторство, как природное, так и рукотворное.

Старый «чудесный» сенсационализм не сразу сдал свои позиции. В росписи предметов, которые были присланы из разных городов России в Кунсткамеру 8 марта 1725 г., значатся две заурядные собачки, поступившие от кн. М. Голицына из Ахтырок. Отчего же они показались занимательными? Оказывается, как следует из росписи, они «родились от девки 60-ти лет». Вот как понимали знаменитый петровский указ от 13 февраля 1718 г. о доставлении в Кунсткамеру уродов и редкостей! Петр требовал сенсации, а ему доставляли вещественные доказательства чуда.

Итак, при Петре производство вещей потеснило производство слов. Означало ли это упадок литературы? В известном смысле — да. Естественным было ухудшение стиля, макаронизм, изобилие варваризмов; все это связано с необходимостью называть и описывать все новые и новые вещи. Динамический мир, находящийся в процессе стремительной трансформации, описывался конвульсивным стилем.

Но, с другой стороны, апофеоз вещи был связан с фабульной и сюжетной свободой. В песенниках первых десятилетий XVIII в. сохранился цикл песен о «драгой вольности». Петр и его питомцы «воспевали вольность драгую». О какой «вольности», какой свободе идет речь? Разумеется, не о политической и не о духовной. Речь идет о свободе быть частным человеком, свободе совершать поступки, которые *не запрещены*. До Петра (разумеется, в идеале) делали только то, что *разрешено*. В этом и состоит, коротко говоря, смысл средневекового этикета. При Петре стали делать то, что не запрещено. Свобода бытового поведения имеет прямую связь со свободой сюжетной конструкции, и это был продуктивный феномен.

Аллегии наук в лицевых списках «Книги избранной вкратце...» Николая Спафария

Сочинения Николая Спафария, созданные им в Посольском приказе в Москве в 70-е годы XVII в., компилятивны; эта их общая особенность давно замечена исследователями. Чертами компилятивности в полной мере наделена и «Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» (1672 г.), составленная Николаем Спафарием совместно с Петром Долгово.

До сих пор остаются не вполне выясненными литературные источники этого своеобразного учебного трактата, хотя еще А. И. Соболевский и И. Н. Михайловский отмечали зависимость «Книги избранной вкратце» от переводного «Сказания о семи свободных мудростях», содержащего похвалы наукам.¹ А. И. Соболевский заметил также приведенное в предисловии к «Книге избранной вкратце» имя автора известной «Энциклопедии» Иоанна Альштеда, содержащей довольно дробную классификацию наук;² эту классификацию, впрочем, Николай Спафарий не принимает: «Мнози же любопрятся и простирают учения даже до девяти и трех видов, яко Иоанн Алстедий» (цит. по подносному списку ГИМ, Син. № 527).

Проникновение в славянскую культуру учения о семи свободных науках недавно достаточно подробно рассмотрел М. И. Слуховский: от Библии Франциска Скорины (1517 г.) к писаниям князя Андрея Курбского (вторая половина XVI в.), к уже упоминавшемуся переводному «Сказанию» (середина XVII в.) и, наконец, к трактату Николая Спафария.³

¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, с. 169—170; И. Н. Михайловский. Важнейшие труды Николая Спафария (1672—1677). Киев, 1897, с. 18—22. К известным ранее спискам «Сказания о семи свободных мудростях» добавились списки из собрания ГИМ и ГБЛ. В ГИМ это Син., № 933, л. 653 об.—654 об., сер. XVII в., и Син., № 623, л. 172—192, XVII в. (см.: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. Н. Невоструева), ч. II. М., 1973, с. 76—77 и 87—88, № 953 и 969). В ГБЛ это также списки XVII в.: собр. Попова, № 66, л. 1—28 об., и собр. Большакова, № 318, л. 218—249 об. Указание двух последних списков принадлежит Н. Б. Тихомирову.

² J.-H. A I s t e d i u s. Encyclopaedia septem tomis distincta... Herbornae Nassoviorum, 1630.

³ М. И. Слуховский. Русская библиотека XVI—XVII вв. М., 1973, с. 84—86. Любопытно, что в раннем стихотворении Симеона Полоцкого, написанном на польском языке, также встречаем перечень семи свободных наук (И. Т а т р с к и й. Симеон Полоцкий. М., 1866, с. 36).

Мы не касаемся здесь более позднего отражения этой темы, например в «Действе о семи свободных науках» (нач. XVIII в.) (см.: Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974, с. 127—192 и 483—491). С сожалением отметим, что в истории науки трактаты Николая Спафария недостаточно оценены. Они даже не упомянуты, например, в обзорной статье: А. Н. Богомолов. Точные науки как предмет преподавания в университетах. — В кн.: Физика на рубеже XVII—XVIII в. М., 1974, с. 75—119.

Наблюдения над текстом первой главы «Книги избранной вкратце» — «О девяти мусах сказание и о Аполлоне» — позволили сделать вывод, что среди источников Николая Спафария находились популярные в Европе XVII в. издания: «Образы античных богов» В. Каргари и «Иконология» Ч. Рипа.⁴ Оба эти сочинения, выдержавшие ряд изданий в XVI и XVII вв., сопровождались гравюрами на дереве или на меди.

Что касается литературных источников последующих глав «Книги избранной вкратце», то нами уже отмечалось, что «похвалы себе» каждой из семи наук, почерпнутые из «Сказания о семи свободных мудростях», завершают каждую из соответствующих глав; только их порядок здесь иной, чем в «Сказании», и вместо «Астрономии» в заглавии седьмой главы читается «Астрология» (то же и у Симеона Полоцкого).⁵

При изучении текста «Книги избранной вкратце» важно установить не только литературные источники, которыми располагал автор, но и изобразительные прототипы. Напомним, что подносной список Спафариева сочинения был лицевым; в документах названы не только составители текста, но и писец чернец Маркел, и иконописец Иван Максимов.⁶

Необычность избранной автором темы сочинения, наделенной светским просветительским характером, предопределила обращение художника к каким-то мало известным на Руси редким памятникам изобразительного искусства. Легко предположить, что выбор образцов для 8 миниатюр (одна — Аполлон и девять муз и еще 7 — с воплощением каждого из семи «свободных художеств») зависел не только от художника, но и от самого Николая Спафария, как лица более искушенного в западноевропейской культуре.

Художник Иван Максимов был учеником Симона Ушакова, который сочел в своем творчестве мастерство ведущего иконописца и рисовальщика, не чуждого обращения к аллегорическим образам ренессансных и барочных книг. Среди них, как это отмечено А. А. Сидоровым, «Иероглифика» Пиерио, «Эмблемы» А. Альciati, «Иконология» Ч. Рипа, «Экзерциции» И. Лойолы и др.⁷

Московская живопись еще в XVI в. знала светские аллегорические образы. Например, при описании росписей Золотой палаты в Кремле (разобранной в XVIII в.) Симон Ушаков называл Целомудрие, Разум, Чистоту, Правду и противостоящие им Блужение, Безумие, Нечистоту,

⁴ См.: О. А. Белоброва. К изучению «Книги избранной вкратце о девяти мусах и о седмих свободных художествах» Николая Спафария. — ТОДРЛ, т. XXX. М.—Л., 1975, с. 307—317. Благодаря любезности Г. Ф. Богача нам стал известен еще один — восьмой по счету — список «Книги избранной вкратце» из прижизненного собрания сочинений и переводов Н. Г. Спафария (Науч. биб-ка Иркут. гос. ун-та, № 140, л. 164—181); на наш взгляд, переписка собрания велась с голицынской рукописи на Севере. Назовем также девятый список. — ГИМ, собр. Забелина, № 214, отмеченный М. Н. Сперанским в 1926 г.

⁵ О. А. Белоброва. К изучению «Книги избранной вкратце...», с. 310—311. Обращение Николая Спафария к «Сказанию о семи свободных мудростях» привело к появлению в начале XVIII в. особого списка этого сказания (ГПБ, Q. XVII. 29, л. 1—12 об., без конца), в заглавии которого сообщается о переводе этого сочинения в 1673 г. «из еллинского диалекта... во словенский язык чрез Николая Спафария». Между тем текст 5 похвал не имеет здесь существенных отличий от более ранних списков сказания, относящихся к периоду времени до приезда Спафария в Москву.

⁶ Публикацию документов Посольского приказа 70—80-х годов XVII в. см. в кн.: Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. VI. СПб., 1857, № 43, с. 188—200.

⁷ А. А. Сидоров. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951, с. 265—268. Об Иване Максимове см.: А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. М., 1910, с. 166—167; Н. Е. Мневна. Изюграфы Оружейной палаты и их искусство украшения книги. — В кн.: Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954, с. 219—246.

Неправду; Огненный, Лунный и Солнечный круги, Воздух; Круг временный, а в нем Весна, Лето, Есень, Зима; Год. . . , Смерть. . . , Зависть и другие.⁸ И. Э. Грабарь прямо связывал «все эти нагие и полунагие фигуры» с книжной культурой: «. . . это те самые гравюры, которыми итальянские и голландские писатели 16-го века любили иллюстрировать свои туманные и высокопарные рассуждения на тему о религии, о природе, о разуме, о правде, неправде и сотне других вещей».⁹ В числе светских иллюстрированных западноевропейских книг XVI в., известных в Москве, И. Э. Грабарь отмечал лишь экземпляры, находившиеся в распоряжении писателей и художников конца XVII в., например труд И. Каме-рарио.¹⁰

При розысках изобразительных источников для аллегорий наук в «Книге избраной вкратце» следует обратиться все к тем же западноевропейским эмблематическим сборникам, которые распространялись в Московской Руси, «служили для литературного чтения и рассматривания загадочных и занимательных гравюр».¹¹ Известный справочник А. Пиглера, например, отсылает читателя, возымевшего желание найти изображения символов наук, прежде всего к одному из иллюстрированных изданий «Иконологии» Ч. Рипа.¹² Но если в этом сочинении мы находим особую статью обо всех девяти музах (причем их единичные изображения, в рост, в медальонах, сопровождают только французские издания 1644 и 1677 гг.),¹³ то о семи свободных художествах или науках особой, общей, статьи нет. Чтобы разыскать в «Иконологии» описание аллегории той или другой науки (иногда сопровождаемой гравюрой), читатель обращается к указателям или находит соответствующее наименование по алфавиту.¹⁴

Следует принять во внимание условия, в которых в 70-е годы XVII в.

⁸ Цит. по кн.: И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, ч. I. М., 1884, стб. 1239—1240.

⁹ И. Э. Грабарь. История русского искусства. Т. VI. История живописи. Т. I. Допетровская эпоха. М. [б. г.], с. 515.

¹⁰ Camerarii Joachimi Symbolorum et Emblematum. Norimbergae, anno 1593, 1595, 1597. ЦГАДА. Библиотека Синодальной типографии, № 3475, с подписью «Сильвестра Медведева». Подобной же записью наделена и книга «Эмблемы» А. Альчиати (без начала и без конца), того же собрания, под № 3701.

¹¹ А. А. Морозов. Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени. — В кн.: XVIII век. Сборник 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974, с. 184—226. Здесь впервые был отмечен экземпляр «Иконологии» Ч. Рипа, 1644 г. издания, из библиотеки А. А. Винюса, с русским переводом большинства аллегорий на полях книги.

¹² A. P i g l e r. Barockthemen. Eine Auswahl von Verzeichnissen zur Ikonographie des 17. und 18. Jahrhunderts, Bd II. Budapest, 1956, S. 487: Die Sieben freien Künste. . . C. Ripa. Iconologia, ed. 1630.

¹³ Изображение Аполлона в окружении девяти муз находим в некоторых изданиях сочинения В. Картари «Образы античных богов». Нами привлекались экземпляры с соответствующей гравюрой, например изданный в Падуе, 1615 г. (ГБЛ, Музей книги); в Венеции, 1647 г. (Гос. Эрмитаж, библиотека; ГПБ); в Венеции, 1674 г. (Гос. Эрмитаж, библиотека).

¹⁴ Многочисленные издания «Иконологии» Ч. Рипа имеют различный состав. Большая их часть располагает статьи по алфавиту. Иное, систематическое, расположение статей характерно для французского издания 1677 г.

Изображениями семи свободных искусств в живописи и прикладном искусстве средневековья посвящены специальные работы, например: P. d' A n s o n a. Le rappresentazioni allegoriche delle arti liberali del medio evo e nel Rinascimento. — L'Arte, Roma, 1902, p. 137—155, 211—223, 269—289, 370—385. В поисках барочных прототипов миниатюр нами привлекались эрмитажные офорты Корнелиса Схюта из серии «Семь свободных искусств» (см.: И. Линник. Этюдные наброски Корнелиса Схюта. — Сообщ. Гос. Эрмитажа, 1962, XXIII, с. 36—38). Но среди этого множества памятников мы не находим источников московских миниатюр, зависимых, по-видимому, от книжных иллюстраций.

проходила работа «по строению» книг в Посольском приказе.¹⁵ Дело в том, что за короткие сроки одновременно составлялись сложные и неоднородные сочинения; тотчас же велась их переписка, в двух, иногда и в трех, экземплярах; тут же списки получали художественное оформление: заставки, буквицы, концовки, рамки, миниатюры; после этого книги переплетались, украшались и наконец передавались по назначению — «в поднос великому государю» или в Посольский приказ. В документах отмечено, что для «Книги с описанием великих князей и великих государей царей российских, откуду корень их государев произиде» (иначе называемой «Титулярник») «писали персоны иконописцы Иван Максимов да Дмитрий Львов 5 месяцев».¹⁶ Тогда же, в 1672 г., Маркел писал «новопреводную» книгу «Хрисмологион», а иконописец Иван Максимов украшал ее «в лицах».¹⁷

Таким образом, художник должен был вести работу параллельно, переходя от одного к другому, а то и к третьему и четвертому сочинению, как бы они ни различались между собой. Очевидно, миниатюры к «Хрисмологиону» (числом 11) и к «Книге избраной вкратце» (числом 8) приходилось выполнять почти в одно время с миниатюрами к «Титулярнику», в двух списках (числом до 150); в последнем случае Иван Максимов работал совместно с Дмитрием Львовым.

Сравнительное изучение миниатюр названных сочинений, к сожалению, до сих пор не проводилось. Встречаются лишь частные наблюдения; метко выявлено, например, стилистическое родство между портретом младенца царевича Петра Алексеевича среди миниатюр «Титулярника» и изображениями детских головок в лицевом экземпляре «Хрисмологиона» (ГПБ, Эрмитажное собр., № 27).¹⁸ Не изучены изобразительные источники миниатюр «Хрисмологиона»; особенно интересны его аллегорические листы, свидетельствующие о знакомстве Ивана Максимова с светской символикой барокко. Впрочем, преувеличивать влияние светской эмблематики на Ивана Максимова не приходится: всего через 6 лет, в 1678 г., художник при выполнении многочисленных миниатюр Толкового евангелия Оружейной палаты создает вполне традиционные библейские образы, хотя и отмеченные некоторыми чертами «московского барокко». Эти миниатюры исследовались в свое время Н. Е. Мневой в цитированной выше работе.

Среди 9 сохранившихся и известных в настоящее время списков «Книги избраной вкратце» только два лицевых. Из документов следует, что в 1672 г. «Маркел писал 2 книги „Мусы“, по 8 тетрадей в книге, в полдествь». Указанным приметам вполне соответствуют оба списка — ГИМ, Син., № 527 (далее *М*) и ГПБ, Q.XVII. 13 (далее *П*). Но не совпадает бумага, и, хотя в обоих списках сходный почерк писца, существенно различаются миниатюры. И. Н. Михайловский в свое время отмечал, что рукопись *П* «значительно уступает» списку *М*: «... бумага грубее, рисунки проще и краски на них бледнее; золота совсем нет»; «не был ли признан этот список (*П*, — *О. Б.*) негодным для поднесения государю и не пришлось ли

¹⁵ См.: И. М. Кудрявцев «Издательская» деятельность Посольского приказа (к истории русской рукописной книги во второй половине XVII века). — Книга. Исследования и материалы. VIII. М., 1963, с. 179—244; З. Е. Калишевич. Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности. — В кн.: Русское государство в XVII веке. М., 1961, с. 392—441.

¹⁶ ДАИ, т. VI, с. 193—194.

¹⁷ Там же. Воспроизведения миниатюр см. в кн.: И. М. Кудрявцев. 1) «Издательская» деятельность Посольского приказа. . . , с. 192 (Рождество Христово); 2) Артаксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. М.—Л., 1957 (вклейка между с. 256—257, — Валтасаров пир).

¹⁸ Е. И. Гаврилова. Рисунок и акварель. — В кн.: Портрет петровского времени. Каталог выставки. Л., 1973, с. 191—193.

старцу Маркелу переписать снова книгу о музах?»¹⁹ Однако филигрань бумаги в списке *М* (лилия), отнесенная когда-то К. Тромониным к 1681 г., убедительно передатирована А. А. Гераклитовым на более раннее время — 1671 г.²⁰ Филигрань же в списке *П* — герб Амстердама с лигатурой PL, — отнесенная С. А. Клепиковым к отрезку времени от 1675 по 1722 г.,²¹ выдает более позднее происхождение списка *П*. Главное различие между *М* и *П* составляют миниатюры, хотя и совпадающие иконографически и композиционно. В списке *М* очевидно следование западноевропейским образцам, в то время как список *П* обнаруживает «руссификацию» тех же прототипов — в интерьере, одежде, утвари. Хотя некоторые миниатюры списков *М* и *П* уже публиковались,²² после И. Н. Михайловского их не сопоставляли ни между собой, ни с какими-либо прообразами. Кроме того, в их наименования вкралась ошибка еще со времени издания «Библиологического словаря» П. М. Строева, в котором сообщалось о рукописи *М*, «украшенной раскрашенными картинами, изображающими Аполлона и к а ж д у ю и з м у з (разрядка наша, — *О. Б.*)»,²³ в то время как в единичных миниатюрах представлены не музы, а науки. И позднее, уже в советское время, неоднократно публиковалась аллегория первой из семи наук с курьезной подписью «Муза Грамматика».²⁴

Какие же задачи стояли перед художником Иваном Максимовым при выполнении миниатюр с аллегорическими фигурами — символами семи свободных художеств? В тексте «Книги избранной вкратце» содержатся весьма пространственные определения каждой из семи наук, перечисляются их функции и круг занятий, приводятся по пунктам мотивы и доводы для их изучения. Не встречаются только описания внешнего облика аллегорий, их одежды и атрибутов. В то же время чертами зрительного воплощения девяти муз и Аполлона в известной мере наделена первая глава «Книги избранной вкратце», как это отмечалось нами ранее. В «Иконологии» Ч. Рипа тексты статей, посвященных различным наукам (далеко превосходящим семерку), содержат прежде всего описание внешности каждой аллегорической фигуры. Вслед затем перечисляются функции науки, как теоретические, так и чисто практические. Астрономия, например, — это женщина в одежде, усыпанной звездами, с астролябией в одной руке и с доской, испещренной астрономическими фигурами, — в другой; названы даже цвета одежды.

В «Книге избранной вкратце» отсутствие зрительной характеристики аллегорий наук восполняется, во всяком случае в двух лицевых списках, миниатюрами. «Иконология» же Ч. Рипа, сохраняя обязательность словесного описания внешнего облика символов наук, далеко не всегда предлагала читателю гравюры с их изображениями.

Миниатюры в списках *М* и *П* расположены на развороте листа перед началом каждой из глав. В обоих списках после Предисловия находится миниатюра, относящаяся к главе первой и представляющая Аполлона

¹⁹ И. Н. Михайловский. Важнейшие труды Николая Спафария, с. 19, примеч. 1 и 2.

²⁰ А. А. Гераклитов. Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, с. 20, примеч. 1.

²¹ С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама». — Зап. Отд. рукоп. Гос. библ. СССР им. В. И. Ленина, 1958, вып. 20, с. 342, № 227.

²² Три миниатюры списка *П* («Аполлон», «Риторика» и «Диалектика») опубликованы в кн.: А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII в., т. I. М., 1913, табл. 72—74. Две миниатюры списка *М* («Аполлон среди муз» и «Грамматика») опубликованы в кн.: А. Н. Свирин. Древнерусская миниатюра. М., 1950, рис. на с. 136 и 137.

²³ П. М. Строев. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882, с. 432.

²⁴ См., например: История русского искусства, т. IV. М.—Л., 1959, с. 474.

в окружении муз. В свое время А. Н. Свирин метко указал на сходство Аполлона в списке *М* с Христом-Вседержителем.²⁵

Единичные изображения аллегорий наук находятся перед заглавием и началом текста соответствующей главы; наименования изображенных фигур — надписи в миниатюрах — имеются только в *П*. Грамматика,

Рис. 1.

а — Грамматика. Миниатюра. ГИМ. Синод. собр., № 527, л. 10 об.

например, представлена в виде сидящей пожилой женщины с розгой, которая наблюдает за мальчиком с книгой, стоящим к ней спиной; левой рукой она касается книги, указывая буквы. В списке *М* Грамматика облечена в темно-зеленый хитон и в тяжелый красновато-оранжевый плащ-мафорий с многочисленными складками; отрок в короткой, выше колен, рубашке; оба босые. У стены книжная полка, у ног ученика лежат книги,

²⁵ А. Н. С в и р и н. Древнерусская миниатюра. М., 1950, с. 138. Заметим, что в *М* голова Аполлона — в лучах сияния; на его коленях — раскрытая книга. В *П* Аполлон без нимба, он держит в левой руке ноты.

за его спиной раскрытое окно. В II наставница моложе; длинные одеяния обоих персонажей — традиционные древнерусские, светские; оба в сапогах. Интерьер охарактеризован много подробнее: здесь и плитчатый пол, и белокаменные резные детали, и оконные проемы с решетками, и резьба на сиденье (рис. 1, а и б). В «Иконологии» Ч. Рипа к статье «Грамматика»

Рис. 1 (продолжение).

б — Грамматика. Миниатюра. ГПБ. Q XVII 13, л. 13 об.

вовсе нет гравюры, зато изображение учительницы с розгой и ученика с книгой сопровождает, например, статью «Educatione».²⁶ Здесь ребенок стоит лицом к воспитательнице, на открытом воздухе, а она совсем юная, с непокрытой головой и обнаженной грудью сидит перед ним с поднятой розгой; другая ее рука придерживает молодое деревце, подвязанное к врытым в землю палкам; на небе облака. Идея воспитания иллюстрируется таким образом и буквально, и символически. Однако облик наставницы с розгой или плеткой и книгой скорее почерпнут древнерусским миниатю-

²⁶ Здесь и далее приводим ссылку на падуанское издание «Иконологии» в трех частях: Della novissima Iconologia di Cesare Ripa Perugino Padova, 1625, p. 193.

ристом из другой гравюры «Иконологии» Ч. Рипа — «Correttione»²⁷ или, может быть, «Meditatione»²⁸ (рис. 2, *a* и *b*). В экземпляре амстердамского издания «Иконологии» Ч. Рипа из библиотеки переводчика Посольского приказа А. А. Виниуса аллегории «Educatione» и «Meditatione» привлекли внимание и получили русский перевод: «Воспитание» и «Размышление».²⁹

Рис. 2.

a — Educatione. Гравюра на дереве. Della novissima Iconologia di Cesare Ripa. In Padova, 1625, p. 193;

Вторая из семи свободных наук, Риторика, изображена в списке *M* в виде молодой женщины в длинных зеленовато-вишневых одеждах, с обнаженными руками и ногами; она сидит на низкой скамье с кадуцеем в левой опущенной руке и со свернутым свитком в поднятой правой руке. У ее ног две раскрытые и одна закрытая книга. В резьбе скамьи внизу профильные уродливые женские фигурки. Миниатюрист списка *II* заменяет шлемовидную шапочку на корону, светские одежды на одеяние библейской царицы, низкую скамью — на пышный резной трон со спинкой. Из трех книг остается всего одна. Фигура приобретает статичность и плоскостность. Ближайший прототип к Риторике находим среди аллегорий

²⁷ Там же, с. 136.

²⁸ Там же, с. 412.

²⁹ Iconologia of uytbeelding des Verstandes van Cesare Ripa van Perugien. . . Amstelredam, 1644 (далее: Iconologia. . ., 1644) p. 394, 398.

Ч. Рипа в изображении «Felicitas publica»,³⁰ только на гравюре в поднятой руке молодой женщины рог изобилия вместо свитка, на голове — лавровый венок; сходна даже резьба на сиденье, с обнаженными женскими фигурками в профиль. И эта гравюра тоже не осталась незамеченной в экземпляре А. А. Виниуса: возле нее читается перевод: «общее блаженство».³¹

Аллегория Диалектики изображается в миниатюрах в виде женщины с птицей на голове, змеей на руке, с жабой и книгами у ног. В списке М

6

Рис. 2 (продолжение).

6 — Correttione. Гравюра на дереве. Della novissima Iconologia di Cesare Ripa. In Padova, 1625, p. 136.

она сидит у какого-то портика из каннелированных колонн; в П за ее спиной в отдалении видны строения города, среди атрибутов отсутствует жаба; оклад верхней книги украшен крестом.

В «Иконологии» Ч. Рипа мы не находим гравюр к статье о Диалектике, хотя описание ее облика предписывает изображать фигуру с двумя крыльями на голове, белым и черным.³² Но среди других аллегорий художник мог встретить стоящую женщину с птицей на голове — «Precedenza»,³³ «Loquacita»³⁴ — и женщину со змеей на левой руке — «Intelligenza»,³⁵ «Sanita»³⁶ и др.

³⁰ Della novissima Iconologia. . . , p. 231. Статья «Rettorica» (с. 561) без гравюры.

³¹ Iconologia. . . , 1644, p. 152.

³² Della novissima Iconologia. . . , p. 166—167.

³³ Там же, с. 524.

³⁴ Там же, с. 402.

³⁵ Там же, с. 328.

³⁶ Там же, с. 579.

Опять-таки динамичный образ из списка *М* приобретает в *П* застылость и даже уродливость.

Четвертая мудрость — Арифметика — в миниатюрах представлена юной девой, сидящей перед столом и пишущей цифры на доске, поставленной на колена. Только в *М* дева босиком, с обнаженными руками, в свободных одеждах, ниспадающих складками; на столе дощечки; скамья

a

Рис. 3.

a — Арифметика Миниатюра ГИМ. Синод собр., № 527, л. 26 об.

с гнутыми ножками; сзади видны карниз и угол комнаты; в *П* дева тоже простоволосая, но обутая и одетая в хитон с мафорием, пишет на листе гусиным пером; на столе горит свеча, лежат книга и нож, стоят чернильницы, песочница. За спиной Арифметики — своды, проемы окон и дверей, лестница, лепнина, решетки; пол узорчатый; кресло и стол в завитках резьбы (рис. 3, *a* и *b*). Аналогию к миниатюрам находим в соответствующей гравюре (стоящая дева с книгой, исписанной цифрами, за ее спиной развевается шарф).³⁷ Возможно также, что поза сидящей женщины отчасти навеяна гравюрой «Cognitione» (рис. 4, *a* и *b*).³⁸ Кстати, русский перевод

³⁷ Там же, с. 46

³⁸ Там же, с. 104

наименования этой аллегории — «Ведомство вещей» — читаем в экземпляре «Иконологии», принадлежавшем А. А. Виниусу.³⁹

Пятая наука — Музыка — особенно ярко демонстрирует разницу манер художников обоих лицевых списков. На миниатюре списка *М* сидящая в окружении музыкальных (духовых и струнных) инструментов дева, играющая на мандолине с высоким грифом, напоминает излюблен-

6

Рис. 3 (продолжение).

6 — Арифметика. Миниатюра. ГПБ, Q. XVII. 13, л. 32 об.

ный в итальянской живописи барокко образ музыкантши, динамичный и изменчивый. В списке же *Π* вместо девы — отрок в штанах из набивной ткани, в высоких сапожках; он сидит в палате с плитчатым полом, с низкими сводами. Жест руки играющего на струнном инструменте рабски скопирован с миниатюры списка *М*, так же, как и не вполне понятые мотивы лирообразной лепнины на стене; совсем неумело переданы духовые инструменты и скрипки. В труде Ч. Рипа насчитывается 5 статей об аллегориях музыки,⁴⁰ но гравюра с изображением стоящей женщины

³⁹ Iconologia . . , 1644, p. 273.

⁴⁰ Della novissima Iconologia. . . , p. 446—447.

в короне, играющей на виолончели, сопровождает лишь статью «Armonia».⁴¹ В экземпляре А. А. Виниуса возле статьи «Harmonia» читается «Музыкальный глас».⁴²

Шестой свободной науке — Геометрии — миниатюристы придали облик девы, измеряющей сферу циркулем; она сидит, склонившись к глобусу, который опоясывают змеи, ниже — сидящая лягушка. Голову девы венчает миниатюрная крепость с башнями. Только в списке *M* Геометрия — сильная крупная женщина, представленная в энергичном движении, под открытым небом; в *II* же — это вялая фигура, задрапированная в одежды

a

Рис. 4.

a — Aritmetica. Гравюра на дереве. Della novissima Iconologia di Cesare Ripa. In Padova, 1625, p. 46.

с длинными рукавами и заключенная в замкнутое пространство тесного интерьера. Энергичный жест стоящей над сферой с циркулем женской фигуры находим в гравюре к статье «Colografia».⁴³

Седьмая, последняя по счету, свободная наука, названная в «Книге избранной вкратце» Астрологией, а в «Сказании о семи свободных мудростях» — Астрономией, в миниатюре списка *M* представлена в виде крылатой молодой женщины, сидящей возле сферы со знаками зодиака и фигуры орла; у ее ног лежат книги и карты. В списке *II* изображен стоящий крылатый отрок, над его головой нет созвездий, внизу книг гораздо

⁴¹ Там же, с. 48.

⁴² Iconologia. . . , 1644, p. 341.

⁴³ Della novissima Iconologia. . . , p. 137.

меньше, карт вовсе нет, линия горизонта дана по кругу. Изображение крылатой Астрологии с созвездием над головой, с сферой в одной руке и циркулем в другой встречается среди гравюр на меди, сопровождающих парижское издание «Иконологии» Ч. Рипа.⁴⁴ Еще раз Астрология изображается в этом же издании, но уже без крыльев; здесь она со сферой, орлом и жезлом.⁴⁵ В падуанском же издании 1625 г. Астрология не имеет гравюры, а у Астрономии, описание которой уже приводилось выше, только одна общая с миниатюрами черта: на доске у ее ног изображены знаки Зодиака.⁴⁶ Заметим, что в голландском экземпляре «Иконологии» А. А. Ви-

6

Рис. 4 (продолжение).

6 — Cognitione. Гравюра на дереве. Della novissima Iconologia di Cesare Ripa. In Padova, 1625, p. 104.

ниуса русскими подписями отмечены обе статьи: и «Astrologia» — «Звездословие», и «Astronomia» — «Звездная мудрость».⁴⁷

Интерес к переводу понятий, связанных с образованием, с искусствами и науками, вообще отличает русские приписки в этой голландской книге. Здесь возле «Academia» читаем «Училище», возле «Arte» — «Художество», около «Scienza» — «Ведомство», «Sapienza» — «Мудрость», «Docilita» и «Dottrina» — «Учение», «Pittura» — «Живописное художество, зуграфия» и т. д.

⁴⁴ Iconologie ou explication nouvelle de plusieurs images, emblems et autres figures. . . tiré des Recherches et des Figures de Cesar Ripa, moralisée par J. Baudoin. Paris, 1644, p. 22, XV.

⁴⁵ Там же, с. 188.

⁴⁶ Della novissima Iconologia. . . , p. 55.

⁴⁷ Iconologia. . . , 1644, p. 486.

Как мы могли убедиться, обращение к образцам «живописного художества» — миниатюрам двух списков почти не изучавшегося трактата Николая Спафария о девяти музах и о семи свободных художествах — позволяет по-новому подтвердить зависимость этого сочинения, не только текстуальную, но и чисто изобразительную, от гравированных европейских изданий «Иконологии» Ч. Рипа. Конечно, художник Иван Максимов мог располагать не только книгами, но и какими-то перерисовками с них. В настоящее время, когда не разысканы экземпляры книг, которыми пользовались в 70-е годы XVII в. художники Посольского или Пушкарского приказа, нам приходится ограничиться приведенным материалом.

К сожалению, нам неизвестно также, в какие годы пользовался своей «Иконологией» А. А. Виниус, когда и кем именно были сделаны русские приписки на ее полях. В виде предположения можно высказать мысль, не обращался ли Николай Спафарий непосредственно к этой книге А. А. Виниуса.⁴⁸ Случаи обращения к последнему за книгами, которые он предоставлял на время, для чтения, например, Сильвестру Медведеву в том же 1672 г., известны.⁴⁹ В 1671—1672 гг. А. А. Виниус был в Москве, работал в Посольском приказе и только в сентябре 1673 г. был послан во Францию, Испанию, Англию.

Лицевые списки «Книги избраной вкратце», по-видимому, не копировались художниками-современниками, которым они были попросту недоступны. Всего через 20 лет, в 1692 г., при создании гравюр к Букварю Карiona Истомина Леонтий Бунин сталкивается с необходимостью представить в рамке-заставке символы наук — астрономии, геологии, риторики, философии, грамматики, геометрии. Но это всего лишь миниатюрные фигурки отроков в коротких одеждах, по три с каждой стороны сидящего на троне Христа-Вседержителя. Каждый отрок держит свиток с надписью, соответствующей наименованию науки.⁵⁰ Однако эти, довольно безликие, аллегории совершенно не связаны с разработанной иконографией миниатюр «Книги избраной вкратце» Николая Спафария, выполнявшихся Иваном Максимовым, да и состав этих наук также не совпадает. Припомним, что комплекс наук, позднее вошедших в «Духовный регламент» Петра I, также отличался от устойчивой схоластической схемы, нашедшей свое наиболее яркое выражение в Московской Руси накануне Петровской эпохи именно в трактатах Николая Спафария. Но как бы ни было ограничено бытование этих трактатов — «Книги избраной вкратце» (в частности, ее лицевых списков) и «Арифмологии» — все равно значение аллегорических изображений семи свободных художеств достаточно велико. Оно помогает глубже раскрыть реальный вклад западноевропейской книжной традиции в русскую культуру последней трети XVII столетия.

Дальнейшее сравнительное изучение материала миниатюр, сопровождавших списки книг, «строившихся» в 1670-е годы в Посольском приказе, может оказаться важным этапом в исследовании сложных историко-культурных явлений, давно уже относимых к «московскому барокко».

⁴⁸ Обращение к этому экземпляру книги художников едва ли имело место, — листы ее не имеют ни пятен краски, ни оттисков пальцев, ни следов перерисовки. Видимо, книгой пользовались с бережностью.

⁴⁹ Письма Сильвестра Медведева. Сообщение С. Н. Браиловского. — ПДПИ, вып. GXLIIV, СПб., 1901, с. 9.

⁵⁰ Нами привлекались экземпляры Букваря из ОРРК БАН, инв. № 10 и 599.

в окружении муз. В свое время А. Н. Свирин метко указал на сходство Аполлона в списке *М* с Христом-Вседержителем.²⁵

Единичные изображения аллегорий наук находятся перед заглавием и началом текста соответствующей главы; наименования изображенных фигур — надписи в миниатюрах — имеются только в *П*. Грамматика,

К

а

Рис. 1.

а — Грамматика. Миниатюра. ГИМ. Синод. собр., № 527, л. 10 об.

например, представлена в виде сидящей пожилой женщины с розгой, которая наблюдает за мальчиком с книгой, стоящим к ней спиной; левой рукой она касается книги, указывая буквы. В списке *М* Грамматика одета в темно-зеленый хитон и в тяжелый красновато-оранжевый плащ-мафорий с многочисленными складками; отрок в короткой, выше колен, рубашке; оба босые. У стены книжная полка, у ног ученика лежат книги,

²⁵ А. Н. С в и р и н. Древнерусская миниатюра. М., 1950, с. 138. Заметим, что в *М* голова Аполлона — в лучах сияния; на его коленях — раскрытая книга. В *П* Аполлон без нимба, он держит в левой руке поты.

за его спиной раскрытое окно. В II наставница моложе; длинные одеяния обоих персонажей — традиционные древнерусские, светские; оба в сапогах. Интерьер охарактеризован много подробнее: здесь и плитчатый пол, и белокаменные резные детали, и оконные проемы с решетками, и резьба на сиденье (рис. 1, а и б). В «Иконологии» Ч. Рипа к статье «Грамматика»

Рис. 1 (продолжение).

б — Грамматика. Миниатюра. ГПБ. Ф. XVII. 13, л. 13 об.

вовсе нет гравюры, зато изображение учительницы с розгой и ученика с книгой сопровождает, например, статью «Educatione».²⁶ Здесь ребенок стоит лицом к воспитательнице, на открытом воздухе, а она совсем юная, с непокрытой головой и обнаженной грудью сидит перед ним с поднятой розгой; другая ее рука придерживает молодое деревце, подвязанное к врытым в землю палкам; на небе облака. Идея воспитания иллюстрируется таким образом и буквально, и символически. Однако облик наставницы с розгой или плеткой и книгой скорее почерпнут древнерусским миниатю-

²⁶ Здесь и далее приводим ссылку на падуанское издание «Иконологии» в трех частях: Della novissima Iconologia di Cesare Ripa Perugino Padova, 1625, p. 193.

ристом из другой гравюры «Иконологии» Ч. Рипа — «Correttione»²⁷ или, может быть, «Meditatione»²⁸ (рис. 2, *a* и *b*). В экземпляре амстердамского издания «Иконологии» Ч. Рипа из библиотеки переводчика Посольского приказа А. А. Виниуса аллегории «Educatione» и «Meditatione» привлекли внимание и получили русский перевод: «Воспитание» и «Размышление».²⁹

Рис. 2.

a — Educatione. Гравюра на дереве. Della novissima Iconologia di Cesare Ripa. In Padova, 1625, p. 193;

Вторая из семи свободных наук, Риторика, изображена в списке *M* в виде молодой женщины в длинных зеленовато-вишневых одеждах, с обнаженными руками и ногами; она сидит на низкой скамье с кадуцеем в левой опущенной руке и со свернутым свитком в поднятой правой руке. У ее ног две раскрытые и одна закрытая книга. В резьбе скамьи внизу профильные уродливые женские фигурки. Миниатюрист списка *II* заменяет шлемовидную шапочку на корону, светские одежды на одеяние библейской царицы, низкую скамью — на пышный резной трон со спинкой. Из трех книг остается всего одна. Фигура приобретает статичность и плоскостность. Ближайший прототип к Риторике находим среди аллегорий

²⁷ Там же, с. 136.

²⁸ Там же, с. 412.

²⁹ Iconologia of uytbeelding des Verstandes van Cesare Ripa van Perugien. . . Amstelredam, 1644 (далее: Iconologia. . ., 1644) p. 394, 398.

Ч. Рипа в изображении «*Felicitas publica*»,³⁰ только на гравюре в поднятой руке молодой женщины рог изобилия вместо свитка, на голове — лавровый венок; сходна даже резьба на сиденье, с обнаженными женскими фигурками в профиль. И эта гравюра тоже не осталась незамеченной в экземпляре А. А. Виниуса: возле нее читается перевод: «общее блаженство».³¹

Аллегория Диалектики изображается в миниатюрах в виде женщины с птицей на голове, змеей на руке, с жабой и книгами у ног. В списке *M*

6

Рис. 2 (продолжение).

6 — Corretione. Гравюра на дереве. Della novissima Iconologia di Cesare Ripa. In Padova, 1625, p. 136.

она сидит у какого-то портика из каннелированных колонн; в *II* за ее спиной в отдалении видны строения города, среди атрибутов отсутствует жаба; оклад верхней книги украшен крестом.

В «Иконологии» Ч. Рипа мы не находим гравюр к статье о Диалектике, хотя описание ее облика предписывает изображать фигуру с двумя крыльями на голове, белым и черным.³² Но среди других аллегорий художник мог встретить стоящую женщину с птицей на голове — «*Precedenza*»,³³ «*Loquacita*»³⁴ — и женщину со змеей на левой руке — «*Intelligenza*»,³⁵ «*Sanita*»³⁶ и др.

³⁰ Della novissima Iconologia. . . , p. 231. Статья «*Rettorica*» (с. 561) без гравюры.

³¹ Iconologia. . . , 1644, p. 152.

³² Della novissima Iconologia. . . , p. 166—167.

³³ Там же, с. 524.

³⁴ Там же, с. 402.

³⁵ Там же, с. 328.

³⁶ Там же, с. 579.

Опять-таки динамичный образ из списка *М* приобретает в *П* застылость и даже уродливость.

Четвертая мудрость — Арифметика — в миниатюрах представлена юной девой, сидящей перед столом и пишущей цифры на доске, поставленной на колена. Только в *М* дева босиком, с обнаженными руками, в свободных одеждах, ниспадающих складками; на столе дощечки; скамья

a

Рис. 3.

a — Арифметика. Миниатюра. ГИМ. Синод. собр., № 527, л. 26 об.

с гнутыми ножками; сзади видны карниз и угол комнаты; в *П* дева тоже простоволосая, но обутая и одетая в хитон с мафорием, пишет на листе гусиным пером; на столе горит свеча, лежат книга и нож, стоят чернильницы, песочница. За спиной Арифметики — своды, проемы окон и дверей, лестница, лепнина, решетки; пол узорчатый; кресло и стол в завитках резьбы (рис. 3, *a* и *b*). Аналогию к миниатюрам находим в соответствующей гравюре (стоящая дева с книгой, исписанной цифрами, за ее спиной развевается шарф).³⁷ Возможно также, что поза сидящей женщины отчасти навеяна гравюрой «Cognitione» (рис. 4, *a* и *b*).³⁸ Кстати, русский перевод

³⁷ Там же, с. 46

³⁸ Там же, с. 104.

наименования этой аллегии — «Ведомство вещей» — читаем в экземпляре «Иконологии», принадлежавшем А. А. Виниусу.³⁹

Пятая наука — Музыка — особенно ярко демонстрирует разницу манер художников обоих лицевых списков. На миниатюре списка *М* сидящая в окружении музыкальных (духовых и струнных) инструментов дева, играющая на мандолине с высоким грифом, напоминает излюблен-

Рис. 3 (продолжение).

6 — Арифметика. Миниатюра. ГПБ, Q. XVII. 13, л. 32 об.

ный в итальянской живописи барокко образ музыкантши, динамичный и изменчивый. В списке же *П* вместо девы — отрок в штанах из набивной ткани, в высоких сапожках; он сидит в палате с плитчатым полом, с низкими сводами. Жест руки играющего на струнном инструменте рабски скопирован с миниатюры списка *М*, так же, как и не вполне понятые мотивы лирообразной лепнины на стене; совсем неумело переданы духовые инструменты и скрипки. В труде Ч. Рипа насчитывается 5 статей об аллегориях музыки,⁴⁰ но гравюра с изображением стоящей женщины

³⁹ Iconologia. . . , 1644, p. 273.

⁴⁰ Della novissima Iconologia. . . , p. 446—447.

в короне, играющей на виолончели, сопровождает лишь статью «Armonia».⁴¹ В экземпляре А. А. Виниуса возле статьи «Harmonia» читается «Музыкальный глас».⁴²

Шестой свободной науке — Геометрии — миниатюристы придали облик девы, измеряющей сферу циркулем; она сидит, склонившись к глобусу, который опоясывают змеи, ниже — сидящая лягушка. Голову девы венчает миниатюрная крепость с башнями. Только в списке *M* Геометрия — сильная крупная женщина, представленная в энергичном движении, под открытым небом; в *II* же — это вялая фигура, задрапированная в одежды

a

Рис. 4.

a — Aritmetica. Гравюра на дереве. Della novissima Iconologia di Cesare Ripa. In Padova, 1625, p. 46.

с длинными рукавами и заключенная в замкнутое пространство тесного интерьера. Энергичный жест стоящей над сферой с циркулем женской фигуры находим в гравюре к статье «Cosografia».⁴³

Седьмая, последняя по счету, свободная наука, названная в «Книге избранной вкратце» Астрологией, а в «Сказании о семи свободных мудростях» — Астрономией, в миниатюре списка *M* представлена в виде крылатой молодой женщины, сидящей возле сферы со знаками зодиака и фигуры орла; у ее ног лежат книги и карты. В списке *II* изображен стоящий крылатый отрок, над его головой нет созвездий, внизу книг гораздо

⁴¹ Там же, с. 48.

⁴² Iconologia. . ., 1644, p. 341.

⁴³ Della novissima Iconologia. . ., p. 137.

меньше, карт вовсе нет, линия горизонта дана по кругу. Изображение крылатой Астрологии с созвездием над головой, с сферой в одной руке и циркулем в другой встречается среди гравюр на меди, сопровождающих парижское издание «Иконологии» Ч. Рипа.⁴⁴ Еще раз Астрология изображается в этом же издании, но уже без крыльев; здесь она со сферой, орлом и жезлом.⁴⁵ В падуанском же издании 1625 г. Астрология не имеет гравюры, а у Астрономии, описание которой уже приводилось выше, только одна общая с миниатюрами черта: на доске у ее ног изображены знаки Зодиака.⁴⁶ Заметим, что в голландском экземпляре «Иконологии» А. А. Ви-

6

Рис. 4 (продолжение).

6 — Cognitione. Гравюра на дереве. Della novissima Iconologia di Cesare Ripa. In Padova, 1625, p. 104.

ниуса русскими подписями отмечены обе статьи: и «Astrologia» — «Звездословие», и «Astronomia» — «Звездная мудрость».⁴⁷

Интерес к переводу понятий, связанных с образованием, с искусствами и науками, вообще отличает русские приписки в этой голландской книге. Здесь возле «Academia» читаем «Училище», возле «Arte» — «Художество», около «Scienza» — «Ведомство», «Sapienza» — «Мудрость», «Docilita» и «Dottrina» — «Учение», «Pittura» — «Живописное художество, зуграфия» и т. д.

⁴⁴ Iconologie ou explication nouvelle de plusieurs images, emblems et autres figures. . . tiré des Recherches et des Figures de Cesar Ripa, moralisée par J. Baudoin. Paris, 1644, p. 22, XV.

⁴⁵ Там же, с. 188.

⁴⁶ Della novissima Iconologia. . . , p. 55.

⁴⁷ Iconologia. . . , 1644, p. 486.

Н. А. ГЕРАСИМОВА-ПЕРСИДСКАЯ

Партесное многоголосие и формирование стилевых направлений в музыке XVII—первой половины XVIII в.

Значение XVII в. для отечественной культуры в целом, и в особенности для развития литературы, достаточно глубоко и широко изучено. Ведущее положение литературоведения в данном случае отражает объективные закономерности развития отдельных видов искусства в указанный период. Однако можно ли считать, что происходившие процессы раскрыты со всей полнотой, что выявлена их специфика и, так сказать, степень «напряженности», если целая область художественного творчества оказывается вне внимания исследователей? Современная наука отрешилась от изучения обособленных явлений, ее пафос — в рассмотрении большого круга взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений, в установлении диахронических и синхронических связей. Об отечественной культуре XVII в. можно смело сказать, что она представляет собой систему, в которую как органическая часть входит и музыка.

В недостаточной изученности музыки прошлого виновато прежде всего музыковедение. В нем долгое время существовало парадоксальное положение: ссылались на отзывы современников о том, как звучала музыка, какое она производила впечатление, на острую полемику об идейном значении того или иного вида творчества, на теоретические положения о законах композиции, но до последних лет почти не существовало собственно музыки — самих произведений XVII в. Такой уклон в сторону «литературы о музыке» понятен: многие литературные тексты были напечатаны еще в XVII в., другие были опубликованы позднее. Нотные же рукописи покоились нетронутым массивом.

Сейчас положение меняется. Каждый год вводятся в научный обиход новые нотные рукописи. Постепенно проясняется широкая панорама музыкальной жизни России и Украины переходного периода. Становится все более очевидным, что в это время в острых коллизиях «старого» и «нового», «русского» и «латинского», церковного и светского, интроспективного и репрезентативного зарождается профессиональная национальная школа, решаются вопросы массовости или элитарности искусства, его идейной направленности, демократизма или «служебной» роли. Раскрываются кардинальные сдвиги в системе художественного творчества, во взаимодействии искусств, в отношениях «произведение—автор—слушатель». Изменяется самая функция искусства — обращенного к аудитории, социально значимого, что влечет за собой рождение новых жанров и новых художественных средств.

Между музыкой и другими искусствами, прежде всего литературой, можно установить определенные аналогии, однако прямого параллелизма здесь нет. Без сомнения, музыка в XVII в., как и другие виды искусства, не представляет собой монолитного, внутренне непротиворечивого яв-

ния. Однако в ней стиливое размежевание и границы между идейно-художественными направлениями проходят по иным координатам, чем, например, в литературе.¹

Казалось бы, место музыки в общественном конфликте эпохи — между утверждающимся абсолютизмом и антифеодалным движением старообрядцев — достаточно известно, и нет нужды еще раз привлекать широко цитируемые, действительно очень яркие и содержательные, высказывания обеих сторон. Произошел разрыв между партесным многоголосием — показателем нового, «ученого», «западного», искусства, и знаменной монодией — атрибутом незыблемой старины для ревнителей «старой веры». Однако вопрос о борьбе направлений решался бы слишком просто, если бы существовал лишь один «водораздел», если бы каждое явление было автономным и внутренне однородным. Все дело в том, что в столкновении двух социально-политических и культурных сил музыка была своего рода знаменем, орудием борьбы. В противопоставлении двух типов музыкального творчества решающими были в первую очередь идеологические факторы, в самих же творческих процессах отталкивания не происходило. Объективным ходом развития музыкального искусства знаменное пение как художественное явление все более оттеснялось на задний план, хотя и оказало определенное влияние на своего антагониста — партесное многоголосие. Новый же тип пения быстро завоевывал позиции.

Однозначно приравнять знаменное пение к искусству «демократических низов», а партесное многоголосие — к искусству «господствующих верхов»² нельзя хотя бы потому, что первый тип богослужебного пения никогда не был изгнан из православной церкви, — наоборот, все изданные нотные богослужебные книги только его и содержат. И все же в таком размежевании доля истины есть. Партесное многоголосие действительно используется как важный элемент придворного церемониала, с 1668 г. оно официально вводится в православное богослужение.³ С другой стороны, новый тип пения все шире проникает в домашний быт. Для того, чтобы разобраться в особенностях нового музыкального творчества, определить его идейно-художественную направленность и стиливую принадлежность, необходимо учесть пути его проникновения в Россию, сферу бытования и выполняемую им общественную функцию.

* * *

Прежде чем быть узаконенным в Москве, партесное пение прошло довольно длительный путь адаптации на западнорусских землях. Именно здесь осваивалось многоголосное распевание церковнославянских текстов, происходило сплавление типичных попевок знаменного одноголосия с интонационными оборотами песенного типа, формирование мелодического «языка» нового многоголосного склада. Как можно судить по имеющимся в настоящий момент данным (весьма скудным), западноевропейское, точнее польское, многоголосное искусство внедрялось не в своих развитых и сложных, пышных и весьма изысканных формах⁴ (для усвоения которых

¹ См. в связи с этим: А. Н. Р о б и н с о н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974.

² Определение заимствовано у Д. С. Лихачева: «Литературные направления появляются не только с возникновением стилистических дифференциаций, но и с классовым расслоением литературы на литературу господствующих верхов и демократических низов» (Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971, с. 86—87).

³ На Украине многоголосие распространяется с конца XVI в. на западных землях и с первых лет XVII в. — на левобережье.

⁴ Как известно, польская музыкальная культура достигла необычайного расцвета в XVI в., занимая одно из ведущих мест в Европе.

не было еще ни исполнителей, ни слушателей), а в формах, близких бытовой музыке. В Польше, как и в других землях Восточной Европы, наряду со светскими песнями получили широчайшее распространение песни духовного содержания на родном языке, — не без влияния протестантизма. Эти коленды, пасторалки, ротулы, кантычки и проч. в процессе бытования впитывали в себя народно-песенную интонацию; это их свойство позволило им легко прижиться на новой почве. Родственность и длительное сосуществование славянских культур нашли отражение в сходстве песенного строя народного творчества, что подтверждается сравнениями польских кантычек, народных и полупрофессиональных песен с украинскими песнями, как записанными в XVI—XVII вв., так и бытующими ныне.

Многоголосное пение на западных землях осваивалось постепенно, эволюционировало от более простых форм к сложным, уже рожденным в новых условиях и воспринимаемым как исконно свое. Точно так же и в Московскую Русь партесное пение проникало исподволь, завоевывая признание и популярность сначала лишь в отдельных музыкальных центрах. Реформа церковного пения в значительной мере санкционировала уже существующую практику и сделала ее обязательной.

Все это говорит о том, что новый тип пения не был неприемлем для широкой аудитории. И если он вызывал протест, в частности со стороны старообрядцев, то этот протест имел идеологическую подоплеку. Сама же музыка была весьма привлекательной для прихожан; вспомним многочисленные ее характеристики (пусть и негативные) как песенной, плясовой, веселой, даже скоморошьей, близкой народной инструментальной музыке.

Обращение к конкретным процессам, происходившим в музыке XVII в., показало, что партесное пение несомненно несло в себе черты демократические, что огульное отнесение его к искусству «верхов» было бы неверным. Очевидно, необходима его дальнейшая дифференциация.

Новое гармоническое многоголосие выступает в двух подвидах, которые условно могут быть обозначены как «камерное», «интимное» — «для себя» и «массовое», «репрезентативное» — «для публики». К первому относится кант — и светский, и духовный, получивший распространение в городском быту.⁵ Он — поистине хамелеон по легкости приспособляемости, он впитывает в себя и польско-украинскую, и великорусскую песенную интонацию, свободно варьирует тексты и напевы, сугубо светское содержание чередует с духовным, и наоборот. Простота (краткая мелодия с удвоением в терцию и гармонической поддержкой баса) и близость песенным традициям позволили этому жанру бытовать в устной традиции, предопределили его анонимность. Его необычайная популярность имеет свои причины, которые требуют отдельного рассмотрения. Одной из них является то, что с уходом народной песни из города кант занял освободившуюся «экологическую нишу».⁶ Кант закладывает фундамент той сферы в музыке, которая в дальнейшем получит развитие в бытовой песне (романсе), в инструментальном творчестве для домашнего музицирования и в лучших своих образцах сохранит живые связи с народным творчеством.

⁵ Как известно, существовали и канты другого назначения — см., например, кант на воссоединение Украины с Россией. Однако в данном случае представляется допустимым рассматривать этот жанр в его наиболее распространенном виде.

⁶ Для литературы эта закономерность была блестяще обоснована Д. С. Лихачевым (см.: Д. С. Л и х а ч е в. 1) Поэтика древнерусской литературы; 2) Древнеславянские литературы как система. — В кн.: Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. М., 1968).

Другой подвид многоголосия, собственно партесное пение (т. е. пение по нотным партиям), принадлежит к иному уровню. Прежде всего это высоко профессиональное «писанное» творчество. Как обязательный элемент церковного, а затем и светского ритуала, оно имеет ярко выраженную «служебную» функцию и призвано усиливать торжественность и пышность церемониала. Значение музыки как средства воздействия на слушателей, как средства прославления государственной и церковной власти прекрасно осознавалось правящими кругами растущей Российской державы. Музыка становится неотъемлемой частью многочисленных церемоний, которые столь целенаправленно насаждались царем Алексеем Михайловичем. Здесь можно сослаться на сохранившиеся записи «Чинов о чашах государевых». Традиция их очень давняя, однако особенное развитие они получают в периоды укрепления абсолютной власти монарха — при Иване Грозном и, особенно, при Алексее Михайловиче. Как можно судить по музыкальным рукописям, для каждого случая устанавливался свой, строго регламентированный «чин», создавалась новая музыка, обогащенная гармоническим многоголосием.

«Церемониальная» роль музыки и ее апологетический характер естественно способствовали быстрому развитию тех черт, которые в наибольшей степени выражали величие, торжественность, пышность. Отсюда рост исполнительского состава хоров и увеличение количества партий. Если среди произведений 50—60-х годов века еще довольно много двух- и трехголосия, а преобладает, вероятно, четырехголосие, то уже для 70—80-х годов (например, для Дилецкого) типично восьмиголосие, а ближе к исходу столетия, скажем в творчестве Титова, в качестве нормы устанавливается восьми-, двенадцатиголосный состав (при более редком использовании 16—48 голосов). Параллельно идет усложнение музыкальной ткани и рост масштабов произведения, что находит свое наиболее полное воплощение в жанре *партесного концерта*.⁷ Стройность и сила многоголосного пения, красота звучания и впечатления «звуковой перспективы», а впоследствии блестящая виртуозная техника оказались как нельзя более соответствующими задачам, которые ставились перед искусством феодально-абсолютистского строя. Музыка должна была поразить слушателей, эмоционально увлечь их, создать впечатление праздничности и приподнятости. В этом прослеживается та «программа нормативной эстетики, имевшей придворно-репрезентативный характер», которую отмечал А. Н. Робинсон: «„Красота“ в данной литературной среде. . . ограничивалась своей практической целенаправленностью, она связывалась с необходимостью „удивления“, т. е. того эффекта, на который и рассчитывал церемониал, призванный поразить воображение присутствующих и прославить монарха».⁸

Музыкальное искусство приобретает панегирический характер, присутствующий и литературе того времени, в частности произведениям Симеона Полоцкого. «Парадное мироощущение» (по выражению А. Н. Робинсона)

⁷ Поскольку в дальнейшем будет рассматриваться именно этот жанр, необходимо дать его краткую характеристику. Партесный концерт — произведение для хора а сарелла (без сопровождения инструментами), рассчитанное на удвоенный или утроенный нормативный четырехголосный состав: дисканты, альты (голоса мальчиков), тенора, басы (мужские голоса). Каждая из партий в зависимости от количественного состава данного исполнительского коллектива могла петься одним или несколькими певчими. Таким образом, для двенадцатиголосного концерта необходимо было как минимум 12 певцов. Подбор тембров и диапазонов давал полное звучание и охватывал значительный высотный амбитус (не случайно) сравнение этого типа пения с органом). Партии отличались большой сложностью и виртуозностью. Основу композиционной техники составляло противопоставление звучания всего хора (*tutti*) и ансамбля партий.

⁸ А. Н. Р о б и н с о н. Борьба идей в русской литературе XVII века, с. 101.

требовало радости и ликования. Можно предположить, что обязательная «мажорность» тона представлялась естественной для композиторов — выходцев с западнорусских земель. Она как бы продолжала тенденции, наметившиеся в художественном творчестве Украины, в котором жизнеутверждающие идеи, оптимистическая направленность и опосредованная героика отражали духовный подъем народа в период национально-освободительной борьбы.

Хотя эмоциональный тонус новой музыки оказался в великорусских условиях естественным, нельзя все же не отметить происшедшей здесь «внутренней модуляции». На западнорусских землях партесное пение выступало под знаменем национальной и религиозной независимости, как своего рода «символ веры» в борьбе с католицизмом и унией. У России оно сразу стало официально признанным атрибутом царской власти и господствующей церкви. Борцами за свободу совести и вероисповедания стали теперь преследуемые старообрядцы с их полным неприятием «латинского пения» как проявления «римской ереси». Официозность партесного пения не могла не отразиться в его содержании и со временем сыграла отрицательную роль, в известной мере предопределив его окостенение и омертвление.

Дихотомия, проведенная в многоголосии, помогла увидеть неоднозначность канта и партесного концерта. Однако в живом процессе бытования они не были абсолютно разграничены, и партесный концерт испытывал на себе влияние канта — как явления, более непосредственно откликавшегося на интонационные сдвиги, причем и степень, и формы влияния менялись вместе с эволюцией канта.

Партесное пение может служить великолепным образцом двойственности (и даже «тройственности») одного явления в условиях исторической действительности России XVII в. Утверждая красоту чувственного восприятия, двигаясь в сторону все большей секуляризации, оно по своей функции было ренессансным, преодолевавшим средневековье.

Для подтверждения этого тезиса сошлюсь на одного из самых значительных композиторов периода раннего расцвета нового стиля — на Николая Дилецкого.⁹ Его произведениям присуща ясность и чистота многоголосных линий, полнота стройных вертикалей, обозримость целого в сочетании с продуманной логикой соотношения частей. Письму композитора несвойственна чрезмерная экзальтация, перегруженность деталями — в нем все удивительно спокойно и соразмерно. Господствует светлый мажорный колорит, мягки и кратковременны миноры, мелодические линии плавны и диатоничны, т. е. в них отсутствует интонационная обостренность как выражение эмоциональной напряженности. В мелодику в некоторой степени проникает песенно-танцевальный элемент.

В сопоставлении с традиционным знаменным распевом творчество такого типа предстает как свидетельство освобождения от музыкальной эстетики средневековья, т. е. представляет собой ренессансное по значению явление.

⁹ Н. Дилецкий — крупнейшая фигура музыкального мира XVII в. Выходец с Украины, получивший образование в Виленской иезуитской академии, он в 70—80-х годах жил в Смоленске и Москве. К сожалению, до сих пор еще не прослежены пути его странствий и даже неизвестны годы жизни. Наиболее полные и новые сведения о Дилецком и его связях с деятелями русской культуры содержатся в статье Вл. Протопопова «Николай Дилецкий и его русские современники» (Советская музыка, 1973, № 12). Однако оставленное им наследие позволяет оценить его как выдающегося композитора и крупнейшего теоретика и педагога. Ему принадлежит фундаментальный трактат, представляющий собой *summa summarum* тогдашней науки о музыке (известен под разными названиями: «Идея грамматики мусикийской», «Мусикийская грамматика», «Грамматика музыкальна»).

Однако Дилецкий культивировал и развивал тип мышления, жанры и формы, установившиеся в музыке барокко. Так, важную роль играет новый тип организации музыки — тональная система с ее дуализмом и семантикой мажора и минора, с утверждающимся принципом централизации, опорой на трехзвучный аккорд. В этом Дилецкий был сопричастен западноевропейскому барокко, между прочим даже в том, что он развивал тональную систему через мажорную диатонику. Тональное мышление в его творчестве во многом регулирует весь музыкальный процесс, определяя собой и многоголосную ткань, и разворачивание (так сказать, и вертикаль, и горизонталь). Наиболее открыто барочность творчества Дилецкого проявилась в применении принципа концертирования — сопоставления и противоборства больших хоровых масс и разнообразных по тембровому составу сольных ансамблей. Концертирование есть и в его литургических произведениях, и в собственно концертах, как например в огромном цикле — Каноне на пасху («Воскресенский каноне»), как гласит помета на рукописи¹⁰). В этом произведении, наиболее совершенном, ярком по образному строю и интонационной наполненности, отчетливо проявилась строгая типология приемов, которые к тому же выступают в определенном комплексе. Так, постоянную (можно даже сказать, жанровую) характеристику имеют tutti и ансамбли, неизменные связи устанавливаются между складом, медленным темпом и трехдольным метром. Заметен «блочный» принцип композиции: многоголосный комплекс с определенным типом взаимоотношения голосов, гармонической последовательностью, интонационным оборотом мигрирует не только в пределах одного произведения, но и из одного произведения в другое, от одного автора к другому. Эта особенность композиторской техники отражает характерную черту музыкального творчества барокко, в котором индивидуальное мастерство и «почерк» композитора относились очень часто к умению по-новому раскрыть ходячие приемы — «*loci communi*» и дать новую их композицию.¹¹

К барочным чертам творчества Дилецкого должно быть отнесено и использование им «музыкально-риторических фигур». Воскресенский канон дает много примеров развернутой семантики музыкальных приемов, что полностью соответствует теоретическим положениям, высказанным композитором в его «Грамматике». Как известно, в западноевропейском барокко было разработано большое количество музыкальных символов, которые давали возможность иллюстрировать текст (хотя и несколько механически), вплоть до самых абстрактных понятий. Как можно судить, Дилецкий обратился к «музыкально-риторическим фигурам» в той мере, в какой они были связаны с передачей эмоциональных состояний, с жестом и движением (например, танцевальная фигура на слова «скакаше, играя», нисходящее движение на «сниде» и проч.). Абстрактная символика, недоступная для непосредственного слухового восприятия, его не привлекала.

Итак, можно сказать, что конкретные формы творчества Дилецкого связаны с барочной традицией, хотя и выполняют ренессансные функции. В этом проявляются общие для развития всей отечественной культуры

¹⁰ Это определение, конечно, связано с праздником. С другой стороны, оно производно не от существительного «воскресение», а от прилагательного «воскресенский» («воскресенская» церковь или «воскресенский» монастырь). В таком случае чрезвычайно заманчиво высказать предположение, что здесь есть параллель с «воскресенским» знаменным распевом, связанным с Новоиерусалимским (Воскресенским) монастырем (известна Херувимская «воскресенская» переводу Иерусалима Нового). Быть может, для храмового праздника этого крупнейшего литературно-музыкального центра и было создано произведение, не имеющее себе равных по масштабу и высоте мастерства в творчестве 80-х годов (датировка установлена на основании водяных знаков рукописи).

¹¹ Возможно, недостаточной индивидуализированностью творчества объясняется высокий процент анонимных музыкальных произведений.

переходного периода закономерности, впервые раскрытые Д. С. Лихачевым, показавшим особенности «русского барокко».¹²

Если мы обратимся к Дилецкому как к творческой личности нового типа, то вынуждены будем отметить присущий ему пафос просветительства, объединяющий его с другими выходцами с западнорусских земель. Он не только композитор, но и педагог, активно провозглашающий новые принципы творчества, и автор теоретического труда, отличающегося высокой степенью систематизации и классификации. Стремление к популяризации знаний проявилось в приспособлении им «Грамматики» к требованиям тех центров, в которых он работал (создание более развернутых или кратких вариантов, переводы). Ясность и рационализм мышления, которые в равной мере отражены как в «Грамматике», так и в творчестве, должны были сочетаться с эмоциональной уравновешенностью и тяготением к светлому и торжественному образному строю. В этом ренессансные черты смыкались с предклассицистскими, открывая далекую перспективу развития отечественной музыки.

Дилецкий — один из первых мастеров той линии в партесном творчестве, которую можно определить как панегирическую и которая интенсивно развивалась и в последующие десятилетия. Особенно стремительный ее взлет приходится на Петровскую эпоху, когда она поднимается до отражения общегосударственных идей и событий. Продолжая в новых формах традиции своего отца, Петр широко включает музыку в столь излюбленные им празднества, триумфы и проч. Сохранились некоторые из этих произведений — например, обширный цикл на Полтавскую победу.¹³ Музыка становится частью сложного театрализованного действия, выполняет сугубо служебную роль. Она все более отходит от связей с церковью, все более секуляризуется, отражая процессы, происходившие в культуре, петровского периода. Не касаясь музыки чисто прикладной, в частности инструментальной военной, даже на примере наиболее традиционного — хорового творчества можно заметить эволюцию в пределах первой четверти XVIII в. Для этого достаточно сравнить музыку на Полтавскую победу, скажем, концерт Василия Титова «Рцы нам ныне, богодухновенный Давиде» (1709) и созданный к концу царствования Петра анонимный концерт «Торжествуй, Российская земле» (1722?).

«Рцы нам ныне» еще очень конвенционален как по литературному тексту, так и по музыке. Конкретное событие уподобляется библейским, осмысливается в традиционных символах и излагается архаичным церковнославянским языком. В сущности, кроме пометы «на Полтавскую победу»,¹⁴ ничто не указывает на исключительность, единичность этого произведения. То же относится и к музыкальному тексту, представляющему собой монтаж из традиционных приемов, выработанных в церковной музыке и приведенных в большее или меньшее соответствие с композицией литературного текста. Таким образом, обмирщение в данном случае заключалось в том, что содержанием произведения искусства становится событие конкретной исторической действительности, по значению приравненное к «вечному».

Совершенно иным предстает «виватный» концерт «Торжествуй, Российская земле», созданный на десять с лишком лет позже.¹⁵ Традицион-

¹² Д. С. Лихачев. 1) Барокко и его русский вариант XVII века. — РЛ, 1969, № 2; 2) Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973.

¹³ Музыка на Полтавскую победу. — В кн.: Памятники русского музыкального искусства, вып. 2. М., 1973.

¹⁴ Эта помета есть на всех ныне известных многочисленных списках концерта.

¹⁵ Датировка дается на основании текста: Петр именуется императором и возвращается «от глубоких стран». После принятия императорского титула из событий госу-

ный для панегириков «восторг» находит выражение в формах, близких одической поэзии «высокого штиля», и приобретает патриотический характер: «Торжествуй, Российская земле, воскликни песни с веселием, выиграй радощами». Петр предстает в образе «полуночного орла», «увенчанного трема диядими», в окружении «князей и вельмож». В концерте отражен и музыкальный быт эпохи: в ней чувствуется влияние военной инструментальной и «виватно»-триумфальной музыки. В хоровых партиях заметно подражание фанфарам, трубам, флейтам и дудкам, барабанному бою, приветственным «виватым» возгласам толп народа. Многие черты произведения наводят на мысль об исполнении произведения на открытом воздухе, возможно, большим хором.

Быстрое и несколько внешнее расширение сферы действия профессиональной музыки, которая оказалась элементом массовых театрализованных представлений, вышла на площади, более широко — особенно в инструментальных формах — внедрилась в придворный и военный быт, не могло не отразиться на ее уровне. Утилитарный характер снизил содержательность, качество было принесено в жертву количеству.

В последующие десятилетия светская панегирическая линия, пожалуй, несколько ослабевает. Непосредственного повода для развития военно-триумфальной музыки не было. Зато елизаветинская эпоха дала новый подъем музыкальной апологетики, но преимущественно в придворных формах произведений «на случай», — в творениях многочисленных посредственных музыкантов. В этой массе концертов 40—50-х годов заметно возвращение прежних элементов церковности — это признак «высокого штиля» одического искусства.

Концерты опять становятся «усредненными»: обобщенность и текста, и музыки позволяет исполнять их по разным поводам и даже обращать к разным лицам — в ряде случаев есть позднейшие подчистки и замена «Елисаветы» на «Екатерину». Панегирическая линия разрабатывается не только в прямых воспеваниях светских и церковных владык, но и в торжественно-праздничных церковных произведениях (они часто получают дополнительное обозначение: «на восшествие и коронацию», «викториальный»). Их удельный вес в творчестве второй трети XVIII в. очень велик, что связано со становлением признаков будущего классического стиля. Все сильнее проявляется функциональность тональной системы, в многоголосии происходит более глубокая дифференциация партий на ведущие и сопровождающие, мелодика в большей степени находится под воздействием гармонии, что сближает ее с западноевропейскими нормами. Национальная самобытность проявляется весьма опосредованно: не в интонационном и ладовом строе, не в многоголосной ткани, а в продолжении сформировавшихся уже традиций строения целого. Это по-прежнему хоровой концерт с сопоставлением tutti и ансамбля, с использованием кантового склада многоголосия. Другим признаком принадлежности к отечественной музыке первой половины XVIII в. является влияние на некоторые произведения канта елизаветинской эпохи.

* * *

В партесном творчестве линия «официальная», торжественная, условно названная панегирической, не является единственной. Уже в произведениях относительно ранних, в начале второй половины XVII в., намеча-

дарственной и политической важности темой для «триумфа» были Ништадтский мир (1721 г.) и Дербентский поход (1722 г.). По смыслу больше подходит завоевание Дербента.

ется другая образная сфера, не только отличная от панегирической, но полярно ей противопоставленная. Не праздничность, ликование, наконец помпезность, а печаль, скорбь, напряженный драматизм господствуют в этой группе произведений. Обобщенно их можно обозначить как «минорные» (в противовес мажорным панегирическим), как лирико-драматические, наконец, как анонимные. Если произведения панегирической группы часто атрибутированы или датированы (или хотя бы могут быть косвенно датированы, так как связаны с определенными лицами и событиями), то лирико-драматические концерты прямо не соотносятся с конкретным фактом. Это сфера раздумий, размышлений, погружения во внутренние переживания.¹⁶

Мир личных чувств получает своеобразное преломление: «я» как бы «коллективно», оно вбирает в себя переживания любого человека, сочетает элемент субъективный с объективным. В этом проявляется общность с традициями искусства западноевропейского Возрождения, в музыке которого все более субъективизирующаяся эмоция находит выражение также в многоголосных произведениях. И в партесном концерте для лирико-драматической линии характерна речь от первого лица: «плачу и рыдаю», «о горе мне», «как не имам плакаться», «се лежу» (стихира Иоанна Дамаскина). В этом, кстати, одно из отличий от панегирических концертов, тексты которых часто императивны: «торжествуйте», «воспой», «рцы», «веселитесь», «приидите» и т. п.

В группе «минорных» концертов складывается свой комплекс приемов. Одним из главных показателей становится минорный лад, раскрытый необыкновенно многообразно — и в различных оттенках нагодной диатоники, и в напряженной эмоциональности гармонического строя. Гораздо напевнее становится интонация, в которой смыкаются попевки знаменного распева и народно-песенные обороты. Отсюда и иные черты в многоголосии, нередко использующем приемы народной подголосочности.

Обостренность чувств находит свое выражение и в подчеркнутых контрастах, распространяющихся на все параметры произведения. Это и резкие перепады динамики — от мощного возгласа всего хора к тихому звучанию ансамбля,¹⁷ и сопоставления разобобщенных звуковых комплексов, и смены темпа, размера, типа многоголосного изложения. Совершенно очевидно, что все средства подчинены задаче создания драматической напряженности, резкой смены ракурсов — то крупным планом выделена деталь, то широкими мазками дан фон. Намеренно усиливается ощущение пространственной глубины звучания благодаря разделению всего состава на 2—3 хора и их перекличке. Особое внимание уделяется красочной хоровой палитре — тембрам отдельных голосов. Так, очень часты глубокие трио басов, усугубляющие мрачный колорит. Контрастно к ним могут быть даны высокие прозрачные легкие голоса мальчиков-дискантов. Словом, композиторы оказываются необыкновенными колористами, смело играющими свето-теневыми эффектами, очень чуткими к качеству самого звучания. Хор воспринимается как тонкий и богатый инструмент, звучание которого дает эстетическое наслаждение и оказывает сильное эмоциональное воздействие. Партесные концерты вообще, и в частности произведения «минорной» группы, отмечены, так сказать, «фронтальностью»: они обращены к аудитории. Естественно, что стремление увлечь, поразить,

¹⁶ Сопоставление двух групп произведений по принципу атрибутированности лишний раз показывает, что для современников существенным и заслуживающим фиксации являлся не сам творческий акт, а повод для написания произведения, ценность которого определялась значением события и адресата.

¹⁷ Это отмечено и указанием: «тихо», «голосно» (или киноварными пометами «т», «г»).

убедить слушателя диктуется определенной идейной направленностью. В сфере «минорных» произведений широко раскрываются идеи бренности жизни, греховности человека, неизбежности смерти и расплаты на Страшном суде. Не случайно красной нитью через многие произведения проходит как *memento mori* возглас хора: «Смерть!».

Те же идеи, сначала изложенные в книгах украинских писателей, а затем развитые деятелями раскола, получили необычайное распространение в литературе XVII в. Интересна оценка этих явлений, данная А. Н. Робинсоном: «Ирония истории была такова, что те украинские книги, которые переводились, издавались и насаждались московским правительством и государственной церковью до никоновской реформы, неожиданно оказались после нее для писателей раскола обильным источником противоправительственных и противоцерковных идей. Особенное значение в этой связи приобрело учение об Антихристе и Страшном суде, отражающее в конечном счете народные религиозно-дуалистические представления о двухклассовой природе феодального общества. В напряженной социальной обстановке на Украине, в Белоруссии, а затем, в известной мере, и в „бунташной“ России это учение получило специфическую окраску национально-демократического протеста против инонациональных форм идеологического абсолютизма переходного периода, посредствующего между двумя общественно-экономическими формациями».¹⁸

Вряд ли эсхатологическая тематика в музыке имела столь глубокую идейную обоснованность. Тем более сомнительно отражение в официальном партесном жанре идей раскола. Однако не заметить общности тенденций нельзя.¹⁹ Эта общность указывает на более широкое — всенародное — значение бунтарского учения о праведном суде, о конце мира. С другой стороны, в «минорных» произведениях находит продолжение и развитие в новых формах традиция средневековых стихов покаянных и «умиленных» о Страшном суде, различных плачей и проч. Об этом свидетельствует общность не только тематики, но даже и самих текстов.

Круг образов и все система художественных средств этой группы произведений указывает на иное, чем в панегирических концертах, стилевое направление, несмотря на то что обе группы входят в единый жанр. Эсхатологическое мировосприятие, господство темы смерти и неумолимого последнего суда, утверждение «окаянности» человека и необходимости непрестанной молитвы, покаяния и плача — все это и связывалось с уходящим средневековьем и в то же время было характерно для искусства барокко. Так в отечественной музыке образуется непрерывная линия, а барокко непосредственно наследует некоторым явлениям средневековья. Однако теперь масштабы произведений стали иными, коллизии обострились, драматизм углубился.

Обратившись к массе слушателей, музыкальное произведение приблизилось к проповеди и по цели, и по структуре, и по типу высказывания. В него проникает ораторская интонация. Если одни произведения (может быть, более ранние) лиричнее и распевнее, с долгими мелодическими линиями, то для других (как можно предположить, более поздних²⁰) характерны элементы риторичности и декламационности. Тем самым появляется дополнительная дифференциация внутри «минорной» группы: одна ветвь уходит в сторону концертов монументальных, ярко драматических,

¹⁸ А. Н. Р о б и н с о н. Борьба идей в русской литературе XVII века, с. 317.

¹⁹ Быть может, не случайно в сборниках концертов из украинских музыкальных центров (Киевского Софийского собора, Киево-Печерской Лавры) есть подбор произведений со специальным уклоном в сторону покаянных, плачей и проч.

²⁰ Эволюция в этой группе намечается лишь предположительно ввиду невозможности документированной датировки памятников.

иногда приобретающих черты картинности (это как бы «музыкальные фрески»), другая в перспективе ведет к более камерным формам небольших (и по масштабам, и по исполнительскому составу), сугубо лирических произведений песенного типа.

Поляризация эмоций, характерная для барокко и продолжающая в известном смысле типичный дуализм средневековья, становится одной из характерных черт отечественной музыкальной эстетики XVII в.²¹ Размежевание творчества в концертном жанре по принципу «мажорности» — «минорности», захватившее целый комплекс признаков, оказалось одним из решающих моментов в определении стилевой направленности. Если один полюс был ориентирован на предклассицизм и в перспективе — на классицизм, то другой был воплощением барочных тенденций. Насколько было равномерным развитие обоих направлений, сказать пока трудно. Во всяком случае, поляризация была уже в 60—70-х годах XVII в. и сохранилась в середине XVIII в. К этому времени панегирическая линия близко подошла к большим «одическим» формам, а в группе «минорных» концертов патетика крупномасштабных произведений существует (если не отсняется) с чувствительной лирикой произведений, в которых преобладает камерность. Они кантовы и по складу, и по интонационному строю, насыщенному оборотами гармонического минора, вносящими элемент слезливости.

Кант вновь воздействовал на партесный концерт в своей новой модификации. Благодаря связям с кантом и, через него, с городской песней, лирический концерт в большей степени, чем панегирический, сохраняет свою национальную определенность.

Несмотря на то что партесное многоголосие несомненно проделало довольно значительную эволюцию, нельзя не заметить, что в XVIII в. развитие замедляется, а творческие стимулы иссякают. От музыкального искусства настоятельно требовались расширение тематики, отрыв от церкви. В пределах партесного жанра это не могло быть достигнуто. И концерт отмирает, дав ростки в сравнительно малоперспективную форму духовного концерта второй половины XVIII в. (в творчестве Березовского, Веделя, Бортнянского). Более опосредованно он подготовил почву для русской музыкальной классики рубежа XVIII—XIX вв.

* * *

Для отечественной музыкальной культуры творчество XVII—первой половины XVIII в. было важным этапом, без которого невозможно было бы дальнейшее развитие. Именно к этому периоду восходят многие более поздние явления, здесь закладываются основы профессионального искусства общеевропейского масштаба. Сферой творчества, в которой происходили процессы перестройки, явилось многоголосное пение нового типа. Оно несомненно отражало процесс европеизации отечественной музыки XVII в., характерный и для литературы этого периода. Его особенностью было то, что он выступает в двух видах. Первый из них — кант — отличался широтой бытования, соприкасаясь, с одной стороны, с придворными формами, с другой — с устным народным творчеством. Он живо

²¹ См. у Дилецкого: «Радостная есть, егда уши человеческия и сердце возбуждает ко веселию. . . . Печальная сия есть, яже сердца человеческая возбуждает к печали и жалости, яко же вопли, рыдания и надгробная пения и прочая» (цит. по: Грамматика музыкальна. Київ, 1970, с. 95). Особенно интересна у Дилецкого более тонкая дифференциация, близкая разделению «минорных» концертов на драматические и лирические. «По фантазии же мусикия тричисленная, веселая, ужасная, умилительная» (цит. по: Музыкальная эстетика России XI—XVIII веков. М., 1973, с. 142).

откликался на требования времени, воплощал демократические тенденции. Другой вид — собственно партесное многоголосье — был функционально более жестко определен, являясь элементом нового официального «церемониального» искусства. Несмотря на то что партесное пение выступало как параллель придворной литературы, оно в большей степени обладало национальной определенностью благодаря постепенности введения и подготовке в кантовых формах.

Партесное пение по своим формам наследовало западноевропейскому барокко, однако по функциям было ренессансным. Стилиевая многозначность нового искусства нашла отражение в формировании внутри него двух линий стилевой ориентации. Одна — панегирическая («мажорная») — несла в себе черты предклассицизма, другая — лирическая («минорная») — в барочных формах продолжала традиции средневековья. Особенно полное выражение обе линии получают в жанре партесного концерта, внутри которого они продолжают эволюционировать. Панегирическая линия готовит большие «одические» формы XVIII в. В сфере барочных «минорных» концертов своя дифференциация: здесь выделяются произведения драматически-патетические и лирико-меланхолические, предшествующие камерным формам сентиментализма. Эти трансформации были, очевидно, закономерным явлением для отечественного искусства первой половины XVIII в. Так, еще Державин очень тонко подметил отличия оды от «песни», которая «долгое время иногда удерживает одно ощущение». ²² Этим «ощущением», эмоциональным «тоном», по мысли Державина, является минор.

Беглый обзор развития отечественной музыки переходного периода с точки зрения явлений стиля обнаружил как ряд важных аналогий с литературой, так и значительные отличия. Намечающееся размежевание прошло в музыке по иным, чем в литературе, границам: придворному партесному пению противостоит не знаменный распев, а кант — тоже разновидность нового гармонического многоголосья. Их взаимоотношения не могут быть однозначно определены как «борьба», поскольку есть несомненное воздействие канта на концерт. В то же время внутри этого жанра намечается формирование *различных* стилевых направлений, несущих барочные или ренессансно-предклассицистские черты. В этом сходство со стилевыми признаками литературы XVII в. и общность путей эволюции — к классицизму и сентиментализму второй половины XVIII в. Единство процессов, происходивших в различных сферах культуры, естественно и закономерно, ибо «литература и все виды искусства управляются воздействием социальной действительности, находятся в тесной связи между собой и составляют в целом одну из наиболее показательных сторон развития культуры». ²³

²² Цит. по: Ю. Тынянов. Ода как ораторский жанр. — В кн.: Архаисты и новаторы. Л., 1929, с. 79.

²³ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, с. 33.

Д. К. УО

К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева¹

Детализируя наблюдения первой части статьи относительно работы Строева над рукописями, мы начнем с рассмотрения тех случаев, когда Строев, по-видимому, разделил целые рукописи на части и переплел эти части отдельно, а затем перейдем к рукописям, составленным из разных, вероятно не связанных ранее, кусков. При этом, в рамках данной статьи, я не пытаюсь приводить полное описание. В большинстве случаев содержание рукописей обстоятельно описано А. Ф. Бычковым, но надо подчеркнуть, что он не всегда правильно указывает даты, границы между разными рукописями в одном переплете и т. д. Выбор мною рукописей был определен и оживленным интересом к строевским историческим сборникам, и тем, что, пользуясь Бычковым, можно было просмотреть больше единиц хранения, не тратя времени на описание их содержания. Эти ограничения привели к тому, что я не смог в достаточной степени проверить гипотезу о происхождении значительного количества житий святых в собрании, о чем будет сказано в заключении.

Погод. 1132 (Строев. 81), Погод. 1484 (Строев. 70), Погод. 1558 (Строев. 23).²

Представляется уместным начать с этого примера, так как он показывает результаты недостаточно глубоких ранних разысканий о собрании Строева и то, чего можно достигнуть после знакомства с особенностями его собрания. В какой-то степени успех в исследовании этих материалов зависит от случайности, как и будет показано. Погод. 1558 — первая из строевских рукописей и даже первая древнерусская рукописная книга вообще, которой я занимался, — так как там, среди прочих, находятся интересующие меня сочинения на турецкую тему. Не особенно обращая внимание на следы старой нумерации листов, я по изменению почерка и бумаги решил, что рукопись составлена из двух отдельных, но некогда связанных частей (л. 1—162 — 163—252). Позже, уже в процессе работы над этой статьей, разыскивая строевские списки «Казанской истории»

¹ Продолжение статьи, первая часть которой напечатана в ТОДРЛ, т. XXX.

² Здесь и далее Погодинская, или Строевская ркп. идет сокращенно (Погод., Строев.). Погод. 1484 описана в кн.: Г. В. К у н ц е в и ч. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905, с. 15—16; Погод. 1558 см. в кн.: А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, вып. 1. СПб., 1882, с. 161—180. А. Ф. Бычков полагает (с. 166), что рукопись датируется 1622 г., но это ошибка, судя по филиграммам, особенно по голове шута с контрмаркой DIEVAUYDE, похожей на № 1395 и 1398 у Гераклитова, Погод. 1558 относится к 60-м годам XVII в. (мне неизвестно о каком-либо описании Погод. 1132).

(об этом см. ниже, Погод. 1503 и др.), я получил Погод. 1484 и сразу узнал в ней почерк первой части Погод. 1558. Обе рукописи в 2°, и нумерация листов в Погод. 1484 (л. 2= $\overline{\text{тд}}$ — л. 79= $\overline{\text{тпа}}$) побудили меня еще раз посмотреть Погод. 1558, где сохранились большие фрагменты этой же нумерации (часть цифр не читается из-за того, что рукопись срезана по краям при переплете), в результате чего удалось установить следующее: ранее существовала одна рукопись, начинавшаяся с Погод. 1558, л. 1—85, затем после промежутка в 154 листа продолжавшаяся Погод. 1558, л. 86—153, Погод. 1484, л. 1—78 (целиком) и Погод. 1558, л. 154 — до конца. Осталось только найти рукопись в 2° с числом листов 154 (если она сохранилась целиком). А что если попробовать рассмотреть рукопись из собрания Строев. 81, «Просветитель» Иосифа Волоцкого, в 2°, 154 л.? С помощью Н. А. Дворецкой я получил Погод. 1132 (Строев. 81) и нашел недостающую часть, включающую листы па—след.

Оказалось, что на обложке всех трех рукописей одинаковая мраморная бумага, что в Погод. 1132 и 1558 Строев написал оглавление на одинаковой бумаге (с филигранью: УФ, лилия, ЛП; над датой 1826 г.) и что дата подготовки к переплету Погод. 1132 — 15 сентября 1833 г., а Погод. 1558 — 16 сентября 1833 г. В Погод. 1484 нет даты подготовки к переплету и бумага оглавления не та, что в двух других рукописях, но в Погод. 1484 и 1558 есть одинаковая бумага, приклеенная к переплету (правая половина филигрании с буквой Б и датой 1832 г.). В Погод. 1484 на л. 78 об. Строев смыл киноварный заголовок в середине страницы и вычеркнул текст, следовавший за ним. Первая строка на л. 154 в Погод. 1558 стерта, на ней рукой Строева проставлен номер XXXV. Лист 154 Погод. 1558 представляется мне продолжением этого текста. Хотя у меня нет достаточно полной палеографической информации, доступные данные (включая и почерк, и украшения в рукописях) позволяют реконструировать состав разделенной Строевым рукописи, как показано в табл. 1. Так как в начале (Погод. 1558, л. 1) и в конце (л. 252) листы очень грязные, мне кажется, что представлены все части рукописи, как ее приобрел Строев, — вероятно, летом 1833 г.

Таблица 1

Номер рукописи	1558			1132	1558	1484	1558
Нумерация листов по Строеву	1—31	32—39	40—85	1—154	86—153	1—78	154—252
Старая нумерация листов	($\overline{\text{а}}$) — ($\overline{\text{ла}}$)	?	($\overline{\text{лг}}$) — ($\overline{\text{п}}$)	($\overline{\text{па}}$) — ($\overline{\text{елд}}$)	($\overline{\text{еле}}$) — ($\overline{\text{тв}}$)	($\overline{\text{тг}}$) — ($\overline{\text{тпа}}$)	($\overline{\text{тпв}}$) — ($\overline{\text{уп}}$)
Филиграния	I	II	I	I/III	II/III	II/VII/II/ VII/II	II/IV/V/VI

Примечания. Старая нумерация листов восстановлена — есть л. 7 = $\overline{\text{з}}$, 11 = $\overline{\text{аг}}$. . . 31 = $\overline{\text{ла}}$, 43 = $\overline{\text{ла}}$. . . и т. д. Представляется, что л. 32—39 были вставлены в XVII в. после пронумерования листов, но в том же скрипториуме, где писали остальную часть рукописей. Старая нумерация листов, видимо, относится ко времени написания рукописей.

Что касается связи между содержанием рукописи и разделением ее Строевым, то, очевидно, в данном случае он хотел просто выделить известные крупные сочинения («Просветитель», «Казанская история»), хотя они вполне согласовывались с тематикой сборника в целом. Поскольку на л. 56—84 в Погод. 1558 находится серия сочинений, связанных с обличением неправославных религиозных взглядов («Сказание вкратце о соборе на Матвея на Башкина», Соборное деяние о дьяке Висковатом, ре-

шение Собора 1582 г. о предложении Поссевина, «Сказание о вере срачинской»), а далее следуют и другие памятники, направленные против латинян (на л. 19 и др.), то «Просветитель» Иосифа Волоцкого по праву попал в сборник. «Казанская история» так же была уместна в круге сочинений о турках и об исламе, которые собраны главным образом во второй половине Погод. 1558 («Сказание вкратце о Цареграде», Сказание Пересветова о Магмете-салтане, одно из слов Максима Грека против Мохаммеда и т. д.). Стремление Строева иметь известные значительные произведения древнерусской литературы каждое в своем переплете заметно и во многих других случаях.

Погод. 1503 (Строев. 69), Погод. 1573 (Строев. 40), Погод. 1576 (Строев. 46), Погод. 1629 (Строев. 68).

Хотя я сравнительно тщательно изучил рукописи Погод. 1573 и 1576 во время первых моих занятий собранием Строева, я не заметил, что они связаны между собой, и, только случайно увидев Погод. 1503³ у другого исследователя и узнав там один из почерков Погод. 1573, понял, что в собрании могут быть и другие рукописи, связанные с первыми двумя. В Погод. 1573 есть небольшой летописец северного происхождения, почерк которого очень близок к почеркам других рукописей, написанных в середине XVII в. в районе Холмогор. Так как очень похожий почерк встречается и в рукописи ГПБ F.XVII.15 (по содержанию эта рукопись частично повторяет Погод. 1573), я решил попытаться найти в собрании Строева другие рукописи, в которых есть сочинения, находящиеся в F.XVII.15, но отсутствующие в Погод. 1573. Таким образом я надеялся найти еще части рукописи, которую, как мне казалось, Строев разделил на Погод. 1503, 1573 и 1576. Поиски списков «Казанской истории» не привели к находкам (кроме вышеуказанной Погод. 1484), но разыскания «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» увенчались успехом: эта же повесть находится в Строевской описи под номером 68 (Погод. 1629), и рукопись Погод. 1629 оказалась еще одной частью Погод. 1573 и др.

В Погод. 1503, 1573, 1576 и 1629 на обложке одинаковая мраморная бумага. Оглавления рукописей, написанные Строевым, датируются так: Погод. 1503 — 27 марта 1835 г., Погод. 1573 — 28 марта 1835 г., Погод. 1576 — 28 марта 1835 г. Оглавление Погод. 1629 — без даты, но на той же бумаге, что и в Погод. 1503

Для определения соотношения между этими рукописями особое значение имеют почерк, нумерация глав и сигнатуры. К сожалению, при переплете края листов были срезаны, а номера глав Строев стер, так что их почти невозможно разобрать. Наверно, чтение в ультрафиолетовых лучах может уточнить реконструкцию состава рукописи, приведенную в табл. 2. Надеюсь, что мне удалось найти все части «восстановленной» таким образом рукописи, хотя и не исключено, что где-то в строевских рукописях есть и еще какая-нибудь тетрадь, вплетенная в сборник. Что касается остальных частей Погод. 1576, не показанных в таблице, то они, как мне кажется, не связаны между собой и были взяты Строевым из разных рукописей.

³ Погод. 1503 описана С. Ф. Платоновым в: РИБ, т. XIII. СПб., 1909, с. VII. Подробные описания Погод. 1573 и 1576 см. в кн.: А. Ф. Б ы ч к о в. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников, с. 139—146, 148—153; подробнее о палеографических данных и возможных связях Погод. 1573 с другими рукописями см. в моем приложении в кн.: Е. Л. К е н а н. The Kurbskii—Groznyi Aros-gurha. Cambridge, 1971, p. 126—130. Погод. 1629 кратко описана в кн.: В. И. М а л ы ш е в. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М.—Л., 1952, с. 120. Я благодарен Д. Роуленду за сообщенные им наблюдения о Погод. 1503.

Номер рукописи	Листы	Сигнатуры	Нумерация глав (сделана на одном почерком)	Почерк	Филиграни	Примечания
1573	11—18			I (11—14 об.), II (14 об.—18)	I (в двух вариантах)	Повреждение верхних правых углов листов связывает эту часть рукописи с л. 1—10; так как составитель Погод. 1573, по-видимому, следовал за конвоем в ркп. ГИМ, Муз. 2524, где краткая летопись, использованная при написании этих листов, находится вначале, следует поместить этот пласт первым. Повреждение листов также говорит о том, что они находились близко к началу рукописи
1573	1—10			III	I	Внизу на л. 10 об. контур пятна от сырости говорит о том, что л. 10 и 19 (где повторяется соответствующая линия) были разделены листами либо более короткими, либо неаккуратно переплетенными. Между л. 18 и 1, по-видимому, была еще приблизительно одна тетрадь. Текст на л. 1 вычеркнут, и к нему приклеена Строевым чистая бумага. Данный текст (первая половина «Выписок из Кизилбашских книг») мог занимать приблизительно одну тетрадь — как раз чтобы получить до следующего пласта рукописи нужные (судя по сигнатурам) тетради. Попытки найти в строевских рукописях этот список «Выписок» оказались безуспешными; Строев, возможно, выбросил поврежденные листы
1576	108—162	7 л. + л. 115 = \overline{s} — (л. 115 = \overline{i})	\overline{r} (или \overline{dP})— \overline{z}	IV	II	Хотя пласт по нумерации глав и сигнатур был на этом месте до Строева, возможно, что составитель сборника разделил уже написанные пласты Погод. 1573 (л. 1—10, 19—83), чтобы включить л. 108—162 именно сюда, — отразив таким образом вторую стадию составления сборника. За это говорят и бумага, и почерк, отличающиеся от соседних пластов. По-видимому, в начале пласта недостает одного листа
1573	19—83	(8 тетр. + 1 л.)	(10 глав)	III (заголовки написаны кинноварью почерком II)	I	Лист 83 приклеен к л. 82, указывая на перерыв в ркп. 1573 в этом месте. Стертая нумерация глав не читается, но есть места для указанных 10 номеров. Помещаем здесь этот пласт на основании сравнения с порядком сочинений в ГИМ, Муз. 2524

Таблица 2 (продолжение)

Номер рукописи	Листы	Сигнатура	Нумерация глав (сделана на одном почерком)	Почерк	Филиграни	Примечания
1629	1—83		(и ¹)—к ¹	I (л. 1—64), II (л. 65—83)	I	Место этого пласта определяется нумерацией глав, которая сохранилась под бумагой, приклеенной к л. 83 об., где текст зачеркнут и Строевым написано наверху «NB: заклеить» (рис. 1, а). Текст является первой страницей сочинения, продолжающегося на л. 84 в ркп. 1573. На л. 83 об. в ркп. 1573 Строев списал текст с л. 83 об. ркп. 1629 (рис. 1, б)
1573	84—91		(Одна)	III	I	
1503	1—240	(лв ¹)—(ѣв ¹)	к ¹ (в)	IV, IVa, IVб, III, V, III (часть заголовков написана почерком II)	III—IX (возможно, повторяется I или Ia)	Этот пласт помещаем здесь потому, что совпадают пятна от сырости на л. 91 (Погод. 1573) и л. 1 (Погод. 1503); нумерация тетрадей указывает, что между л. 162 (Погод. 1576) и л. 1 (Погод. 1503) была 21 тетрадь, — тогда как теперь их 19 с половиной. Можно предполагать утерю одной тетради и нескольких листов. Сигнатуры на л. 1—240 (видимо, добавлены под первоначальными) видны только частично
1573	92—97		к ¹ г	I	I	Нумерация главы почти не читается, но, по-видимому, это к ¹ г, как и можно ожидать; пятна от сырости совпадают на л. 92 (Погод. 1573) и л. 240 (Погод. 1503)
1573	98—119		(Две главы)	II	I	Здесь два сочинения, т. е. две главы (к ¹ д, к ¹ е), необходимые до следующей к ¹ с (л. 120)
1573	120—179	ѣи ¹ —(оѣ) ¹ ?	(к ¹)с—(к ¹)з	VI	X	Судя по сигнатурам, этот пласт следует поместить здесь, хотя таким образом, возможно, пропадает одна тетрадь между сигнатурами ѣв ¹ и ѣи ¹
1503	241—391		(ки ¹)	III, IV (заголовки написаны почерком II)	XI—XIII	Пятна от сырости в начале этого пласта приблизительно совпадают с пятнами в конце предыдущего. Нумерация главы почти полностью стерта

Примечание. При этой схеме возникают некоторые проблемы. Если допустить одновременное написание сигнатуры и нумерацию глав (хотя они сделаны разными почерками), то в тех местах, где, согласно сигнатурам, должны быть дополнительные тетради, число глав было бы больше предполагаемого. Если считать, что по времени эти две нумерации не совпадают (судя по почерку, сигнатуры могли быть проставлены раньше и затерялись на тетради), эта проблема отпадает.

Анализ содержания этого большого сборника, разделенного Строевым, показывает, что, как и в случае с Погод. 1558, он старался выделить в отдельных переплетах известные большие сочинения («Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» — в Погод. 1629, Сказания о «Смутном времени» — в Погод. 1503). Можно предположить, что в рукописи, которую Строев имел, «Сказание Авраамия Палицына» и «Иное сказание»

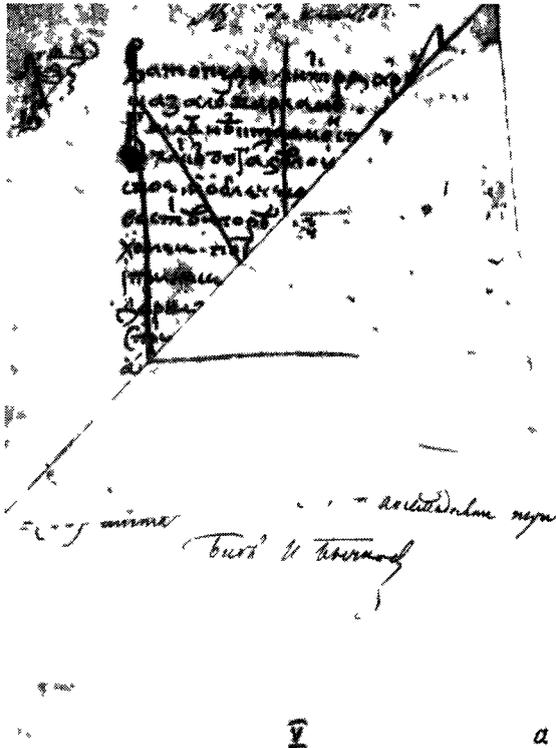

Рис. 1.

а — рип. ГПБ, собр. Погодина, № 1629, л. 83 об.

были разделены, хотя они, наверно, составляли смежные части сборника на первоначальной стадии его создания. В этом виде Строев и воссоединил их в Погод. 1503. Что касается содержания Погод. 1573, то представляется, что здесь Строев собрал главным образом документы XVI—XVII вв. дипломатического содержания и под. Менее ясен принцип составления Погод. 1576, возможно, сюда попали остатки произведений светской литературы, имевшиеся у Строева под рукой в конце марта 1835 г.

Погод. 1568 (Строев. 34) и Погод. 1589 (Строев. 238).⁴

Сборник Погод. 1568 состоит из разных рукописей, подготовленных Строевым к переплету 13 марта 1833 г. Как отмечено А. А. Зиминым,

⁴ Описание Погод. 1568 см. в кн.: Сочинения И. Пересветова. Подгот. текст А. А. Зимин, под ред. Д. С. Лихачева. М.—Л., 1956, с. 100; Погод. 1589 описана в кн.: А. Ф. Бычков. Описания церковно-славянских и русских рукописных сборников, с. 262—270. За поправки к моему анализу этих рукописей благодарю Д. Островского.

Рукопись	Листы	Номер тетради	Филиграни	Примечания
1589	281—313		III	Лист 281 очень грязен и поврежден; на нем Строев сделал отметку об утрате начала
1589	354—358		III	Эти 5 листов написаны другим почерком, но анализ филиграни доказывает, что это те листы, которые составляли одну тетрадь вместе с л. 311—313. Текст, по-видимому, является <i>позднейшей добавкой</i>
1589	228—280		IV (в двух вариантах)	Пятна от сырости здесь сходны с пятнами на л. 354—358 и 313. Недостает одного листа в начале и двух в конце этого пласта, но возможно, что здесь и в нескольких других случаях они были чистыми. Отсутствие листа установлено при использовании филиграней для определения структуры тетрадей
1589	174—227	а—а	III	Пятна от сырости не соответствуют пятнам на л. 280, но вариант почерка сходен с вариантом на л. 228—280. В конце пласта недостает двух листов. Лист 227 срезан горизонтально, и к нему приклеен (вероятно, Строевым) лист бумаги XIX в., на котором он написал: «NB: наклеить». Текст на л. 227 об. под наклеенной бумагой зачеркнут и, хотя он и обрывается в том месте, где был срезан лист, вероятнее всего, является <i>позднейшим добавлением конца XVII или начала XVIII в.</i> , для которого была использована лишняя страница: «Братие, не боитес[ь] смерти, боите грехов. Смерть бо страшн[и]и, а грехи во веки мучат. Внимайте, братие, убо прежде [с]воея смерти о всех страх божий и душами своими попечемся, како бы нам. . . еть»
1568	44—57		II (л. 44—51), IV (л. 52—57)	Пятно от сырости на л. 44—57, возможно, сходно с пятнами на л. 227, хотя допустимо, что между ними был еще один пласт. В конце пласта недостает двух листов. В нижней половине л. 57 об. текст зачеркнут и скрыт под приклеенной новой бумагой (работа Строева). Под наклейкой читается: «И же в Лаодикий поместного собора пришло двадцатое. Яко и подобает диякону пред попом сидети. . . ос повелением поповым. . . (7 строк) 5-го собора в Константыне граде. И же в. . . палатнем. . . церквах дияконы. . . церковныя»
1589	1—111	а—д̄	I (л. 1—31), II (л. 32—95), IIIa (л. 96—103), II (л. 104—111)	Этот пласт помещен здесь условно. Отметим только сходство почерка с почерком л. 44—57 и появление филиграни II. В начале первой тетради недостает одного листа (вероятно, чистого)

Рукопись	Листы	Номер тетради	Филиграния	Примечания
1589	112—173	к—кз	IIIa (л. 112—119), IV (л. 120—127), IIIa (л. 128—143), IIa (л. 144—151), IV (л. 152—173)	Между л. 111 и 112 недостает 40 листов; в конце пласта недостает двух листов, хотя есть основание думать, что они были чистые, так как на л. 173 об. есть пробы пера

Об остальных частях можно сделать следующие наблюдения:

Погод. 1568; л. 100—108: бумага и почерк отличаются от всех других в Погод. 1568 и 1589 (в то время как в остальных частях, указанных в табл. 3, по 21 строке, здесь только 18); размер текста здесь 15.4×10.2 см (ширина разлиновки 9.1 см.); размер текста сходен на л. 174 и след., где ширина разлиновки 10.1 см, хотя текст в среднем 15.4×9.0 ; таким образом, не исключается, что л. 100—108 первоначально были написаны вместе с указанными пластами; на л. 101 и 108 есть нумерация тетрадей а и в; недостает 7 листов второй тетради; л. 110—111: почерк отличается от остальных; 21 строка; размер текста 15.3×10.3 см, филигрань, по-видимому, типа IV (есть только верх); л. 113—163: почерк тот же, что в большей части ркп. 1589 (ближе всего к варианту на л. 281—313), филигрань типа IV; кажется, есть следы сигнатур (л. 134 об = а, л. 143 = в, л. 151 = г), хотя читаются они очень плохо; расположение филиграней указывает на возможную утрату двух листов после л. 118 и одного перед л. 128; в конце этого пласта листы, вероятно, были приклеены, так как существующий порядок филиграней не соответствует ожидаемому; Погод. 1589, л. 314—353: бумага, видимо, отличается от остальных листов в Погод. 1568 и 1589, есть нумерация тетрадей на л. 314 = а—л. 346 = д; почерк, хотя и более крупный, а также чернила кажутся сходными с почерком и чернилами на л. 2—38 и 69—98 в Погод. 1568; если все три пласта действительно были в одной рукописи, то л. 314—353, скорее всего, находились в начале: л. 314 загрязнен и поврежден; в конце, на л. 353 об., Строев сделал пометку: «конец утрачен».

Успешно, возможно — из-за отсутствия еще нескольких частей. Почерк в указанных частях Погод. 1568 и в большей части Погод. 1589 (исключения л. 314—353, 354—358) постепенно меняется, но не до такой степени, чтобы предполагать участие более чем одного писца. Бумага разная, но одна филигрань Погод. 1589 встречается и в Погод. 1568. Нумерация тетрадей не всегда помогает, потому что писец несколько раз начинал нумерацию заново. Один важный показатель достоверного порядка частей — пятна от сырости. Разумеется, подробный анализ содержания листов мог бы пролить свет на последовательность частей, но у меня не было возможности заняться им. Результаты моих наблюдений по «реконструкциям» оригинала приводятся в табл. 3.

Основной принцип, со-блюдавшийся Строевым при подборе частей этих рукописей, видимо, состоял в том, чтобы по возможности включить в Погод. 1568 материалы, относящиеся к событиям русской истории. Так, например, он включил л. 40—42 из ГИМ, Син. 850 (Уставная грамота кн. Всеволода Михайловича 1134—1135 гг.), л. 44—57 и 120—163 из рукописи, большая часть которой сейчас находится в Погод. 1589 (материалы, относящиеся к Собору 1503 г., и разные летописцы), а наряду с этими списками и рукописи, где находились, в частности, «Сказания о Мамзевом побище» (Погод. 1568,

л. 2—38), «Сочинения» Пересветова (там же, л. 67—98) и «Истинь показание» Зиновия Отенского. То, что осталось в Погод. 1589, относится к вопросам богословия и особенно к ересям (например, отрывки из «Просветителя» Иосифа Волоцкого на л. 281—313 и сочинения против латинян). Однако мне не вполне ясно, по какому принципу Строев решил изменить первоначальный порядок произведений в Погод. 1589.

Погод. 689 (Строев. 127), Погод. 798 (Строев. 241), Погод. 801 (Строев. 244).⁷

Вся Погод. 689, части Погод. 798 (л. 360—365) и 801 (л. 279—296), видимо, были прежде в одной рукописи, которую разделил Строев. Почерк в Погод. 689 очень близок (если не идентичен) почерку указанной части Погод. 801, обе рукописи были подготовлены к переплету в один день, 7 апреля 1834 г., и бумага, на которой написаны оглавления, одинакова. Во всех трех рукописях в указанных частях есть по крайней мере один идентичный вид бумаги (филигрань — герб, близок к Гераклитову № 234). Сигнатуры указывают на то, что первоначально рукопись включала Погод. 689, за ней следовала Погод. 801, л. 279—296. Положение л. 360—365 в Погод. 798 определить труднее, так как эти листы могли быть вставлены или в начале, или в конце уже после пронумерования тетрадей. Важнейшие данные о связях между этими рукописями приведены в табл. 4.

Т а б л и ц а 4

Рукопись	689	801	798
Листы	1—124	279—296	360—365
Сигнатуры	ā — sī (л. 118)	zī — θī (л. 295)	Нет
Почерк	I	Ia	II
Высота листа	17.8 см	17.8 см	17.9 см
Высота текста	13.8 см	14.3 см	13.6 см
Ширина разлиновки	7.8 (8.2) см	7.9 (8.5) см	9.8 см
Число строк	18	18	18
Филиграни	I (л. 1—87), II (л. 88—117), III (л. 118—124)	II	IV (л. 360—364), II (л. 365)

Погод. 801.

За исключением л. 279—296, которые, как было показано, были добавлены Строевым из другой рукописи, остаток Погод. 801 представляет собой только часть рукописи, первоначально насчитывавшей около 480 л. (60 тетрадей). Ограничусь предположением, что Строев разделил рукопись и что отсутствующие ее части находятся сейчас в других строевских сборниках. Часть, сохранившаяся в Погод. 801, описана в табл. 5.

Очевидные изменения почерка, будучи взяты отдельно, могли бы произвести впечатление, что писцы менялись. Но мне представляется, что все л. 1—178 написаны одним писцом, который, видимо, пронумеровал и тетради, и главы. Можно думать, что отсутствующие части рукописи написаны этим же писцом и что в них, как и в сохранившейся части, есть

⁷ Описания Погод. 798 и 801 см. в кн.: А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников, с. 427—444; мне неизвестно о существовании описания Погод. 689.

разные «слова», «поучения» и т. п. Основываясь на вышеприведенных данных, можно выделить несколько черт отсутствующих частей (предполагая их полную сохранность, судя по размеру тетради в 8 листов).

Таблица 5

Современная нумерация листов	1—187	188—229	230—245	246—278
Сигнатура	в̄ (л. 7) — кд̄ (л. 187). Все тетради из 8 листов, кроме і̄ (л. 71—80) и ка̄ (л. 161—170)	лв̄ (л. 188) — ма̄ (л. 288)	Не видны	не̄ = (л. 246) — ξ̄ (л. 274)
Недописанные листы		188 об., 229 об.	245, 245 об.	278 поврежден; текст обрывается
Изменение почерка или чернил	126/126 об.	187/188	229/230	
Нумерация глав	а̄ — кв̄	ла̄ ⁸ — лв̄	лӣ — м̄	мг̄ — ме̄
Филиграни	I (л. 1—54), II (л. 55—58), III (л. 89—120), IV, V (л. 121—136), VI (л. 137—187); на 182—183—IV	Нет (л. 188—195, 229), VII (л. 196—203), VI (л. 204—211), VII (л. 212—219), VIII (л. 220—227), V (л. 228)	IX, X (л. 230—257), XI (л. 258—265), нет? (л. 266—278)	

1. Между л. 187 и 188 — 111 листов с сигнатурами ке̄—ле̄ (первая на л. 8, последняя на восьмом листе от конца) и с нумерацией глав кг̄—л̄. Бумага может включать филиграни VI или IV.⁹

2. Между л. 229 и 230 — неопределенное количество листов с сигнатурой мв̄ на седьмом листе, в тексте главы лг̄—лз̄. Последняя тетрадь должна начинаться на четвертом листе от конца. Филигрань V должна быть на бумаге первых шести листов (нижняя часть ее на л. 6), филигрань IX — на последних четырех листах (верх на третьем от конца и низ на втором от конца), как показано на следующей схеме:¹⁰

Лист	228	229			230	231	232	233
Филигрань	V верх	—			—	IX верх	IX низ	—

3. Между л. 245 и 246 — неопределенное число листов с сигнатурой на четвертом листе и последняя (полная) тетрадь с номером не̄; в тексте главы ма̄ и мв̄. Так как глав мало, возможно, что в этом пласте только 1—3 тетради (меньше, чем в предыдущей части № 2). Сигнатура последней тетради определяется сигнатурами на л. 246—278, но их положение устанавливается исключительно на основании расположения филигрanei,

⁸ Начиная отсюда номера глав наполовину стерты, вероятно — Строевым.

⁹ Эти филиграни — кувшин с двумя ручками, литеры I/GO (?), на крышке три небольших круга и один очень маленький кружок — составлены в виде пирамиды; сильно искаженный кувшин с двумя ручками, литерами (внизу на боку, вероятно, GG, выше неясно) и коронкой с розеткой.

¹⁰ Филиграни: кувшин с двумя ручками, двумя кругами (один над другим на скругленном верхе) и с поврежденным изображением на боку; кувшин с одной ручкой, с коронкой розеток и буквой N (?) на боку.

так как видна только сигнатура л. 274 ($\overline{\text{ѣ}}$) и следы сигнатур на л. 258, 265 об. и 266. Структура тетрадей представляется таким образом:

Сигнатура	$\overline{\text{нс}}$		$\overline{\text{нз}}$		$\overline{\text{ни}}$	
Листы	246—249/250—253		254—255/256—257		258—261/262—265	
Сигнатура	$\overline{\text{нѣ}}$		$\overline{\text{ѣ}}$			
Листы	266—269/270—273		274—278/—			

В бумаге первых 4 листов отсутствующего пласта можно ожидать на третьем листе верх филигранны X (ее низ находится на л. 243); эта филигрань может находиться и на других листах, так как она же продолжается на нынешнем л. 246.¹¹

Погод. 798.

Хотя Бычков пишет, что эта рукопись включает в себе «девять отрывков разных рукописей» (с. 436), при тщательном анализе выясняется, что Погод. 798 — не типичный «строевский сборник», где составные части берутся Строевым из многих рукописей. За исключением л. 360—365 (по новой нумерации внизу карандашом), о которых упоминалось выше, в тот момент, когда она попала в руки Строева, остальная часть рукописи представляла собой единое целое. Это подтверждается тем, что на верхних обрезках листов есть нумерация XVII или XVIII в., начиная с $\overline{\text{з}}$ — $\overline{\text{тѣз}}$ (л. 337). Писец этой фолиации, видимо, добавил и сплошную нумерацию глав, хотя она была возобновлена потом при реставрации рукописи. И даже без нумерации листов, которая была добавлена гораздо позже переписки текстов, можно заключить, что разные части рукописи относятся к одному времени и одному писцу — л. 1—110, 130—179 и 199—226 написаны одним почерком, который, возможно, совпадает и с почерком л. 227—235 и 338 об.—359; филигрань л. 290—303 и 338—339 одна и та же. К этому можно добавить показания сигнатур, хотя здесь дело сложнее, так как есть тетради без сигнатур: почерки сигнатур, по-видимому, разные и не всегда совпадают с почерком основного текста в тетрадах, где находятся соответствующие сигнатуры. Тем не менее сигнатуры следуют в приблизительно том порядке в одной серии и, вероятно, относятся ко времени написания большей части рукописи. Хотя наблюдения над почерком нуждаются в дополнительных уточнениях, приводим схему почерков и сигнатур в табл. 6.

На основании этих и других наблюдений можно сделать некоторые частные замечания по поводу данной рукописи.

1. Первые 7 листов рукописи потеряны, но так как по позднейшей нумерации листов л. 1= $\overline{\text{з}}$, то можно предположить, что первый лист был без текста.

2. Между л. 97 (конец тетради $\overline{\text{дѣ}}$) и 130 (начало тетради $\overline{\text{з}}$) был добавлен текст после окончания работы писца л. 1—97 об. и 130—179 об. Вместо ожидаемых двух тетрадей — четыре, л. 98—113 и 114—129 написаны на двух сортах бумаги, которая не встречается в других местах рукописи, и хотя писец л. 1—97 об. продолжает работу до середины л. 110, отсюда до л. 129 текст написан другим почерком того же времени.

3. Как указал Бычков, л. 180—198 (по его подсчету — л. 181—199) являются вставкой между первыми двумя (л. 178 и 179) и последними пятью листами (199—203) одной тетради (видимо, одного листа недостает). Заголовки и начало текста на л. 179 об. зачеркнуты и вставлены второй раз на л. 198 об., и этот текст продолжается на л. 199.

¹¹ Это кувшин с одной ручкой, полумесяцем над крышкой «гребешком» и буквами RB на боку.

Т а б л и ц а 6

Листы	Почерк текста	Сигнатуры	Почерк сигнатур
1—97 об., 98—110	I	в̄ (л. 1 об.) — д̄i (л. 97 об.)	I
110—129 об.	II	Нет	
130—179 об.	I	зӣ (л. 130) — кг̄ (л. 178) (написаны только в начале тетрадей)	Ia
180—198	III, IIIa	Нет	
199—226	I	кд̄ (л. 204) — кг̄ (л. 227)	Iб
227—235 об.	Iв	кӣ (л. 235)	Iб (?)
236—289	Iг	кӣ (л. 236) — лд̄ (л. 284)	Iд
290—303	Iе	лз̄ (л. 297)	Iе
304—337 об.	IV	Нет	
338—359	Iв	ма̄ (л. 338) — мг̄ (л. 354)	Iв
360—365	V	Нет	

4. Так как сигнатура $\overline{ки}$ повторяется на л. 235 (где ей и следует быть) и на л. 236, начиная серию сигнатур, написанных другим почерком, и так как с л. 236 идут другой почерк и бумага, то здесь — явный шов двух отдельно подготовленных рукописей. Однако, судя по почерку, они относятся к одному времени и месту написания.

5. Л. 290—296 являются концом тетради, первый лист которой утрачен (текст на л. 290 начинается с середины фразы).

Все отмеченные здесь особенности, по-видимому, были присущи рукописи до того, как она попала к Строеву, но он не оставил ее в прежнем виде. Вероятно, именно он вынул 32 листа после л. 303 (с нумерацией та̄i—тм̄в и сигнатурами л̄з—м̄), которых сейчас в рукописи нет.¹² Возможно, их следует искать в другом строевском сборнике, там можно ожидать бумагу л. 290—303 и 338—359, с филигранью головы быка, похожей на № 1480 и 1481 у Лихачева. Строев также поменял л. 304—337 и 338—359 (раньше они шли в обратном порядке, как указывает первоначальная нумерация листов: т̄зе̄—тчз̄ (л. 304—337) и т̄мг̄—т̄д̄ (л. 338—359), — и «поправил» нумерацию листов, чтобы получить сплошную нумерацию та̄i (л. 304)—т̄зе̄s̄ (л. 359). Добавив к концу пласт из другой рукописи, он просто продолжил нумерацию: т̄зе̄z̄ (л. 360)—тов̄ (л. 365).

Погод. 1565 (Строев. 32), Погод. 1579 (Строев. 27), Погод. 1588 (Строев. 239), Погод. 1591 (Строев. 236).¹³

Две из этих рукописей включают дату подготовки к переплету: Погод. 1565 — 24 сентября 1833 г. и Погод. 1588 — 19 сентября 1833 г. Остается сравнить мраморную бумагу обложки, но и помимо этого некоторые данные указывают, что все четыре рукописи были подготовлены приблизи-

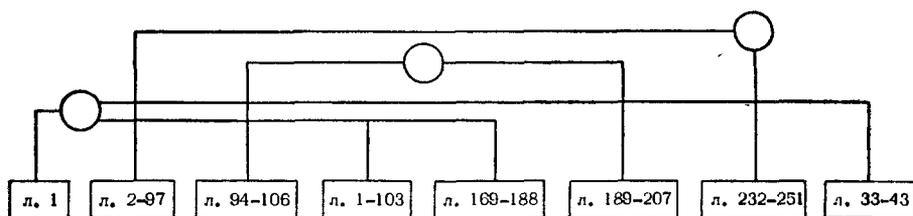
¹² Здесь я могу и ошибиться: если номер главы на л. 104 ($\overline{л̄е}$, где $\overline{л̄}$ написано почерком и чернилами, которыми сделана первоначальная нумерация глав, а $\overline{е}$ добавлено) окажется первоначальным, т. е. просто возобновленным до Строева, а не измененным им, то эти листы потерялись после написания сигнатуры и фолиации, но до получения рукописи Строевым.

¹³ Все эти рукописи описаны в кн.: А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников, с. 118—123, 6—12, 30—34, 49—51.

тельно в одно время и что отдельные пласты одной включались Строевым в другую.

В бумаге переплета Погод. 1588 и 1579 есть одинаковая филигрань (курсивная буква — *A*, *D* или, возможно, *L*). В Погод. 1588 на л. 1—57, 98—103 и 169—183 есть филигрань (птица в венке, в двух вариантах) с контрмаркой IR. Эта же птица находится в Погод. 1565, л. 1 (вставлен Строевым) и в Погод. 1591, л. 33—43, где есть и контрмарка IR. Филигрань головы шута второго типа (по Клепикову) с контрмаркой MB встречается в Погод. 1588, л. 232—251, и в Погод. 1565, л. 2—97. Отмечу также, что в Погод. 1579 один пласт (л. 94—106) состоит из бумаги, размер которой меньше размера остальной бумаги в рукописи. Оказывается, что точно тот же необыкновенно маленький размер бумаги, 14.5×18.9 (или 18.8) см есть и в Погод. 1588, л. 189—207.

Отмеченные особенности бумаги заставляют предполагать такую схему соотношения между этими рукописями и их частями, разделенными Строевым:

Хотя почерки частей, сходных по бумаге, не совпадают, стоило бы еще раз сравнить почерк в Погод. 1588, л. 110—168 и 232—251, и в Погод. 1565, л. 2—97. Скоропись середины XVII в. в этих пластах напоминает один из почерков в рукописях Троице-Сергиевского монастыря, написанных частично Симоном Азарьиним (ГБЛ, собр. МДА, № 201 и 203).

Составляя эти рукописи, Строев, видимо, старался сформировать сборники на определенную тематику. Так, в Погод. 1565 материал подобран из хронографов и летописей и относится в основном к церковной жизни на Руси. Погод. 1579 во второй части также включает материалы, относящиеся к истории русской церкви, хотя первая ее часть посвящена теме иностранной конкуренции в торговле XVII в. в Московском государстве («Новоторговый Устав» 1667 г. и др.). Погод. 1588 является сборником религиозного содержания и включает слова и жития святых, а Погод. 1591 представляет собой собрание служб в честь русских святых.

Ниже приведены наблюдения над этими 4 строевскими рукописями, свидетельствующие об обработке, проведенной Строевым, или способствующие установлению того, откуда были им взяты отдельные пласты.

Погод. 1565.

Листы 2—97. Сигнатуры здесь $\bar{г}$ (л. 15)— $\bar{г}$ (л. 95); итак, в начале недостает одной тетради.

Листы 178—185. Текст написан скорописью, переходящей в полуустав (конец XVI или начало XVII в.); размер 11.3×15.2 см, по 12 строк. Заголовок первого произведения вписан Строевым наверху на л. 178 («... месяца августа $\bar{в}$ в среду индикта $\bar{д}$ седящим в церкви святых София»). В середине л. 178 есть сигнатура $\bar{м}$ (или $\bar{ма}$, — вторая буква полустерта), написанная тем же почерком, что и текст (буква «м» — киноварная). На полях л. 183, 184 и 184 об. есть нумерация глав, написанная почерком

текста: $\overline{\text{рли}}$, $\overline{\text{рлѣ}}$, $\overline{\text{рм}}$. Филигрань на л. 178—185 — кувшин с двумя ручками, розеткой на крышке и буквами I (?) / DV сбоку.

Листы 187—209. Листы 187—208 об. написаны небрежной скорописью конца XVII—начала XVIII в.; размер 12×16 см, по 15 строк. Инициалы киноварные. Бумага темноватая, плохого качества, с филигранью трехлистной розетки в небольшом круге. Прежняя нумерация листов $\overline{\text{нѣ}}$ (л. 187)— $\overline{\text{ос}}$ (л. 208) и тетрадей $\overline{\text{с}}$ (л. 194, почерком текста), $\overline{\text{ѳ}}$ (л. 197, другим почерком, полустерто) и $\overline{\text{т}}$ (л. 205, также другим почерком). Так как текст обрывается в конце л. 196 об., очевидно, что там потерян по крайней мере один лист. Сам Строев дописал на л. 209 последний текст в рукописи (краткий летописец): «Лета 7204-го году ходил. . . царь. . . Петр Алеѣевич. . . под Азов и взял тот Азов того ж 204-го году июля в ии на память святого мученика Акинѳа». Наверно, этот кусок текста находится в какой-то другой рукописи. Здесь уместно напомнить, что в других случаях, где конец текста не сохранился, Строев так и отмечал «NB: не кончено» (например, л. 169 об.).

Хотя в Погод. 1565 нет указаний на то, откуда взяты все отрывки, возможно, что л. 178—183 новгородского происхождения (на л. 183 запись: «. . . сей список списах в Новгороде и дах владике Иванну», — но, конечно, это может быть и просто список с записи). Подлинная дозорная книга о вотчинах Переяславо-Залесского Феодоровского монастыря (л. 171—176) могла быть взята прямо оттуда (летом 1831 г.?).

Погод. 1579.

Рукопись состоит из 20 пластов (л. 1—2, 3—42, 43—49, 50—57, 58—59, 60—66, 67—69, 70—77, 78—80, 81—84, 85, 86—88, 89—90, 91, 92—93, 94—106, 108—116, 117—126, 127—131, 132—133).

Листы 3—42. В начале пласта, по-видимому, потерялось 5 листов; на л. 54 об. написано «з заглавьем мѣ листов».

Лист 43. Запись скорописью XVII в. указывает на принадлежность рукописи дяку Петрушке Иванову Троицкого монастыря, очевидно — Троицкого Усть-Шехонского монастыря, о котором сообщается в тексте этого пласта.

Листы 50—57, 79—80, 81—84, 85. Все почерки — западнорусская скоропись XVII в.; нерусские почерки встречаются в собрании Строева сравнительно редко. Писец л. 50—57 пронумеровал листы: $\overline{\text{сог}}$ — $\overline{\text{сп}}$; на чистом л. 57 об. есть отпечаток другого текста в рукописи, откуда Строев взял этот пласт. Этот текст, которого нет в Погод. 1579, читается так: «От имя отца и сына и святого духа, аминь. (И)оаким милостию божиею патриарх царствующего великаго града Москвы и всея России. . . о. . . возлюбленным святых восточных православных церкве сыном. . . оем благословением христианом вся. . . чина и во.р.та благодать милость и мир божию да умножатся». Так как тексты на л. 79—80 об. и 81—84 об. подчеркнуты в разных местах киноварью, можно заключить, что оба пласта из одной рукописи.

Листы 70—77. На л. 70 наверху полустертый номер 336 (?); текст обрывается в конце л. 77 об.

Листы 86—88, 91. Почерки несколько похожи на почерк л. 60 и след. Текст на л. 91 — только фрагмент; часть его зачеркнута.

Листы 94—106. Полустерты номер 390 на л. 94 и запись на л. 106 об.

Листы 108—109. Срезана бумага внизу, как если бы кто-то хотел уничтожить там запись.

Лист 126 об. Строев отметил в конце: «NB: не кончена».

Погод. 1588.

Существенные палеографические данные приводятся в табл. 7.

Таблица 7

Лист (по Строеву)	Филиграни	Почерки	Сигнатуры и нумерация листов	Разлиновка и вертикальный размер текста, см	Число строк
(I) (II, III) (IV)	I II III	I (Строева)			
1—103	IV (л. 1—57, 98—103), V (л. 58—97)	II, IIa	а̄ (л. 3) — ка̄ (л. 98)	10.2 × 14.8, 10.0 × 14.3	14
104—109	VI	III		9.7/10.3 × 14	18
110—168	VII (л. 110— 118), VIII, VIIIa (л. 119— 154), VI (л. 155— 168)	IV, V (?; л. 142—), VI (л. 166—)	(? л. 149), (?; л. 155), ӣ или з̄и (л. 163)	9.5/10.5 × 14.8	18
169—188	IV, IX (л. 184—?)	II (—л. 181), VII (л. 182—)		10.2 × 14.8, 10.0 × 15.8— 10.9 × 15.5	14, 18—19
189—204	X (—л. 195)	VIII	а̄ (л. 195 об), в̄ (л. 196); нумерация листов: 1—(16)	9.6/10.0 × 14.7	16
205—207		IX	Стертая нуме- рация листов	9.2/9.5 × 13.9	16
208—230	XII (—л. 215), XIII (л. 216—)	X		9.2 × 13	16
231		I			
232—251	XIV	XI		10.3 × 13.7	14

Погод. 1591.

Каждая из статей, описанных Бычковым, судя по бумаге и почерку, содержится в отдельном пласте.

Листы 8—32. Судя по сигнатурам — а̄ (л. 13 об.), в̄ (л. 14) . . . д̄ (л. 30), — недостает двух листов в начале и пяти в конце. Текст, по-видимому, обрывается на л. 32 об. В этом пласте две своеобразные филиграни: дом с крестом и змеем, с буквами PI на стене и дверью в виде буквы D; кувшин с одной ручкой, на крышке «корона» розеток под полумесяцем, сбоку R/PO и сердцевидная подставка с тремя розетками или лилиями.

Листы 53—96. Это, наверно, конец одной из рукописей, так как л. 96 об. без текста и грязный; записи полустерты. В последних листах есть дырки в бумаге, сделанные, вероятно, гвоздями застежек. Филиграни и почерк этого пласта напоминают рукопись ГИМ, Муз., 2524, середина XVII в., район Холмогор.

Листы 105—111. Низ л. 105 срезан; л. 110—111 повреждены и грязны и поэтому подверглись реставрации. Почерк — скоропись, переходящая в полуустав (середина—вторая половина XVII в.), и на бумаге не очень хорошего качества своеобразная филигрань: лилия на «квадратном»

щите под короной с одним поясом над буквами РР и с контрмаркой-монограммой РН.

Погод. 1556 (Строев. 96).¹⁴

Судя по сигнатурам, принадлежащим писцу текста, и нумерации листов (почерк XVIII в.), порядок листов в Погод. 1556 сейчас изменен и по крайней мере одна часть первоначального состава рукописи отсутствует. Используя данные А. С. Орлова и мои собственные наблюдения, я получил следующую схему нумерации тетрадей и листов:

Нынешняя (не- строевская) нумерация листов	3	19	20	27	35	42	51	53	61	69	76	84	85	96	104	120	133
Нумерация XVIII в. . . .		$\overline{м\epsilon}$	$\overline{н}$				$\overline{на}$	$\overline{тка}$				$\overline{гна}$	$\overline{гпв}$	$\overline{ге}$	$\overline{гг}$		
Сигнатуры . . .	$\overline{е}$	$\overline{з}$		$\overline{й}$	$\overline{е}$	$\overline{ї}$	$\overline{аі}$	$\overline{ма}$	$\overline{мв}$	$\overline{мг}$	$\overline{мд}$	$\overline{ме}$		$\overline{ле}$	$\overline{м}$	$\overline{д}$	$\overline{ві}$

Примечание. На нынешнем л. 96 сигнатура $\overline{ле}$ и на л. 120 сигнатура $\overline{д}$ написаны другим почерком.

Первоначальный порядок восстанавливается таким образом:

Современная нумерация листов	Нумерация XVIII в.	Тетради
111—125		$\overline{г}$ и часть $\overline{д}$
1—52	$\overline{ла—пв}$	Часть $\overline{д}$ —первый лист $\overline{аі}$
126—128	$\overline{пв(р)—пд}$	} Часть $\overline{аі}$ —первый лист $\overline{ві}$
129—133	$\overline{пе—пе}$	
96—110	$\overline{ге—гг}$	$\overline{ле—м}$
53—95	$\overline{тка—гна}, \overline{гна—гга}$	$\overline{ма—(мс)} + 3 \text{ л. из } \langle \overline{мз} \rangle$

Орлов считал, что место л. 111—125 нельзя определить из-за отсутствия старой нумерации, но, если использовать сигнатуру $\overline{д}$ на л. 120 и данные филиграней и почерка (на л. 121, 125 та же филигрань, что и на л. 1; почерк л. 111—125, по-видимому, тот же, что и на л. 1—52), можно условно поместить л. 111—125 в начале рукописи.

Если допустить, что сам Строев разделил рукопись до переплета (тот факт, что часть сигнатур стерта, подкрепляет такое мнение), то остальные части, может быть, надо будет искать в других рукописях его собрания. Запись на л. 67 об. гласит: «Книга, именуемая Александрия великая», но «Александрии» сейчас в рукописи нет. В собрании Строева под № 90 (шифр Погодина мне неизвестен) есть в том же формате (8°) «Жизнь Александра Македонского», написанная скорописью «исхода XVI в.» на 113 листах.¹⁵ Возможно, что это одна из составных частей отсутствующих 215 листов, которые были в рукописи между нынешними л. 133 и 96. Можно полагать, что первые две тетради рукописи потерялись до Строева, хотя не исключено, что и они где-нибудь найдутся. Здесь можно заметить, как Строев сгруппировал исторические повести в начале рукописи («Хожделение Трифона Коробейникова» — л. 1—52, повести об Азове и «Повесть о двух посольствах» — л. 53—95, Повесть о Дмитрие Басарге — л. 96—110), хотя первоначально они и не находились вместе. Если Строев, как можно предположить, выделил в отдельном переплете «Александрию», это было бы вполне в его стиле.

¹⁴ Описание см.: там же, с. 114—116; А. С. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове (текст). М., 1906, с. 6—8.

¹⁵ Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, с. 378.

Листы (по Строеву)	Филиграни	Почерки	Разлиновка (ширина) и вертикальный размер текста	Число строк	Сигнатура
1—24	I (л. 1—16), II (л. 17—24)	I, Ia (P)	10.4/10.9 × 14.2 см	16—17	
26—87	III (л. 26—33), IV (л. 34—65), V (л. 66—87)	II	10.5/10.9 × 14.6		\bar{a} (л. 26, почерком III) \bar{b} (л. 34, почерком III) \bar{r} (л. 42, почерком III) \bar{d} (л. 50, почерком III) \bar{e} (л. 58, почерком III) ? (л. 32, почерком II?) \bar{d} (P; л. 58, почерком II?) \bar{s} (л. 66, почерком II) \bar{z} (л. 74, почерком II) \bar{b} (л. 95, почерком IIa)
88—109	VI	IIa = IIp			
110—117	VII	IV			
118—121	VIII	IIб	10.5/10.9 × 16.3	19	
122—131	VIII	V, IIб	10.5/10.9 × 16.4	19	
132—135	IX	VI	11.8 × (P)	21—22	
136—137	VIII	VII, IIб	10.5/10.9 × 16.6		
138—146	IX	VIII	9.2 × 13.2	15	
147—160	X, XI	IX	11.6 × 15.5	20	

Примечания. Лист 25 вставлен Строевым; л. 87, 118 и 147 использованы им для оглавления. Число строк колеблется на л. 1—24, и писец, как и в других пластах, не соблюдает разлиновку. Размер л. 110—117 — 7.3 × 19 см, т. е. половина листа 4°, расположенная вертикально. Размер л. 138—146 меньше, чем в других частях рукописи: 11.5 × 17.2 см.

Погод. 1561 (Строев. 26).¹⁶

Бычков пишет, что в этой рукописи 6 отдельных отрывков, но мне представляется, что на самом деле их меньше. Нет основания думать, что л. 110—117, 138—146 и, возможно, 147—160 до Строева помещались рядом, — в первых двух случаях размер бумаги служит явным свидетельством против такой возможности. Что касается других частей, можно отметить, что разлиновка листов везде почти одинакова и что почерк одного стиля и времени (хотя, по-видимому, не идентичны). Важнейшие палеографические данные приводятся в табл. 8.

Погод. 1570 (Строев, 39).¹⁷

Важнейшие палеографические данные приводятся в табл. 9.

Т а б л и ц а 9

Листы (по Строеву)	Филиграни	Почерки	Сигнатуры	Нумерация глав
1—94	I (—л. 55), II, III	I, Ia	\bar{r} (л. 24 об.)— \bar{r} (л. 88 об.)	\bar{a} — \bar{si}
95—221	II, III, I, IV	Ia, Ib (л. 126) II (л. 190), III (л. 194), II (л. 202), IV (л. 218)	\bar{yi} —(\bar{zid})	$\bar{k(a)}$ — \bar{m}
222—234	V, VI	V		\bar{k} . или \bar{y} . (?) \bar{ma} — \bar{mb} \bar{mg}
235—242	VII	VI		
243—247 (+3 л. на нумерован- ных)	VIII	VII (= Va?)		

Примечание. Нумерация глав \bar{ma} , \bar{mb} и \bar{mg} добавлены другим почерком (Строева?).

Без сомнения, л. 1—94 и 95—221 — из одной рукописи, и раньше между ними было еще 43 листа (если допустить по 8 листов в тетради). Пропущенные листы, которые могут все еще находиться в собрании Строева, вероятно, включают почерк Ia (скороспись первой половины XVII в. с прописными буквами, добавленными другой рукой коричневыми чернилами), филиграни II и III (кувшин с двумя ручками, с буквами II, похож на Гераклитова, № 839—841; кувшин с одной ручкой, коронкой розеток под полумесяцем, буквами P/AV на боку), сигнатуры \bar{vi} — \bar{zi} и нумерацию глав \bar{zi} — \bar{k} . Сигнатуры и нумерации глав, по-видимому, относятся ко времени написания рукописей и, вероятно, были добавлены главным писцом.

Что касается остальных пластов, то л. 222—234 происходят, наверно, из той же рукописи, так как прописные буквы добавлены тем же почерком и чернилами, что и прописные буквы первой части рукописи. Но следует отметить, что первоначальная нумерация глав на л. 222—234 сейчас полустерта и вместо нее добавлена (наверно, Строевым) новая нумерация.

Листы 235—242, по-видимому, не связаны с предыдущими частями

¹⁶ Описание в кн.: А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников, с. 116—118.

¹⁷ Описание см.: там же, с. 39—49; О. А. Белоброва. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972, с. 46—47. Белоброва ошибочно указывает на отсутствие статей 33—38, хотя они находятся там, где и должны находиться (на л. 195—201).

рукописи (например, это единственный пласт, где использована киноварь), но в последнем пласте, на л. 243—247, почерк очень похож на почерк л. 222—234, хотя разливовка и размер текста в этих двух пластах не сходны.

Погод. 1574 (Строев. 41).¹⁸

Когда 2 июня 1835 г. Строев подготовил эту рукопись к переплету, он разделил ее, вынул несколько частей и изменил порядок других. Сигнатуры здесь особенно важны для восстановления достроевского порядка пластов. За одним исключением (л. 154—179), во всех пластах есть сигнатуры, написанные одним почерком XVIII в., начиная с \bar{ia} (л. 89 об.) до \bar{mg} (л. 81 об.). Восстановленный порядок листов можно показать следующим образом:

Листы . . .	83—114	116—121	146—152	123—144	2—65	I	66—81	180—182
Сигнатуры ↑	$\bar{ia}-\bar{id}$	\bar{ie} ↑	\bar{ks}	$\bar{ks}-\bar{ke}$ ↑	$\bar{ld}-\bar{m}$	\bar{ma}	$\bar{mv}-\bar{mg}$ ↑	\bar{md}
	10 тетрадей	10 тетрадей		4 тетради			5 листов	

Строев взял белый лист из конца пласта л. 2—65 и вставил его в начале для оглавления этой части, вставив и еще несколько заглавных листов (л. 82, 115, 122, 145, 153). Возможно, что до получения им рукописи между листами 144 и 2 была еще одна тетрадь (т. е. всего 40 листов), как можно заключить из вторичной нумерации тетради почерком XVII в., по которой л. 138= \bar{l} ; л. 9, вероятно, был \bar{ls} ; л. 17= \bar{lz} и т. д. Кроме того, между л. 1 и 66 до написания последних сигнатур была еще одна тетрадь (по сигнатурам XVII в., л. 60= \bar{mg} , л. 74= \bar{ms}).

Бычков утверждает, что в Погод. 1574 включено несколько рукописей, как можно было бы заключить по изменению бумаги и почерка и существованию еще других сигнатур: $\bar{a}-\bar{e}$ (л. 8 об.—41), $\bar{a}-\bar{v}$ (л. 73 об.—74), $\bar{a}-\bar{g}$ (л. 89 об.—106 об.), $\bar{ls}-\bar{lz}$ (л. 158—166). Однако пласты л. 146—152, 123—144, 2—65 и 66—81 включают частично один и тот же почерк, и в пластах л. 123—144 и 66—81 есть частично одна и та же бумага. Мне кажется, что единственная часть рукописи, которая могла быть вставлена Строевым, это л. 154—179, где филигранные — не кувшины, как во всех других пластах (бумага, вероятно, несколько более поздняя, внизу на страницах — пятна, также не встречающиеся в других пластах; кроме того, это единственный пласт, где нет сигнатур, приведенных в нашей схеме; см. выше).

Какие тексты могут быть в пропавших частях рукописи? В записях на л. 66 об. и 123 об. рукопись называется «Палея» («рп-го году сентября в \bar{a} день . . . глаголемая палея»; «сия книга палея»). Это означает, что подобный исторический сборник либо рассматривался как палея, либо что и в самом деле надо искать «Палею» где-то в других рукописях Строева. В Погод. 1574, как и в Погод. 1556, Строев поместил сочинения, относящиеся к русской истории, в самое начало сборников, следуя порядку: «сначала светские темы, а затем церковные». Так, в число первых он включил Повесть о разорении Рязани Батыем и «Сказание о Мамаевом побоище» (л. 2—65), «Повесть о двух посольствах» (л. 66—81), Защита Дионисием исправлений, внесенных им в «Потребник» (л. 83—114) и Ответ alexсандрийского патриарха Герасима Михаилу Федоровичу на вопрос об использовании слова «и огнем» в чине водоосвящения (л. 116—121). Затем следуют повести, относящиеся к истории других народов (Повесть о Динаре, Повесть о пленении Иерусалима Титом).

¹⁸ См.: А. Ф. Бычков. Описание . . . , с. 133—137.

Погод. 1578 (Строев. 43).¹⁹

По Бычкову, в Погод. 1578 три отдельных рукописи, но мне кажется, что Строев присоединил только одну из них. Первые два пласта до Строева составляли комплекс, и он только изменил порядок частей. Внизу читается старая нумерация листов: 1—35 (л. 120—154) и 36—152 (л. 1—118), хотя иначе эти пласты никак не связаны (бумага, почерк и сигнатуры разные). Как видно из сигнатур и записи Строева на л. 1 («NB: Две первые тетради утрачены»), первая часть рукописи была неполной еще до получения ее Строевым.

В третьем пласте (л. 156—167) заметим отсутствие трех листов в начале (на л. 160 об. есть сигнатура а̄); в конце (л. 167) нижнее поле и часть левого края, где наверняка была запись, срезаны. Хотя на л. 168 почерк меняется, бумага остается прежней и разлиновка сходна с той, что на л. 156—167.

Погод. 1581 (Строев. 50).²⁰

Хотя отдельные пласты рукописи написаны разными полууставами второй половины XVII в., создается впечатление, что они возникли в одно время и в одном месте. Об этом говорит не только манера использования киновари в разных пластах, но и филигрании (один и тот же «лотарингский крест» находится на л. 39—57, 67—82 и 83—96). В конце XVII или в начале XVIII в. была добавлена нумерация глав: л. 1 — глава а̄, л. 15 — глава в̄, л. 39 — глава г̄, л. 58 — глава д̄, л. 62 — глава і̄, л. 67 — глава е̄ (?), л. 83 — глава ѕ̄ (?). Последние три были потом изменены (Строевым?) на е̄, ѕ̄, з̄. Вывод, что нынешний порядок частей изменен по сравнению с первоначальным и что кое-какие части отсутствуют (главы е̄, з̄, ӣ, — если они вообще существовали, — затем а̄ и след.), подкрепляется тем, что на л. 82 об. есть «отражение» киноварного заголовка л. 62; на л. 96 об. также есть отпечаток киноварного заголовка в 9 строк: «месяца [ноя]бря в г̄ день житии от... овед... пр... нашего... ..шего пресвятыя бо-городицы б... .. ид... ж... ркц... к̄. Благослови, отче».

Так как л. 66 об. совсем чистый, вряд ли рукопись кончалась здесь. По всей вероятности, Строев включил вынутые пласты этой рукописи в другой сборник или просто переплел их отдельно. В данной же рукописи он, по-видимому, изменил порядок с тем, чтобы поместить вместе тексты о Богоматери или о ее иконах.

Погод. 1583 (Строев. 48).²¹

Рукопись подготовлена к переплету 27 марта 1835 г., и бумага, приклеенная к переплету, находится и в Погод. 1629, подготовленной в тот же день или на день позже.

В Погод. 1583 есть части двух рукописей (л. 1—237 и л. 238—259).

Первая из этих частей написана главным образом скорописью конца XVII в.; если здесь и больше одного почерка, то все они очень близки друг другу, причем размер текста почти везде одинаков. Филигрании повторяются в разных местах на протяжении почти всей рукописи до л. 237. На л. 238—259 почерк резко отличен, размер текста другой и сами листы по размеру меньше, чем в первой части рукописи.

¹⁹ Описание см.: там же, с. 153—158.

²⁰ Описание см.: там же, с. 76—79.

²¹ Описание см.: там же, с. 16—19.

Нынешний порядок текстов, по-видимому, в первой части рукописи не первоначальный: есть разные серии сигнатур, как показано ниже:

Листы	8	16	24	35	42	50	58	64	77	85	90
Сигнатуры писца	в̄	д̄		в̄	г̄	д̄	е̄	ка̄ лист с полулиста	г̄	д̄	кв̄ лист с полулиста
Позднейшие сигнатуры	ӣ	е̄	г̄	з̄	к̄	ка̄	кв̄				
Листы	97	105	113	121	127	135		150	161	169	177
Сигнатуры писца	в̄	г̄	д̄	е̄	з̄	ӣ		кд̄	—	—	—
Позднейшие сигнатуры	в̄	г̄							с̄	з̄	ӣ
Листы	188	196	204		209	217					
Сигнатуры писца	в̄	г̄	д̄		д̄(р̄)	е̄					
Позднейшие сигнатуры					е̄	с̄					

Примечание. На л. 113 г̄, очевидно, добавлено другим почерком.

Используя эти номера и данные почерка и филиграней, можно было бы, думается, восстановить первоначальный порядок листов. Но пока наши попытки не увенчались успехом, так как, по-видимому, мы не располагаем всеми частями этой рукописи и какая-то доля ее могла потеряться еще до Строева.

Погод. 1587 (Строев. 240).²²

Рукопись была написана в одном месте в одно время (середина XVII в.), но, судя по нумерации глав, л. 76—84 об. находились раньше вначале, к тому же им предшествовала довольно значительная часть рукописи (л. 12—72 содержат главы к̄е—л̄; на л. 76 и 78 номера глав кв̄ и к̄г̄). Поскольку л. 76 поврежден, возможно, что приобретенная Строевым рукопись начиналась с нынешнего л. 76 и он просто переставил эту первую тетрадь при подготовке к переплету. С другой стороны, рукопись не обязательно кончалась л. 75 и другие куски еще могут быть найдены среди строевских рукописей.

Погод. 1952 (Строев. 45).²³

В Погод. 1952 Строев соединил части по меньшей мере двух рукописей. Одну из них он разделил, — по-видимому, исключив некоторые ее части, — и изменил порядок оставшихся. Что касается первых двух пластов (л. 1—18, 20—25), отметим, что они совсем другого времени (XV—XVI вв.), чем остальные пласты рукописи (вторая половина XVII в.), и написаны двумя разными почерками на разной бумаге. Третий пласт (л. 27—50) по внешнему виду и дате мог бы быть связан с последующими, но для подтверждения этой догадки нет конкретных данных. За исключением л. 72—76 и 123—129, о которых пишется ниже, остальные пласты рукописи до Строева шли в порядке, восстановленном в табл. 10, но анализ содержания не выясняет принципа, по которому он изменил первоначальный порядок.

В графе «Записи и их отпечатки» указываем, где в XVIII в. были сде-

²² Описание см.: там же, с. 28—30.

²³ Описание см.: там же, с. 328—334.

Листы	Филигран- ни	Почерк	Разлиновка и размер текста	Число строк	Записи и их отпечатки
145—152	XII	X	10.4 × 15.6 см	19	I (л. 152 об.)
52—70	VII	VI	9.5 × 13.8	16	Ia (л. 52), II (л. 70 об.)
102—112	VII	VI, VIII	8.75/9.15 × 13.8	16	IIa (л. 102), IIIa (л. 112 об.)
78—100	IX, X	VIa	8.75/9.15 × 13.8	16	III (л. 78), IVa (100 об.)
130—144	XI	VIa	9.2 × 13.8	16	IV (л. 130)
114—121	XI	VIa	9.2 × 13.8	15	Va (л. 121 об.)

ланы — сравнительно небрежно — записи, причем чернильный отпечаток (отражение) остался на противоположной странице (л. 70 об.—102; рис. 2, а, б). Так восстанавливается порядок пластов в момент совершения записей. Конечно, это не обязательно означает, что указанный порядок надо считать первоначальным или непосредственно предшествующим строевской обработке, но в данном случае именно о таком изначальном порядке говорят и другие данные (совпадение почерков, филиграней и размера текста). По всей вероятности, л. 72—76 и 123—129 тоже были в одной рукописи с этими другими пластами, так как отражение записи на л. 72, а также запись на л. 129 об. сделаны теми же чернилами, что и другие записи. Есть и заметки на л. 129 в конце текста, сделанные той же рукой, что и заметки на л. 102 об. Внизу на л. 72—76 идет запись «. . . книга Евстрата Данилова с. . . » и на л. 123—129 запись той же рукой: «. . . а подписал. . . своею рукою» (полустертый текст, вероятно, можно прочесть в ультрафиолетовых лучах). На л. 83, 95, 103 есть запись: «Сия книга Евстрата». Наконец, отметим, что в разных местах (л. 53—61, 64—70, 100 об., 121 об., 152 об.) записи указывают на принадлежность рукописи семье Морозовых (в первом случае Симеону, в остальных — Григорию). По-видимому, какие-то пласты отсутствуют, так как отражения записей на л. 72 и 121 об. не соответствуют никаким другим записям в Погод. 1952.

Погод. 1552 (Строев. 91).²⁴

Мраморная бумага обложки (идентичная бумаге в Погод. 1555, 1579 и 1588) позволяет датировать подготовку рукописи к переплету приблизительно 19 сентября 1833 г. Погод. 1552 содержит части двух разных рукописей. Листы 2—36 раньше были в сборнике, где они занимали последние 4 листа тетради $\overline{кв}$, тетради $\overline{кг}$ — $\overline{ке}$ целиком и первые 7 листов тетради $\overline{кз}$: сохранились сигнатуры $\overline{кг}$ (л. 6), $\overline{кд}$ (л. 14), $\overline{ке}$ (л. 22), $\overline{кз}$ (л. 30). Строев сам написал конец последнего сочинения на л. 37 («. . . они же яко храбрыи воины пострадаша. . . и анафем подпадше»). Вероятно, существует еще одна рукопись, где находится конец этого текста и где можно ожидать филигрань л. 2—36 (голова шута четвертого типа по Клепикову над буквами CLP).

Хотя в пластах л. 39—57 и 59—75 почерки разные, они все же очень похожи друг на друга; бумага в обоих пластах та же. Таким образом, представляется, что Строев взял их из одной рукописи и добавил между ними для оглавления л. 58.

²⁴ Описание см.: там же, с. 123—126.

Погод. 1557 (Строев. 92).²⁵

Это типичный «строевский сборник», подобранный по религиозной тематике и составленный из трех отрывков разных рукописей. По-видимому, первые 59 листов были вместе в одной рукописи, но на л. 54—59 остались стертые следы ранней нумерации (56—61), указывающие на отсутствие двух листов. Как отмечает Бычков, текст на л. 53 об. не дописан. В следующем отрывке Строев добавил заголовок (л. 60), а первые и ко-

Принесенъ написанъ кыкоромъ
исшары лѣтописъ сокъ тѣмъ
было кмоскоуъ спомъ гдѣ
сикъ иво ксен росиской земль.

Схъкъ, принесенъ кыста
походиторна икона прей
стые кыы кладыссина
обра ищра града великимъ
кнземъ. инъ аркемъ бголю
къ ссимъ юрь еписл долгоръ
коко. инъ писанъ походиторъ
нынъ шкравъ, аплотъ иевъги

Рис. 2.

а — ркп. ГПБ, собр. Погодина, № 1952, л. 102.

нечные слова этого отрывка, относившиеся к другим произведениям, были стерты. Текст последнего отрывка кончается в середине л. 77, и в конце этого листа Строев добавил: «Конец. Мая 30, 1831». Вероятно, это дата приобретения этого пласта, хотя, может быть, и дата составления сборника. Во второй половине мая 1831 г. Строев путешествовал по монастырям Московской епархии, но где он находился 30 мая, можно установить только по его неопубликованным письмам.

²⁵ Описание см.: там же, с. 112—114.

Погод. 1562 (Строев. 28).²⁶

Трудно определить, какие отрывки в этом типичном строевском сборнике могли составлять комплекс до вмешательства Строева. В одном случае он добавил лист (70) для оглавления, в других использовал чистые листы начала тетрадей (л. 95, 99, 102). Бычков выделяет в рукописи 6 отрывков, используя главным образом оглавление Строева, но такое деление представляется не вполне точным.

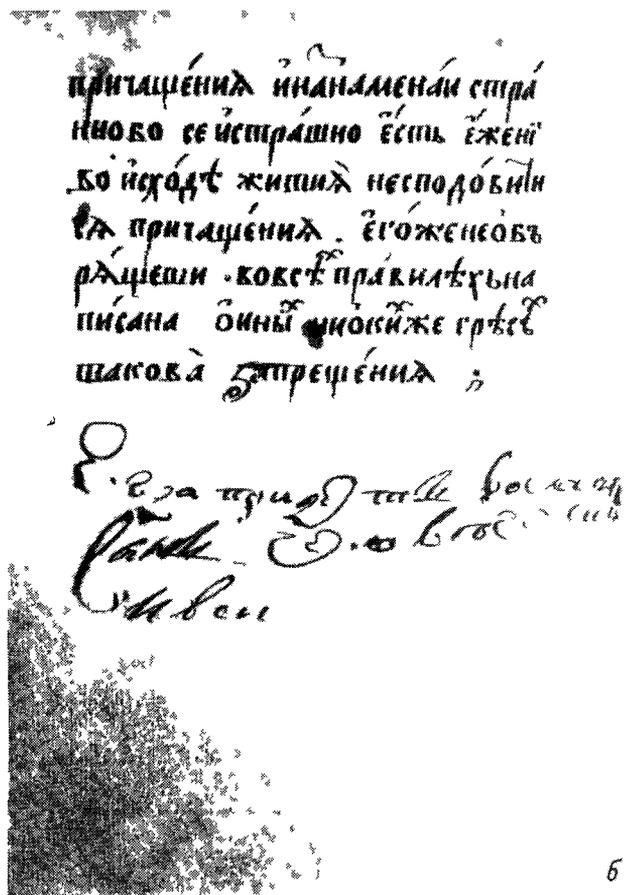

Рис. 2 (продолжение).

6 — ркп. ГПБ, собр. Погодина, № 1952, л. 70 об. На л. 102 видны отпечатки записи, сделанной на л. 70 об.

Почерк на л. 47—61 если не идентичен, то, во всяком случае, очень похож на почерк л. 100—101, и оба текста написаны на одной бумаге (с филигранью «пасхальный агнец» над буквами PL в щите). Почерки на л. 66—69 и 71—72 также сходны, текст написан на одной бумаге. Хотя на л. 71—72 находятся копии царских грамот А. Л. Ордину-Нащокину, а на следующих листах есть копии других документов, также имеющих отношение к нему, нельзя согласиться с Бычковым, что л. 71—72 и 73—94 относятся к одной рукописи. Эти пласты отличаются друг от друга

²⁶ Описание см.: там же, с. 126—131.

по бумаге и почерку, и к тому же первые грамоты на л. 71—72 повторяются на л. 74—77. Следует допустить, что Строев, как обычно, просто соединил здесь материалы на одну тему. Итак, предлагаю свой, отличный от Бычкова, вариант состава рукописи:

Часть	Листы
1	1—45
2	47—65, 99—101
3	66—69, 71—72
4	73—94
5	95—98
6	102—107
7	108—110

В некоторых отрывках (в частности, первом, втором и шестом) встречается то, что можно назвать «приказной скорописью» второй половины XVII в. Это неудивительно, так как большая часть рукописи состоит из копий документов, бытовавших в приказной среде. Однако это не значит, что эти части были соединены до приобретения Строевым. Единственная часть, источник которой можно определить, — седьмая, написанная рукой Строева и датированная им: «Новгород, июля 5, 1832». В отличие от других новгородских приобретений (см., например, Погод. 1566) Строев списал этот текст не в библиотеке Софийского собора, а в библиотеке Иверского монастыря на Валдайском озере.

Погод. 1563 (Строев. 31).²⁷

При первом взгляде на эту рукопись, подготовленную Строевым к переплету в марте 1835 г. в Москве, создается впечатление, что установить, откуда Строев получил такое множество мелких отрывков, просто невозможно. Однако в одном случае он сам указывает: «Сей лист найден в куче бумаг Новгородского Софийского собора июня 13-го 1832» (л. 60), — и удается определить источники еще нескольких фрагментов.

Листы 2—19, 20—21. Все тексты на этих листах относятся к Нилу Сорскому или его ученикам. По почерку и бумаге можно разделить л. 2, 3—16, 17 и 19, 18, но так как на л. 2 есть номер главы (з̄) и тот же номер находится на верхних обрезках л. 3—16 (где прежняя нумерация листов стерта), то можно допустить, что л. 2—16 были соединены до Строева. Лист 18 вставлен между л. 17 и 19 тоже до Строева, так как первые слова на л. 19 (конец текста л. 17 об.) вычеркнуты и вписаны сверху на л. 18. Бумага л. 20 и 21 может быть той же, что и л. 17 и 19 (это не вполне ясно из моих записей), и в конце л. 21 запись гласит: «Сия книга Нилова скита Сорские пустыни». Можно догадаться, что Строев, скорее всего, взял все эти фрагменты из рукописей Кирилло-Белозерского монастыря (или на месте, или в Софийской библиотеке в Новгороде), тем более что в Погод. 1563, как указывалось выше, есть отрывок из Софийской библиотеки, а в «Библиологическом словаре» под именем Нила Сорского²⁸ Строев ссылается на кирилловские рукописи, где содержатся его сочинения.

Листы 94—99. В ходе работы в ГИМ мне пришлось смотреть Син. 850 — большой сборник, в свое время (судя по множеству ссылок на него в «Библиологическом словаре») очень внимательно исследованный Строевым. Запомнив мелкий полууставный почерк этой рукописи и записав информацию о филигранях при осмотре Погод. 1563, я понял, что л. 94—

²⁷ Описание см.: там же, с. 95—106.

²⁸ П. М. Строев. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882, с. 218—219.

99 были вырезаны Строевым именно из Син. 850. Установив источник этих отрывков в Погод. 1563, я постарался определить, из каких именно мест Син. 850 они были взяты. Ни почерк, ни текст, ни полустертая нумерация листов мне в этом не помогли; решающую роль приходится отнести расположению филиграней.

Относительно содержания Син. 850 и отрывков из нее в рукописях Строева особо отмечу, что в них наблюдается большое разнообразие тематики, причем тексты на одну тему (и даже два списка одного текста) могут находиться в совсем разных местах. Ввиду этого сомнительна возможность определения места, которое эти отрывки ранее занимали в Син. 850, на основании использования одних только данных самих текстов.

1. Лист 94 — бумага с филигранью «пасхальный агнец в щите под короной» (здесь только верх — корона). Эта филигрань встречается в разных частях Син. 850. Между л. 589 и 590 там вырваны какие-то листы в середине тетради. Если в этой тетради было 10 листов, 7 из них могут быть сейчас (л. 164—170) в рукописи Погод. 1568 (текст: «Совершение во олтари новопоставленному священнику» и подобные сочинения), а восьмой — наш л. 94 (Роспись великих князей, похороненных в Успенском соборе во Владимире). Вторая возможность: л. 94 раньше был между л. 460 и 461 в Син. 850, где один лист был вырезан. Не совсем ясно расположение филиграней в этой части рукописи, но преобладают низы филигрании пасхального агнца. Хотя эта же филигрань находится и в тетрадях с л. 488 и 489 (между которыми один лист, по-видимому, вырезан) и л. 547—548 (где совершенно очевидно, что вырезан один лист), однако в обоих случаях расположение бумаги таково, что возможность происхождения л. 94 в Погод. 1563 именно из этих мест в Син. 850 исключается.

2. Хотя л. 95 и 96 (содержащие списки князей, похороненных в главных соборах Пскова и Твери) имеют филигрань «птица (орел) в венке», эти листы скорее всего взяты из разных частей Син. 850. Один лист вырезан между л. 512 и 513, где, вероятно, содержалась нижняя часть указанной филигрании. Так как на л. 513 есть следы нумерации листов — 55, а на л. 95 в Погод. 1563 есть следы — 4, л. 95 мог быть между л. 512 и 513. Между л. 695 и 696 в Син. 850 тоже вырезан один лист, на котором можно было бы ожидать верх данной филигрании, — именно в том виде, в каком он просматривается на л. 96 в Погод. 1563.

3. Листы 97—99 в Погод. 1563 (с текстом Повести о убиении царевича Дмитрия, — из бумаги с филигранью «лотарингский крест») Строев мог вырезать из двух возможных мест Син. 850. Так, 4 листа вырезаны между л. 894 и 895. На первых двух может быть филигрань (хотя это маловероятно), на третьем ее не может быть, на четвертом должен быть верх «лотарингского креста». Возможно, что наши л. 97—99 — последние три из этих четырех.

Вторая возможность: три листа вырезаны в Син. 850 между л. 927 и 928. Расположение филиграней в этой части Син. 850 восстановить трудно, однако не исключено, что на последних двух из этих трех листов был «лотарингский крест» (наши л. 98 и 99). Вопрос может решиться при дополнительном исследовании бумаги.

Отдельные отрывки в Погод. 1563 главным образом состоят из двух-трех листов, иногда без филиграней и обычно без следов прежней нумерации. Исключения следующие.

1. Листы 30—37 (без филигрании), где на л. 30 сигнатура \bar{k} и запись: «и лист». Нумерация наверху стерта.

2. Листы 44—58 (филигрань — обычная лилия на «квадратном» щите под короной с одним поясом), где в тексте глава \bar{l} и внизу следы сигнатур

(например, на л. 52 г[—]?). На л. 44 почерком XVII в. написано: «две тетраги».

3. Листы 101—105 (без филигрании), рукопись в 8[°] (как и л. 81—82) в отличие от большинства пластов в Погод. 1563 (в 4[°]); старая нумерация, л. 256—260, сохраняется, но сигнатура стерта.

4. Листы 124—126 (филигрань: голова шуга типа IV с 5 бубенцами, но без головы), где наверху л. 124 написан номер 360.

5. Листы 133—134 (без филигрании), где внизу идет старая нумерация (л. 197—193).

В большинстве случаев Строевым были собраны целые тексты, но замечу, что верх л. 23 и нижних трех четвертей л. 28 были срезаны. На л. 28 об. текст зачеркнут («Анастасе(и) до. . . оро. . . с. . . е един. о. . . лгало и дуга велико еретик лет кз (и т. д.) . . . во Црѣграде якова и не бывала при сем на. . . ся седмая») и заклеен куском бумаги, для которого использован один из чистых листов рукописи, сейчас помещенной на л. 3—16.

Погод. 1566 (Строев. 36).²⁹

Рукопись составлена Строевым в октябре 1832 г. в Москве. Она включает разные отрывки, и можно определить, откуда Строев получил два из них. На л. 61 он записал: «NB: сии летописные известия находились на белых впереди, назади и в средних листах при одной богослужбной книге: отгуда отнял я их. Строев». На л. 20 об. Строев списал краткий текст и добавил: «Выписано из другого подобного экземпляра июня 24, 1832».

Летом 1832 г. Строев «прожил в Новгороде до 28-го июля «непрерывно работая» в Софийской библиотеке, которую успел пересмотреть во всей подробности». ³⁰ Так как он не раз писал, что в Софийской библиотеке рукописи, полученные из Кирилловского монастыря, «особенно примечательны», и поскольку Погод. 1563 состоит главным образом из фрагментов, относящихся к Кирилловскому монастырю, я решил искать по описанию Софийского собрания рукописи в 4[°] из кирилловских, где могла бы быть бумага, встречающаяся в Погод. 1566. Остановив свой выбор на Соф. 1462, я обнаружил, что ожидаемой бумаги там нет, но есть важные особенности. ³¹ При переплете (в XIX в.?) Соф. 1462 была срезана по краям, так что сейчас она несколько уже, чем можно ожидать от рукописи в 4[°]. Нумерация листов доведена до 199 (арабскими цифрами в верхнем правом углу). В Погод. 1566 на л. 48—53 наверху есть следы фоліаціи 200—205 и бумага того же необычного размера, что в Соф. 1462. Листы 54—61 приблизительно того же размера и, по-видимому, имели раньше фоліацію 2—6, 2—7 и т. д., т. е. являются продолжением рукописи, в которой были раньше л. 48—53, а именно Соф. 1462, «откуда отнял я (Строев, — Д. У.) их». В данном случае, поскольку кирилловские летописцы, так заинтересовавшие Строева, были вставлены «на белых впереди, назади и в средних листах» в книги религиозного содержания (как Соф. 1462), анализ текста не помогает восстановить рукописи в их «достроевском» виде; на л. 194—199 в Соф. 1462 — различные молитвы.

Поскольку Строев составил Погод. 1566 вскоре после возвращения из

²⁹ Описание в кн.: А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников, с. 33—39.

³⁰ Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 243. Любопытно, что Барсуков не мог найти никаких сведений «о важных находках, сделанных в это время Строевым об обильной древними рукописями Софийской библиотеке».

³¹ Описание см. в кн.: Д. И. Абрамович. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. Вып. III. СПб., 1910.

Новгорода, можно выдвинуть гипотезу, что все отрывки этого сборника были взяты из примечательных кирилловских рукописей Софийской библиотеки летом 1832 г. Не исключается, конечно, что часть кирилловских рукописей могла попасть в руки Строева, когда он занимался в этом монастыре в 1830 г.

Фолиация, сигнатуры и филигранные в Погод. 1566 будут способствовать разысканию ее источников: на л. 7 об. и 8 сигнатуры а и в; на л. 62—71 фолиация арабскими цифрами 65—74; на л. 22—42 внизу фолиация карандашом начиная с «і». Филигранные достаточно своеобразные: на л. 22—42 — кувшинчик с одной ручкой, с розеткой над крышкой и буквами IG на боку; на л. 44—46 кувшинчик с одной ручкой и буквами IV на боку (на половинках листов, приклеенных в Погод. 1566, нет верха, — вероятно, он остался на бумаге, находящейся в рукописи, откуда Строев взял л. 44—46); на л. 57—59 щит (с большой буквой В?) под короной с розеткой, над именем NICOLAS LEBE, где буквы N и S зеркально перевернуты, и т. д.

Погод. 1582 (Строев. 47).³²

Рукопись состоит из 8 частей: л. 1—12, 13—28, 30—39, 41—53, 54—67, 68—89, 90—96, 98—101 (л. 29, 40, 97 вставлены Строевым). В некоторых местах заметны следы работы Строева: на л. 13 полустертый номер (?); на л. 46—53 прежняя фолиация 194—206 полустерта или зачеркнута; на л. 68—88 прежняя фолиация 390—410 тоже полустерта. Вставленный Строевым для заглавия л. 97 был взят из пласта 66—88, и таким же образом использованы белые листы в начале и в конце пласта л. 54—67. Текст на л. 101 кончается на середине страницы, а остальная часть листа вырезана, хотя там был какой-то текст. Текст на л. 101 об. вычеркнут, к листу приклеена чистая бумага. На свет остатки читаются так: «. . . мая в з̄ день Ферапонт Б(елозерский?) сед б.а. доле (?) и шире Кири. . . сив. . . пр. . . ническая. . . я. . . еі̄ день и в. . . р. . . т суждалский подобием все а. . . пи щ. . . что. . . ле. . . тии. . . ». Так как почерки л. 90—96 и 98—101 очень похожи друг на друга и оба пласта срезаны, давая таким образом меньший вертикальный размер, чем другие части рукописи (17.8 см), можно заключить, что оба они были взяты из одной рукописи.

Погод. 1311, ГПБ Q.IV.172. БАН Арханг. Д.412.³³

Здесь мы встречаемся с рукописями, не входящими в собрание Строева. Погод. 1311 была куплена Погодиным в 1845 г. у С. П. Победоносцева (см. запись на с. IV). Платонов указывает на принадлежность Q.IV.172 Строеву и затем Сахарову (рукопись сейчас в переплете ГПБ), а Арханг. Д. 412 поступила в БАН в 1931 г. в составе Архангельского собрания.

Занимаясь Погод. 1311, я заметил, что в двух местах там было вырезано несколько листов (между с. 600 и 601 и между с. 616 и 617). Благодаря справке, полученной от М. Д. Каган-Тарковской, я нашел одну из этих вырезанных частей в Q.IV.172. В принадлежности листов 18—23 Q.IV.172 к Погод. 1311 не приходится сомневаться, так как верх филигранные, низ которой находится на л. 18—23, встречается на с. 617 Погод.

³² Описание см. в кн.: А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников, с. 12—16.

³³ Погод. 1311 описана мной в приложении в кн.: Е. Л. Кеелан. The Kurbskii—Groznyi Aposcypna, p. 119—125; Q.IV.172 описана Платоновым в РИБ, т. XIII, СПб., 1909, с. XVII—XVIII; Арх. Д. 412 описана в кн.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. III, вып. 1. Изд. 2-е. М.—Л., 1959, с. 362—364.

1311, и эти 6 листов из Q.IV.172 точно заполняют тетрадь, где вырезаны листы между с. 616 и 617. К тому же сочинение на л. 18—23 (подложная переписка султана с Леопольдом) указано в оглавлении Погод. 1311, и на л. 23 об. в Q.IV.172 есть запись уникальной тайнописью, известной нам только по Погод. 1311. Так как на л. 18 поставлена римская цифра IX, принадлежность этого пласта в какое-то время Строеву не вызывает сомнения (такие же римские цифры употреблены и в других его рукописях).

Первые 12 листов Q.IV.172, как указал мне Д. Роулэнд, были раньше в начале Арханг. Д. 412, где встречается тот же почерк и продолжение записи, начинающейся на л. 1—12 в Q.IV.172. Привожу сравнение текстов.

ГПБ, Q.IV.172, л. 1—12

Сентября в 20 день, дому великого господина святейшего. . . кир Адриана, архиепископа московского и всеа России и всех северных стран патриарха.

Архан. Д. 412, с л. 1

. . . казначей старец Паисий Сийской и положил сию книгу во обещание свое в дом Пресвятыя и Живоначальные Троицы.

БАН, Арханг. Д. 423, с л. 1³⁴

Лета 7201-го-Сентября в 20 день дому великого господина всесвятейшаго кир Адриана, архиепископа московского и всеа России и всех северных стран патриарха казначей. Старец Паисий Сийской сию божественную книгу летописец с прилежным молением предложил во свое обещание в дом Пресвятыя и Живоначальные Троицы.

На этом пласте Q.IV.172 (л. 1—12) нет никакого указания на принадлежность Строеву; есть только общее замечание Платонова относительно всей рукописи Q.IV.172 (как он установил этот факт, неясно).

В целом создается такое впечатление: рукопись Погод. 1311 попала в руки Строеву до того, как она перешла к Погодину и, наверно, до того, как принадлежала Победоносцевым. Оттуда Строев взял два отрывка, один из которых еще не разыскан (по оглавлению Погод. 1311 там должен быть «Список с духовной святейшего Питирима, патриарха московского и всеа России»). Первые 12 листов Арханг. Д. 412 могли исчезнуть, когда Строев занимался в Архангельске в первые годы Археографической экспедиции.

* * *

Перейдем к выводам.

Здесь впервые была представлена в одном месте, хотя и в предварительном виде, совокупность данных по истории собрания рукописей Строева. Если раньше у нас было лишь общее представление о его собирательской деятельности, то сейчас мы можем точнее говорить о его приемах не только при собирании рукописей, но и при их обработке при подготовке к переплету. Это особенно важно потому, что, используя строевские рукописи, исследователи редко обращали внимание на черты, возникшие именно как результат деятельности Строева. Конечно, нельзя приписывать именно ему все случаи смыывания записей и сигнатур или искажения текста, но там, где заметны эти или другие вышеуказанные особенности, надо быть готовым встретиться где-то с другими частями рукописи, откуда Строев извлек свои тетради или листы. И если надо признать, что круг возможных источников строевских рукописей кажется почти беспредельным, то одновременно можно и несколько ограничить сферу поисков и высказать некоторые рекомендации.

Разумеется, дальнейшее исследование собрания Строева должно начинаться в самом собрании, где можно сравнительно легко определить,

³⁴ Цит. по кн.: Описание Рукописного отдела . . . , с. 479—480.

какие рукописи попали туда целиком, а какие — только в отрывках. Мне кажется, что среди шифров строевской описи абсолютное большинство его рукописей представлено или целиком, — как они хранятся в теперешних переплетах, — или в частях, которые можно «воссоединить», чтобы получить «доставший» вид рукописей.³⁵ При этом можно предположить, что многочисленные жития святых (№ 109—172), хранящиеся сейчас каждое в отдельном переплете, были взяты из сравнительно небольшого числа рукописей, попавших к Строеву целиком. К такому убеждению приводят нас примеры сборников, где отсутствуют некоторые части (напр., Погод. 1581), и возможность группирования отдельных житий в сравнительно небольшое число подборок по формату, почерку и времени написания. Приобретение сборников религиозного содержания XVII в., вероятно, не представляло затруднений в 1830-е годы.

Конечно, установление того, какие именно рукописи попали к Строеву целиком, само по себе еще не указывает на способ или источник их получения, но сведения относительно этого почти наверняка должны находиться в его неопубликованных бумагах. В тех же случаях, когда нам известно о приобретении Строевым того или иного собрания рукописей (в частности, я имею в виду собрание Калайдовича), важно найти дополнительную информацию об истории покупки. Однако такие исследования можно рассматривать как второстепенные по сравнению с полным описанием всех строевских рукописей.

Для установления происхождения всех рукописных отрывков в строевских сборниках также надо начинать с подробного описания собрания и его неперменной публикации, чтобы обеспечить возможность необходимых сравнений при исследовании других собраний. Принципы научного описания рукописей хорошо известны, но надо подчеркнуть, что разрешение проблем строевских рукописей настоятельно требует включения всех доступных данных о рукописях, снимков почерков, прорисей филиграней и составления указателей ко всей информации. Смытые записи, номера и т. д. надо прочесть в ультрафиолетовых лучах, тексты под наклейками следует читать на свет, и т. д. Пример изучения строевских сборников показывает пользу составления картотек почерков и филиграней, включая не только материал датированных рукописей; но даже до составления таких картотек публикация предлагаемого описания даст исследователям других собраний некоторую возможность нахождения у Строева отсутствующих листов и тетрадей.³⁶ Разумеется, при обнаружении остатков вырезанных листов не следует всегда возлагать вину на Строева; с другой стороны, вынимая тетрадь, он не всегда оставлял столь ясные следы, — есть рукописи (как, например, Соф. 1462), составленные из разных тетрадей, написанных разными почерками и на разной бумаге, где некрепко пришитые тетради легко могут бесследно потеряться. Конечно,

³⁵ Среди рукописей, которые мне удалось просмотреть, сохранившимися в строевской полноте мне кажутся: Погод. 683 (Строев. 123), Погод. 688 (Строев. 126), Погод. 799 (Строев. 242), Погод. 800 (Строев. 243), Погод. 1434 (Строев. 108), Погод. 1480 (Строев. 71), Погод. 1481 (Строев. 73), Погод. 1553 (Строев. 94), Погод. 1555 (Строев. 93), Погод. 1580 (Строев. 51), Погод. 1693 (Строев. 15), Погод. 1704 (Строев. 89).

³⁶ При разработке материалов для этой статьи мной была составлена картотека «своеобразных» филиграней, в которой мне пришлось ограничиться вместо рисунков одними только словесными описаниями. И даже при употреблении такой неполной и упрощенной картотеки легко выявлялись случаи, когда дальнейшее сравнение рукописей было необходимо для уточнения возможных связей между ними. Разумеется, далеко не всегда одинаковая бумага и почерк указывают на связь разных рукописей между собой, но такое совпадение основных показателей позволяет выбрать из большого числа рукописей те немногие, где такая связь наиболее вероятна. Там, где невозможно прямое сравнение рукописей, их отождествление требует фотографий или рентгенограмм филиграней.

в таких случаях все данные об отдельном отрывке могут ни к чему не привести, но такие случаи, как мне кажется, редки в этом собрании.

Стараясь определить, в каких собраниях скорее всего могут обнаружиться следы деятельности Строева, нужно в первую очередь думать о хранилищах, бывших в его время под наблюдением духовного ведомства. Вероятно, он мог изымать и отрывки из рукописей, принадлежавших частным лицам, — особенно если он критически относился к их знанию древних рукописей, но, как правило, можно исключить из круга его источников рукописи, уже находившиеся в его время в частных или государственных коллекциях. Важнейшая из них — собрание графа Ф. А. Толстого; но даже здесь дело осложняется тем, что Строев сам приобретал рукописи для графа. Пример рукописей Погод. 1311 и Q.IV.172 показывает, что строевские отрывки сейчас могут находиться вне его собрания, а рукописи, из которых они были взяты, — в собраниях других частных лиц. В данном случае, правда, Погод. 1311 скорее всего попала в частные руки только после окончания Археографической экспедиции.

Несмотря на наличие таких исключений, можно указать кирилловские рукописи Софийского собрания (их немного) как плодотворный материал для будущих разысканий. Синодальное, Кирилло-Белозерское и Архангельское собрания также должны дать источники сборников Строева. Вероятно, было бы нетрудно определить источники подборок иммунитетных грамот, о которых писал С. М. Каштанов. Относительно других сборников у меня возникло предположение, что ссылки Строева в «Библиологическом словаре» указывают на рукописи, из которых он мог заимствовать отдельные части. По крайней мере упомянутая там рукопись летописи из библиотеки Холмогорского собора сейчас хранится под шифром № 1 в собр. Строева (Погод. 1402); несколько отрывков было изъято из Син. 850, многократно цитированной в «Словаре», хотя мы не находим в нем ссылок на эти именно списки.³⁷ Во многих других случаях, когда я пытался найти в «Библиологическом словаре» упоминания сочинений, находящихся в строевских сборниках, меня постигала неудача.

Итак, пока в нашем распоряжении нет картотеки всех почерков и филиграней древнерусских рукописей, пока все их описания не хранятся в памяти вычислительной машины, возможные пути поисков источников строевской коллекции останутся слишком многочисленными для быстрого разрешения сложнейших проблем его собрания. Приходится вспомнить слова биографа Строева о том, что описание рукописей требует «закаленного терпения и твердой мужественной воли».³⁸

³⁷ О Погод. 1402 см.: П. М. Строев. Библиологический словарь..., с. 360 (ссылка на № 33 в библиотеке Холмогорского собора); ср. также: Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1940, с. XV. О произведениях в Син. 850 см.: П. М. Строев. Библиологический словарь, с. 331, 338, 356, 405, 408, 422, 423, 424.

³⁸ Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 123.

Анализ содержания этого большого сборника, разделенного Строевым, показывает, что, как и в случае с Погод. 1558, он старался выделить в отдельных переплетах известные большие сочинения («Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» — в Погод. 1629, Сказания о «Смутном времени» — в Погод. 1503). Можно предположить, что в рукописи, которую Строев имел, «Сказание Авраамия Палицына» и «Иное сказание»

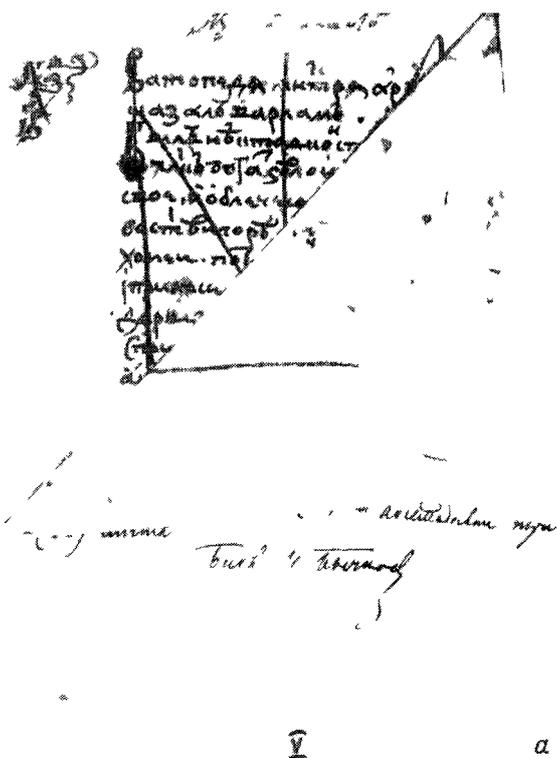

Рис. 1.

а — рип. ГПБ, собр. Погодина, № 1629, л. 83 об.

были разделены, хотя они, наверно, составляли смежные части сборника на первоначальной стадии его создания. В этом виде Строев и воссоединил их в Погод. 1503. Что касается содержания Погод. 1573, то представляется, что здесь Строев собрал главным образом документы XVI—XVII вв. дипломатического содержания и под. Менее ясен принцип составления Погод. 1576, возможно, сюда попали остатки произведений светской литературы, имевшиеся у Строева под рукой в конце марта 1835 г.

Погод. 1568 (Строев. 34) и Погод. 1589 (Строев. 238).⁴

Сборник Погод. 1568 состоит из разных рукописей, подготовленных Строевым к переплету 13 марта 1833 г. Как отмечено А. А. Зиминим,

⁴ Описание Погод. 1568 см. в кн.: Сочинения И. Пересветова. Подгот. текст А. А. Зимин, под ред. Д. С. Лихачева. М.—Л., 1956, с. 100; Погод. 1589 описана в кн.: А. Ф. Бычков. Описания церковно-славянских и русских рукописных сборников, с. 262—270. За поправки к моему анализу этих рукописей благодарю Д. Островского.

л. 2—38 (точнее л. 39) и 69—98⁵ представляют собой две части одной рукописи (один скорописный почерк конца XVII в). Анализ филиграней первой из этих частей указывает на четыре 8-листных тетради и 5 дополнительных листов. Труднее определить структуру второй части (л. 69—98). По-видимому, эта часть находилась в конце рукописи и была повреждена, так как здесь есть приклеенные листы, но при этом л. 69 вряд ли следовал прямо за л. 38, скорее всего, какая-то часть теперь отсутствует. Среди отрывков, добавленных Строевым между л. 38 и 69, есть три листа (л. 40—42) из рукописи ГИМ, Син. 850, а в Погод. 1568 есть другие 7 листов (л. 164—

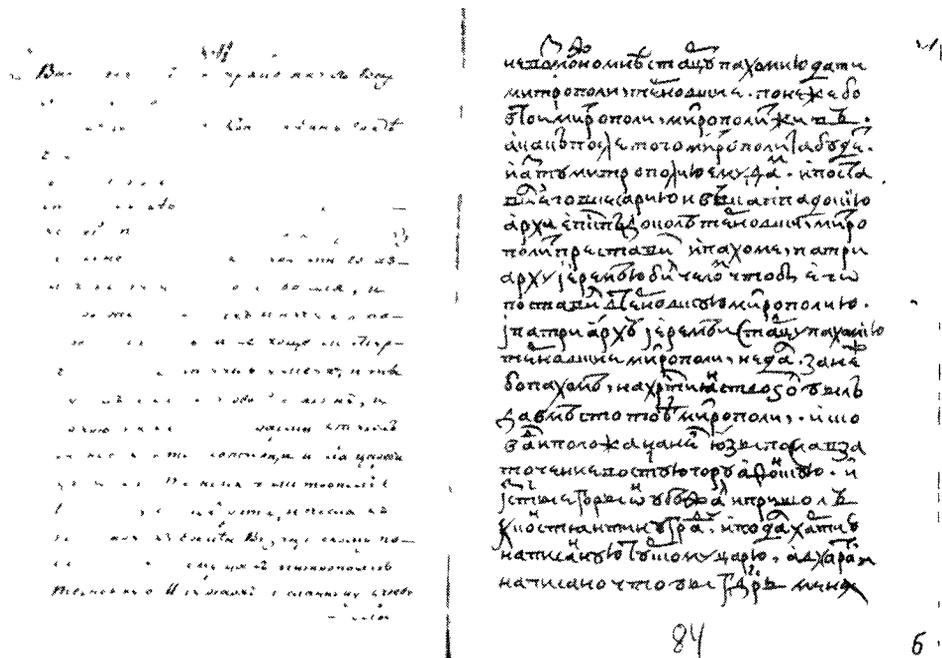

Рис. 1 (продолжение).

6 — ркн. ГПБ, собр. Погодина, № 1573, л. 83 об., 84.

170) из этой же рукописи. Почерк этих отрывков тождествен почерку Син. 850; в обоих встречается одинаковая бумага. На л. 40—41 в Погод. 1568 есть филигрань «Ворота Равенсбурга», и в Син. 850, где л. 664—670 той же бумаги, три листа было вырезано (между л. 663 и 664).

Более того, л. 164—170 Погод. 1568 — на бумаге с филигранью «Пасхальный агнец», имеющийся также в Син. 850 на л. 590, где было вырезано несколько листов. Возможно также, что отсутствует целая тетрадь между л. 1080 и 1081, — в одном из этих двух мест в достроевские времена находились л. 164—170 Погод. 1568.

За возможным исключением л. 100—108, все остальные части Погод. 1568 (л. 44—57, 110—111, 113—118, 120—163) были взяты Строевым из рукописи, большая часть которой сейчас находится в Погод. 1589, подготовленной к переплету в один день с Погод. 1568 (13 марта 1833 г.).⁶ Я пытался восстановить картину разделенного Строевым, но не вполне

⁵ По нумерации Строева. Он пропустил номера 58—67 и отметил это на л. 57 об.

⁶ Судя по записям, Погод. 1589 до получения ее Строевым находилась в Тихвине (см. л. 148 об.).

Погод. 1557 (Строев. 92).²⁵

Это типичный «строевский сборник», подобранный по религиозной тематике и составленный из трех отрывков разных рукописей. По-видимому, первые 59 листов были вместе в одной рукописи, но на л. 54—59 остались стерты следы ранней нумерации (56—61), указывающие на отсутствие двух листов. Как отмечает Бычков, текст на л. 53 об. не дописан. В следующем отрывке Строев добавил заголовок (л. 60), а первые и ко-

Принесенъ написанъ въ коронѣ
испавръ летопися сокъ чинъ
было кмосискоу своимъ градъ
сикъ иво ксен росискоу земль.

Схъкъ, принесенъ къста
подотворнаго икона преті
стныя кцы кладисисит
огра ичрд града ве ишимъ
кнземь. инъ дркемъ бголю
къ сисимъ юрь ебига долгоръ
коко. инаписанъ подоткоръ
ныи шкразь, ипломъ иекаги

Рис. 2.

а — рип. ГПБ, собр. Погодина, № 1952, л. 102.

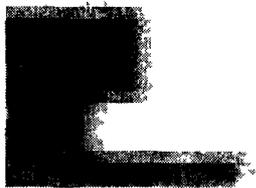
нечные слова этого отрывка, относившиеся к другим произведениям, были стерты. Текст последнего отрывка кончается в середине л. 77, и в конце этого листа Строев добавил: «Конец. Мая 30, 1831». Вероятно, это дата приобретения этого пласта, хотя, может быть, и дата составления сборника. Во второй половине мая 1831 г. Строев путешествовал по монастырям Московской епархии, но где он находился 30 мая, можно установить только по его неопубликованным письмам.

²⁵ Описание см.: там же, с. 112—114.

Погод. 1562 (Строев. 28).²⁶

Трудно определить, какие отрывки в этом типичном строевском сборнике могли составлять комплекс до вмешательства Строева. В одном случае он добавил лист (70) для оглавления, в других использовал чистые листы начала тетрадей (л. 95, 99, 102). Бычков выделяет в рукописи 6 отрывков, используя главным образом оглавление Строева, но такое деление представляется не вполне точным.

7.27
 прѣтвѣрѣннѣ иианамениаи спѣра
 нново се испрашно естъ ежеи
 бо исхотѣ житиѣ несподобити
 въ прѣтвѣрѣннѣ. егже не обѣ
 рѣшеши .ко кѣтъ правилѣхъ на
 писана оиныи оиокиже грѣсѣ
 шаковѣ съпрѣвѣннѣ ;
 О. в. за прѣтвѣрѣннѣ бо естъ
 рѣшеши .ко кѣтъ правилѣхъ на
 писана оиныи оиокиже грѣсѣ
 шаковѣ съпрѣвѣннѣ ;

6

Рис. 2 (продолжение).

6 — ркп. ГПБ, собр. Погодина, № 1952, л. 70 об. На л. 102 видны отпечатки записи, сделанной на л. 70 об.

Почерк на л. 47—61 если не идентичен, то, во всяком случае, очень похож на почерк л. 100—101, и оба текста написаны на одной бумаге (с филигранью «пасхальный агнец» над буквами PL в шите). Почерки на л. 66—69 и 71—72 также сходны, текст написан на одной бумаге. Хотя на л. 71—72 находятся копии царских грамот А. Л. Ордину-Нащокину, а на следующих листах есть копии других документов, также имеющих отношение к нему, нельзя согласиться с Бычковым, что л. 71—72 и 73—94 относятся к одной рукописи. Эти пласты отличаются друг от друга

²⁶ Описание см.: там же, с. 126—131.

ПОЛЕМИКА

Г. М. ПРОХОРОВ

Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания

Две уникальные подборки летописного материала, дополняющие друг друга так, словно они — половинки одного рассеченного вдоль (и чуть наискось) летописного свода, существуют в некогда принадлежавшей Н. М. Карамзину рукописи ГПБ, F.IV.603. Если их мысленно сложить, получится летописный свод, очень близкий к Новгородской IV летописи и близкий к Софийской I; причем по отношению к НIV он будет безусловно первичным, а по отношению к СI в чем-то первичным, а в чем-то вторичным.

Как известно, большое сходство летописей СI и НIV от начала до 6926 (1418) г. и невозможность ни одну из них полностью вывести из другой породили гипотезу о «своде 1448 г.» — протографе этих двух главных разновидностей сводного общерусского летописания.¹ Мысленно воссозданная, сложенная из двух «половинок» (подборок Карамзинского списка), «Новгородская Карамзинская летопись» рассматривается в науке как промежуточное звено между сводом 1448 г. и НIV.²

Операция мысленного сложения подборок Карамзинской рукописи, впервые произведенная около 80 лет назад А. А. Шахматовым, стала настолько само собой разумеющейся, что никто даже не пытался понастоящему изучать состав каждой из них. Я почувствовал в ходе моих изысканий необходимость проделать эту работу. И она привела меня к заключению, что на операцию сложения этих подборок мы не имеем права, а должны в наших рассуждениях исходить из факта раздельного (хотя и в одной рукописи) существования *двух* текстов.

Какие именно препятствия встречает гипотеза о единой «Новгородской Карамзинской летописи»? Половинками чего в таком случае оказываются летописные подборки Карамзинской рукописи? Каково отношение каждой из них к родственным им летописным памятникам? И что с изменением представлений об этих подборках меняется в наших общих представлениях о сводном общерусском летописании?

¹ См.: А. А. Шахматов. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9, с. 98, 104; 2) Обзорные русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 151—160; Я. С. Лурье. 1) К проблеме свода 1448 г. — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, с. 142—146; 2) Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 114—139; 3) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 67—121.

² А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды. . . , с. 96—98, 100; Я. С. Лурье. Новгородская Карамзинская летопись. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 207—213. Я. С. Лурье привлек мое внимание к летописным подборкам, о которых я здесь веду речь, за что я ему очень признателен. Представление о них у меня сложилось иное, чем у Я. С. Лурье. Это и является причиной появления предлагаемой вниманию читателя работы.

1. «Механическое» объяснение и недоумения

Подборки, о которых идет речь, помещаются в рукописи на л. 179—301 — первая, на л. 302—426 — вторая. Все эти листы (179—425 об.) написаны одной рукой в конце XV в.³ Окружающие их части книги⁴ созданы в XVII в. В конце рукописи, на л. 551, приписка: «В лѣта 7143 августа с 15 числа, и во 144-м, и во 145-м годах (в этом месте другою, кажется, рукою черными чернилами на поле приписано: «да во 147-м году», — а ниже бледными коричневыми чернилами: «июня по 14 день», — Г. П.) по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича и всея Руси указу были на его государеве службе в Великом Новѣгородѣ боярин и воевода князь Петр Александровичъ Репнин да дьяк Богдан Федоров сын Обобуров». Ниже добавлено (опять бледными коричневыми чернилами): «А указал государь пере. . .» (конец слова непонятен: «переписать»?). Эта приписка позволяет думать, что интересующие нас подборки летописного материала в списке XV в. были обреты в Новгороде московскими служилыми людьми в 30-х годах XVII в. и вставлены в изготовленную по их заказу рукопись.

Что по содержанию представляют собой эти подборки?

А. А. Шахматов, называвший их «Карамзинским списком Новгородской летописи», так пишет об этом: «Здесь текст Новгородской 4-й летописи разбит на два списка: первый. . . содержит в себе выборку из Новгородской 4-й летописи преимущественно новгородских известий, а точнее начальных известий из большей части летописных ее статей. . . Второй список. . . оказывается дополнительной выборкою известий из той же Новгородской 4-й летописи: в эту выборку попали преимущественно неначальные известия летописных статей ее; дополнительный характер ее объясняет и то, почему она (на л. 302) начинается без всякого заглавия со статьи 6496 (988) г. . . Если соединить текст обеих выборок, помещенных в Карамзинском списке, мы получим почти полный список Новгородской 4-й летописи. Список этот важен в особенности потому, что в целом ряде случаев представляет чтения более первоначальные, чем все. . . редакции этой летописи. . .; мы с полным основанием заключаем о большей первоначальности той редакции Новгородской 4-й летописи, которая отразилась в Карамзинском списке, сравнительно со всеми остальными редакциями. Эту редакцию, ввиду ее полноты и древности, мы назовем *основною* и находим возможным выводить из нее первую редакцию, представленную Новороссийским и Голицынским списками; вторую. . . редакцию выводим из первой редакции, а третью. . . из второй». Именно текст в этой основной редакции НIV, т. е. текст, суммированный из выборок Карамзинского списка (далее: НК), «должен быть, — по мнению А. А. Шахматова, — поставлен в непосредственное отношение к Софийской 1-й летописи».⁵

Первая подборка (далее: НК₁) возникла, полагает А. А. Шахматов, в Новгороде как извлечение из летописи главным образом новгородских

³ А. Н. Насонов (Псковские летописи, вып. I. М.—Л., 1941, с. XIX—XX) датирует их концом XV—началом XVI в. По моим наблюдениям, водяные знаки этой бумаги («буква Р» типа № 8622, по альбому Брик, — 1460—1489 гг. и № 8629 — 1495—1498 гг.; по альбому Н. П. Лихачева, № 1479 — 1497 и 1498 гг.; «голова быка», по Брик, типа 15375 — 1492 г. и № 15376 — 1498 г.; по Лихачеву, № 1270 — 1497 г.) позволяют говорить о конце XV в.

⁴ Листы 1—178, где находится Палея сокращенной редакции, и л. 426—551, содержащие Псковскую летопись по 1547 г., Рукописание великого князя Всеволода, Послание на Угру, Духовную митрополита Киприана и другие добавки. Они тоже написаны одной рукой.

⁵ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды. . ., с. 96—98, 100.

известий — «быть может, с целью положить ее в основание более подробной, современной летописи». Дойдя до 1411 г., «составитель Карамзинского списка сообразил, что предшествующий труд не удовлетворяет своему назначению: он заметил, что благодаря известной механичности выборка опустила целый ряд новгородских известий, важных и интересных, вследствие того именно, что эти известия читались не в начале, а в конце тех или иных летописных статей; он заметил далее, что опущенные им известия общерусские могут представлять интерес для новгородской летописи, ибо во многих случаях с ними связаны и новгородские известия. Все это побудило составителя прервать выборку, но, не бросая ее, восполнить по протографу все опущенное. Так возникла вторая выборка, содержащая все то, что опустила первая»⁶ (вторая подборка далее: НК₂).

Как видим, А. А. Шахматов считал объединенный текст двух подборок НК первоначальным, основным по отношению ко всем редакциям НІV. Со временем, однако, он изменил свое мнение и стал считать, что первоначальными по отношению к НІV чтениями этот текст обязан правке по общему источнику НІV и СІ, своду 1448 г., т. е. что «прогограф Карамзинского списка представлял собою соединение двух новгородских летописей — позднейшей Новгородской 4-й и старшей — свода 1448 г. . . ., причем свод 1448 г. был употреблен в качестве дополнительного источника для исправлений и дополнений основного текста».⁷

Я. С. Лурье усомнился в этом последнем заключении А. А. Шахматова: «Последовательное сопоставление этой летописи с НІVЛ и СІЛ, — пишет он, — подтверждает наблюдение А. А. Шахматова, что в НК в ряде случаев читается более первоначальный текст, чем в НІVЛ. . . Но значит ли это, что текст НК отражает общий протограф НІVЛ и СІЛ?». Сам Я. С. Лурье пришел к выводу, родственному первоначальному выводу А. А. Шахматова, что НК отражает не НІV и не свод 1448 г. непосредственно, а первую новгородскую переработку этого свода, выразившуюся в сокращении больших общерусских статей и введении ряда дополнительных новгородских известий. НІV еще больше, чем НК, пополненная новгородским материалом, оказывается в его глазах вторичной переработкой оригинала, свода 1448 г. Иначе говоря, протограф обеих подборок НК был, по Я. С. Лурье, архетипом НІV.⁸

Главным, что роднит взгляды А. А. Шахматова и Я. С. Лурье на НК и что лежит в основе всех их рассуждений о нем, является уверенность, что НК₁ и НК₂ имели *один общий протограф*, который «имел вид обыкновенного свода»,⁹ что они являются половинками *до них* единого текста. Базируется эта уверенность на том, что в сумме НК₁ и НК₂ дают цельный связный летописный свод, а порознь выглядят как обрубки.

Писец-новгородец, по А. А. Шахматову и Я. С. Лурье, решил выбрать из общерусского свода новгородские известия. Зачем? Разве не существовало в Новгороде XV в. той самой Новгородской I летописи, которая послужила основным источником новгородских известий для общерусского свода?

Допустим, что писцом руководили какие-то недоступные нам соображения. Как подошел он к своей задаче? Достойным ее образом: стал механически списывать начала статей, изредка статьи целиком. И А. А. Шахматов и Я. С. Лурье признают механичность мыслимого ими разделения текста («. . . благодаря известной механичности выборка

⁶ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов. . . , с. 194—195.

⁷ Там же, с. 193.

⁸ Я. С. Лурье. Новгородская Карамзинская летопись, с. 208—213.

⁹ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов. . . , с. 193.

опустила целый ряд новгородских известий»,¹⁰ «... механичность этого разделения доказывается тем обстоятельством, что...»¹¹. Эту механичность Я. С. Лурье оценивает даже как «систему, которую он (писец НК, — Г. П.) осуществлял достаточно добросовестно».¹²

Получается, что, проделав гигантский труд, едва не завершив работу, писец забраковал свою «систему». Но он не применил другую, не восполнил огрехов! Он отказался от самой вызывающей у нас недоумение задачи; причем не просто отказался, не бросил работу, а проделал новый титанический труд, сводящий на нет весь предыдущий: скрупулезно списал *все* то — и только то! — что не списал прежде. Сам принцип выборочности пошел насмарку, будучи замещен принципом дополнительности. В результате текст свода оказался полным, но не цельным, разделенным. Ясно, что объяснение возникновения НК₁ и НК₂, предполагающее сначала бессмысленную механическую работу невнимательного писца, затем противоположную ей по направленности тщательную работу того же человека и абсолютно никчемный результат, — это объяснение может быть принято только на самый худой конец — за неимением никакого лучшего, усматривающего больше смысла в действиях, приведших к созданию занимающих нас выборок или подборок. Руководствуясь правилом примата сознательных изменений летописного текста над механическим, мы, как известно, бываем ближе к истине, чем поступаая вопреки ему.¹³

Настораживает также то, что, говоря о механическом происхождении выборок НК, Я. С. Лурье гипотезу об их общем протографе, «Новгородской Карамзинской летописи», обосновывает с помощью другой гипотезы, хотя и весьма почтенной (но все-таки гипотезы!) — об общем протографе СІ и НІV, своде 1448 г.: «... механичность этого разделения доказывается тем обстоятельством, что версии, совпадающие с СІЛ (и, следовательно, могущие быть отнесенными к общему протографу), не оказались в какой-либо одной из этих выборок, а обнаруживаются (как и индивидуальные версии НІVЛ) то здесь, то там».¹⁴

Отношение подборок НК к НІV и СІ любопытно. Годовые статьи НК₁ являют собой, как правило, начала, а статьи НК₂ — окончания погодных статей НІV. Правило это не действует применительно к СІ. Почему? Каким мыслится расположение материала в своде 1448 г.? По А. А. Шахматову, — таким же, как в НІV: «Новгородская 4-я летопись, — писал он, — а также свод 1448 г. составлены так, что (начиная с XII в.) первые части содержащихся в них погодных сообщений заняты вообще новгородскими известиями... а вторые общерусскими».¹⁵ Дело в том, что А. А. Шахматов думал о своде 1448 г. как о новгородском по происхождению. Я. С. Лурье, вслед за М. Д. Приселковым,¹⁶ мыслит его московским сводом и видит в СІ более верное его отражение. И оказывается вынужденным поместить в своей картине происхождения выборок НК — на пути к ним от свода 1448 г. — по крайней мере еще одного человека. Его задача — менять сообщения свода 1448 г. местами¹⁷ и дополнять новгородскими

¹⁰ Там же, с. 194.

¹¹ Я. С. Лурье. Новгородская Карамзинская летопись, с. 211.

¹² Я. С. Лурье. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи. — Наст. изд., с. 203.

¹³ См.: Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, с. 365.

¹⁴ Я. С. Лурье. Новгородская Карамзинская летопись, с. 209.

¹⁵ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов... с. 194.

¹⁶ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 149—151.

¹⁷ Я. С. Лурье пишет, что, по его наблюдениям, случаев перестановки текста в НІV и НК по сравнению с СІ немного (Еще раз о своде 1448 г. . . , с. 215). Мне броси-

известиями, создавая возможность писцу НК механически, ничего не выбирая, списывать только «начала» погодных статей. Неудача писца НК предопределена была, следовательно, бестолковостью или непоследовательностью перестановщика-дополнителя, создателя архетипа НК—НІV (далеко не все новгородские известия, и старые и вновь добавленные, оказались в начале статей). Трудоемкой бессмыслицы мы должны предполагать теперь, благодаря неизбежному дополнительному допущению Я. С. Лурье, в два раза больше.¹⁸

2. «Раздублирование» протографа или огрехи дополнения?

Если подборки Карамзинского списка сложить, то в получившейся летописи окажется множество повторных (но не идентичных по тексту) сообщений об уже сказанном, смысловых дублировок. Большинство их (но далеко не все) обнаруживается в НІV (в СІ их нет). Я. С. Лурье насчитал в НІV порядка 30 таких дублировок¹⁹ (на деле их почти в два раза больше). Исследователь предложил следующее объяснение их происхождения: имея в своем распоряжении текст, сходный с СІ (протограф СІ—НІV), составитель НК (архетипа НІV) дополнил его по какому-то другому (вероятно, новгородскому) источнику; в НІV часть получившихся дублировок была замечена и некоторые из них (обычно сходные с СІ) опущены, хотя большинство дублировок осталось незамеченным и сохранилось. Т. е. дублировки в архетипе НК и НІV возникли, по мнению Я. С. Лурье, «из-за того, что составитель этого памятника дополнил свой протограф (свод 1448 г.) по одному или нескольким источникам (главным образом новгородским) и не заметил, что среди добавленных текстов были поиную изложенные известия об уже упомянутых в протографе событиях».²⁰

Меня поразило вот что: летописные подборки Карамзинской рукописи дублируют не каждая саму себя, а *друг друга*. Иными словами, один член огромного ряда «дублировок» помещается в НК₁, другой — в НК₂. Всего таких случаев насчитывается порядка 65.²¹

лось в глаза примерно 60 таких случаев. Ср.: 6525, 6549—6551, 6586—6587, 6596, 6633, 6645, 6655, 6656, 6667, 6673, 6674, 6678, 6686—6687, 6694, 6701, 6720, 6726, 6736, 6738, 6744, 6764, 6774—6776, 6780, 6790, 6798, 6800, 6801, 6802, 6803, 6805, 6810, 6815, 6825—6826, 6830, 6831—6832, 6833, 6835, 6836, 6841, 6848, 6849, 6853, 6858, 6874, 6876, 6878, 6879, 6885, 6886, 6888—6889, 6889, 6892, 6902, 6903, 6904, 6914, 6917, 6919, 6921 гг.

¹⁸ Я. С. Лурье в статье «Еще раз о своде 1448 г. . . .» допускает возможность того, что писец-составитель НК *сознательно* делил текст своего протографа, вынося в первую подборку наиболее важные для него известия из новгородской истории, а во вторую помещая все остальные (там же, с. 201). Получается, что исторический вкус этого писца-разделителя оказался полностью, от начала до конца, удовлетворен достаточно непоследовательной работой его предшественника, создателя архетипа НК—НІV, ибо, выделяя часть летописного материала в особую подборку (заметим, материала не только новгородского по содержанию, но и всякого иного), писец НК *ни разу* не отступил от правила начинать с начала статьи, не менять порядок известий и ничего не добавлять и не убавлять. В его воле было лишь оборвать выборку в любом месте. Если же допустить, что создатель НК хоть в какой-то мере *сам* выбирал, певзирая на порядок протографа, и пополнял материал, необходимо допустить и то, что НІV восходит прямо к занимающим нас летописным подборкам, является их соединением.

¹⁹ Я. С. Лурье. Общерусский свод — протограф. . . , с. 119.

²⁰ См.: Я. С. Лурье. 1) Новгородская Карамзинская летопись, с. 211; 2) Еще раз о своде 1448 г. . . . , с. 202.

²¹ 6532 (о Мстиславе в Чернигове), 6563 (вокняжение Изяслава), 6580 (перенесение мощей Бориса и Глеба), 6584 (смерть Святослава), 6600 (чудо в Полотске), 6622 (затмение, смерть Святополка и вокняжение Владимира Мономаха), 6646 (смерть Ярополка и вокняжение Вячеслава), 6664 (смерть архиепископа Нифонта, избрание Аркадия), 6665 (смерть Юрия Долгорукого), 6666 (вокняжение Ростислава), 6667 (смерть митрополита Константина), 6668 (гибель Изяслава), 6673—6675 (смерть Ростислава), 6674—6676 (вокняжение Мстислава Изяславича), 6680 (о Романе), 6684—6685 (смерть Михаила), 6691—6698 (строительство церкви св. Евпатия), 6732 (строительство церкви Семенов

В НК₁ дублировок нет. Лишь один раз дважды говорится здесь об одном и том же — о смерти матери князя Владимира, жены Ярослава (под 6549 и 6553 гг.), причем второе из этих сообщений точно, за исключением слов «в лето 1-е егда нача здати святую Софию», *повторяет* первое (причина повторения, это совершенно ясно, — в исключенных словах, ибо как раз под 6553 г. говорится о закладке Владимиром в Новгороде собора св. Софии, т. е. этот год и есть «лето 1-е егда нача здати святую Софию»).

И максимум три раза оба члена дубля (если это на деле не записи о разных событиях) находятся в НК₂.²²

Удивительная симметричность размещения дублирующих друг друга сообщений по выборкам заставляет еще сильнее усомниться в существовании единого протографа НК. Статьи выборок разновелики и колеблются как в «абсолютных» размерах, так и относительно друг друга (НК₁ и НК₂): «имевший вид обыкновенного свода» протограф должен был быть разрезан не только «наискосок», но и как бы сильно дрожавшей рукой. Весьма различно и положение дублируемых и дублирующих известий внутри статей: они бывают и в их началах, и в серединах, и в концах, иногда составляют статьи целиком. Получается, что один крайне небрежный человек (создатель архетипа НК — Н1V) 65 раз себя продублировал, а другой небрежный человек (писец-разделитель НК) нечаянно, прыгающей рукой, виргуозно-точно его «раздублировал». Я. С. Лурье считает это естественным,²³ мне же кажется это совершенно невероятным.

Борисовичем), 6780 (смерть Ярослава), 6782—6784 (смерть Василия), 6802 (смерть Дмитрия), 6812 (смерть Андрея), 6826—6827 (смерть Михаила Ярославича), 6827 (об Афанасии), 6830 (нашествие Ахмыла), 6835 (хождение в Орду Ивана Даниловича, поход татар на Тверь и бегство Александра в Псков), 6848—6849 (смерть Ивана Калиты и вокняжение Семена), 6848—6849 (убийство Глеба Святославича), 6860—6861 (смерть Семена и новгородское посольство в Орду), 6862 (строительство церкви на Ильиной улице), 6874 (о новгородских ушкуйниках), 6874—6875 (конфликт Дмитрия Ивановича с Новгородом), 6875 (примирение князя с Новгородом), 6885 (смерть Ольгерда), 6885—6887 (смерть митрополита Алексея), 6886 (битва на Пьяне), 6887 (битва на Воже), 6892 (возведение городка на Яме и «помрачение»), 6894 (бой под Мстиславлем), 6895 (укрепление Порхова и возвращение Василия Дмитриевича), 6896—6897 (мор в Пскове), 6897 (смерть Дмитрия Ивановича), 6898 (мир Василия с Новгородом), 6900 (поход князя Василия на Нижний Новгород и бегство князя Семена в Орду), 6901 (вокняжение Витовта и мир с ним Новгорода), 6903 (первое взятие Смоленска), 6905 (приезд смоленского князя в Новгород), 6909 (освобождение Смоленска), 6910 (о звезде, рязанско-литовская война), 6910—6911 (взятие Вязьмы), 6912 (второе взятие Смоленска), 6914 (смерть митрополита Кириана), 6915 (приезд в Новгород Семена-Лугвены), 6916 (нашествие Егидея), 6916—6917 (смерть тверского епископа Арсения), 6917 (хождение Анфала к Болгарам), 6918 (знамение в св. Софии о судах), 6919 (возведение церкви владыкой Иваном) гг.

²² 6764—6766 («число» на Руси — может быть, и не дублировка), 6885—6886 (взятие татарами Нижнего Новгорода — опять-таки, может быть, и не дублировка) и 6900—6901 (поход на Нижний Новгород; под 6900 г. об этом дважды) гг.

²³ Я. С. Лурье полагает, что, поскольку большинство дублировок оригинала читалось в одних и тех годовых статьях — одна в первой, другая во второй части статьи, при «разрезании» годовой статьи пополам эти дублировки, «естественно, оказывались в разных выборках». Считая показательными лишь те случаи, когда известия об одном и том же читаются под разными годами «и их место в тексте годовой статьи (ближе к началу или к концу) могло быть, — как пишет Я. С. Лурье, — различным», он сосредоточивает внимание лишь на четырех отмеченных нами выше исключениях (дословное повторение известия о смерти княгини в НК₁ и три дублировки, из которых две сомнительные, в НК₂; см. предыдущее примечание), обходя, таким образом, вниманием весь громадный корпус несомненных случаев, когда НК₁ и НК₂ дублируют друг друга. При этом Я. С. Лурье предлагает мне привести примеры, когда распределение дублировок по разным выборкам не вытекает «естественно» из разделения годовых статей пополам — когда в разные выборки попадают известия из одной и той же «части» статьи (Еще раз о своде 1448 г. . . ., с. 203). Если под «частями» понимаются статьи выборок, предложение бессмысленно; если же половины суммы сложения их ста-

Но не могла ли *цель* разделения текста состоять в разнесении членов дублей по разным выборкам? Это невозможно: дублируемые известия тонут в море других, составляя ничтожный процент их общего количества, так что задача была бы совершенно несоразмерна необходимой для ее решения работе. Это невозможно было сделать и похода: дубли приходится специально, в ряде случаев с трудом, выискивать, опознавать. Такое напряжение внимания не вяжется с механической работой выборщика.

Несамостоятельность, выборочность НК₁ и НК₂ остаются вне всяких сомнений, как, равным образом, не приходится сомневаться в их взаимно-дополнительном характере. Сомнительной оказывается лишь мысль о том, что эти две летописные подборки являются половинками одного генетически предшествующего им летописного свода. Но если НК₁ и НК₂ не «раздублируют» свой единый протограф, то они, очевидно, делают то, что они на наших глазах и делают — дублируют *друг друга*. Почему? Благодаря, видимо, как раз своему взаимно-дополнительному характеру. Дублировки, в таком случае, суть огрехи дополнения, точнее говоря — *заготавливаемого* дополнения (в источнике или источниках, откуда материал для этого дополнения черпался, говорилось о том же другими словами, несколько иначе, иногда полней, а иногда под другими годами). Гораздо, конечно, вероятней, что один сводчик (или один ряд сводчиков) невольно дублировал другого сводчика (или других сводчиков), *готовя* дополнение к чужой работе, нежели уже дополняя ее: все-таки отбор и переписка отобранного материала оставляют в памяти более глубокий след, чем только ознакомление, брошенный взгляд, просмотр.

Спору нет, при работе с разными источниками сводчик легко может продублировать сам себя, и мы еще будем говорить о таких случаях. Но их единицы. Несравнимо чаще мы будем встречаться с примерами устранения, избегания дублировок при сведении разнородных материалов. Примеров же полного «раздублирования» летописного текста при механическом его расчленении мы, конечно, не сыщем.

Объяснение Я. С. Лурье и здесь грешит предпочтением механического и случайного сознательному и естественному.

Будучи заинтригован загадкой отношения летописных подборок Карамзинского списка друг к другу и не будучи удовлетворен устояв-

тей, то таких примеров можно привести довольно много (под 6665, 6666, 6680, 6905, 6918, 6919 гг. оба члена дубля помещаются в правой «части», а под 6667, 6780, 6874, 6885, 6894, 6901, 6910, 6912, 6914, 6916 гг. оба — в левой). Как видим, положение известий-дублировок и под одним годом весьма различно, так что выделять те случаи, когда они под разными годами, нет оснований. И, заметим, наиболее резко противоречат гипотезе о единой «Новгородской Карамзинской летописи» примеры как раз тех дублировок, которые при «разрезании» годовых статьи, «естественно, оказывались в разных выборках»: складывая статьи НК₁ и НК₂ 6584, 6600, 6664, 6862 гг., получаем результат, который вряд ли возможно рассматривать как статьи одного протографа, поскольку эти небольшие статьи оказываются целиком или почти целиком состоящими из повторяющих друг друга известий, причем повторяющих в довольно близких выражениях. Маловероятным для единой летописи образом встречаются или сближаются дублировки и при соединении статей 6680, 6885, 6897, 6905, 6910, 6916, 6917, 6918, 6919 гг. Таким образом, в качестве примеров, когда распределение дублировок по разным выборкам не вытекает естественно из разделения единых годовых статей ни пополам, ни вообще как-либо механически, я указываю на *все* 65 случаев взаимного дублирования НК₁ и НК₂ *разом*. Если же, кроме того, привлечь для контроля НIV — в качестве независимого отражения предполагаемого «архетипа НК—НIV», — можно привести еще один пример. Под 6665 (1157) г. НК₁ и НК₂ дублируют друг друга сообщениями о смерти князя Юрия Всеволодича, как бы деля единое в НIV известие пополам. И вот что несколько странно: сообщение НК₁ оказывается совпадающим по тексту с НI, а сообщение НК₂ — с Лавр. (ниже я скажу об этом подробнее). Конец же статьи НIV (известие о смерти Юрия Владимировича — предпоследнее в статье) обнаруживается не в НК₂, как следовало бы ожидать, предполагая механическое разделение протографа, а в НК₁.

шимся в науке объяснением этого отношения, я решился на кропотливую и трудоемкую, но необходимую для ее решения работу — сплошной по-статейный анализ текста этих подборок в сравнении с родственными им летописными памятниками. Свои наблюдения я фиксировал в специально для этой цели разработанной таблице. Моей задачей было дать подобие математической или химической формулы *каждой* статьи подвергаемого анализу летописного материала. Таким путем я стремился достичь более далекой цели — увидеть то, что не видно «невооруженным глазом», — статистические закономерности, свойственные составу этих памятников и их взаимоотношениям.

3. Состав первой подборки Карамзинского списка

Результаты анализа поразили меня самого. Прежде всего оказалось, что по составу своего текста первая подборка, НК₁, четко распадается на две части. По статью 6693 (1185) г. она оказалась сводом, соединяющим выборки из двух источников: центральнорусской летописи типа Лаврентьевской (далее: Лавр.) и новгородской типа НЛ. После статьи 6693 (1185) г. НК₁ — выборка из НЛ.

Займствования из Лавр. обнаруживаются в НК₁ с самого начала, от начала Повести временных лет, и попадают более или менее регулярно, — с частотой от одного до нескольких лет. Всего за два века до 1185 г. здесь насчитывается примерно 125 случаев ее присутствия.²⁴ Обрыв происходит внезапно.²⁵ Лишь спустя 200 лет, в 4 статьях конца XIV—начала XV в. — под 6891 (1383), 6894 (1386), 6916 (1408) и 6919 (1411) гг., — мы вновь встречаем займствования из центральнорусской летописи (для этого времени типа Рогожского летописца (далее: Рог.), Троицкой (далее: Тр.), Симеоновской (далее: Сим.) и Московской Академической (далее: МАК.) летописей, поскольку Лавр. оканчивается на 1305 г.). За вычетом этих 4 небольших вкраплений, НК₁ после 6693 (1185) г. до конца, т. е. по статью 6919 (1411) г., обнаруживает связь исключительно с НЛ.²⁶

Если вслед за А. А. Шахматовым и Я. С. Лурье допустить, что НК₁ представляет собой извлечение из единого свода, где материалы новгородской и центральнорусской летописей были уже слиты, необъяснимым окажется, как удалось после статьи 1185 г. обойти на протяжении 200 лет

²⁴ В статьях: 6360—6374, 6376, 6377, 6387—6485, 6491, 6498—6527, 6529—6552, 6555, 6573, 6581, 6583, 6584, 6587—6608, 6612, 6622, 6625, 6629, 6630, 6632, 6634, 6640, 6644, 6646, 6655, 6662, 6663, 6664, 6668, 6675, 6676, 6680, 6682, 6683, 6688, 6689 и 6693 гг. Кроме того, статьи 6488—6490, 6492—6496, 6553, 6559, 6562, 6565, 6569, 6571, 6574—6578, 6580, 6582 гг. содержат материалы, которые могли быть займствованы как из Лавр., так и из НЛ. Статья 6877 г. может быть основана как на НЛ, так и на Сим.

²⁵ Только в пространстве 85 лет XII в. вставки из Лавр. можно видеть в 23 статьях НК₁ (см. предыдущую сноску). Иногда они весьма значительны (6632, 6646, 6668, 6682 и 6683 гг.), иногда невелики. К примеру, относительно небольшой эксцерпт из статьи Лавр. 6689 (1181) г., находящийся в статье НК₁ 6688 (1180) г., насчитывает порядка 30 слов (от слов «Всеволод же благосерд сый» до слов «Всеволод в Володимерь»), а эксцерпт из статьи Л 6890 (1182) г. — в статье НК₁ 6689 (1181) г. — порядка 50 (период от слов «Новгородци ж приведоша к себе» до слов «еха к Торжку», далее слова «и взяша град, а князя Ярополка яша», «и възвратись с победою в Володимерь», «в Володимерь, пусти их опять на Торжек»). Зачастую займствования из Лавр. составляют годовые статьи НК₁ целиком (6629, 6630, 6634, 6640, 6655 и 6663 гг.).

²⁶ Такого же изменения в составе СЛ мы не наблюдаем. Лишь за период от 1186 г. вплоть до начала XIV в. мы обнаруживаем там влияние центральнорусской летописи типа Лавр., Тр. и МАК. в следующих статьях: 6694, 6710 (Лавр. 6711), 6720, 6724 (Лавр. 6725), 6744 (?), 6745—6746, 6763, 6770, 6777, 6778, 6780, 6785, 6786, 6787, 6789, 6790, 6791, 6793, 6794, 6796, 6797, 6798, 6801, 6802, 6803, 6804 (Тр.-Сим. 6805), 6806, 6807 гг. В том же промежутке обнаруживается, кроме того, влияние Ипатьевской (статьи 6732, 6747 и 6748 гг.) и Псковской 3 (6774, 6776, 6779 и 6807 гг.) летописей.

все, восходящее к центральнонорусскому источнику. Это столь же вероятно, как, зажмурившись, «раздублировать» громадный свод.

Вычленением новгородских по содержанию известий состав НК₁ после 1185 г. объяснить невозможно потому, во-первых, что это заставило бы опять допустить «механику с чудесами», и потому, во-вторых, что множество сообщений о событиях *вне* Новгорода вошло в эту часть НК₁ в передаче именно НН.²⁷

Не проще ли объяснить состав НК₁ как результат *соединения* выборок из центральнонорусской летописи, не переходящей порог 1185 г., с выборками из летописи новгородской?

В науке о русском летописании 1185 г. — уже отмеченный рубеж. А. А. Шахматов полагал, что на этом годе оканчивалась одна из древнейших редакций владимирской летописи и что на этой редакции, как на общем основании, покоятся позднейшие летописные своды. По его мысли, Владимирский свод 1185 г. отразился, во-первых и главным образом, в Лавр. (через ростовскую летопись), во-вторых, в Радзивиловской (через Лавр. и — независимо — через владимирскую в редакции 1192 г. и через переяславскую) и, в-третьих, в Ипатьевской летописи (через общерусский свод, «полихрон», начала XIV в.).²⁸ Любопытно, что в НК₁ мы обнаруживаем черты, роднящие ее, помимо Лавр., с Радзивиловской (далее: Радз.) и Ипатьевской (далее: Ип.) летописями. Так, выборки из центральнонорусского источника в статьях НК₁ 6377 (869), 6389 (881), 6406 (898) и 6442 (934) гг. сближают ее с Радзивиловской; кроме того, у них есть общие пропуски: и там, и там нет сообщения 6519 (1011) г. о смерти княгини Анны (НК₂ это сообщение восстанавливает), под 6532 (1024) г. пропущен рассказ о восстании волхвов в Суздальской земле и их избиении Ярославом (НК₂ восполняет этот пропуск кратким сообщением). С Ипатьевской НК₁ сближается известием 6608 (1100) г. о закладке Владимиром Мономахом церкви в Смоленске. Мы вправе думать о каком-то родстве отраженного в НК₁ центральнонорусского источника, оканчивающегося на 1185 г., с мыслимым А. А. Шахматовым Владимирским сводом 1185 г.

Я. С. Лурье отмечает невнимание НК₁ к владимирским князьям.²⁹ Действительно, на протяжении XII в. НК₁ берет из центральнонорусского источника материал, относящийся либо к Новгороду,³⁰ либо к

²⁷ См.: 6744 г. — о пленении татарами Болгарской земли, 6766 г. — о приходе Литвы под Смоленск, о взятии татарами Литовской земли, 6771 г. — о мятеже в Литве и завоевании Литвой Полотска, 6789 г. — о смерти митрополита Кирилла в Переяславле и похоропах в Киеве, 6827 г. — об убиении в Орде Михаила Тверского, его сына и бояр, о передаче великого княжения Юрию, 6829 г. — о походе князя Юрия на Дмитрия Михайловича Тверского и мире между ними, 6830 г. — о хождении тверского князя Дмитрия в Орду, получении им великого княжения, о после Ахмыле в Низовской земле, 6833 г. — о приходе из Орды Александра Михайловича с татарами и тягости Низовской земле, 6835 г. — об убийстве татарами Ивана Ярославича Рязанского, 6848 г. — о смерти князя Ивана Даниловича в Москве и хождении всех князей в Орду, 6849 г. — о смерти Узбека и Гедимина, 6851 г. — о хождении митрополита Феоноста в Орду, 6857 г. — о взятии краковским королем Вольпской земли, 6885 г. — о смерти Ольгерда в Литве, митрополита Алексея — в Москве, 6886 г. — о приходе татар на Суздальскую землю и битве на р. Пьяне, 6887 г. — о битве на Воже, 6889 г. — о мятеже в Литве и т. д.

²⁸ А. А. Шахматов. Исследование о Радзивиловской, или Кенигсбергской, летописи. — ОЛДП, 1902, с. 69—74 и стемма на с. 101; см. также: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов. . . , с. 51—63.

²⁹ См.: Я. С. Лурье. Еще раз о своде 1448 г. . . , с. 207.

³⁰ См.: 6625 (перемещение Владимиром Мономахом сына из Новгорода в Киев и посажение на стол в Новгороде Всеволода Мстиславича), 6662 (изгнание новгородцами Святослава — должно быть, Ярослава Изяславича — и посажение Романа Ростиславича), 6663 («Ожениши новгородци Мстислава Юрьевича. . .»), 6664 (смерть новгородского архиепископа), 6668 (просьба новгородцев у Андрея Юрьевича нового князя вместо выгнанного Святослава Ростиславича), 6682 (бегство Рюрика из Новгорода, посольство

Киеву,³¹ но не к Владимиру. Легко заметить, что интересует выборщика из происходящего вне Новгорода: главным образом — смена в Киеве князей и митрополитов. Очевидно, что центральнорусский источник, использованный этим выборщиком, был киевским, а не владимирским. Можно предположить себе, что НК₁ сохраняет сводку новгородского и киевского материала, *заведомо* предназначенную для соединения именно с владимирским летописным материалом. Так это или не так (судить об этом уверенно еще рано), в этом новом наблюдении над составом НК₁ за XII в. мы находим новое препятствие гипотезе о «Новгородской Карамзинской летописи». Но если НК₁ и НК₂ родственны С I и N IV *не через посредство единого протографа*, то как же? Сравним подборки с этими летописями-сводами по отдельности.

4. Первая подборка Карамзинского списка и Софийская I летопись

В С I мы обнаруживаем несколько сокращенный вариант того же текста, что и в НК₁. Сличая, то и дело видим: статьи С I оказываются сокращением того именно сокращения или той именно выборки из летописей-источников, что составляют статьи НК₁.³²

Наряду с сокращенной передачей известий НК₁ часто С I какие-то из них опускает. Характер отбора материала в целом ясен: не попадают в С I главным образом незначительные в общерусском плане сообщения.³³

новгородцев к Андрею и посажение в Новгороде его сына Юрия), 6689 (посажение новгородцами у себя Владимира Святославича, а в Торжке Ярополка, и столкновение Ярополка с Всеволодом) гг.

³¹ См. годы: 6612 (приход на Русь митрополита Никифора и небесные знамения), 6629 (смерть митрополита Никифора), 6630 (приход из Царьграда митрополита Никиты), 6632 (пожар в Киеве и затмение солнца), 6634 (смерть митрополита Никиты), 6640 (смерть Мстислава Владимировича и вокняжение в Киеве его брата Ярополка), 6644 (изгнание новгородцами, приход в Киев к Ярополку и сидение в Вышгороде «лето едино» Всеволода), 6646 (смерть в Киеве Ярополка Владимировича, вокняжение его брата Вячеслава, встреча его митрополитом и киевлянами, изгнание его Всеволодом и возвращение в Туров, посажение Всеволодом в Чернигове Владимира Давидовича), 6655 (поставление Изяславом в Киеве митрополита Клима Русина), 6664 (приход в Киев митрополита Константина, смерть киевского князя Ростислава Мстиславича на пути из Смоленска в Киев), 6676 (изгнание Мстиславом из Киева Владимира и его бегство в половцы), 6680 (смерть киевского князя Глеба Юрьевича, сидение в Киеве Ярослава Изяславича и посажение Андреем в Киеве Романа Ростиславича), 6683 (борьба Святослава Черниговского с Ярославом Изяславичем Киевским и Олегом Святославичем, посольство к Андрею Романа Ростиславича с просьбой «Киева княжить» и ответная просьба Андрея подождать).

³² Так, С I сокращенно передает содержание статей НК₁ 6682 и 6683 гг., а те — суть *соединение* экскерптов из Н I и Лавр.; статьи 6608 г., а она *соединяет* отрывок из Ип. со статьями Лавр. того же года и отрывком из статьи то же Лавр. 6610 г.; статьи 6642 г., *составленной* из отрывков статей Н I 6642 и 6643 гг.; и статей 6705, 6708, 6709, 6717, 6722, 6728, 6729 и 6730 гг., представляющих собой *извлечения* из соответствующих статей Н I. Статья С I 6523 г. соединила текст «Сказания о св. мучениках Борисе и Глебе», известного по спискам с XIII в. (ср.: Д. И. А б р а м о в и ч. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916, с. 67—90; мое внимание на это обратил Я. С. Лурье), с текстом НК₁ 6523 г., источником которого послужили соответствующие статьи Лавр. и Н I и статья Н I 6524 г.; в итоге в С I перешла *часть* вкрадений, сделанных в НК₁ из *двух* статей Н I (6523 и 6524 гг.). В качестве примера того, как С I сокращает исходный материал, можно взять статью 6728 г. В НК₁: «Прииде архиепископ Митрофан, оправися богом и святою Софиею в Новгород марта 7, а Антониа митрополит у себе дръжа в чьсти, и вда ему епископию в Перемышле». Это — часть статьи Н I. В С I: «Прииде в Новгород архиепископ Митрофан. А другому архиепископу Антонью вда митрополит архиепископию в Перемышле».

³³ О закладке, возведении, освящении и росписи в Новгороде церковью (6616, 6625, 6627, 6644, 6662, 6663, 6674, 6678, 6680, 6688, 6689, 6693, 6700, 6703, 6707, 6734, 6820,

Изредка (я отметил всего 4 случая) СІ исключает из статьи НК₁ как раз то, что восходит к какому-то *одному* из ее источников (то к Лавр., то к НІ). Увидеть в этом закономерность не удается.³⁴

Гораздо больше обнаруживается примеров посредничества текста НК₁ между тем или иным источником (НІ или Лавр.) и *сводными* статьями СІ.³⁵ Например, статья СІ 6645 (1137) г. начата заимствованием из Лавр. 6646 (1138) г.: «Взяша Олговичи с половци Прилук», — а в остальном мы видим здесь текст НК₁, за исключением последней его фразы «И купиша осмину по 7 резан», статья же НК₁ есть *часть* статьи НІ. Чтобы говорить о родстве НК₁ и СІ через «Новгородскую Карамзинскую летопись» и свод 1448 г., надо признать и все совпадения НК₁ с *одним* из источников СІ случайными.

Статей 6525 (1017) г. в НК₁ две, причем источники их разные (этим и объясняется, конечно, дублирование даты).³⁶ И СІ, и НІV объединяют их в одну, но НІV повторяет порядок текста НК₁, а СІ ставит впереди вторую. При этом СІ любопытным образом искажает смысл речи. В НК₁ читаем: «Победи Ярослав печенеги и отбегоша сетное и до сего дни» («сетное» значит «совершенно», «окончательно»³⁷). В СІ это слово заменено на «посрамлены» (слова «и до сего дни» при этом опущены), чем резко обеднено первоначальное содержание сообщения.

В целом СІ более или менее адекватно передает в своем составе основную часть текста НК₁. Сильнее эта зависимость выражена вначале, где меньше местных новгородских известий, слабее в конце. Слегка сокращенный, главным образом за счет местных известий, текст НК₁ существенно пополнен в СІ иным русским историческим материалом, в первую очередь по тем же самым источникам — центральнорусской летописи (типа Лавр., Тр., Рог., Сим.) и новгородской (типа НІ).

О том, что это именно дополнения, а не неполная в НК₁ передача их общего протографа, свидетельствует также размещение этих дополнительных известий внутри статей: они не образуют вместе с известиями, прошедшими через НК₁, того порядка, какой они имеют в первоначальном источнике, НІ.³⁸

6835, 6858, 6914 гг.), о природных явлениях, как то: течение Волхова, грозы (6571, 6625, 6633, 6684 гг.), о ценах на хлеб (6645, 6678, 6739 гг.), пожарах (6858 г.). Исключено поучение новгородского архиепископа Луки (6566 г.). Изредка СІ обходит сообщения, значение которых, мне кажется, шире узконовгородских рамок, например, о хождении новгородского архиепископа Нифонта к Суздалю (6656 г.), о действиях князей Всеволода и Мстислава и их взаимоотношениях с новгородцами (6718 г.), об уходе Ярослава из Новгорода (6736 г.). Но общей картины это не меняет.

³⁴ Исключаются опять-таки несущественные в общерусском плане известия: в статье 6395 г. — заметка о византийских царях «Леон царствова сын Васильев. . . , царствоваста лет 25»), происходящая из Лавр.; оставлена только хронологическая выкладка по русской истории, происходящая из Лавр. 6360 г.; под 6625, 6627 и 6680 гг. исключены имеющие своим источником НІ известия о грозе, знамении в луне и церковном строительстве; оставлено только восходящее к Лавр.

³⁵ Статьи СІ 6560, 6585, 6624, 6633, 6645, 6647, 6665, 6674, 6694, 6720, 6744, 6829, 6857, 6885, 6892 и 6904 гг. содержат материал НІ, восходящий к НІ через НК₁, а статья СІ 6630 г. получает через НК₁ материал из Лавр.

³⁶ Первая из этих статей дает суммарную информацию о строительной деятельности Ярослава в Киеве, почерпнутую, во-первых, из статьи НІ 6545 г., во-вторых, из статьи НІ 6525 г., и в-третьих, из статьи Лавр. 6545 г. Вторая же статья НК₁ 6525 г. опирается только на статью Лавр. 6544 г.

³⁷ См.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, вып. 1. [Б. м., б. г.], стб. 342. Тем, что я обратил на это слово внимание, я обязан Я. С. Лурье.

³⁸ Ср.: 6631, 6644, 6662, 6678, 6708, 6736, 6830, 6833, 6834, 6835, 6841, 6876, 6902, 6914 гг.

Как обычно при сведении источников, в СІ появились дублировки. Я. С. Лурье указывает 4,³⁹ я заметил 7 дублировок в СІ⁴⁰. В трех случаях (6528—6529, 6596—6598 и 6665 гг.) в них участвует материал, взятый из НК₁; он продублирован сообщениями, заимствованными непосредственно из НІ (6528 г. — из НІ 6529 и 6528 гг.) и Лавр. (6665 г.). В трех случаях материал оба раза взят из центральнорусского источника (6673—6675 гг. — из статьи Лавр. 6675 г.; 6874 и 6885—6886 гг. — из Тр.-Сим.), в одном случае — оба раза из НІ (6770 г. — из статей 6771 и 6759 гг.).

Правкой по НІ объясняется то, в частности,⁴¹ что СІ изымает из статьи НК₁ 6411 (903) г. фразу «Игорь и Олег пристроиста воя многы и корабли бесчислены», представляющую собой сокращение статьи НІ 6429 (921) г., и возвращает ее — но уже в том виде, какой она имеет в НК₁, — под 6429 (921) г. Сверка с НІ объясняет также, почему СІ опускает оба взаимоисключающих сообщения НК₁ с смерти матери Владимира, жены Ярослава (6549 и 6553 г.): вместо них СІ берет единственное известие НІ (6558 г.), пополняя его неизвестно откуда взятой датой «февраля в 14 день» (согласно НК₁, «октября в 5 день»; в НІ даты нет). В статье 6662 (1154) г. в тексте, взятом из Лавр., НК₁ допускает ошибку — пишет «Романа» вместо «Мьстислава»; СІ исправляет эту ошибку, очевидно, по НІ, откуда для этой статьи она делает дополнительные заимствования.

Любопытно изменение смысла, происшедшее при движении текста от Лавр. к СІ в статье 6545 (1037) г.: в Лавр. говорится о закладке митрополичьего собора Ярославом, а в СІ — об учреждении митрополии. Ставя НК₁ между Лавр. и СІ, мы понимаем причину этого искажения: текст Лавр. как бы разломан пополам выборкой НК₁, а в СІ реставрирован: к выборке НК₁ присоединили недостающее, но слово «митрополия» попало при этом не в первую половину, где ему надлежало бы быть, а во вторую:

Лавр.	НК ₁	СІ
Заложы Ярослав город великий, у него же града суть Златая врата. Заложы же и церковь святыя Софья, митрополию, и посем — церковь на Золотых воротех святое Богородице Благовещенье, посем святого Георгия монастырь и святыя Ирина.	Свершен бысть град Киев, у него же суть врата Златаа. В то же лето священна бысть святаа Софиа в Киеве.	Свершен бысть град Киев, и церковь святыя Софиа свершена, а у града суть врата златы. Того же лета велики князь Ярослав митрополью устави и две церкви постави на Златых вратах: Благовещение и святого Георгия.

Небрежность дополнения породила еще одну ошибку: монастырь св. Георгия превратился в надвратную церковь.

Помимо самих центральнорусской и новгородской летописей, СІ обращается для пополнения НК₁ к внелетописным материалам. Так, используя статью НК₁ 6528 (1020) г. для своей статьи 6527 (1019) г., в место, где упоминается данная Ярославом новгородцам Правда, СІ вставляет ряд юридических памятников (Судебник Ярослава, Судебник греческого царя Константина, Устав князя Владимира о церковных судах и десятинах),

³⁹ См.: Я. С. Лурье. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей, с. 119, примеч. 16.

⁴⁰ 6528—6529 (победа Ярослава над Брячиславом), 6596—6598 (о Янке и Иоанне-скопце), 6665 (смерть Юрия Долгорукого), 6673—6675 (смерть Ростислава Мстиславича), 6770 (смерть Александра Невского), 6874 (о новгородских ушкуйниках), 6885—6886 (взятие татарами Нижнего Новгорода) гг.

⁴¹ Три разбираемых здесь случая (6411—6429, 6549—6553 и 6662 гг.) приведены Я. С. Лурье в качестве примеров первичности текста СІ по отношению к НК₁. См.: Еще раз о своде 1448 г. . . ., с. 208—209.

переписывая их, как явствует из самого ее текста, со «свертка» 1402 г., являющегося, в свою очередь, копией «великого и старого Номоканона».⁴²

Из внелетописного же источника пополнен в СІ перечень князей статьи НК₁ 6395 (887) г. (опирающийся, в свою очередь, на хронологическую выкладку статьи Л 6360 г.).⁴³ В НК₁ этот перечень доходит до сыновей Ивана Ивановича (середина XIV в.), а в СІ он продолжен до сына Ивана Васильевича.⁴⁴

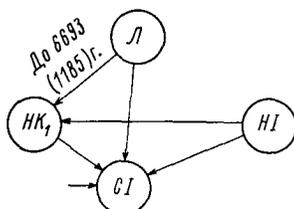

Схема 1.

В итоге сравнения НК₁ с СІ я прихожу к выводу, что НК₁ на всем своем протяжении сохраняет первичный по отношению к СІ текст. В СІ он частью сокращен, частью пополнен по тем же источникам — центрально-русской и новгородской летописям, — а также по внелетописным материалам. Графически этот вывод изображен на схеме 1.

5. Вторая подборка Карамзинского списка и Софийская I летопись

Отношение НК₂ к СІ оказывается примерно таким же, каково отношение СІ к НК₁, т. е. основу НК₂ составляет выборка из СІ.

Бросается в глаза, что НК₂ выбирает из СІ тот материал, которого нет в НК₁, иногда не очень точно (тогда что-то остается вне выборок или, наоборот, одна выборка дублирует другую), но часто совершенно точно.⁴⁵ Возникает впечатление, что целью создания НК₂ было дополнение НК₁. В принципе — это то же представление, что у А. А. Шахматова и Я. С. Лурье. Ведь писец НК, по их мысли, включал во вторую подборку все не вошедшее в первую, уже готовую, лежащую, очевидно, перед ним рядом со сводом-источником. Мой вариант картины отличается лишь заменой проблематичной «Новгородской Карамзинской летописи» в качестве источника вполне реальной СІ.

Если бы действительно писец-выборщик восполнял НК₁ по ее же источнику, то, ошибись в границах выписки на протяжении этой от-

⁴² Таким образом, получается, что в НІ под 6524 г. и в СІ под 6527 г. — разные редакции Русской Правды. Статья НК₁ 6528 г. опирается на статью НІ 6524 г., но сам текст Правды опускает. Нет никаких оснований считать, что в протографе НК₁ была та же подборка юридических памятников, что и в СІ. Этот пример тоже приведен Я. С. Лурье как свидетельство первичности СІ (см. с. 208).

⁴³ В СІ, по сравнению с НК₁, выпущен ряд мест, восходящих к Лавр.: фраза «а от первого лета Игорева до первого лета Святослава лет 33», период от слов «Мстислав Ярополк» до слов «Юрия Володимерича сынове», последний из названных в НК₁ сыновей Всеволода Юрьевича «Иоанн».

⁴⁴ При этом в СІ восполнен допущенный в конце перечня НК₁ пропуск слов «А от Александра Ярославича сынове: Дмитрий, Андрей, Василей, Данило» и исправлена получившаяся вследствие этого пропуска ошибка НК₁ — «Данила Ярославича» вместо «Данила Александровича».

⁴⁵ См.: 6496, 6545, 6559 (из СІ 6560 г.), 6563 (из СІ 6565 г.), 6630, 6631, 6633, 6644, 6645, 6647, 6655, 6668, 6674, 6678, 6682, 6693, 6694, 6701, 6720, 6726, 6733, 6830, 6833, 6836, 6841, 6857, 6876, 6878, 6903, 6904, 6906, 6907 (из СІ 6906 г.) и 6914 г.

ромной работы хотя бы раз, он внес бы в НК₂ что-то уже присутствующее в НК₁ и тогда между этими двумя подборками возникли бы текстуальные совпадения. Но их нет. Есть огрехи дополнения — смысловые дублировки, о которых мы говорили выше, причина которых в том, что ряд сообщений НК₁ изменил в СИ свой вид или из-за редакторской обработки, или вследствие обращения к иному источнику.⁴⁶ Лишь в двух случаях текст НК₂ оказывается весьма близким к тексту НК₁ (это наиболее грубые огрехи дополнения),⁴⁷ причем во втором из этих случаев отчетливо видно посредничество СИ.⁴⁸

Поскольку НК₁ снабжала СИ преимущественно новгородским материалом, в НК₂ из СИ попадает главным образом материал общерусский. НК₂ обращается с ним свободно (подобно тому как СИ — с НК₁): по большей части его сокращает, исключает одно, другое пересказывает, иногда передает точно. Изменения текста не оставляют сомнений в том, что редактор — новгородец.⁴⁹

Новгородца в создателе НК₂ выдает и то, что для пополнения черпаемых из СИ материалов он самостоятельно обращается к НИ,⁵⁰ а также к каким-то неизвестным нам новгородским источникам (о них дальше будет речь), что порождает еще несколько смысловых дублировок текста НК₁.⁵¹

Еще одним вспомогательным источником послужила для НК₂ центральнорусская летопись — и тоже дала несколько «огрехов дополнения». ⁵² Впервые ее присутствие обнаруживается под 6580 (1072 г.; сама НК₂, напоминая, начинается с 6496 г.). Использование ее не обрывается на 6693 (1185) г., как в НК₁, но продолжается по крайней мере по статью 6900 (1392) г.⁵³

⁴⁶ См.: 6532, 6463, 6580, 6603, 6622, 6665, 6666, 6668, 6673, 6680, 6744, 6780, 6782, 6802, 6812, 6826, 6827, 6835, 6849, 6861, 6874, 6875, 6885, 6892, 6894, 6895, 6897, 6898, 6900, 6901, 6903, 6905, 6909, 6910, 6912, 6914, 6915, 6917, 6919 гг.

⁴⁷ Ср.: 1) под 6646 г. НК₁ от слов «И прииде Олговичъ с вышгородци, пристроився с братьею своею» до слов «И иде опять к Турову, а Всеволод вниде в Киев» и НК₂ от слов «Прииде же Всеволод Олгович, пристроився с вышгородци и с братьею своею. . .» до слов «. . . изиде к Турову. А Всеволод седе на столе»; 2) под 6916 г. НК₁ от слов «А на ту осень Гедигей приде к Москве месяца ноября 23» до слов «. . . и прочая волости повоева» и НК₂ от слов «Едигей приде ратью к Москве ноября 23» до слов «. . . и прочая волости повоева и до Тферского рубежа».

⁴⁸ Слова «и да грамоту в град», «и до Тферского рубежа», отличающие НК₂ от НК₁, объясняются словами СИ: «и до Тферьскаго рубежа», «Присла Едигей свою грамоту к великому князю на Москву».

⁴⁹ Например, в рассказе 6894 г. о походе великого князя на Новгород произведена показательная замена. Вместо периода: «Новгородци же слышавше, и начаша бояться велми, и послаша на вести испытавати. Они же, ездивше, не обретоша нигда же рати; переполошиша бо ся и устрашишася, слышавше великого князя стояща у города, и страшни быша того ради», — написано: «И новгородци вси, доспев, выехаша из града к Жилоту. Бяше бо сильно велика и светла рать новгородскаа, коневой рати и пешей велми много, и охвочи битись. Но тогда не бе низовець на Жилотузе, и взвратився новгородци в град».

⁵⁰ Прямые вставки из НИ обнаруживаются в НК₂ более или менее систематически, начиная с 6628 г. до конца, т. е. по 6936 г.; всего — примерно 90 раз.

⁵¹ 6664, 6698, 6732, 6862, 6887, 6892, 6895, 6897 и 6918 гг. В трех случаях — 6584, 6892 и 6919 гг. — источник неясен.

⁵² 6600, 6646, 6667, 6685 и 6330 гг. Кроме того, соответствующие известия 6886 и 6887 гг. представляются слитыми из известий СИ и Тр.-Сим.

⁵³ Исправления по центральнорусскому источнику усматриваются мною в статьях 6580, 6586, 6587, 6594, 6623, 6738, 6766, 6802 (по Тр. — 6803 г.), 6885, 6886 и 6887 гг., дополнения — в статьях 6596, 6597, 6598, 6600, 6614, 6646, 6660, 6665, 6667, 6673, 6677, 6683, 6685, 6719, 6723 (из Лавр. 6724 г.), 6725, 6729 (из Лавр. 6730 г.), 6730 (из Лавр. 6729 г.), 6732, 6733, 6739, 6749, 6755, 6757, 6760, 6761 (из Лавр. 6760 и 6761 гг.), 6763 (из Лавр. 6762 г.), 6764 (из Лавр. 6764 и 6766 гг.), 6765, 6771 (?), 6772, 6775 (из Тр.-Сим. — 6777 г.), 6779, 6793, 6798, 6812, 6830, 6837, 6842, 6846 (из Тр. —

Выверяя по этому источнику заимствуемый из СІ текст (как правило, почерпнутый в СІ из центральнорусской же летописи), НК₂ обычно берет статью в том объеме, какой она имеет в СІ, но внутри нее производит отдельные замены — как бы восстанавливает первоначальные чтения. В наибольшей мере правке подвергаются большие повествования. Так, статья НК₂ 6886 (1376) г., где помещается рассказ о побоище на р. Пьяне, общими контурами отражает соответствующую статью СІ (в Тр.-Сим. она значительно больше по объему), но сам рассказ о побоище рядом чтений оказывается ближе к Тр.-Сим., нежели к СІ.⁵⁴

Подобную же картину являет статья 6887 (1379) г. с ее рассказом о битве на р. Воже, в СІ этот рассказ пространней, чем в Тр.-Сим. (где не говорится о запоздалой и безуспешной погоне князя Дмитрия Ивановича за татарами). В «массах» НК₂ следует за СІ, но, пока это возможно, правит текст по летописи типа Тр.⁵⁵

С еще более интересным явлением мы сталкиваемся, обращаясь к рассказу о Батыевом нашествии под 6745—6746 (1237—1238) гг. В СІ, как известно, этот рассказ слит из повествований Лавр., НІ и Ип.⁵⁶ В составе текста, взятого из Лавр., в СІ перешел ряд несамостоятельных мест рассказа — заимствований из предшествующей части летописи. В НК₂ значительная часть этих заимствованных отрывков оказывается удаленной, причем в ряде случаев это сделано так точно, словно редактор видел, что перед ним — инородные вставки.⁵⁷ Только следы трех интерполяций-заимствований (не будь этих следов, мы вообще могли бы усомниться, что перед редактором НК₂ был тот текст, что в СІ) заметны в описании

6845 г.), 6849 (?), 6856, 6859, 6860 (из Тр. — 6861 г.), 6875, 6883, 6884 (?), 6898 (из Тр. — 6901 г.) и 6900 г. Кроме того, в двух случаях (6664 и 6688 гг.) обнаруживаются дополнения из Ип., а в одном случае (6687 г.) исправление по ней.

⁵⁴ В СІ читаем: «в силе велице», в Тр. и НК₂: «в силе тяжце»; СІ: «. . . рати свои. И бысть множество ратных»; НК₂: «. . . вои (Тр.: «воеводы и воя многы», далее одинаково — Тр. и НК₂) и бысть рать велика зело»; СІ: «в небрежении», Тр. и НК₂: «небреждем»; СІ: «вскладываху»; Тр. и НК₂: «вскладаша»; СІ: «. . . порты с плеч слушава, а мед испиваху и допяна, и ловы деяху, утеху творяще», в Тр. и НК₂ здесь значительно более длинный период с небольшими различиями, от слов: «. . . порты с плеч слушава, а петли разстегав» до слов: «. . . те вси поехаша, ловы деюще, утеху себе творяще, мянешь аки дома»; СІ: «много зла учиниша», Тр. и НК₂: «. . . волости новгородские воюще, а села жгуще, и множество людей посекоша, а жены и дети и девицы в полон поведоша».

⁵⁵ В Тр. и НК₂ нет слов СІ «рати все совокупя ординския»; СІ: «и срете их», Тр. и НК₂: «и сретошась с татары»; СІ: «промежи себе о реку о Вожю», Тр.: «промежи собою реку имуще»; НК₂: «промежи собою реку Вожю имуще»; СІ: «Потом же»; Тр. и НК₂: «Не по мнозем же днех»; СІ: «переидоша»; Тр. и НК₂: «переехаша»; в СІ нет слов Тр. и НК₂: «нюкнуша (НК₂: «кликнуша») гласы своими и поидоша на грунах и тъкнуша (в Тр. доб. «на») наших»; СІ: «Великий же князь Дмитрий погони на них, бьючи и колючи их»; Тр.: «. . . а наши после за ними, бьючи их и секучи, и колючи»; НК₂: «. . . и наши вслед, секуче и колючи»; СІ: «бысть ночь»; Тр. и НК₂: «наста ночь»; СІ: «погонитися»; Тр. и НК₂: «гнаться».

⁵⁶ См.: А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. — Пробл. источниковед., 1963, № 11.

⁵⁷ По сравнению с СІ в НК₂ (а также в НІV) отсутствуют следующие интерполяции-заимствования: 1) «Си вся наведе на ны бог грех ради наших. . . противу господеву» (в Лавр. — из статей 1185 и 1186 гг., см.: Г. М. Прохоров. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 78, п. 3); 2) «Он же, си слышав, възопи. . . паче же и о церкви» (в Лавр. — на основе статьи 1015 г., см.: там же, с. 80, п. 8); 3) «Господи! Се ли годе есть. . . терпением и верою. . . молящуся с слезами. . . остах аз един» (в Лавр. — на основе статей 1206 и 1015 гг., см.: там же, с. 80, п. 8); 4) «. . . поминая слово господне. . . милостынями и верою очищаются греси» (в Лавр. — из статей 1125 и 1206 гг., см.: там же, с. 81, п. 10); 5) «Но не предай же нас. . . милости твоея от нас» (в Лавр. — из статьи 1185 г., см.: там же, с. 82, п. 12).

взятия татарами Владимира.⁵⁸ Похоже, что редактора здесь в первую очередь занимало составление как можно более внушительного описания взятия города, нежели очистка текста от вставок.⁵⁹ Еще три заимствования-интерполяции удержались в НК₂ в описании похорон Василька и его характеристике, но — что показательно — они перемещены, переставлены, а одна из них при этом рассечена пополам, и вторая ее половина вынесена далеко вперед.⁶⁰ Очевидно, во вспомогательном центрально-норусском источнике повесть о Батыевом нашествии читалась без интерполяций (в противном случае редактор НК₂ не мог бы так четко видеть их в С1).

Под 6897 (1389) г. «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя рускаго» отличается в НК₂ от версии С1 великим множеством мелких разночтений и одним большим — наличием в «похвальной» его части громадного избыточного периода.⁶¹ Следующие за этим периодом слова («елико наиде») хорошо связываются с концом этого периода и хуже — с предшествующей ему (общей для НК₂ и С1) фразой.⁶² Потому кажется, что НК₂ (а следом за ней и Н1V) дает более полный текст «Слова», чем С1.⁶³ Можно представить себе, что выборщик, создатель НК₂, либо выправил текст С1 по какому-то, на его взгляд, более исправному списку «Слова» (подобно тому, как он выправил повествования о Батыевом нашествии, о побоище на Пьяне и о битве на Воже), либо — и это мне кажется более вероятным, поскольку очень много мелких различий между этими двумя версиями, — просто заменил его. Следующие наши наблюдения говорят в пользу последней мысли.

Сверх Н1 и центрально-норусской летописи типа Тр. составитель НК₂ черпал дополнительный материал из неизвестного нам источника или

⁵⁸ 1) «. . . а святую Богородицю церковь разграбиша и чудную икону ея одраша» (в Лавр. — из статьи 1203 г., см.: там же, с. 79, п. 6); 2) «. . . ли чернци, и черници, слепия и хромия, и глухия» (в Лавр. — из статьи 1203 г., см.: там же, п. 4); 3) «а других растреляхуть», «вязаху», «прочих имше», «а именье не мало взяша» (в Лавр. — из статьи 941 г., см.: там же, с. 78, п. 1).

⁵⁹ В Лавр. только первое из этих заимствований участвует в описании взятия Владимира, второе же и третье были сделаны для описания разгрома татарами Рязани и Суздаля. Редактор С1, взяв описание разгрома Рязани из Лавр., слил его с описанием разгрома Рязани же, взятым из Н1; подобным же образом, соединив Лавр. и Н1, он рассказал о взятии Владимира; описывая же разгром Суздаля по Лавр., он воспользовался отчасти описанием Владимира по той же Лавр. А редактор НК₂ все эти три составные описания С1, слегка сократив, соединил и применил к одному г. Владимиру. В этом-то дважды слитном, «третьем» описании и сохраняются отмеченные следы трех заимствований-интерполяций.

⁶⁰ Все эти отрывки — из одной серии вставок. В Лавр., а следом за ней и в С1 в этой серии скомбинировано 4 отрывка. Последний из них («Мужество и ум. . . с ним жожааше») оказался в НК₂ впереди («Мужество и ум. . . с ним ходиста»). Спустя фразу после него помещена в НК₂ вторая половина первого отрывка («. . . да всь бо церковный чин. . . паче же и на милостиню»), после большого периода ниже следует его первая половина («Рыдаху же много народ правоверных. . . звезду светоносную зашедшую»). Предпоследнее в этой серии в Лавр. и С1 заимствование (из статьи 1175 г.) оказывается в НК₂ последним («. . . кровью мученическою омывся прегрешений своих с своим братом»). Предшествующие две самостоятельные фразы («. . . помяная слово Господне, глаголющее: „Блаженни милостивни, яко ти помилвани будут“. И Соломон глаголетъ: „Милостынями и верою очищаются греси“) в НК₂ пропущены.

⁶¹ От слов «Бчелы же ничим же хужшу ему быти разумю» до слов «. . . яко солнца, луча испущая и вся съгрея».

⁶² Ср. НК₂: «. . . яко солнца, луча испущая и вся съгрея, елико наиде. Тако и тыи, не умнюсь рещи о нем, яко в всю землю изыде слава его»; С1: «Сей же весь с похвалом добродетели вся лета жития его сверши; един же благодьствен родися, многим ирародителем славу прорасти, елико найдеть. Тако и тыи. И не усумнюся рещи о нем, яко же: во всю землю изыде слава его». Мое внимание обратила на это М. А. Салмина.

⁶³ Но не лучший, ибо указанный период выделяется в тексте «Слова» крайней отвлеченностью от предмета речи и бессвязностью. Без него текст более целен. По этой причине его и мог выбросить редактор С1.

источников. В целом о корпусе «неизвестно-откуда-взятых» материалов мы будем дальше говорить специально (скажу, забегая вперед: большинство такого рода добавок — несомненно новгородского происхождения). Сейчас же нам важно понять, что представляют собой центральнорусские по содержанию дополнения в НК₂ после 6900 (1392) г., на котором обрывается прямая связь НК₂ с Тр. Возможны по крайней мере три варианта их происхождения: 1) из летописи неизвестного нам вида, 2) из внелетописных письменных памятников и 3) непосредственно из жизни (как результат собственного опыта и умения записывать виденное и слышанное составителя выборки).

Под 6903 (1395) г. вставлены записки дьякона Александрика о достопримечательностях Царьграда; под 6904 (1396) г. — перечень ростовских епископов; под 6907 (1399) г. — несколько бессвязное риторическое предисловие к повести «О преставлении князя Тферьскаго», родственное началу предисловия к Тверскому летописному своду;⁶⁴ под 6910 (1402) г. — большое правоучительное «слово» о комете и краткое сообщение о строительстве Переяславля («Срубиса Переяславль»); под 6914 (1406) г. к прощальной грамоте Киприана прибавлен поэтический «плач» о бренности и скоротечности человеческой жизни (и в самой грамоте восстановлена механически пропущенная фраза «такожде всем князьям. . . мир и благословение»); под 6916 (1408) г. — грамота Едигея; под 6917 (1409) г. — рассказ о смерти тверского епископа Арсения.⁶⁵ Таким образом, мы видим здесь 6 цельных, способных к самостоятельному существованию произведений, одно кочующее риторическое предисловие (6907 г.) и лаконичную запись летописно-информационного типа (6910 г.). Можно допустить, что все это было в центральнорусском источнике НК₂, но возможно также, что составитель НК₂ специально собирал для своей подборки списки могущих быть вставленными в летопись произведений и документов. Зачем он это мог делать, мы увидим, когда будем говорить о смысле создания НК₂ как таковой.

Вставленный под 6904 (1396) г. перечень 35 ростовских владык имеет любопытную связь с текстом. Он помещен после известия о назначении Григория епископом и сообщения «Сей уже Григорей 35-й бысть епископъ ростовский». По-видимому, это сообщение и побудило вставить в летопись перечень. Но откуда же взялось само это сообщение? Должно быть, из С1, но оно там читается с ошибкой: «Си же Григорий 30 и 5 лет бысть епископомъ Ростову». Говоря о Григории, С1 опирается на Тр., а там этой фразы вообще нет (вместо нее — перечень епископов, присутствовавших на поставлении). Каким бы ни был в данном случае источник С1, ясно, что перечня ростовских епископов в нем не было: был бы перечень, понятны были бы цифры и не возникло бы ошибки. Вставляя перечень в НК₂, естественно было исправить и искаженную фразу. Показательно, что при переходе от НК₂ к НIV, когда перечень ростовских епископов продлили по 37-го, эта фраза опять претерпела изменение: «Се уже Григорий 30 и осмой». Выходит, ее форма прямо зависит от того, присутствует ли рядом перечень епископов и в каком именно виде. Сам же перечень порожден был, конечно, не летописью, а митрополичьей или епископской канцелярией.⁶⁶

⁶⁴ Ср.: ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стб. 463.

⁶⁵ Эти дополнения указывает Я. С. Лурье как не дающие возможности говорить об обрыве на 6900 г. центральнорусского летописного вспомогательного источника НК₂ (Еще раз о своде 1448 г. . . ., с. 211).

⁶⁶ Я. С. Лурье указывает на этот перечень как на пример первичности текста НК₂ по отношению к С1 (см.: там же, с. 213).

Таким образом, не имея прямых свидетельств о влиянии на НК₂ после 6900 (1392) г. центральнорусской летописи, мы не имеем, мне кажется, и достаточно надежных оснований для предположения об этом. «Центральнорусская» запись «Срубиса Переяславль» вполне могла быть сделана и сводчиком-новгородцем (мы еще будем говорить о массе новгородских дополнений в НК₂). Впрочем, в одном случае, как будто, заметно влияние позднейшего московского летописного источника на НК₂: мы обнаруживаем здесь рассказ о крещении митрополитом Киприаном в Москве трех татар, находящийся в Тр. под 6901 (1393) г. Правда, в НК₂ этот рассказ помещен под 6898 (1390) г. Чем же объяснить смещение записи на три года? Не попал ли этот рассказ к составителю НК₂ как отдельная от летописи запись?

Как бы то ни было, 6900 (1392) год как граница использования в НК₂ центральнорусских по происхождению вспомогательных летописных материалов обращает на себя внимание. Известно, что в районе этого года

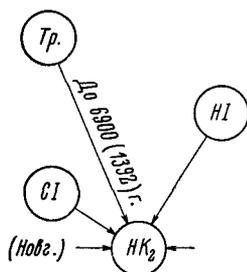

Схема 2.

оканчивается общий текст Троицкой и Симеоновской летописей, Рогожского и Владимирского летописцев.⁶⁷ А. А. Шахматов,⁶⁸ а вслед за ним В. Л. Комарович⁶⁹ приходили, сравнивая летописи, к предположению о существовании летописного свода 1392 г. в редакции митрополита Киприана. Возможно, что в НК₂ мы имеем новое — на этот раз осколочно-дробное — отражение «свода 1392 г.».

Суммируя результаты сличения НК₂ с С1, можно сказать, что НК₂ являет в целом вторичный по отношению к С1 текст, но пополненный и иногда исправленный по дополнительным источникам — летописным (Н1, Тр. в части до 6900 г.) и внелетописным (ряд самостоятельных произведений и документов, записи составителя или составителей выборки). Графически этот вывод представлен на схеме 2.

6. Подборки Карамзинского списка и Новгородская IV летопись

НIV передает текст НК₁ еще лучше, гораздо лучше, чем С1, практически целиком. Некоторые исключения есть и здесь, но их немного⁷⁰ и они другого характера, нежели в С1: мелочи новгородской жизни отнюдь

⁶⁷ См.: Л. А. Муравьева. Об общерусском источнике Владимирского летописца. — Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974, с. 149. ¶

⁶⁸ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды. . . , с. 151.

⁶⁹ См.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М. — Л., 1945, с. 193—195. Здесь напечатаны только основные положения исследования В. Л. Комаровича, лишённые почти всех доказательств. В полном виде его работу см.: В. Л. Комарович. Древнерусское областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора. — Арх. ИРЛИ, р. I, оп. 12, № 388, гл. «Начало Московского летописания», с. 249—258.

⁷⁰ Под 6549 и 6553 гг. выпущены дублирующие друг друга сообщения о смерти жены Ярослава, матери Владимира; под 6642 г. во избежание хронологической ошибки

не кажутся составителю НІV не заслуживающими внимания. НІV опирается на НК₁ явно независимо от СІ. Лишним примером этой независимости может служить статья 6525 (1017 г.). Как я выше писал,⁷¹ в НК₁ две статьи, помеченные этим годом, — результат сведения выборок из разных источников. И СІ, и НІV сливают их в одну, но СІ впереди ставит вторую статью НК₁, а НІV — первую.

Многие из немногочисленных в общем сокращений текста НК₁ в НІV продиктованы, совершенно очевидно, сопоставлением с НК₂ — стремлением избежать дублировок.⁷²

Выше мы говорили, что если мысленно к статьям НК₁ присоединить статьи НК₂, то получится летопись, очень похожая на НІV, ибо текст НК₁, как правило, начинает статьи НІV, а текст НК₂ их завершает. И любопытно, что начало текста НК₂ обычно отмечено в НІV киноварными инициалами (а они начинают далеко не каждое сообщение или группу известий). Тот факт, что текст, совпадающий с НК₁, имеет новгородскую по преимуществу тематику, а текст, совпадающий с НК₂, — общерусскую, А. А. Шахматов, как мы помним, объяснял принципом размещения материала в своде 1448 г., каковой он считал новгородским. По Я. С. Лурье же, этот свод был московским, но какой-то новгородец поменял в нем часть известий местами, добавил новгородские записи в начала статей и так создал «архетип НК—НІV»; стало быть, разница в тематической окраске подборок Карамзинского списка и размещение материала в НІV суть два независимых друг от друга отражения этого неизвестного нам архетипа. А не может ли быть НІV результатом *реального* присоединения статей НК₂ к статьям НК₁?

НК₁ оканчивается 6819 (1411) годом, посреди л. 301 рукописи. Нижняя половина лицевой стороны и вся оборотная сторона листа оставлены чистыми. НК₂ начинается статьей 6496 (988) г. на л. 302 и оканчивается статьей 6836 (1428) г. на л. 425 об. Конец последней статьи НК₂ дописан на л. 426 писцом XVII в., присоединившим к НК₂ Псковскую летопись. Не оборван ли конец НК₂?

А. А. Шахматов считал окончание НК₂ не показательным, так как к XVII в. мог быть утрачен конец рукописи XV в.⁷³ Но случайность ли, что редакции НІV, различающиеся главным образом окончаниями, расходятся как раз после 1428 г.?⁷⁴ Допуская, что НІV была создана путем

исключено все, заимствованное в НК₁ из статьи НІ следующего года (СІ же следует здесь НК₁); под 6738 г. сообщение НК₁ о голоде и дороговизне опущено потому, что оно восполняется выпиской прямо из НІ. Подобным же образом, вместо того чтобы воспользоваться извлечениями НК₁, редактор НІV взял статьи НІ 6708 и 6736 гг. целиком. Статья НК₁ 6831 г. по какой-то причине опущена; на ее месте статья НК₁ 6832 г. Под 6918 г. в НІV не включен текст посланий в Новгород, во-первых, императора Мануила и патриарха Матфея (о поставлении в митрополиты Фотия) и, во-вторых, митрополита Фотия. И, наконец, ряд сообщений НК₁ не включен в НІV по той причине, что ее составитель предпочел здесь сообщения НК₂, т. е. постарался избежать дублировок (см. ниже, примеч. 72).

⁷¹ См. выше, с. 175.

⁷² 6600 г. — о чуде в Полотске; 6862 г. — о церкви Знамения на Ильине улице (статья целиком); 6885 г. — о смерти Ольгерда; 6897 г. — о смерти Дмитрия Ивановича; 6910 г. — о «звезде хвостатой».

⁷³ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды . . . , с. 97, примеч. 1.

⁷⁴ На 6936 (1428) г. кончается общий с другими списками НІV текст ее Новоросийского и Голицынского списков, представляющих вместе с Толстовским списком (оканчивающимся раньше — на 6926 г.) первую редакцию этой летописи. А. А. Шахматов отмечал, что основная редакция НІV (каковую он видел в мысленно соединенных подборках Карамзинского списка), первая редакция и вторая (Академический, Публичной библиотеки или Фроловский, Строевский и Синодальный списки) имеют тождественный текст только до 1428 г. См.: там же, с. 100.

соединения НК₁ и НК₂, мы осмысливаем и это «случайное совпадение».⁷⁵

НК₂, как и НК₁, почти полностью повторена в НІV. Во избежание дублирования сообщений, взятых из НК₁, сделаны исключения в 9 статьях.⁷⁶ Сверх того обнаруживается лишь 5 или 6 пропусков.⁷⁷ Отмечу, что НІV передает текст НК₂ не только почти целиком, но и довольно точно.

Всего сводчику или сводчикам НІV удалось избежать 15 дублировок, один раз слив известия НК₁ и НК₂ воедино (6665 г.), 9 раз, как я уже сказал, последовав только за НК₁, и 5 раз отдав предпочтение НК₂.

Случай слияния известий НК₁ и НК₂ интересен. НК₁ сообщает (словами НІ): «Той же весны преставись князь Юрьи Володимерич в Кieve». НК₂ говорит (словами Лавр.): «Преставись Юрьи Володимерич Монамаха майа 15, княжив в Кieve лет 3, и положиша и в церкви святого Спаса на Берестовем, в то время Андрею сущу в Суздале». НІV нарушает обычный порядок присоединений статей НК₂ в целом виде к статьям НК₁ и, чтобы слить эти два известия, перемещает известие о смерти князя Юрия НК₂ вперед по тексту. Слитное известие НІV выглядит следующим образом: «Той же весны преставися князь Юрьи Володимеричъ в Кieve мая в 15, княжив в Кieve лета 3; и положиша в церкви святого Спаса на Берестовем, в то время Ондрею сущу в Суздале» (6665 г.).

Лишь две дублировки (6532 и 6892 гг.) принадлежат только НІV, т. е., можно думать, созданы ее сводчиками.⁷⁸ Это значительно меньше того, чего им удалось избежать.

Любопытное дословное повторение начала статьи 6890 (1382) г. мы видим в ее же конце — запись о смерти некоего Михаила, отца Матфея, и еще два новгородских сообщения. Обрамлена повторенными известиями Повесть о взятии Москвы Тохтамышем. А. А. Шахматов убедительно рассудил: «Ясно, что повторение этой летописной статьи, а в ней и домашнего известия новгородского летописца, явилось следствием вставки повести о взятии Москвы; следовательно, повесть эта и указанная статья восходят к двум различным источникам, а так как повесть несомненно заимствована из общерусского свода, то ясно, что летописная статья 1382 г., дважды повторенная, возводится к новгородской летописи».⁷⁹ Тот же вывод делает и М. Д. Приселков.⁸⁰ Я. С. Лурье же считает, что создатель НІV добавил

⁷⁵ Легко представить себе, что завершение НК₂ начинало лист, на котором к XVII в. появились какие-то иные по жанру записи или помарки. В таком случае, решив продолжить НК₂ летописью, этот лист вынули, а конец статьи 6936 г. переписали заново.

⁷⁶ 6584 г. — о смерти Святослава Ярославича (статья целиком); 6664 г. — об избрании Аркадия; 6680 г. — о Романе; 6732 г. — о строительстве церковей Семеном Борисовичем (в данном случае стремились избежать дублирования сообщения, заимствуемого, может быть, непосредственно из НІ); 6905 г. — о приезде смоленского князя в Новгород; 6916 г. — о нашествии Едигея (т. е. то, что в НК₂ через СІ восходит к НК₁); 6917 г. — об Анфале; 6918 г. — о знаменнии в св. Софии (статья целиком); и 6919 г. — о возведении церковей владыкой Иоанном.

⁷⁷ 6825 г. — сокращена часть статьи 6824 г., происходящая из СІ 6825 г.; 6898 и 6902 гг. — текст грамот патриарха Антония (в первом случае списан лишь конец, начиная с даты, за которой идут подписи, во втором — грамота лишь упомянута); 6900 — о возведении церкви Успения и монастыря (возможно, невольный результат вставки, сделанной как раз на этом месте); 6903 г. — о Темиркутлуге и Тохтамыше (в НК₂ это — из СІ, а там — из Тр.—Воскр. 6906 г.); 6924 г. — о татарах у Клева (случайный пропуск?).

⁷⁸ 6532 г. — о восстании и избении волхвов в Суздале (один раз — по источнику, близкому к Лавр., второй — по НК₂); 6892 — о распре в Новгороде из-за Патракья (один раз — по НІ, второй — по неизвестному новгородскому источнику или записи сводчика-очевидца).

⁷⁹ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды. . . , с. 115.

⁸⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания. . . , с. 144.

в статью 1382 г. (из неизвестного нам новгородского вспомогательного источника) только запись о смерти отца Матфея Михайлова и «вместе с соседними известиями по недоразумению вписал дважды — в начале и конце 6890 г.».⁸¹ Но никто пока не обратил внимания на то, что повторенной вместе с сообщением о смерти Матфеева отца оказалась не случайная группа известий, а целиком статья НК₁ 6890 (1382) г. Повесть же о взятии Москвы Тохтамышем представляет собой целиком статью НК₂ того же года. О чем это говорит? Следуя рассуждениям А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова с учетом замечаний Я. С. Лурье (о том, что запись о смерти Матфеева отца — *прибавка* к другим повторенным в НІV известиям, сделанная именно в оригинале НІV), мы должны две подборки Карамзинского списка признать двумя главными источниками НІV: НК₁ — новгородским, НК₂ — общерусским.

Первым после НК₁ и НК₂ вспомогательным источником для НІV послужила НІ. Ее непосредственное влияние заметно в 116 статьях, начиная с 6508 (1000) и кончая 6933 (1425) г.

Лишь в 9 случаях можно ставить вопрос о непосредственном влиянии СІ или ее протографа на НІV.⁸² И только в 5 — о заимствовании прямо из Лавр. или Тр.⁸³ По сравнению с заимствованиями из НК₁, НК₂ и НІ и на общем фоне НІV, охватывающей русскую историю от ее начала до третьего десятилетия XV в., это ничтожно мало. Невероятно, чтобы создатели НІV, располагая центральнорусской летописью типа Лавр. и Тр. или общерусским сводом типа СІ, так мало их использовали. Не имеем ли мы здесь дело со случаями дефекта текста в самом списке НК XV в. или же с исторически сложившимся в процессе переписки подборок комплексом лакун? Ведь достаточно писцу НК или кому-то из его предшественников что-нибудь пропустить в тексте, чтоб у нас создалось впечатление о непосредственной связи НІV с источниками подборок. А писец практически не может не делать ошибок, и для таких громадных текстов, как НК₁ и НК₂, 14 упущений — немного. Устанавливая взаимоотношения летописных памятников, мы опираемся на сознательные изменения текста при переходе от одного свода к другому. Общность же НІV с СІ и Лавр.-Тр. не выходит за пределы объяснимого работой писцов, их огрехах.

Движение текста от НІ к НІV можно проиллюстрировать примером сложения статьи НІV 6669 (1161) г. НІV полностью повторяет содержание соответствующей статьи НІ; нарушен лишь порядок сообщений. Произо-

⁸¹ Я. С. Лурье. Новгородская Карамзинская летопись, с. 213.

⁸² Имею в виду следующее в НІV и СІ, чему нет соответствия ни в НК₁, ни в НК₂, ни в НІ: 6376 г. — слова «лет 18 и месяц 11»; 6829 г. — известие о знамении (в СІ это — слияние сокращенных известий НІ и Тр.—Сим.); 6833 г. — СІ: «Княжения великого Юрия Даниловича 3 лета», НІV: «А княжил Юрьи 3 лета»; 6840 г. — сообщение о голоде (в НІV оно представляется сокращением СІ); 6849 г. — об убийстве немцами псковских послов и о походе псковичей с князем Александром Всеволодичем на Латыголы; 6875 г. — о гибели псковского воеводы Силы (НІV: «Селилы»); 6883 г. — о стригольниках; 6901 г. — слова «Муром, Мещеру, Торусу»; 6917 г. — о мире псковичей с Витовтом (НІ: «с Литвою») и немцами. Я. С. Лурье (Новгородская Карамзинская летопись, с. 211, примеч. 16) указывает 9 других будто бы подобных случаев: 6716 г. — об убийстве Олексы, 6736 г. — о походе на Емь, 6763 г. — о столкновении новгородцев с Александром, 6770 г. — о третьей поездке Александра в Орду, 6778 г. — о мятеже в Новгороде, 6853 г. — о буре на Волхове, 6858 г. — об обмене пленными, 6921 г. — о пожаре в Твери, 6923 г. — об избрании владыки. Но указанные места 6736, 6763, 6778, 6853, 6921 и 6923 гг., расходясь в целом ряде чтений с СІ, совпадают с НІ, откуда они, вне всяких сомнений, и взяты. Сообщения же 6716 и 6770 гг. имеют равные шансы быть взятыми как из СІ, так и из НІ. Последнее, конечно (учитывая степень использования НІ в НІV), намного вероятней.

⁸³ 6532 г. — о восстании и избитии волхов; 6550 г. — «плени» вместо «победи»; 6552 г. — слова «сего ради немилостив есть на кровопролитье»; 6816 г. — о море и дороговизне, ср. Тр., 6817 г.; 6842 г. — слова «одиного лета».

шло это так: НК₁ взяла из НИ сообщение о возвращении Святослава в Новгород, СИ повторила НК₁, НК₂ почерпнула из НИ сообщение о посадничестве Озарьи, пренебрегши известием о погоде и ценах, а НИV, суммируя НК₁ и НК₂, вставила *между* их текстами и это известие.

Тем именно обстоятельством, что значительная часть материала попала в НИV через посредство НК₁ и НК₂, а иногда (в случае дублировок) и более длинным путем (НК₁—СИ—НК₂), объясняется отмеченный А. А. Шахматовым факт, что «Софийская 1-я даже в тех своих статьях, где излагаются события новгородские, в целом ряде случаев древнее Новгородской 4-й и ближе к тексту Новгородской 1-й летописи». ⁸⁴

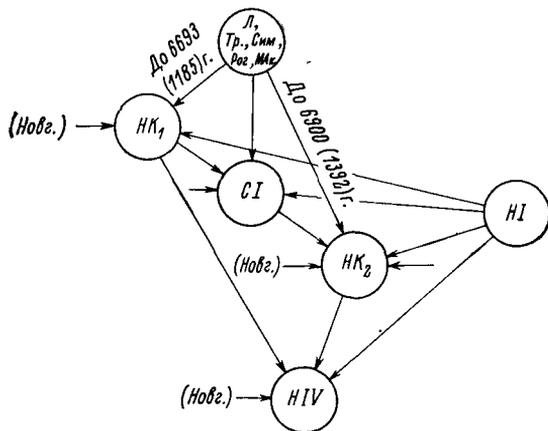

Схема 3.

(Новг.) — дополнительные записи новгородского происхождения; стрелка — пополнение иным материалом.

Типичный пример путей движения текста от источника (в данном случае Лавр.) к НИV может дать статья 6545 (1037) г. Выше мы видели, как СИ дополняет выборку НК₁ из Лавр. ⁸⁵ Теперь проследим дальнейшее (НК₁ → НИV и СИ → НК₂ → НИV):

НК ₁	СИ	НК ₂	НИV
Съвершен бысть град Киев, у него же суть врата Златаа. В то же лето священа бысть святаа Софиа в Киеве.	Свершен бысть град Киев, и церковь святыя Софиа свершена, а у града суть врата златы. Того же лета велики князь Ярослав митрошолью устави и две церкви постави на Златых вратех: Благовещение и святаго Георгия.	Ярослав митрополю устави и две церкви постави: Благовещение на Златых вратех и святаго Георгия.	Свершен бысть град Киев, у него же суть врата Златая. В то же лето священа бысть святая Софиа в Киеве. Ярослав митрополию устави и 2 церкви постави: Благовещение на Златых вратех и святаго Георгия.

Теперь может быть представлена в целом схема движения текста от местных летописей к сводам (схема 3).

⁸⁴ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов..., с. 152.

⁸⁵ См. выше, с. 176.

7. «Неизвестно-откуда-взятые» материалы

Составив представление о движении текста в изучаемой группе памятников — летописей, выборок, сводов, мы должны постараться осмыслить и полученную схему в целом, и каждый ее «кружок», и каждую ее стрелку в отдельности. После сличения текстов у нас остались «в осадке» «неизвестно-откуда-взятые» в памятники материалы. Что они собой представляют? Не позволят ли они нам «заглянуть» в «кружочки»?

Когда мы мысленно соединяем, сливаем существующие отдельно древние летописные тексты, то делаем это (если вообще имеем на это право) «химически чисто», не привнося в результат соединения ничего от себя — никаких собственных добавок и правок. У древнего сводчика, как и выборщика, такого запрета не было. Работая с текстом, относящимся к давно прошедшим временам, он мог заменять слова, выражения, вписывать новую княжескую титулатуру, вставлять в летопись существующие вне ее повести и документы. Пожалуй, только откровенно фантазировать, выдумывать события, которых не было, о которых он нигде ничего не читал и не слышал, он без особых на то причин не стал бы, — по крайней мере, в массовом порядке. Сводчик же или выборщик современного для него летописного материала мог сверх того добавить «от себя» и что-то информативное — на основе случайных источников и собственного жизненного опыта. Я даже думаю, он просто не мог вовсе не быть сам летописцем. Ведь мы имеем дело с живыми людьми, а не с роботами, механическими анализаторами и синтезаторами.

Когда видишь, что на каком-то пространстве свод поддается практически полному разложению на известные нам составные части, «чист» от добавок, естественно думать, что этот материал был сведен не в настоящем, а в будущем по отношению к нему времени, — не современниками событий, о которых идет речь. Когда же после анализа остается частый пунктир «избытков», не должны ли мы, решая, что они суть такое, предусматривать наряду с возможностью влияния неизвестного нам письменного источника и возможностью деформации в ходе времени тех источников, с которыми мы свод сравниваем, возможность вкрапления записей [сводчика-современника? Как бы в итоге ни распределяли мы «избыточный» материал между этими тремя возможными объяснениями, оценивать, осмыслить его мы вправе, только выделив весь его корпус целиком, а не выборочно.

Начнем с НК₁. В этой подборке в 9 случаях обнаруживаются хронографические по своему характеру избытки (из НК₁ они переходят затем в СІ и НІV),⁸⁶ а кроме того, — 52 случая летописного типа «неизвестно-откуда-взятых» материалов и уточнений. Большинство из них — несомненно новгородского происхождения,⁸⁷ лишь меньшинство не связывается

⁸⁶ 6370 г. — в тексте, родственном в целом Лавр., слова «добра», «всемь», «нарядник», обнаруживаемые в Хронографе (см.: О. В. Т в о р о г о в. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. — ГОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 104—106); 6376 г. — излишек против Лавр.: «Нача царствовати Василей, сын Михайлов. При сем трус бьсь в Цариграде 40 дней, почен на свягата Полуекта» (ср.: О. В. Т в о р о г о в. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 260, 273); 6428 г. — слова «Константином царем и Николою патриархом» (ср.: там же); 6437 г. — добавка к имени царя Симеона «Болгарский» (см.: О. В. Т в о р о г о в. Повесть временных лет и Хронограф. . . , с. 107); 6449 г. — рассказ о походе Игоря насыщен вставками из Хронографа (см.: там же, с. 110—112). Хронографическими представляются мне также следующие избытки: 6374 г. — фраза «А Аскольд и Дир в мале приде к Киеву»; 6375 г. — «Тишина бьсть» (ср. слова Палея из того же места повествования: «тишине же бывши» — ГПБ, F. IV. 603, л. 175 об.); 6384 г. — «Михайлова царства лет 24. Сконча Великий круг»; 6479 г. — «Царьствова Василей и Константин в Цариграде».

⁸⁷ 6538 г. — о народнообразовательной деятельности в Новгороде Ярослава, смерти архиепископа Акима и о его ученике Ефреме; 6540 г. — о походе на Железные

с Новгородом.⁸⁸ Интересно распределение этих материалов. Избытки хронографического характера находятся в повествовании о IX—X вв. (6370—6479 гг.); нет, конечно, никаких сомнений в том, что они литературного происхождения. Дальше, в промежутке между 6526—6623 (1018—1115) гг., избыточные материалы встречаются гораздо чаще — в среднем чуть чаще, чем раз в 5 лет. На 6620 (1115) г. эта серия добавок кончается, и за ней идет совершенно чистый от избытков период в 82 года — 6624—6705 (1116—1197) гг. Затем они обнаруживаются под 6706 (1198) и 6738 (1230) гг. И вновь далее идет чистый от избытков период почти той же протяженности — в 81 год — 6739—6819 (1231—1311) гг. С 6820 (1312) г. начинается и продолжается до конца вторая большая (и последняя) серия «неизвестно-откуда-взятых» материалов; средняя частота их появления — чуть реже, чем раз в 4 года.

Обрыв первой серии «избытков» (1115 г.) заставляет вспомнить конец Повести временных лет. Объясняя появление хронографических черт в своде 1448 г. (т. е. в CI и NIV), О. В. Творогов полагает, что этот свод обязан ими слиянию Повести временных лет 2-й редакции (т. е. текста Лавр.) с не дошедшим до нас новгородским источником, лежащим в основе NI, — так называемым «Софийским временником», опиравшимся на предшествующий Повести временных лет «Начальный свод».⁸⁹ Предполагается, что у «Начального свода», а от него и у новгородского «Софийского

врата; 6544 г. — грамота и характеристика деятельности Ярослава; 6549 и 6553 гг. — о смерти матери Владимира; 6562 г. — о разделе Смоленска, приходе Ярослава в Новгород и походах на Чудь; 6566 г. — поучение архиепископа Луки; 6568 г. — о его смерти; 6569 г. — о поставлении архиепископа Стефана; 6575 г. — подробности захвата Всеславом Новгорода; 6576 г. — о путешествии в Киев и удушении владыки Стефана; 6577 г. — о победе над Всеславом и обретении в новгородской святой Софии Владимирова креста; 6586 г. — о поставлении архиепископа Германа; 6603 г. — о путешествии в Киев и смерти Германа; 6604 г. — о поставлении архиепископа Никиты; 6616 г. — указание места захоронения Никиты и имя владыки — инициатора росписи св. Софии; 6623 г. — о церкви Федора Тирона: «среди двюю улиць: Щеркове и Розважи»; 6706 г. — имя строителя церкви Ильи-пророка и о строительстве церкви Евфимии в монастыре; 6820 г. — к сообщению о мире Новгорода с Михаилом Тверским добавлено: «на полуторе тысяч сребра»; 6835 г. — возведение церкви Богородицы на Десятине приписано в отличие от Синодального списка NI (в Комиссионном этого сообщения нет) архиепископу Моисею, а Святославлей княгине; 6841 г. — о мире новгородцев с князем Иваном; 6853 г. — о закладке Акинфом Жабиным Спаса на Ковале; 6858 г. — о пожаре и о закладке церкви Флора и Лавра; 6868 г. — имя матери Семена Андреевича (ктитора) — Наталья; 6872 г. — о завершении деревянных церквей и «костра каменного»; 6873 г. — о знамении в церкви Петра в Славне; 6889 г. — о строительстве церкви св. Власия; 6890 г. — о завершении церкви Рождества на Поле; 6896 г. — о поновлении церкви Богородицы в Торгу; 6897 г. — добавка о «порухении» старой церкви; 6989 г. — указание места церкви Константина («на Росткине улице»); 6901 г. — о строительстве церкви Богородицы «на Хресцех»; 6902 г. — подробности похода новгородцев на Псков; 6907 г. — приезд в Новгород князя Андрея; 6909 г. — добавки: «сына посаднича», «а самых сведоша к Москве»; 6912 г. — подробности о приеме Юрия Смоленского в Новгороде; 6915 г. — о приеме новгородцами князей Данила и Юрия; 6917 г. — о хождении «Алфана» в Болгары; 6918 г. — добавки: «идяше аки кровь», «белками», «денгами московскими», «о судех церковных», «и взяша окупа с Марьяна града 300 златых пенязев», а также — два послания в Новгород и о закладке каменного Орешка; 6919 г. — о рождении в Копорьи сына у Лугвеня.

⁸⁸ 6389 г. — относящиеся к Олегу добавки «всероссийского» характера: «И обладаше всею Рускою землею», «дани устави по всей Рустей земли», «И многи ины страны притяжа к Рустей земли и дани възложи на ня»; 6526 г. — от слов «И ту убиша Буды воеводу» до слов «Передславу, дщерь Володимерю, сестру Ярославлю»; 6528 г. — от слов «Коснятин же беша тогда в Новеграде» до слов «в Муроме на реце Оце» (конец статьи); 6545 г. — день смерти и место захоронения князя Всеволода в Пскове; 6738 г. — о смерти смоленского князя Мстислава; 6836 г. — имя царя «Озбяк»; 6907 г. — о смерти Михаила Тверского; 6910 г. — «и князь Александр Патрикиевичь», «а иных поимаша» (в рассказе о рязанско-литовской войне); 6916 г. — о смерти тверского епископа Арсения; 6919 г. — о выдаче княжны Анны в Царьград.

⁸⁹ О. В. Т в о р о г о в. Повесть временных лет и Хронограф. . . , с. 112—113.

временника», было больше общего с Хронографом, чем у Повести временных лет. Наши наблюдения заставляют думать, во-первых, что своими хронографическими чертами СІ и НІV обязаны не своду 1448 г., а НК₁ и, во-вторых, что сама НК₁ обязана ими неизвестной нам редакции Повести временных лет, дошедшей до нее, может быть, в новгородской обработке (через «Софийский временник»), но, может быть, и в составе киевской летописи. Не исключено, конечно, что часть избытков (из серии до 1115 г.) попала в НК₁ из новгородского источника, а часть (в том числе и хронографического типа) — из киевского.

Период следующих за 1115 г. 70 лет, последний сводный период в НК₁, был составлен (выборками из новгородской и киевской летописей), несомненно, позже самих этих лет (отсутствие избытков-дополнений). Конец сводной части НК₁ (1185 г.) и конец ее первого чистого от избытков периода (1197 г.), практически совпадая, показывают, что сведены эти материалы были после 1185 г., но не позже конца XII в.

Что же касается второго периода в НК₁, где «неизвестно-откуда-взятые» материалы отсутствуют, то он поразительным образом совпадает с перерывом в использовании НК₁ в СІ: с 6745 (1237) по 6819 (1311) г. СІ берет новгородский материал не из НК₁, а из НІ непосредственно. К систематическому, почти столь же регулярному, как прежде, использованию НК₁ СІ возвращается точно с того же 6820 (1312) г.,⁹⁰ с которого начинается вторая полоса избытков-дополнений в НК₁. Что означает это совпадение? Что представляют собой «неизвестно-откуда-взятые» материалы этой серии?

В списках конца XVII—XVIII вв. существует доведенный до времени списков так называемый «Летописец Новгородской вкратце церквам Божиим»;⁹¹ в нем обнаруживаются многие из относящихся к церковному строительству или к новгородской епископской кафедре «избытков» НК₁ (как и «избытков» НК₂ и НІV). Можно предположить, что подобный летописец существовал за века до рубежа XVII—XVIII вв., когда он появляется в единственном известном нам виде. Но основывать что-либо на этом предположении опасно, конечно. К тому же далеко не все из избытков, даже относящихся к Новгороду, обнаруживаются в этом «Летописце церквам Божиим». И он не обрывается на 80 лет после татарского нашествия (как и на 80 лет после 1115 г.). Даже если допустить, что какая-то часть избыточных материалов НК₁ была почерпнута из не дошедших до нас новгородских летописцев, совпадение второго периода их отсутствия в НК₁ с перерывом использования НК₁ в СІ объяснения не получит. Причину надо искать в самой связи НК₁ с СІ.

Представим себе, что после 1185 г. выборка из новгородской летописи создавалась в Новгороде как заготовка новгородской составляющей общерусского свода, специально для него, т. е. делалась и наращивалась параллельно с ростом местной новгородской летописи: выписка из новой годовой статьи могла быть отсылаема сводчику и одновременно тут же, в Новгороде, вносима в особую книгу. Татарское нашествие прервало на время связь Новгорода с Владимиром — оборвалась и доставка выборок-заготовок для общерусского свода (перерыв на 1237—1311 гг. в использовании НК₁ в СІ); прекратилось, конечно, и само изготовление этих выборок (второй перерыв цепи «неизвестно-откуда-взятых» избыточных материалов в НК₁ — 1231—1311 гг.). Центральнорусский сводчик прибежал к времени перерыва непосредственно к местной новгородской летописи, может быть, «задним числом». Во втором десятилетии XIV в. прежний

⁹⁰ 6820, 6829, 6830, 6832—6836, 6841, 6842, 6849, 6857, 6878, 6885, 6891, 6892, 6902, 6906, 6814, 6817 гг.

⁹¹ См.: Новгородские летописи. Изд. Археогр. комиссии. СПб., 1879, с. 172—390.

порядок доставки из Новгорода подборок летописного материала был восстановлен — отсюда точное совпадение начала новой серии «неизвестно-откуда-взятых» избытков в НК₁ и начала нового периода использования НК₁ в С1. Лакуна в НК₁ заполнена была тоже «задним числом» (зачем это было сделано, мы увидим ниже). Заполнена по какой-то причине не вся: остался большой разрыв (самый большой пропуск лет в НК₁) как раз после момента татарского нашествия — с 6746 (1238) по 6756 (1248) г.

Перейдем к С1. Есть ли какая-нибудь регулярность в характере и распределении ее «неизвестно-откуда-взятых» материалов?

Избытки фактически-информативного характера очень редки в начальной части С1;⁹² здесь мы видим главным образом следы работы редактора — аранжировщика и церемониймейстера.⁹³ Бросается в глаза систематически представляемая великокняжеская титулатура правящих князей и заголовки типа «Мстиславле. Взятие Киевское от князя Мъстислава ис Суздаля» (6674 г.) или: «Отселе Суждальское княжение наста Андреем Юрьевичем, а стол — великий город Володимер» (6677 г.).

Добавочная информация о событиях начинается после столетнего перерыва сообщением о рождении у Юрия Долгорукого сына Дмитрия и основании г. Дмитрова (6665 г.). Дальше снова какое-то время нет никаких фактических дополнений (и это наводит на мысль, что о Дмитрии и г. Дмитрове было внесено в летопись гораздо позже самих событий, по памяти). Более или менее непрерывный ряд избыточных сообщений начинается с 6701 (1193) г. (о смерти Варлаама, игумена Спаса на Хутыне). Далее, т. е. с конца XII—начала XIII в., избытков делается великое множество; они идут до конца без заметных перерывов; всего их около 90; средняя частота их «пульсации» менее одного раза в 3 года;⁹⁴ тематика их самая разнообразная, «общерусская»; со второй половины XIV в. начинается преобладание московских по содержанию, возрастают в числе литовские.

Таким образом, начало сплошного ряда информативных избытков в С1 тоже указывает на конец XII в. как на время возникновения сводного общерусского летописания. По всей видимости, это произошло во Владимире, вскоре после того как Всеволод Юрьевич принял титул великого князя. Тогда, очевидно, определен был и порядок доставки владимирскому сводчику новгородских летописных материалов. Этот порядок был нарушен в XIII в. татаро-монгольским нашествием, но восстановлен в первой четверти XIV в.

Что показывают «избытки» в НК₂? Там я заметил примерно 70 добавочных, по сравнению с известными нам источниками, материалов, начиная с 6573 (1065) по 6936 (1428) г., т. е. до конца. По 6823 (1315) г. они носят

⁹² 6496 г. — возведение Владимиром церкви в Киеве и основание г. Владимира (от слов «Того же лета постави князь Владимир в Киеве» до конца статьи); 6558 г. — дата смерти княгини; 6560 г. — приход на Русь греческих певцов; 6565 г. — об игумене Феодосии.

⁹³ 6523 г. — замена рассказа об убийстве Бориса и Глеба; 6527 г. — вставка об обретении и захоронении тела Глеба (от слов «И отголе крамола преста в Руской земли» до слов «честную раку Бориса и Глеба»); 6580 г. — распространения в рассказе о перенесении мощей Бориса и Глеба; 6527 г. — юридические памятники и мелкие редакторские пометы под 6587, 6589, 6590, 6594, 6596, 6597, 6598 гг.; отсылки к «Киевскому» (летописцу), см.: Я. С. Лурье. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей, с. 122.

⁹⁴ 6701, 6703, 6724, 6726, 6732, 6747, 6748; 6750, 6753, 6754, 6759, 6770, 6780, 6798, 6802, 6806, 6818, 6831, 6835, 6839, 6844, 6845, 6849, 6855 (два), 6864, 6866, 6868, 6870, 6872, 6873, 6874 (два), 6878, 6879, 6880, 6883 (два), 6888, 6890, 6891, 6894 (пять), 6895, 6896 (два), 6897 (три), 6898 (два), 6899, 6900 (два), 6901 (два), 6903 (два), 6905, 6906, 6910 (два), 6911, 6913 (два), 6914, 6915, 6916, 6917, 6924, 6925, 6926 (два), 6930 (три), 6931, 6933 (четыре), 6934, 6935 гг.

общерусский характер.⁹⁵ С 6855 (1347) г. до конца идет сплошной поток преимущественно новгородских дополнений;⁹⁶ «общерусские» добавки в нем тонут.⁹⁷ В части до середины XIV в. средняя частота их появления менее чем раз в 15 лет. Начиная с 1347 г. они появляются в 10 раз чаще (т. е. в среднем чуть реже, чем раз в полтора года).

В НIV «лишних» материалов в два раза меньше, чем в НК₂; это бросается в глаза. За исключением трех неопределенных,⁹⁸ все они новгородские. И кроме трех «отдельно стоящих»,⁹⁹ идут они сплошной цепью, начиная с 6858 (1350) г.¹⁰⁰ (средняя интенсивность появления — примерно раз в два с половиной года).

Различить как-либо по тематическому признаку новгородские дополнения НК₁, НК₂ и НIV нет никакой возможности. Во всех трех памятниках дополнения самые разнообразные (о церковном и крепостном строительстве, смерти посадников, избрании новых, о взаимоотношениях с князьями, волнениях в городе, течении Волхова, погоде, ценах и т. п.). Не исключено, конечно, повторять, что источником каких-то из этих «избыточных» известий послужили письменные материалы. Но не похоже, чтобы они играли здесь сколько-нибудь значительную роль. Почему тогда ни НI, местная новгородская летопись, уделяющая основное внимание внутренней жизни города, ни НК₁, не менее заинтересованная в этой теме, ни НК₂, дополняющая ее, ни НIV, сводящая все это воедино, — почему ни одна из них не использовала эти материалы, располагая ими, если не полностью, то хотя бы в основном? Ведь каждая из них, оказывается, имеет что-то свое, что можно прибавить о жизни в Новгороде. Даже НIV оказывается в состоянии существенно пополнить своих предшественниц. Более вероятным мне представляется, что разные люди, разные летописцы, делали свои добавки о происходящем в Новгороде параллельно. Поле зрения каждого из них в этом отношении, как и в других, не было всеобъемлющим; т. е. я склоняюсь к мысли, что генератором дополнительных записей в значительной степени была здесь действительность, сами события.

Появление в НК₂ с 1347 г. интенсивной пульсации преимущественно новгородских дополнений побуждает думать, что эта выборка получила свое начало в Новгороде около середины XIV в. Возможно, что тогда располагали более древним видом общерусского свода, чем дошел до нас в СI, — и этим объясняются более редкие избытки в предшествующей 1347 г. части; но не исключено также, что выборщиком был привлечен

⁹⁵ 6573 (о Всеславе Полоцком), 6581 (о печерском игумене), 6584 (о смерти Святослава), 6596 (о мощах Николы), 6597 (название церкви), 6633 (слова «княжи с кротостию»), 6660 (о строительстве и конце миротворного круга), 6672 (дата похода на Болгары), 6732 (о звезде), 6750 (о хождении князей к татарам), 6757 (о смерти Василия Ярославича, победе суздальцев и гибели Михаила Московского), 6764 (о смерти Даниила Ярославича), 6788 (о покрытии собора во Владимире), 6799 (об убийствах у татар), 6801 (о хождении князей в Орду, смерти Михайлы Глебовича и возвращении из Орды), 6823 (о татарах в Ростове) гг.

⁹⁶ 6855—6860, 6862, 6865, 6866, 6869, 6873, 6875, 6878, 6882, 6883, 6885, 6893, 6894, 6895, 6897, 6898, 6899, 6900, 6901, 6902, 6903, 6904, 6907, 6910, 6912, 6914, 6916, 6917, 6919, 6920, 6925, 6926, 6928, 6930, 6932, 6934, 6936 гг.

⁹⁷ 6860 (о «снеме» на Москве), 6885 (о море в Смоленске), 6893 (о хождении Василия Дмитриевича в Орду), 6898 (грамота патриарха Антония) гг. Об общерусских добавках после 6900 г. см. выше, с. 181. Можно, кроме того, указать случаи добавок, о которых нельзя с уверенностью сказать, новгородские они или общерусские: 6912 (о поездке митрополита к Витовту), 6928 (о перевезде Свидригайла из Угор в Литву) и 6934 (об окончании мора) гг.

⁹⁸ 6781 г. — второе «число»; 6829 г. — мор; 6839 г. — затмение.

⁹⁹ 6649 и 6655 гг. — отчества посадников; 6828 г. — о хождении Луки на Мурману и об избавлении немцами ушкуев.

¹⁰⁰ 6858, 6859, 6861, 6863, 6866, 6869, 6875, 6877, 6879, 6886, 6890, 6892—6894, 6897—6900, 6906, 6908, 6909, 6911, 6913, 6914, 6919, 6924, 6926, 6928, 6929 гг.

какой-то дополнительный материал и для прошлого. По крайней мере по ходу наращивания выборки он такой материал (особенно списки цельных произведений и документов) привлекал.

Поток новгородских дополнений в НІV, начинающийся с 1350 г., показывает, что сразу следом за НК₂ была начата НІV. Ясно отсюда, что НК₂ мыслилась и создавалась именно как заготовка для НІV. К существующей и, очевидно, как-то поновленной тогда подборке новгородского материала НК₁, о которой было известно, что она составляет основу новгородской информации общерусского свода, постатейно присоединили новосозданную, дополнительную по отношению к ней, подборку общерусского материала, вытяжку из общерусского свода — НК₂. Получилось в итоге не что иное, как новгородский «извод», вариант общерусского свода — НІV. Инициатором его создания следует признать, очевидно, энергичного новгородского архиепископа середины XIV в. Василия Калику (1331—1352 гг.).

Не противоречит ли нашей мысли тот факт, что НК₁ содержит в своей начальной части материалы, относящиеся к XIV в.? Так, этой выборке предпослан список русских городов, дальних и ближних, включающий Нижний Новгород, галицкие, волынские, литовские и даже болгарские города; под 6395 (887) г. помещен перечень русских князей, доведенный до сыновей Ивана Ивановича — Дмитрия и Иоанна; там же находится список епископий, включающий Сарайскую и Суздальскую. Не означает ли это, что НК₁ вся возникла не ранее XIV в.? Я думаю, нет: если эта выборка-заготовка наращивалась после 1185 г. постепенно, как летопись (следом за НІ), то ее, несомненно, как летопись и поновляли, делая с нее списки. При этом могла поновляться не только графика и орфография. Перечни, такие как здесь, — по своей природе поновляемая часть внутри летописи. Для их продления специально оставлялось место (оно оставлено и в Карамзинском списке XV в. для продолжения перечня князей). Перечень мог быть пополнен и в самом древнем списке, не только при его копировании. Однако обычно такого рода перечни «доводились летописцами до своего времени и только механическими копиистами оставались без изменений».¹⁰¹ В данном случае окончание перечня князей в НК₁ и НІV на Иване Ивановиче и его сыновьях Дмитрии и Иоанне указывает на ту самую середину XIV в. (Иван Иванович был великим князем в 1354—1359 гг.), на какую указывают начала сплошных рядов местных новгородских дополнений в НК₂ и НІV (в НК₁, напоминая, они идут на всем ее протяжении, за исключением двух отмеченных выше больших перерывов). Значит, в середине XIV в., при заведении в Новгороде общерусского свода, обновили его новгородскую составляющую. До сих пор она служила для центрально-русских — очевидно, митрополичьих — нужд, теперь призвана была служить и для самого Новгорода.

Новгородский вариант общерусского свода (НІV) наращивался с ходом времени тем же порядком, каким был создан, — путем присоединения к выборкам из новгородской летописи (НК₁) выборок из летописи сводной общерусской (НК₂). Получавшийся свод контролировался по местной новгородской летописи (НІ) и пополнялся заметками самих сводчиков.

Одного из новгородцев-сводчиков, создателей НІV, мы, кажется, знаем. В промежутке между 1375 и 1411 г. в числе «неизвестно-откуда-взятых» материалов мы встречаем серию записей о событиях в семье Матфея Михайлова (об одной из них мы говорили выше): в 1375 г. родился он сам, в 1382 г. умер его отец, в 1405 г. скончалась Феодосия Матфеевна (его мать?), в 1406 г. он женился, а в 1411 г. стал отцом. Трудно представить себе,

¹⁰¹ Д. С. Лихачев. Текстология, с. 386.

что летописец привлек для этих записей какой-то письменный источник или написал это о ком-то другом, не пояснив, кто такой этот Матфей Михайлов. Скорее всего он писал о себе.

Новгородский вариант общерусского свода просуществовал как живой, дрящщийся не более 80 лет. В 1411 г. по какой-то причине оборвалось составление первой выборки. Это не оказалось для свода смертельным, так как рядом была сама НІ, из которой эта выборка черпалась. Но спустя 17 лет, в 1428 г., прекратилось составление и второй подборки — общерусской, и эту потерю свод не мог уже возместить и в качестве общерусского скончался (наращивался он далее преимущественно выборками из НІ).

8. Глядя со стороны

Итак, НК₁ и НК₂ мы признаем *памятниками работы*, имевшей целью создание летописных сводов. Первая из них была использована дважды (в СІ и НІV), а вторая в паре с первой составила основу НІV. Надобности в гипотезах о «своде 1448 г.», «основной редакции НІV» или «Новгородской Карамзинской летописи» я теперь не вижу.¹⁰² Отношение СІ и НІV вполне удовлетворительно может быть объяснено с помощью реально дошедших до нас текстов. Для этого достаточным оказалось руководствоваться принципом комплексности в подходе к ним¹⁰³ — рассматривать всю группу родственных памятников в совокупности. Если же отступить от этого правила и рассматривать памятники попарно, то каждый раз надо предполагать существование не дошедших до нас протографов и протографов этих протографов. Рассматриваем мы СІ и НІV изолированно — рождается предположение о своде 1448 г.;¹⁰⁴ берем отдельно две подборки Карамзин-

¹⁰² Как писал сам автор этих гипотез А. А. Шахматов, «разумеется само собой, что исследователь не только может, но и должен считаться с предшественниками и результатами их работ. Но отношение к ним должно быть прежде всего критическим. И, во всяком случае, исследователь обязан указывать те основания, которые он имеет для того, чтобы следовать не за источником, а за его истолкователем» (Заметки о древнейшей истории русской церкви. — Науч. ист. журн., т. 2, вып. 2, № 4, СПб., 1914, с. 45). *Познакомившись с источниками, я не смог последовать за их истолкователями.*

¹⁰³ См.: Д. С. Л и х а ч е в. Тектология, с. 376.

¹⁰⁴ Одним из мотивов, побудивших А. А. Шахматова датировать предполагаемый общий источник СІ и НІV 1448 г., послужила запись под 6888 г., общая для этих двух летописей: «А Благоевещие бысть в Велик день, а перво сего бысть за 80 лет и за 4, а потом будет за 80 лет без лета, а потом за 11 лет». Неясные в этой фразе слова «а потом за 11 лет» могли быть, — рассуждает А. А. Шахматов, — написаны только лицом, работавшим над летописью в таком году, который предшествовал году совпадения благовещения с пасхой одиннадцатилетним промежутком. Такой год в течение XIV—XVI вв. мог случиться под 1369, 1448 и 1532 гг., ибо пасха совпадала с благовещением в 1380, 1459 и 1543 гг. Из трех указанных годов останавливаемся на 1448-м, ибо о 1369 годе не может быть речи. . . ; о 1532 г. нельзя думать потому, что большинство самих списков Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей относится к XV в.» (А. А. Ш а х м а т о в. Обзорение. . . , с. 154; см. также: Я. С. Л у р ь е. К проблеме свода 1448 г., с. 143—144). Но, во-первых, нельзя, мне кажется, забывать ясные слова «а потом будет за 80 лет без лета» как свидетельствующие о времени, когда работал летописец, т. е. о 1380 г. А во-вторых, легко представить себе, что в одном из ранних списков общерусского свода произошла описка, в результате которой из какого-то иного числа получилось 11. 1459 год от 1543 года, когда должно было быть второе после 1380 года совпадение благовещения с пасхой, разделяет 84 года. Подставляя в текст 84 вместо 11, понимаем, *почему* летописец вообще стал писать о промежутках между этими совпадениями, — потому что все они близки к 80: «А! благовещие бысть в велик день, а перво сего бысть за 80 лет и за 4, а потом будет за 80 лет без лета, а потом за 80 и 4 лета». Одиннадцать писалось как АІ; 80 писалось как П, 4 — как Д. Неврежно написанное или затертое, поврежденное «П» может быть спутано с «А», а «Д» при весьма частом тесном варианте написания легко может быть принято невнимательным переписчиком за «І». Так это или не так, не только возможно, но и наиболее вероятным объяснением непонятого места мне кажется палеографическое — на уровне работы писцов-копиистов. По крайней мере оно не требует насилия над текстом.

ского списка — является гипотеза о «Новгородской Карамзинской летописи»; сравниваем эту сконструированную в уме летопись с НІV — получаем гипотезу, уже «второго этажа», об их общем архетипе; сопоставляем этот архетип со столь же нереальным сводом 1448 г. — допускаем существование неизвестной нам новгородской летописи в *двух* (более полном и более кратком) видах. . .

Плоды применения к истории летописания платоновско-аристотелевского приема логического восхождения от общего к Единому (безупречного как такового, но при изучении конкретного исторического материала нуждающегося в многосторонней проверке этим конкретным материалом) таковы, что реальные летописные тексты оказываются в генеалогических стеммах (а следовательно, и в головах исследователей) в ничтожном меньшинстве. Ослабевает внимание к самим нуждающимся в неустанном нашем внимании конкретным реальным памятникам: гипотезы имеют свойство не только объяснять их соотношение, но и как бы «материализоваться», а «материализуясь», заслонять от нас саму реальность.

Какие, к примеру, иные варианты соотношения НК₁ и НК₂ друг с другом и с СІ и НІV были продуманы в течение многих десятилетий после высказанных А. А. Шахматовым предположений? О единственном ином пути мысли пишет Я. С. Лурье: «Такое своеобразное разделение текста (на НК₁ и НК₂, — Г. П.), а также преимущественно новгородский состав первой подборки, естественно, вызывают у исследователя предположение: не являются ли две подборки, помещенные в НК, двумя самостоятельными памятниками — источниками свода 1448 г. . . ? К сожалению, однако, это заманчивое предположение сразу же опровергается рядом фактов». ¹⁰⁵ Решившись на минуту отказаться о мысли о едином протографе НК₁ и НК₂, Я. С. Лурье не решился отказаться на ту же минуту от гипотезы о своде 1448 г., и встреча реальных текстов НК₁ и НК₂ с реальными текстами СІ и НІV не произошла. ¹⁰⁶ Всегда в науке актуальна указанная А. А. Шахматовым опасность смешения порождаемых нашим умом «научных фикций» (так он называл свои гипотезы) с исследуемой действительностью. ¹⁰⁷

В какой-то мере гипотетичны, конечно, все наши построения. Простота построения (наряду с количеством связываемых воедино фактов) — один из главных критериев оценки. Проще та картина, в которой больше реальности и меньше химерических явлений и бессмыслицы. Частота использования одного привычного приема (в данном случае приема мышления средневековых реалистов) не может быть критерием истинности. Наука только тогда живет, а не умирает, когда расширяет число методов, точек зрения, подлежащих обсуждению фактов и моделей. В противном случае мы утрачиваем «необходимую стереоскопичность» зрения. ¹⁰⁸ Стереоскопичность же видения требуется от исследователя при изучении летописания в значительно большей степени, чем при изучении любого другого типа литературных памятников. Ибо в ряду литературных жанров Древней Руси летописание резко выделяет громадная протяженность, *растянутость процесса творчества* — на века. Учитываем ли мы этот факт?

Молчаливо предполагается (если только предполагается), что протяженно в процессе создания летописи лишь само ее ведение, наращивание

¹⁰⁵ Я. С. Л у р ь е. Еще раз о своде 1448 г. . . , с. 200.

¹⁰⁶ Следом за А. А. Шахматовым Я. С. Лурье сопоставляет с СІ и НІV лишь единую «НК», стараясь решить, как она соотносится с их протографом. См.: Я. С. Л у р ь е. Новгородская Карамзинская летопись, с. 208.

¹⁰⁷ А. А. Ш а х м а т о в. Заметки о древнейшей истории русской церкви, с. 45.

¹⁰⁸ См.: Д. С. Л и х а ч е в. Текстология, с. 377.

записей, а сведение воедино разнородных известий, создание «сводов», практически одновременно. За изучением сводов уже почти забыто ведение летописей как литературный процесс (возможно ли, чтобы физики, увлекшись корпускулярной теорией, забыли волновую, или стали одну из них излагать в терминах другой?).

«При всей методической плодотворности понятия летописного свода, — писал В. Л. Комарович, — Шахматову можно, однако, поставить в упрек некоторую переоценку его применимости: наполовину механическая работа сводчика заслоняет в построениях Шахматова даже самые скромные проявления настоящего творчества, без которого совершенно обойтись при изучении летописей все-таки, разумеется, невозможно».¹⁰⁹ Мостиком в наших умах между представлениями о сводчике и летописце-творце должны, на мой взгляд, послужить «неизвестно-откуда-взятые» в свод материалы, — прежде всего они позволяют нам в сводчике видеть летописца и судить о характере творческого процесса.

Схемы, которыми историки летописания после А. А. Шахматова пользуются для изображения генеалогических связей между сводами (кружочки или квадратики, соединенные стрелками; выше мы такой схемой воспользовались), способны отразить только ряд одновременных событий, однородных моментов в процессе возникновения сложных памятников. Остальные характеристики творческого процесса остаются при этом в тени. А средства, которыми мы пользуемся, имеют, как известно, обратное влияние на само наше мышление. Эти стеммы, будучи применены к летописанию, оказываются гораздо менее адекватными действительности, чем когда они призваны изображать соотношение списков или редакций повестей, «слов», житий и других тому подобных произведений, процесс создания которых, сравнительно с летописью, моментален. В таких случаях мы гораздо более определенно знаем, *какое* творческое событие отражает тот или иной кружок. В каждой же кружке на схеме, обозначающем памятник летописания, можно видеть вход в глубокий тоннель (или срез одного из разветвлений летописного «древа»).

Исследователи летописания нуждаются в дополнительных к принятым схемам и моделям. Не выходя, моделируя, из пределов плоскости, можно представить себе нечто вроде схемы железнодорожных путей — двоящихся, троящихся, множащихся, текущих параллельно, пересекающихся, дающих тупиковые отростки, сливающихся. . . Такая схема отражала бы, так сказать, пути ведения погодных записей — собственно летописания. Но и она не отражала бы того, что происходит при создании сводов: здесь общим становится не «будущее» — то, что за точкой встречи, а «прошлое» — то, что до нее, причем часто не целиком, а выборочно. Но ведь длительным мог быть, как мы увидели, и сам процесс *сведения* материала разных летописей. Как быть в таком случае?

Схем, как и приемов изучения, — чем больше, тем лучше. «Принципы изучения текста должны быть реалистическими»,¹¹⁰ а реализм требует избирательности. Когда мы «ближе к Шахматову» — довольствуясь введенным им методом или вводя, подобно ему, новые?

Мне кажется также, что должна в конце концов отойти в прошлое манера иллюстрировать свою мысль отдельными примерами, взятыми из громадного материала. Дело тут совсем не в недоверии, и вообще без иллюстраций никак не обойтись. Но совершенно необходимо при этом публиковать

¹⁰⁹ В. Л. Комарович. Древнерусское областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора. — Арх. ИРЛИ, Р. I, оп. 12, № 388 (машинопись), л. 6—7.

¹¹⁰ Д. С. Лихачев. Текстология, с. 389.

данные «сквозного» анализа сравниваемых летописных текстов. Для этого необходимо научиться как-то изящно кодифицировать эти данные — экономно в отношении места и емко в отношении информации. Безумие, если столь трудоемкую работу мы будем делать параллельно, каждый по-своему и каждый лишь для себя самого. Надо создать «общую память». Только так наша наука сможет сделать качественный скачок (вслед за многими другими науками). Надеюсь в будущем опубликовать составленную мною ана-

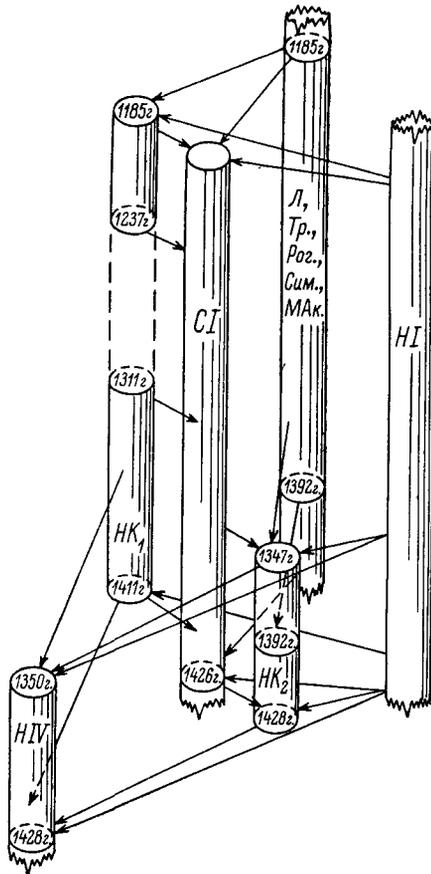

Схема 4.

*Ровные концы «трубы» — процесс летописания продолжается;
ровно срезанные «трубы» — начало или конец работы.*

литическую таблицу — результат постатейного сличения группы летописей (предложенная вниманию читателя статья вся основывается на этой таблице). По таблице легко было бы проверить и *увидеть* то, о чем я говорю. Допускаю, что по ней можно сделать наблюдения, которые ускользнули от моего взгляда, и выводы, которые не пришли мне в голову. Наверное, кто-то сможет кое-что в ней и уточнить.

Публикую в качестве образца одну страничку из моей таблицы. Сопровождаю ее перечнем-объяснением используемых условных знаков, а предворяю схемой 4, где летописные памятники обозначены не кружочками, а «трубами»: «трубы» (в отличие от кружочков) дают возможность отразить

протяженность самого процесса летописания, протяженность связей между летописями и внутренние рубежи в их истории.¹¹¹

Оказываясь в состоянии обойтись без гипотез А. А. Шахматова о едином протографе НК и о своде 1448 г., я вместе с тем восстанавливаю в правах его *основную* мысль о сводном общерусском летописании — его представление о «существовании общерусских митрополических сводов, сменявших друг друга, начиная с первой четверти XIV ст.».¹¹² Я только отдвигаю начало сводного общерусского летописания к 80-м годам XII в.

Пусть в заключение основные выводы этой работы послужат комментарием к схеме 4.

НК₁ была начата в 1185 г. путем слияния подборок новгородского и киевского летописного материала. Этот сплав был положен в основу сводной общерусской летописи (С1), созданной, по всей видимости, во Владимире вскоре после 1185 г. и ведшейся с тех пор без заметных перерывов по XV в.

НК₁ после 1185 г. — выборка-посредница между новгородской летописью (Н1) и общерусской. Кажется, татарское нашествие на 80 лет прервало это посредничество. С середины XIV в. началось вторичное (параллельное с первичным) использование НК₁ — в самом Новгороде, в заведенном тогда новгородском варианте, или изводе, общерусского летописного свода (НIV).¹

Для создания основы НIV к годовым статьям НК₁ стали присоединять статьи специально с этой целью начатой НК₂ — материалы выбранные и далее по ходу лет выбираемые из главного ствола общерусского летописного свода (с некоторыми добавками и коррективами). В числе вспомогательных источников НК₂ была, можно думать, центрально-русская летопись типа Тр., доведенная до 1392 г.

Новгородцы, сводчики НIV, старались не отступать слишком далеко от свода-образца (С1), но все же пополняли результат соединения НК₁ и НК₂ заимствованиями непосредственно из Н1, а также собственными заметками. Таким порядком НIV росла — практически одновременно, параллельно с питавшими ее С1 и Н1 — несколько десятилетий. В XV в., с прекращением поставок общерусского материала (1426 г. — конец заимствований в НК₂ из С1; 1428 г. — конец НК₂), она потеряла свой общерусский характер.

¹¹¹ Предложенную выше схему 3 можно рассматривать как «поперечный разрез» этой «трубчатой» схемы. Схема же, которую предлагает для моих выводов Я. С. Лурье (см. с. 212), меня не устраивает, потому что подобной «стереоскопичности» видения не предусматривает. Достоинство гипотезы о своде 1448 г. Я. С. Лурье видит в меньшем числе «гипотетических звеньев»: по его подсчетам, она требует их всего 4, а по моим — 14. Но верен ли этот «перевод»? Разве всегда каким-то образом определенный и охарактеризованный момент или период творческой истории реального текста это — гипотетический свод-протограф? Разве второе не специфический частный случай первого? Чем больше удается нам установить «точек» и описать «отрезков» внутри многовекового *процесса* летописания, тем лучше. А чем больше мы растворяем реальность в необязательных, без которых можно обойтись, химерах-предположениях, тем хуже. Мне кажется также, что достаточно представить себе, что летописи и своды росли *параллельно* — а этому и должна способствовать «трубчатая» схема, — чтобы полученный выше (на основании наблюдений над дублировками, перестановками, искажениями, переносами и исправлениями) вывод о двух путях движения текста от местных летописей к сводам (но не от С1 и Лавр. к своду НIV!) показался не парадоксальным, а скорее — неизбежным. Текст движется главным образом через выборки, но также в какой-то мере и непосредственно.

¹¹² См с. 79 работы А. А. Шахматова «Общерусские летописные своды XIV и XV вв.».

Образец таблицы

Годы	НК ₁	СИ	НК ₂	НИV
6626	—	—	—	≤NI ¹
6627	≤NI ¹ + ≤LI ²	≤НК ₁ ³	—	НК ₁ + ≤NI ⁴
6628	—	—	≥NI ¹	НК ₂
6629	≤LI ¹	НК ₁	—	НК ₁
6630	≤LI ¹	НК ₁ + ≤NI ²	≤СИ ³	НК ₁ + НК ₂
6631	≤NI ¹	НК ₁ + ≤NI ²	≤СИ ³	НК ₁ + НК ₂
6632	≤LI ¹ + NI	≤NI ²	—	НК ₁
6633	≤NI ¹	≤LI ² + ≤НК ₁ ³	≈СИ ⁴	НК ₁ + НК ₂

6626. ¹ О смерти посадника Дмитрия Завидовича. 6627. ¹ Опущено о преставлении посадника Константина Моисеевича; ^{2 и 3} О смерти царя Алексея и воцарении Иоанна Порфирогенита. ⁴ О смерти посадника Константина Моисеевича; добавлено в конце статьи. 6628. ¹ Доб. ис Киева. 6629. ¹ Нет даты. 6630. ¹ О приходе митрополита Никиты; ^{2 и 3} О женитьбе Мстислава. 6631. ¹ О походе Всеволода с новгородцами на Емь; ^{2 и 3} О женитьбе Всеволода Мстиславича. 6632. ¹ О пожаре в Киеве и о затмении солнца; последнее сообщение слито с сообщением о том же NI; ² Сокращенное сообщение о затмении. 6633. ¹ Опущено сообщение о смерти Владимира и вокняжении Мстислава; ² Сокращенное сообщение о смерти Владимира и вокняжении Мстислава; ³ Только о вокняжении в Новгороде Всеволода; ⁴ См. примеч. 2, доб. княжи с крестостию.

Условные знаки в таблице

LI — текст равен тексту Лавр.¹

≤NI — текст составляет часть текста NI.²

≥NI — часть текста составляет статью NI.

≈LI — часть текста совпадает с частью текста LI.

≈LI — текст приблизительно равен тексту LI.³

≤NI — текст приблизительно равен части текста NI.

≈LI — часть текста приблизительно равна статье LI.

< NI — те же известия, что в NI, но изложенные короче и иначе.

> LI — те же известия, что в LI, но изложенные полнее и иначе.

≈ LI — текст в чем-то короче, а в чем-то полнее, чем в LI, текстуральных совпадений нет, только — по содержанию.

НК₁ + НК₂ — соединение текстов НК₁ и НК₂.⁴

≤ LI + ≤ NI — соединение частей текстов LI и NI.

LI + ? (новг.) — текст, совпадающий с LI, пополнен «неизвестно-откуда-взятым», новгородским по содержанию материалом.

LI × NI — текст LI, подвергшийся влиянию версии NI.

LI (= NI) — текст совпадает как с LI, так и с NI.

¹ Под равенством я понимаю отсутствие различий, говорящих о сознательной редакторской правке текста, но не различий порядка отличий одного списка от другого того же текста. Такие случаи не комментируются, поскольку текст местных летописей, послуживший источником для сводов, берется за исходный. Комментируются лишь изменения, которые он в движении претерпевает.

² В комментарии указывается, какую часть. Если же все — короче, комментария нет.

³ Это значит, что отличия незначительны; более или менее деформируя облик текста, они оставляют его в целом тем же.

⁴ Соединение подразумевает и последовательное присоединение одного текста к другому (чаще всего), и их слияние.

Я. С. ЛУРЬЕ

Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи

Одним из важнейших наблюдений А. А. Шахматова было установление им того факта, что две обширные и широко распространенные летописи — Софийская I и Новгородская IV — сходны между собою на всем протяжении, с начала до 6926 (1418) г. Их начальная часть представляет собою соединение Повести временных лет и новгородского Софийского временника; дальнейший текст обеих летописей вплоть до 6926 г. также представляет собою соединение новгородского и великокняжеского (киевско-владимирского) летописания, здесь читаются (отсутствующие в более ранних летописях) развернутые повести (о Куликовской битве, о нашествии Тохтамыша и др.), княжеские жития, фольклорные по своему характеру рассказы о Гостомысле, об Александре Поповиче и т. д. Как может быть объяснено такое совпадение текста двух летописей? И в НIV и в СI встречаются и первичные, и вторичные чтения; ни одна из этих летописей не может быть выведена из другой. А. А. Шахматов сделал отсюда естественный вывод, что в основе их лежал общий источник — свод, доведенный до 6926 г. Он определил его как свод 1448 г., или Новгородско-Софийский свод.¹

Существование Новгородско-Софийского свода представляет собою, строго говоря, гипотезу; однако гипотеза эта (как и аналогичные определения ряда других сводов-протографов в истории летописания) отнюдь не может рассматриваться как простое предположение, не обязательное для других исследователей. В литературе о летописях часто приводят замечания А. А. Шахматова о необходимости проверки научных гипотез (в том числе и его собственных) и о том, что «отношение к ним должно быть прежде всего критическим». Но «критическое» отношение к гипотезам не означает права последующих исследователей игнорировать гипотезы своих предшественников и, прежде всего, те факты, на которых они основаны.

В научных работах нередко смешивают гипотезы с догадками — простыми предположениями о возможности какого-либо факта (скажем, с предположением, что такой-то памятник *мог* написать такой-то автор). Но если догадка строится на возможности, то гипотеза — на необходимости объяснить некую совокупность фактов.

Совпадение НIV и СI на всем протяжении до 1418 г. — явление бесспорное. Вывод о существовании свода XV в., лежащего в основе этих двух

¹ А. А. Шахматов. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 151—160 и 366. Об изменении датировки и наименования этого свода в трудах А. А. Шахматова см.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение М.—Л., 1947, с. 312—313 и 447—449; Я. С. Лурье. К проблеме свода 1448 г. — ТОДРЛ, т. XXIV, М.—Л., 1969, с. 142—146.

летописей — наиболее убедительное объяснение этого явления. Любой исследователь поэтому обязан считаться с таким выводом или же предложить альтернативную гипотезу, которая лучше объяснила бы всю совокупность фактов, установленных А. А. Шахматовым. Пока альтернативная гипотеза не предложена, исследователи не только могут, но и обязаны исходить из предположения о существовании свода-протографа СІ и НІV. Можно спорить об определении этого свода, о том, был ли он составлен в середине (около 1448 г.) или в первой четверти XV в., был ли общерусским или новгородским, восходил ли к общерусскому летописанию начала XV в. (Троицкая летопись) непосредственно или через особое дополнительное звено (Полихрон Фотия),² но самое существование такого летописного памятника XV в. пока еще никем не поставлено под сомнение. Поэтому вполне естественным представляется то обстоятельство, что характеристика Новгородско-Софийского свода как реального памятника (хотя и дошедшего во вторичных редакциях) постоянно включается в работы по истории летописания и литературы вообще.³

В двух дошедших до нас обширных летописных семьях — СІ и НІV — свод 1448 г. претерпел уже некоторые изменения. Какая из двух семей лучше отражает текст протографа? Систематическое сравнение обеих летописей обнаруживает черты вторичности в НІVЛ. Здесь явно и не всегда удачно сокращены большие общерусские повести, полностью переданные в СІ, введено множество дополнительных статей — главным образом из новгородских источников.⁴

Новые данные об истории свода 1448 г. и его новгородской обработки могут быть получены при исследовании пока еще не опубликованного памятника — Новгородской Карамзинской летописи, сохранившейся в списке ГПБ, Ф. IV.603. В основном сходная с НІV, Новгородская Карамзинская летопись (далее НК), также обнаруживает черты вторичности по отношению к СІ (в НК тоже, в частности, сокращены большие летописные повести СІ, добавлен ряд новгородских известий), однако по отношению к НІV текст НК первичен: здесь читаются послания патриарха Антония, императора и митрополита в Новгород, сокращенные в НІV, ряд чтений ближе к СІ, чем НІV. Характерной особенностью НК является также необычное расположение текста в ее единственном дошедшем до нас списке. До 6495 г. (крещение Руси) НК почти полностью соответствует НІV, но уже известий 6496, 6509, 6519 гг. и конечных разделов ряда других статей здесь нет, а начиная с 6587 и вплоть до 6919 (1411) г. читается своеобразная выборка из текста, близкого к НІV, состоящая из первых половин годовых статей; после этого, начиная с 6496 г., помещена вторая выборка, включающая почти все то, чего не было (по сравнению с НІV) в первой выборке и доведенная до 6936 (1428) г. В первой выборке содержатся в основном новгородские статьи СІ и НІV, во второй имеются и новгородские, и общерусские статьи (в частности, большие летописные повести в редакциях, близких к НІV). Такое разделение текста, а также преимущественно новгородский состав первой выборки естественно вызывают у исследователя предположение: не являются ли две выборки, помещенные в НК, двумя самостоятельными памятниками — источниками свода, отразившегося в НІV—СІ (соединявшего, как мы помним, новгородское и общерусское летописание)? К сожалению, однако, это заманчивое предположение сразу же опровергается рядом фактов: в ряде случаев НК,

² Ср. Я. С. Л у р ь е. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 114—115, 126—127, 133—138.

³ Д. С. Л и х а ч е в. Русские летописи. . . , с. 305—318; История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1946, с. 115—121.

⁴ Я. С. Л у р ь е. Общерусский свод. . . , с. 115—121.

как мы уже отметили, вместе с НІV явно вторична по отношению к СІ (особенно в больших общерусских повестях); первая выборка включает не только новгородское, но и общерусское начало НІV—СІ, а вторая — ряд новгородских известий; наконец, текст обеих выборок фрагментарен и в ряде случаев обретает смысл лишь при воссоединении разделенных между выборками годовых статей. Естественным объяснением такой структуры НК представляется поэтому объяснение, предложенное А. А. Шахматовым: оригинал Карамзинского списка представлял собою «обыкновенный летописный свод», близкий к НІV; из этого свода каким-то редактором была сделана выборка новгородских известий до 6919 г., но выборка эта «благодаря известной механичности» опустила ряд известий, важных и для новгородского сводчика. Поэтому, по мнению Шахматова, после окончания первой выборки переписчик восполнил по оригиналу все, что пропустил прежде.⁵

При всей логичности этого построения, оно, конечно, предположительно; мы не можем достаточно определенно сказать, зачем текст НК разделен на две выборки. Возможны и иные объяснения разделения двух частей НК. Летописание XV в. знает памятники, в которых текст расположен не в хронологическом порядке, а в виде двух выборок, — причем сперва помещены наиболее важные для составителя рассказы, а затем остальной текст в хронологическом порядке. Именно так построен свод, отразившийся в первой редакции Вологодско-Пермской летописи: вначале здесь помещено введение к Повести временных лет, затем ряд летописных повестей о Борисе и Глебе, Александре Невском и рассказов за разные годы (о крещении Руси, походах на Царьград, битве на Калке и т. д.) и лишь после этого — последовательный летописный текст, начиная с 854 г.⁶ Не исключено, что составитель НК также сознательно разделил текст своего протографа на две части: сперва поместил те разделы, которые содержали наиболее важные для него известия из новгородской истории, а затем — все остальные. Но и при таком объяснении сохраняет силу предположение о лежащем в основе двух подборок НК едином тексте, близком к СІ и НІV.

1. Возможно ли было разделение оригинала Новгородской Карамзинской летописи на две выборки?

Иную попытку объяснения происхождения текста, дошедшего в рукописи ГПБ, F.IV.603, сделал Г. М. Прохоров. Отвергая предположение, что оригинал НК «имел вид обыкновенного свода», Г. М. Прохоров рассматривает обе выборки — он именует их НК₁ и НК₂ — не как части единого оригинала, а как составленные в разное время тексты, из которых первый (НК₁) во всяком случае независим от второго (НК₂). Их отношение к НІV и СІ представляется ему весьма сложным. Принимая вывод автора этой статьи о вторичности текста ряда летописных повестей НК и НІV по сравнению с СІ, Г. М. Прохоров, однако, считает вторичным по отношению к СІ только текст НК₂ (именно там содержатся большие летописные повести СІ—НІV); НК₁, напротив, представляется ему более ранним памятником.⁷

⁵ А. А. Шахматов. Обзорение. . . , с. 193—195. Ср.: Я. С. Лурье. Новгородская Карамзинская летопись. — ТОДРЛ, т. XXIV. М.—Л., 1969, с. 207—209.

⁶ Ср.: Я. С. Лурье. Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи как отражение великокняжеского свода начала 70-х годов XV в. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. V. Л., 1973, с. 234.

⁷ Г. М. Прохоров. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания (наст. изд., с. 165—198; далее ссылки на разделы и страницы этой статьи даются в тексте в скобках).

Важнейшим аргументом в пользу признания обеих частей НК памятниками, возникшими под пером разных авторов, представляются Г. М. Прохорову дублировки известий, встречающиеся в НК. Термин этот нуждается в пояснении. Дублировками Г. М. Прохоров, как и автор этих строк, называет встречающиеся в НК (и в НІV) двукратные сообщения об идентичном факте, совпадающие не текстуально, а по содержанию. Единственный случай дублировки иного типа, когда повторяется не только сообщение о событии, но и самый текст сообщения, встречается только в НІV (под 6890 г.),⁸ в НК его нет. Все же остальные дублировки НІV и все дублировки НК — это разные известия, посвященные одному и тому же событию. Наличие таких дублировок в НІV и НК уже отмечалось в литературе. Г. М. Прохорову удалось обнаружить еще ряд.⁹ Как могли возникнуть эти дублировки? Г. М. Прохоров прав, когда подчеркивает большую вероятность того, что их сделал некий летописец (или летописцы), который «дублировал другого сводчика или других сводчиков, дополняя их работу», нежели, что их делал один человек, «повторяя сам себя».

Но подобного абсурдного предположения, будто один и тот же летописец написал оба дублирующих известия об одном и том же событии, никто не высказывал. Очевидно, дублировки в архетипе НК—НІV возникли из-за того, что составитель этого архетипа дополнил свой протограф (свод 1448 г.) по одному или нескольким источникам (главным образом новгородским) и не заметил, что среди добавленных текстов были по-иному изложенные известия об уже упомянутых в протографе событиях,¹⁰ т. е. именно «дополнил работу», уже сделанную другими летописцами в протографе. Как же расположены эти дублирующие известия в обеих выборках — НК₁ и НК₂? Г. М. Прохоров подчеркивает, что в большинстве случаев они оказываются в разных выборках, в результате чего в НК₁ обнаруживается всего один случай дублировки, а в НК₂ — три случая (раздел 2). Это, по его мнению, делает невероятным предположение о том, что обе части НК являются половинками единого свода. То обстоятельство, что «небрежный сводчик, писец Карамзинского списка», сумел оставить в каждой из выборок так мало дублировок оригинала, кажется ему «тектологическим чудом».

Наблюдения Г. М. Прохорова над распределением дублировок в НК несомненно заслуживают внимания, но вывод его представляется слишком

⁸ Группа новгородских известий в начале годовой статьи 6890 г. в НІV дословно повторяется в конце года. Г. М. Прохоров придает особое значение тому, что повторенной в НІV «оказалась не случайная группа известий, а целиком статья НК₁ 6890 (1382) г.» (185) и, таким образом, по его мнению, в НІV отразилось деление текста на НК₁ и НК₂. Однако дважды помещенная в НІV группа сообщений в обоих случаях начинается с известия о смерти Михайлы, отца Матфея Михайлова, целая серия сведений о котором читается в НІV; между тем, в НК этого, как и других известий о семье Матфея Михайлова, нет (ср.: Я. С. Л у р ь е. Новгородская Карамзинская летопись, с. 212—213). Значит, источниками НІV были не две части НК, а другой новгородский маматник, в котором уже читались выдержки из летописчика Матфея Михайлова.

⁹ Ср.: А. А. Ш а х м а т о в. Обзорение. . . , с. 185, примеч. 191, 1; Я. С. Л у р ь е. 1) Общерусский свод. . . , с. 119, примеч. 15; 2) Новгородская Карамзинская летопись, с. 210—211. Г. М. Прохоровым обнаружены дублировки в НІV под 6532, 6667, 6674—6676, 6827, 6874, 6895, 6901 гг. и в НК — под 6549—6553, 6584, 6680, 6732, 6862, 6905, 6918 и 6919 гг. (примеч. 21; примеч. 22). Из предположенных автором дублировок вызывает сомнение дублировка известия о смерти Изяслава в 6668 г.: упоминание об убиении Изяслава, помещенное перед более подробным рассказом о его гибели (оно есть и в СІ), является, по-видимому, подобием заголовка следующего далее известия, а не особым известием об этом событии. Г. М. Прохоров обнаружил также, что в СІ имеются сходные с НІV дублировки под 6673—6675 (смерть Ростислава Мстиславича — в СІ под 6875 г. назван Мстислав Мстиславич, но это, видимо, вторичная переделка) и 6874 гг. (примеч. 40).

¹⁰ Я. С. Л у р ь е. Общерусский свод. . . , с. 118—120.

категоричным. Составитель НК действительно не смог полностью осуществить трудную задачу — выделить все новгородские известия в первую выборку и создать исторически последовательный текст внутри каждой выборки, однако в работе его ясно видна система, которую он осуществлял достаточно добросовестно. Поскольку в архетипе НК—НIV новгородские известия читались, как правило, в начале годовых статей,¹¹ он, начиная уже с известий конца XI в., включал в первую выборку в огромном большинстве случаев лишь первые половины годовых статей, обрывая их обычно там, где явно обнаруживалось окончание новгородской группы известий. Большинство дублировок оригинала НК читалось в одних и тех же годовых статьях: одна — в первой, другая — во второй части статьи. При «разрезании» годовой статьи эти дублировки естественно оказывались в разных выборках. Для того чтобы доказать, что подобное разделение оригинала НК было «текстологическим чудом», практически невозможным, Г. М. Прохоров должен был бы привести такие примеры, когда распределение дублировок по разным выборкам НК не вытекает естественно из разделения одной годовой статьи (в которой положение одного «дубля» по отношению к другому однозначно — один ближе к началу, другой — к концу), а противоречит такому принципу разделения (например, когда известие из первой половины попадает в НК₂, а известие из второй — в НК₁).¹² Показательны поэтому не все 62 случая дублировок, а лишь те, в которых известия об одном и том же событии читаются под разными годами, а их место в тексте годовой статьи (ближе к началу или к концу) не зависело друг от друга. По материалам Г. М. Прохорова можно насчитать 16 случаев таких дублировок в пределах разных годов НК: ¹³ а) 6549—6553 — смерть жены Ярослава; б) 6673—6675 — смерть Ростислава Мстиславича; в) 6674—6676 — вокняжение Мстислава Изяславича; д) 6684—6685 — смерть Михаила Юрьевича; е) 6691—6698 — строительство церкви Евпатия; ф) 6764—6766 — татарское «число»; г) 6826—6827 — смерть Михаила Ярославича; х) 6848—6849 — смерть Ивана Калиты и вокняжение Семена; и) 6849—6849 — убийство Глеба Святославича; к) 6860—6861 — смерть Семена; л) 6874—6875 — столкно-

¹¹ Это обстоятельство отметил А. А. Шахматов, писавший что «Новгородская 4-я, а также свод 1448 г. составлены так, что (начиная с XII в.) первые части содержащихся в них погодных сообщений заняты вообще новгородскими известиями» (А. А. Шахматов. Обозрение. . . , с. 194). Заметим, что в тексте протографа СИ—НIV (т. е. общих известий обеих летописей) такая закономерность не обнаруживается; что же касается общего оригинала НК—НIV, то он, очевидно, представлял собою новгородскую летопись, составитель которой помещал новгородские известия (в основном это были дополнительные новгородские известия, которых не было в общем протографе и СИ, — см. ниже, с. 215) вначале.

¹² Возражая против этого замечания, Г. М. Прохоров указывает на то, что в пределах одной статьи дублирующие известия не находятся на одинаковом расстоянии друг от друга и не всегда располагаются в пределах определенной «половины суммы сложения их статей» (примеч. 23). Конечно, деление годовых статей предполагаемого протографа НК не было и не могло быть геометрически точным, но и при приближенном разделении на две части дублирующие статьи (почти всегда находившиеся на значительном расстоянии друг от друга) естественно попадали в разные части. Из упомянутых Г. М. Прохоровым годовых статей, «целиком или почти целиком состоящих из повторяющихся друг друга известий», годовые статьи 6664 и 6862 гг. достаточно обширны и состоят из различных известий (причем в первой из них в НК₁ отсутствует имя умершего архиепископа Нифонта, что, естественно, делало незаметной дублировку); в статьях 6584 и 6600 гг. известия о смерти Святослава, о знамении в Полоцке действительно помещены одно за другим; эти явные ляпсусы оригинала НК—НIV были устранены в НIV (где вторые версии опущены).

¹³ Они приведены в перечне дублировок в примечаниях к статье Г. М. Прохорова (примеч. 21 и 22); кроме того, одна дублировка НК под разными годами (6459 и 6553) отмечена им в тексте статьи.

вение Дмитрия с Новгородом; m) 6885—6886 — известие о

6885—6887 — смерть митрополита; Алексея; n) 6885—6886 — известие о взятии татарами Нижнего Новгорода; o) 6896—6897 — мор. Пскове; p) 6900—6901 — поход Василия I на Нижний; q) 6916—6917 — смерть епископа Арсения (см. схему 1). Как же распределяются эти известия? В 5 случаях годовые статьи, включающие дублирующие известия, не были разделены между двумя выборками, а попали в одну из них (примеры a, c, d, e, k); при этом годовые статьи 6549 и 6553 попали в выборку НК₁ и вместе с ними там оказались два известия о смерти жены Ярослава (a и a₁ — схема 1); в остальных случаях одни версии попали в НК₁ (c₁ под датой 6676, d, e, k), другие — в НК₂ (c — 6674 г., d₁, e₁, k₁). В 5 случаях первое из дублирующих известий оказывается в начальной, а второе — в конечной части годовых статей; соответственно первые известия попадают в НК₁ (h, i, l, m, q), а вторые в НК₂ (h₁, i₁, l₁, m₁, q₁). В трех случаях первое из дублирующих известий читается в конечной части одного года, а второе — в начальной части другого; точно соблюдая «механический» принцип разделения (исходя не из годовой даты, а из положения внутри годовой статьи), Епископ Карамзинского списка в этих случаях помещает вторые версии в НК₁ (b₁, g₁, o₁), а первые — в НК₂ (b, g, o). И, наконец, в трех случаях дублирующие известия оказались в одних и тех же частях разных годовых статей: известия о татарском «числе» — во вторых половинах 6764 и 6766 гг., известие о взятии татарами Нижнего Новгорода — в конце 6885 и 6886 гг.,¹⁴ рассказ о походе Василия I на Нижний — во вторых половинах 6900 и 6901 гг.¹⁵ И именно в этих случаях ни-

	НК ₁	НК ₂
6549	a	Нет
6553	a ₁	Нет
6673		b
6674	Нет	c
6675	b ₁	
6676	c ₁	Нет
6684	d	
6685	Нет	d ₁
6691	e	Нет
6698	Нет	e ₁
6764		f
6766		f ₁
6826		g
6827	g ₁	
6848	h i	
6849		h ₁ i ₁
6860	k	
6861	Нет	k ₁
6874	l	
6875		l ₁
6885	m	n
6886		n ₁
6887		m ₁
6896		o
6897	o ₁	
6900		p
6901		p ₁
6916	q	
6917		q ₁

Схема 1.

¹⁵ О походе Василия I на Нижний Новгород в 6900 и 6901 гг. ННУ, как отметил Г. М. Прохоров, сообщает трижды — два раза под 6900 г. и еще раз под 6901 г. Но дублировка под 6900 г. в НК подчиняется общему правилу — известие из первой половины года попало в НК₁, а из второй — в НК₂.

¹⁴ Известия о взятии Нижнего Новгорода татарами в 6885 и 6889 гг. (читающиеся и в СИ) мы признаем дублировкой условно, так как это могли быть и известия о разных нападениях (к такому мнению склоняется и Г. М. Прохоров, усомнившийся также, без достаточных оснований, в идентичности известия о «числе» в 6764—6766 гг.; ср. примеч. 22).

какого «текстологического чуда» не произошло — писец Карамзинского списка поместил все три дублирующие известия (f—f₁, n—n₁, p—p₁) в одну и ту же выборку НК₂.¹⁶

Вторым аргументом в пользу одновременного создания НК₁ и НК₂ служит для Г. М. Прохорова состав текста НК₁ — его соотношение с предшествующим летописанием. По наблюдениям автора, после 6693 (1185) г. и вплоть до 6891 (1383) г. в НК₁ не обнаруживается заимствований из «центральнорусского» летописания (летописи типа Лаврентьевской).¹⁷ Считая невозможным, чтобы составителю первой выборки, если он основывался на тексте единого оригинала НК, удалось «обойти на протяжении 200 лет все, восходящее к центральнорусскому источнику», Г. М. Прохоров полагает, что составитель НК₁ опирался на центральнорусскую летопись, не переходящую за пределы 1185 г., и дополнил ее выборками из новгородской летописи (раздел 3).

И в этом случае трудность задачи — выделение НК₁ из единого текста НК — представляется нам преувеличенной. Обращение ко всей летописной семье СИ—НІV обнаруживает, что резкое изменение в составе их источников, начинающееся с конца XII в., присуще протографу всех этих летописей, а не только НК. В СИ и НІV систематическое использование общерусского летописания прерывается на 6694 (1186) г., на известии о походе Игоря на половцев (в НК оно попало во вторую сводку — НК₂). Далее на всем протяжении XIII в. протограф СИ—НІV обращается к общерусскому летописанию (типа Лаврентьевской) для заимствования больших повестей о нашествии Батия и Александре Невском (представленных в полном виде лишь в СИ); заимствования отдельных известий из этого источника (Лавр.—Тр.) вновь начинаются с 6804 г. и относятся уже к XIV в.¹⁸ Вопрос, следовательно, заключается в том, почему в НК₁ не отразились немногочисленные общерусские летописные повести XIII в. и известия XIV в. Но и это обстоятельство в значительной степени предопределяется характером разделения текста НК между НК₁ и НК₂. Как справедливо отметил Г. М. Прохоров, текст НК (если его рассматривать как единый) оказывается разрезанным «чуть наискось»: чем ближе к концу свода, тем более краткими становятся годовые статьи НК₁ и более обильными — статьи НК₂; все крупные по размерам повести читаются только в НК₂. Достаточно сказать, что весь текст за XII—начало XV в. занимает в НК₁ лишь 26 листов, хотя в НК₂ на этот период приходится 113 листов, причем

¹⁶ «Моделью» при определении первоначального единого текста НК может служить текст НІV. Но иногда НІV явно переделывает текст своего архетипа — например, в статье о смерти Юрия Долгорукого за 6665 г., отмеченной Г. М. Прохоровым (примеч. 23). В НІV здесь, в отличие от НК вообще, нет двойного известия о смерти Юрия — оно заменено одним известием (подобное устранение дублировок НК обнаруживается и в других местах); при этом краткий текст известия о смерти Юрия из первой части годовой статьи (НК₁) пополнен по более пространному тексту из второй части (НК₂). Вторичность НІV по отношению к НК₁—НК₂ Г. М. Прохоров признает так же, как и я; текст НІV поэтому в данном случае не показателен.

¹⁷ Ср.: Я. С. Л у р ь е. Общерусский свод. . . , с. 126, примеч. 45. Г. М. Прохоровым обнаружены (с. 172, примеч. 24) не замеченные прежде совпадения с Лавр. под 6632, 6646 и 6664 гг.

¹⁸ Кроме больших рассказов 6745—6746 гг., с Лавр. после 6694 г. совпадают только общие известия СИ—НІV за 6710 г. (знамение, в Лавр. под 6711 г. подробно) и 6770 г. («вече на бесермен» и отступник Зосима); после 6793 г., когда известия Лавр. прерываются, можно предположить некоторые совпадения с Тр., кроме того, протограф СИ—НІV обращался к неизвестному своду, отразившемуся в Московско-Академической летописи (ср.: Я. С. Л у р ь е. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 95, примеч. 87, 88 и с. 97, примеч. 92). В тексте СИ—НІV за XIV в. основная часть общерусских статей также относится к категории больших летописных повестей (о Куликовской битве, о Тохтамыше, житие Дмитрия) — как обычно, они попали в НК₂.

известия XIV в. уместаются в НК₁ на 10 листах, между тем как в НК₂ они занимают 74. При таком распределении материала (да еще при известном уже нам интересе НК₁ именно к начальным новгородским частям годовых статей) едва ли можно считать удивительным, что в первой выборке общерусские известия обнаруживаются лишь в небольшом количестве (в заключительной части).

2. Текстологическое построение, основанное на гипотезе о самостоятельности НК₁ и НК₂

Таким образом, наблюдения над дублировками и использованием общерусских летописей в НК представляются недостаточными для того, чтобы отвергнуть вывод о НК₁ и НК₂ как о частях единого памятника. А между тем именно эти наблюдения служат для Г. М. Прохорова исходным моментом для построения совершенно новой генеалогии не только НК, — и обеих летописных семей, отражающих Новгородско-Софийский свод, — НІV и СІ. Согласно его построению, основная часть НК₁ — это выборка из центральнорусской летописи, доведенной до 1185 г. и родственной с Владимирским сводом 1185 г., существование которого предполагал А. А. Шахматов; текст НК₁ после 6693 (1185) г. есть дополнительная выборка из новгородской летописи. Основанная на своде 1185 г., НК₁ не могла опираться ни на НІV, ни на СІ, ни на их предполагаемый общий источник — свод 1448 г.; напротив, СІ, начатая еще в 1185 г., возникла на основе НК₁ с некоторыми дополнениями и сокращениями (разделы 3—4). В свою очередь, НК₂ возникла из СІ, но частично сократила и дополнила ее. Дополнительным источником НК₂ был «центральнорусский источник», обрывающийся на 6900 (1392) г. (раздел 5). Наконец, НІV есть соединение двух различных по происхождению памятников — НК₁ и НК₂, сделанное независимо от СІ (раздел 6). В результате всего этого построения Г. М. Прохоров приходит к весьма ответственным источниковедческим и текстологическим выводам. Выступая против «химерических явлений и бессмыслицы» в текстологических построениях, автор видит осуществление этого принципа в отказе от предположения о своде 1448 г.: «Надобности в гипотезах „о своде 1448 г.“ „основной редакции НІV“ или „Новгородской Карамзинской летописи“ я теперь не вижу. Отношение СІ и НІV вполне удовлетворительно может быть объяснено с помощью реально дошедших до нас текстов» (с. 193).

Выскажем прежде всего сомнения общего характера, которые вызывает этот смелый вывод. Ближайшие совпадения СІ и НІV обнаруживаются, как мы уже знаем, на всем их протяжении: в обеих летописях содержится текст, соединяющий общерусское и новгородское летописание. Г. М. Прохоров предполагает, что эти черты были свойственны уже НК₁ в редакции 1185 г. и зависимой от нее СІ, возникшей около этого времени. Допустим, что это так. Но те же черты свойственны СІ и НІV вплоть до 6926 (1418) г.; сходный текст обеих летописей, соединяющий новгородские и общерусские известия, включающий множество больших повестей, резко отличается обе летописи от других летописей XIV—первой половины XV в. (например, Лавр., Тр. и др.). Чем же объясняется такое совпадение? Предположение об общем источнике СІ и НІV, доходящем до 1418 г., — не «химерическое» построение, а наиболее естественный вывод из сравнения текстов. Отвергая это объяснение, Г. М. Прохоров не может вывести весь общий текст СІ и НІV из «реальных текстов» Карамзинского списка: во-первых, потому, что текст СІ в ряде случаев первичен по сравнению с НК (Г. М. Прохоров признает это по отношению к НК₂), а во-вторых, потому, что автор вообще не считает подборки НК источником протографа СІ

и НІV, а рассматривает НК₁ и НК₂ как совершенно различные звенья генеалогической схемы. В результате общность СІ и НІV вплоть до 1418 г. объясняется в его работе не «с помощью реально дошедших до нас текстов», а с помощью сложнейшего гипотетического построения, в котором СІ возникает из НК₁, НК₂ — из СІ, НІV — из НК₁ и НК₂, причем во всех случаях приходится предполагать новые влияния одних и тех же дополнительных источников: Лавр., Тр. и НІЛ (см. схему 3 в статье Прохорова, с. 186).

Но этого мало. НК₁ и НК₂, привлеченные Г. М. Прохоровым для того, чтобы заменить «химерический» Новгородско-Софийский свод, — это вовсе не «реальные тексты» двух подборок Карамзинского списка. Дошедший до нас текст НК₁ доходит до 1411 г., текст НК₂ — до 1428 г. Между тем, НК₁ в генеалогической схеме Г. М. Прохорова — это не реальная НК₁, а ее гипотетический протограф, датируемый концом XII в.; гипотетическая НК₂ также не идентична реальной. Следовательно, автор не устраняет гипотезу о своде первой половины XV в. как протографе СІ—НІV, а многократно усложняет эту гипотезу, предполагая возникновение целой серии сходных по типу памятников общерусского (новгородско-центральнорусского) летописания несколько раз с конца XII по XV в.

3. Первая подборка Новгородской Карамзинской летописи

Таковы общие сомнения, вызываемые построением Г. М. Прохорова. Перейдем к отдельным звеньям его текстологической схемы. Первым из этих звеньев является, как мы знаем, НК₁, — по Г. М. Прохорову, памятник, соединяющий новгородское летописание с центральнорусской летописью, дошедшей до 1185 г., и близкий к Владимирскому своду 1185 г., существование которого предполагал А. А. Шахматов. Но Владимирским сводом 1185 г. А. А. Шахматов именовал свод последней четверти конца XII в., отразившийся в Лавр. и отличающийся от свода начала XIII в., дошедшего до Радзивилловской летописи, иным изложением событий, относящихся ко времени после смерти Андрея Боголюбского.¹⁹

Основное в характеристике этого свода, естественно, не его датировка (М. Д. Приселков и Д. С. Лихачев говорили в этом случае не о своде 1185 г., а о сводах 1177 и 1193 гг.,²⁰ противостоящих своду 1212 г., дошедшему в Радзивилловской), а содержание и тенденции. Обнаруживаются ли в своде 1185 г., отразившемся в НК₁, черты довсеволодовской редакции, которые сближали бы ее с Лавр. и отличали от Радзивилловской? Обратившись к тексту НК₁, мы не находим там необходимого материала для ответа на этот вопрос, — там нет каких-либо известий о вокняжении и убийстве Андрея Боголюбского (ср. 6665 и 6683 гг.) и о вокняжении Всеволода; Андрей упоминается под 6668, 6678 и 6682 гг. как князь, к которому обращались новгородцы, а Всеволод — под 6686 г., как противник Новгорода, но где они княжили и когда вступили на престол — неизвестно. И не только Андрею и его братьям так не посчастливилось в НК₁. Здесь не сообщается даже о смерти Владимира Мономаха (ср. 6633 г.), и что с ним случилось после 6625 г. (когда он упоминается в последний раз), неизвестно. Столь полное невнимание к великокняжеской династии было бы странно не только для Владимирского великокняжеского свода, каким был свод 1185 г., но и для любой летописи, — даже НІЛ старшего извода содержит основные сведения о вокняжениях и смертях упомянутых князей. Обратившись к НК₂, мы легко найдем причину всех этих пробелов в НК₁:

¹⁹ А. А. Шахматов. Обозрение. . ., с. 16 и 52—53.

²⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 64—82; Д. С. Лихачев. Русские летописи. . ., с. 271—280.

известия обо всех этих князьях читаются во вторых половинах соответствующих статей (ср. 6633, 6665, 6683 гг.), которые, как и всюду, попали во вторую выборку. Многочисленные загадки в тексте НК₁, разрешаемые с помощью НК₂, свидетельствуют о том, что перед нами — не летописный свод, а своеобразный «обрубок», обретающий смысл только при воссоединении с НК₂.

4. Могла ли НК₁ быть протографом Софийской I летописи?

А между тем тезис о НК₁ как о своде, доходившем в своей основе до 1185 г., предопределяет, как мы уже видели, дальнейшее текстологическое построение автора. Поскольку основной текст НК₁ был создан в конце XII в., он не мог опираться на свод XV в. — протограф С1 и Н1V; следовательно, по Г. М. Прохорову, С1 возникла из НК₁. Это — очень ответственный вывод. Если считать вслед за А. А. Шахматовым, что С1, Н1V (и НК) восходили к общему протографу, то естественно, что во всех этих летописях могли обнаруживаться и первичные, и вторичные чтения. Иначе — в схеме Г. М. Прохорова. Если НК₁ была протографом С1, то это значит, как указывает автор, что «НК₁ на всем своем протяжении сохраняет первичный по отношению к С1 текст» (с. 177). Однако, сравнивая НК₁ и С1, мы обнаруживаем ряд первичных чтений С1. Под 6395 г. в обеих летописях читается статья «Вкупе же се лета собираются», включающая перечень князей, кончающийся в НК₁ (или оборванный, — в рукописи пробел) на Дмитрие (Донском) и его брате, а в С1 старшей редакции — на Василии II.²¹ Заметим прежде всего, что уже упоминание в этом списке князей до Дмитрия Донского делает невозможной датировку протографа НК₁ концом XII в. Во всяком случае, единство происхождения статьи «Вкупе же се лета собираются» в НК₁ и С1 не вызывает сомнений, — она помещена под тем же годом, дословно совпадает по тексту и т. д. А между тем в НК₁ мы читаем о московских князьях: «Данила Я р о с л а в и ч а сынове», — и это не индивидуальное чтение Карамзинского списка, ибо в Н1V тоже «Данила Ярославича». В С1 правильно: «Данила А л е к с а н д р о в и ч а сынове». Под 6411 г. в НК₁ (и Н1V) читается: «Игорь и Олег пристроиста вся многы и корабли бесчисленны»; в С1 та же фраза (без упоминания Олега) обнаруживается под 6429 г., и первичность этой даты подтверждается ее совпадением с Н1. Под 6528 г. в НК₁ говорится о пожалованиях Ярослава новгородцам: «И дав им Правду и Устав, списав грамоту ркуще: По сей грамоте ходите, яко же списах вамъ, тако же дръжите»; тот же текст и в С1, но далее там естественно следует Русская Правда (помещенная и в Н1), а в НК₁ и Н1V ее нет. Очевидно, в общем протографе обоих памятников Правда должна была быть помещена; иначе непонятно упоминание о ней (отсутствующее в тексте ПВЛ, где нет Русской Правды).²² Под 6549 и 6553 гг. в НК₁ дважды сообщается о смерти жены Ярослава, матери его сына Владимира (Н1V опустила оба этих противоречащих друг другу известия); в С1 об этом событии сообщается однократно и в соответствии с Н1 под 6558 г. (да еще с точной датой, отсутствующей

²¹ Ср.: Я. С. Л у р ь е. Общерусский свод. . . , с. 138, примеч. 83.

²² Г. М. Прохоров подчеркивает то обстоятельство, что в С1 читается не только «Русская Правда», но также и ряд других юридических памятников (Судебник Ярослава, Судебник Константина и т. д.) и указывает, что «нет никаких оснований считать, что в протографе НК₁ была та же подборка юридических памятников, что и в С1» (примеч. 42). Но протограф С1—НК—Н1V нам недоступен, и мы с равным основанием можем предполагать наличие или отсутствие в нем всех этих памятников. А вот «Русская Правда» там, судя по словам: «И дав им Правду и Устав», должна была находиться и, следовательно, пропуск ее в НК₁ вторичен.

в НІ и не совпадающей с НК₁). Под 6662 г. в НК₁: «. . .выгнаша новгородци Святослава Изяславлича (НІV: Ярослава Изяславлича), а Романа Ростиславлича (*так и в НІV*) посадиша»; в СІ: «. . .изгнаша князя Ярослава новгородци, а посадиша Мъстислава Ростиславича», и первичность обоих чтений СІ опять подтверждается соответствующим текстом НІ (младшей редакции).²³

В СІ не только обнаруживается ряд чтений, более осмысленных и близких к источникам, чем в НК₁. В нем нет целых групп новгородских известий (о строительстве, происшествиях в городе — из НІ или неизвестных источников), которые читаются в обеих частях НК и еще обильнее — в НІV.²⁴ Чем это объясняется? Исходя из представления о тексте НК₁ как первичном по отношению к СІ, Г. М. Прохоров объявляет все эти отличия СІ от НК₁ пропусками незначительных в общерусском плане новгородских известий, сделанных составителем СІ. Однако такие же известия о строительстве и происшествиях в Новгороде, какие читаются в НК₁ и отсутствуют в СІ, обнаруживаются и в НК₂.

Например, в НК₁ мы читаем.

6627. Заложил князь Всеволод и игумен Кирьяк церковь камену святого Георгия монастырь в Новгороде (л. 264 об.).

6692. Архиепископ Илья с братом заложил церковь камену святого Иоана на Торговищи (л. 271 об.).

6732. Създа Семен Борисович церковь камену святого Павла (л. 278).

6882. Поставил церковь камену святого Спаса на Ильине улице (л. 291).

6886. И съвршиша церковь камену святого Образа на Добрыне улице (л. 291).

Совершенно такие же сообщения и в НК₂:

6638. Съвршиша церковь святого Иоана (л. 305).

6698. Поставил Радко святого Евпатия на Рогатице (л. 313 об.).

6741. Заложена бысть церкви на воротах от Перевскаго конца святого Феодора (л. 320 об.).

6843. Владыка Моисий заложил церковь камену Въскресеие на Деревяници монастыри (л. 341).

6859. Поновиша церковь камену святого Бориса и Глеба (л. 346 об.).

6865. Того же лета поставил владыка Моисей 2 церкви камены, Святой Дух и Святую Богородицу Успение в Радоковичах (л. 350).

Подобные известия о строительстве церквей, о природных явлениях и «знамениях» встречаются в НК₂ (как и в НК₁) повсеместно. Ни одного из них нет в СІ. Чем это объясняется? Считая НК₂, в отличие от НК₁, вторичной по отношению к СІ, Г. М. Прохоров не видит здесь признаков сокращения в СІ, а причисляет также известия к «поток новгородских дополнений» (с. 190—191), характерных для НК₂. С этим можно согла-

²³ Все эти примеры первичных чтений СІ по сравнению с НК₁, приведенные в данной статье, Г. М. Прохоров единообразно отводит ссылкой на вторичные «исправления» в СІ по дополнительным источникам: первичное чтение в СІ «Данила Александровича» он объясняет на основании «внелетописного источника» (прим. 43—44); совпадающие с НІ даты похода Олега в 6429 г., смерти жены Ярослава в 6558 г., имя Мстислава под 6662 г. — исправлениями по НІ. Пополнением текста, сделанным в СІ по «внелетописным материалам», объясняет Г. М. Прохоров наличие в СІ под 6527 г. «Русской Правды» и других юридических памятников, соглашаясь, что НК₁ в соответствующем месте «текст Правды опускает» (примеч. 42). Конечно, вторичные влияния и исправления в истории древнерусских памятников возможны, но предположения о таких влияниях должны быть текстологически обоснованы (двойственность построения, противоречия, повторения известия и т. д.). У Г. М. Прохорова таких доказательств вторичных влияний мы не находим.

²⁴ Ср.: Я. С. Лурье. Общерусский свод. . ., с. 119—120, примеч. 20, 21, 23.

ситься. Но почему же тогда совершенно аналогичный «поток новгородских дополнений» в НК₁ автор рассматривает как сообщения первоначального текста, исключенные в СІ?

5. Вторая подборка НК

Если мнение Г. М. Прохорова о происхождении СІ из НК₁ не может быть принято, то совсем неубедительной представляется его концепция происхождения НК₂.

Несамостоятельность, «обрубленность» НК₂ еще более очевидна, чем несамостоятельность НК₁. Многие известия и тексты НК₂ становятся понятными лишь при воссоединении этой выборки с НК₁. «Почаша говорит новгородци о суждальстей войне, и убиша муж свой и свергоша с моста», — читаем мы в НК₂ под 6642 г. О какой войне идет речь? Ответ на это можно получить только из текста НК₁, где под тем же годом описывается, как «иде Всеволод на Суждаль ратью и вся Новгородская область». На нижнем поле л. 320 в НК₂ помещена киноварная запись: «Отселе княжение Суздальское наста Андреом князём Юрьевичем, а стол великий град Володемерь». Сопоставление с НІV обнаруживает, что эта запись (в НІV тоже киноварная) относится к известию об изгнании из Киева в 6676 г. ставленника Андрея Боголюбского Владимира Дорогобужского, а об изгнании его сообщается как раз в НК₁.

Явную фрагментарность НК₂ признает и Г. М. Прохоров: если основной текст НК₁ он рассматривал как самостоятельно существовавший памятник, то в НК₂ он видит «заготовку», сделанную для создания НІV. Однако он рассматривает ее все же как особую общерусскую подборку, которая велась в течение многих лет вплоть до 1428 г. (с. 193) и испытала влияние центральнорусского летописного свода 1392 г. Этот вывод Г. М. Прохорова основывается на том, что по его наблюдениям на 6900 (1392) г. «довольно резко» обрываются и прекращаются исправления и дополнения по центральнорусскому источнику в тексте НК₂; А. А. Шахматов, а вслед за ним и В. Л. Комарович, отмечая, что до 6900 (1392) г. доходят совпадения Симеоновской летописи и Рогожского летописца с Тр. (судя по цитатам Н. М. Карамзина), предполагали, что этим годом оканчивался их гипотетический общий источник — «Летописец великий русский». Поэтому Г. М. Прохоров считает, что на НК₂ отразился свод 1392 г. (заключение раздела 5). Заметим прежде всего, что и в этом случае (как и в гипотезе об отражении в НК₁ свода 1185 г.) автор исходит не из состава предполагаемого источника, а только из даты его окончания. Неновгородские дополнения НК (НІV) по сравнению с СІ были отмечены уже А. А. Шахматовым; Г. М. Прохоров, перечисляя добавления НК₂ по центральнорусскому источнику, ссылается на эти добавления и ряд сходных с ними. Однако добавления, о которых идет речь, А. А. Шахматов возводил не к своду 1392 г., а к ростовскому летописному своду (исходя из совпадения части из них с Московско-Академической летописью).²⁵ Учтем также, что подобные дополнительные по сравнению с СІ общерусские известия обнаруживаются не только в НК₂, но и в НК₁, — например, известие

²⁵ А. А. Шахматов. Обзорение... с. 186—187, примеч. 4; ср.: Я. С. Лурье. Общерусский свод... с. 127, примеч. 49. Из числа дополнений (после ПВЛ), отмеченных Г. М. Прохоровым (примеч. 53), дополнения под 6749, 6757, 6760, 6761, 6763, 6765, 6771, 6772, 6775, 6798, 6837, 6842 гг. совпадают с Московско-Академической летописью; происхождение дополнений 6646, 6660, 6683 (Михалко и Всеволод «доидоста стола дедя и отча... золотым кошем и острым мечем»), 6791, 6732, 6755 («Андрей Хоробриторов» изгнал Святослава), 6764 (смерть Даниила Ярославича), 6849 (гибель Глеба от «брянцев клятых»), 6860 («снемь князю Семену и князю Константину Васильевичу») гг. неясно, но они не совпадают с Лавр.—Тр.

6622 г. о знамени и смерти Святополка. Но и основное наблюдение автора, приводящее его к выводу о влиянии на НК₂ свода 1392 г., не подтверждается проверкой. Дополнительные «центральнонорусские» (неновгородские) известия НК₂, отсутствующие в С1, после 6900 г. не обрываются, а встречаются столь же часто, как и до этого года: под 6903 (рассказ дьякона Александра), 6904 (перечень ростовских епископов, следующий за статьей о Григории), 6907 (о преставлении князя Тверского), 6910 (известие о знамени, построение Переяславля, — в Н1V второе известие под 6911 г.), 6914 (дополнительная фраза о завещании Киприана «также всем князьям. . . мир и благословение» и плач в конце статьи), 6916 (грамота Едигея Василию I), 6917 («о тверском владыце») гг.²⁶ Где же тут прекращение «центральнонорусского» источника?

6. Могла ли НК₂ восходить к Софийской I летописи?

Рассматривая НК₂ как особое звено летописной генеалогии, Г. М. Прохоров возводит ее не к общему с НК₂ оригиналу, а к С1. Как же обосновывается автором этот тезис? С1, как мы знаем, совпадает с НК₁ доброй половиной своих известий; именно поэтому Г. М. Прохоров возводил ее к НК₁. А между тем в НК₂ мы не обнаруживаем известий, совпадающих с НК₁, — ее текст содержит только те известия С1, которых нет в НК₁. Объясняя это тем, что редактор НК₂ «выбирает из С1» тот материал, которого нет в НК₁, и что «в НК₂ из С1 попадает главным образом материал общерусский», Г. М. Прохоров считает, что дополнительные и собственно новгородские известия заимствованы в НК₂ из Н1 и других источников и что с задачей удаления следов НК₁ из С1 составитель НК₂ справляется «часто совершенно точно» (с. 177). Можно сказать решительнее: из НК₂ материал, совпадающий с НК₁, «удаляется» не «часто», а всегда и неизменно, — на всем протяжении в ней нет ни одного текстуального совпадения с НК₁.²⁷ И если автор склонен был считать «текстологическим чудом» такое разделение оригинала Карамзинского списка на две выборки, при котором большинство дублированных известий оказалось в разных выборках, то здесь перед нами еще большее «чудо»: один текст (НК₂) возникает из другого (С1) путем скрупулезного, филологически точного удаления содержащихся в этом другом заимствований из третьего (НК₁).²⁸ Таким образом, взаимо-

²⁶ Все эти примеры Г. М. Прохоров отводит на том основании, что перечисленные известия «способны к самостоятельному существованию» (с. 181; сообщение о построении Переяславля под 6910 г. отводится даже без такого обоснования). Однако многие летописные рассказы и повести теоретически «способны к самостоятельному существованию», но существовали все-таки не самостоятельно, а заимствовались из одного свода в другой. Едва ли можно различать «центральнонорусские известия» НК₂ до и после 6900 г. также и на том основании, что некоторые из этих известий до 6900 г. сходны с Лавр. и Тр., а известия после 6900 г. в Тр. не отыскиваются. Во-первых, значительная часть «центральнонорусских» известий НК₂ до 6900 г. также восходит не к Тр., а к иным летописям (см. предыдущее примеч.), а во-вторых, после 6900 г. нам в сущности вообще недоступен текст Тр. — известны лишь фрагменты из нее, сохранившиеся в цитатах Н. М. Карамзина.

²⁷ Г. М. Прохоров указывает, что иногда НК₂ недостаточно точно выбирает из С1 тот материал, которого нет в НК₁. Но во всех приведенных им примерах речь идет об иных сообщениях о тех же событиях (в примерах, приведенных в примеч. 47, также разные сообщения с единичными совпадениями отдельных слов), т. е. о тех самых дублированных в Н1V и НК, о которых автор писал выше (примеч. 22).

²⁸ Возражая против предположения о возникновении двух выборок НК путем разделения ее первоначального единого текста, Г. М. Прохоров подчеркивает трудность такого разделения: если бы писец ошибся «в границах выписки на протяжении этой огромной работы хотя бы один раз, он внес бы в НК₂ что-то уже присутствующее в НК₁, и тогда между этими двумя выборками возникли бы текстуальные совпадения. Но их нет» (с. 000). Но насколько же проще такое разделение единого текста надвое, нежели предположенная Г. М. Прохоровым работа, когда составитель НК₂, имея перед гла-

отношения между НК₂ и НК₁ оказываются в разбираемой схеме совершенно необыкновенными — как бы «негативными».²⁹

Непреодолимые затруднения вызывает и вывод Г. М. Прохорова о первичности СИ по отношению к НК₂. Как мы уже отмечали, и в СИ и обеих выборках НК (как и в НИВ) обнаруживаются и первичные, и вторичные

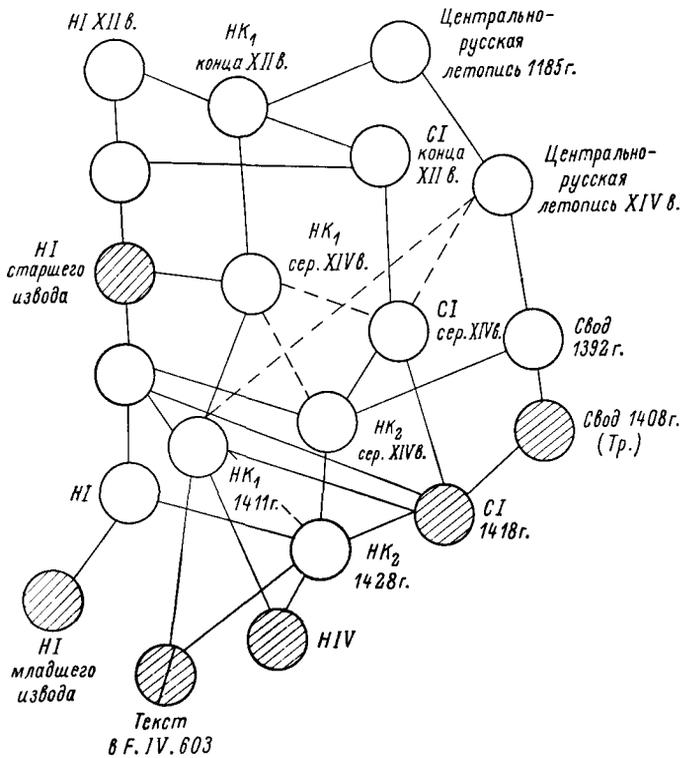

Схема 2.

чтения. Могут быть поэтому приведены и такие случаи, когда НК₂ явно первична по отношению к СИ. Так, под 6897 г. в НК₂, как заметила М. А. Салмина, читается обширная похвала (несколько листов текста) Дмитрию Донскому внутри посвященного ему «Слова о житии»; в СИ значительная часть этой похвалы выпала, из-за чего текст потерял смысл.

НК₂(НИВ)

Един же благочестен родися, многим прародителем славу прорасти. Бчелы ничим же хужшу ему быти разумю... Сему же доброта и нрав добр, велик же величества ради, друз же по добродетели деания, дондеже възде в шоки, силен же обтекает, яко солнце, луча испущаа а вся съгрея, елико наиде, так и тый (л. 389 об.—391 об.).

СИ

Един же благочестен родися, многим прародителем славу прорасти, елико наидеть, тако и тый (ПСРЛ, V, с. 110).

зами две летописи — СИ и НК₁ — должен убрать из первой все тексты, сходные со второй, и при этом ни разу не воспроизвести буквально дважды один и тот же текст!

²⁹ Отношения эти настолько экстраординарны, что Г. М. Прохоров не смог их даже передать на стемме (схемы 3 и 4 его статьи). По его построению, НК₁ все же является источником НК₂, хотя и негативным (пытаясь передать гипотезу Г. М. Прохорова графически, мы отмечаем это влияние пунктиром — см. схему 2 нашей статьи).

Слова «елико наиде» в НК₂ относятся к солнцу и вполне понятны; в СІ из-за пропуска они бессмысленно присоединены к словам о прародителях Дмитрия. Ясно, что в общем протографе НК₂, НІV и СІ текст читался как в НК₂ и что текст СІ, таким образом, явно вторичен. Под 6904 г. в НК₂ и в НІV после известия о назначении Григория епископом читается: «Сей уже Григорей 35-й бысть епископъ ростовский»; этому указанию соответствует следующий далее перечень 35 епископов Ростова. В СІ вместо этого читается: «Си же Григорий 30 и 5 лет бысть епископомъ Ростову», и это — явная ошибка; ибо епископство Григория длилось не 35, а 20 лет. Общий протограф и в этом случае несомненно совпадал с НК₂.³⁰

Вывести текст НК₂ из текста СІ, на наш взгляд, невозможно. Но все недоумения, которые до сих пор возникали перед нами, рассеются, если мы будем рассматривать НК₁ и НК₂ не как особые звенья текстологической схемы, а как две части единой летописи НК. Тогда будет понятно и полное отсутствие совпадений НК₂ с НК₁ (перед нами две половины единого памятника — естественно, что они не совпадают), и отношение единого текста НК к СІ (зависимость от общего протографа).

7. Две схемы происхождения СІ, НІV и НК

Схема происхождения СІ, НІV и двух частей НК, предложенная Г. М. Прохоровым, представляется, таким образом, неубедительной. Говоря об общих положениях летописной текстологии, автор справедливо замечает, что «один из главных критериев» оценки гипотезы — это «простота построения (наряду с количеством связываемых воедино фактов)»; он выступает против таких построений, в которых «реальные летописные тексты оказываются в генеалогических стеммах (а следовательно и в головах исследователей) в ничтожном меньшинстве» (с. 194). С этими положениями можно согласиться: текстологические схемы, охватывая весь, относящийся к исследованию, материал,³¹ должны, очевидно, включать только те гипотетические звенья, которые необходимы и достаточны для их объяснения. Но если с этой точки зрения сравнить схему происхождения СІ, НІV и НК, основанную на гипотезе о Новгородско-Софийском своде, и схему, предложенную Г. М. Прохоровым, то сравнение оказывается не в пользу последней (ср. схемы 3 и 2 нашей статьи).

Обе предлагаемые схемы построены совершенно одинаковым образом; обе они устанавливают происхождение одних и тех же реальных памят-

³⁰ Эти примеры первичных чтений НК₂ Г. М. Прохоров опять отводит ссылкой на возможность вторичного исправления. Создатель НК₂, по его предположению, исправил текст «Слова о житии» или «просто заменил его»; он же «исправил искаженную фразу» в перечне ростовских владык по 6904 г. Исправлением текста в НК₂ по летописи типа Тр. Г. М. Прохоров объясняет и замеченные им самим первичные чтения в статьях НК₂ о битве на Пьяне в 6886 г. и на Воже в 6887 г. (раздел 5). И так же, как при анализе отношений НК₁ и СІ (см. в нашей статье примеч. 23), он не доказывает такого влияния какими-либо текстологическими аргументами. Настаивая на том, что в «источнике» СІ не было перечня ростовских владык, Г. М. Прохоров ссылается на то, что в Тр., откуда, очевидно, взято известие 6904 г. о поставлении епископа Григория, не было слов: «Си же Григорий 30 и 5 лет». Но в СІ эта фраза читается, и ее наличие с несомненностью доказывает, что в протографе СІ читался такой перечень с указанием на Григория, как на 35-го епископа (откуда в СІ и возникло ошибочное — «30 и 5 лет»).

³¹ Следует иметь в виду, что характер генеалогических схем, а следовательно, и соотношение в них реальных гипотетических звеньев зависят от темы исследования: в работах А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова по истории летописания (включая древнейшее), естественно, оказывается больше гипотетических звеньев, чем в исследованиях, посвященных отдельным конкретным летописным памятникам (см. об этом: Я. С. Лурье. О шахматовской методике изучения летописных сводов. — В кн.: Источниковедение отечественной истории, II. М., 1976, с. 106).

А между тем, текстология знает иные, более объективные методы сопоставления текстов. Если текстолог сопоставляет между собой отдельные чтения, это вовсе не означает, что он просто иллюстрирует свое построение «отдельными примерами, взятыми из громадного материала», как полагает Г. М. Прохоров. Решающее значение для текстологии имеют такие случаи, которые Д. С. Лихачев удачно назвал «необратимыми»,³⁴ когда первичность одного чтения естественно вытекает из сравнения, а первичность другого невероятна и требует для своего объяснения дополнительных гипотез, предлагаемых «ad hoc» — специально для данного случая. Именно к числу таких «необратимых» чтений принадлежат, например, соотношения текстов в княжеской родословной под 6395 г. в С1 и НК₁ («Данила Ярославича» и «Данила Александровича») или под 6897 г. в НК₂ и С1 (пример М. А. Салминой). И отвергая эти и подобные им аргументы для сохранения своей текстологической схемы, Г. М. Прохоров неизбежно вынужден осложнять ее, в каждом случае вводя «ad hoc» лишние звенья и влияния.³⁵

Не представляется схема Г. М. Прохорова более убедительной, чем предположение о своде 1448 г., и с точки зрения ее внутренней логики и историчности вероятности.

Новгородско-Софийский свод, вопреки Г. М. Прохорову, отнюдь не «химерическое построение». Текст этого общего протографа С1—Н1V, как нам уже приходилось указывать, без существенных добавлений дошел до нас в С1 (с некоторым количеством испорченных мест и относительно небольшими пропусками; не сохранилось лишь первоначальное окончание свода).³⁶ Если это и не «реальный текст» свода 1448 г., то очень близкий к реальному. В оригинале НК и Н1V в текст протографа был включен ряд дополнительных, в основном новгородских, известий, — как правило, такие известия помещались в начале годовых статей. Именно это обстоятельство, а не стремление «менять местами материал внутри погодных статей свода 1448 г.», как пишет Г. М. Прохоров, излагая мою точку зрения, привело к тому, что в оригинале НК и Н1V новгородские известия обычно оказались в начальной части. Случаев такой перестановки текста в Н1V (и НК) по сравнению с С1, когда новгородские известия переносятся в начало, по моим наблюдениям, немного.³⁷ При разделении НК на две выборки новгородские известия в начале годовых статей естественно попали в первую выборку (НК₁). Таким образом, никакой «трудоемкой бессмыслицы», о которой пишет Г. М. Прохоров, при возникновении НК и Н1V из свода 1448 г. предполагать не приходится. Вопрос о причинах разделения НК на две выборки, действительно, не может считаться решенным. Возможно, как мы уже отмечали, что редактор сознательно стремился поместить в начале наиболее интересный для него специфически новгородский материал,³⁸ но нельзя отвергать и предположение

³⁴ Д. С. Лихачев. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). М.—Л., 1962, с. 177 и 227.

³⁵ Ср. выше, примеч. 23 и 30 настоящей статьи.

³⁶ Ср.: Я. С. Лурье. Общерусский свод. . . , с. 125.

³⁷ В примерах, приведенных Г. М. Прохоровым в примеч. 17, в большинстве случаев речь идет о перестановках неновгородских известий, никак не влияющих на общий характер (новгородский или неновгородский) годовых статей, или даже об изменении годовых дат (в НК—Н1V по сравнению с С1) и лишь в 20 случаях можно говорить о перестановке новгородских известий (по сравнению с С1) в начало года (6678, 6694, 6726, 6738, 6780, 6801, 6802, 6803, 6805, 6810, 6835, 6836, 6853, 6878, 6879, 6892, 6903, 6904, 6914, 6919). Напомню, что в общем тексте С1—Н1V свыше 550 годовых статей.

³⁸ В связи с этим в будущих исследованиях стоило бы поставить вопрос о том, не было ли разделение на две выборки, свойственное тексту в списке F. IV. 603, прежде уже общему оригиналу F. IV. 603 и Н1V: редактор этого памятника, опираясь

Шахматова, что перед нами — единичный неудачный опыт писца Карамзинского списка, от которого этот писец затем отказался.³⁹ Однако само стремление книжника XV в. к выделению новгородских известий не представляется чем-то удивительным. «Зачем?» — спрашивает Г. М. Прохоров. «Разве не существовало в Новгороде XV в. той самой Новгородской I летописи, которая послужила основным источником для общерусского свода?». Но существование НИЛ старшего и младшего извода не помешало созданию в XV в. НИВЛ (возникновения и интенсивного распространения которой в XV в. Г. М. Прохоров не отрицает); в конце XV в. была создана еще одна — Новгородская V (Хронографическая) летопись, в которой новгородский материал был опять значительно пополнен. Попытка создания еще одного варианта новгородского летописания (и выделение именно его новгородской части) в конце XV в. представляется поэтому вполне возможной и естественной.

Несравнимо больше недоумений вызывает текстологическая схема Г. М. Прохорова. Первоначальные тексты «НК₁» и «НК₂» (протографы обеих частей НК) он именует «выборками», но «выборки» эти в его построении пополняются в течение многих десятилетий. Особенно странна судьба НК₂. По мнению Г. М. Прохорова, выборка эта «мыслилась и создавалась именно как заготовка для НИВ». Если это так, то НК₂ это — своеобразный «полуфабрикат», временная заготовка, нужная лишь в процессе подготовки НИВ. Как же согласуется с этим предположение о длительном ведении НК₂ как «общерусской подборки» (какой? где составившей?), прекратившейся лишь в 1428 г. (с. 193)? Непонятен и сам процесс составления НК₂ и НИВ. Основным источником при этой работе была, согласно Г. М. Прохорову, СИ, возникшая, в свою очередь, из НК₁ путем прибавления к ней «центральнорусского» материала. Летописец, готовивший НИВ, был, очевидно, не удовлетворен «центральнорусским» характером СИ и решил пополнить ее новгородским материалом. Что же он для этого сделал? Прежде всего, этот новгородец тщательно удалил из СИ все, что в ней восходило к НК₁, т. е. преимущественно новгородские известия; создал, таким образом, еще более «центральнорусскую» (но при этом фрагментарную и часто непонятную) «подборку» НК₂, но сделал это только для того, чтобы вновь добавить все то, что перед этим выбрасывал, — текст НК₁, и создать, таким образом, НИВ. Зачем же был весь этот Сизифов труд? Не легче ли было этому редактору просто добавить имеющиеся у него новгородские материалы к СИ? Учтем при этом, что такую «трудоемкую бессмыслицу» должен был, согласно Г. М. Прохорову, творить не писец единичного списка (каким А. А. Шахматов считал писца F.IV.603), а редактор, готовивший новый свод. Не менее странна и даль-

на текст свода 1448 г., близкий к СИ, мог разделить текст свода на две части и одновременно добавить к нему (в особенности в первой части) ряд известий из новгородских и иных источников, чем и объяснялось наличие многочисленных дублировок (менее заметных благодаря разделению материала), частично устраненных потом в НИВ. Это предположение устранило бы трудности, возникающие при объяснении «раздублирования» дублировок НК. Но и при этом построении генеалогическая схема, предполагающая первичность Новгородско-Софийского свода, доведенного до 1418 г., по отношению и к СИ и к НК—НИВ, остается в силе.

³⁹ Возражая против взгляда А. А. Шахматова на структуру НК как на следствие неудачной попытки разделить единую летопись, Г. М. Прохоров утверждает, что такое объяснение противоречит принципу «примата сознательных изменений летописного текста над механическими». Но принцип этот, характерный для самого А. А. Шахматова и сформулированный Д. С. Лихачевым, вовсе не означает запрета всякого объяснения изменений текста случайными или механическими причинами: напротив, факты, не находящие объяснения в сознательной воле книжника, «могут быть отнесены к явлениям, возникшим механически, и квалифицироваться как механические» (Д. С. Лихачев. Текстология, с. 367).

нейшая судьба обеих подборок НК. Подборки эти, по построению автора, были созданы одновременно и связаны между собой только через НIV. Но ведь дошли они до нас все-таки вместе и только вместе — в рукописи F.IV.603, написанные одной рукой и не разделенные каким-либо особым заголовком для НК₂! Кто же и как соединил эти две самостоятельные выборки, да еще так удачно, что тексты их готовых статей точно дополняют друг друга? И не следует ли при исследовании НК₁ и НК₂ учитывать реальный факт их совместного существования в одной рукописи? Ответа на этот и другие многочисленные вопросы мы у Г. М. Прохорова не находим.

8. О принципе комплексности при изучении летописей

Неопределенность характеристики отдельных памятников связана в работе Г. М. Прохорова с общей мыслью о длительности процесса ведения летописей, по сравнению с которым процесс ведения «повестей», «слов», житий и других памятников кажется ему «моментальным» (раздел 5). Отметим, однако, что процесс создания ряда других памятников Древней Руси (хронографов, четий миней, патериков и т. п.) также часто бывал длительным, а главное, что длительность процесса ведения летописания не дает нам права забывать об отдельных конкретных сводах и летописях, возникавших в ходе этого процесса. Гипотетические своды — это не произвольно намеченные «срезы» единого древа и не призраки, существующие лишь в движении; своды эти (если соответствующие гипотезы верны) когда-то реально существовали, они были такими же памятниками, написанными определенными людьми в определенное время, как и дошедшие до нас летописи. Летописцы, использовавшие труды своих предшественников, опирались не на «летописание», а на те или иные конкретные своды; реконструировать такие своды мы должны так же конкретно.⁴⁰

Летописные подборки Карамзинского списка заслонили, к сожалению, для Г. М. Прохорова целый ряд других летописных памятников, имевших прямое отношение к данной теме.⁴¹ Автор объявляет о своей приверженности «принципу комплексности», но его понимание этого термина неясно. А между тем, комплексность изучения летописей — это «необходимость изучать каждую летопись в тесной связи со всей историей летописания»

⁴⁰ Именно это обстоятельство дает, на наш взгляд, неплодотворной для отражения генеалогии текстов схему с «трубами», предложенную Г. М. Прохоровым. Что такое овалы «срезы» на этой схеме? Реальные это своды или нет? Почему вертикальные «ветви» в схеме объемны, а боковые (т. е. влияния сводов) линейны? Г. М. Прохоров (примеч. 111) предпочитает говорить не о сводах, а «моментах или периодах творческой истории реального текста», но какую реальную форму принимали эти «моменты или периоды», он не объясняет. В связи с этим целесообразность предлагаемой автором схемы и ее предпочтительность по сравнению с принятыми в текстологии вызывают сомнения. И уж тем более непонятно, почему использование такой схемы избавляет исследователя от соблюдения одного из важных условий всякой гипотезы — максимальной простоты объяснения, при котором требуются лишь необходимые и достаточные логические звенья (ср.: Э. Н а в л ь. Логика гипотезы. СПб., 1882, с. 171—186; Л. Б. Б а ж е н о в. Основные вопросы теории гипотезы. М., 1961, с. 7—32), тем более что Г. М. Прохоров в своей статье сам отмечает важность этого условия.

⁴¹ Невнимание к другим летописным памятникам, кроме НК₁ и НК₂, НIV, CI и отчасти Лавр. и НI, отражается и на таблице построчного сличения летописей, образец которой предложен Г. М. Прохоровым. Автор справедливо задумывается над путями сообщения читателю данных «сквозного» анализа сравниваемых текстов: помещение этого материала в тексте работ громоздко и часто затрудняет читателя; включение его в построчный аппарат мешает привести весь материал сравнения. Но в таблице Г. М. Прохорова содержания совпадающих известий (за отдельными исключениями) тоже нет, а кроме того, не учтен и весь материал параллельного летописания.

и, прежде всего, — с ближайшими, наиболее сходными летописями.⁴² Изучая НК₁ и НК₂, Г. М. Прохоров даже историю близких к ним СИ и НИУ не подвергает рассмотрению; он не ставит вопроса о времени создания дошедших до нас редакций этих летописей, о происхождении всего их текста (а не только отдельных частей). Он ничего не говорит об отношениях НИУ и СИ к НИ младшего извода, хотя отношения эти очень сложны и важны для понимания генеалогии сводов. Он оставляет в стороне Московско-Академическую летопись, не замечая ряда совпадений между СИ—НК₂ и этой летописью.⁴³ Г. М. Прохоров возводит НК₁ к своду 1185 г. — владимирскому своду, отразившемуся в Лавр., хотя специфических для этого свода известий в НК₁ нет; объясняя это тем, что свод 1185 г., отразившийся в НК₁, был не владимирским, а киевским, он даже не пытается сравнить его с подлинной киевской летописью этого времени — Ипатьевской. На основании одного только распределения «неизвестно-откуда-взятых» материалов в НК₁ и НК₂, без сопоставления с параллельными летописными текстами, автор высказывает предположение о «неизвестной нам редакции Повести временных лет» и других памятниках. Таким образом, наряду с внутренней противоречивостью и сложностью схемы Г. М. Прохорова обнаруживает еще один важный недостаток — отсутствие связи со всей известной нам системой истории летописания.

СИ и НИУ — летописи, оказавшие решающее влияние на все летописание последующих веков; их общий протограф — важнейший памятник русской общественной мысли и литературы XV в. НК — определенный этап в истории двух памятников, предшествующий НИУ в известных нам редакциях.⁴⁴ Но Карамзинский список F.IV.603 — единичная рукопись, своеобразная структура которой не дает достаточных оснований для перестройки всей схемы взаимоотношения летописей XIII—XV вв.

⁴² Д. С. Лихачев. Текстология, с. 360—361.

⁴³ См. выше, примеч. 25. В текстологическую схему Г. М. Прохорова (схема 2) Московско-Академическая летопись также не включена.

⁴⁴ Особого внимания, конечно, заслуживают уникальные известия НК и, в частности, сохранившиеся в НК₂ грамоты патриарха Антония 6898 г. с поразительно ярким описанием поведения низверженного митрополита Пимена и 6902 г. с осуждением угрозы новгородцев (в случае навязывания им митрополичьего суда) «быти латина» (л. 400 об.). Ни та, ни другая грамоты не сохранились не только в СИ и НИУ, но и в отдельных списках (ср.: РИБ, т. VI, ч. 1. СПб., 1880; не совпадают с текстом НК и греческие тексты близких по времени грамот Антония, — ср. там же, приложения, № 33 и 38).

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

К. ИВАНОВА

Цикл великопостных гомилий в гомилиарии Михановича*

Фототипическое издание гомилиария Михановича (далее: Мих.)¹ открыло перед славистами новое поле для исследования древнеболгарской проповеднической литературы. Облегчив использование Мих., издание активизировало интерес к сравнительному текстологическому и лингвистическому анализу этого типа средневековых памятников, как показывают опубликованные в последнее время статьи.² Снова поднимается, хотя и не так категорично, мысль Нахтигалья о связи между Мих. (как представителем исходных гомилиариев) и «Отеческими книгами» Мефодия.³

По существу в Мих. сочетаются два типа праздничных проповедей. С одной стороны, он содержит слова на постоянные праздники второй половины церковного года (т. е. на месяцы март—август), с другой — на подвижные, связанные с пасхальным циклом. Именно в этой части Мих. обнаруживает близость к Клоцову и Супрасльскому сборникам. С точки зрения композиции панегирическая часть обрамляет триодную, так что слова на март находятся в начале рукописи, а произведения, относящиеся к июню (начиная с праздника рождества Иоанна Предтечи), — после недели всех святых. Подробное сочетание характерно для древнейших сборников (Супрасльский, Успенский и др.). Так называемые «златоусты», которые включают слова на великий пост, страстную седмицу, пасху и следующие недели, возникают значительно позже и на другом материале, преимущественно оригинальном. Златоусты вытеснили ста-

* Перевод с болгарского Г. М. Прохорова. (Ред.).

¹ R. Aitzetmüller. *Mihanović Homiliar*. — In: *Editiones monumentorum slavico-rum veteris dialecti*. Graz, 1957. Рукопись хранится в Загребе, в собрании Югославской академии наук, куда поступила вместе с другими материалами из коллекции Михановича. Происхождение ее неизвестно. На ее полях были записи, но они или срезаны, или стерты. Мих. изучался рядом ученых, среди которых Ф. Миклошич, В. Ягич, В. Вондрак, М. Сперанский, А. Достал и др. Подробное описание рукописи и ее библиографию см. у Вл. Мошина (*Ćirilski rukopisi Jugoslavenske Akademije, I dio. Opis rukopisa, s. 96—99*), который определяет ее как панегирик, сборник праздничных гомилий на март—август, датирует ее последней четвертью XIII в. и причисляет к памятникам так называемой «рашской редакции».

² E. Bláhová. 1) *Homilie Clozianu a Homiliáře Mihanovičova (syntaktický rozbor)*. — *Slavia*, Praha, 1963, s. 1, с. 1—16; 2) Гомилии Супрасльского и Успенского сборников. — В кн.: *Исследования источников по истории русского языка и письменности*. М., 1966, с. 77—103; Д. Иванова-Мирчева. 1) Из старобългарския хомилиар (Новооткрити преводи). — В кн.: *Константин—Кирил Философ*. София, 1969, с. 309—314; 2) *Хомилиарът на Миханович*. — Изв. на Ин-та за български ез., 1969, кн. 16, с. 381—391 (с подробной библиографией).

³ R. A. J. K. Nahtigal. *Отъѣскы кнѣгы*. — In: *Razprave Slovenske akademije Znanosti i umetnosti, II*. Ljubljana, 1950, s. 7—24.

ринные сборники. Кирилло-мефодиевские гомилетические переводы восстанавливаются в настоящее время на основе сохранившихся в Клоцовом и Супрасльском сборниках слов на страстную седмицу и на пасху. Ни один староболгарский памятник не сохранил великопостного цикла, существование которого в самый ранний период книжности для нас несомненно.⁴

Что нового может дать в этом отношении изучение Мих.? На первый взгляд, ничего, поскольку поврежден — такова случайность — именно текст творений, предшествующих страстной седмице. На л. 19 об.—20 об. находится Слово на благовещение, без конца; сохранилось чуть больше половины текста.⁵ Листы с 21 по 82 разорваны сверху вниз, так что ныне сохранилось около $\frac{1}{3}$ текста первой колонки лицевой стороны листа и приблизительно столько же по краю четвертой колонки на его оборотной стороне. Иначе говоря, мы располагаем, согласно принятым обозначениям, частью колонок а и d, а колонки b и c отсутствуют. Кое-где последовательность фрагментов нарушена. Кроме того, Вл. Мошин отмечает, что перед обрывками выпало 18 целых листов, между ними и первым сохранившимся листом (л. 83) — один лист, после л. 8 — один лист и после л. 30 — также один. Итак, в первоначальном виде Мих. содержал на 21 лист больше нынешнего его объема. Пропавшие листы не могут быть восстановлены, но фрагменты, в каком бы плохом состоянии они ни находились, все же содержат реально существующий текст, по которому можно судить о их содержании. Некоторые слова определяются сравнительно легко по сохранившимся частям заглавий и начал. Остальные отыскиваются в сборниках, сходных по составу или по редакции с Мих. Так очерчивается круг рукописей, используемых в настоящей работе как сравнительный материал.

1. Супрасльский сборник (далее: Супр.) имеет 5 слов, общих с сохранившейся частью Мих.⁶ Однако еще В. Вондрак определил, что отрывки л. 68d—70 принадлежат слову на Лазарево воскресение (начало: «*Њко се мати чадолубива*»), которое помещено в Супр. на с. 312—317 издания С. Северьянова, а л. 78d—82d содержат Слово Златоуста о посте, Иосифе, священнике и Давиде (начало: «*Всѣмъ намъ по реджъ*»), идентичное Супр., с. 354—367 того же издания. Слово на вербное воскресение (начало: «*Отъ чудесь къ чудесемъ*») в Супр. и Мих. начинается одной и той же фразой, но списки принадлежат к двум самостоятельным литературным редакциям текста. Ближе к концу этого произведения, на обрывке л. 54, В. Вондрак отметил пассаж из анонимной гомилии Клоцова сборника (Клоц., л. 1, 41—59).⁷ Однако еще на той же колонке тексты расходятся.

2. В рукописи № 386 (по Савве Хиландарцу, № 22) библиотеки Хиландарского монастыря, второй половины XIII в., сербского письма, имеется 6 слов, общих с Мих. Эта рукопись (далее: Хил.) — одна из главных среди привлеченных для определения отрывков — тем более важна для нас, что она содержит Симеонов Златоструй в единственной известной южнославянской редакции.⁸

⁴ Кроме соображений, основанных на уставе богослужения в IX—X вв., укажем и на Рильские глаголические листы, в которых фигурирует поучение на мясопустную неделю, а также и на расположение гомилий в Клоцовом сборнике, свидетельствующее о характере утраченной части.

⁵ Д. Иванова-Мирчева предполагает, что фрагменты содержат продолжение текста этого слова, но замечает, что текст слишком пострадал, чтобы быть читаемым (Хомиллярѣт на Миханович, с. 385). Конец произведения, однако же, находится на утраченных листах.

⁶ Д. Иванова-Мирчева. Хомиллярѣт на Миханович, с. 384—386.

⁷ V. V o n d r á k. Glagolita Clozův. Praha, 1893, s. 40, 52—57.

⁸ Кл. Иванова. Известна редакция на Симеония Златоструй в сръбски рѣкопис от XIII в. — В кн.: Сборник историје књижевности (в печати).

3. Златоструй Ягича, конца XIII—начала XIV в., болгарское письмо (далее: Ягич), тоже оказывается в кругу рукописей, связанных с Мих., благодаря двум словам, приписываемым Иоанну Златоусту. Одно — о суетной жизни — предназначено на сыропустную неделю, другое — о втором пришествии.⁹

4. Сборник № 55 Хлудовского собрания, XIV в., сербское письмо (далее: Хлуд.), — один из наиболее близких по содержанию к триодной части Мих.¹⁰ В нем помещаются слова от сыропустной недели до недели всех святых. Девять из слов на недели великого поста и на страстную седмицу обнаруживаются и в Мих.

5. Самым поздним по времени из указываемых тут (вторая половина XVI в.), но исключительно важным для восстановления первоначального состава великопостной части Мих. является сборник Р-71 из монастыря Гомир (далее: Гомир).¹¹ Он содержит проповеди от недели блудного сына до пятидесятницы. Не только по составу, но и по расположению слов эта рукопись тождественна с Мих. (если исключить панегирическую часть). Начиная с л. 36 эта близость может быть прослежена по сохранившимся фрагментам и после них — по полному тексту Мих. вплоть до л. 182. До л. 36 в Гомир помещаются поучения на подготовительные недели поста. Можно предположить, что часть их находилась на потерянных листах Мих. Обращает на себя внимание подбор слов на мясопустную и сыропустную недели. Четыре из них принадлежат Ефрему Сирину и лишь одно — Иоанну Златоусту. По содержанию цикл на подготовительные недели не совпадает ни с одним сборником более позднего состава. Но на мясопустную неделю здесь помещено то же слово, которое находим на тот же праздник в Рильских глаголических листках.

Вот те поучения на мясопустную и сырную недели, в отношении которых можем предполагать, что они находились на ныне утраченных листах Мих. (указываются по описанию Вл. Мошина).

Листы 146—22. Въ неделю месопуостноу прѣподоб'наго оца (!) нашего Ефрема слово о крс'тѣ и о сп(а)сени д(оу)ши и о покаани. *Начало:* Се оучити се добро ѡс(тъ) д(ь)нь и ношь, и на послѣднѣи д(ь)нь възвращающе, и не забывати никогда же негасимаго пламене.

Листы 23—25. Въ тѣжде д(ь)нь слово с(ве)таго вѣа нашего Ефрема в покаани. *Начало:* Брате, слышимъ блажен'наго Д(а)в(и)да въ Псал'тири гл(агол)юща: си д(ь)нь иже сътвори г(оспод)ь, възрадоу ѡм' се и възвеселим' се въ нь. Въ с(ве)тоую неделю възкр(ь)шению бо есть праздникъ. *Ср. с Рильскими глаголическими листками — л. 2 с:* Въ не ма. *Начало:* . . ѡкоже слышимъ, браѣ, блаженааго Дѣа въ псал. . . доум' сѣ в [-] звеселим' сѣ въ н[-]въ стѣжъ нежъ възкрѣш [---] бо есть правдъ [---].

Листы 25—346. Въ неделю сиропуост'ноу прѣп(од)ѣб'наго оца нашего Ефрема слово в сп(а)сени д(оу)шы и в покаани. *Начало:* втречене ѡже при с(ве)тѣмъ кр(ь)щении творимъ, мало оубо ѡв'ляет' се гл(агол) ѡмо; разоумѣмо же и сѣло есть велико.

Листы 346—36. Въ тѣжде д(ь)нь с(ве)таго Ефрема в соудѣ слово. *Начало:* Придѣте, брате, послушайте мене м(а)лого Ефрема, и поставимъ соудю свою мысль да оувѣмъ свом срѣца.

Извлечения из того же Ефрема Сирина обнаруживаются в некоторых сочинениях Климента Охридского.

⁹ Хранится в ГПБ под шифром Q. п. I. 56. Описан В. Ягичем (Bericht über einen mittelbulgarischen Zlatoust des 13—14 Jahrh. — Sitzungsber. d. Akad. d. Wiss., Wien, 1898, Bd 139, H. IV, S. 1—72).

¹⁰ А. П о п о в. Описание рукописей. . . библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 66—68.

¹¹ Рукопись хранится в Хорватском музее в Загребе под № 73. Описана: Вл. Мошин и Н. Гирилски рукописи в Повјесном музеју Хрватске. Београд, 1971, с. 82—87. Заголовки и начальные фразы статей Гомир даются по этому описанию.

Листы 36—39. Въ тѣждѣ д(ь)нь с(ве)таго о(ть)ца нашего Іван'на Златоустаго слово ѡ соуѣт'нѣмъ жити всьего мира, и о оумилѣннй пол'зѣ. *Начало:* Елыко соуѣтъе житиы и гыб'лющее вѣщи остависте.

Незначительный остаток текста этого слова сохранился в Мих. на л. 21а.¹³

Все перечисленные рукописи — южнославянские по происхождению, болгарские и сербские по написанию. Из древнерусских рукописей известную близость с циклом великопостных слов в Мих. обнаруживает сборник № 12 из библиотеки Троице-Сергиевой лавры (далее: Тр.), XII в.¹³ Здесь три общих с Мих. слова, они расположены обособленно в начале и в конце рукописи в окружении творений Климента.

Переходим к описанию фрагментов с л. 21 до л. 82. Текст обозначаем по колонкам — соответственно а или d.

1. *Лист 21а. Начало:* . . . не можеть <изрепци въ>зирающе б<о само> и <вамо <вчима>. *Конец:* пом<илуйте ме члѣво> любя ан<гли>.

Это отрывок из слова о душевной пользе и умилении, без уверенности приписываемого Златоусту. Греческий текст см.: Migne. Patr. gr., t. 60, col. 735—738. Начало: 'Αγαπητοὶ ὄσοι τὰ τοῦ βίου. Текст идентифицирован по Ягич: «Слѡвѡ стго Івана Златѡустагѡ в не сыропустънж». Начало: «За соуѣтънжж жизнь мира сего и за обращение и оутѣхж дшамъ» (л. 121 об.—127 об., здесь л. 127) и по Хил., где это слово — девятое: «Іѡа Злоустаго слѡ ѡ соуѣтънѣмъ житиы и ѡ пользи дшевніи и ѡ оумилениы». Начало: «Възлюблениы ѡставльше соуѣтнага дѣла» (л. 59—62 об., здесь л. 61 об.—62). Это же произведение содержится и во всех редакциях Златоуструа — в краткой под № LXX, а в полной — под № 77. Его текст, особенно во второй части, сходен с другим словом Златоуструа — «ѡ скороминуущимъ житиы семь и грѣдѣмъ соудѣ». Начало: «Дроузи и братиы». В кратком Златоуструе — № LXIV; в полном — № 76.¹⁴ В Хил. — отсутствует. Под тем же заголовком, как и в Хил., слово помещено и в Тр. на л. 19—23 об., в Гомир. — на л. 36—39 (см. выше).

Как явствует из заглавий в гомилияриях, поучение приурочено к сыропустной неделе. В Мих., однако, — сознательно или в результате погрешности — великопостные слова сдвинуты на одну неделю вперед. Здесь оно было отнесено, вероятно, к первой неделе поста.

Сопоставление фрагментов с Хил. и Ягич дает возможность предположить, что речь идет об одном и том же переводе, но с известными редакционными различиями трех списков. Мих. и Ягич имеют больше общих чтений, но там, где Хил. сохраняет более первичный текст, Мих. следует за ним.

М и х.	Я г и ч	Х и л.
9. плачеще	плачащихъ сѧ слышимъ	плачюще се оуслышимъ
10. и сихъ оу	и сихъ оутѣшити не въз	и сихъ оутѣшити не въз
11. мъ чед	можемъ чѣда рыдающа	можемъ. чѣда рыдающа
	и слъ	и слъ
12. точещи	зы точеща видить и не смо	зы точеща оузримъ и жал
13. еще сих	жесть оутѣшити. ѡ що	еще сихъ поидемъ. что ви
14. глѡ чѣда	режтъ чѣда в той годь. . .	мену чѣда въ ть годь. . .

¹³ К сожалению, я не смогла своевременно получить снимки Гомир. По этой причине для восполнения текста используются Хил., Хлуд. и Ягич. Восполненные части текста заключены в угловые скобки.

¹³ Хранится в ГБЛ, ф. 304. См.: Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. 1. М., 1878, с. 19—22.

¹⁴ Здесь и далее слова полной и краткой редакций Златоуструа указываем по исследованию: В. Н. М а л и н и н. Исследование Златоуструа по рукописи XII века. Киев, 1878. При ссылках на краткий Златоуструа использованы римские цифры.

Любопытно лексическое разночтение: «Щданиѣ» в Мих. вместо «мждж» в Ягич и «честь» в Хил.

Конец слова находится на л. 21с.

II. *Листы 21d—24d и л. 49a—d, 50a*: «Въ не̄ в̄ поста <ста̄ ѡца̄ наше̄го̄ Ивана <Златоуста> г̄ слово ѡ вѣторомь пришьстви Хвѣ. Начало: <По възнесени> гнӣ же на нба. поученикомь вѣзрающӣмь на нбо... Конец: ...въ нже имкатӣ гн̄ нвыи> поустӣти <жетеле> и пшеницоу събереть въ [житницоу свою].

Слово принадлежит Иоанну Златоусту. Греческий текст см.: M i g n e. Patr. gr., t. 61, col. 775—778. Тема второго пришествия, обозначенная в заголовках всех списков, связывает поучение с мясопустной неделей, которая еще с VII в. (в Иерусалимском типике) посвящается Страшному суду. Но в самых ранних переводных сборниках, как показывает Мих., место слова оказывается не строго фиксированным. В Гомир оно предназначено для первой недели (л. 39 об.—46). В Хлуд. (л. 10—16) и в Ягич (л. 111об.—121, без указания, но по положению) оно отнесено к мясопустной неделе. Слово помещено в двух «златоструйных редакциях»: в Хил. (л. 68 об.—74 об.) и в кратком Златоструе (Малинин его не отметил).

Для восстановления текста использованы Хлуд. и Хил. Сравнение их с Мих. показало одинаковость перевода во всех трех списках. Особенных редакционных изменений нет. Хил. отклоняется главным образом текстуально — некоторыми дополнительными фразами, лексическими и синтаксическими заменами, но объединяется с Мих., тогда как в Хлуд. наличествуют более новые языковые черты (см. Приложение I).

III. *Л. 50d, 25a—28a*. Начало: ... «поч'то не вариши самъ се и из'глеши грѣхи». Конец: ...зѣ же оубо слово грѣпокоив'ше. словеса м̄ же ѡ смѣрен'нѣ моудрости. въ ино в'рѣме пощедѣв'ше. Славоу выш'лдимъ ѡцоу и с'ноу и стом'оу дхоу нынѣ и присно и в' вѣкы вѣкомь».

Это — одно из поучений о покаянии Иоанна Златоуста, второе из его цикла бесед на данную тему. Греческий текст см.: M i g n e. Patr. gr., t. 49, col. 283—292.

Текст идентифицирован по Хлуд., л. 5—10: «Въ не̄ сирноу ста̄го ѡца нашего Иоана Златоустаго слово о покаянии». Начало: «Видѣте ли въ ѡноу нелю борение и побѣдоу». В Гомир то же слово помещено на первую неделю поста и имеет следующее заглавие — л. 46—52 (?): «Въ тѣжде д(ь)нь с(ве)таго Иоанна Златоустаго слово ѡ покаянии побѣседовано въ соуб. по кн'чани (!) ѡ-го ѡал'ма». Среди златоструйных редакций оно фигурирует только в кратком Златоструе, № XLVIII, с заголовком: «ѡ покаянии и ѡ Каинѣ и ѡ Данилѣ и ѡ Ахавѣ цри и ѡ Павлѣ».

В Мих., вероятно, слово было предназначено, как и предыдущее, для той же второй недели. Сравнение текстов фрагментов и списка Хлуд. показывает не только тождественность перевода, но и большую близость между двумя списками. Мих. прекрасно восстанавливается с помощью Хлуд. Разночтения редки и незначительны.

IV. *Листы 28a—29*. В нелю г̄ поста стго̄ Ивана Златоустаго̄ слово ѡ моу<ахъ>. Начало: Потынӣ <се възлюблен'и> оубѣжати <вѣчнѣ моу>кы. не ст'вори бо бѣ моуки> да ны вѣв'ръжеть ны на'дыше изведеть. таково има'мь члвколю<бца и милти>ва. свѣдѣ'тельствовать Дѣвд̄ гл̄е. Конец: ѡко юн'ша въ бранѣ всѣмь вѣкоу<пѣ прѣже реч'еннымь> про'тви се и побѣждѣ оулоу'чи блжнѣство. ѡ Хѣ̄ Ис'ѣ̄ гӣ нше̄ м̄ моуже̄ жсть <слава>. съ ѡдемь и с' <стыимь> дхо̄мь. въ бесконь'чнѣ вѣкы вѣкомь аминь».

Слово не принадлежит Иоанну Златоусту. Его греческий текст неизвестен. По содержанию оно напоминает Слово о втором пришествии Иоанна Златоуста, но более элементарно. В нем есть непосредственные заимствования из Ефрема Сирина — из Слова о будущем суде; начало: «Приидѣте вса браа моа послушайте мене малаго Ефрѣма» (ср. с Гомир, л. 34 об.—36). Вот один характерный пассаж: «Поста<вит' бо зем'ля тѣло члвче (акоже приетъ). любо звѣ<ри расхыти>ше. любо пь<тице спѣше>. любо рыбы ра<здробише. не> погибнетъ <вла члвкоу пурѣдъ соудие ю. ибо прѣлаг>ают се волею <бжиюю вси въ> неистлѣние». Возможно, здесь мы имеем дело со славянской компиляцией. Необходимо заметить, что слово с тем же начальным периодом, но значительно более обширное и несомненно переводное, помещается в златоструйных редакциях. В Хил. оно находится на л. 88 об.—94 об., № 17; в кратком Златоструе — № XLVI; в полном — № 81. Об этой иной редакции скажем ниже. Из рукописей, которыми мы располагаем, лишь две содержат поучение в той же редакции, что и в Мих., — Хлуд. и Гомир. В Хлуд. находится на л. 16 об.—19 об. под заголовком: «Тоже стаго Іоана Златоустаго слов ѡ моукахъ», без указания, на какой день оно предназначено. В Гомир — на л. 52—52 об.: «В' неделю в поста с(ве)таго Иоанна Златоустаго слово ѡ моукахъ»; начало: «Потьщим' се възлюблени оубѣжати вѣчнѣ моукы».

Если иметь в виду, что в Мих. порядок слов сдвинут на одну неделю вперед по сравнению с Гомир, то следует предположить, что это произведение предназначено для третьей недели поста. Текст Хлуд., которым мы располагаем, одинаков по переводу и редакции с Мих. С его помощью фрагменты восстанавливаются очень хорошо; разночтения незначительны.

V. *Листы 29d—33a.* «Въ тьжде днѣ Ана<стаса мных>а горы Сына<искые ѡ шь>стѣмъ ѡ<лме имы оучение стго по. *Начало:* «Подобнь по<стѣнии на <четькь ц>ѣломудрь<нааго пок>ашии. ѡб'<разъ црѣкв>и имать. оучение стаго дх>а. *Конец:* . . . <вѣ>си соущество йше ѡблѣкыи се въ не спѣсь ю.

Греческий текст см.: Migne. Patr. gr., t. 89, col. 1077—1116.

Из рассмотренных рукописей поучение находится только в Хил., Тр. и Гомир. В Гомир, л. 53 об.—60 (?), оно имеет заглавие: «Въ тьжде д(ь)нѣ Анастасиа мныха горы Синаискые ѡ шьстем ѡ<л'ме или (!) оучение с(ве)таго поста». Этот же заголовок и в других двух списках. Однако между текстом, представленным Хил. (л. 135—147), с одной стороны, и Мих. и Гомир — с другой, имеются существенные различия. Нельзя сказать с уверенностью, является ли перевод в Мих. самостоятельным, так как целые пассажи полностью соответствуют Хил., но и изменения в нем весьма значительны. Во-первых, поучение более пространно. Текст одинаков до л. 141 Хил. — 33a Мих. На л. 33в или 33с он оканчивается, тогда как в Хил. продолжается еще на 6 листах. Место этого слова точно не определено в великопостном цикле. В Мих. оно относится к третьей неделе, в Гомир — ко второй. Встречалось оно нам отнесенным и к пятой неделе поста — в рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 199, л. 164—175 об.; в ГБЛ, собр. Ундольского, № 1280, XV в., оно предназначено на понедельник первой недели поста (л. 175 об.—186 об.).

VI. *Листы 33d—38a.* *Начало:* . . . придохъ к те<бе>. . . <дль>жнѣ си тмою. . . *Конец:* . . . поч<то оубо не волимъ> сдѣ скрб<ни быти. да тамо> присно поч<иьемъ>.

Опознавание текста на л. 33d—38a оказалось особенно трудным. Содержание — Страшный суд и муки грешников — отвечает весьма широкому кругу поучений. Оформление л. 38a (концовка и последующая орнамен-

тированная начальная строка, около которой на поле стоит: «зач») говорит о двух произведениях. В сущности сохранившиеся части фрагментов 33d—38a отвечают Хил., л. 89—94 об., т. е. упоминавшемуся уже Слову о муках, встречающемуся в Златоструе — Хил., л. 88 об.—94 об.: «Иоана Златоустаго слово о моуках». Начало: «Потьщим се възлюблении оубѣжати вѣчныѣ моуки не створил бо бѣ моуки да ны ввѣржетъ. нь да впадше изведеть» (здесь № 17; краткий Златоструй — № XLVI; полный — № 81). Сравнение Мих. с Хил. показывает некоторые различия (в том числе и одно сокращение в 31-й строке в Мих. на л. 37a по сравнению с Хил., л. 92 об.—93). Но оба текста являются, по всей вероятности, редакциями одного слова. Начало его находится на л. 33, колонка b или c, но трудно определить, соответствует ли оно Хил. Обращение же к Гомир, который точно воспроизводит строку Мих., показывает, что это слово отсутствует как самостоятельная единица в описании Вл. Мошина. Его текст включен в предыдущую гомилию Афанасия Александрийского. Мошин замечает все-таки, что на л. 60 обнаруживается одно «зачало»: «Оуслышимъ възлюблении глас Пав'лѣ гл(агол)юща, яко прѣдстати ны ѳс(ть) на соудищи Х(ристо)вѣ», — которое примем условно за начало слова.¹⁵ И в Гомир, как и в Мих., текст разделен на несколько таких «зачал». Мошин указал на л. 62. Начало: «Къждо възлюб'лении, кое слово можетъ повѣдати или бл(а)гаа или злаа, нѣс(ть) ни единого же». Оба начала могут быть отмечены и в Мих., соответственно на л. 35d, строка 10, и на л. 37a, строка 1.

VII. *Листы 38d—43a. Начало:* . . . шемоу. великого ищещи оуказании дружьбы мно соуцею. на оуказание еже гѣхжде и амь любити и възненавидѣти. *Конец:* . . . науучивы. ты великы наречеть сѣ въ прѣтви бжи. такъ ѣ сь великыи въ прѣтви. «боуды же намь възмоци млтвами юго. и всѣхъ поостыникъ сподобити се прѣтвию нбому и блгодѣтию и члвколюбиюмъ ги наш(его) Іса Ха» с нимже ѿцоу слава чть и држав(а) нынѣ и при(сно) и въ вѣкы вѣкомъ».

Это текст пятой беседы о покаянии и посте Иоанна Златоуста. Греческий текст см.: *M i g n e. Patr. gr., t. 49, col. 305—313.*

Списки слова находятся в Хлуд., л. 19—24 об.: «Въ стѣне поте стаго Иѡан'на Злаоустго сло ѿ пррцѣ Иѡна и ѿ Данилѣ и ѿ тре ѿроцѣхъ и ѿ покаянии и ѿ постѣ». Начало: «Веселие намь ѣ днь трѣхъ сыи и веселие ѿбыч'наго з'бора. каи же оубо вина ю»; в кратком Златоструе сохранился лишь отрывок в списке XII в. — № XXXIII; в пространной редакции слово отсутствует; в Хил. — под № 42 на л. 201—208 об. с тем же заглавием, что и в Хлуд.

Все три списка — Мих., Хлуд. и Хил. — оказываются приблизительно в том же соотношении, как в случае со словами о втором пришествии. Они содержат один и тот же перевод; редакционные их различия незначительны. Хил. отличается от Мих. и Хлуд. некоторыми лексико-синтаксическими особенностями и добавлением отдельных слов. По сравнению с Хлуд. Хил. сохраняет в большей степени первичный текст. Несколько примеров: л. 38d, строки 11—12: «метежнаго народа» Мих.; «метежнаго рода» Хлуд., «народнаго метежа» Хил.; строка 13: «храмины» Мих., Хлуд., «хызь» Хил.; л. 39a, строки 1—4: «абию въ постѣ. . . млрдоу ѿцоу. . . оучителю. . . ль» Мих.; «абию въ пови выложили аки млрдоу ѿцоу и хитро

¹⁵ Вл. Мошин. Гирилски рукописи. . . , с. 82.

¹⁶ Тр. Отд. древнерусской литературы, т. XXXII

оучителю. спсь него пороучиль» Хлуд.; «абие въ постѣи роуцѣ него вложи аки мрдоу шдоу и хытроу оучителю и тихоу. спсьние ъмоу пороучае» Хил.; строки 28—29: «житые притоужно» Мих., Хлуд.; «жити бѣды» Хил.; л. 39а, строки 11—14: «такъ <не плакав се> просто нь пкав' се гор'ко то како есть <силнага рече>» Мих., Хлуд.; «такъ не плака се просто нь плакав се горко. силы же слъзные рече» Хил.

В Гомир, л. 65 об.—72 об., это слово помещено под тем же заглавием и является третьим (согласно описанию Мошина) по порядку среди слов на вторую неделю поста (четвертым, если примем во внимание указанное здесь под № VI). В Мих. оно предназначено соответственно для третьей недели поста.

VIII. *Листы 43а—46а. Начало:* Въ не д̄ <поста> Івана архієпіа Константина града. *Конец:* . . . цемь своим. . . постію своею.]

Это слово встречается в славянских рукописях под заголовком: «Іоана Златоустаго слово ѡ оубогыхъ и ѡ богатыхъ и ѡ показании грѣхъ». Начало: «Травници имоуть многы различныя цвѣты. Сѡвы на веселии ѡчима» Хил.

Принадлежит к сомнительным Златоустовым произведениям. Греческий текст: Migne. Patr. gr., t. 60, col. 707—712.

Списки слова находятся во всех редакциях Златоуструя. В кратком Златоуструе — под № LXVIII, в полном — под № 82; в Хил. — № 7, л. 54—56 об. Кроме Златоуструя, оно включено в Гомир, на третью неделю поста, на л. 72 об.—76, под заголовком: «Въ неделю г̄. поста Іван'на архієпископа Константина града слово о нищих, и ѡ богатихъ». Начало: «Трав'ници имоуть многы различныя цвѣты»; в Тр., на л. 14—19, с заголовком: «Слово отъ книги св. Исухіа».

Сопоставление Мих. и Хил. показывает, что здесь мы имеем две самостоятельные литературные редакции текста, сходные только в первой части (Мих., л. 43—44, строка 33; Хил., л. 55—55 об.), но принадлежащие к различным переводам. С л. 44, строки 33: «Саоуле Саоул. . . ѡль же ѡбра. . . ты ієси г̄и. . . ієсмь Ісь іег» Мих. обнаруживает близость только с греческим текстом и следует за ним с известными редакционными отклонениями. Следует предположить, что в Гомир обнаруживается та же литературная редакция, что и в Мих.

IX. *Листы 46d—51а, без л. 49, 50. Начало:* . . . ть. что дѣш. . . кынкь члвко. . . оуцимь. *Конец:* . . . дали боудете. . . ли єдиному свѣ. . . оужегли въ др.

Сохранившаяся часть заголовка расположена на последних трех строках л. 43а. В описании Мих. (Cirilski rukopisi, с. 96) для этого слова указано следующее заглавие: «В не(делю) д̄ поста. . . светаго Іѡана архієпископа Константина града Златоустаго слово о Саулѣ». Слово «Саулѣ» незаметно, по крайней мере в тексте, который представлен фототипическим изданием (л. 46d). У Иоанна Златоуста есть проповеди о Сауле, но они не имеют ничего общего с нашим словом. Действительно, это имя появляется на л. 44а, строка 33, но там оно означает не библейского Саула, а языческое имя апостола Павла.

Едиственный список, с помощью которого идентифицируется текст, помещен в Гомир на л. 76 об.—81: «Въ тьжде д(ь)нь бл(а)женаго Ев'сева слово о с(ве)том еже хвалити б(ог)а болѣщому и ѡ Іѡвѣ». Начало: «Въ єдинь ѡт д(ь)ни изаждь изь др(ь)квѣ Алаѣ ан'дрь и видѣ въ хранивѣ етера чл(овѣ)ка на ѡдрѣ сьлѣжеща». В Гомир это произведение, припи-

сываемое Евсевию, предназначено на третью неделю поста. В Мих. соответственно — на четвертую неделю. В других великопостных сборниках оно не встречается. Греческий текст см.: *Migne. Patr. gr., t. 86, col. 332—341.*

Х. Листы 51d—59a. Начало: . . . <и не въ тлѣющеюу> жизнь и шдеждоу <шдевае> подоба же бѣ. *Конец:* . . . соуть наша. . . жизни. д.

Отрывки принадлежат одному Златоустову поучению об умирающих.

В Хлуд. слово помещено на л. 24 об.—33 об.: «В соу мепоуноу Иѡана Златоуго. сло на оумирающими. и ѡ оутѣшени и хвалѣ бѣжи. и ѡ възбранени безгоднаго плача невѣрныхъ». Начало: «Прьваго члѣва бѣ створы. съ в'сею т'варью. и паче в'се твары почтѣ нѣмоу створы». Между листами 33 и 34 выпал один лист, на котором был конец слова. Другой список: Гомир, л. 81—91 об.: «Въ нед. д. поста Иѡан'на Златоустаго слово над оумирающими и ѡ оутешени хвалѣ б(о)жи и ѡ възбранени без'год'наго плача невѣрныхъ».

Сравнение текстов фрагментов и Хлуд. показывает большую близость между ними. Разночтения единичны, и текст Мих. восстанавливается очень хорошо вплоть до л. 33, строка 14, после чего в Хлуд. следует пропуск. И это слово не имеет точно фиксированного места в великопостных сборниках. В более поздних рукописях оно встречается изредка и случайно. В основных упоминавшихся здесь златоструйных редакциях оно отсутствует. В одном сборнике XV в. русского письма, близком по содержанию к Златострую,¹⁶ оно помещено под № 62 и предназначено для субботы на пятидесятницу. В Мих. как будто — на пятую неделю поста.

XI. *Листы 59d—61a.* <Въ не^д с¹⁷ поста. <Иѡан^н Златоустаго. <похвала ѡ стыхъ мнѣцѣхъ. ѡ>че блви. *Начало:* <Блговрѣ>меньнѣ оубо да <рекоу блгть бѣжию. ѡ не<исповѣ>димымъ юго да<рѣ. м'нога бо ѡбчи<нают'> се трѣхъства <и чудеса>. *Конец:* . . . <ѡвѣ>ка плѣнн<ие мко прѣ> свободиихъ. порабощен>ное шетьство грѣхомъ искоу>пихъ. м<рвые по раз>роушени <телесе>.

Среди рассмотренных рукописей вышеуказанная похвала содержится только в Хлуд. и Гомир. Хлуд., л. 34—36: «В не^д е^п по Иѡан^н Златоуго. пхвала ѡ стихъ мнѣцѣхъ»; Гомир, л. 91 об.—94: «Въ нед. е. поста с(ве)таго Иѡанна Златоустаго похвала ѡ с(ве)тых м(оу)ченицѣхъ».

Сопоставление Мих. и Хил. показывает, что их тексты принадлежат одному и тому же переводу. Различия между ними незначительны. В Хлуд. встречаются некоторые более новые языковые формы. Лексических различий почти нет, и фрагменты восстанавливаются с помощью Хлуд. очень хорошо.

¹⁶ Рукопись библиотеки Троице-Сергиевой лавры, № 145, л. 72—83 об. (см.: Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. 1, с. 114).

¹⁷ Вл. Мошин читает г̄ и относит слово к третьей неделе, но в рукописи ясно очерчена и не возбуждает сомнений часть буквы Ѣ. И здесь, как и выше, в обозначениях недель сдвиг на единицу вперед. Но шестая неделя поста — вербное воскресенье, и для этого дня Мих. имеет другие произведения. Несомненно, в первичной великопостной подборке похвала Иоанна Златоуста была предназначена на пятую неделю поста, — так же как и в Хлуд., и в Гомир. Причина смещения недель в Мих. неясна. Было бы чрезмерным искать в данном случае влияние числового значения букв глаголической азбуки. Вероятно, мы имеем дело со случайной ошибкой.

XII. *Листы 61d—68a. Начало:* . . . не оусыпае ꙗки ниже чрѣво на «молитвѣ бдѣти». *Конец:* . . . ѿгда възидеши на висоту добрыхъ дѣтели. тогда ти грѣблѣеть храни ти се. падыи «бо се на землѣ сꙗко воста несть».

Произведение, помещенное на обрывках л. 61d—68a, также оказалось «нетипичным» для известных нам великопостных подборок. Это назидательное слово «патеричного» типа, вышедшее из-под пера синайского монаха Нила. В Гомир, и в этом случае сходном с Мих., оно находится на л. 94—103 об.: «Въ тѣжде д(ь)нь Нила философа слово ѿ ѿсмы помышлени». Начало: «Начет'къ ѿс(тъ) плодѣносию цвѣтъ и начет'къ ѿс(тъ) добродѣяно оутврѣждение». Греческий текст см.: *Migne. Patr. gr., t. 79, col. 1436—1472.*

Слово Нила Синайского имеет несколько славянских переводов, входящих к различным греческим редакциям, и встречается чаще всего в монашеских сборниках смешанного содержания.¹⁸ Один из переводов, более новый по сравнению с сохранившимся в Мих., но отражающий тот же греческий оригинал, помещается в известном сборнике Лаврентия 1348 г., л. 83 об.—93 об.: «Нила философа ѿ ѿ помышлени». Начало: «Начатокъ плодѣносию цвѣтъ и начатокъ добродѣтѣлемъ въздрѣжаніе». Так как у нас не было под рукою текста Гомир, для восстановления Мих. был использован список 1348 г.¹⁹

Это небольшое по объему произведение разделено на 8 самостоятельных слов с внутренней нумерацией. На л. 62d помещается часть второго слова — «О любодѣяно», с началом: «Цѣломудрие раждае въздрѣжаніе» (по сборнику Лаврентия). Сохранившийся текст: «. . . на трѣгъ» вѣ. ни въ празники»; на л. 63 а — «о сребролюбѣи. слово. г.». Начало: «Сребролюбіе корѣнь єсть «всемъ зломъ»; л. 64а — часть слова четвертого «Съ гнѣвъ». Начало: «Гнѣвъ страсть єсть неистова» (по сборнику Лаврентия). Сохранившийся текст: «. . . оума мирна» помышлениа гнѣвлива»; на л. 65а: «О печалѣ слово е». Начало: «Печаль єсть сѣтованіе» дше. и съ «ставлѣет» се ѿ помышлениа гнѣва»; л. 66а — «. . . ѿ оуныни с(лов)ъ с». Начало: «Оунынь єсть немошь дше» нага. не можеть дша»; л. 66а — часть седьмого слова «О тѣщеслави. з.». Начало: «Тѣщеславиє страсть несмыслѣна» (по сборнику Лаврентия). Сохранившийся текст: «. . . от. . . женааго. и тѣ. . . гоубить добры» — не имеет точного соответствия в Лаврентьевском сборнике. Лист 67а — часть восьмого слова «О грѣдыни ѿ». Начало: «Грѣдыни єсть дѣмненіе дшж гноа шльно» (по сборнику Лаврентия). Сохранившийся текст: «. . . выше ѿ облакъ въ хоудиши» посѣти єства свѣго тако землѣ ѿси и пепел'».

XIII. *Листы 68d—70a. Начало:* . . . и мьꙗкоу пищоу «млѣка тако» же ѿгда съсѣда «ет' се млѣко.» оусырѣе. *Конец:* . . . «врат мѣд» на испроврѣгши. зак' ле «пы желѣз» киє сѣрыши».

Еще Вондрак установил, что указанные фрагменты принадлежат Слову о Лазаревом воскрешении Иоанна Златоуста, находящемуся и в Супр. (с. 312—319, по изданию Северьянова). Из рассмотренных рукописей оно обнаруживается также: Хлуд., л. 36—38 об.: «Стаго Ица Злоуста ѿ четверѣдньнемъ Лазари». Начало: «ѿко се мти чедолюбыва. подавши съсь младѣн'цоу»; Гомир, л. 103 об.—106: «С(ве)таго Іоанна Зла-

¹⁸ Последний по времени перевод выполнен Паисием Величковским. Его список хранится в библиотеке Рильского монастыря под № 3/16 (97).

¹⁹ Текст сборника Лаврентия использую по предоставленному мне проф. К. Куевым микрофильму, за что выражаю ему благодарность.

тоустаго слово ѡ четврѣд(ь)нев'нѣмъ Лазари». Начало: «И҃ѡ мати чедолюбива, подаваше съсь мл(а)д(ь)нѣѡу и вѣселит се». Греческий текст см.: Migne. Patr. gr., t. 61, col. 775—778.

Списки Мих., Хлуд. и Супр. восходят к одному и тому же переводу, но имеют некоторые редакционные различия. Хлуд. отличается поновлением языковых форм и некоторыми отклонениями в лексике.

XIV. *Листы 70d—72a. Начало:* . . . «и паки посѣтилъ есѣтъ насъ вѣстокъ съ вѣше просъ вѣтити сѣдеше «е въ тмѣ и» въ сѣни смртнѣ си. Лазарь» же рече к нимъ. *Конец:* . . . «присно» бо дше праведникихъ въ рѣѡу бжю. и не коснет сѧ изъ мж»ка. небонь добрѣамъ дѣла прѣдъведшею друогы боу створиша».

Это — часть Слова о Лазаревом воскресении, которое помещено в Ягич и Гомир. Ягич, л. 149 об.—155: «Слѡвоу стаго Иѡана Златѡустаго на в'скрѣщеніе Лазарево». Начало: «Придѣте възлюбении стрѣци паче сѣще говѣнны хѡлюбци и насладите сѧ дне неизреченныа радости»; Гомир, л. 106—108 об.: «Въ тѣжде д(ь)нѣ слово на вѣскрѣшеніе Лазарѣво». Начало: «Придѣте възлюбении христороуб'ци, паче же говѣини соущей Х(ристо)люб'ци, и насладити се д(ь)н(ь)сѣ неизреченіе радости».

В славянских рукописях это слово анонимно или приписывается Иоанну Златоусту, но пока не открыт его первоисточник в византийской проповеднической литературе. Есть серьезные основания причислять его к оригинальным древнеболгарским сочинениям как возможное произведение Климента Охридского.²⁰

Тексты Мих. и Ягич очень близки между собой, с незначительными различиями в синтаксисе и несколькими лексическими вариантами. Так как в Мих. не сохранился конец слова, невозможно определить, содержал ли он похвалу Лазарю, которая отличает список Ягич от всех остальных списков этого произведения.

XV. *Листы 72d—74a. Начало:* . . . «самовидцѣ погребенію и в'скрѣсенію. ꙗкоже Іѡанъ «унлистъ» ѡсно исповѣдаѣтъ «глаголю». *Конец:* . . . «блѣгословенъ гредѣши въ имѣ гнѣ» прѣ ꙗзль. мсирь на земли и слава в' вышнихъ блгнѣ пришьдыи вѡновити члвчѣ ѡства и сптѣи погыбшаго».

На л. 72d—74a помещены части похвалы Климента Охридского на Лазарево воскресение.²¹ Из отмеченных уже рукописей она встречается только в Гомир, л. 108 об.—111 об.: «Въ тѣжде д(ь)нѣ слово похвал'но ѡ четврѣд(ь)нев'нѣмъ Лазары». Начало: «Се прѣтѣчетъ свѣтлозар'ное трѣжество Х(ристо)ва вѣскрсеніа».

В Мих. это популярное произведение Климента Охридского сохранилось в неизвестной доселе редакции, которая объединяет особенности двух известных версий, представленных в издании сочинений Климента (так называемые первичная и вторичная версии). Следует предположить, что сходный текст находится и в Гомир.

XVI. *Листы 74d—76d. Начало:* «и блѣгольп'ному прѣмѣненію. и съ аплы «поуть створы»мъ. вѣсѣдѣшоу «моу на нѣѡ». *Конец:* . . . и с' «мрть раздроушит се. и въ нельжнныи снѣ божии вѣроуиме. «в'коупъ поклоним' «сѧ ѡѡѡу и сноу «и стомоу дх»оу. и ннѣ и при «сно и въ вѣка аминь».

Фрагменты содержат Слово на вербное воскресенье Иоанна Златоуста. Греческий текст: M i g n e. Patr. gr., t. 59, col. 703—708. Последнее

²⁰ К л и м е н т О х р и д с к и. Събрани съчинения, т. II (в печати).

²¹ Там же, т. I, с. 548—585.

издание: Е. Благова. τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινίου πόλεως λόγος εἰς τὰ Βαΐα. Начало: Ἐκ θαυμάτων ἐπὶ τὰ θαύματα βαδισοίμεν ἀδελφοί...

В славянской книжности эта гомилия существует в нескольких редакциях. Текст, одинаковый с текстом Мих., опубликован Е. Благовой²² по русской рукописи XVI в., хранящейся в ГБЛ, ф. 173, № 47, л. 493 об. — 498 об.: «В не(д)цвѣ(т)и(ж) въ сты(х) оца нашего ꙗꙗ архип(с)па Кон'стан'тина града. зла(т) устаго слово на цвѣтноую. не(д)лю бл(с)вии ѡ(ч)». Начало: «Ѡ чудесь на чудеса гнд идѣмь братче». Для разночтений к изданию Благовой привлечены Хлуд., Мих. и Клоц. В Хлуд. список находится на л. 38 об.—47 об., и текст тождествен Мих. до л. 41 об. Последние три строки Мих., л. 76a и 76d, не имеют соответствия в Хлуд., где текст продолжается вплоть до л. 47 об. Редакция, отличная от помещенной в Мих., находится в Супр. — с. 318—332 издания. В Гомир это же слово расположено на л. 111 об.—115 об.: «Прѣподоб'наго ѡ(т)ца нашего Іѡан'на Златоустаго слово въ неделю цвѣтносноую». Начало: «Ѡт чуд(е)сь на чуд(е)са г(оспод)на идѣмь братче».

XVII. Листы 76d—78d. «Въ тѣждѣ днь сѣво <на врѣ>бнцоу. Начало: «Днь съзываетъ ниѣ братче свѣтозар'ныи апль Пав'ль на радость дховноую. Конец: <блгословенъ греди> и въ име гне. сла'виамъ прино съ ѡцмъ и стымъ дхомъ томоу слава в' вѣк вѣк».

В качестве второго слова на вербное воскресенье помещено произведение Климента Охридского,²³ но без имени автора. То же слово находится и в Ягич, и в Гомир. Ягич, л. 155—159 об.: «Слову стгу Иѡана Златоустаго в не цвѣтнжж». Начало: «Днь съзываетъ ниѣ братие свѣтозар'ныи апль на радость дховнжж»; Гомир, л. 115б—118б: «Въ тѣжде д(ь)нь слово на с(ве)тоую врѣ'ницоу». Начало: «Д(ь)н(ь)сь съзываетъ' ниѣ братие свѣтозар'ны ап(осто)ль Пав'ль».

Сопоставление с напечатанным текстом²⁴ и приведенными к нему вариантами показывает, что Мих. отличается только некоторыми изменениями в порядке слов и несколькими лексическими разночтениями.

XVIII. Листы 78d—82d. «Въ велики по'недельник светаго Іѡана Злаоуаго слово ѡ калканиѣ, ѡ Іѡсифѣ и ѡ попѣ и ѡ Д'кавидѣ». Начало: «Всѣмъ намъ по рѣдѣ. на части» пѣ поѣ приводе <блаженны> Двѣдъ. Конец: ... прѣщен'къ съ възв'тижмъ смѣсив'».

Вондрак находит это же слово и в Супр. (с. 354—367, по изданию Северьянова). В остальных используемых здесь рукописях оно встречается только в Гомир — л. 118б.—125: «Въ с(ве)ты велики понед. Іѡанна Златоустаго слово о Іѡсифе, и о попѣ и о Д(а)в(и)дѣ». Начало: «Всѣмъ намъ по рѣдоу начети пѣс(нь) поѣ провидѣ бл(а)жен'ны Д(а)в(и)дѣ». Греческий текст см.: M i g n e. Patr. gr., t. 59, col. 586.

Сопоставление текста фрагментов и Супр. показывает, что Мих. и Супр. содержат одну и ту же редакцию слова и имеют небольшое число разночтений.

²² Е. Bláhová. Die erste altkirchenslavische Übersetzung der Chrysostomus-Homilie 'Εκ θαυμάτων ἐπὶ τὰ θαύματα. — Anzeiger f. slavische Philol. Wiesbaden, 1969, Bd III, S. 88—92.

²³ К л и м е н т О х р и д с к и. Събрани съчинения, т. I, с. 586—597.

²⁴ В качестве основного текста для издания использован список XII в. по рукописи ГИБ, F. I. 46.

Между обрывком л. 82 и первым сохранившимся листом 83 утрачены листы. Согласно указаниям Вл. Мошина, исходившего из внешнего вида рукописи, здесь выпал только один лист, но ниже он допускает возможность отсутствия целой тетради.²⁵ На л. 83 помещено (без начала) Слово о блуднице, предназначенное на великую среду. Если обратиться к Гомир, то можно видеть, что в его составе между вышеупомянутым словом на великий понедельник и словом на великую среду помещены три (или четыре) произведения, а именно — еще одна гомилия на великий понедельник (к ней здесь прибавлено без самостоятельного заглавия краткое слово — избличение блудной жены), одна — на великий вторник и первое слово — на великую среду. Листы 125—127: «Въ тѣжде д(ь)нь слово Іуанна Златоустаго ѿ смоквы». Начало: «Понѣже прѣжде сказахомъ ѿ смоквы, се пакы любымици недокон'чан'на прѣдлежить». На л. 125 об. к тому же слову: «. . . ѿ женѣ блоуд'ней. Мед' бо рече каплетъ ѿт оустъ женѣ блоуд'не»; л. 127—131б: «Во с(ве)ты вѣлики в'торник Іуан'на Златоустаго слово ѿ дѣсетых д(ѣ)виць и о прилюб'лени оубогых». Начало: «Егда жиз'ни скорое скон'чане разоумѣю, илѣтъ кон'скы тѣкоушь кроуть»; л. 131 об.—134: «Въ с(ве)тоую вѣликоу срѣдоу Іуан'на Златоустаго слово ѿ блоуд'ници». Начало: «На всако врѣме добро сп(а)сно покаание дрѣжешим се его».

XIX. *Листы 83а—85д. Начало:* . . .пристоупаѣтъ. пѣготовивихъ не ѿгонитъ. нь все коушѣ шедротами приемлетъ. *Конец:* . . .грѣси ихъже ты миши мене невѣдоуща ѿставет се ѿи. понеже вари прѣвѣе ѿвити любовь ѿ прошения. мало любещоумоу много пращаѣтъ се всегда и ныѣ.

Названное слово на великую среду помещено в Гомир на л. 134—141 со следующим заглавием: «Въ тѣжде д(ь)нь слово бл(а)жен'наго Ефрема ѿ блудницы». Начало: «Многомъ соуцимъ преподобнимъ и достоинимъ б(ого)вы, хвалѣщим ч(ь)стно прѣс(ве)таго вл(ад)и(ко)у». Эта же гомилия помещена и в Ягич на л. 159 об.—171: «Слѣвоу стѣго Іуана Златоустаго ѿ срѣ^д великѣ недѣлѣ. о блѣдни». Начало: «Многомъ стѣымъ сѣщемъ бжиемъ». В Ягич содержится другой перевод и конец слова расширен по сравнению с Мих. Отдельные пассажи этой гомилии обнаруживают сходство с помещенным в Супр. и в Гомир другим произведением на великую среду с началом: «На всѣко врѣма добро и спасно покаание».

* * *

Таким образом, исследование обрывков л. 21—82 дает следующие результаты.

1. К известным до сих пор 54 гомилиям, входящим в состав Мих., прибавляются еще 19. Сохранившиеся части текста, какими бы незначительными они ни были, позволяют судить о характере перевода, что дает возможность подобрать подходящий список той же редакции, а с его помощью — успешно восстановить утраченный текст.

2. Идентификация фрагментов показала, что в поврежденной части Мих. помещался комплекс великопостных гомилий. По характеру и языковым особенностям слова этого цикла полностью соответствуют гомилиям на страстную седмицу и пасху, сохранившимся в классических старобол-

²⁵ Относительно состава Мих. (утраты между л. 57 и 58 и сохранившегося л. 1 — по нумерации в описании) Вл. Мошин замечает: «На следующих листах находились слова на великий вторник и на великую среду (они начинались на утраченных частях). Текст переходит на л. 1». (Vl. M o š i n. *Ćirilski rukopisi, I dio, s. 97*).

гарских памятниках. Великопостный цикл, засвидетельствованный в Мих., восходит к начальному периоду славянской книжности. Существование такого цикла в староболгарской переводной литературе предполагалось славистами, но до сих пор не было никаких надежных данных о его составе как целого. Исследование сходных по типу с Мих. рукописей привлекло наше внимание к одной сравнительно поздней (второй половине XVI в.) рукописи — Гомир. В ней как будто сохраняется целиком текст, восходящий к архаической гомилетической подборке. Будущее изучение покажет, сохранил ли Гомир и в лингвистическом отношении ту же древность, какую он обнаруживает в своем составе.

3. Особенностью великопостного цикла, каким он представлен по Мих. и сходным с ним рукописям,²⁶ является самостоятельность составляющих его произведений. Они не принадлежат одному и тому же автору и не имеют целостного характера — они созданы не специально для воскресений четырехдесятницы, а приспособлены к ним позже, сообразно с развитием праздника и предназначения каждого воскресенья великого поста. Тема поста и покаяния — связующая их нить — разработана более или менее общо, часто в экзегетическом плане, а назидательный тон уступает место риторическому.

4. Сопоставление Мих. с текстами группы рукописей того же или подобного типа (Супр., Клоц., Хлуд., Ягич) и с описанием Гомир дает нам представление о составе в целом так называемого «триодного цикла» (охватывающего праздники, связанные с пасхой) в староболгарскую эпоху.²⁷

А. Подготовительные недели от недели блудного сына (все еще с названием «преждемясопустная», как и в типике цареградской великой церкви) до сыропустной недели. Для каждой из них помещены две или три проповеди. Вообще сюда включены четыре слова Ефрема Сирина и три Иоанна Златоуста. Одно из них — на мясопустную неделю — встречается и в Рильских глаголических листках.

Б. Великопостный цикл охватывает только воскресные дни. Помещенные здесь слова или не встречаются ни в какой другой великопостной подборке, или, если и встречаются, предназначаются на другие дни. Они еще не связаны с названием воскресений и тематически не зависят от этих названий, находившихся у нас в IX—X вв. в процессе утверждения (первое воскресенье — православия, третье — крестопоклонное и т. д.). Для всякого воскресенья имеется по меньшей мере два слова (только для четвертого воскресенья одно, но очень объемистое). К гомилиям прибавлены и слова из патерика, которые не встречаются в других великопостных подборках.

В. Предпасхальный цикл (от лазаревой субботы до великой пятницы) включает слова на каждый день, обыкновенно по два (для лазарева воскресения — три, из которых одно точно, а другое предположительно принадлежит Клименту, а для великой пятницы — четыре). Начиная с великого четверга и далее текст в Мих. сохранен полностью.

Г. На великую субботу и на пасху имеется 6 слов, среди которых одно — славянское (начало: «Дньсь възлюблени»), приписываемое Клименту

²⁶ Этот цикл не получил у нас широкого распространения. Кроме него, известна была в староболгарскую эпоху и другая великопостная подборка, славянская по происхождению, охватывающая 6 слов мясопустной недели до четвертой недели поста. Нравственно-назидательные, катехизические по типу, славянские поучения второго цикла причисляются предположительно к произведениям Климента Охридского, см.: К л и м е н т О х р и д с к и. Собр. съч., т. II (в печати).

²⁷ Порядок слов дается по Гомир, так как в Мих. сбита последовательность помещенных проповедей.

Охридскому. Отличительной чертой пасхальных гомилий этого типа является включение одной архаичной редакции Никодимова евангелия в число других слов на великую субботу.

Д. В первоначальную гомилетическую подборку не включены проповеди на каждый день светлой седмицы, а из послепасхальных воскресений имеется только для Фоминой недели, пятидесятницы и недели всех святых. На Фомину неделю помещены два слова, на праздник преполовения — тоже два, на вознесение — три, на субботу перед пятидесятницей (посвященной умершим) — два слова, на саму пятидесятницу — три и на неделю всех святых, которая завершает триодный цикл, — одно слово.

5. Несомненный интерес представляет для нас группа слов, связывающих Мих. с Симеоновым Златоструем.²⁸ Их 8, и только одно из них обнаруживается в сохранившейся части рукописи — на л. 150 об., — и то не как самостоятельное произведение, а как заключительная часть Слова на Фомину неделю (начало: «Мнози се слышавшеи глаголють»);²⁹ Впрочем, и греческий оригинал слова не является самостоятельным произведением, а представляет собой нравоучительную часть 87-й беседы Евангелия от Иоанна. Славянский текст, значительно измененный по сравнению с греческим, встречается в двух более древних редакциях Златоструя — в краткой под № LXV (по Малинину)³⁰ и Хилендарском златоструе (Хил.) под № 6.

Остальные 7 слов, тематически связанные с мотивом поста и покаяния, отнесены к подготовительным и великопостным воскресениям до третьего воскресения включительно. С точки зрения отношения текстов этих слов к Мих. они делятся на две группы. К первой относятся слова, обозначенные здесь № I, II, III и VII, которые и в Мих., и в соответствующих редакциях Златоструя восходят к одному и тому же переводу и имеют сравнительно незначительные отличия. Ко второй группе относятся слова, обозначенные здесь № V, VI и VIII, которые принадлежат к различным литературным версиям и сближаются лишь частично. Более полное изучение отношения между Мих. как представителем архаических гомиляриев и Златоструем во всех известных его редакциях поможет выяснению все еще спорного вопроса о первообразе Симеонова Златоструя.

6. Восстановление фрагментов дает нам новые факты и о книжной деятельности Климента Охридского. Помещенный в Мих. список Похвального слова на вербное воскресенье является старейшим южнославянским списком, а Похвальное слово на воскресение Лазаря представлено в Мих. в одной неизвестной до сих пор редакции, являющей собой важный этап в истории этого популярного сочинения Климента.

Установление слов, которые находились на пропавших или частично уничтоженных листах, имеет существенное значение для полного текстологического исследования памятника. Не менее важно восстановить и текст фрагментов, чтобы выяснить его смысл, расчленив синтаксически и семантически. Этого можно добиться двумя путями. Во-первых, опубликовав параллельно тексты фрагментов и полный текст (по другому списку), что было бы легче для издателя, но послужило бы только как первичный материал для языковых исследований. Во-вторых, восполняя последовательно утраченный текст. В нашем случае, при наличии подходящих близких списков, второй способ оказался более удобным.

²⁸ Как известно, Златоструй в первичном составе не дошел до нас. В настоящей работе используются три позднейшие редакции — Краткий Златоструй по списку XII в., Полный Златоструй (по исследованию Малинина) и прежде всего — сербский список XIII в., который здесь обозначен как Хил.

²⁹ См.: Д. И в а н о в а - М и р ч е в а. Хомиларѣт на Миханович, с. 389.

³⁰ В. Н. М а л и н и н. Исследование Златоструя. . ., с. 104—105.

Нужно иметь в виду следующее.

1. Так как здесь издаются не тексты произведений, а наличные части определенной рукописи, промежуточные тексты, расположенные на полностью уничтоженных столбцах, не воссоздаются.

2. Реконструкция памятника не допускается. Пропавшие части строки восполняются по списку Хлуд. Издание призвано отразить лишь реально существующие тексты — Мих. и восполняющей его рукописи, соединенные, для чего текст, восполненный по Хлуд., заключается в угловые скобки. Все замечания о предположительных формах даны в примечаниях. В случаях несоответствия между характером сокращения неполностью сохранившихся слов или в случаях различий в порядке слов в восстанавливаемом тексте и тексте-восстановителе употребляются квадратные скобки.

3. Текст восстанавливается с той стороны, с какой он оторван, т. е. колонки «а» пополняются справа, а колонки «д» — слева.

4. Цифры в разночтениях обозначают строки в данной колонке.

Восстановление всех фрагментов будет предметом другой работы, поэтому здесь в качестве приложения публикуется только одно из слов — О втором пришествии, помещенное в Мих. на фрагментах л. 21d — 50a. Разночтения приведены по Хилендарскому Златострую (Хил.). В разночтениях указываются как лексические, так и фонетические и грамматические различия, так как правописание в Хлуд. отличается от Мих.

Лист 21d

- ¹ <Въ не^а> в̄. поста
<ста^а ѡца наше>го. Ицана
<Златоуста>г^а слово ѡ въ
<тором при>шествии хв̄ѣ.
- ⁵ <По възнесени> гни ѡже на
<нба. и оу>чеником в'
<зырающи>мъ на нбо.
и се гави се имь англ̄ь гъ
<гле чт>о стоите зре
- ¹⁰ <ще на нбо. се Ис̄ъ> възносеи се
<Ѡ ва^а на нбо. пр̄ид̄ѣте оубо
<и повѣмь вамь> како боу
<деть страш'ноѡе ѡг>о пришьст'
<виѡ ѡблачаѡе всако дыха
- ¹⁵ <ниѡ. гавит' бо> се пр̄в̄ѣѡе
<знамениѡ сна чл>вча. на
<нем'же распет' се> носимь
<англ̄ь блъстѡще се> ѡко м'
<льнига. и пр̄ѣ^а н>имь Ми
- ²⁰ <хаиль трoубеи и възбоужда
<ѡ оусып'шеѡ. Ѡ А>дама до
<кон'чанига вѣка>. и в̄ста
<ноуть мртви. ѡко> Ѡ сна Ѡ
<гроба. ѡкоже ре^а бл̄>женни

- 25 <Пав'ль тако въс>троубит'.
 <и мр'тви въстано>уть прѣ
 <же въ непрѣсѣчен>нѣ часѣ.
 <в'ръженіемъ ѡче>се. и сбе
 <роут' се Ѡ четырехъ кон>ъць все
 30 <леную на юдо>ль пла
 <ча. весь ро^а члвчъ т>оу таве
 <т' се соудища рѣк>а ѡгнѣ
 <пльна. англи люти>и не
 <млтиви. и когожд>о дѣла
 35 <станоуть ѡкрѣть> ѡ>дрь

Лист 22а

- 1 жещеє грѣш'ники. нбо>
 ищез'нетъ. <бгат'ство ниг>
 дѣже не тави<т' се. звѣзи>
 аки листви<е спадоуть с нбсь.>
 5 вса мимохо<деть аки сѣнь.>
 никтоже н<икому>же може>
 ть помощи. <ни Ѡць сноу.>
 ни мти дь<щери. ни бгат'>
 ство сбрав<шюмоу е. ни>
 10 рабъ гноу. <нъ все наго ѡб>
 личено бо<удеть и Ѡврь>
 зоут се нб<са и снѣ бжи>
 гредеть. <по^а облаком не>
 беснымъ. съ силою и сла>
 15 вою многою. и Сиѡнъ е>
 рлмь нб<ни. и поставле>
 на боуде<та вѣ прѣстолю>
 оучени<комъ. и самъ тако>
 мльнии <авляемъ. Ѡ въ>
 20 стокъ до <западъ. и Ѡ стра>
 ха него и<Ѡ запрѣщениа>
 нба съвикют' се. англи тре>
 пещоуть<. земля въстресе>
 т се. гор<ы възимет' се>
 25 и вса твар<ь сколабляет' се. рѣ>
 ка ѡгнн<а готовит' се при>
 ети грѣш'ники. чрви>
 е жидоущ[e] <члвки и кр'ве ихъ. ть>
 ма свѣта <не имоущи. [и гро]>
 30 за топлот<ы [не имоущиа].>
 смотри оу<бо въз'люб'лен'не стра>
 ха того. <англи же не съгрѣ>
 пьше нич<имже. трепе>
 щоуть дн<е того. как стра>
 35 хь прим<еть грѣшники>
 36 въ ть днѣ <траш'ни.>

Лист 22d

- 1 <да вси без' ѡс>оуждениа
 <станем на с>трашнѣмъ
 <соудиши. оу>боите се дне
 <того. въ нѣж'е имать па
 5 <стирь ѡв'це ѡ>десноу себ'ъ.
 <реть десн[ы]имъ. гре
 <дѣте блвни> ѡца моего.
 <наслѣдоуите оуготова
 <но вамъ цртв'иѣ нбноѣ.
 10 <прѣже створе>ниа мира
 <сего. помисли> оубо блгт'
 <и дрзновениѣ> то. ѣже п'
 <ри англѣхъ. и> пррцѣхъ и
 <аплѣхъ. слыше>щааго та
 15 <кова словесе.> почто к'
 <снишь почто ж>диши не
 <даѣ ницимъ.> ѣже бо тѣ
 <мъ даѣши боу> даѣши.
 <такъ бо аще [кто] ст>ворить ѣ
 20 <диномоу Ѱ мал'ыихъ сих'.
 <то мнѣ створилъ ѣсть.
 <такоже же Ѱ>гнещеи
 <оубогыѣ. Ха Ѱ>гнали соу
 <тѣ. тѣго ради ѣ> постави
 25 <тѣ [ѣ] ѡшоую.> и такоже
 <ѡни прогнаше> оубгыѣ.
 <такоже и г>ъ проженет'
 <ѣ глѣ. идѣт>е Ѱ мене пр'
 <клети. идѣ>же ѣсть на'
 30 <чѣ и ск'режетъ зо>убомъ. по
 <мысли троудъ тѣ.> ѣже пр'
 <англѣхъ и наро>дѣ. и здѣ
 <бо аще ѡбличенъ> боуде' кто
 <въ нѣкоюмъ> грѣсѣ.
 35 <при ѣдиноомъ дро>узѣ. то к'
 36 <лико се срамлаѣ>тъ лицем'.

Лист 23a

- 1 како не хоче' <из'лѣсти напрѣ'.>
 <колико моли>тъ дроугы свое>
 <и соусѣды и >оужики стоу>
 <да дѣльма. <ѡ нем'же ѡбли>
 5 <чень бы. п>омисли же т[ы]
 <и стоуда ѡ>ного. идѣже т'
 <мы англъ станоутъ и>
 <чинии прр<ч'сци и лица>

- англицѣ. <множст'во мѣ>
 10 ченикъ бекчисльно и в'>
 сачьский <миръ и реть>
 соудии Ѡидѣте Ѡ мене про>
 клегии. <алькахъ бо се и не да>
 сте ми гксти. въжеда^х
 15 бо се и не нкапоисте ме. бо>
 лна не посѣтисте ме^х. [на>
 гь бѣхъ и <не ѡдѣсте мене.]>
 страннь<бѣхъ и не оуведосте>
 мене. пкочто ми ре^х [ви]>
 20 ныи дѣисте. Ѡсѣкохъ рече ви>
 ноу. не и<машь ѡвѣта. а>
 ще бо бихъ тикрек'ль тьчию>
 алкахъ не<дасте ми гксти.>
 рекли бискте гко не имѣхо>
 25 мь хлѣба. <хлѣба ли не и>
 машь. то<и води ли не има>
 шь. а нога <не имѣль ли яси>
 посѣтит<и недоужни^х>
 и тьмнич'никъ. не можа>
 30 ше ли въздѣхноути съ печа>
 лными. <ты оубо има>
 ши хлѣбъ <или ино что ѣже>
 можеть оу<ставити нище>
 тоу. покдаждь нищемоу.>
 35 аще бо хлѣ<ба не имаши то>
 словом оу<тѣши ѣго.>

Лист 23d

- 1 <въ цртво нбсноуе> нь ничесоже
 <иного не прит>ежаше. то
 <го [ра^а гь реч']>е к нимъ. Ѡи
 <дѣте Ѡ мен>е не вѣдѣ васъ.
 5 <Ѡвещають. же> ѡны. почто
 <ги не тебе ли> дѣльма раж'
 <дежение велик>оуе сътрѣпѣ
 <хомъ. Ѡвеща>ють же гь къ
 <нимъ. двтво> мне ради сбю
 10 <досте. нь оубог>ааго не пом^х
 <ловасте. ѣга въ> дври ваше
 <тльцаше. [съ] с> трахомъ и м^х
 <лаше се гле оум>иленомъ г'
 <ласомъ. помил>оуйте ме
 15 <гладемъ гиблющ>а. срце ми
 <хочеть исьслекно>ути Ѡ зел
 га. дша ми хоч<еть излѣ
 <[сти хлѣбоу хот]>ещии. тѣ
 <ло ми трепещеть> Ѡ зимы.
 20 <кости сламлают ми се. зоу>
 <би[ми] ск'ржещ>оуть. ногь

<ти гореть и все ми тѣло
 <сломлено ꙗко> ѿ мраза.
 <Помилуи и не>прѣзри ме
 25 <не, си словеса> слыше. оу
 <бгаго не помл>оваль ꙗси.
 <кага ти польза> тако пости
 <ши се по все дни и>ли чрѣсь днь
 <или прѣз чети>ри дни. и
 30 <ли прѣз' нелю>. не творе
 <млтине. да и> ты альче
 <ши без оума.> и оубгыи
 <гладемь мреть.> кага ти п^а
 <льза ꙗко. аще ты>и с вечера и в'
 35 <соу ношь поеши>. въ двоихъ
 36 <и .е. торахъ рыз>ахъ стою.

Лист 24а

1 а оубгыи прѣ<дъ врати>
 твоими зим<ою трепещеть>
 кага ти польза<а ꙗко> ѿ сего в
 сего такожде. члѣвка не по
 5 мловавшоу. <ни вра^а ꙗмоу>
 ѿврьзъшоу. <и хлѣба ꙗго>
 не насыщъш<оу. ни воды>
 напоившоу. <ны с плещоу ꙗ>
 го сгрѣшавшоу. того ра^а
 10 ти затворе<ны дѣв'ри чрѣ>
 тожныѣ. <ѿыдѣте ѿ мене.>
 не знаю вас<. того рады [де]>
 вы тии боу<ꙗ нареке быше.>
 не имоуще <млтине. ꙗко>
 15 же бо аще к'^а<[то] оужежетъ свѣ>
 тильникъ. <и ты не [прикап]>
 лѣиеть ма<сла оугасають.>
 такожде и<мѣне двтва.>
 и не прика<пляють к' нѣмоу ма>
 20 сла млты<не оубогихъ. то>
 ничесоже не<е приобрѣте.>
 ꙗкоже се к<[то] насажають>
 дрѣво добр<о и тыи не полѣ>
 ють ꙗго въ <врѣме ведро.>
 25 оувеждеть <и плода не створи>
 ть. такоже и< двтва. а>
 ще не напо<ѣна боудоуть>
 маслом м<л^атине. то оуве>
 дають. <велицѣ юсть>
 30 крилѣ м<л^атине. до>
 нѣе възнос<ещи. и [не] до [не]>
 бесе тѣчию. <нѣ и до самого>

- свое гноуша^ке се ѿго. и не ре^е
че ѿканън^ки ть тако^е
- 10 сии члвкь <ѿ^е тако и азъ.>
тажде роу^ка ѿба съзала.^д
не прѣкло^ни се мыслию.^е
не доклон^ки се млт^ни. не^е
помлова с^оущаго въ толи^е
15 цѣ бѣдѣ. <лежаща[а]го [оу] в>
рать ѿго. <п'си же гредоуще>
и и видещ^кеи гнои ѿго. и гно^е
и с^крвию^ктекоущь. мл^е
срд^не ств^ор'ше. такоже^е
20 гоубою ѿ^зыкомь ѿтыра^е
хоу ѿ оудо^квъ ѿго ѿбли^е
зающе врѣ^дь. тако [же и] хы^е
три врачев^ке врачоующе га^е
звыи. съ^многимь бл^оу^е
25 дениемь. <и хоудо^жтво>
мь зи^гающ^ке да не проидеть^е
гадъ зоубъ <ихъ. и не пободи>
ть правды^кви. ѿле вели^е
га люто^сть <бг^атого.>
30 пси же гред^оуще акы вра^ч
чьскомь х^оудо^ж'ством.^е
пристоун^каютъ къ болещ^о
моу. а ѿн^къ понѣ оукроу^е
ха ѿмоу п^одаваетъ. [п]^е
35 си не вѣдо^куще ни ба ни вск^е
рѣшениа <чающе.>

Лист 49d

- 1 <велики же патриар'хъ>. не моучии
<ѿго болѣз'нию.> не прилож^и
<[лъ] болѣз'ни. не оустрѣли
<ѿго словес[ы]и. не ѿврже
5 <се ѿ^стства члв^ча. нъ кротъ
<комь гламь> и оум'лено
<мь [ѿобразомъ]. ѿвеща къ
<немоу гл^е. ч'едо въспри^е
<лъ ѿси блг^ага въ животѣ
10 <своємь. а Ла^зарь тако
<же злат^а. т'ого ради сии
<зѣ почиваетъ. а тыи бол'^н
<ши. ѿсть> пакы инако.
<пропастъ велика ѿсть ме
15 <жоу вами. и на^ми. и ни
<т'коже можетъ прѣйти.
<Видѣ ли кончин>оу бг^атъ
<ства. [видѣ ли п']ище врѣм'^н
<н'ное не> късни бг^а

- 20 <т'ства оубг[ы]>имь разда
 <ати. не з'ри оутрънѣаго.
 <не вѣси бо что породити оу
 <трьнею. посл>оушаи что
 <глетъ книг[ы]>и. іако аки
 25 <нападе днѣв'н[а]>аго житиѣ
 <члвкомъ на зем>ли. почто
 <имѣниѣ слѣг>аеши. іеже
 <не по м'нозѣ хоте ѡставиѣ.
 <[и] ѡтидеши жел>ае, а раздѣ
 30 <ляюще зѣ имѣниѣ твоѣ.
 <ни единое же ти> памети тво
 <реть. нѣ и кльн>оуть те.
 <пошли прѣ^д тоб>ою бгатьст'
 <во своѣ. въ тѣ м>ирь бесконь
 35 <чны. тоуне т>и дае^ть ва
 36 <ка пртво.> іегда оубо хо

Лист 50а

- 1 щещи прѣнес^ти [своѣ] бгат'^о
 ство. ѡтъ секго мира въ дроу>
 гыи. то клкюсета наем'ле>
 ши брѣменем <понести вель>
 5 блoudымьскимь. страже>
 съ ѡроужие<мь. іеда како>
 ратьници н<ашьше раз'бы>
 ють и разгр<абетъ. нѣ въ ѡнъ>
 вѣкъ аще хо<ще прѣнести>
 10 своѣ бгатьство. ни троу>
 да подыме<ши. ни надеже>
 погоубиши. <нѣ сѣдещоу>
 ти въ домо<у своемь. при>
 деть оубг<ыи прѣд двѣри тво>
 15 ѣ. просе да <прѣнесеть бга>
 тьство въ ѡнъ вѣкъ. и не да>
 іеши іемоу. <въспрени оубо>
 гы члвче. <пош'ли бгатьст>
 во въ тѣ вѣкъ. Хощеши ли>
 20 да ти бгатъство не погы[б]не>
 ть. даждь в' роуцѣ оубогы>
 ихъ. и ѡб<рѣщеши х>
 лѣвинныи п<льни. не бои>
 се іако оубо<зы соуть нищи.>
 25 бѣ іесть ѡб<роуч'никъ ихъ.>
 аще не пороучаеши оубогы>
 имь. то п<ороучи бгови.>
 милуѣи б<о ница боу в>
 займъ дае<тъ. іако азъ ѡ>
 30 броучаю оуб<гиѣ. аще бо>
 створиши іе<диномуу ѡ>

малыхъ <то мнѣ створи>
 ль юси. оу<бои се дне того>
 въ нъже им<ать гнѣ ныви>
³⁵ поуустити <[жетеле]>
³⁶ и шпеницо<у събереть въ> [житницоу свою].

ПРИМЕЧАНИЯ

Лист 21d. 1—4 Хлуд. Въ нѣ меноу Иана Злоутоуго. слово w второмъ пришьстви. влко блви; Хил. Iwa Злоустаго сло w второмъ пришьствии хвѣ. 5. Хил. възнесе-нии; ѡже нет. 6—7. Хил. възвирающимъ. 8. Хлуд. гнѣ; Хил. нет. 10. Хлуд. във'несе; Хил. възнесы. 11. Хил. на на нбо, доб. ть пакы придетъ. вънже вбравъ вите и идоущъ на нбо; оубо нет. 12. Хил. и повѣмъ вамъ нет. 13. Хил. боудеть, доб. ввторов и. 14. Хил. вбличаю. 15. Хлуд. прввою. 16. Хил. члвчскааго. 17. Хил. распеше и; носимо (согласовано с знамению). 18. Хил. англѣ блъстеща. 19. Хил. мльнии, вероятно, и в Мих.; Хлуд. нимя; Хил. нимы. 20. Хил. трубе; и нет; оубоужаю. 22. Хил. кончины. 23. Хил. мртви. 24. Хлуд. блжены; Хил. блжены. 25. Хил. ѡко нет; Хлуд. встроубить. 26. Хил. мрътвы; прѣжде нет. 28. Хил. вчеси. 29. Хил. се нет; четырь крииль; в Мих., вероятно, числительное было обозначено буквой, что показывает количество знаков в строке. 30. Хил. въселеныю, вероятно, и в Мих.; оудоль плачевноу. 31. Хил. ѡвит. 32. Хил. соудица нет, но в Мих. оно было, что ясно из согласования; Хлуд. вгны; Хил. вгньнаа. 34. Хил. немлтивыи, вероятно, то же и в Мих.

Лист 22a. 1. Хил. вдръжещѣ грѣшники нет. 3. Хил. звѣзы. 4. Хил. ѡко; Хлуд. листиѣ; Хил. с нбсе спадоутъ; Хлуд. с нбсь, доб. и, вероятно, и нет в Мих. 5. Хил. акы. 6. Хлуд. нит'коже; Хил. не можетъ никому. 7. Хил. снѡви. 9. Хил. събравшему. 10. Хил. нааго, доб. и. 11. Хил. боудеть нет. 12. Хил. и, доб. се. 13. Хлуд. придетъ по; Хил. грелны по. 14. Хлуд. нбснямъ; Хил. нбньмъ. 15. Хил. Сянъ, доб. и. 16. Хил. нбны. 17. Хил. прѣстола. 19. Хлуд. мльниа; Хил. ѡвит се. 20. Хил. востока, доб. и; запада. 23. Хил. тресет. 24. Хил. въскоурет се. 25. Хил. и вса тварь сколабляет' се нет. 26. Хил. вгньнаа готова. 27. Хил. грѣшники. 28. Хлуд. жоуцоу; Хил. жежоуще члвкыю крѣве, возможно, и в Мих. 29. Хил. имоущиа. 29—30. Хлуд. и гроза топлоты имоущиа нет. 32. Хил. и англѣ; же нет. 33. Хлуд., Хил. сьгрѣшивыше. 34. Хил. дни. 35. Хил. грѣшники. 36. Хил. ть нет; страшныи, вероятно, и в Мих.

Л. 22d. 2. Хил. станете; Хлуд. страшномъ. 3. Хил. дни. 4—5. Хил. пастухъ, доб. разлоучити. 6. Хил. и реть; Хлуд. деснчмъ; Хил. деснымъ. 7. Хил. моуго, доб. и. 8. Хил. оуготованоу. 9. Хлуд. цртво. 11. Хил. всего; помысли; оубо нет. 12. Хил. ѡга ем. ѡже. 13. Хлуд. и пррцѣхъ нет. 14. Хлуд. слышешего; Хил. слышати. 14—15. Хил. толь добраа словеса ем. такова словесе. 15—16. Хил. мьдлиши. 16. Хил. почто ждиши нет; Хлуд. ждишь. 18. Хил. то нет. 19. Хил. ѡкоже самъ ре ѡко аще кто створить; Хлуд. т'ко. 20. Хлуд. малыхъ; Хил. малыхъ. 21. Хил. ѡ створиль. 22. Хил. и ем. же; Хлуд. вгонеще; Хил. гонечи. 23. Хил. Ха соутъ гонили. 24. Хил. ради, доб. и. 24—25. Хил. поставитъ ѡ, возможно, так же и в Мих.; Хлуд. и нет; Хил. ѡкоже и. 26. Хлуд. оубогинь. 27. Хил. тако. 28. Хил. идѣте. 29. Хил. проклетии. 30. Хил. скръжьтъ. 31. Хил. стоуда того. 32. Хил. народъ англѣсѣмъ, что по смыслу более правильно, но отличается от Мих.; Хлуд. и нет. 33. Хлуд. аще т'ко вбличень боудеть; Хил. какъ Мих. 34. Хил. нѣ w какомъ грѣсѣ. 35. Хлуд., Хил. то нет.

Л. 23a. 1. Хил. напрѣд нет. 3. Хлуд. соусъди; Хил. оужики. 5. Хил. помысли; же ты нет; Хлуд. ти; Мих, как и в остальных случаях — тыи. 6. Хлуд. т'мѣ; Хил. тмы. 7. Хил. стоуътъ. 8. Хлуд., Хил. чини; Хил. прркъ, вероятно, и в Мих. 9. Хил. апль ем. англѣи; множст'во нет. 9—10. Хил. бечисльѣ мчникъ и въ мирѣ. 12. Хлуд. соудныи. 13. Хлуд. проклетѣ; Хил. се нет. 14. Хил. жедахъ. 15. Хил. бе се нет; после напоисте ме доб. нагъ бѣхъ и не вѣдѣте мене. 15—16. Хил. бо-

лѣхъ, доб. и. 16—17. Хлуд. нагъ бѣхъ и не вдѣсте мене нет; в Хил. иной порядок слов, чем в Мих. 18. Хлуд. страна; Хил. введосте. 19. Хлуд. ме. 19—20. Хлуд. вьндѣте, что кажется переосмыслением первоначального Хил. вины даѣте, а в Мих. вины дѣте. 20. Хил. ти рече. 21. Хил. имаши, вероятно, и в Мих. 22. Хил. ти нет. 23. Хлуд., Хил. и не. 24. Хлуд. бысте; Хил. быте (?). 25—26. Хлуд., Хил. имаши; Хил. воды; и нет. 26—27. Хлуд., Хил. имаши. 27. Хлуд. ногоу; Хил. или и ногоу не имаши ем. не имѣль ли ѡси. 28. Хил. недоужных. 29. Хил. тѣмничниикъ. 30—31. Хлуд. печал'нимъ; Хил. печальнымъ. 32. Хил. нѣчто, и ѡже ем. что ѡже. 33. Хил. оутѣшити. 34. Хил. дажъ. 35. Хил. а или ем. аще бо.

Л. 23д. 1. Хил. на нет. 2. Хлуд. и того. 3. Хлуд. ре гѣ. 4. Хлуд. вѣде; Хил. знаю. 5. Хил. ѿвещане; же ны ем. же ны. 8. Хил. после сътрѣпхомъ доб. и печать телесною съхранихомъ. 9. Хил. дѣля. 10. Хлуд., Хил. оубогаго. 11. Хлуд. дѣв'ри. 12. Хлуд. съ нет; Хил. и млѣше. 15. Хил. гладомъ; гыблюща. 16. Хил. оуслекноути. 17. Хил. а дѣа. 17—18. Хлуд. из'падноути гладѣ раѣ ем. излѣсти хлѣбоу хотеци, как в Хил. и Мих. 19. Хлуд. зыме. 20. Хил. сламают. 21. Хлуд. ми нет, но, вероятно, было в Мих.; в Хил. и Мих. зобуби ми скръжьшоутъ ем. зобуби скръжещоу в Хлуд.; Хлуд. пок'ти. 22. Хил. и нет. 24. Хил. помилоуи, доб. мене. 25. Хил. сы; Хлуд. слышавъ; Хил. как Мих. 25—26. Хил. оубогааго, как, вероятно, было и в Мих. 26. Хил. после ѡси, доб. и азъ тебе не помлоую. 27. Хил. Каа, доб. бо; аще ем. ѡко. 28. Хлуд. прѣвъ; Хил., как и Мих., чрѣсь; 29. Хил. три. 30. Хил. чрѣсь, как Мих. 31. Хил. млтгыне; алчеши. 32. Хлуд. оубги; Хил. оубогы. 33. Хил. гладомъ. 33—34. Хил. плъза ти ѡ. 34. Хил. аще, доб. постиши се; или ем. тыи; Хлуд. ты; вся фраза в Хлуд. как в Мих.; в Хил. иначе. 36. Хил. ривахъ и въ троихъ и въ четверахъ ривахъ ем. и .е. торахъ ривахъ стоу, как в Хлуд. и, вероятно, в Мих.

Л. 24а. 1. Хлуд. оубги; Хил. доб. зимою; враты. 2. Хил. зимою нет. 3. Хлуд. ком; Хил. ѿ нет; всего того. 4. Хил. такова члѣа. 5. Хил. помловавшю; дѣври, вероятно, так же и в Мих. 6. Хил. ѿврѣзьшю; ни ем. и. 7. Хил. не нет; насытившю. 7—8. Хил. ни воды напоившю нет. 9. Хлуд. ѡго, доб. не; Хил. съгрѣвъ'шоу; Хлуд. съгрѣвшю. 10. Хлуд. ти нет; быше зат'ворены; Хил. затворени ти, доб. быше; Хлуд. чрѣтожниѣ. 11. Хил. и ѿидѣте. 12—13. Хлуд. дѣвы нет; Хил. тыѣ двы. 13. Хлуд. те ем. ти; нарене быше боуе; Хил. нарены. 14. Хил. млтгыне. 15. Хлуд. т'ко; Хил. въжежетъ. 16. Хил. ти; Хлуд. каплетъ. 18. Хил. имѣи. 19. Хил. ти ем. и; прикаплетъ. 20. Хил. реше млтгыне; оубогыхъ; то нет. 21. Хлуд. нычесоже. 22. Хил. аще же кто насадитъ; Хлуд. ѡко тако насажаѣтъ. 23. Хил. ти (= союз и) ем. и тыи. 25. Хлуд. то не оуvene (ошибка); Хил. оувѣдаѣтъ; творить. 26. Хил. дѣвѣство (ед. ч.). 27. Хил. напоено боудетъ (ед. ч.). 28. Хил. то нет; оувѣдаѣтъ (ед. ч.). 29. Хил. ѡста. 30. Хил. млтгыне. 31. Хлуд. нѣси; Хил. възносита; Хлуд. не пропушено. 31—32. Хил. и (не) до нѣбесе тѣчию нь нет. 34. Хил. ити. 35. Хил. ти (= и) ем. и тыи. 36. Хил. и нет; несѣши, доб. же.

Л. 24д. 1. Хил. и нет. 2. Хлуд. после ѡго доб. златомъ оукрашена и. 3. Хил. мнови. 4. Хлуд. грывна^х. 5. Хил. алатыихъ, вероятно, и в Мих; Хлуд. проузы. 8. Хил. велицѣи; живѣше ем. изълазе Хлуд., Мих.; Хлуд., Хил. и нет. 10. Хлуд. сѣсоуди же ѡго; Мих., вероятно, сѣсоуди же. 10—11. Хил. златаа и сребрнаа (согласовано с слоужба) ем. сѣсоуди же ѡго злати и сребрныи. 11. Хил. вино; много, доб. и. 12. Хил. и нет; тетѣре; и нет; гоуси; Хлуд. гоуски. 13. Хил. и нет; жеравы; и нет; ѡреби; Хлуд. ѡребыце. 14. Хил. голоуби; коури; и нет. 16. Хлуд., Хил. работающе. 17. Хлуд. и нет; Хил. мнози. 19. Хлуд. блюди; Хил. блюда. 20. Хил. инии; махающе доб. съ боазнию; Хил., Хлуд. и нет. 21. Хил. оумывалныце. 23. Хил. ини; Хлуд. ц'к'лѣнице. 24. Хил. съ вонми мыпоце ем. съ виномъ стоудеце, как в Хлуд., Мих.; Хлуд. ты. 25. Хил. троуждающе; Хлуд., Хил. тѣщеце. 26. Хлуд., Хил. бѣгааго. 27. Хил. насытетъ; готоветь, доб. же. 28. Хил. ѡму, доб. и. 29. Хил. прѣдканами; Хлуд. прѣкканами. 30. Хил. и съ свилами мѣкками нет; Хлуд. меками. 32. Хлуд. друузы; Хил. друузнии; же нет. 33. Хил. гладеть. 34. Хил. ледвиамъ, доб. тѣщеть ѡго; бо нет. 35. Хлуд. бѣгааго; Хлуд., Хил. того нет. 36. Хил. ѡдинъ, доб. и; Лазарь именовъ, Хлуд. ныщи; Хил. ныщи.

Л. 49а. 1. Хлуд. и нет. 2. Хлуд. врати; Хлуд. бѣгааго; Хил. бѣгаааго. 3. Хлуд. ѿ кроуицѣ насытити се; Хил. насти се; кроуициѣ. 4. Хлуд. спадающи^х. 4—5. Хил. бѣгаааго ѿ трапезы ѡго (па)дающиихъ ем. падающиихъ с трапезы бѣгаааго. 5. Хлуд. бѣгааго; Хлуд., Хил. того нет; Хил. после и приб. никтоже. 6. Хил. виде; Хлуд.

бгати. 7. Хлуд. вбрашае. 8. Хил. ѿ него. 9. Хлуд. вкаан'ни; Хил. вкаан'ны доб. и жестоки; Хлуд. и жестоки нет; Хил. вкоже. 10. Хил. съ ем. сии; ѿ нет; таако ем. вко. 12. Хил. и не; мыслию, доб. и. 13. Хил. не поклони се на млтвню. 14. Хил. соущааго; толицы. 15. Хил. лежащааго. 15—16. Хлуд. въ вратѣхъ ѿго; Хил. оу враатѣ своихъ. 16. Хил. же нет; гредоуще. 17. Хил. видеце; таако гноинь ем. гной ѿго. 18. Хил. текоущи съ крввию, доб. ѿ оудовъ ѿго. 19. Хил. створивше. 20. Хил. втирааху. 21. Хил. гной ѿ оудовъ ѿго. 22. Хил. врѣдъ нет; Хлуд. вко; Хил. вкоже, доб. и; хытрии. 23—24. Хлуд. раны; Хил., какъ Мих., взы; Хил. многомъ. 24. Хил. блудениемъ. 25. Хил. ремествомъ; Хлуд., какъ, по-видимому, и Мих., хоудожествомъ. 26. Хлуд. зыяюще; Хил. идеть ем. проидеть. 27. Хил. не нет.; поболить. 28. Хил. правдивыи, какъ и в Мих.; w ем. вше; велика, в Мих., вероятно, велики, какъ в Хлуд. 29. Хил. бгатааго. 30. Хил. же нет; вко, доб. и; врачествомъ. 31. Хил. ремествомъ. 32. Хил. болецоумоу, вероятно, такъ и в Мих. 33. Хил. ни понѣ. 34. Хил. вму не подастъ; 34—35. Хлуд. си; Хил. пси, вероятно, в Мих. пси. 35. Хил. вѣдоущей; ни нет, какъ, вероятно, и в Мих.

II. 49d. 1. Хил. велики; помоучии. 2. Хил. ни. 3. Хил. оустрѣлии. 4. Хлуд. словеси; Хил. словесы. 6. Хлуд. оумыленомъ; Хил. оумиленымъ. 7. Хлуд. гломъ; Хил. вбразомъ, вероятно, такъ и в Мих. 8. Хил. нѣмоу; гле. 9. Хил. блгата доб. своя. 11. Хлуд., Хил. сии нет. 12. Хлуд., Хил. ты. 13. Хил. ѿже ем. всть. 14. Хил. велды. 15. Хлуд. вамы. 16. Хлуд. нит'коже; Хил. и нет; Хлуд. проити; Хил. не можетъ. 17. Хил. видѣти (ошибка?); ли нет. 18. Хил. после бгатьства доб. видѣ ли кончину времен'ною. видѣ ли крѣмлю временною. В Хлуд. две фразы отсутствуют. В Мих. сохранилась только вторая, причем крѣмлю, вероятно, заместило пице. 18—19. Хил. времен'ною, Мих., возможно, врѣмен'ноу (согласовано с пице). 19. Хил. не забуди ем. не късни в Мих. 20. Хил. после бгатьства доб. своего. 18—20. В Хлуд. видѣ ли кончину бгат'ства. оубгимъ разаяти нет. 20—21. Хил. разаяти оубогымъ. 21. Хлуд., Хил. оутрѣниго. 22. Хил. родить; оутрѣнии днь ем. оутрѣнеу. 24. Хил. глють; Хлуд., Хил. кынигы; акы. 25. Хлуд. днев'ныго; Хил. нападноужитиѣ ем. нападе 'днев'нааго житиѣ. 26. Хил. члѣкоу по земли. чѣто то. 27. Хил. приобрѣтавши, Мих., вероятно, какъ Хлуд., слыгавши, что помещается в строку. 28. Хил. мнозѣе, доб. не, что изменяетъ смысл и придаетъ хоте самостоятельное значение; хоте вставиши. 29. Хил. вставиши, доб. и; жале, доб. си; а нет; раздѣляющеи. 30. Хил. же здѣ; твоѣ бгатьство. 31. Хил. никомъже; створеть; Хлуд. паметы. 32. Хил. после те доб. тѣмъже млю и бѣжоу. 34. Хил. внь ем. тѣ; бесконьчныи. 35. Хил. тоунѣ; вѣка даеть. 36. Хил. цртво, доб. свое; оубо нет.

II. 50a. 1. Хлуд., Хил. бгат'ство свое. 2. Хил. ѿ града въ градъ ем. ѿ сего мира въ другыи (слова Хил. первичны: ими объясняется развернутое сравнение); Хлуд. другыи. 3. Хил. то нет. 4. Хил. носити; вельблоуднымьскы. 5. Хил. и страже. 6. Хил. впроужиѣмъ, доб. на поути. и боиши се; и нет. 7. Хил. ратьни; нашѣи; разбоиници ем. разбыють. 8. Хил. и нет; разграбеть, доб. ѿ; нь нет; внь, доб. же. 9. Хил. хоцѣши. 10. Хил. бгатьство свое, доб. то. 11. Хлуд. поѣм'ши; Хил. нападанияѣмъ ем. надежде, что более правильно и, возможно, стояло и в Мих. 12. Хлуд. погоубыши; Хил. сѣдещю. 14. Хлуд. оубгы; Хил. оубо (ошибка?); двѣриѣ. 15. Хлуд., Хил. бгатьство твоѣ. 17. Хил. оубо ем. оубогы (пересмысление). 18. Хил. бгатьство, доб. свое; тѣ нет. 21. Хил. роукоу; Хлуд. оубогыхъ. 22. Хлуд. и нет; вбрѣщѣши, доб. тамо, возможно, и в Мих., где этим словомъ кончается строка. 23. Хил. хлѣвиници, доб. свое; плъны. 24. Хил. оубози; нищи. 25. Хил. пороучникъ, что более правильно. 26. Хил. пороучиши. 27. Хил. то нет; боу. 28. Хлуд. млоуж; бо нет. 28—29. Хил. даеть въ заѣмъ, доб. самъ повѣдаеть; вко нет; авъ, доб. бо. 30. Хил. оубогыѣ. 32. Хлуд. малихъ, доб. сихъ; Хил. то нет. 33. Хил. оубои со дне того нет. 34. Хил. нивы. 35. Хил. поустиить, доб. жетеле, вероятно, такъ и в Мих., и первично по смыслу. 36. Хлуд. и нет.

О. Ф. КОНОВАЛОВА

Традиционная метафора в «Житии Стефана Пермского»

В русской средневековой литературе метафоры-символы получили большее распространение, нежели другие тропы. Это связано с многозначностью символа, с тем, что он может быть приложен к различным аспектам бытия, может объединять различные планы воспроизводимой художником действительности.¹ Метафора в той или иной степени присуща всем без исключения памятникам древнерусской житийной и ораторской прозы, что и закономерно: метафора — один из основных способов отражения действительности, метафора свойственна и самому языку.² В литературной практике Епифания Премудрого метафора, метафора-символ являются доминирующим стилистическим средством в художественной системе, определяемой самим автором житий и исследователями как «плетение словес».

Каждый прием сам по себе еще не может служить жанровым признаком. Прием становится таковым только в связи с другими признаками, в единстве всех приемов, составляющих художественную структуру произведения.³ Именно поэтому тропы, используемые Епифанием Премудрым, следует рассматривать в контексте, что даст возможность определить их роль в произведениях панегирического жанра вообще и в индивидуальном авторском стиле в частности. Для этого важно установить, как Епифаний пользовался традиционными стилистическими формулами, в чем он их творчески развивал, в чем отступал от них, какое место занимала метафора в системе художественных средств писателя, как она конструктивно связана со стилем «плетения словес».

Русские книжники, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, иногда видоизменяли метафору лишь стилистически.⁴ В этом отношении Епифаний, казалось бы, не составляет исключения. Однако он решительнее, чем кто-либо из его современников, стремился преодолеть однообразие традиционных поэтических средств. Он компенсировал это однообразие, не только стилистически видоизменяя традиционные образы, но и создавая новые сложные сплетения из различных символов, составляя метафорические картины из готовых стереотипов, причем использовал самые тонкие оттенки их значений. В то же время автор «Жития Стефана Пермского» рассматривал библейские книги как первоисточник своих стилистических формул, лишь в отдельных случаях ссылаясь на авторитетных византийских ритор.

¹ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 162—163.

² И. П. Еремин. Новейшие исследования по вопросам художественной формы древнерусских произведений. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, с. 285.

³ Там же, с. 289.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.—Л., 1947, с. 19.

Для выяснения творческих принципов Епифания типы метафорических уподоблений, наиболее характерных для его стиля, целесообразно распределить по группам, центром которых является основное, «ключевое» слово.

В Житии распространены стилистические конструкции с ключевым словом «сердце», источник которых — Библия, и прежде всего Псалтырь. Книжная метафоричность образа привлекла писателя, и метафоры с этим ключевым словом получили у Епифания оригинальное преломление. Рассмотрим некоторые примеры.

1. Во вступлении Епифаний говорит: «Пишет же и великий Василие в поучении своем, глаголя: буди ревнитель право живущим, и сих имена и житиа и делеса напиши на своем сердцы (здесь и далее разрядка наша, — О. К.). Елма ж аз не достигох в ту меру и не придох в сие прясло, еже невидимо на разумных скрижалех сердечных написати, но на чюственных хартиах изволих писати».⁵ Это типичное для житийных введений самоуничижительное рассуждение построено на оригинальном использовании метафорического образования с лексическим центром «сердце». Епифаний Премудрый подкрепляет свою мысль цитатой из «великого Василия» (Василия Кесарийского), содержащей традиционное метафорическое словосочетание «напиши на своем сердцы». Затем Епифаний в порыве этикетного самоуничижения говорит: «. . . аз не достигох в ту меру и не придох в сие прясло». Но тут же он распространяет и усложняет метафору Василия Великого, демонстрируя свое словесное искусство. Вариант Епифания («. . . невидимо на разумных скрижалех сердечных написати, но на чюственных хартиах изволих писати») позволяет найти источник метафоры и проследить ее трансформацию в житии: и цитируемый Епифанием византийский ритор, и сам писатель заимствовали ее из библейских текстов.

Следует учесть, что выразительность метафоры зависит не только от «зачаточного» образа, но в значительной степени от лексической окраски метафорического слова, т. е. от «ощущения» той лексической среды, откуда слово заимствовано.⁶ Этот зачаточный образ «сердца» встречается в Библии в различных лексических и стилистических вариациях, которые приводятся нами для сравнения и установления наиболее близкого источника рассматриваемой метафоры. Во Втором послании ап. Павла к коринфянам содержатся такие строки: «Послание бо наше вы есте, написанное в сердцах наших, знаемое и прочитаемое от всех человек; являеми, яко есте послание Христово, сложеное нами, написано не чернилом, но духом бога жива, не на скрижалех каменных, но на скрижалех сердца плотяных».⁷ Возможно, этот фрагмент стал источником Епифаниевой метафоры. Мысль Второго послания к коринфянам, что делами людей движет божественная мудрость, близка Епифанию, именно она лежит в основе его литературной теории.

Метафора «скрижали сердечные» встречается во многих библейских текстах. Возможно, из книг ветхозаветных пророков она была перенесена в послания ап. Павла, в Деяния, а затем эта стилистическая формула перешла в агиографию. Так, в книге пророка Иезекииля содержится расширенный метафорический образ, созданный на этой основе: «И дам вам

⁵ Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897, с. 1. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте (номера страниц даются в скобках).

⁶ Б. В. Томашевский. Поэтика. М.—Л., 1935, с. 34—35.

⁷ Второе послание к коринфянам, III, 2—3.

сердце ново, и дух нов дам вам, и отиму сердце каменное от плоти вашей, и дам вам сердце плотяно».⁸ Естественно, что Епифаний воспользовался этим широко распространенным библейским образом. Важно подчеркнуть, что автор жития применил библейское изречение к характеристике своего труда, в значительной степени трансформировав известную библейскую формулу и опираясь на авторитет Василия Кесарийского.

Нетрудно заметить, что в данном метафорическом уподоблении Епифаний соединяет две метафоры, восходящие к сходным библейским фрагментам, — «скрижали сердечные» и «скрижали разумные», используя при этом образ, переосмысленный в самих библейских книгах. Как известно, первоначальное значение скрижалей — камни, на которых были начертаны десять заповедей. Впоследствии слово приобрело различные значения, частично продолжающие жить и в современном русском языке.⁹

Своеобразие использования этого традиционного образа проявляется и в том, что Епифаний усложняет метафору метафорическим эпитетом («не видимо на разумных скрижалях сердечных написати») и тем самым создает смысловую сгущенность, которая должна была оказывать на читателя или слушателя сильное воздействие. Писатель распространяет созданный им образ уточняющим словосочетанием «на чувственных хартиях изволих писати». Возникает новая метафора, связанная с ключевым образом «сердце» и основанная, вероятно, непосредственно на текстах библейских пророков. При этом метафора «сердце плотяное» заменена синонимическим «чувственные хартии» (хартия — материал для письма, сердце также служит материалом для начертания божественных слов).

2. «Он же, видя их на крещение грядуща, и зело преобрадояся обращению их и с веселым сердцем и тщанием приат» (с. 33). Так пишет Епифаний о Стефане Пермском, которому удалось убедить часть язычников-пермян в истинности христианской веры. Образ «веселого сердца» играет здесь особо важную роль: он подчеркивает и значение дела Стефана, и его душевное состояние, в котором он пребывал после первого успеха. Здесь Епифаний использует широко распространенный библейский символ («веселое сердце») указывает на человека, обращенного к богу и преданного его учению.¹⁰

3. Стилистический период, содержащий метафору «с веселым сердцем», оканчивается другой традиционной метафорой — «очи сердечные»: «Бог бо, милосердый человеколюбец, своєю благодатию отверзе и мум и очи сердечнеи, еже к спасению, и вси ему биаху челом, припадающе к ногам его, просяще святаго крещения и знамениа» (с. 33). Словосочетание «очи сердечные» представляет собой собственно метафору плюс метафорический эпитет, ибо в Библии оба эти слова имеют метафорически-символическое значение. Епифаний соединяет эти традиционные образы в один.

В Писании «очи» встречаются и в прямом, и в переносном значении. Значительное место занимают метафоры, связанные с притчей о Христе, отверзшем очи слепорожденному. Из сопоставления библейских вариаций этой темы проясняется символическое значение образа: «очи» — символ христианской веры. Следовательно, в рассматриваемом фрагменте выраже-

⁸ Иезекииль, XXXVI, 26; ср.: там же, XI, 19.

⁹ Словарь современного русского литературного языка, т. XIII. М.—Л., 1962, с. 1059.

¹⁰ «Да возвеселится сердце, ищущее благоволения его» (1-я книга Паралипоменон, XVI, 10); «Возвеселися сердце мое и возрадовася язык мой» (Псалтырь, XV, 9); «Свет воссия праведнику, и правым сердцем веселие» (Псалтырь, XCVI, 11); «Сердцу веселящуся, лицом цветет» (Притчи Соломоновы, XV, 13), и др.

ние «отверзе им ум и очи сердечней» нужно понимать как обращение в христианскую веру, как путь к спасению, предложенный Стефаном язычникам.

4. В самоуничжительном экстазе писатель ставит самого себя чуть ли не в один ряд с язычниками. У них — «сердце осквернено», у автора — «сердце острупленное многими струпы душевных вредов и телесных страстей» (с. 3). Эта распространенная метафора, созданная на основе традиционного образа, подтверждает тяготение писателя к видоизменению устойчивых формул путем их метафорического расширения. Возникает поэтическое обобщение большой силы, имеющее различные стилистические оттенки, вызывающее дополнительные ассоциации.

5. Метафоры с ключевым словом «сердце» встречаются у Епифания и в составе цитат из Писания: «Яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим» (с. 13);¹¹ «Петр апостол, яко светилу сияюще в темнем месте, дондеже день просветит и деньница востает в сердцах их» (с. 18).¹² Включенное в авторский текст без ссылок на источник, традиционное уподобление органически входит в ткань повествования, воспринимается как авторское, но тем не менее продолжает оставаться и текстом библейским, священным, а потому наиболее значительным в рамках житийного произведения.

Рассмотрим один из вариантов такого рода использования метафоры в цитате. В поучении, произнесенном Стефаном перед смертью, особенно эмоциональном и насыщенном библейскими образами и символами, читаем следующую фразу: «Внемлите, людие мои, закон божий, внимайте себе, чада, бдите и молитесь, стоите в вере неподвижими, м у ж а и т е с я, да к р е п и т с я с е р д ц е в а ш е, станите о вере тверде, блюдетесь от еретиков, стерезитесь от иже развратников вере, снабдитесь от приходящих раскол церковных и от находящих раздор, сохранитесь от всякия ереси пагубныя, блюдетесь от кумирслужения вашего давнего, да никто же вас прельстит злыми словесы» (с. 83).

Последнее слово умирающего Стефана, исполненное особой ритмичности, вызванной повторением одних и тех же грамматических форм, содержит 25-й стих XXX псалма: «Мужайтесь, и да крепится сердце ваше, вси уповающи на господя». Епифаний не ограничивается включением в свой текст слов Писания, он как бы развивает, продолжает псалом, разъясняет главную мысль. Возникает цепь синонимических выражений, связанных с метафорическим «крепится сердце», в которой метафоры не сливаются, а соприкасаются, обнаруживая новые оттенки значений.

В анализируемой группе метафор ядром (ключевым словом) является «сердце». На образном восприятии различных частей человеческого тела основан еще ряд метафор (с ключевыми словами «ноги», «челюсти», «гортань», «язык», «рука», «мышца» и др.). Наиболее интересно своеобразное переосмысление Епифанием Премудрым традиционной метафоры с ключевым словом «ноги», которая была связана прежде всего с представлением о «красном подвиге», о хождении в чужие земли:¹³ «Поиде в землю, иде же не ходиша ногама сии святыи апостоли, учение господни. По истине бо тех суть красны ноги, благовествующих мир. Поиде в землю, иде же не бывали, обиходи апостолстии, иде же не изыде вещание и проповедание святых апостол, иде же не бы ни следа благочестия и богоразумия, иде же имя божие отнуд не именовалось, иде ж поклоняются идолом, иде же жрут жертвица, служаще глухы кумиром, иде же молятся издолбеным бол-

¹¹ Евангелие от Матфея, XI, 29.

¹² Второе соборное послание ап. Петра, I, 19.

¹³ См.: Д. С. Л и х а ч е в. Изображение людей в житийной литературе XIV—XV вв. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 108.

ваном, иде же веруют в кудесы и в волхования и в чарования и в бесования и в прочаа прелести диавольския, иде же суть глаголемии иноязычницы невернии, иде же рекомии невегласи прелщении, некрещении человець» (с. 18).

Различные метафорические вариации этого ключевого образа находим в Псалтыри¹⁴ и в Евангелии от Матфея. Подробно характеризуя языческие земли, в которые отправился Стефан, Епифаний преследует две цели: раскрыть метафору и одновременно еще раз подчеркнуть грандиозность подвига своего героя. Создавая стилистический период на основе метафоры «красны ноги», автор вновь не забывает о звуковом впечатлении, которое должен произвести этот период (одиннадцатикратное повторение сочетания «иде же» создает анафорическую композицию).

Метафора «красны ноги» встречается еще раз в конце «Жития Стефана Пермского», где Епифаний возвращается к темам, затронутым им в начале. Он как бы подводит итоги и, повторяя некоторые ситуации и уже использованные стилистические приемы и образы, подтверждает необходимость составления панегирика подвижнику. Так, в «Плачеве и похвале инока списающа» Епифаний вновь перечисляет все доблести Стефана: «Кто не удивится о сем. . . и кто не ублажит твердаго сего страдалца и храбраго воина, како един брася с врагом и победи врага борющагося и исхыти из руки его вся восхыщенья и прелщенья и поглощенья, елико имейше враг под рукою своею, но и в челюстех своих и в самом гортани обретаемья, и тако к р а с н ы м а н о г а м а си наступль на змиа и на челюсти его, по реченому: на аспиду и василиска наступиши и попереши льва и змеа;¹⁵ и тако исторгнув из самого гортани его древле похыщенья и поглощенья и прелщенья идолослужением и сих обратив и научив, овчата Христова крещением сотвори я и верою приведе я ко Христу богу» (с. 109).

В первом примере Епифаний говорил о «красных ногах», несущих благую весть миру, во втором случае «красными ногами» Стефан наступил на змиа и «челюсти его». В отличие от первой, сугубо абстрактной ассоциации, писатель во втором фрагменте жития готовую, уже использованную метафору неожиданно переводит почти в реальный план. Однако Епифаний тут же оговаривается, что Стефан поступил так «по реченому», и приводит в подтверждение своих слов цитату из Псалтыри. Следует отметить, что слова «наступль на змиа и на челюсти его» связаны с евангельским изречением: «Се даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию».¹⁶ Используя это изречение, Епифаний подчеркивает, что Стефан, совершивший апостольский подвиг, сближается с учениками Христа. В другой части Жития автор, приводя тот же евангельский текст, дает его со ссылкой: «И сам Спас в Евангелии рече: „. . . се дах вам власть наступати на змиа и на скарьпия и на всю силу вражию“» (с. 38).

Метафора-символ с ключевым словом «ноги» в различных видах довольно широко распространена в Житии. Это не случайно, так как деяния Стефана постоянно связываются с апостольскими. «Того ради ныне отпусти мя, раба своего, владыко, по благословию твоему с миром и молитву сотвори о мне, да благовестую в странах и бог мира да управит путь мой, да и справить стопы моя, направит ноги наша на путь мирен» (с. 14). Эти слова Стефан произносит, обращаясь к епископу Герасиму Коломенскому с просьбой отпустить его для проповеди в перм-

¹⁴ «Яко изъят душу мою от смерти, очи мои от слез и нозе мои от поползновения» (пс. СХІV, 8); «Совершаяй нозе мои яко елени, и на высоких поставляяй мя» (пс. ХVІІ, 34); «Яко да омычится нога твоя в крови» (пс. LХVІІ, 24); «Нога моя ста на правоте» (пс. ХХV, 12), и др.

¹⁵ Пс. ХС, 13.

¹⁶ Евангелие от Луки, X, 19.

ские земли. Реальная просьба Стефана легко переходит в символично-метафорический план, так как метафорические образования «исправить стопы», «направит ноги» говорят о евангелическом (евангелие — благая весть) подвиге подвижника-апостола: «Обуи нозе на уготование благовествования веры» (с. 15). Писатель применяет стилистическую симметрию, столь характерную для многих библейских книг (в особенности Псалтыри),¹⁷ которая ритмизирует текст: «. . . исправить стопы моя — направит ноги наша».

Своеобразный вариант анализируемой метафоры содержится в молитве Стефана, произнесенной им перед походом в пермские земли. Текст молитвы — мозаика из псалмов: «Господи, пред тобою все желание мое. Желание же мое се есть, еже обрати сей язык пермский от прелести идольския, поне ж углебоша языцы в пагубе, юже сотвориша в сети сеи, юже скрыша, увязе нога их.¹⁸ В делех руку свою увязе грешник,¹⁹ делом руку своею поклонишася кумиром, ни увидеша, ни разумеша во тме ходяще, но да помянутся и обратятся к господу вси концы земля и да поклонятся пред ним вся отечествия язык» (с. 24).²⁰ Смысловый акцент сделан на изречении «юже сотвориша в сети сеи, юже скрыша, увязе нога их» (это — 16-й стих пс. IX). В пс. IX, между прочим, говорится о грешнике, запутавшемся в сетях неправедной веры. В Житии этот образ использован в таком же смысле.²¹

После состязания волхва Пама со Стефаном, закончившегося поражением волхва, последний произносит следующие слова: «Сих всех, увы мне, не получих, и яму, юже ископах, впадох в ню и в с е т и с е и ю ж е с к р ы х , у в я з е н о г а м о я , и р о в и з р ы х е м у , и с а м в р и н у л с я в о н ь , и б ы ш а м и п о с л е д н я я г о р ш и п е р в ы х , п о н е ж е С т е ф а н , м я о д о л е в , п о с р а м и , и с у е т н а м я п о к а з а и в с е г о м я н е м о щ н а я в ь л ь , и н ы н е ч т о с ь т в о р ю и л и к а м о б е ж у , н е в е д е » (с. 54). Волхв Пам говорит о реальных испытаниях (пример того, как символ прилагается к различным аспектам), предложенных ему Стефаном. Однако в основе и этих «реальных» испытаний лежат библейские правоучения.

Некоторые традиционные библейские метафоры Епифаний переводит в конкретный, реальный план. В этом отношении интересен следующий фрагмент: «Аз бо силу свою исполних, и многа словеса божественнаа сказах и все, елико должен бе сотворити, и сотворих, и уже устал есмь уча их, не дая покоя челюстем моим, утрудихся вьпия, и з м о л ч е г о р т а н ь м о я , б о л е с е г о , ч т о х о т е х с о т в о р и т и и н е с ь т в о р и х , т о к м о е щ е с и ц е г л а г о л ю и з а с в е д е т е л ь с т в у ю в а м и з а п р е щ а ю с т р а ш н ы м и к л я т в а м и » (с. 79). Стефан Пермский говорит здесь о своем состоянии после проповеди, обращенной к пермянам. Он устал, он трудился, «не дая покоя челюстем», его гортань «измолче», и т. д. Речь Стефана эмоциональна, он как бы еще продолжает уговаривать, убеждать пермян, заклинать их «страшными клятвами». На первый взгляд здесь нет явных библейских ассоциаций, по существу же и эта речь Стефана построена на библейской основе.

«Челюсти» и «гортань» могут рассматриваться как метафоры, они несут смысловую и звуковую нагрузки и именно с этой точки зрения представляют интерес. Обратимся сначала к словосочетанию «гортань моя», которое, казалось бы, употреблено в прямом значении. Ветхий и Новый

¹⁷ См.: Д. С. Л и х а ч е в . Поэтика древнерусской литературы, с. 168—175.

¹⁸ Пс. IX, 16.

¹⁹ Пс. IX, 17.

²⁰ Пс. LXXXI, 5.

²¹ Ср.: «Ввержена же быть нога его в прутло» (Книга Иова, XVIII, 8); «Простре сеть ногам моим» (Плач Иеремии, I, 13).

завет содержит множество случаев применения этой метафоры.²² Епифаний как бы дает стилистическую адаптацию псалтырных стихов, использует библейские образы и символы так, как это ему нужно, стремясь при этом придать изложению характер и стиль священных книг.²³ «Челюстям» найти аналогий в Библии не удалось. В данном примере писатель сам создает языковые параллели по типу стилистической симметрии в псалмах, стилизуя таким образом свой язык под библейский.

Рассмотренные примеры далеко не исчерпывают всех видов метафор, встречающихся в Житии Стефана Пермского, но вместе с тем они представляют наиболее типичные для житийной литературы XIV—XV вв. метафорические образования. Писатель пользуется традиционными метафорами, корни которых уходят в библейские книги. В этом отношении он продолжает линию религиозно-дидактической и панегирической литературы русского средневековья, которая «усвоила от библейско-византийских образцов не только общее направление, но и значительную часть готовых метафор».²⁴

Однако Епифаний обновляет известную метафору, то расширяя и расширяя ее, то создавая на основе старых тропов новые их сочетания. Библейские метафоры становятся в Житии своеобразным центром, вокруг которого группируются различные метафорические образования (часто эти образования оказываются в пределах одного стилистического периода). Для обновления традиционной метафоры, усиления ее выразительности писатель сочетает ее с каким-нибудь другим тропом, например эпитетом, и создает такие метафорические выражения, как «скрижали сердечные», «очи сердечные», «чувственные хартии», в которых каждый компонент выполняет метафорическую функцию. Отличительной особенностью стиля Епифания является создание из старых традиционных метафор новых, более сложных, имеющих как бы двойной смысл: тот, который вкладывался в них библейской символикой, и иной, нужный писателю для выполнения его художественной задачи.

²² Наиболее интересны, с нашей точки зрения, следующие случаи: «Утрудиhsя зовый, измолче гортань моя» (пс. LXVIII, 4); «Не возгласят гортанью своею» (пс. CXIII, 15).

²³ Следует отметить, что при описании пермских идолов (с. 28—29) Епифаний почти полностью использует пс. CXIII, 12—16.

²⁴ В. П. Андрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля Древней Руси, с. 19.

Н. А. КАЗАКОВА

Заметка о Риме русского путешественника середины XV в.

В нескольких рукописных сборниках XVI—XIX вв. находится небольшая, но любопытная заметка. Не имея заглавия, она начинается словами: «До града Ферары путь писан наперед. А от Ферары града до Рима великаго града 50 миль». Далее указывается, что Рим расположен на реке Тибре («Тивере»), в 12 милях от моря, и что автор и его спутники в течение двух дней на конях путешествовали вокруг Рима, проделав при этом 32 мили. Затем сообщаются сведения о городе: о храмах св. Петра и св. Павла и их размерах, о находящихся в них и в церкви Иоанна Предтечи мощах святых, о крещении императора Константина и его крестильнице из зеленого мрамора. Далее следует многозначительная фраза: «Церкви же в нем были велми велици и позлащенные верхи и полаты чудны. И то все порушилося, запустения ради». В заключение автор сообщает, что русские путешественники видели императорский дворец («дом царев»), «дом Еуфимианов велик велми»,¹ и заканчивает свою краткую заметку словами: «А иного не писахом».²

Рассматриваемая заметка представляет собой первое в русской литературе описание Рима. При всем его лаконизме оно содержит целый ряд географических и историко-культурных сведений — о местоположении города, о его исторических и архитектурных памятниках. Обращает на себя внимание наблюдение автора о запустении Рима. Рим XIV—первой половины XV в. находился в состоянии упадка: экономика переживала застой, население катастрофически уменьшалось, здания ветшали и разрушались. По сравнению с процветающими Флоренцией и Феррарой Рим представлял собой печальный контраст.

«Заметку о Риме» впервые опубликовал по списку XIX в., находящемуся среди выписок из рукописных книг Новгородской софийской библиотеки (ГБЛ, собр. Румянцева, № 35, л. 16 об.—17 об.), А. Востоков. Вторично ее издал по списку XVI в. Софийского сборника, № 1465, В. Малинин.³ Обе публикации были осуществлены без всяких комментариев и никаких откликов в русской научной литературе не вызвали. В зарубежной единственная попытка интерпретации текста «Заметки» принадлежит Г. Штёклю. Он считает, что фрагмент с описанием Рима первоначально входил в состав путевого дневника («Хождения во Флоренцию»),⁴ куда

¹ Какой архитектурный памятник имеется здесь в виду, мы сказать не можем.

² Текст «Заметки о Риме» публикуется в приложении.

³ А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, с. 41; В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, с. 88.

⁴ «Хождение во Флоренцию», известное также под названиями «Путешествие митрополита Исидора», «Записки неизвестного суздальца», «Хождение на Флорентийский

он был внесен его автором на основе записок одного из участников русского посольства на Феррарско-Флорентийский собор, посетившего Рим; впоследствии фрагмент из текста «Хождения» был исключен.⁵

Гипотеза Г. Штёкля не представляется до конца убедительной. Несомненно «Заметка о Риме» была написана участником русского посольства на собор. Но мы полагаем, что поездку в Рим совершил и записал впечатления о нем сам автор «Хождения»: автор «Заметки» говорит о себе как о лице, побывавшем в Риме, его труд в стилистическом отношении удивительно совпадает с «Хождением» (отметим повторение одних и тех же выражений: «позлащены верхи», «полаты чудны»). Но свою небольшую заметку автор «Хождения» в его текст не включил, ибо «Хождение» представляло собою дневник (вероятно, полуофициального характера) путешествия русского посольства и в него заносились сведения лишь о тех городах, через которые проезжало посольство во главе с митрополитом Исидором, в Риме же оно не было. Поэтому «Заметка о Риме» с самого начала возникла как отдельный памятник, и поэтому автор счел нужным начать ее с указания на существование своего другого труда: «До града Ферары путь писан напреди». Эта фраза, представляющая собою прямую ссылку на «Хождение» (в котором описывается, в частности, путь русского посольства до Феррары), скорее всего, не должна была бы присутствовать в тексте «Заметки», если бы она представляла собою фрагмент «Хождения»: в тексте «Хождения» ни разу не встречаются указания на то, что путь до какого-либо города «писан напреди», и такие указания были не нужны, ибо «Хождение» включало последовательное описание всего пути русского посольства.

О том, что «Заметка о Риме» не входила в текст «Хождения», свидетельствуют также наблюдения над ее рукописной традицией. Дополнительно к опубликованным спискам Румянцевскому, № 35, и Софийского сборника, № 1465, удалось выявить еще два списка: сборников БАН, 16.8.13 и ГБЛ, Музейное собр., № 939.⁶ Румянцевский список ввиду его позднего происхождения и отсутствия сведений о составе сборника, в который вошел протограф списка, не дает оснований для решения вопроса о соотношении «Хождения» и «Заметки о Риме». Сборник БАН, 16.8.13, хотя и ранний (вторая четверть XVI в.) и включает тексты обоих памятников, также не имеет значения для поставленной нами цели, так как «Заметка о Риме» вписана скорописью конца XVI в. (т. е. спустя более полувека после составления сборника) на оставшиеся незаполненными листы (л. 135—136). Что касается Софийского сборника, № 1465, самого раннего, начала XVI в., то текст «Хождения» занимает в нем л. 230—239, «Заметка о Риме» написана на л. 246—246 об. другим почерком, нежели «Хождение», но принадлежащим одному из основных писцов сборника. Это свидетельствует о том, что составители сборника не только не рассматривали «Хождение» и «Заметку» как одно произведение, но даже не уловили между

собор», содержит описание путешествия русского посольства из Москвы во Флоренцию и из Флоренции в Суздаль, составленное неизвестным автором (последнее издание: Н. А. Казакова. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор». — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 60—72).

⁵ Reisebericht eines unbekanntes Russen (1437—1440), übersetzt, eingeleitet und erklärt von Günther Stökl. — In: Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinern gesehen. Byzantinische Geschichtsschreiber, Bd II. Styria—Graz—Wien—Köln, 1954, S. 181—182, Anmerkung 70.

⁶ В неопубликованной диссертации Н. В. Мощинской названы три списка: БАН, 16.8.13, ГБЛ, Музейное собр., № 39, ГПБ, Софийское собр., № 1465 (см.: ГБЛ, ф. дис.: Н. В. Мощинская. «Повесть об осьмом соборе» Симеона Суздальского и «Хождение на Ферраро-Флорентийский собор» неизвестного суздальца как литературные памятники середины XV века. (Текстология, идеологические тенденции и стиливое своеобразие). М., 1972).

ними тематической связи, вследствие чего поместили их в разных частях сборника. В Музейном сборнике, № 939 (середины XVII в.), «Заметка о Риме» (л. 58—58 об.) следует непосредственно за «Хождением» (л. 43 об.—58) и оба произведения написаны одной рукою. Таким образом, составитель Музейного сборника, № 939, тематическую связь между обоими памятниками уловил и поэтому поместил их рядом, но он не сделал попытки вставить описание Рима в то место «Хождения», где ему полагалось быть по смыслу (после описания Феррары); следовательно, и составитель Музейного сборника, № 939, не считал интересующие нас памятники одним произведением. Наши наблюдения над сборниками с текстом «Заметки о Риме» позволяют сделать заключение о том, что в рукописной традиции «Хождение во Флоренцию» и «Заметка о Риме» воспринимались как отдельные произведения, что является доводом в пользу предположения об их раздельном возникновении.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Заметка о Риме

Основной список. ГПБ, Софийское собр., № 1465, сб. в 4°, 246 л., полуустав разных рук, начало XVI в., водяные знаки: 1) бычачья голова с чертой между рогами, оканчивающейся розеткой из семи лепестков; у Брикe знаки этой группы № 14765, 14766 — 1475—1477 гг.; 2) бычачья голова с шестом между рогами, на котором укрепленa корона с розеткой; у Брикe № 14576 — 1474—1477 гг.; 3) папская тиара; у Брикe № 4899 — 1501—1503 гг.; 4) бычачья голова с обвитым змеею шестом между рогами, заканчивающимся крестом; у Брикe № 15377 — 1505 г.; 5) неопознанный знак; 6) готическое «р» с розеткой наверху; у Брикe похожий знак № 8619 — 1477 г.; 7) бычачья голова с чертой между рогами, оканчивающейся звездочкой из пересеченных линий; у Лихачева, Вод. зн., близкие знаки № 1055, 1057 — 1481 г.; л. 246—246 об. На л. 1 помета «Кирилова монастыря» (описание сб. см.: Д. И. Абрамович. Софийская библиотека, вып. III. СПб., 1910, с. 273—276).

Разночтения. БАН, 16.8.13, сб. в 4°, 240 л., полуустав и скоропись, вторая четверть XVI в., водяные знаки: 1) олень с цветком, знак, схожий у Брикe с № 3319 — 1552 г.; 2) гербовый щит с украшением, на щите три маленькие лилии, под щитом готическое «р» — знак, схожий у Лихачева, Бум. мельн., с № 234 — 1523 г.; 3) змея — близка у Лихачева, Вод. зн., к № 1644 — 1537 г.; 4) кувшинчик с одной ручкой; близок к № 12833 у Брикe — 1529 г.; 5) гербовый щит с украшением, на щите три маленькие лилии, под щитом монограмма; у Брикe № 1819 — 1523—1533 гг. (описание сб. см.: Исторические сборники XV—XVII вв. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 2. М.—Л., 1965, с. 118—121); л. 135—136. Условное обозначение списка А.

ГБЛ, Музейное собр., № 939, сб. в 4°, 58 л., скоропись, середина XVII в., водяные знаки: щит с изображением лилии, над щитом корона; у Тромонина № 640 — 1644 г., у Каманина № 639 — 1655 г., и другие знаки (описание сб. см.: Музейное собрание рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, т. I. М., 1961, с. 150—152); л. 58—58 об. Условное обозначение списка М.⁸

До^{1,1} града Ферары путь писан напреди. А от Ферары града до Рима великаго града 50² миль. А Рим великий град стоит на реце на Тивере за 12 миль до моря. А около града 30 миль 2 мили. А ездили есмь около града два дни на конех. Стоит же межи горами. А церкви святаго апостола Петра³ внутри града. А мера ея в долину ступеней великих 105,

⁷ I. Каманин, О. Вітвіцька. Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. (1566—1651). Київ, 1923.

⁸ Орфографические разночтения, а также простые перестановки слов не отмечаются.

^{1,1} о(т) А; от М. ² 20 А.

³ Доб. стоит М.

а попереk полсемадесять. А моши святых апостол Петра и Павла лежат в церквах, разделил их святыи папа Силивестр, половина в Петре святем и ⁴ половина в Павле святем, а главы их лежат в церкви святого ⁵ Ивана Предтечи. И тамо святыи царь Коньстянтин крестилься, и крестилница его мрамор зелен. Да были есмь ⁶ на месте, кде усекнули главу святому апостолу Павлу, ту три кладязи: коли стяли главу, и она прынула трижды, и с тех мест истекают три кладязи прудко велми, ⁷ и вода их пити сладка велми ⁸ и студена. А ⁹ мечем тем знаменахомся, которым его ¹⁰ усекнули, и воду ту святую пихом. От града же до церкви святого апостола Павла 2 мили. А мера церкви той — ступеней великих 130, а попереk 70. Церкви ¹¹ же в нем ¹² были велми велици и позлащенные верхи и полаты чюдны. И то все порушилося, запустения ради. Видехом же и дом царев и дом Еуфимианов велик велми. А иного не писахом.

ГПБ, Софийское собр., № 1465, л. 246—246 об.

⁴ а А. ⁵ Нет М. ⁶ Нет АМ. ⁷⁻⁸ Нет АМ. ⁹ И АМ. ¹⁰ Павла АМ.
¹¹⁻¹² во граде том М.

О. В. ТВОРОГОВ

Материалы к истории русских хронографов. I. Ефросиновский хронограф

Этой статьей начинается серия исследований-публикаций хронографических памятников XV—XVI вв. Издаваемые тексты, как правило, представляют интерес не только сами по себе, но и как материал для реконструкции несохранившихся хронографических сводов.

Открывает серию статья об Ефросиновском хронографе. В дальнейшем предполагается опубликовать Софийский хронограф (ГПБ, Софийское собр., № 1454), «Прибавление к Хронографической палее» (по рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1435), фрагменты из Тихонравовского хронографа (ГБЛ, собр. Тихонравова, № 704) и другие памятники.

* * *

Ефросиновским хронографом (далее: Ефр. хр.) условно названа хронографическая компиляция, находящаяся в составе одного из сборников, писанных рукой монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина. Личность Ефросина уже была предметом внимания ученых: были детально рассмотрены методы его работы над литературными источниками, проанализирован и оценен круг интересов.¹ Наблюдения над Ефр. хр. помогут расширить наши представления об этом выдающемся книжнике.

Ефр. хр. читается в сборнике ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 11/1088, на л. 326 об.—353. Как следует из записей на л. 19 об. и 217, сборник написан в 1490—1491 гг.² Помимо Ефр. хр. в сборнике находятся Сербская Александрия, Сказание об Индийском царстве, Повесть о Дракуле, ряд фрагментов из апокрифических памятников, особая редакция хронографической палеи и другие статьи.³

Ефр. хр. определялся исследователями как отрывок из Хроники Георгия Амартола. Это мнение основывалось на наименовании текста, прямо указывающем на данный источник («От книги царства Георгия Мниха грѣшнаго»), а также на том, что начало Ефр. хр. дословно совпадает

¹ См.: Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961 (в этой статье имеется библиография предшествующих описаний и упоминаний сборника); Р. П. Дмитриев. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»). — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966.

² См.: Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина. . . , с. 140.

³ Полное описание сборника см.: Н. В. Рузский. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в св. землю русского игумена Даниила в начале XII в. — ЧОИДР, 1891, кн. 3, с. 21—28. О составе сборника см. также в упомянутой выше статье Я. С. Лурье.

с началом основного (после предисловия) текста Хроники Амартола. Однако теперь очевидно, что перед нами компиляция, лишь частично (и притом в самой незначительной степени) соотносимая с данной Хроникой. Основным же источником ее является, как будет показано далее, хронографический свод, лишь в последние годы подвергшийся специальному исследованию. Свод этот по старшему из известных ныне списков получил наименование Троицкого хронографа.⁴

Как показало исследование, Троицкий хронограф (далее: Тр. хр.) — это компиляция, в основе которой лежит другой хронографический свод — Хронограф по великому изложению. Этот хронограф, в свою очередь, восходит в большей своей части к Хронике Георгия Амартола.⁵ Поэтому, встретив в Ефр. хр. фрагмент, восходящий к данной Хронике, необходимо установить, попал он в Ефр. хр. через посредство Тр. хр. или же непосредственно из Хроники Амартола. Дело осложняется еще тем, что к Хронографу по великому изложению восходят и другие хронографические памятники — Полная и Краткая хронографические палеи и вторая редакция Еллинского летописца. Естественно, что в ряде случаев тексты Тр. хр. и названных памятников совпадают.⁶ Поэтому мы должны также попытаться установить, какие фрагменты Ефр. хр. восходят именно к Тр. хр., а не к какому-либо иному, сходному с ним, хронографическому источнику. Наконец, последнее. Наблюдения над Ефр. хр. подтверждают выдвигавшееся ранее предположение, что сохранившиеся списки Тр. хр. отражают не первичный (архетипный) текст этого памятника, а текст сокращенный и искаженный (сравнительно с архетипным), но одновременно дополненный по новым источникам. В ряде случаев нам окажет помощь Тихонравовский хронограф (ГБЛ, собр. Тихонравова, № 704), который в значительной своей части основан на Тр. хр., но при этом — как и Ефр. хр. — восходит к не дошедшей до нас, более ранней редакции Тр. хр.

Рассмотрим фрагменты Ефр. хр., бесспорно восходящие к Тр. хр. Так, во фрагменте XIX рассказы о погребении Александра Македонского и библиофильстве Птолемея Филадельфа (Братолюбца) соседствуют в Ефр. хр. так же, как и в Тр. хр. (при этом последний рассказ известен нам только по Тр. хр. и восходящему к нему же Тихонравовскому хронографу). Фрагмент XX тематически мог бы быть соотнесен с Хроникой Амартола, однако текстуально он сближается именно с Тр. хр.

В Хронике Амартола читаем: «Птолѣмѣи Братолюбѣць, при томѣ 70 от евреи премудрии законъ истолковаша. Птолѣмѣи Добродѣтелнии, при томѣ иже вседобродетелную премудрость научи евреемъ Исусъ Сираховичъ въдомъ бяше. Птолѣмѣи Отчелюбець, при томѣ евреистии людие плѣнни идоша въ Егупеть».⁷ В Тр. хр.: «И бысть царства Птоломѣева Братолюбца лѣтъ 20 и 5. Птоломѣи Отчелюбець лѣтъ 30 и 4. При томѣ Исус Сирахович мудрии въдомъ бяше. По том же царства Птоломѣи Възрачныи. При том людие еврѣистии плѣнены быша въ Егупеть».⁸

⁴ Это списки: ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 728 (нач. XV в.); ГБЛ, собр. Ундольского, № 1, и ГПБ, Новое собр. рукописных книг, 1918, Ф. № 27 (конца XV—начала XVI в.).

⁵ Подробней см.: О. В. Т в о р о г о в. Древнерусские хронографы. Л., 1975, гл. II и III.

⁶ Я полагаю, что Тр. хр. основан на более старшем (по моей классификации — втором) виде Хронографа по великому изложению, а палеи и Еллинский летописец — на третьем виде.

⁷ В. М. И с т р и н. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Пг., 1920, с. 299. Далее Хроника цитируется по этому изданию.

⁸ Тр. хр. по списку Троице-Сергиевой лавры, л. 344 об. Далее Тр. хр. цитируется по этому списку.

Как видим, текст Тр. хр. отличен от текста Хроники Амартола. Ефр. хр. дословно совпадает именно с Тр. хр. (не считая трех незначительных отклонений: «24» вместо «30 и 4», «при том» вместо «по том» и «въ Египтѣ» вместо «въ Егупетѣ»).

Другой пример. Рассказ о судьбе Ирода, сосланного Тиверием в Испанию, читается и в Тр. хр., и в Полной хронографической палее,⁹ однако с некоторыми текстуальными различиями.

Т р . х р .

. . . (Ирод) ту же живя животь свои сконча злѣ, плясавшую же дѣвицю пожре земля злѣ живу. Си же не вся по еуангельскому проповѣданію быша.

В ѣ щ а в е л и к и и е у а н г е л и с т ь И о а н н ѣ , и б о Т и в е р и и т а к ѣ с ы м у д р ь . . . з л ѣ ж и в о т ь с в о и и с п р о в е р ж е , ц а р с т в о в а в ѣ л ѣ т 20 и 3. П о Т и в е р и и ж е ц а р с т в о в а Г а и (л . 351—351 об.).

П о л н а я п а л е я

. . . ту же живот свои сконча во злѣ, плясавшу же злѣ дѣвицю пожрѣть земля живу. Умрет же Тиверии, царствовавъ лѣта 23. А царствовал Тиверии по възнесении лѣт 5. По Тиверии же царствова Гаи (л. 415).

Выделенные слова восходят к Хронике Амартола (см. с. 224). В Палее этот фрагмент из Амартола отсутствует, а в Ефр. хр. читается его пересказ: «Ибо Тиверии царь сы мудръ» и т. д.

Фрагменты XXII и XXIII в конечном счете восходят к Хронике Иоанна Малалы. Однако можно установить, что они попали в Ефр. хр. не из этой хроники, а из Тр. хр.: в обоих памятниках (а также в Полной палее) текст Малалы передан в сходном пересказе, но именно в Тр. хр. (и в параллельном тексте Тихонравовского хронографа) вслед за рассказом о деятельности Ромула следует эпизод о рождении и младенчестве братьев. Тот же эпизод читается в Ефр. хр.

Обратимся к фрагменту XXV и сопоставим его с соответствующими текстами Полной палеи и Тр. хр.¹⁰

П о л н а я п а л е я . П о у г а т ѣ ж е ц а р с т в о в а 1 ц а р ь И у л и и н е р о ж е н н ы , м а т е р и е г о у м р ѣ ш и 9 м ѣ с я ц ѣ , п р о п о р ш е ю (л . 411 об.).

Т р . х р . П р а в и ш а р и м с к ѣ я с к и п е т р ы у г а т ѣ л ѣ т 464. И б ы т ь у н и х 1 ц а р ь И у л и и н е р о ж е н н ы , и б о м а т е р и е г о у м е р ш и 9-и м ѣ с я ц ѣ , п р о п о р ш е ю (л . 345 об.).

Е ф р . х р . П р а в и ш а р и м с к ѣ я с к и п е т р ы у г а т и л ѣ т 464. П о с и х ж е ц а р с т в о в а п е р в о е ц а р ь И у л и и н е р о ж е н н ы , и б о у м е р ш е м а т е р и е г о , а с и и 9 м ѣ с я ц ѣ в о у т р о б ѣ , п р о п о р о в ш е ю (л . 347 об.).

Сходство Ефр. хр. с Тр. хр. несомненно, но слова «По сих же царствова первое царь» больше напоминают чтение Палеи. Объяснение этому будет дано ниже.

Фрагмент XXVI может быть соотнесен только с Тр. хр., так как соответствующий текст в Палее значительно короче; к тому же в Палее читается: «При сего царствии въ 15 лѣто царства его. . . крестися господь» (что соответствует Хронике Амартола, к которой восходит данный фрагмент), а в Ефр. хр. говорится: «Бѣ же господь наш Исус Христос тогда уже 15 лѣт», так же, как в Тр. хр. (Тр. хр.: «Бѣ же господь наш тогда 15 лѣт», л. 350). Связь Ефр. хр. с Тр. хр. очевидна.

Фрагменты XXVII—XXIX также соотносятся с Тр. хр. Некоторым фразам, дословно совпадающим в Ефр. хр. и Тр. хр., в других источниках

⁹ Палее цитируется по списку ГПБ, собр. Погодина, № 1435.

¹⁰ Эпизод этот представляет собой компиляцию из текстов Хроники Амартола (см. с. 204 и 205) и 9-й книги Хроники Иоанна Малалы.

(исключая Тихонравовский хронограф, который, как сказано, сам зависит от Тр. хр.) пока не обнаружено соответствий.

Итак, все, казалось бы, ведет к выводу, что источником Ефр. хр. является Тр. хр. Но положение осложнено тем, что в Ефр. хр. вошел текст, который в известных нам списках Тр. хр. отсутствует.

Прежде всего устраним возможность допущения, что дополнительным (помимо Тр. хр.) источником Ефр. хр. могли быть хронографические палеи или третий вид Хронографа по великому изложению (к которому эти палеи восходят). Дело в том, что, как и следует из наших представлений об истории Тр. хр. (который, напомним, восходит к предшествующему — второму виду Хронографа по великому изложению), в Тр. хр. и Ефр. хр. обнаруживаются более первичные чтения (в данном случае более близкие к тексту Хроники Амартола), чем в палеях и Еллинском летописце второй редакции.¹¹

Так, если в Хронике Амартола читается «камение другъ (ко) другу съвъкуплени, яко единъ камень мнѣти» (с. 194), то в Полной палее и второй редакции Еллинского летописца — «камению круги къ кругу съвъкуплени и къ единению камень мнѣти» (Полная палея, л. 404 об.). В Хронике Амартола — «а еже назадъ локоть 40» (там же); в Полной палее и Еллинском летописце — «а еже на запад лакот 40» и т. д. В Тр. хр. соответствующего текста нет, но и в Тихонравовском хронографе и Ефр. хр. мы находим чтения, совпадающие с чтениями Хроники Амартола.

Так мы приходим к дилемме: либо текст Тр. хр. при составлении Ефр. хр. пополнялся по тексту Хронографа по великому изложению второго вида, либо — и это наиболее вероятно — в руках составителя Ефр. хр. находился более ранний, чем известный нам по трем указанным выше спискам, текст Тр. хр. Этот же текст был отражен и Тихонравовским хронографом.¹²

Эта гипотеза осложнена тем, что утрачено, видимо, не одно звено в истории Тр. хр. Так, например, рассказ об Александре Македонском в Ефр. хр. составлен по Хронике Амартола,¹³ в Тр. хр. вместо него следует текст хронографической «Александрии», но возможно, что амартоловская версия читалась и в первоначальной редакции Тр. хр.¹⁴

Другой пример. Рассказ о взятии Иерусалима Титом передан в Ефр. хр. в извлечениях, соотносимых с текстом Палеи; в Тр. хр. этого сюжета вообще нет, — там повествование прерывается на царствовании Веспасиана, а в Тихонравовском хронографе вместо фрагментов из Хроники Амартола читается рассказ, извлеченный из средневековой еврейской хронографической компиляции — «Иосиппона» (тот же текст мы находим в Еллинском летописце второй редакции). Не значит ли это, что Ефр. хр. восходит к тому виду Тр. хр., в котором текст рассказа о взятии Иерусалима совпадал еще с палейным, а Тихонравовский хронограф — к иному виду, в котором рассказ, составленный по Хронике Амартола, был заменен повествованием «Иосиппона»?

При всем этом замечу, что Ефр. хр. в большей части своей несомненно следовал какой-то предшествовавшей ему хронографической компиляции

¹¹ Речь идет о том фрагменте Еллинского летописца, который вошел в его состав через посредство Хронографа по великому изложению.

¹² Сам Тихонравовский хронограф, известный в одном списке XVI в., не мог быть источником Ефр. хр.

¹³ Текст из Хроники Амартола читается и в палеях; при этом он передан полнее то в палеях, то в Ефр. хр., а в случаях совпадения фрагментов в Ефр. хр. гораздо точнее, чем в палеях, соответствует источнику.

¹⁴ В Тихонравовском хронографе рассказ об Александре вообще отсутствует, и это лишает нас возможности проверить выдвинутую гипотезу.

и крайне редко компилировал сам. На это указывает композиция Ефр. хр.: переходы от одного места источника к другому (и от источника к источнику) совершаются в нем так же, как, например, в Тр. хр. или палеях. Рассмотрим с этой точки зрения уже упоминавшийся рассказ об Александре Македонском. Для сравнения привлечем текст Полной палеи (как мы предположили выше, она сохранила текст Хронографа по великому изложению, которому следовал и старший текст Тр. хр.). Параллелизм текстов Ефр. хр. и Полной палеи проиллюстрируем ниже, при этом укажем границы фрагментов из Хроники Амартола (страницы и строки по изданию В. М. Истрина) в той последовательности, в которой они читаются в Ефр. хр. (фрагменты X—XVIII) и в параллельном тексте Полной палеи.¹⁵

Е ф р. х р.	П о л н а я п а л е я
197, 18—25	197, 16—198, 4
198, 16—24	198, 5—6
42, 1—11	42, 11—44, 23; 45, 14—24;
42, 22—43, 16	45, 26—46, 10; 46, 23—47, 2
47, 6—16	47, 15—16 (ниже, после 49, 21)
48, 1—3	48, 5—9
48, 5—49, 21	48, 19—49, 21; 50, 24—28
199, 2—18	199, 5—10; 299, 6—7 и 13—17;
	300, 1—5; 199, 11—18

Несмотря на то что границы фрагментов, извлеченных из Хроники Амартола, далеко не всегда совпадают, параллелизм состава Ефр. хр. и Палеи все же очевиден.

Укажу еще на один факт. Фрагменты VI и VII Ефр. хр. содержат пересказ глав 2, 3 и 4 книги пророка Даниила. Едва ли составитель Ефр. хр. обратился к этому источнику самостоятельно: выдержки из книги Даниила (с толкованиями Ипполита) являлись компонентами и Тр. хр., и Полной палеи и, следовательно, оказались соединенными с фрагментами из Хроники Амартола уже в источнике Ефр. хр.

Несколько загадочным является фрагмент XXIV. Рассказ о Малии и Февруалии читается в первой и второй редакциях Еллинского летописца, но там цитируется Хроника Малалы. Ефр. хр., таким образом, — единственный известный нам русский хронографический свод, в котором данный сюжет излагается по Хронике Амартола.

Итак, наиболее вероятной является гипотеза, что Ефросиновский хронограф основан на первоначальной, не дошедшей до нас версии Тр. хр., но этот основной источник был дополнен самим составителем Ефр. хр. извлечениями из других хронографических текстов, в частности из Хроники Амартола.

* * *

Обратимся теперь к проблеме атрибуции Хронографа. Есть достаточно оснований полагать, что Ефр. хр. был составлен самим Ефросином, именно он выбрал интересующие его фрагменты из Тр. хр. и Хроники Амартола и связал их в единое повествование.

Прежде всего отмечу, что состав Ефр. хр. отражает типичное для Ефросина сочетание интереса к историческим событиям с равнодушием к церковно-историческим и богословским сюжетам. При составлении Ефр. хр. проявил себя тот же принцип отбора материала, который обнаруживается

¹⁵ В Краткой палее текст тот же.

в переписанных Ефросином текстах хронографической палеи, «Жождения игумена Даниила» или «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.¹⁶

Характерной чертой Ефр. хр. является различное отношение к принципам передачи источников в начале и в конце текста: в начале Хронографа Ефросин почти дословно передает текст избранных фрагментов, но затем, — с изложения истории Нерона, — метод работы резко изменяется: Ефросин кратко и весьма свободно пересказывает свои источники.¹⁷ Так, пространному повествованию о Нероне и его преемниках в Ефр. хр. соответствует следующий текст: «По Клавдии же царствова Неронъ, сынъ его, лѣтъ 14. Сеи умучи Петра, Павла. Успасианъ, сынъ Нероновъ, Тит, внукъ Нероновъ; сии град Иерусалимъ плѣнша» (л. 349 об.). На принадлежность пересказа Ефросину указывает следующая деталь. Приведенная здесь генеалогическая справка ошибочна и не могла быть подсказана источником. В Тихонравовском хронографе,¹⁸ во-первых, называются преемники Нерона — Гальба, Оттон и Виттелий, а во-вторых, рассказано, как Веспасиан был провозглашен императором «советом всех князь»; таким образом, нет никаких оснований предполагать, что он был сыном Нерона. Генеалогия создана Ефросином; точно так же он поступил и в другом случае: пересказывая «Историю Иудейской войны», добавил следующее разъяснение к имени Тита — «сын Успасиана царя, милостив сын».¹⁹

Опуская рассказ о золотом идоле, созданном Навуходоносором, Ефросин пишет: «В лѣто 18 Навходоносор царь сътвори образ злат, высота ему лакти 60, и широта его 6 локоть, и проч(ь)е писано в паремии и во псалтыры в пѣснях» (л. 331 об.). Подобные же библиографические ссылки Р. П. Дмитриева обнаружила в иных статьях ефросиновских сборников («якоже во Еуангелии писано», «и прочая писано в Паремии», «и прочая в Деяниях» и т. п.).²⁰

В Хронике Амартола читаем: «Нынѣшнии же образъ и видъ 2-го здания церковнаго» (с. 193); у Ефросина: «Нынѣшнии же видъ и образ втораго здания церкви Святая Святых» (л. 334). Подобное же уточнение Р. П. Дмитриева обнаружила в ефросиновской переработке «Истории Иудейской войны», где вместо слова «церкви» Ефросин пишет «Святая же Святых храм».²¹

Кратко пересказав описание голода в осажденном Иерусалиме, Ефросин заключает этот эпизод словами (добавления Ефросина выделены): «. . дѣти своя из(ъ)едающе, лаину мѣшаху ядуще *в непокорствѣ своемъ ко царю божшимъ попущениюемъ*» (л. 350). Аналогичные рассуждения о причинах гибели Иерусалима отметила в пересказе «Истории Иудейской

¹⁶ См.: Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина. . . , с. 144—145; Р. П. Дмитриева. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. . . , с. 267.

¹⁷ Напрашивается интересная параллель с Кирилло-Белозерским списком «Задонщины». Я полагаю ранее, что Ефросин переписывал его с дефектного текста и именно этим можно объяснить тот факт, что начиная с определенного места Кирилло-Белозерский список начинает резко отличаться от других списков «Задонщины»; вторую половину текста, как я думал, Ефросин воспроизводил по памяти (см.: О. В. Творогов. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 314). Но, быть может, Ефросин поступил с текстом «Задонщины» так же, как поступил с Тр. хр.: с какого-то момента он отказался ему следовать и остальной текст лишь кратко пересказал?

¹⁸ Во всех дошедших до нас списках Тр. хр. после упоминания о приходе Веспасиана (тогда еще полководца Нерона) в Иудею большая лакуна. Текст Тр. хр. сохранился, однако, в Тихонравовском хронографе, который и привлекаю для сравнения.

¹⁹ См.: Р. П. Дмитриева. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. . . , с. 279.

²⁰ Там же, с. 273.

²¹ Там же, с. 280.

войны» Ефросином Р. П. Дмитриева: «Мятежники же и разбойники сами обличаху друг от друга убъени быша, зане не хотеша датися римляном, сего ради погибоша и град погубиша». ²²

Итак, подобные параллели укрепляют нашу уверенность в том, что хронограф был составлен самим Ефросином на основе самостоятельно переработанных им источников.

В заключение остановимся на последнем фрагменте Ефр. хр., в котором весьма сложно отделить следы какого-то неизвестного нам источника от возможного творчества самого Ефросина. Речь идет о перечне римских императоров. Сопоставляя его с подобными же перечнями в Хронике Амартола (откуда эти сведения попали в Хронограф по великому изложению, а через его посредство — в Тр. хр. и хронографические палеи), мы заметим, что у Ефросина встречаются имена, которых нет у Амартола, и что существенно отличаются сведения о продолжительности правления императоров.

Так, после Антонина Благочестивого Ефросин называет Фироса и Кира: «Фирось, сынъ его, лѣтъ 8. Киръ лѣтъ 7 и мѣсяць 10 и дни 18» (л. 352). Можно допустить, что здесь как-то отразилось имя соправителя Марка Аврелия — Луция Вера, но источником этих сведений не может быть ни Хроника Амартола, ни восходящие к ней памятники. У Амартола мы читаем: «По Антонинѣ же Благочестивѣмъ царствова Марко Антонинъ, сынъ его, лѣтъ 19, с Виромъ, зятемъ его» (с. 309). Во-первых, здесь не говорится о годах правления Вера, а во-вторых, Марк Аврелий (ср. в Ефр. хр.: «Марко Аврилие») назван Марком Антонином. В Тихонравовском хронографе (соответствующем, как сказано, Тр. хр.) текст еще короче: «По Антонинѣ же царствова Марко, сынъ его». ²³ В Ефр. хр. после Септимия Севера упоминается «Антоние и Гетас», т. е. Антонин Гета — соправитель Севера, а затем Каракалла. В Хронике же Амартола после Севера поименован сразу Антонин Каракалла. Любопытен перечень императоров от Александра Севера (Мамеянина) до Деция. В Хронике Амартола после Александра Мамеянина упоминаются Максимиан, Максим Ивалвин, Гордиан, Филипп и затем Деций (с. 315—318). В Ефр. хр. названы имена императоров, в Хронике пропущенных: Лавин — это, видимо, Бальбин, Помпиан — Пупиен. Имена Марка, Укора и Униора не могут быть пока идентифицированы, возможно, это результат каких-то описок и искажений текста.

Так или иначе, но ясно, что при составлении перечня римских императоров Ефросин использовал не Тр. хр., а какой-то иной источник, нам пока не известный. Поэтому особый интерес приобретают случаи, когда текст Ефр. хр. сближается с перечнем императоров, составляющим статью «Лѣтописьць въкратцѣ отъ Авъгуста даже и до Константина и Зоя, цесарь гръчьскихъ», читающуюся в конце Изборника 1073 г. Как установлено Е. К. Пиотровской, перечень этот отличается от распространенного в древнерусской книжности «Летописца вскоре патриарха Никифора». ²⁴ Тем существеннее отметить, что именно эти индивидуальные черты «Летописца вкратце» иногда перекликаются с чтениями Ефр. хр. Так, у Амартола упомянут Вир как соправитель Марка Антония, но не указано, сколько лет он правил (см. выше). В Изборнике сказано: «Анѣтониносъ лѣтъ 23, съ христия. Уиръ лѣтъ 7, мѣсяць 10, дни 18». ²⁵ В Ефр. хр. после Антонина

²² Там же, с. 290.

²³ См. рукопись ГБЛ, собр. Тихонравова, № 704, л. 460 об.

²⁴ См.: Е. К. Пиотровская. «Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора и «Изборник Святослава» 1073 г. — В кн.: Социально-политическая история СССР. Сб. статей аспирантов и соискателей. Ч. 2. М.—Л., 1974, с. 117—121. Пользуюсь случаем поблагодарить Е. К. Пиотровскую за консультацию.

²⁵ Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880, л. 264 об.

и гусли замысли быти, Фовел же млатомъ желѣзо и медь нача бити, кн^о ковалну, иныя хитрости. Овъ в гусли и пѣснями диаволскими замыслы
л. 328 учаешя. Сии же копия || и оружия нача дѣлати на брани.

II. Сиф же и первое грамоту жидовскую, и премудрость, и знаменія небесная, и правы четыре години лѣту и мѣсяцемъ и недѣлямъ, и звѣздамъ имена. И пятъ звѣздъ блазных, да человекѣи знаютъ ихъ точию. Первую же звѣзду нарече Кронъ, вторую Арея, 3-ю же Дия, 4-ю Афродитъ, 5-ю Арминъ. По потошъ же Каинъ, сынъ Арфаксадовъ, исписа звѣздны законъ, обрѣтъ имя Сифово и чадъ его и звѣздныхъ именъ на доскъ каменной исписано. Ибо Сифовомъ внукомъ проповѣдано бысть свыше хотяще быти погибели человекѣомъ. И сотвори два столпа: единъ камень, а други глинянъ. Сего Си||фа изглаголана небесная вся, мнящимъ, яко от воды весь миръ погибнет, каменны останеть, а еже на немъ написано. Аще ли разгорится, глиняны пребудет и яже на немъ написано. Иже столпъ по потошъ пребысть в Сиридонстѣи горѣ и есть и донынѣ, якоже глаголетъ Иосифъ.

л. 328 об.

Потомъ же бысть нѣкы гигантъ, рекомы Полникъ, имя ему Невродъ, сынъ Хусовъ, ефиопенинъ от колѣна Хамова. Той созда Вавилъ град, и первое от того нача ловы дѣяти и волшения. Персяномъ бысть старѣшина. Сеи научи звѣздозаконию и звѣздословию и небеснымъ дивизаниемъ.

л. 329

III. И бысть потомъ инъ мужъ гиганскаго рода, именемъ Кронъ, || по имени велика звѣзды вышняя. Бысть же и силенъ зѣло.

IV. Потомъ по мнозѣхъ лѣтѣхъ Навходоносоръ созда град Вавилонъ каменны, в ширину лакти 3 и в долготу 6, мѣру же градскую створи стади 40, поприщъ шестью и пол. Высота же стѣны градския лакотъ 80, а толстота 30, и столпы постави обаполы вратъ, в высоту лакотъ 100, а в толстоту 60. И сътвори врата коемуждо мѣдяна, лакти 50 в высоту и в ширину 20. Ископа же посреди града озеро полно воды. Мѣра же его имяше стади 40, глубина же его сажень 40. И созда стѣну округ его преславно и всяческихъ древесъ плодовыхъ выспрь насади преславно зѣло, яко подобно || густыхъ лѣсъ, в немже царици его ходящи веселящися, никимъ же видима.

л. 329 об.

V. Сеи убо Навходоносоръ прииде въ Иерусалимъ с гордынею великою и с вой многыми зѣло и обступи Иерусалимъ. В лѣто 3-е царства Иоакимова иудейска. И предасть господь Иерусалимъ в руцѣ Иоакима, царя иудейска, Навходоносору. От части сосуды храма божия и принесе ихъ в землю свою Сенаръ, бога своего, и внесе ихъ во храмъ бога своего. И полони царя Иоакима и от жидовъ много множество введе в Вавилон, и святги 3 отроци, и Даниль пророкъ. Веде ихъ въ единомъ ужичи по тысящи. И Данила, трехъ отрокъ повелѣ питати ихъ Асханехови царскою трапезою, ѣствою и винопитиемъ.

л. 330

VI. В лѣто || 3-е по плѣну иерусалимску царь Навходоносор сонъ видѣ страшень зѣло. И призва вольхвы своя сказати сонъ. Они же не могаша ему сказати сна, и повелѣ ихъ царь избити. И сказа царю сонъ пророкъ Даниль. И рече: «Ты, царю, видѣ сонъ. И се тѣло едино, ибо тѣло то обличие его округъ его предъ лицемъ его, и озракъ лица его страшень. Глава же его от злата чиста, руцѣ и перси его и мышцы сребрени, чрево и стегнѣ мѣдянѣ, носъ часть етера желѣзна и часть етера глинна. И зрящи, дондеже уторжеса камень от горы не руками и удари в тѣло, и в носѣ

^о Конецъ слова обрзан; возможно, читалось кознь.

II. Ср.: Хроника Амартола, с. 33, 13—34, 2. III. Ср.: Хроника Амартола, с. 34, 12—13.

IV. Пересказ Хроники Амартола (ср.: с. 185, 4—17). V. Пересказ; сходный текст читается в Полной хронографической палее. VI. Пересказ гл. 2 Книги пророка Даниила. От слов «Ты, царю, видѣ сонъ» текст близок к тексту Тр. хр. (ср.: л. 257 об.—258 об).

желѣзнѣ и глини, и порази тѣло то и истии е до конца, и истреся желѣзо, и || глина, и золото, и сребро, и мѣдь и бысть яко прах от гумна лѣтня. л. 330 об.
И камень, иже раздрази, тѣ бысть гора велия и наполни всю землю. Се есть сонъ и сказание его.

О Христѣ и о Богородици речемъ пред нимъ, емуже богъ дастъ небес би царство на земли, на неи живут сынове челоувѣчестии, звѣрие полстии, и птица небесныя, и рыбы морскія, тебѣ дал есть богъ в руку твою и поставил тя есть властелина над всѣм сим. Ты убо еси глава златая, яже видѣ. И по тебѣ встанет другое царство, мнѣ тебе, иже есть сребро. Царство же 3-ее, иже изодоолѣетъ всеи земли, еже есть мѣдь. Царство 4-е то будет крѣпчи желѣза, якоже бо желѣза отончевається и умягчевається все. А еже видѣ нозѣ и персты — часть || нѣкая желѣзна и нѣкая скуделна, л. 331
царство нераздѣлено будет, в немже, якоже видѣ, желѣзо снемшеса с глиною, и персты — часть желѣзна и часть глинна; часть убо будет царства крѣпка и часть не крѣпка, и будет само от себе скрушаемо. И во дни царствъ тѣх воставитъ богъ небесны царство, еже не ислѣет во вѣкы, и царство его инѣмъ не останется, и отончит и извѣет вся царства. Отсѣчется от горы не руками и отончить золото, и сребро, и желѣзо, и глину. Богъ убо великы возвѣсти царю, яже по сих хотятъ быти, и истиненъ сонъ и вѣрно сказание его).

Тогда царь, встав с престола своего и пад, поклонися Данилу, и отвѣща царь и рече: «Поистиннѣ богъ нашъ || богъ великъ!». И възвеличи л. 331 об.
царь Данила предъ всѣми, и дары многими и великими почти его, и гривну злату и велику обложи на выю его. И постави его над всею страню Вавилонскою князя и над всѣми мудрыми. Такоже и трие отроци устави властели началныкы. Даниль же не отступаше от царя.

VII. В лѣто 18 Навходоносор царь сътвори образ злат, высота ему лакты 60, и широта его 6 лакоть, и проч(ь)е писано в паремии и во псалтыры в пѣсн(е)х.

Царь Навходоносоръ 2 сонъ видѣ. И се дубъ посреди всея земля и возвеличися зѣло, и высота величеству его досяже до небеси, и коренія его на всеи земли, и вѣтви его превелици зѣло, и листвие его || красно, и л. 332
плод его многъ, и пища всѣх в немъ, и под нимъ бяху вси звѣри дубравнии, и в вѣтвиих его витахуся вся птица небесныя, и от него питашеса вся земля.

И се аггелъ божии святы сниде с небеси, и возпи крѣпкимъ гласомъ и рече: «Посѣдите дубъ сии и отимѣте вѣтви его, и обросите листвие его, и рассыплите и, да ся не възблютъ звѣрие под ним и птица с вѣтвია его, точ(ь)ю причичета кореніе его в земли оставита, во узѣ желѣзнѣ и мѣднѣ, и травнѣ, и в росѣ небеснѣи. Вселится и от челоувѣкъ измѣнится, и сердце звѣрино дастъ ему, дондеже 7 временъ преминеть о немъ».

«Сонъ видѣ Навходоносор, азъ царь, ты же, Валтасаре, возвѣсти ми сказание || его». Се сказание царево о снѣ. И отвѣща Валтасар, рекше л. 332 об.
Данил, и рече: «Есть убо дубъ возвеличися — ты еси, царю, яко возвеличися и досяжеши до небеси, и власть твоя до конца земли. Яко видѣ господинъ мой цесарь аггела святаго сходяща с небеси, иже рече: „Посѣдите дубъ и рассыплите, точ(ь)ю причичения коренія его в земли оставите, и во узѣ желѣзнѣ и мѣднѣ вселится и со звѣрми дивиими часть его, дондеже 7 временъ измѣнится о немъ“ — се же сказание, царю, сказание вышняго есть, иже приспѣше на господя моего царя. Ижженут ты от челоувѣкъ и з дивиими звѣрми будет житие твое, и травою, яко волъ, напишаша, и от росы не||бесныя обростет ти тѣло, 7 временъ измѣнится о тебѣ, л. 333

VII. Пересказ начала гл. 3 Книги пророка Даниила (ср.: Троицкий хронограф, л. 258 об.) и пересказ гл. 4 Книги пророка Даниила.

дондеже увѣси, яко вышнии владѣет царьством челоѳическим, емуже восхощет — дастъ е. И еже рече: „Оставьте проницение корение дуба в земли“ — царство твое будет тебѣ, донележе увѣси царство небесное».

По двою же на 10 мѣсяцю царства его в Вавилонѣ, бѣ ходя на забра-
лѣх со всею славою его, отвѣща царь и рече: «Нѣсть ли се Вавилонъ велики, иже азъ съградих дому царства в державѣ крѣпости моея!». И еще сущу слову во устѣх царю, гласъ с небесе бысть: «Царствие преидет от тебе, и от челоѳкъ исженут тя, и со звѣрми дивиими житие твое, и травую, яко вошь, насытит тя, и 7 вре||мень измѣнятся о тебѣ, дондеже увѣси, яко совладѣет вышнии царством челоѳическим». По скончании же днии тѣх бысть ему разум челоѳчъ, очи свои на небо воздвигъ, и ум его к нему прииде, и вышняго благослови. Велможи его искаху его, и во царствии своемъ утвердися. Был по пустыни ходя и траву, яко вошь, ядяше; от росы небесныя тѣло его обросте, и власи, яко лву, обростоша, и нокти ему, яко птицам, были, дондеже позна глас своего творца. Зри — выше писано.

VIII. Потомъ за 7 лѣт царь взял Египет по пророчеству Данилову. Се убо третии Навходоносор плѣняет Иерусалимъ, яко речено бысть:
1-е убо при Оакимѣ цари плѣнил Иерусалимъ, второе паки при Е||хонии, 3-е при Седекии, и церковь пожже, а Седекию ослѣпи, и сыны его и сестры его многы иссѣче.

Бывають же убо купно въ Иерусалимѣ царьствовавшим. От Давида даже и до Седекиа сут лѣт 498, царей же числом прешло 22, вси же от единого рода быша.

IX. От первого зданія Соломона церковнаго до Зоровавеля царя лѣт прешло 511 и Ездры учителя. Сеи святыя книги обнови. Нынѣшнии же видь и образ второго зданія церкви Святая Святых, ибо Зоровавель град трети стѣнами утверди, стѣны же ея столпове на 4-ре углы имяху широту и высоту по 50 лакотъ, и киждо камень созданию бяше по 20-ти лакотъ. На них бяху домове различнии и превысоки и корыта каменна на приятие водь до||ждевых. Имяше же и иныя столпы высоки на 8 углов и превелики по 100 лакот высоту имуще, яко Аравию оттуду, солнцю всходящу, видѣти. И мѣра градская и преки и мѣра от конца до конца имяше стадии 8 и высота 40, камению же созданию имяху по 20 лакот, ширина же по 10 стопъ, такоже и в толщѣ. И тако на создание камению друг другу совокуплени, яко единъ камень мнѣти. Церквы же твердо на холмѣ создана. 4-рми сады окружена, камене бѣлы строгани, стопъ 40, посреди же града сын церкви 12 степени восхода бяше, высота бяше лакот 100, а еже назад — лакот 40. Погорня бо бяше едина страна градская, друг(а)я же страна || при холмѣ к горѣ. Первая же дверь церковная высоту лакот 70, а в ширину 26, коренѣскою мѣдью обложена, яко лучши красотою позлащенных и осребренных двери. Совнутрь бо бяше и дверь по 40 лакот, златом и серебром украшена бяху. Первы бо храм бяше внутрь превыспреняя, высоту же имяше лакот 90, вдолѣ же 50. Двери же храма позлащены и выше себе виноград имущи, и всяхут грезнове злати мужа возвыше. По вхожени же паперти церковныя ин бѣ дом, емуже высота бѣ лакот 60, ширины же 20, в немже свѣтлик, и трапеза, и кадилница лежаху. Внутренняя же сего дому лакот 20 завѣшена же катапетазмою ко внѣшнему, в не||мже ничтоже не лежаше. И бѣ не входимо и пречестно, тѣмъ Святое Святаго глаголашется. Горнее же и внѣшнее церкви сия: скрижали бо златыми и толстыми украшенъ, первому востоку солнечному огнеобразную зарю испущаше и лица видящим отвращаше; тѣмъ приходящим странным издалеча церкви та видима, яко снѣгъ на горѣ высоцѣ лежащъ видѣти бяше. И хитростию учинено, что птицы не сядилися на ню, не сквер-

VIII. Пересказ Хроники Амартола (ср.: с. 175, 11—16 и 176, 25—26).

IX. Пересказ Хроники Амартола (ср.: с. 193, 20—195, 22).

нили калом. В первы бо внѣшняго всѣм ту живущим и иноплеменником ходити повелѣно бяше, во второе же иудеом оставлено бяше входить, в трее же единому иереом чистым и пречестным сущим, || в четвертое же иудѣом прѣчистующим. В самую же церковь беспорочным иереом, идѣже кивот господне был. л. 336

X. При семь Зоровавели не може взяти града Навходоносор, приходил со тмами многими и осрамился.

По Зоровавели же обладали архиереи Иерусалимом, цареи не было. Ибо Июда роди Фареса, Фарес же роди Есрома, Есром же роди Арама, Арам же роди Аминодава, Аминодав же роди Наасона, Наасон же роди Салмона, Салмон же роди Вооза, Вооз же роди Овида, Овид же роди Иесея, Есея же роди Давида царя. Зане убо Наасонъ сынъ бѣ Аминодавль, сего сестру Елисаветъ ту приведе себѣ жену великы архиереи Ароизъ, брат Моисеовъ, ис колѣна левгитска, аще же и боголѣпный святи-тель Иодае, колѣна сы левгитскаго, приведе себѣ жену, сестру Охозѣву от колѣна Иудова. л. 336 об.

XI. Цари персьстии от Навходоносора даже и до сыновъ его лѣт 32 и прочии же. Дарии же, и Астигнианинъ, и Артаркѣсеркосъ царствова лѣт 17. Киръ 32. Камасии лѣт 18. Спердии волхвъ мѣсяць 7. Дарии Истапович лѣт 25. Артаванъ мѣсяць 6. Астаксеркѣсъ Долгорукии лѣт 41. Артакѣркосъ 2 и мѣсяца два. Съагдаанъ мѣсяць 7. Дарии Таимичичъ лѣт 19. Артаксеркосъ, сынъ его, лѣт 40. Артаксеркосъ иже и Охосъ лѣт 17. Арсии же бяху лѣт 4. Дарии Арсамининъ лѣт 6, егоже Александръ Макидонски уби, якоже глаголахъ, разори царствие Персе||ское², довлѣвше лѣт 240. л. 337

XII. Та же Артаксеркосъ сия Осъ сынъ его, той воева Египет. Тогда во Египтѣ царь Нектанавъ волхвъ измѣни царьская и бѣжа в Макидонию, волшвениемъ хитрым совокупися со Алимпадою царицею, и родиста сына Александра, Филипу Макидониею царствующу лѣт 20. Сеи Селунъ град созда. Потом Александръ, сынъ его.

XIII. Иногда прииде Александръ со множествомъ вои ко Иерусалиму. Архиереи же Аддусъ во архиерейския ризы облечеса и срѣте царя Александра Макидонского по божию окровению бѣ бо архиереи палѣи в такой одежи украшенъ, подириею облачашеса, еже есть сказаемо одежда позлащенная от гла||вы и до ногу, и поясом препоясанъ от прапруда и висса и акифа, и златом испещренъ и украшенъ. Во оскрили же имяше рясы пришвены, и промежу ихъ златы колоколы. Сътвориша убо по долу подвлаком затоки, яко цвѣтца тресны от акифа и от прапруды и от черви и висса соскано. И сътворивше колоколы от злата чиста, пришвени быша промежи тресном по отокам подвлачным округъ. Облачаше же ся и во другую одежу от висса, и акифа, и прапруда, и червьца, и злата, и от всякыя красоты украшену и одѣну, даже и до бедра сходиму, и поясъ подобенъ к первому поясу || состегнену, еже наплечник и ефудъ наречется. Тѣмъ Икула епиндитом именована, к немуже пригвожденъ бяху сардоних на обою раму, златом чистым приковании округъ, ина 12 камени добро-тою различнии, человѣком недоумѣнно иже 4-рми стихии обаполы при-ложены и тако златом приковании, и троца каменна, стихии имуще, чюдно нѣкое стяжание зрящим явльшеса. 1-и же стих си имяше сардо-них и тупазия, измарagdъ. 2-и же анфрака и аспи, самфуро. 3-и же ли-гурионъ, амѣфустонъ, ахатинъ. 4-и же хрусолифъ, анухионъ, вирилионъ. л. 338

² На верхнем поле л. 337 киноварью написано О Александрѣ Макидонском.

X. Компильция с использованием текста Хроники Амартола (ср.: с. 197, 18—25).

XI. Ср.: Хроника Амартола, с. 198, 16—24. XII. Пересказ Хроники Амартола (ср.: с. 42, 1—11). XIII. Пересказ Хроники Амартола (ср.: с. 42, 22—43, 16).

л. 338 об. И на всѣхъ тѣхъ патриарховъ имена на||писана, на коемъждо камени свое имущу имя.

XIV. Александръ же изыде от Иерусалима на Персиду, царя Дариа уби и индискаго Пора уби. Таже послом самъ и видѣти, каковъ есть царь той. Кандакия же слышавши и списа, каковъ есть образом и что имат знамение; и увидѣвши, яко низокъ есть, имѣя зубы великы, зраченъ, едино же око его бѣло, а другое черно. Знамена си имѣющи тако у себе. Таже вшедшу к ней Александру купно с посланным от него, она же познавши его от знаменія, ятъ его, глаголюще: «Александрѣ царю, весь миръ приялъ еси, и жена тя приала». Он же рече ей: «Прельсти я ради дѣла смышления || твоего, убо невредно сохраню тя и сыны твоя и царствие твое, и поиму тя женѣ». Поим же ю, въ Египетъ пришед великий Александръ во свое имя создавъ и паки возвратися в Вавилон, в немже и умре, сы лѣтъ 32, и царствова лѣтъ 12.

XV. Плѣнив же дщери Дариевы красны суца, столь цѣломудръ былъ, не хотя ихъ ни видѣти, цѣломудрие храняше.

XVI. Таже доиде и до внутреннихъ индианъ, и округ идуши всея земля Окианъ величїи рѣцѣ, и в великы островъ рахманскы вшед, ихже чудно и паче человекѣ житие, и к богу всея твари благочестія и службу ихъ

л. 339 об.

чюдися зѣло и дивися мужъ тѣхъ скровенныхъ премудрости. || И на том же мѣстѣ столпъ постави и написа: «Азъ великы царь Александр доидох доселе». В том бо островѣ живут глаголемии макрови, рекше долгоживци, живут бо множайша ихъ до 150 лѣтъ многиа ради чистоты. Индѣ оскудѣваетъ овощие на время, в рахманех же овощие ово цвететь, ово растеть, ово омывается. Ту идѣже величїи индистїи орѣси ражаются и неудобсѣяная и преугодная воня и магнить камень. В рахманех же языкъ есть благочестенъ, житие бе-стяжания зѣло имут и наслѣдїе тѣхъ от божїихъ судьбъ.

И при рѣцѣ жилище, в наготѣ естеством живуще, вы(и)ну бога славят.

л. 340

В них же нѣсть ни четвероножныхъ, ни ролия, || ни желѣза, ни создания, ни огня, ни злата, ни сребра, ни овозъ, ни вино, ни портна, ни мясояденія, ни ино дѣло никоторое; или в насыщение текутъ, но мокраго, и сладкаго, и добраго дождя и всякия болести и тлѣнїя кромѣ сут, и мало овоза и сладкыя воды приимають, и искрено богу и беспрестани молятся. Ибо мужи на единой странѣ Акиана живутъ, жены же ихъ об онъ поль сут рѣкы Гала, текущи въ Окианъ ко странѣ индиской. Убо мужи преходятъ к женамъ своимъ июлиа и августа мѣсяца, в нихъ суцу солнцу к намъ и ко востоку высоко ходящу, ибо мокри бывше тогды движутся на сочтанїе

л. 340 об.

женамъ, тако гла(голе)ть^д; такоже и Нила рѣкы глаголет^е || не в то время наводнится, но прешловленися жатвѣ напаяет Египет, яко солнцу всюду зрящу восточны поясъ, и инѣмъ срищующимся рѣкам и иссякнущим, сему же далече суцу. И сѣтворшем с женами своими дни 40, и паки преидут онят. Женѣ же два дѣтища родивши, к тому муж не пребредет к ней, ни она ко иному мужю не приближается весма за многое воздержание. Аще ключитесь в тѣхъ неплоды обрѣстися, за 5 лѣтъ приходящу к ней мужю ея и пребывати с нею, аще не родить, к тому не приближается к ней паки. Того ради не многочеловѣчна страна ихъ есть, зане (в)^ж них мало сладости есть и есте(ств)веное^з воздержание. От толи||цѣ бо рахманское житие и пребывание.

л. 341

^д Часть слова обрезана ^е Часть слова обрезана. ^ж Восстановлено по Хронике Амартола, в рукописи край листа обрезан. ^з Часть слова обрезана.

XIV. Пересказ Хроники Амартола (ср.: с. 47, 6—16).

XV. Пересказ Хроники Амартола (ср.: с. 48, 1—3). XVI. Пересказ Хроники Амартола (ср.: с. 48, 5—49, 21).

О рѣцѣ же глаголетъ, не удобъ всегда бродити ея, зане звѣрь в неѣсть глаголемы зуботомителя. Звѣрь же той великъ есть в рѣцѣ той живеть и мугуща слона пожрети цѣла, зане превелии есть зѣло. Той звѣрь за 40 днии, егда брести мужемъ тѣмъ к женам, избѣгнеть оттуду по божию велѣнию убо, но и змиеве сут ту, во препустыя тыя страны, велици зѣло, яко лакоть 70 в долготу, и толстота велия и страшна. И премудрость творца богу славу являющу. И скорпия тамо лакотницы, а мравия пядници. Того ради и нешествовани сут пустыя тыя страны, и не живеть в них никтоже страха ради звѣрьска. Слоновъ тамо много || стада па- л. 341 об.

XVII. По Александрѣ царство раздѣлися на 4-ро. Птоломѣю Египеть, во Египтѣ Птоломѣевъ было 13, даже и до Оклепатры, дщери Диосиевы. Асиєю всею Антиох, Сириею и Вавилониею и Палестиною — Селевкѣ, иже и Никонор именовася. Сеи 3 грады созда: един въ странѣ Киликии-стѣи и други во Асирии. Един же Селевки нарече, а други Антиохию, а третии Лаодикию, во свое имя, и в сыновне, и во дщерне, бѣ бо имя еи Лаодикия. При том родиянене моремъ обладавше, поставиша во островѣ мѣдянь кумиръ солнцю, емуже величества ради нарекоша Калосонъ, иже и сами калосоняне именуется. || По Селевкѣ Александровѣ Антиох, л. 342
сынъ его, царствова. И по нем инѣх Антиоховъ 5 было. Сеи Антиохъ, сынъ Селевков, Горды прииде во Иерусалимъ и мучи маккавеи и Елеозара. Сынъ Селевков Филопатровъ, рекше Отчелюбець. При сом второе заупустѣние Иерусалиму по Данилову пророчеству. Рече бо к нему архангелъ 73^а лѣта прииде заупустѣние ему днии 1290, таче разрушению злomu благовѣстною наводитъ глаголя: «Блаженъ стертѣвы, дошед до дни 1335».

XVIII. Матѣи же, нѣкы иереи, имѣяи сыновъ 5, от них же Июда Маккавѣянинъ бяше, отецъ 7-ми отрококомъ и Соломония, мати ихъ.

XIX. По умертвии Александра царя раздѣлися царство его 4 другом его: Птоломѣю же, нареченому Спасу, милостнику сущу, 2-му от Александра, л. 342 об.
повелѣно бысть тѣло Александрово вести въ Египет, град Мефъ, яко очинѣ сущу ему, да ту и положить. Привезену же сущу ему въ Египет и змирною повиту, явися царемъ ихъ проявление в капищи, яко видѣх, аще положат тѣло Александрово, той град не престанет мястися бранми и ратми, но въ градѣ, егоже есть сам создал, в Ракотию Александрию, ту положить.

Птоломѣи же повезе его тамо и обратися во Египет на царство, египтяне бо молиша его, да будет имъ царь. Бысть же муж добръ ко всѣм и живы въ Египтѣ. Бысть муж любивъ писаниемъ и созда книгохранителницу^а во островѣ Фарасего. || И собра книги от всего писания еллинскихъ и л. 343
прочих писаний словесъ писаных от всѣхъ языкъ. И вся царя, мѣстныя князя честми даря, принесе книги ихъ. И пристави книгам хранителя, мужа нѣкоего, именем Дмитриа. И вопроси его царь, глаголя: «Колико книг собрахом, аще свѣси?». Дмитрии же рече, яко «сут уже полшесты тмы болѣ или мене. Владыко! Яко слышахом, еще множество сущи книг во Египтѣ, и в Виѣидѣ, и въ Еѣиофии, и в Персех, и в Сирии, и во Индѣи, сут книги многи, имуще о бозѣ и о миротворении. Да аще хочет господинъ мой царь, да послет к жерцемъ и ко старѣшинѣмъ греческому, сущему во Иерусалимѣ, и послот ти книги их, в ня же приникъ, велику ползу приимет господь мой царь». Бѣ же той Дмитрии родом еврѣянинъ. Тогда царь посла мужа к су||щему тогда старѣшинѣмъ въ Иерусалимѣ, именемъ л. 343 об.

^а Следует Ѡ^р, т. е. 70-го. ^б После слога -те- три буквы стерты, но затем слог -лни- повторен.

XVII. Пересказ Хроники Амартола (ср.: с. 199, 2—18).

XVIII. Пересказ хроники Амартола (ср.: с. 202, 17—18). XIX. Ср.: Тр. хр. (список ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 728, л. 343 об.—344 об.).

Елеозару, написавъ послание к нему, купно и инѣм же царемъ, имуще сие.

«Царь Птоломѣи благочестия учителемъ множае радоватися! Книгохранительницу устройхъ в Тарсиистѣм островѣ и собрах книгъ много множество зѣло. Слышах же у вас суща книги о бозѣ и о миротворении, и желях ты положити въ книгохранительницу, юже сътворих. Вы же помяните убо, яко бѣсте плѣнници от вашия отчины в нашу, и вся, елико ихъ обрѣтоша, азъ и вдавъ еже требѣ на пут давъ, тако послахъ я к вам. Сии же глаголю не понося, но да увѣсте, яко не в понос, ни во смѣхъ,
л. 344 ни в поругание хошу книгъ ваших, да не будетъ то, || но ползы ради душъ наших. Се послах вам злато и сребро, и требникъ злата, и съсуды послах в дом бога вашего*, дарове же вам да будут».

Они же, приемше дары, и сосуды, и требникъ, возрадовашася и не обрѣтше о том, вборзѣ златы писмены еврейскы исписавше прислаша. Прием же царь Птоломѣи, и прочести пакы нужда ему бысть, послати дрое, имуще сие:

«Царь Птоломѣи благочестия учителемъ множае радоватися! Источнику запечатлѣнну и скровищу скровну кая бо полза во обоема? Тако яже от вас мнѣ посланая писмена, и рѣчи ихъ не свѣдѣ. Восхоште убо послати мужа мнѣ, свѣдуща еллинскую и еврейскую рѣч, да, истолковавше,
л. 344 об. припишут греческы». || Тогда убо послаша изъ Ерусалима 72 сказателя книгам, от коегожде племени по 6 муж. Птоломѣи же созда имъ 36 хижницъ в Тарсьстѣм островѣ, и тако затвори по двѣма в коемже хизѣ, вси книги повелѣ кождо истолковати. Не остави же ни дворець хизинам тѣмъ, да, сочтавшеся, развратятъ книги, но оконца сверху сътвори свѣта ради. Да аще внимаша где два от них слово обрѣтше излиха рѣч и прочии такоже имяху, аще ли приложиста два рѣч едину, яко недостаточну существу слову, и вси приложажу, яко и духа святаго сия причастны реци.

XX. И бысть царства Птоломѣева Братолюбца лѣт 25. Птоломѣи Отецълюбець лѣт 24. || При том Исус Сирахович мудры вѣдом бяше. По^а том же царствова Птоломѣи Взрачны. При том люди еврейстии плѣнени быша въ Египтѣ. Тои бо повелѣ велможам своимъ слоновъ 500 приготовити и сих напоити вина ливанна, да, упившеся, иудея побикють. Иудѣом же помолившимся къ богу, слонове на своя же воя и народы устремившеся, многы от нихъ избиша. И тако иудѣяне преславно спасени быша и невредими идоша восвояси. По том царствова Птоломѣи Словолюбецъ лѣт 29. Птоломѣи Надмыяи лѣт 17. Птоломѣи Спась лѣт 25. Птоломѣи Матеролюбецъ лѣт 8. Птоломѣи Александръ царствова лѣт 10.
л. 345 об. По сем сынъ его царствова Дионисии лѣт 30. Птоломѣи бо тогда || нарицахуся сынове египетстии. По сем бо царствова Клеопатра, сестра Дионисиева. Сию Август(т) уби въ 4-е лѣто царства своего и, прия Египеть и Александрию, разори царство ихъ, владѣвшим лѣт 290.

XXI. По вавилонскому всхожению учительствовавшу архиереи сии сут: Исус, сынъ Седеков, купно с Зарававелем, Иакимось, сынъ Израилевъ^м, Елиасивъ Иакимль, ^аИодеен Осимль^о, Иоанъ Иодаевич и Аддусъ. При том Александръ Макидонскы въ Иерусалимѣ богу Саваофу поклонися и Александрию созда. Иониа Наддую, Елеозаръ, Иониа, Симонъ, Ионая, Симонъ^н, Илия. Сеи же и Урканъ, Аристовуль, иже и первое возложи

* Испр.; в рукописи нашего. ^а Испр.; в рукописи при. ^м В Хронике Амартола Иисусовъ. ^{н-о} В Хронике Амартола Иедае Иосивль. ^н В Хронике Амартола так же.

XX. Ср.: Тр. хр., л. 344 об.—345.

XXI. Пересказ Хроники Амартола (ср.: с. 300, 6—16).

вънѣць царскы, и святительствую Илия, иже и Александръ, царствова купно и святительство||ва, даже и от Кира помазаний владыко до ² лѣтъ 483, яже сут недѣль лѣтнихъ 69, якоже Даниль: от исхода и до создании Иерусалима даже и до Христа владыкы недѣль седмъ и недѣль 62. л. 348

XXII. Бѣста два брата в западныхъ странахъ Ромъ и Римъ. Ромъ же старии. Ромъ сътвори градъ и нарече Римъ. Та же брата построиста полату полатнову и прозваша римскы «канотелеонъ», еже ся нарече глава граду. Брата же та воздвигоста вражду, и уби Ромъ Рима, и царствова Ромъ единъ. Отне еже уби брата своего, начя трястися весь градъ Римъ, и народи мястися начаша, и бысть в нихъ усобица. И шедъ Ромъ въ требище и въпроси бога: «Почто в мое царство сии дѣются?». И обрѣтесе ему отъ проповѣдника: «Аще не || сядетъ братъ с тобою на престолѣ царствѣ, не иматъ престати граду Риму мятежъ, ни рать улещися. Но сътвори образъ златъ до пояса брата своего и посади его на престолѣ с собою, на немже сѣдиши». И тако царствова прочая лѣта, сѣдая съ златымъ образомъ брата своего Рима. Оттоле преста трус граду. л. 348 об.

XXIII. Рома же и Рима сказують повержена в лѣсѣ, мати има солнца и бога Ария жрица бѣ и, сблудивши с воиномъ, роди близнетѣ Рома и Рима. И обрѣте ихъ жена польская пасущи овца и воскорми я млекою своимъ.

По Ромѣ же царствова ихъ 6 до Трокуния. И бысть Трокуя 7 царь, и извергоша и. По извержении же его строяше Римъ градъ упати || до кесаря Иулия лѣтъ 464. л. 347

XXIV. В нихъ же бысть стратигъ, именемъ Малии, и взавидѣ, зане храберъ бѣ, отъ едино боляръ, именемъ Февруарии, разврати боляры, да исженут и из града Малия. Та же пришедше галатяне, взяша ноцію градъ Римъ и многи избиша въ 20, глаголемую секстия мѣсяца. Боляря же, разумѣвшѣ плѣнениа града, избѣгоша, призваша паки с молбою стратига Малия на помощь. Той, събравъ множество вои и плѣни галатяны, иссѣче вся. Таче область в Римѣ взя Малии и оскорбленъ бысть о погибении градствѣ в секстиилии мѣсяцѣ украсти ^м дни мѣсяца, яко злочастни бывшу Риму граду, отвергъ имя ему, да не именуютъ его тако. Связавъ врага своего Февруалия, иземъ все имѣние его и нага обнажи, одѣ его в рогозину, ситиемъ исплетену и ужищемъ препоясав, и повелѣ жезлиемъ бити и глаголати к нему: «Изыди Февруарие». И тако без чести изгнанъ из Рима, убиенъ бысть, секстилиа же мѣсяца февруарие нарече, яко до стонину сушу злочастному мѣсяцю имя февруаря да зовется. л. 347 об.

XXV. Правиша римскыя скипетры упати лѣтъ 464. По сихъ же царствова первое царь Иулии нерожены, ибо умерши матери его, а сии 9 мѣсяцъ во утробѣ, пропоровше ю и изыша изъ утробы изъ ея отроча. Тѣмъ же и кесарь наречесе. Кесарь глаголется римскы испоротокъ, отъ него же кесареви цари римсти наречени быша. Сии же || Иулии законъ римляномъ устави, и индикты и висикости обрѣте, и мѣсяца иулия нарече. И градъ Кесарии созда во имя сына своего. л. 348

XXVI. Тивирии царь римски по Августѣ, отцѣ своемъ, царствова лѣтъ 23. Той созда градъ Тивириаду при езерѣ во идеох.⁹ При томъ трус бысть, разори градовъ 13: Ефесъ, Магнисии, Сардъ, Мостинъ, Лигаинъ, Ерокесариа, Наанелфи, Чимовъ, Юминъ, Мурьянанъ, Аполонии, Дианъ, Украння.

² В Хроникѣ Амартола помазание довлѣвшѣ владыкы. ⁶ Испр.; в рукописи разувшѣ. ^т В Хроникѣ Амартола украси. ⁹ В Тр. хр. въ Июдѣистѣ странѣ.

XXII. Из Хроникѣ Малалы; ср.: Тр. хр., л. 340 об.—341.

XXIII. Из Хроникѣ Малалы; ср.: Тр. хр., л. 342.

XXIV. Ср.: Хроника Амартола, с. 41, 12—27.

XXV. Пересказ Тр. хр. (ср. л. 345). XXVI. Пересказ Тр. хр. (ср. л. 350—350 об.).

Бѣ же господь нашъ Исусъ Христосъ тогда уже 15 лѣтъ. Тивирей же кесарь присны друга имѣя Пилата, воеводу постави надъ жиды. И бѣ ту до умертвѣна кесарева. Въ 12 лѣто владычества Тиверия кесаря прииде *л. 348 об.* Иоанъ ис пустыни проповѣдая. Въ 15 лѣто крестися || царства Тивериева господь нашъ Исусъ Христосъ, сы 30 лѣтъ.

XXVII. По усѣкновении же Иоановѣ царь римскы Тивирей кесарь повелѣ Ирода связана и слюбодѣницею вести в Рим, изрину его из княжения и посла его со Иродиядою во Испанию; и ту живот свой злѣ сконча, а плясавшую же дѣвицю пожре земля живу. Ибо Тиверий царь сы мудръ, словесы философскыи изъ юности просиявъ, на старость вредоумиємъ от бѣса гонимъ, убийствомъ и блудомъ и иными дѣлы себе оскверни, злѣ живот испроверже, царствова лѣтъ 23.

XXVIII. И распенся господь, вѣставъ 29 фемаофа мѣсяца, рекше марта, первостворенаго мѣсяца. По евреохъ нисанъ — пасха господня, воскресение мѣсяца марта в 25.

л. 349 XXIX. По Тивирии же царствова Га||и лѣтъ 4. Сии бѣ муж сверѣп, величавъ. К сему приведенъ бысть Пилатъ в Рим и толику под(ь)я от царя напасть, яко самому ся погубити. Жидове же на болшая ся мятежа увратиша, тѣмъ же и мнози убиени быша римляны. Царь же Гаи иногъ Ирода Аристовула, рекомаго Агрипу царя, надъ жидовскою землею постави, предавъ ему вся четверства лѣтъ, яко злѣ творяше ученикомъ Христовымъ. Убии же Иакова, брата Иоанова, мечемъ. Потомъ хотя убити и Петра. Писано в Дианих.^ф Сеи Иродъ Агрипа величаяся, дондеже мечь божию прият, и бысть червьми извѣденъ издше. Царь же Гаи по двою лѣту царства своего иступивъ челоуѣческаго смысла. Сии убо воины, видѣвши *л. 349 об.* не по закону || творяща и не терпяще, убиша его, в бани мьющуся ему. При томъ^х Стефанъ первыи мученикъ^ч бысть и Павелъ вѣрова и Филонъ. Иосифъ суици отъ евреи вѣдоми бѣху тогда.

По Гаи же царствова Клавдий лѣтъ 13, и уби убища Гаевы, и уморенъ бысть отъ своея жены отравою. При томъ Иаковъ Зеведѣевъ мученъ бысть.

По Клавдии же царствова Неронъ, сынъ его, лѣтъ 14. Сеи умучи Петра, Павла.

Успасянь, сынъ Нероновъ, Титъ, внукъ Нероновъ; сии градъ Иерусалимъ плѣниша.

л. 350 XXX. Римлянинъ нѣкто отъ конникъ нарочитъ, июдѣемъ же рѣющимъ в гроблю, увидѣвъ гоня на кони, восхитивъ нѣкоего юношу еврѣнина бѣгающа, крѣпка тѣломъ и вооружена, имъ его за шию, пре||клони его к себѣ крѣпко и привелъ его ко царю Титу. Царь же удивися крѣпости его и силѣ, своего воина одаривъ, а ятаго повелѣ погубити. Граду же отъ римлянъ зѣло разоряему и гладу велику внутри града, другъ у друга пищу изъ устъ исхытающе, дѣти свои из(ь)вѣдающе, ланну мѣшаху ядуще в непокорствѣ своемъ ко царю Божиимъ попущениемъ.

л. 350 об. Жена нѣкая, именемъ Марія, родомъ и богатствомъ славна, ис сель своихъ во градъ бѣгши со всѣмъ имѣниемъ и с хлѣбомъ и съ всякимъ брашномъ. Къ ней же убо гражане всегда вристающе, все извѣдаху, аки пси. Гаче же пища не имуща и гладомъ сама скончаваема || отроча воздоеное имущи и се закла и испече. Польъ его из(ь)вѣдши, а другую покрывши съхрани. Злые же насилници, якоже по обычаю вшедше и смрадъ обонявше, прещаху

^ф В Тр. хр. по писании святыхъ дѣянии. ^х Слова при томъ написаны дважды, первое чтение зачеркнуто. ^ч Добавлено мученъ, но зачеркнуто.

XXVII. Пересказ Тр. хр. (ср. л. 350 об.—351). XXVIII. Пересказ Тр. хр. (ср. л. 350 об.). XXIX. Пересказ Тр. хр. (ср. л. 351 об.—352).

XXX. Пересказ Хроникъ Амартола (ср. с. 266, 6—267, 8).

ей убиством, аще не явить, еже скрыла. Она же останки дѣтища изнесши: «Се же, — рече, — мое нѣкогда искреннее чядо и нынѣ преокаанное. Ядите и вы, ибо азъ яла есмь, окаянная. Или не хотите и вы, поне проч(ь)е мнѣ оставите?». Они же в лица своя по велику бивше изидоша из дому ея.

XXXI. Бывает же убо от Адама до послѣдняго плѣнениа Иерусалиму лѣтъ 5262. От перваго же зданія Соломона церкви и града лѣтъ 1088. От втораго же зданія лѣтъ 5 || 96. По Антиоховѣ же плѣнении лѣтъ прешло 248. По вознесеніи же Христовѣ до Тита и плѣнениа Иерусалиму прешло лѣтъ 42, а всего лѣтъ 46. л. 351

XXXII. Титъ царствова лѣтъ 3. Дементіанъ брат Титовъ. Сеи дивны Титъ философъ былъ, и доброязычникъ, воиникъ, купно и кротокъ зѣло сы и къ милостыни добръ былъ. О погибели Иерусалима велми плакася богомъ посланы. Тогда таче божественую церковь видя огнемъ горящу, слезы испущая и богу моляшеса, да получить милость и отпущение, яко не по своей воли сии быша, но тѣхъ ради богостуднаго злонравія, А коли умре, толма же плачь о умертвѣннѣ Титовѣ, весь Римъ поплака за его добродѣтель и любовь ко гражаномъ. ||

При томъ и Везивинская гора в западѣ верхъ рассѣдся, и огонь въскипѣ толма, яко попалити прилежащую страну с градми. Се же видѣвше еллини зѣло удившася, вопросиша нѣкоторыхъ умныхъ христіанъ: како и откуда изиде огонь си из дена земли. Они же рѣша: «Отъ изготованнаго диаволу и аггеломъ его и всѣмъ грѣшникомъ и нечестивымъ человекомъ от геоны взыде на цѣломудріе и в разумъ сѣгрѣшающимъ. И являя тѣмъ славны нашъ дидакаль Платонъ вѣща, исходя въ Феодонѣ». л. 351 об.

XXXIII. По Титѣ царствова Доментіанъ, братъ его, лѣтъ 15. Сему гонение въздвигну, Иоанъ Богословець заточается. И явися ереси началникъ, || слава себе откровения примати и яко по воскресеніи на земли есть царство Христово. Тогда и николаитская ересь явися. л. 352

Феруясъ лѣто 1.⁴ Траіанъ лѣтъ 9 и мѣсяць 6 и дни 12. При семъ Симеонъ Клеопинъ и Игнатей Богоносъ и Поликарпъ. Андрианъ Елѣе лѣтъ 21 и мѣсяць 10, дни 18. Антонинъ Благодѣствивы лѣта два и мѣсяць 7 и дни 27. Фирось, сынъ его, лѣтъ 8. Киръ лѣтъ 7 и мѣсяць 10 и дни 18. Марко Аврелие лѣтъ 19 и мѣсяць 8. При семъ Устинъ Философъ былъ. Ромодъ лѣтъ 12 и мѣсяць 9 и дни 4. Тертинакъ мѣсяца два и дни 6. Дадіе мѣсяца 4. Севиръ лѣтъ 18. При семъ мученъ бысть Клеонидъ Философъ, имѣя сына зломудренаго Оригеона лѣтъ 17. Оригеонъ же, зане приходити къ нему женамъ ради учения, скопи себе. При семъ Исполитъ римскыи и Григорей Чюдотворецъ. Антоніе и Гетас || мѣсяца два. Антоніе Каракаль лѣтъ 7. Аркиносъ лѣтъ 4. Антоніи же Игаваль 4. Александръ Мамея лѣтъ 13. При томъ бысть гладъ в Римѣ, яко человекъ мяса ядаху мнози. Акиминъ лѣтъ 3, закланъ бысть. Гордіанъ лѣтъ 6. Лавинъ лѣто едино. Помпінанъ лѣтъ 2. Укоръ лѣта два. Униоръ лѣта два. Марко лѣта 3. Филипъ Благодѣствивы лѣтъ 17. Валерианъ лѣто едино. л. 352 об.

⁴ Большинство имен сильно искажено. Здесь упомянуты императоры: Нерва, Траян, Адриан Элий, Антонин Пий, затем два неизвестных имени (возможно, искажение имени Луция Вера), Марк Аврелий, Коммод, Пертинакс, Дидий Юлиан, Септимий Север, Антонин Гета, Каракалла, Макрин, Элагабал, Александр Север (Мамеанин), Максимиан, Гордиан, Бальбин (?), Пупиен, затем три неизвестных имени, затем Филипп, Валериан, Деций, Галл, Волузиан, Эмилиан, Галлиен, Клавдий, Квинтилл, Аврелиан, Тацит, Флориан, Проб, Кар, Карин, Нумериан, Диоклетиан, Максимиан Эркулій, Констанцій Хлор и Максентий. В правление Севера упомянуты Ориген и его отецъ Леонидъ.

XXXI. Пересказ Хроники Амартола (ср. с. 298, 17—21). XXXII. Пересказ Хроники Амартола (ср. с. 300, 20—301, 17). XXXIII. Источники фрагмента не установлены (см. выше, с. 262—263).

Декии лѣта два. Инде писано лѣт 71. Тои многы святых мучи и седмь отроky при нем успли. И заклан бысть на торгу з дѣтми своими. Малъ и Улусьянъ лѣта 3. Амилианъ лѣто 1. Фалериянъ и Галеилъ лѣт 15. И заклани быша друг друга. Оне же Павла Самосатскаго низложиша. Павел же священно таинствовав, стяжа богатство и двѣ отроковици благоничны. л. 353 Малианъ лѣт 13. Клавдие лѣта два. Унтильянъ мѣсяць 8 и дни 16. Аври-лианъ лѣт 6. Макитосъ мѣсяць 6. Аторианъ мѣсяца два и Ровъ 6, заклан бысть. Фаросъ вкупѣ з дѣтми своими Карином и Номирианом лѣта 3, заклан. Лумерианъ лѣто едино. Диоклитиянъ и Максимианъ лѣт 20. Конста Зеленый лѣт 13. Максимианъ Нигуелие и Максентии, сынъ Макси-миновъ Скелия. Се же до Константина Великого.

Д. М. БУЛАНИН

Комментарии Максима Грека к словам Григория Богослова

Трудно переоценить значение патрологии в истории древнерусской литературы: святоотеческие сочинения появились на Руси с XI в. и сопутствовали древнерусской литературе на протяжении семи веков ее существования. Однако влиянию патристики на произведения русских писателей до сих пор уделялось недостаточное внимание. Единственным капитальным трудом, посвященным выяснению роли сочинений отцов церкви в древнерусской литературе, поныне остается работа А. С. Архангельского «Творения отцов церкви в древнерусской письменности».¹ Особого внимания заслуживает вопрос о значении патрологии в освоении древнерусским читателем античного наследия. «Кроме античных традиций, завещанных эпохой Киевской Руси, кроме живого общения с Византией и немногочисленных памятников античной мысли, представленных в русской письменности XIV—XVI веков, существовал еще источник, знакомивший древнерусское общество с идеями античного мира. . . Мы имеем в виду патристические сочинения II—VII вв., усвоившие, употребляя выражение В. Иконникова, „остатки древней образованности“. Со времен Киевской Руси, а особенно с XIV в. и позднее, непосредственно из Византии и окружным путем, через посредство юго-западных славян, патристические сочинения вливались в древнерусскую письменность и старательно размножались писцами».²

Однако начиная с XVI в. в связи с различными обстоятельствами ощущается острая нехватка в сочинениях отцов церкви. «Известные просвещенные русские люди XVI в., как инок Зиновий Отенский, Артемий, игумен Троицкий, и кн. Курбский, жалуются на недостаток русских переводов творений отцов церкви и первых веков христианства и принимают все возможные меры для перевода их, а последний даже и сам занимается этим».³

Приведем для примера слова Зиновия Отенского, отражающие настоятельную потребность русских читателей в новых переводах патристических произведений: «Рците ми в истинну убо, где вся книги великаго Василия видесте, или Богословля, или Златоустаго. В нашей убо стране великаго Василия едина токмо ведома Постническая его книга; Шестодневника же

¹ А. С. Архангельский. 1) Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888; 2) Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изучений. Тт. 1—4. Казань, 1889—1890.

² А. И. Клибанов. К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 160.

³ С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с. 276.

его, и иже противу ересей, и Торжественных, и Мученических, и Толкования его Ветхому и псалмом и пророчеством, в наших странах, не вем, где аще обретается; токмо на рождество Христово едино его слово и о 40 мученикох есть ведомы в стране нашей. Также и Григория Бого- слова — всех его книг, не вем, аще есть в нашей стране; едина токмо 16 торжественных слов его ведома. И Златоустаго также — не вся его книги обретаются у нас».⁴

Именно из-за недостатка на Руси переводов патристических произведений один из крупнейших русских писателей XVI в. Максим Грек так много занимался переводами творений отцов церкви. «На первом месте здесь стояли творения выдающихся церковных писателей IV в.: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Эти три писателя, жившие на грани двух эпох — языческой и христианской, являлись в известной степени воспитанниками классических традиций и совмещали в своей деятельности то и другое культурное течение».⁵ А. И. Иванов указывает 32 произведения этих писателей, переведенных на русский язык Максимом Греком.⁶ Среди указанных писателей особый интерес представляет Григорий Богослов.

Григорий Назианзин, пожалуй, с наибольшей полнотой воплотил в своем творчестве противоречия раннего христианского искусства. Он жил в ту эпоху, когда два мирозерцания еще не разграничили резко свои области; он же — один из немногих христианских поэтов, которых высоко ценила и нехристианская литература.⁷ Но с другой стороны, «не смотря на огромные знания Григория в области античной классики, он, как это явствует из многих его стихотворений, совершенно не принимал ни языческого искусства, ни языческого уклада жизни. Античная мифология используется им для живописания отрицательных образов и для передачи отрицательных эмоций».⁸ Для древнерусского читателя слова Григория Богослова (уже в XI в. на Руси было известно собрание 13 слов Григория, позднее появилось собрание 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского) были одним из немногих источников, откуда он черпал сведения об античной мифологии.

Максим Грек также знакомил русских с древней мифологией. При этом, как будет показано ниже, те сочинения Максима Грека, где он особенно подробно касается античной мифологии, связаны с именем Григория Богослова. На мировоззрение Григория Богослова оказала определенное влияние философия неоплатонизма, которая отразилась, в частности, в его «Слове шестом о мире», известном в России уже с XI в.⁹ Влиянию философии неоплатонизма, по мнению ряда ученых, подвергся и Максим Грек.¹⁰

⁴ Зиновий, инок Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863, с. 349—350.

⁵ А. И. Иванов. Максим Грек и итальянское Возрождение. — ВВ, т. 33. М., 1972, с. 155.

⁶ А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, с. 56—63.

⁷ См. об этом: М. Н. Сп е р а н с к и й. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904, с. 411—412.

⁸ Л. А. Ф р е й б е р г. Византийская поэзия IV—X вв. и античные традиции. — В кн.: Византийская литература. М., 1974, с. 33.

⁹ Н. В. С и н и ц ы н а. Федор Иванович Карпов — дипломат, публицист XVI века. Автореф. канд. дис. М., 1966, с. 23—24.

¹⁰ Вопрос о неоплатонизме Максима Грека впервые был серьезно поставлен в книге: E. D e n i s s o f f. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris—Louvain, 1943, p. 305—317. Эта точка зрения была поддержана рецензентами И. Денисова: А. М а з о н. Michel Trivolis, dit Maxime le Grec. — Journ. des savants, Paris, 1943, juillet—septembre, p. 103—104; P. P a s c a l. [Рец. на кн.: E. D e n i s s o f f. Maxime le Grec et l'Occident. Paris—Louvain, 1943]. — Rev. hist., Paris, 1945, t. CXCIV, juillet—septembre, p. 276. Точку зрения И. Денисова на философские взгляды Максима разделяет

Не останавливаясь здесь подробно на этой сложной проблеме, мы хотим только подчеркнуть, что для выяснения вопроса об отношении Максима Грека к античному наследию, а также для исследования неоплатонических черт его философии важно исследовать влияние, которое оказал на Максима Григорий Богослов. Исследование это может идти по трем основным направлениям: изучение переводов Максима Грека из Григория Богослова,¹¹ изучение мифологических комментариев Максима к двум словам Григория и, наконец, исследование литературного влияния отца церкви на нашего писателя.¹² В настоящей работе мы предполагаем остановиться только лишь на комментариях Максима, выяснить некоторые обстоятельства, при которых они были написаны, а также их судьбу в рукописной традиции.¹³

1

Нам известны два произведения, в которых Максим Грек толкует слова Григория Богослова, — это «Послание об античных мифах» и «Сказание отчасти недоуменных неких речений в слове Григория Богослова». Остановимся сначала на первом. «Послание об античных мифах» под заглавием «Послание о сказаниях античной мифологии»¹⁴ было опубликовано В. Ф. Ржигой по единственному сохранившемуся списку ГПБ, Q.I.219 (л. 559—564 об.; в рукописи отсутствует заглавие этого произведения).¹⁵ Ни В. Ф. Ржига, ни И. Денисов,¹⁶ ни А. И. Иванов,¹⁷ упоминавшие в своих работах об этом произведении, не пытались обосновать его принадлежность Максиму Греку. А между тем это совершенно необходимо, поскольку сборник ГПБ, Q.I.219 довольно поздний. Вот как характери-

А. И. Иванов в работе: Максим Грек и итальянское Возрождение. — ВВ, т. 35. М., 1973, с. 119—122. Вопросу о неоплатонизме Максима Грека уделено много места в работе американского исследователя: Jack V. Haney. From Italy to Muscovy. The life and works of Maxim the Greek. München, 1973, chap. 5. Однако вопрос об отношении Максима к философии неоплатонизма нуждается в дальнейшем тщательном исследовании.

¹¹ Хотя в книге А. И. Иванова (Литературное наследие Максима Грека, с. 59—61) указывается на основании рукописных собраний сочинений нашего писателя 9 произведений Григория Богослова, переведенных Максимом, дело обстоит далеко не так просто, поскольку целый ряд указанных переводов известен был на Руси задолго до появления Максима Грека точно в такой же редакции, в какой эти переводы вошли в рукописные собрания сочинений нашего писателя, например «Первое слово на пасху и предисловие к нему» (А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека, с. 60), которое входит в собрание 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского (слово 4).

¹² Мы предполагаем, в частности, что влияние Григория Богослова сказалось в «Слове обличительное на еллинскую прелесть» Максима Грека, однако обоснование нашего взгляда на этот вопрос выходит за рамки данной работы.

¹³ Основные положения этой работы см.: Д. М. Булантин. Максим Грек — комментатор Григория Богослова. — В кн.: Древнерусская книжность. Резюме докладов на конференции молодых специалистов. Июнь 1975. Л., 1975, с. 5—6.

¹⁴ В дальнейшем мы пользуемся заглавием этого произведения, которое дано ему А. И. Ивановым (Литературное наследие Максима Грека, с. 201), хотя ни название В. Ф. Ржиги, ни название А. И. Иванова не представляются нам удачными, ибо они не отражают жанровой природы этого произведения — комментария к святоотеческому сочинению.

¹⁵ В. Ф. Ржига. Неизданные сочинения Максима Грека. — Byzantinoslavica, 1935—1936, t. 6, p. 101—105.

¹⁶ E. Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. . . , p. 138, 155, 290.

¹⁷ А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека, с. 201. А. И. Иванов вторично упоминает об этом произведении в статье «Максим Грек и итальянское Возрождение» и также не атрибутирует его Максиму Греку. И, наконец, выписка из Послания имеется в его статье «О пребывании Максима Грека в доминиканском монастыре св. Марка во Флоренции» (Богословские труды, XI. М., 1973, с. 114), где также нет доказательств принадлежности этого сочинения Максиму.

зует этот сборник С. Белокуров: «Слова Максима Грека, XVI и XVII вв., по оглавлению 87 глав. Первые 55 глав писаны одной рукой, остальные другой. Помет владельцев никаких нет».¹⁸ Другие исследователи также датируют этот сборник XVI—XVII вв.¹⁹

Первая часть сборника написана на бумаге в четвертку, которая по филиграням датируется серединой XVII в.,²⁰ далее идет бумага в восьмую долю листа, причем листы иногда вплетены таким образом, что линии понтюзо идут поперек листа (как будто это листы в четвертку). Первая часть рукописи (XVII в.) написана одним почерком, вторая же часть (начиная с л. 366) — несколькими почерками (мы выделили по крайней мере 6 вариантов), на бумаге, не имеющей филиграней. Судя по почерку, эту часть рукописи можно датировать XVI в.

Таким образом, этот сборник составлен из двух частей, сильно отличающихся по времени написания. Ряд редких сочинений Максима Грека (например, «Об Александре Македонском» — л. 384—384 об. — и даже уникальное «Сказание о Промифее» — л. 552—552 об.) находится как раз во второй части. Как мы указали, интересующее нас сочинение помещено также во второй части сборника, причем почерк, которым оно написано, больше в рукописи не встречается.²¹ Заметим еще, что в той части рукописи, которая датируется XVI в., находятся сочинения, принадлежность которых Максиму не вызывает сомнений. Однако с л. 555²² начинаются какие-то несвязные отрывки, попавшие сюда, очевидно, из какой-нибудь другой рукописи. Среди них-то и находится интересующее нас Послание, причем оно дошло до нас в цельном виде только потому, что начиналось с нового листа.²³ Мы видим, что исследование рукописи не дает материалов для подтверждения принадлежности этого сочинения Максиму Греку. Приходится обратиться к внутреннему содержанию Послания и попытаться отыскать в нем самое свидетельство об авторстве Максима.

Уже первые строчки Послания как нельзя лучше соответствуют биографии Максима: «40 лет без мала прошли ужь, отнели отрекохся гнилых басней и учений моих прародителей еллинех».²⁴ Что же касается самих мифологических комментариев к проповеди Григория Богослова (об этом см. ниже), то попытаемся сопоставить их с мифологическими реминисценциями в тех сочинениях Максима, принадлежность которых ему не вызывает сомнений. «Послание об античных мифах» можно условно разбить на несколько отрывков; каждый из них толкует те или иные мифологические сюжеты, к которым апеллирует Григорий Богослов (выделяем лишь сюжеты, получившие у Максима Грека более или менее пространное тол-

¹⁸ С. Белокуров. О библиотеке московских государей... Приложение III, с. ССС.

¹⁹ Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстого. Изд. К. Калайдович и П. Строев. М., 1825, с. 390; А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека, с. 245.

²⁰ Бумажные знаки у Гераклитова, № 129 — 1643 г., № 205 — 1653 г., а также у Лихачева, Вод. зн., № 3081 — 1643 г., № 3548 — 1629—1630 гг.

²¹ Его можно сравнить разве что с почерком на л. 484—511 об.

²² Последние сочинения, которые несомненно принадлежат перу Максима, следующие: л. 553 об.: «Сказание о Давиде пророке» — перевод из Свида (А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека, с. 72); л. 554 об.: «Сказание о Велисарии стратеге» — также перевод из Свида (А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека, с. 72).

²³ Мы думаем, что В. Ф. Ржигга напрасно начал свою публикацию Послания многооточием как указанием на то, что в рукописи недостает начала произведения (Неизданные сочинения Максима Грека, с. 101). О том, что слово это дошло до нас в полном виде, свидетельствует то обстоятельство, что оно начинается с толкования первого мифологического сюжета, упоминаемого в проповеди Григория Богослова (подробнее ниже). Кроме того, в Послании вполне оформлены как начало, так и конец.

²⁴ В. Ф. Ржигга. Неизданные сочинения Максима Грека, с. 101.

кования): 1) о рождении Зевса; 2) о поклонении Рее; 3) о похищении Персефоны и Элевзинских мистериях; 4) о Семеле; 5) о рождении Афины; 6) о Приапе; 7) о поклонении Артемиде; 8) о Пелопсе; 9) о Трофониевой пещере; 10) о Додонском лесе и Касталийском источнике; 11) о Дельфийском оракуле; 12) об Орфее.

Многие из этих сюжетов мы встречаем в других сочинениях Максима Грека.

О рождении Зевса от Крона и Реи (1) Максим Грек говорит в произведении «Слово обличительно вкупе и развращательно лживаго писания Афродитиана персянина зломудреннаго».²⁵

О Семеле (4) Грек упоминает в произведении «Слово обличительно на еллинскую прелесть».²⁶

О рождении Афины (5) сказано в том же «Слове обличительно на еллинскую прелесть»²⁷ и в «Словесах ко Иоанну Лодовику, толковнику священных книги св. Августина, епископа ишпонскаго».²⁸

Трофониева пещера (9) упоминается в «Слове обличительно отчасти латынского злословия, в немже и на альманака, иже возвелеречевашва, потопа всемирнаго быти, иже некогда поминаемых губительнейша».²⁹

О Дельфийском оракуле (11) Максим Грек рассказывает в «Слове на арменское зловерие».³⁰

Но особенно доказательно сравнение толкования об Орфее в «Послании об античных мифах» с рассказом о нем в «Слове обличительно на агарянскую прелесть и умысливаго ея сквернаго пса Моамефа». Ввиду особой близости текста в обоих произведениях приведем оба рассказа об Орфее.

«Послание об античных мифах»

Тот ест Орфей, его же мертвеца нашли в раце железней в Фракии при Константине и Ирини православных царей, у него же и обретоша писание таково: «Христос хочет родитися от Девы, и верую в него, при Константине же и Ирини паки солнце узриши мя».³¹

«Слово обличительно на агарянскую прелесть»

Но еще и мнози от еллин премудры мужи и предуведеша богу открывшу им, и в своих писаниих положиша, овы убо гадательне и скрыте, овы же ясне и открыте от них же пръвыи ест Орфей древнии творец мудрейшии у еллинех сице глаголя о Христе явственнейше: «Христос хочеть родитися от девы Марии, и верую в него, при Константине же и Ирини паки солнце узриши мене».³²

²⁵ Сочинения преподобного Максима Грека, ч. III. Казань, 1862, с. 130—131. В дальнейшем мы пользуемся изданием: Сочинения преподобного Максима Грека, чч. I—III. Под ред. И. Я. Порфирьева. Казань, 1859—1862 (далее: Сочинения). Заметим, что в указанном издании на основании неавторитетных рукописей ошибочно напечатано, что родителями Зевса и Иры (Геры) были Крон и Ира (Гера) же. В рукописи ГБЛ, ф. 173, собр. МДА, фонд., № 42, л. 107 и 107 об., правленной самим Максимом, правильно названы родителями Крон и Рея.

²⁶ Сочинения, ч. 1, с. 68.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, ч. III, с. 207.

²⁹ Там же, ч. I, с. 468—469.

³⁰ Там же, с. 176. О дельфийском оракуле рассказывается также в «Толковании Иоанна Златоуста на книгу Деяний апостольских», над переводом которого трудился Максим Грек. См.: И. Я. Порфирьев, А. В. Вадковск ий, Н. Ф. Крассельцев. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. I. Казань, 1881, с. 182.

³¹ В. Ф. Ржига. Неизданные сочинения Максима Грека, с. 104—105.

³² ГПБ. Q. I. 214, л. 350 об.—351. Мы приводим интересующий нас отрывок по рукописи, поскольку в казанском издании сочинений Максима Грека он дан в сокращении (Сочинения, ч. I, с. 114). В рассказе об Орфее в «Послании об античных мифах» отразилась также глосса, которая имеется во многих рукописях, к вышеуказанному отрывку из «Слова обличительно на агарянскую прелесть»: «Есть же пророчество сие чудеси много достойно, яко не токмо явственнейше предпроповедует еже Спаса Христа

Окончательно же убеждают нас в принадлежности этого произведения нашему писателю слова, которыми завершается «Послание об античных мифах». Кончив рассказ об Орфее, Максим Грек пишет: «Толика убо и о том, а о прочих, яже по сих, не могу сказати вам без греческия книги».³³ Окончание же этого комментария мы находим в другом произведении Максима Грека — в «Сказании отчасти недоуменных неких речений в слове Григория Богослова», которое он начинает как раз с того места, на котором остановился в «Послании об античных мифах». А. И. Иванов справедливо указывает, что первая часть Сказания представляет собой комментарий к слову Григория Богослова «На святые светы явлений господних».³⁴ Нам же удалось установить, что «Послание об античных мифах» — это начало толкования того же самого слова Григория «На святые светы явлений господних», которое Максим кончил комментировать в Сказании. Таким образом, принадлежность Максиму Греку «Послания об античных мифах» можно считать установленной.

Ни В. Ф. Ржига, опубликовавший Послание, ни последующие исследователи, которые обратались к этому произведению, не указывали, что оно представляет собой мифологический комментарий к проповеди Григория «На святые светы явлений господних», а А. И. Иванов даже ошибочно пишет, что Максим Грек в Послании объясняет мифы другу, «который узнал о них из поучения Григория Богослова на крещение».³⁵ Нас не должно смущать, что в этом сочинении Максим Грек действительно пишет: «. . . просивши у мене сказание некоторых их, о них же великий тайноучитель Григорей поминает в слове его о крещении».³⁶ Путаница в названии этого слова Григория Богослова возникла на Руси уже в XI в., когда появился перевод 13 слов Григория Богослова. Уже здесь интересующее нас слово названо «Святааго отца нашего Григоря Богословьца, бывша епископа Нанзиазе. Слово на святое крштение: господи благослови».³⁷ Это — ошибочное название, так как у Григория Богослова есть другое слово на крещение.³⁸ Та же ошибка в названии переходит в собрание 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского.³⁹ Послание же Максима Грека представляет собой комментарий не к слову

явление в мир сѣи, но еще и еже по прехожении многих лет раскровение своих мощей предрек не погрешил. При Константине бо и Ирине благоверными цари обретеса в Фракии от некоего ратаа в недрах земных раки мощей его, юже раскрывше обретеса сам желеце и дщица медена, на неже начертано бе еже о Спасе Христе пророчество, но о пророчестве сем толико довлеют» (А. И. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1875, с. 155). Рассказ об Орфее, находящийся в «Послании об античных мифах», и рассказ об обнаружении тела Орфея при императоре Константине в глоссе к «Слову обличительну на агарянскую прелесть» взаимно подтверждают принадлежность Максиму как Послания, так и текста глоссы. Имя Орфея упоминается также в «Похвале Адаму пръвзданному», статью, которую Максим перевел из Лексикона Свиды: «Отсуду Орфей, и Омир, и печестивых родов повеститель Исиод» (А. И. Клибанов. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека. — ВВ, т. 14. М., 1958, с. 171).

³³ В. Ф. Р ж и г а. Неизданные сочинения Максима Грека, с. 105.

³⁴ А. И. И в а н о в. Литературное наследие Максима Грека, с. 173.

³⁵ Там же, с. 201.

³⁶ В. Ф. Р ж и г а. Неизданные сочинения Максима Грека, с. 101.

³⁷ А. Б у д л о в и ч. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи имп. Публичной библиотеки XI в. СПб., 1875, с. 1.

³⁸ J. P. M i g n e. Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 36. Paris, 1886, Oratio 40.

³⁹ См.: ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 90/215, л. 573 об. В дальнейшем при обращении к собранию 16 слов Григория Богослова мы будем пользоваться этой рукописью, которая датируется второй половиной XVI в. (бумажные знаки типа Лихачев, Вод. зн., № 3209, 3210, 3240, 3242 — 1566 г., Брикк, № 12791 — 1558—1563 гг.).

на крещение, а к слову «На святые светы явлений господних»,⁴⁰ которое на Руси известно было как слово на крещение.

То обстоятельство, что Максим Грек обратился именно к этому сочинению, весьма любопытно. «Она (эта проповедь Григория Богослова, — Д. Б.), по-видимому, считалась как бы классическим руководством для поучений новообращенных, не отстававших от своих прежних давних привычек веры, культа и обряда», — пишет Е. В. Аничков.⁴¹ Поэтому с самого момента появления этого перевода на славянских землях он активно использовался как на Руси, так и у других славян.⁴² На Руси было составлено специальное «Слово святого Григорья, изобретено в толцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали; то и ныне творят».⁴³ Вот как характеризует «Слово святого Григорья, изобретено в толцех» Е. В. Аничков: «Оно толковое лишь настолько, что его более или менее можно воспринять. Автор нашего Слова. . . не толкует, а лишь излагает свой источник. Делает он это не искусно, . . . он не договаривает, громоздит одно непонятное ему выражение на другое и думает лишь о том, как бы ужаснее и отвратительнее, в самом отталкивающем виде, представить язычество».⁴⁴ Но на «Слове святого Григорья, изобретенном в толцех» не кончается история освоения русскими людьми проповеди Григория Богослова «На святые светы явлений господних».⁴⁵ Кроме того, что эта проповедь вошла в древнейший перевод собрания 13 слов Григория Богослова, позднее она попала в качестве десятого слова в собрание 16 слов Григория с толкованиями Никиты Ираклийского. Естественно возникает вопрос о том, имел ли в виду Максим Грек существовавшие уже на славянском языке толкования на это слово, принадлежащие Никите Ираклийскому, когда давал к нему свои собственные комментарии. Мы можем с уверенностью дать на этот вопрос отрицательный ответ, так как комментарии Максима Грека совершенно не отразили уже имевшиеся объяснения мифологических сюжетов Никитой Ираклийским. Приведем следующие аргументы.

Во-первых, попытаемся сравнить те цитаты из Григория Богослова, которые приводит Максим Грек в своем произведении, с соответствующими местами в десятом слове из собрания 16 слов и в первом слове из собрания 13 слов.

«Послание об античных мифах»⁴⁶

«Слово святого Григория . . . на святое крещение»⁴⁷

«Святааго отця нашего Григория . . . на святое крштение»⁴⁸

1) Не Зевсово сия рождение бывшего судии и властеля критяном (с. 101).

Не Дыева семена и крадения критскаго мучителя, аще еллини негодуют (л. 577).

Не Дыева се семена и крадения, критьскааго мучители, аште и еллини негодуют (с. 2).

⁴⁰ J. P. Migne. *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. T. 36, Oratio 39 (Εἰς τὰ ἄγια Φῶτα).

⁴¹ Е. В. Аничков. *Язычество и Древняя Русь*. СПб., 1914, с. 146.

⁴² Е. В. Аничков ссылается на заметку, найденную Тихомировым в сербском требнике, которая свидетельствует об использовании этой проповеди и у других славян (см.: там же, с. 146).

⁴³ Там же, с. 380.

⁴⁴ Там же, с. 66.

⁴⁵ Заметим, что интересующее нас слово Григория Богослова упоминается в известном «Послании Климента Смолятича провитеру Фоме» (см.: Н. Никольский. *О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в.* СПб., 1892).

⁴⁶ В. Ф. Ржиगा. *Неизданные сочинения Максима Грека*, с. 101 и след. Мы по-другому разделяем слова.

⁴⁷ ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 90/215, л. 577 и след.

⁴⁸ А. Будилович. XIII слов Григория Богослова. . . , с. 2 и след.

2) ... ни коривантъ-
стии гласи, и плищи, и
пласяна с оружьи бога
плачущася (с. 102).

3) ... ни фригийских
резаний и писканий (с. 102).

4) ... и Димитирь за-
блужаает (с. 102).

5) ... стыжуся убо
днєви предати нощныя грєбы
(с. 102).

6) ... глава прежде и
бог мужожен (с. 103).

... ни курсции звуцы,
и плєсци, и плясания в ору-
жии богу плачущася
(л. 577).

... ни фружскаа кроє-
ния и свирили (л. 577 об.).

... и Димитирь ски-
тается (л. 577 об.).

... стыжу бо ся дни
дати нощную жертву
(л. 577 об.).

... главе первое, и бог
мужежен (л. 578 об.).

... ни куритьсти
звуцы, и плясьци, и
пласания в оружии богу
плачущтуса (с. 2).

... ни фружскаа
кроения и свирели (с. 2).

... и Димитир ски-
тается (с. 3).

... стыжду бо ся
днєви дати нощную
жртьву (с. 3).

... аки иньгда бе
пръвое, и бог мужежен
(с. 3).

Из сопоставления этих отрывков видно, что примеры 1), 3) и 4) значительно отличаются у Максима Грека от близких друг к другу чтений собранной 13 слов и 16 слов; отрывки 2), 5) близки во всех трех случаях.⁴⁹ Отрывок 6) у Максима Грека сходен с тем же отрывком в собрании 16 слов и отличается от этого отрывка в собрании 13 слов. Казалось бы, в пользу того, что Максим Грек пользовался собранием в 16 слов, свидетельствует столько же отрывков, сколько и в пользу того, что он не пользовался ни одним, ни другим собранием. Но, как мы уже указывали, Максим Грек оканчивает свое произведение словами о том, что далее он не может продолжать свои толкования, так как у него нет для этого греческой книги. Как мы увидим ниже, эта греческая книга — не что иное, как собрание 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского на греческом языке. Однако, если бы он имел собрание в 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского, у него не было бы необходимости прерывать свое послание, ведь Никита Ираклийский дает подробные толкования той части проповеди Григория Богослова, которая осталась у Максима Грека непрокомментированной.

Один пример убеждает нас в том, что Максим Грек не пользовался при написании «Послания об античных мифах» собранием 16 слов с комментариями Никиты Ираклийского. Рассказывая об Ифигении, Максим Грек пишет: «Толикы же помню, что Ифигения девица дъщи Агамемнона царя, не помню, кого бежащи или чим гонима, донде в землю людей тавроскийф, велми лютых и безчеловечных».⁵⁰ Но между тем в толкованиях Никиты Ираклийского совершенно ясно рассказана история Ифигении: «Еллином устремльшимся на Троаду и совокупльшемся, поветриа не бысть им Артемидою, зане Агамнос, устрелив елень на ловех, похвалися и рек: „Ни сама та Артемида тако бы устрелила”. Безветрию же обдержащу, волхвоваху, прашающе вины. „Разве дщерию Агамновою угодити Артемиде”. Агамнон же приведе на заколение дщерь свою Артемиде Ифигению. Артемида же Ифигению восхыти и в тавры посла. Тавры же на западе язык есть, иже скифи в нихже и капище Артемидино. Дают же елень на заколение за девицу».⁵¹ Значит, если бы Максим Грек мог пользоваться толкованиями Никиты Ираклийского, он не написал бы: «не помню, кого бежащи или чим гонима» была Ифигения. Следовательно, остается единственная возможность: Максим Грек комментировал текст проповеди Григория Богослова в составе собрания в 13 слов.⁵²

⁴⁹ Заметим, однако, что трудно ручаться за точность этих сопоставлений, поскольку история перевода 16 слов Григория Богослова исследована далеко не удовлетворительно (ср.: М. Н. С п е р а н с к и й. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, с. 58—63).

⁵⁰ В. Ф. Р ж и г а. Неизданные сочинения Максима Грека, с. 103.

⁵¹ ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 90/215, л. 579 об.

⁵² Впрочем, мы не настаиваем на том, что Максим пользовался тем самым древним переводом собрания 13 слов, который сохранился в рукописи XI в., так как «некто-

Чтобы продолжить свои толкования мифологических реминисценций Григория Богослова, Максим Грек в «Послании к преподобному Алексию о тафиях» просит прислать ему греческий текст Григория с толкованиями Никиты Ираклийского, который он, видимо, привез с собой с Афона: «Молю вас, бога ради, послите ми на подержание Григория Богослова, книгу греческую с толкованием, бога ради послите ми ея». ⁵³ Нам кажется, что нужно связывать эти слова именно с появлением на свет «Послания об античных мифах».

Если согласиться с этим, то можно довольно точно датировать это Послание. «Послание к преподобному Алексию о тафиях», в котором Максим Грек просит греческий текст Григория Богослова, датируется 1548 г., так как в нем упоминается «тетрадка, в ней же главы 27», т. е. «Главы поучительны начальствующим правоверно», которые датируются 1548 г. ⁵⁴ Следовательно, «Послание об античных мифах» появилось где-то незадолго до 1548 г., так как спустя большой промежуток времени Максиму Греку не имело бы смысла продолжать комментарий для своего друга. Этому не противоречит и та дата, которую указывает сам писатель в начале Послания: «40 лет без мала прошли ужь, отнели отрекохся гнилых басней и учений моих прародителей еллинех». ⁵⁵ Если Максим Грек отсчитывает 40 лет не от момента пострижения в монастырь св. Марка (1502 г.), ⁵⁶ а от момента удаления на Афонскую гору (1505 г.), то мы получаем приблизительно ту же дату (1505+40=1545).

2

Когда Максим Грек получил греческий текст Григория Богослова, то он продолжил свои толкования. Так появилось «Сказание отчасти недоуменных неких речений в слове Григория Богослова». А. И. Иванов датирует это произведение началом 40-х годов: «„Сказание“ написано, вероятно, в начале 1540-х годов, так как Максим Грек говорит в нем, что открытие острова Кубы произошло лет 50 тому назад». ⁵⁷ Но Максим говорит об

рые из бесед Григория Назианзина (из собрания 13 слов, — Д. Б.), переведенные в древнеболгарской письменности, позднее были исправлены или, вернее, переправлены в Сербии. Списки этой более поздней, сербской, редакции обращались также и в России» (А. С. А р х а н г е л ь с к и й. Творения отцов церкви в древнерусской письменности, с. 38). Мы хотим только подчеркнуть, что Максим не знал перевода толкований Никиты Ираклийского на славянский язык.

⁵³ Сочинения, ч. II, с. 386. С. Белокуров считает, что «под книгой Григория Богослова, которую Максим Грек просил у Адашева прислать на время. . . , могло разумеется издание Gregorii Nazianzeni Theologi orationes lectissimae XVI. Венеция, 1516 г., Aldi et Andreae Soceri» (С. Б е л о к у р о в. О библиотеке московских государей. . . , с. 303—304). Долгое время считалось, что «Послание к преподобному Алексию о тафиях» адресовано Алексею Адашеву. Однако Е. Голубинский высказал сомнение в том, что адресат Максима — Адашев, поскольку в этом послании Максим обращается к монаху. По предположению Голубинского, Алексей, к которому направлено послание, — это казначей митрополита Макария (Е. Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. II, первая половина. М., 1900, с. 816). В наши задачи не входит подробно останавливаться на этом вопросе.

⁵⁴ Мы сохраняем датировку В. Ф. Ржиги (Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, с. 62), принятую и Н. В. Сивичевой (Ранние рукописные сборники сочинений Максима Грека. — Археогр. ежегодник за 1971 год. М., 1972, с. 138). И. И. Смирнов считает, что «Главы» датируются 1547 г. (Максим Грек и митрополит Макарий. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963, с. 179).

⁵⁵ В. Ф. Р ж и г а. Неизданные сочинения Максима Грека, с. 101.

⁵⁶ Об этом см.: E. D e l i s s o f f. Maxime le Grec et l'Occident. . . , p. 95, 247.

⁵⁷ А. И. И в а н о в. Литературное наследие Максима Грека, с. 174. По мнению Н. Лазарева (Первые сведения русских о Новом Свете. — Ист. журн., 1943, № 1,

открытии Кубы на память, поэтому он мог сильно ошибиться в дате. Теперь же мы имеем возможность более точно датировать это произведение: оно должно было появиться вскоре после 1548 г. (когда Максим Грек просил греческую книгу Григория Богослова).⁵⁸

Обратимся теперь к тексту самого «Сказания отчасти недоуменных неких речений». В этом произведении Максим Грек заканчивает толкование слова Григория Богослова «На святые светы явлений господних» и объясняет некоторые античные реминисценции в «Надгробном слове Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской».⁵⁹ Последнее слово Григория Богослова также имело на Руси свою древнюю традицию. Оно находится уже в древнейшем переводе собрания 13 слов (слово второе).⁶⁰ Попало оно также в перевод собрания 16 слов Григория Богослова (девятое).⁶¹ Обращение Максима Грека к этому второму слову столь же любопытно, сколь и обращение к первому, так как именно здесь Григорий Богослов говорит «о тех богатствах, которые заключены в светских науках и которые с пользой для себя может извлечь благочестивый человек».⁶²

Мы указали, что «Сказание» в отличие от «Послания об античных мифах» было написано, когда Максим Грек имел под рукой именно греческий текст проповедей Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского. Попытаемся доказать это положение.

Во-первых, сравним, как и при рассмотрении «Послания об античных мифах», цитаты Григория, которые приводит Максим Грек, с соответствующими местами в русском переводе 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского и в собрании 13 слов.

«Сказание отчасти недоуменных неких речений в слове Григория Богослова»⁶³

1, 2) ... ни фракийски уставы сия... их же верование икоже слово есть не верование, но фриския (с. 42).⁶⁴

«Слово святого Григория... на святое крещение»⁶⁵

... не фрацкая мнѣма чистыа, от них же и фригийскаа прозва честь, рекше жрътва и вера, икоже слово (л. 581 и об.).

«Святааго отца нашего Григоря... на святое крѣштение»⁶⁶

... не фряцкыа мнѣмыа чистыа таины; от них же и триския ся прозва рекше жрътва и вера (с. 3).

с. 73), это произведение Максима Грека написано около 1530 г., однако эта датировка еще менее вероятна, так как в это время Максима лишили возможности пользоваться книгами.

⁵⁸ Датировка «Сказания» позволяет несколько сместить *terminus post quem* написания одного из самых интересных сборников, в составе которого дошли многие уникальные сочинения Максима Грека (ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264). Н. В. Синицына пишет, что этот сборник «составлен до 1555 г., после 1545 г., так как содержит грамоту александрийского патриарха Иоакима о Максиме Греке, датированную 1545 г.» (Н. В. Синицына. Ранние рукописные сборники сочинений Максима Грека, с. 139). Но так как в рукописи ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264, содержится «Сказание», мы можем утверждать, что эта рукопись появилась после 1548 г. Заметим, кстати, что тот факт, что рукопись собр. Румянцева, № 264, появилась позднее 1545 г., подтверждается присутствием в ней и других сочинений Максима Грека, например «Послания Ивану IV», которое обычно датируют периодом после 1551 г. (см.: В. Ф. Р ж и г а. Опыты по истории русской публицистики XVI века, с. 76; А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека, с. 152).

⁵⁹ J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 36, Oratio 43.

⁶⁰ А. Бу д л о в и ч. XIII слов Григория Богослова. . . , с. 15 и след.

⁶¹ ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 90/215, л. 460 и след.

⁶² А. П. К а ж д а н. Книга и писатель в Византии. М., 1973, с. 59.

⁶³ Сочинения, ч. III, с. 42 и след. Далее номера страниц даются в тексте.

⁶⁴ Испр. по ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264, л. 82 об. В издании: «неверование африския».

⁶⁵ ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 90/215, л. 581 об. и след.

⁶⁶ А. Бу д л о в и ч. XIII слов Григория Богослова. . . , с. 3 и след.

3) . . . и козлы мендисских честнейшии (с. 42).

4) . . . ни апидовы ясли юнца наслаждающаяся мемфитов буйством (с. 42—43).

5) . . . ни елика Нила почитающе ругаются плододателя нарицающе его и доброкласна и меряща гобзование локотми (с. 43).

6) . . . еже бо чрез Гадир непрепловно (с. 43).

. . . и козел мендесейских честнейшии (л. 581 об.).

. . . и аспид ясли телица питающаяся мемфитским несмыслом (л. 581 об.).

. . . ни еликоже Нила чьстymi укярют плододавца, якоже хвалят теи доброкраснаа, и меряща гобиньства лакотми (л. 582 об.).

. . . еже бо есть чрез края, то не проходно (л. 502).

. . . и кол мендрьских чьстнейшии (с. 4).

. . . и апида ясли, тельца питающаяся мемфитским несъмьслъмь (с. 4).

. . . ни елико же Нила чьстymi кудят, плододавьца, яко же хвалят и ти, и доброкрасьна, и меряща гобино лакьты (с. 4).

. . . еже бо есть чрез края, то не проходьно (с. 34).

Близость отрывков 3), 4), 5) во всех трех случаях может свидетельствовать о том, что Максим Грек видел русский перевод из собрания 16 слов или из собрания 13 слов. Мы убедимся, что Максим Грек имел перед глазами собрание в 13 слов. Сейчас же покажем на примерах 1), 2) и 6), что Максим Грек несомненно получил греческий текст Григория Богослова, которым и пользовался для своих толкований.

В переводе шестого отрывка Максим Грек в отличие от предыдущих переводчиков следует буквально греческому тексту: «τὸ γὰρ ἐπέκεινα Γαδείρων οὐ περατόν».⁶⁷ На отрывках 1), 2) следует остановиться подробнее. В казанском издании второе толкование «Сказания отчасти недоуменных неких речений» читается так: «Сущее. таже приводит. их же верование якоже слово есть неверование. африския пословица есть древняя еллинска, а толкуется служба идольская, а не верование, кое бо верование в неверных идолопоклонницех»,⁶⁸ причем слово «африския» издатели приняли за греческое слово «ἀφρησκία».⁶⁹ Но дело в том, что все рукописи (в том числе наиболее авторитетная из них, которую правил сам Максим, — ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264) дают другое чтение в этом отрывке, которое мы считаем изначальным. Приведем его по рукописи собр. Троице-Сергиевой лавры, № 200 (далее мы объясним, почему мы предпочли рукопись собрания сочинений Максима Грека в 151 главу):⁷⁰ «Сущее. Их же верование якоже слово есть не верование, но фриския. Толк. А фриския» и т. д.⁷¹ Это слово «фриския», опущенное в казанском издании, соответствует выражению Григория Богослова «τὸ φρησκίειν».⁷² Однако все собрания, кроме собрания в 151 главу (по рукописи которого мы и привели этот отрывок) и восходящих к нему собраний Поморского и Большаковского (о них подробнее ниже), по причине непонимания текста Максима неправильно выделяют толкование, считая, что оно начинается со слова «неверование» (слово «есть» опускается), которое и выделяется киноварной буквой, или перед ним ставится слово «толк». Видимо, одна из таких рукописей и смутила издателей сочи-

⁶⁷ Там же, с. 34, стб. 1, примеч. 9.

⁶⁸ Сочинения, ч. III, с. 42.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ О собрании сочинений Максима Грека в 151 главу см.: Н. В. С и н и ц ы н а. Рукописная традиция XVI—XVIII вв. собраний сочинений Максима Грека. (К постановке вопроса). — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 263.

⁷¹ ГБЛ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 200, л. 380 об.

⁷² Для удобства понимания этого отрывка приводим его в русском переводе: «Здесь не оргии Фракиян, от которых, как говорят, ведет начало слово τὸ φρησκίειν, то есть богослужение» (Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа константинопольского, ч. III. Изд. 3-е. М., 1889, с. 211).

нений нашего писателя, заставив их опустить слово, которое существенным образом влияет на понимание произведения Максима Грека.⁷³

Понять данное место в славянских переводах Григория Богослова без греческого текста было практически невозможно, особенно в переводе собрания 16 слов, где выражение Григория Богослова «τὸ φρηγκεῦειν» переводится по-русски «фригийская». Более того, мы считаем, что неудобопонимаемость этого места в славянском переводе 13 слов заставила Максима Грека прервать «Послание об античных мифах» до того момента, пока у него не появился греческий текст.⁷⁴

Чтобы показать относительную близость в толковании Максимом Греком отдельных выражений Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, приведем для сравнения их комментарии к фразе: «Здесь не то, чем в своих чествованиях оскорбляют они Нил, как сами воспевают, плодоносный и доброкласный, измеряющий благоденствие жителей локтями».⁷⁵ Их близость доказывает, что Максим Грек пользовался греческим текстом толкований Никиты Ираклийского, а разница в их переводе покажет, что Максим Грек не видел славянского перевода 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского.

Максим Грек

Египтяне, к прочим премногим их безумным прельщением, и Нила реку, обливающую весь Египет и плодovit творящую и, почитаху ю и плододателя и доброкласна нарицаху ю, и мерящу лактии хотящее быти или гобзование или меженину, есть же разум сивцев: египтяне многолетным искусом разумевше, колицем пребыванием воды Нилы гобзование бывает, соделаша по берегу его степени каменные, иже и лакти нарицаху; понеже локотно разстояние бяше промеж степенем, и, егда разлившаяся вода до верхняго степени, то угадаху, яко гобзование будет там плодом земным.⁷⁶

Таким образом, мы считаем, что при создании «Сказания отчасти недоменных неких речений» Максим Грек в основном пользовался греческим текстом проповедей Григория Богослова, имея также под рукой славянский перевод 13 слов Григория Богослова. Перевода 16 слов Григория с толкованиями Никиты Ираклийского у Максима Грека не было.

⁷³ Л. С. Ковтун также принимает исправление казанского издания (Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975, с. 183), однако мы думаем, что вся рукописная традиция сочинений Максима (в том числе рукопись ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264) показывает верность нашего толкования. В оригинале проповеди Григория Богослова это место читается так: «οὐδὲ φρηγκῶν ὄργια ταῦτα, παρ' οὗ καὶ τὸ φρηγκεῦειν, ὡς λόγος» (J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 36, col. 340). Следует только отметить, что в греческом тексте, который был у Максима Грека и у переводчика собрания 13 слов Григория Богослова, в этом месте его проповеди имелось разночтение, а именно — не субстантивированная форма инфинитива (τὸ φρηγκεῦειν), а существительное φρηγκεῖα, которое они и передали по-русски «триския» (собрание 13 слов) и «фриския» (Максим Грек). На это указала нам Л. С. Ковтун.

⁷⁴ Не случайно Максим Грек начал «Сказание» объяснением, что такое «оргий фракия», хотя «Послание об античных мифах» кончается рассказом об Орфее, который упоминается у Григория Богослова после «оргий фракия», т. е. Максим Грек объяснил ту реминисценцию Григория, которую в послании вынужден был опустить, поскольку не имел в руках греческого текста.

⁷⁵ Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова. . . ч. III, с. 211.

⁷⁶ Сочинения, ч. III, с. 43.

⁷⁷ ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 90/215, л. 582 об.

Перевод 16 слов с толкованиями

Степени каменные, сечени по берегу беаху Нила, и пядми именуеми, тех наблюдаху египтене. По нему же време неводняшеся река, и до негоже степени възидяше вода, разумеваху, сивце и сивцев губзу быти плодом и разумети по мере лактии. И вещаша неции: «Не по степенем быти, но по столпом». По них же локотми меряху и древле чтуще Нила празноваху яко богу.⁷⁷

Заканчивая комментарий к той части слова Григория Богослова «На святые светы явлений господних», которая осталась неистолкованной в «Послании об античных мифах», Максим Грек в основном довольствовался толкованиями, которые он находил у Никиты Иракийского в греческой книге.⁷⁸ Обращаясь же к «Надгробному слову Василию, архиепископу Кесарии Кападокийской», Максим Грек толкует те стихи (видимо, выбирая их по просьбе своего корреспондента), которые остались в большинстве своем неистолкованными Никитой Иракийским. Здесь уже он основывался на собственных познаниях, а в ряде случаев, может быть, на Лексиконе Свиды, например в рассказе о Гадире и о колоссе Родосском.⁷⁹

Так появилось «Сказание отчасти недоуменных неких речений», которое Максим, видимо, написал для того же человека, для которого было написано «Послание об античных мифах». Сейчас трудно с уверенностью утверждать, кто был тот человек, который интересовался именно античными реминисценциями в проповедях Григория Богослова. Не мог ли быть им тот же ризничий тверского епископа Акакия, для которого Максим Грек в 1540 г. написал Псалтирь на греческом языке (ГПБ, собр. Софийское, № 78)? Действительно, если «Вениамин мог воспользоваться длительным заточением в Твери Максима и углубить свои знания греческого языка в занятиях с афонским переводчиком»,⁸⁰ то он мог воспользоваться и обширными познаниями Максима Грека в области античной мифологии. Однако эта гипотеза нуждается в основательных доказательствах.⁸¹

В отличие от «Послания об античных мифах», которое сохранилось лишь в одном списке, «Сказание отчасти недоуменных неких речений в слове Григория Богослова» дошло до нас в составе многих рукописных собраний сочинений Максима Грека: оно попало уже в прижизненный сборник сочинений Максима — собр. Румянцева, № 264, и далее имеется во всех рукописях собраний в 73 главы (Никифоровский и Бурцевский виды), в 112 глав, в 151 главу, в 139 глав,⁸² а также в более поздних собраниях Поморском и Большаковском. В ряде рукописей к «Сказанию» присоединяется «Повесть о римском юноше», которая, однако, никакого отношения к комментариям проповеди Григория Богослова не имеет, хотя и была напечатана в казанском издании вслед за «Сказанием отчасти недоуменных неких речений».

В большинстве рукописных собраний сочинений Максима «Сказание» имеет ту форму, в которой оно вошло в казанское издание сочинений Максима Грека, однако в собрании в 151 главу (и в восходящих к нему

⁷⁸ Однако можно предположить, что в толковании целого ряда мифологических реминисценций как в «Послании об античных мифах», так и в первой части «Сказания отчасти недоуменных неких речений» Максим Грек пользовался лексиконом Свиды. Например, в «Послании» — в рассказах о корибантах (см.: Suidae lexicon graece et latine, t. II. Ed. Godofredus Bernhardt. Halis et Brunsvigae, 1853, p. 1, col. 349; в дальнейшем ссылаемся на это издание), о Трофониевой пещере (Suidae lexicon, t. II, p. 2, col. 1225), о Дельфийском оракуле (Suidae lexicon, t. I, p. 2, col. 273—274; t. II, p. 2, col. 1018—1019), об Орфее (Suidae lexicon, t. II, p. 1, col. 1174—1175); в «Сказании» — в рассказах о Мендесе (Suidae lexicon, t. II, p. 1, col. 782), Аписе (Suidae lexicon, t. I, p. 1, col. 578).

⁷⁹ О Гадире см.: Suidae lexicon, t. I, p. 1, col. 1058; о колоссе Родосском см.: Suidae lexicon, t. II, p. 1, col. 317; t. II, p. 2, col. 620.

⁸⁰ Б. Л. Ф о н к и ч. Русский автограф Максима Грека. — Ист. СССР, 1971, № 3, с. 158.

⁸¹ В этом как будто нас убеждает и то обстоятельство, что в Софийской Псалтири на л. 3 толкуется выдержка из того же слова Григория Богослова «на крещение господне» (Л. С. К о в т у н. Лексикография в Московской Руси. . . , с. 28).

⁸² Все типы рукописных собраний сочинений Максима Грека мы перечисляем согласно названиям, данным им Н. В. С и н и ц ы н а. Рукописная традиция XVI—XVIII вв. собраний сочинений Максима Грека, с. 262—263).

Поморском и Большаковском собраниях) сочинение это представлено в несколько иной форме.⁸³ Здесь после названия следует: «Слово 9. стих 22. Сущее. Оресте и Пиладе. Толкование. Агамемнону» и т. д.⁸⁴ И далее идут остальные толкования на «Надгробное слово Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской», причем, как это обычно принято в комментариях, сначала указывается номер стиха, который толкуется, затем приводятся толкуемые слова, и лишь потом следует само толкование. После толкований на это слово приведены комментарии на проповедь «На святые светы явлений господних», которые обычно помещаются в начале «Сказания отчасти недоуменных неких речений», причем им предшествует ремарка: «слова десятаго».⁸⁵ В тех случаях, когда Максим Грек приводил слова Григория Богослова, которые он толковал, они оставляются без изменения. В тех случаях, когда наш писатель давал толкования без указания на то место, которое толкует, в собрании в 151 главу приводятся слова Григория Богослова по переводу 16 слов, которые несколько приспособляются к толкованиям Максима Грека. Приведем их для сравнения.

«Сказание отчасти
недоуменных неких
речений»⁸⁶

Перевод 16 слов
столкованиями⁸⁷

... сущее... Фивей египетская...
сущее. и стены вавилонстии... сущее.
и мавсолов мраморный гроб... сущее.
и пирамиды... сущее. и колосова медь
безмерная (л. 380 и об.).

... ни орфеовы требы и таинства,
его же мудрости еллини почюдишася
(л. 380 об.—381).

... седмераврата фивьска и еги-
петьска, и- стены града вавилонеск, и
маусов мраморяныи гроб и пурамиды,
и колосова без меры медь (л. 550).

... ни орфеовы требы и тайны,
емуже толма еллини о мудрости чюдн-
шася (л. 581 об.).

Казалось бы, такое построение этого произведения, когда приводятся толкуемые слова, указывается номер стихов, а затем комментируются слова Григория Богослова в той последовательности, в какой они идут в собрании 16 слов, более логично. Нельзя ли предположить, что именно в таком виде «Сказание» вышло и из-под пера Максима Грека, и, следовательно, он все же пользовался славянским переводом собрания в 16 слов?

Но такое предположение должно быть отвергнуто. Во-первых, сборником ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264, составленным при жизни Максима и правленным его рукой, засвидетельствована другая форма; в том, что построение произведения, которое мы имеем в собрании в 151 главу

⁸³ Поморское и Большаковское собрания остались неохарактеризованными Н. В. Синициной, поэтому перечислим рукописи, которые принадлежат к этим типам. Поморское собрание включает следующие рукописи: ГБЛ, ф. 209, собр. Овчинникова, № 131 (XVII в.); ГПБ, F.1.425 (XVIII в.); ГИМ, собр. Хлудова, № 74 (XVIII в.); ГБЛ, ф. 247, собр. Рогожского кладбища, № 341 (XIX в.); ГБЛ, ф. 98, собр. Егорова, № 1512 (XIX в.); ГБЛ, ф. 98, собр. Егорова, № 1919 (XIX в.); ГБЛ, ф. 178, собр. Музейное, № 9650 (XIX в.). Мы называем это собрание так же, как А. Т. Шашков, который исследовал его состав и любезно указал нам еще ряд рукописей этого собрания: ГИМ, собр. Епархияльное, № 1007 (XVIII в.); ГБЛ, ф. 98, собр. Егорова, № 1916 (XIX в.); ГБЛ, собр. Попова, № 127 (XIX в.); ГБЛ, ф. 344, собр. Шибанова, № 122 (XIX в.); ЦГАДА, ф. 187, № 92 (XIX в.), а также с дополнениями рукопись Государственной Публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Академии наук СССР, собр. Тихомирова, № 271 (XIX в.). К Большаковскому собранию относятся следующие рукописи: ГБЛ, ф. 98, собр. Егорова, № 1508 (XIX в.); ГБЛ, ф. 178, собр. Музейное, № 3840 (XIX в.); ГИМ, собр. Хлудова, № 75 (XIX в.).

⁸⁴ ГБЛ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 200, л. 379. В дальнейшем при обращении к собранию в 151 главу мы будем пользоваться этой рукописью.

⁸⁵ Там же, л. 380 об.

⁸⁶ Там же, л. 380 и след.

⁸⁷ ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 90/215, л. 550 и след.

(и в восходящих к нему), является вторичным, нас убеждают и другие соображения.

Действительно, поскольку мы знаем, что «Сказание» представляет собой как бы вторую часть «Послания об античных мифах», было бы странно, если бы Максим начал толковать другое слово («Надгробное слово Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской»), не закончив толкования первого («На святые светы явлений господних»).⁸⁸ Но окончательно убеждает нас в недопустимости этого предположения то обстоятельство, что автор переделки «Сказания» в собрании в 151 главу включил в толкования Максима Грека свое собственное: «Сущее. Богослов. ни Орфеовы требы и таинства, его же мудрости еллини почюдишася. Толкование. Орфеи мудрец древнии еллинския велики и преславен, уставы оставил еллином, службъ идольския таинственны, по них же еллини служаху и угрожаху бесовом».⁸⁹ Максим не включил в «Сказание» сведений об Орфее, потому что они уже вошли в «Послание об античных мифах». Автор же переделки «Сказания» в собрании в 151 главу, увидев у Григория Богослова слова об Орфее, которые находятся между ссылкой на «оргии фракиян» и «козлов мендезиян», включил между толкованиями Максимом Греком двух последних выражений свой собственный комментарий к имени Орфей. Следовательно, следует признать первоначальным тот вариант, который встречается в других собраниях сочинений Максима, в том числе в рукописи собр. Румянцева, № 264, которую правил сам автор.

Переделка «Сказания отчасти недоуменных неких речений в слове Григория Богослова» свидетельствует об интересе читателей к этому сочинению Максима Грека; она должна была помочь читателям пользоваться комментариями Максима, так как была приспособлена к переводу собрания 16 слов Григория Богослова, собрания, которое более всего было распространено среди русских читателей. Не случайно именно такая, переделанная форма «Сказания» получает начиная с XVII в. все большее распространение.

* * *

Таким образом, мы проследили историю написания двух сочинений Максима Грека, которые занимают важное место в его литературном наследии и которые способствовали освоению русскими читателями античной культуры. На комментариях Максима Грека не обрывается история двух указанных проповедей Григория Богослова («На святые светы явлений господних» и «Надгробное слово Василию») в древнерусской письменности. Вскоре после Максима Грека слово Григория Богослова «На святые светы явлений господних» использовал Иван Грозный в первом послании Курбскому.⁹⁰ Далее, практически все античные реминисценции из двух рассмотренных слов Григория вошли в Азбуковник из перевода собрания 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского. Но рассмотрение последующих этапов освоения двух замечательных проповедей Григория Богослова древнерусской литературой выходит за пределы наших задач. Нужно только подчеркнуть, что комментарии Максима Грека к Григорию Богослову представляют важное звено в этой непрерывной цепи использования на Руси слов Григория Богослова, способствовавших расширению сведений русских читателей в области античных древностей.

⁸⁸ Кстати, сам порядок толкований (сначала слово на богоявление, а затем надгробное слово) свидетельствует о том, что Максим пользовался собранием в 13 слов, где эти сочинения Григория Богослова идут как раз в таком порядке (в собрании 16 слов порядок обратный).

⁸⁹ ГБЛ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 200, л. 380 об.—381.

⁹⁰ За это указание благодарю Я. С. Лурье.

Я. Г. СОЛОДКИН

О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына

Первая часть «Истории» Авраамия Палицына¹ (6 начальных глав) существует в двух редакциях. Первоначальная редакция сохранилась в Забелинском и Академическом вариантах, каждый из которых представлен одним списком, а окончательная дошла до нас в большом количестве рукописей. Первые главы вызывают противоречивые оценки исследователей. Предметом споров является и их датировка.

В окончательной редакции вышущены гневные излияния по поводу поношения «святых икон», чтобы «умолить» Бориса Годунова принять царство. Подобная церемония имела место и в 1613 г. Поэтому один из первых исследователей «Истории» А. В. Горский датировал обнаруженный им Академический вариант периодом до воцарения Михаила Федоровича. Появление окончательной редакции он относил к началу правления Романовых.² С. И. Кедров повторил мнение А. В. Горского о времени написания первой редакции. Окончательный же текст начальных глав исследователь со ссылкой на «Историю» датировал 1620 г.³

Выводы А. В. Горского и С. И. Кедрова о времени создания начальной редакции были пересмотрены С. Ф. Платоновым. Он обратил внимание на следующий фрагмент в конце второй главы произведения: «В тая же лета (голодные годы, — Я. С.) мнози имущей глаголаху к просящим: не имама ничто же; во время же пленения от всех окольных язык, наипаче же от своих, то обретеса безчислено расхищаемо всякого хлеба, и давняя житницы не истощены, и поля скирд стояху, гумна же пренаполнены одоной и копон и зародов до четырехнадесять лет от смятения во всей Русской земле, и питахуся вси от поль старыми труды; орание бо и сеятва и жатва мятышеса, мечю бо на выи у всех всегда надлежащу».⁴ По С. Ф. Платонову, этот фрагмент «показывает, что Палицын составил начало своей книги не ранее как через 14 лет после голода 1601—1603 годов, то есть в 1615—1617 гг.». Это мнение С. Ф. Платонов повторил и позднее, в беседах с П. Г. Васенко.⁵

¹ Большинство исследователей пользуется названием «Сказание». Но сам Палицын именовал свое произведение «Историей», см.: Сказание Авраамия Палицына. Подгот. текста и комм. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. М.—Л., 1955, с. 101, 249, 250 (далее: Сказание). В состав же «Истории» входит 5 «Сказаний», ряд промежуточных и заключительная главы.

² [А. В. Горский]. Возражения против замечаний об осаде Троицкой лавры. — Москвитянин, 1842, № 12, с. 422, 429.

³ С. Кедров. Авраамий Палицын как писатель. — Рус. архив, М., 1886, № 8, с. 448, 456. Но Палицын говорит о 7128 г., а это (по сентябрьскому счету) — 1619—1620 гг.

⁴ Сказание, с. 255.

⁵ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888, с. 177; П. Г. Васенко. Две

Но правомерно ли считать, что Палицын связывал начало общерусского «смятения» со временем голода? Согласно приведенному высказыванию келаря, в голодные годы имущие уверяли, что у них ничего нет; в период же четырнадцатилетнего «смятения» (разорения страны внешними и особенно внутренними врагами), когда земледелие находилось в упадке, хлеба хватило. Как же могло не быть хлеба у богатых во время голода, — размышляет Палицын, — если его было достаточно в последующие четырнадцать лет «смятения»? Итак, в «Истории» голодные годы явно противопоставляются эпохе «великой разрухи».

Большинство отмеченных келарем признаков «смятения» нельзя отнести к 1601—1603 гг. По Палицыну, царь Борис в это время был славен и почитаем в соседних государствах, а согласно окончательной редакции, — даже «страшен» им. Иноземное «воинство» появилось в стране лишь при Лжедмитрии I. Свокорыстное поведение имущих в голодные годы Палицын считает причиной того, что Россия «от прочих язык пострада»,⁶ т. е. явно отличает период голода от последующего времени. Следовательно, говорить о чужеземном пленении страны в голодные годы не приходится.

По С. Ф. Платонову, «смятение», в глазах Палицына, «вызвали воровские шайки во время и после великого голода».⁷ Но для автора начальных глав «разбойничество» в голодные годы выразилось только в массовом бегстве на «украины» боярских военных слуг, которых после опалы господ Годунов запретил принимать в услужение. Это, однако, не поколебало устоев государственного порядка. Затаив злобу на царя, беглецы ждали своего времени. Оно настало с появлением Самозванца. «Негодование на царя» остальных бывших челядинцев, которые пережили голод, не нашло тогда выхода даже в бегстве. Итак, если относить начало «смятения» к «великому» голоду, то нельзя указать его участников,⁸ хотя Палицын в других случаях, говоря о «смятении», всегда их называет.⁹

Голод и «смятение» Палицын считает особыми этапами «беды во всей России», как он определяет весь комплекс событий начала XVII в. Первый этап — это «время. . . искушения гнева божья», которое выразилось в стихийном бедствии, неурожае, голоде и море. Тогда, согласно Палицыну, многие имущие не выдержали испытания, следствием чего и было общерусское «смятение», — это второй этап «всероссийской беды», отделенный от первого временем «мира и утверждения» правления Бориса.¹⁰ Становится ясным, почему келарь, не считавший голодные годы началом «смятения», счел необходимым датировать их.

Точке зрения С. Ф. Платонова противоречит следующее замечание Палицына: «. . . егда рекохом мир и утверждение о управлении Бориса. . . , внезапно приде на нас всегубительство» (нашествие первого Самозванца). Итак, следуя мнению исследователя, приходится допустить, что на протяжении 14 лет «смятения» было хотя бы кратковременное затишье. Но келарь

редакции первых шести глав Сказания Авраамия Палицына. — ЛЗАК за 1919—1922 годы, вып. 32. Пг., 1923, с. 33. Такого же взгляда держатся Н. Н. Фирсов и Д. П. Маковский, первоначально его разделял И. А. Голубцов (см.: Н. Н. Фирсов. Исторические характеристики и эскизы (1890—1920 гг.), т. 1. Казань, 1921, с. 12, 24; Д. П. Маковский. Первая крестьянская война в России. Смоленск, 1967, с. 275, 467; И. А. Голубцов. «Измена» Нагих. — Учен. зап. Ин-та ист. Росс. ассоциации науч. ин-тов обществ. наук, М., 1929, т. IV, с. 66, 69).

⁶ Сказание, с. 106, 109, 110, 255, 257—258, 260.

⁷ П. Г. Васенко. Две редакции. . . , с. 33.

⁸ Это фактически вынужден признать и Д. П. Маковский (Д. П. Маковский. Первая крестьянская война в России, с. 467).

⁹ Сказание, с. 110, 116 и сл., 185, 205, 217, 221, 231, 260, 266 и след.

¹⁰ Там же, с. 106, 110, 255, 260. В ряде списков «Истории» читаем: «Пред очима убо нашими что содеяся? Первое глад, потом мор, таже меч и огнь» (там же, с. 239, примеч. 90).

ларь прямо говорит, что в «смятенье» все кормились «старыми труды... мечю бо на выи у всех *всегда* надлежащу» (курсив наш).

Согласно выводам С. Ф. Платонова, максимальная продолжительность «смятия» составляет 16 (1602—1617), а не 14 лет, а концом этого «смятия» являются события 1615—1617 гг., о которых Палицын и не упоминает.

Склоняясь к датировке первой редакции начальных глав 1615—1617 годами, С. Ф. Платонов признавал и возможность ее создания до окончания русско-польской войны в конце 1618 г. Исследователь ссылался на слова Палицына, что и «доднесь вся Россия не может от выя своея разрешити того ярма», т. е. самозванчества.¹¹ Но можно ли считать эти слова исторической реальией? Ведь они сохранены в окончательной редакции, написанной, по общепринятому мнению, после «великой разрухи». Указанное замечание можно относить именно к этому времени, как делают некоторые исследователи.¹² В сознании наблюдательного Палицына окончание «смятия» не означало автоматического прекращения породивших и питавших его «грехов». Поэтому обличение последних сохраняло актуальность и по завершении «беды во всей России».

С. Ф. Платонов не исключал и возможности появления первой редакции до возвращения Филарета из польского плена (июнь 1619 г.), так как в «Истории» не упоминается о московском патриаршестве старшего «Никитича».¹³ Но этого известия нет и в окончательной редакции. Объясняется это, видимо, тем, что целью автора начальных глав было описать события до царствования Василия Шуйского включительно, обращая основное внимание на «греховные» дела своих современников. Он сознательно предпочел темные краски своей богатой палитры, а в изображении «смуты» при царе Василии почти ограничился ими;¹⁴ так что данное наблюдение С. Ф. Платонова не свидетельствует в пользу датировки Академического варианта временем до середины 1619 г.

Следовательно, попытку С. Ф. Платонова датировать первую редакцию начальных глав нужно признать неудачной.

В начале 1920 г. П. Г. Любомиров ввел в научный оборот Забелинский вариант первой редакции. Исследователь датирует его периодом «смуты», когда якобы и можно было писать, «киих ради грех попусти господь бог наш праведное свое наказание», в расчете на покаяние нагрешившего населения.¹⁵ Но причины «смуты» определяются во многих произведениях, написанных после ее окончания, в том числе в окончательной редакции начальных глав «Истории», где, как заметил Ю. Д. Кашкаров, также имеется формула «киих ради грех».¹⁶ Покаяние же «буйного и непокорливого»

¹¹ Сказание, с. 110, 260. В первой редакции встречается еще несколько подобных замечаний, частично указанных П. Г. Любомировым (П. Г. Л ю б о м и р о в. Новая редакция «Сказания» Авраамия Палицына. (К литературной истории «Сказания»). — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1922, с. 241, примеч. 1).

¹² А. А. З и м и н. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII века. — ВИ, 1958, № 3, с. 99; Н. П. Д о л г и н о в. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков, 1958, с. 11.

¹³ С. Ф. П л а т о н о в. Древнерусские сказания и повести. . . , с. 177.

¹⁴ Это разъясняет недоумения П. Г. Любомирова по поводу отсутствия в первой редакции указаний на ряд фактов 1609—1610 гг. (П. Г. Л ю б о м и р о в. Новая редакция. . . , с. 241, 244).

¹⁵ Там же, с. 241.

¹⁶ Сказание, с. 109 (л. 20 об.); Ю. К а ш к а р о в. Кто был автором первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына? — Филол. науки, М., 1964, № 4, с. 111. Исследователь справедливо отвергает гипотезу О. А. Державиной, приписывающей авторство первой редакции троицкому архимандриту Дионисию. Но его аргументация неполна, а иногда попросту ошибочна.

населения было очень желательно для правительства Романовых и после гражданской войны, отголоски которой долго жили в народе.

При датировке Забелинского варианта П. Г. Любомиров отказался использовать указание на длительность «смтения», считая, что здесь имеется в виду прошлое, а не будущее.¹⁷ Исследователь относит появление этого варианта к промежутку времени между низложением Василия Шуйского и «московским разорением», за которым последовало составление мартовской (1611 г.) грамоты Троице-Сергиевой лавры, известной по ее изложению в «Истории». Часть же текста этой, а также июльской грамоты монастыря почти дословно совпадает с риторической концовкой первой редакции и, по утверждению П. Г. Любомирова, именно оттуда перешла в троицкие послания, одним из составителей которых был красноречивый келарь. Но возможна и обратная зависимость.¹⁸ Палицын заимствовал из грамот, и эти заимствования попали в Сказание о разорении и освобождении Москвы, написанное не ранее октября 1612 г.¹⁹ Риторические вопросы, касающиеся бедствий «смуты», — это, видимо, экспромт, родившийся в напряженный момент создания мартовской грамоты на основе патристической письменности конца 1610—начала 1611 г. Как пользующиеся особой популярностью, они перекочевали в другие троицкие послания, составленные «по прежеписанному»,²⁰ а затем и в «Историю», в том числе в ее начальные главы.

По П. Г. Любомирову, Забелинский вариант вероятнее всего появился в конце декабря 1610 или в январе 1611 г., тем более что эмоционально он якобы соответствует душевному состоянию келаря по возвращении из «бездельного» посольства под Смоленск. Но мы ничего не знаем о настроении Палицына на рубеже 1610—1611 гг. Следуя логике исследователя, к этому времени можно отнести и Академический вариант, и окончательную редакцию начальных глав, поскольку в них наблюдается тот же беспросветный пессимизм, что и в Забелинском варианте. В конце 1610—начале 1611 г. Палицын размышлял, видимо, не столько о причинах постигших страну бедствий, сколько о том, какую позицию занять ему и его монастырю в тогдашней противоречивой обстановке. Будучи прежде сторонником Владислава или даже Сигизмунда, келарь в начале весны выступает пропагандистом первого ополчения. К тому же трудно представить, чтобы по возвращении из-под Смоленска он сразу принялся за создание начальных глав, требовавшее большой предварительной работы.

В аргументации П. Г. Любомирова можно вскрыть противоречия, неточности, натяжки. Так, «предание» Шуйского исследователь сперва правильно понимает как низложение, а затем как выдачу его гетману Жолкевскому или увоз в Польшу. Подобной трактовке противоречит даже буквальное толкование «предательства» как отступничества от Шуйского.²¹ Сообщая же о его пленении, Палицын не говорит о таком отступничестве прежних сторонников Шуйского; к этому времени бывший царь был совершенно беззащитен, так что его пленение не встретило затруднений. К тому же в данном случае Палицын не указывает виновников «предания».²²

¹⁷ Ранее такое мнение в отношении окончательной редакции высказал П. Н. Полевой в рецензии на указанную монографию С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести. . .» (Ист. вестн., М., 1888, ноябрь, с. 488, примеч. 1). Ошибочность подобного взгляда показал уже Васенко (П. В а с е н к о. «Забелинская» редакция первых шести глав «Истории» Палицына. — СОРЯС, 1928, т. 101, № 3, с. 101—102).

¹⁸ И. А. Г о л у б ц о в. «Измена» Нагих, с. 68.

¹⁹ Сказание, с. 213, 214, 229.

²⁰ Ю. К а ш к а р о в. Кто был автором. . . , с. 116.

²¹ Сказание, с. 114, 132, 150, 161, 175, 201, 213 и др.

²² Ср.: там же, с. 114, 116, 118, 121, 264, 266, 268, 272, 278 и др.

В замечании Палицына об осквернении «божьих образов» П. Г. Любомиров предполагает намек на выстрел поляка Блинского в икону Богородицы над Сретенскими воротами. Но он приводит лишь часть фразы, отмечающей поругание «святых божьих церквей и божьих образов» (характерен и порядок перечисления). О подобном святотатстве сообщается и в других местах шестой главы произведения. Далее, пленение и увоз Шуйского в Польшу, относящиеся к августу 1610—апрелю 1611 г., не вмещаются в прокрустово ложе датировки П. Г. Любомирова. Осквернение же иконы С. Маскевич относит к октябрю 1610 г., а К. Буссов — к концу января 1611 г.²³ Предпочитать последнее сообщение нет оснований.

При датировке Академического варианта П. Г. Любомиров уже обратился к рассказу о хлебных запасах в голодные годы.²⁴ Началом «смятения» у Палицына он считает воцарение Бориса, на умоление которого «двигнут бысть нелепо» «образ» Владимирской Богоматери, «двигнута же и Россия бысть нелепо».²⁵ Но первая часть этой патетической фразы имеет в виду ношение икон, так что под «нелепым движением» страны можно понимать не «смятение», а движение к этому «смятению», подготовленному, в оценке Палицына, главным образом в царствование Бориса. П. Г. Любомиров не учитывает, что после избрания Годунова в течение двух лет «всеми благиями Россия цветяше».²⁶ Накануне вторжения Лжедмитрия I в стране также наблюдалось спокойствие. Итак, по крайней мере свыше двух лет царствования Бориса нельзя отнести к общерусскому «смятению». Последнее же под пером келаря выглядит непрерывным. Едва ли случайно Палицын не счел нужным и датировать избрание Годунова на престол. Мнению П. Г. Любомирова противоречат отмеченные в «Истории» признаки «смятения» и фраза о «мире и утверждении», внезапно нарушенных вторжением первого Самозванца; противоречит ему и то, что рассказ о «нелепом движении» иконы опущен в окончательной редакции.

Отсчитывая 14 лет от года воцарения Бориса, П. Г. Любомиров приходит к 7120 (1611/12) г. и относит к этому году все признаки «смятения». Но эти признаки можно отнести и к более раннему, и к более позднему времени. Политическая обстановка конца 1611—начала 1612 г. не благоприятствовала литературной работе Палицына.

По мнению П. Г. Любомирова, Академический вариант появился на четырнадцатом году общерусского «смятения». Но хронологическая реальность в рассказе о великом голоде сохранена и в окончательной редакции, указывая, таким образом, на абсолютную длительность «смятения». Определить же эту длительность можно было, естественно, лишь по завершении «беда во всей России». А рубеж 1611—1612 гг. Палицын, конечно, не считал концом «смутного времени».²⁷

Датировка П. Г. Любомировым первой редакции делает не совсем понятными теплые отзывы келаря о Романовых, ибо о его близости к ним до 1613 г. говорить не приходится.²⁸ Правда, по словам исследователя, и при этой датировке можно объяснить сильные фразы о «неповинной погибели» Никитичей, так как из всех опал Бориса только их заточение якобы могло

²³ Сказания современников о Дмитрии Самозванце, ч. II. Изд. 3-е. СПб., 1859, с. 48—49; Конрад Буссов. Московская хроника. 1584—1613. М.—Л., 1961, с. 182.

²⁴ В издании Академического варианта его разночтение с Забелинским в этом месте почему-то не отмечено. Ср.: Сказание, с. 255 (л. 330); ГИМ, собр. Забелина, № 446/641, л. 83—83 об.

²⁵ Сказание, с. 252; П. Г. Любомиров. Новая редакция. . . , л. 245.

²⁶ Сказание, с. 104, 252; И. А. Голубцов. «Измена» Нагих, с. 69.

²⁷ Сказание, с. 219—220.

²⁸ О. А. Державина. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор. — В кн.: Сказание, с. 25.

расцениваться современниками подобным образом.²⁹ Это ошибка. Публицисты начала XVII в. считают жертвами гоудуновского произвола не только Романовых, но и многих других. Палицын держался того же мнения. Но из всех опал Бориса он выделял гонения на Романовых: их Гоудунов «насилывал злейши» Шуйских, «изгнание» Никитичей явилось первопричиной «искусшения гнева божья» и повлекло за собой другие опалы.³⁰ Автор начальных глав внимательно следит за судьбой будущих правителей страны. Это лучше всего объясняется при допущении, что он писал после воцарения Михаила.

Итак, выводы П. Г. Любомирова о времени появления первой редакции требуют пересмотра. Окончательная редакция, по его мнению, возникла через несколько лет после Академического варианта — не позже 1620 г.

Новая попытка решить проблему датировки начальных глав одновременно с П. Г. Любомировым была предпринята П. Г. Васенко.

Автор первой редакции в целом отрицательно отзывался о Василии Шуйском. Считая, что династия Романовых всегда смотрела на Шуйского как на законного царя, П. Г. Васенко утверждает, что Академический вариант появился во время междоусобия.³¹ Но как показал Л. В. Черешнин, отношение Романовых к Шуйскому долго оставалось неясным.³² Этот вопрос дискутировался в правящих кругах и в период создания «Истории». Недаром обе редакции начальных глав несколько расходятся в изображении царя Василия. Нельзя, однако, противопоставлять обе редакции в зависимости от отношения к Шуйскому. Различия касаются тона, а не существа повествования о царе Василии, что однажды признает и П. Г. Васенко.³³ Так, в окончательной редакции Палицын уже не сравнивает Шуйского со «зверем гонимым», хапающим «обоюду, не ведая что», но вновь говорит о казни царем как виновных, так и «несогрешьших». Здесь мы уже не находим замечания о «предании» Шуйского как божьей каре за грабеж им чужого имущества. Но подобную мысль мы встречаем в 56-й главе «Истории».³⁴ При правке начальной редакции Палицын выпустил сообщение о постыдном отступлении царя Василия из-под Калуги. Автор, видимо, стремился исправить фактическую ошибку (Шуйского под Калугой не было); сочетать с этим объяснением мотив большей почтительности к царю вряд ли правомерно. П. Г. Васенко противопоставляет рассуждения обеих редакций о крестном целовании Шуйскому. Однако, опустив поговорку «окаанних» о царе Василии, Палицын и теперь отмечает факт поношения царя. В обоих случаях келарь считает, что надо было не присягать Шуйскому, санкционируя его незаконное воцарение, а сразу лишить его престола, даже если не все, а лишь «безумные» не признают царя. Мысль автора везде одинакова: царская власть должна находить всеобщее признание, которое является гарантией ее прочности. В обеих редакциях подчеркнуты также политическая близорукость и неправосудие Шуйского, его «двоумыслие» к «первоначальствующим» и вера клеветникам.³⁵ Правда,

²⁹ П. Г. Любомиров. Новая редакция. . . , с. 240.

³⁰ Сказание, с. 238, 253, 256, 258.

³¹ П. Г. Васенко. Две редакции. . . , с. 31—32. Во время написания статьи П. Г. Васенко не было известно о существовании Забелинского варианта.

³² Л. В. Черешнин. «Смута» и историография XVII века. (Из истории древнерусского летописания). — ИЗ, т. 14, М., 1945, с. 102.

³³ П. Г. Васенко. Две редакции. . . , с. 22.

³⁴ Сказание, с. 205. В окончательном варианте 56-й главы явно враждебное отношение к Шуйскому сменилось его апологетикой. Но нам кажется вероятной гипотеза Е. Н. Кушевой, что Палицын не был автором этого варианта (Е. Кушева. Из истории публицистики Смутного времени XVII века. — Учен. зап. Саратов гос. ун-та, 1926, т. 5, вып. 2, с. 64).

³⁵ Сказание, с. 116, 119—120, 266—267, 270. Неблагоприятные отзывы о Шуйском имеются и в других частях «Истории» (там же, с. 128, 170, 203—205, 207).

в окончательном тексте Палицын награждает царя Василия эпитетом «благочестивый», которого он не находит для Годунова.³⁶ Это, однако, не меняет сколько-нибудь существенно его отношения к Шуйскому.

Повторяя аргументацию А. В. Горского, П. Г. Васенко считает рассказ первой редакции об умолении Бориса решающим доводом в пользу своей датировки Академического варианта. Поскольку в марте 1613 г. келарь принял участие в подобной же церемонии умоления Романовых, исследователь находит психологически невозможным создание этого рассказа после воцарения Михаила.³⁷ Однако П. Г. Васенко едва ли удалось проникнуть в тайники психологии Палицына. Ведь психологически возможным было обличение хлебных спекуляций в голодные годы, хотя сам келарь в них участвовал.³⁸ Психологически возможным было гневное осуждение «перелетов» при нестойкости самого Палицына.³⁹ Почему же тогда невозможно было суровое порицание келарем ношения «святых икон» на умоление Бориса? Дело в том, что политическая обстановка при воцарении Бориса и Романовых была не одинаковой, как и главные «святыни», использовавшиеся при умолении. В 1598 г. носили икону Владимирской Богородицы, вызывавшую у Палицына чувство трепетного благоговения, а 15 лет спустя — ее копию.⁴⁰ Почему же Палицын выпустил суровые порицания в соответствующем рассказе окончательной редакции? Видимо, это объясняется опасением, как бы широкая читательская масса не распростирилась на Романовых, тем более что разницу между двумя умолениями в «Истории» можно уловить с трудом.

Отмеченные признаки «смятения» П. Г. Васенко считает подтверждением своей датировки Академического варианта. Но келарь не заканчивал «пленение» страны воцарением Михаила Федоровича. Ведь за ним последовало нашествие Владислава, в котором участвовали польское «воинство» и казаки.⁴¹ Другие признаки «смятения» также можно отнести к началу царствования Михаила. То, что тогда земледельческие работы «метаются», — несомненный факт, по крайней мере для центральных районов страны,⁴² которая еще не вышла из затяжного кризиса.⁴³

По свидетельству Палицына, в момент венчания на царство Годунов обещал, что при нем никто не будет «нищ или беден». И «тряса верх срачицы на себе», он выразил готовность разделить «сию последнюю со всеми». Этот резко осуждаемый в «Истории» «глагол» не вызвал возражений у при-

³⁶ Там же, с. 125. Ю. Д. Кашкаров пытается подкрепить мнение П. Г. Васенко указанием на «царские похороны в Успенском соборе», устроенные Шуйскому «как раз за год до составления Сказания» (Ю. К а ш к а р о в. Кто был автором. . ., с. 115). Это недоразумение: возвращенный на родину прах Шуйского был захоронен в Архангельском соборе в 1635 г.

³⁷ П. Г. В а с е н к о. 1) Две редакции. . ., с. 12, 32; 2) «Забелинская» редакция. . ., с. 102, примеч. 3. Подобного же мнения держатся И. А. Голубцов, О. А. Державина, Ю. Д. Кашкаров.

³⁸ В. И. К о р е ц к и й. Голод 1601—1603 гг. в России и церковь. — Вопр. ист. религии и атеизма, 1959, т. 7, с. 235—236.

³⁹ П. Г. В а с е н к о. Авраамий Палицын. — В кн.: Люди смутного времени. Под ред. А. Е. Преснякова. СПб., 1905, с. 40. А. Д. Баясный верно заметил, что часто «дела» Палицына не совпадают с его «мнениями» (А. Д. Б а л я с н ы й. Этюды по изучению древнерусских повестей XVI—XVII вв. 1. Литературная традиция в «Сказании» Авраамия Палицына. — Тр. Одесск. гос. ун-та, 1940, т. 1, с. 80).

⁴⁰ Сказание, с. 103, 229, 252.

⁴¹ Там же, с. 239, 240.

⁴² Памятники хозяйственной истории Троице-Сергиевой лавры, т. 1. [Б. м.], 1926 (машинопись); Ю. В. Г о т ь е. 1) Замосковский край в XVII веке. Изд. 2-е. М., 1937, с. 112—156; 2) Смутное время. Очерк истории революционных движений начала XVII столетия. [Б. м.], 1921, с. 128—129. Для нас важно, что Ю. В. Готье пришел к этому выводу в основном на материалах троичских вотчин.

⁴³ Масловский архив, вып. 1, 1569—1631. — ЧОИДР, 1916, кн. 2, с. 96—98.

сутствующих (а не в обществе в целом, как пишет П. Г. Васенко).⁴⁴ По мнению исследователя, раз «смута» началась от «безумного молчания» русских людей, то придется признать, что келарь считал 1598 год исходным моментом «смятения». ⁴⁵ И так, согласно П. Г. Васенко, в глазах Палицына непротавление Годунову при его венчании породило «смуту». Но последняя предстает в «Истории» результатом целого комплекса причин, среди которых попустительство «высокому глаголу» Бориса занимает второстепенное место. Далее, можно ли было считать это «попустительство» «безумным молчанием»? Никакого молчания по поводу эффектного жеста царя не было: «словеси» его «вси такающе и, истину глаголюща, ублажающа». К тому же «божий гнев», по мнению Палицына, на страну навлекло «всего мира безумное молчание, еже о истинне к царю не смеюще глаголати о неповинных погибели». ⁴⁶ П. Г. Васенко в данном случае забывает, что первопричиной всероссийской «беды» явилось, в глазах Палицына, «изгнание» Романовых в 7109 (1600—1604) г. Он упускает из виду и пропуск фразы о «безумном молчании» в окончательной редакции, где палицынская концепция «смуты» сохранена и детализирована. Наконец, исследователь впадает в известное противоречие, связывая начало «смятения» в «Истории» в одном случае с избранием Бориса на престол, а в другом — с его венчанием на царство.

Что касается признания келарем расцвета страны в первые два года царствования Годунова, то, согласно П. Г. Васенко, для Палицына «все добрые „строения всенародные“ Бориса и все „благини“ Руси были лишь кажущимися», так как царь невзлюбил Романовых и стал их преследовать. ⁴⁷ Это явная натяжка. В представлении келаря гонения на Никитичей вовсе не нейтрализовали «всенародных строений» Годунова, деятельность которого на всех ее этапах изображается в «Истории» противоречивой.

Выделенные Палицыным признаки «смятения» нельзя отнести к началу царствования Бориса, и недаром П. Г. Васенко забывает о них. Не учитывает он и замечания о «божьем всегубительстве», прервавшем мирное правление Годунова. Таким образом, П. Г. Васенко не удалось убедительно доказать, что исходным пунктом «смятения» у Палицына является воцарение Бориса.

П. Г. Васенко датирует Академический вариант рубежом 1612—1613 гг., причем склоняется к концу 1612 г. В это время на повестку дня стал вопрос об избрании царя и, как полагает исследователь, Палицын при своей «практической чуткости» счел наиболее предпочтительными шансы Романовых и сделался их приверженцем. ⁴⁸ Но Г. А. Замятин установил, что в конце 1612 г. «державствующие» поддерживали кандидатуру Карла Филиппа. В январе 1613 г. кандидатура юного Романова была даже отвергнута земским собором, склонявшимся в пользу избрания на престол шведского принца. Окончательный исход борьбы определился только 21 февраля. ⁴⁹ Видимо, лишь незадолго до этого Палицын сделался неофитом Романовых, согласившись передать «первоначальствующим» желание земских выборных видеть царем Михаила. ⁵⁰ И вряд ли осторожный ке-

⁴⁴ Сказание, с. 252; С. Ф. П л а т о н о в. Борис Годунов. Пг., 1921, с. 37.

⁴⁵ П. Г. В а с е н к о. Две редакции. . . , с. 35.

⁴⁶ Сказание, с. 253.

⁴⁷ П. Г. В а с е н к о. Две редакции. . . , с. 35. Ранее П. Г. Васенко высказывался не так (П. Г. В а с е н к о. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913, с. 66).

⁴⁸ П. Г. В а с е н к о. Две редакции. . . , с. 36.

⁴⁹ Г. А. З а м я т и н. К истории земского собора 1613 г. — Тр. Воронеж. гос. ун-та, 1926, т. 3, с. 1—74.

⁵⁰ Сказание, с. 232; Г. А. З а м я т и н. К истории земского собора 1613 г., с. 54, 57.

ларь, сам участвовавший в избирательной кампании,⁵¹ стал бы связывать себя в политических симпатиях, давая к тому же их «вещественное доказательство» — начальные главы «Истории», когда не было уверенности в избрании Михаила, а, напротив, выше котировались шансы Карла Филиппа.

Датировка П. Г. Васенко предполагает, что Палицын финалом «смуты» считал события конца 1612 г., скорее всего — освобождение Москвы. Но после этого «бысть во всей России мятеж велик и нестроение злейши перваго».⁵² Эту датировку исследователь повторил и позднее, уже относительно Забелинского варианта первой редакции. Он не привел новых аргументов в ее пользу.⁵³

П. Г. Васенко попытался определить и время появления окончательной редакции начальных глав. В ней выпущен ряд известий о «грабительстве» царей. Исследователь связывает это с чрезвычайными сборами новой власти в 1614 г. и поэтому думает, что Палицын «исправил свой труд не ранее» этого времени, хотя «вряд ли много позднее его».⁵⁴ Но и в окончательной редакции говорится о «грабежах» Шуйского, встречаются там и «ламентации по поводу грабительских откупов Бориса, не указывается лишь, кто явился их жертвой».⁵⁵ Эти сетования непонятны в свете объяснения П. Г. Васенко. Итак, отмеченные им купюры нельзя считать хронологической реальией.

Как мы видим, П. Г. Васенко не удалось убедительно обосновать свою датировку начальных глав «Истории». Тем не менее ее разделяет ряд исследователей (И. А. Голубцов, Л. В. Черепнин, Л. Н. Пушкарёв, М. Я. Попов). Другие придерживаются не более убедительной датировки П. Г. Любомирова (Н. П. Долинин, Н. К. Гудзий, О. А. Державина, А. М. Сахаров). Наконец, В. П. Адрианова-Перетц, А. Д. Балясный, В. Л. Комарович, Ю. Д. Кашкаров, В. Д. Назаров и Н. В. Водовозов, не высказывая своего отношения к выводам П. Г. Любомирова и П. Г. Васенко, следуют их представлениям о возникновении первой редакции начальных глав до воцарения Романовых, а окончательной — после этого события.

Н. П. Долинин отмечает, что социально-политические тенденции первой редакции соответствуют позиции троичных властей на рубеже 1611—1612 гг. Непонятно, однако, на каких основаниях он утверждает, что «обличение „грехов“ бояр и дворян, осуждение чрезмерной крепостнической политики, . . . отрицательный взгляд на Шуйского» характерны для Дионисия и Палицына этого времени.⁵⁶

О. А. Державина склоняется к датировке П. Г. Любомирова, ибо во время победоносной борьбы с интервентами в 1612—1613 гг. писать резко обличительную первую редакцию «было уже не своевременно», тогда как

⁵¹ Подпись «келаря Авраамия» стоит под жалованной грамотой Д. Т. Трубецкому на Вагу, выданной в январе 1613 г. (И. З а б е л и н. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. Изд. 4-е. М., 1901, Прил. II, с. 273). Он подписывался и под «Утвержденной грамотой» 1613 г. (Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С предисл. С. А. Белокурова. Изд. 2-е. М., 1906, с. 76, № 11).

⁵² Сказание, с. 231. Эти беды относятся к октябрю-ноябрю 1612 г. (П. Г. Л ю б о м и р о в. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Переизд. М., 1939, с. 166, примеч. 3).

⁵³ П. В а с е н к о. «Забелинская» редакция. . . , с. 101—102.

⁵⁴ П. Г. В а с е н к о. Две редакции. . . , с. 15, 38.

⁵⁵ Сказание, с. 109, 258.

⁵⁶ Н. П. Д о л и н и н. Административная и социально-политическая деятельность подмосковных полков («казацких таборов») в 1611—1612 гг. — Науч. зап. Днепропетр. гос. ун-та, 1956, т. 56, вып. 4, с. 105; ср.: Н. П. Д о л и н и н. Подмосковные полки. . . , с. 85.

1610—1611 годы были критическим моментом смуты.⁵⁷ Но и окончательная редакция содержит острые обличения.⁵⁸

В. Л. Комарович находит в первой редакции и «прямое указание» на время ее возникновения — «на 14 [-м] году после избрания Годунова на царство». Конечно, это недоразумение. Подтверждение этой реалии исследователь видел в том, что начальная редакция еще полна публицистической страстности в оценке недавних событий.⁵⁹ Но отзвуки этих событий отчетливо слышны и в окончательной редакции, ей присуща та же злободневная трепетность, что и начальной. Так что предлагаемый В. Л. Комаровичем критерий датировки первых глав «Истории» является несостоятельным.

Таким образом, существующие датировки начальной редакции явно неубедительны. Поэтому нам кажется необходимым заново исследовать эту проблему.

По словам Палицына, в 7113 (1604/05) г. Григорий Отрепьев под именем царевича Дмитрия появился в Польше, «мятеше в двою государству (России и Речи Посполитой, — Я. С.) всеми людьми». ⁶⁰ Подобного указания на «смятение» келарь не делает ни в рассказе о воцарении Бориса Годунова, ни в повествовании о голоде начала XVII в. Судя по его замечанию, что «и доднесь вся Россия не может от вяя своея разрешити того ярма», в которое была введена «злодейством» Лжедмитрия I, бедствия самозванщины терзали страну именно с момента появления «расстриги». В окончательной редакции Палицын возмущается тем, что его соотечественники нарушили крестное целование «первое Борису», а в «Сказании об осаде» прямо связывает начало божьего наказания с «попущением» Отрепьева. В унисон с этими указаниями звучит и мысль о «всегубительстве», неожиданно прервавшем вновь наступившее в стране спокойствие. Отмеченные в «Истории» признаки «смятения» имели место тоже с момента выступления первого Самозванца. В составе его армии были «поляки и литва», 6000 их он допустил на свой «брак беззаконный» уже после воцарения, что положило начало «еретическому насилванию» в Москве. Решающую же роль в триумфе «царевича Дмитрия», как верно заметил Палицын, сыграли «свои» — жители северской и полевой окраины России, собиравшиеся здесь «от лет царя Ивана Васильевича даже и до расстриги Гришки». Стало быть, именно при последнем эти «гады» пришли в движение. Подтверждением тому является свидетельство Палицына, что беглецам на «украины» «дойде время по их вражю изволению» с появлением Лжедмитрия I. Воцарив Самозванца, они приобрели силу и влияние. «Вси умнии» от них «токмо плачуще, слова же рещи не смеюще». ⁶¹ Это ли не «пленение. . . от своих»? Постоянная опасность гибели грозила всем также со времени Лжедмитрия I. Палицын рассказывает о гибели обличителей Самозванца, о том, что называвшие его «расстригой» пропадали без следа, а те, кто мысленно осуждал «царя Димитрия» и его приверженцев, не могли выступить именно под страхом смерти. Вообще при Лжедмитрии «во всех

⁵⁷ О. А. Державина. 1) «Сказание» Авраамия Палицына и его автор, с. 32—33; 2) Историческая повесть первой трети XVII в. Автореф. докт. дис. М., 1953, с. 16.

⁵⁸ Ю. Кашкаров. Кто был автором. . . , с. 111—117.

⁵⁹ История русской литературы, т. II, ч. 2. Литература 1590—1690 гг. М.—Л., 1948, с. 51.

⁶⁰ Сказание, с. 110, 260.

⁶¹ Там же, с. 107, 110—114, 125—126, 128, 203, 255, 260—264. Под «умными» Палицын понимал не только «знатных людей, бояр» (Д. П. Маковский. Первая крестьянская война. . . , с. 291), но и остальных представителей правящего класса, включая и мелкопоместных служилых людей.

градех российских. . . мнози погибоша».⁶² Ко времени первого Самозванца можно отнести и другие признаки «смятения».

Таким образом, начало «пленения» страны Палицын связывал с выступлением Лжедмитрия I в 7113 (1604/05) г.

Отсчитывая длительность «смятения» от его исходного пункта, приходим к 7127 (1618/19) г., когда было заключено Деулинское перемирие. В оценке Палицына оно явилось действительным финалом «смуты», восстановив «безмятежье и тишину» в России и Речи Посполитой.⁶³ Характерно, что в данном случае, как и в сообщении о появлении первого Самозванца, речь идет о «смятении» в обоих государствах, что является лишним аргументом в пользу нашей датировки начала «пленения» в «Истории».

Определив хронологические рамки общерусского «смятения», можно заключить, что начальные главы «книги» Палицына не могли возникнуть ранее 1 декабря 1618 г. Но, скорее всего, после подписания Деулинского соглашения келарь описал это и предшествовавшие ему события в «Сказании о нашествии Владислава». Первое время по прекращении военных действий он, несомненно, был занят и восстановлением разоренных троичских вотчин. Поэтому к созданию начальных глав «Истории» Палицын вряд ли мог приступить ранее 1619 г. Попытаемся определить конечную хронологическую границу написания первой редакции. В окончательном тексте фраза Академического варианта «до четырехнадесять лет от смятения» приняла вид «и до четырехнадесять лет, отнеле же смятение бысть».⁶⁴ Последние слова выражают уже уверенность в завершении «беды во всей России». Эта уверенность, видимо, могла появиться лишь после того, как стали выполняться условия Деулинского перемирия, в частности совершился 1 июня 1619 г. размен пленных между Русским государством и Речью Посполитой. Автор «Истории» прекрасно помнил, как интервенты грубо попрали договор об избрании Владислава на московский престол, он сам находился в напряженной атмосфере деулинских переговоров, когда русские послы опасались «клятвопреступления и измены».⁶⁵ Не было и гарантий, что условия Деулинского перемирия будут выполняться.

Подтверждением нашей датировки нижней хронологической границы появления начальной редакции может служить вероятное участие Палицына в церемониях встречи возвратившегося на родину Филарета, его наречения патриархом и поставления на патриарший престол (14—24 июня 1619 г.).⁶⁶

Следовательно, имеются основания считать, что «Сказание кних ради грех» возникло в течение первых месяцев 1619 г.

⁶² Сказание, с 110—112, 260—263. Характерно, что троичские власти считали 7113 год началом бедствий страны (ААЭ, т. III. СПб., 1836, № 66; АИ, т. III. СПб., № 58; ДАИ, т. II. СПб., 1846, № 35; Памятники хозяйственной истории, т. II. [Б. м.], 1926, с. 6, 22, 23, 25; Памятники социально-экономической истории Московского государства XV—XVII вв., т. 1. М., 1929, с. 185, 201. Ср.: Житие Дионисия. М., 1908, с. 49—50).

⁶³ Сказание, с. 246—247.

⁶⁴ Там же, с. 106, 255; П. Г. В а с е н к о. Две редакции. . . , с. 38. П. Г. Васенко по недоразумению считает данное разночтение свидетельством того, что первая редакция возникла не ранее 1614 г.

⁶⁵ Сказание, с. 209—211, 246.

⁶⁶ В источниках, рассказывающих об этих торжествах, Палицын не упоминается, зато указывается на участие в них всего освященного собора (Дворцовые разряды, т. 1. СПб., 1850, стб. 398—406; ДАИ, т. II, № 76). Поэтому можно заключить, что он был свидетелем данных событий, особенно учитывая его роль (пусть второстепенную) в избрании на престол Михаила и значение троичского келаря вообще. О присутствии в это время в Москве автора «Истории» может говорить и то, что 13 июня в Устюжну Железнопольскую приезжал пристав, между прочим по челобитью «келаря Аврамья Палицына з братею» (Е. С т а ш е в с к и й. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, ч. 1. Киев, 1913, Прил. IV, с. X).

Определить хронологический рубеж между вариантами начальной редакции пока не представляется возможным. Но так как различия этих вариантов слишком незначительны (они носят почти исключительно стилистический характер), то создание раннего варианта заняло, безусловно, больше времени.

Окончательная редакция появилась в 7128 (1619/20) г., когда, по свидетельству Палицына, он «исправил» свою «Историю». Под этим исправлением следует понимать прежде всего переработку начальной редакции, ибо о сколько-нибудь значительных изменениях текста остальных частей произведения говорить не приходится.

Существует взгляд, что «История» завершена на Соловках, откуда перешла в «дом святого Сергия». ⁶⁷ Однако по свидетельству близко знавшего келаря Ивана Наседки, его «книга» написана в Троице. ⁶⁸ А в описи монастырской библиотеки 1641/42 г. «История» значится в качестве «дачи келаря старца Авраамия Палицына». ⁶⁹ Следовательно, она создана до отъезда автора на Соловки.

Этот отъезд датируется исследователями 1619—1621 гг. 11 октября 1620 г. Палицына не было в Троице, как и в 1621 г. В 1619/20 г. он упоминается неоднократно. ⁷⁰ Но в данной его племянника за этот год «келарь Аврамей» не фигурирует, ⁷¹ что говорит о том, что Палицын управлял монастырским хозяйством не позже чем до конца августа 1620 г. Далее, когда 11 октября Д. А. Замыцкий бил челом на архимандрита Дионисия и казначея Моисея, он ссылаясь на подобное челобитье 1620/21 г., т. е. поданное не ранее сентября. Не упомянут Палицын и 6 июня, когда царь с патриархом пожаловали Дионисия, Моисея и «кто по них иные архимариты и келари и казначеи будут». ⁷² Однако грамота Филарета на Алатырь от 12 июня послана по челобитью Дионисия, Палицына и Моисея. ⁷³ У них же Д. С. Погожий взял 24 июня пустошь Мамоново. ⁷⁴ 11 июля на архимандрите и келаре «искал» монастырский слуга А. Дворянкин. Но патриарх пожаловал Дионисия и Моисея, указав, что это решение действительно и при их преемниках, в том числе келарях. ⁷⁵ Видимо, челобитные поданы в бытность Палицына келарем, но рассмотрены уже после этого или когда отъезд Авраамия на его «обещанье» был предрешен. Покинул же он Троицу скорее всего между 24 июня и 31 августа 1620 г.

⁶⁷ П. М. Строев. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1882, с. 11.

⁶⁸ ГПБ, собр. ОЛДЦ, Ф. 8 (6), л. 140—140 об. Ср.: Книга о чудесах преподобного Сергия. Творение Симона Азарьина. Сообщил С. Ф. Платонов. СПб., 1888, с. 6, 8; РИБ, т. XIII. Изд. 2-е. СПб., 1909, с. 932, 1313.

⁶⁹ В. М. Ундольский. Опись книгам, в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII веке. М., 1848, с. 12, № 349. На Соловках написан позднейший вариант «Сказания, како грех...», сохранившийся в двух списках (ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 43/1502, л. 143—483 об.; собр. Толстого, отд. II, № 212, л. 77—255). Помимо первой рукописи, нам известно еще 47 списков «Истории», не учтенных в издании 1955 г.

⁷⁰ Памятники хозяйственной истории... т. II, с. 85, 96, 104—110; Сборник грамот коллегии экономии, т. I. СПб., 1922, с. 560, 561; т. II, Л., 1929, с. 483; ЛОИИ, к. 115, № 5, л. 248, 248 об.; к. 238, оп. 1, № 334, л. 175 об.—176 об.; ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 248 об.—249, 644 об.—645, 915, 915 об., 1259 об., 1353 и др.

⁷¹ ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 1259. В предшествующей данной А. Ф. Палицына в Троицу (1611 г.) «келарь Аврамей» отмечен (там же, № 532, л. 15).

⁷² ГБЛ, ф. 303, № 527, л. 399; № 530, л. 172; № 536, л. 164, 168. Моисей был тропицким келарем в конце 1621—начале 1622 г.

⁷³ Там же, № 527, л. 700.

⁷⁴ Там же, № 530, л. 258 об., 259; № 536, л. 145 об., 146 об.

⁷⁵ Там же, № 527, л. 534 об.—535 об., 553; № 545, л. 84, 84 об., 113 об.; № 547, л. 155 об., 156, 213. В одной копийной книге монастыря встречаем «рукоприкладство» келаря (там же, № 571, л. 292—307). Другие автографы Палицына см.: там же, № 970; ф. 310, № 1372.8.

К этому времени окончательная редакция начальных глав была готова. Вероятно, она создана уже к концу 1619 г., поскольку Румянцевский список, донесший архетипный текст «Истории», не имеет главы о храме.

Не ранее декабря 1619 г. была написана последняя глава «Истории», рассказывающая «о поставлении храма» в Деулине. Глава завершается страстным призывом «отстать от злых» дел, перекликающимся с целевой установкой начальных глав. Возможно, к моменту освящения Деулинской церкви их окончательная редакция была уже готова. По крайней мере, она вышла из-под пера автора в начале 1620 г. А если так, от составления первой редакции ее отделяет примерно полгода. Сомнительно, чтобы за этот срок взгляды Палицына могли претерпеть заметную эволюцию, которую обнаруживает сравнение этих редакций. Учитывая близость троцкого келаря к правительственной среде и то обстоятельство, что правке подверглись места, расходящиеся с «политическим контекстом» эпохи, можно высказать предположение об официальной цензуре начальной редакции. В таком случае переработка «Сказания, киих ради грех» объясняется стремлением привести его в соответствие с официальными канонами, которые к тому же несколько изменились в связи с выдвижением на первое место в государстве патриарха Филарета. Возможно, что текст первой редакции был обсужден в близких к нему кругах, может быть и при его собственном участии, и автору было предписано «исправить» свое произведение в соответствии с выработанными рекомендациями. П. Г. Любимиров отметил разночтение обеих редакций в рассказе об издевательствах «воров» над Филаретом. «Неловко было сказать про митрополита, а в это время уже патриарха, что его „нагим“ привели в Тушино и в „кривых“ сапогах, и вот первое выпущено, а на ноге святителя одеты книжные „сандалии“». ⁷⁶ Возможность участия Филарета в редактировании «Сказания, киих ради грех» косвенно подтверждается тем, что по возвращении из плена в Москву он остановился на троцком подворье, где в это время, вероятно, находился и Палицын. ⁷⁷

В свете нашего предположения об официальной цензуре первой редакции многие ее разночтения с окончательной получают наиболее убедительное объяснение.

Чуткость же Палицына к «верхам» не исключает того, что он мог недопонимать их интересы. Так, намекая общую внутривластную линию «богоизбранного» Михаила Федоровича в 73-й главе произведения, он считает пошадой и долготерпением к виновным условием благоденствия страны. ⁷⁸ Характерно, что в первой части «Истории» этот мотив уже не повторяется.

Следовательно, вопреки мнению П. Г. Васенко, правку начальной редакции можно объяснить и при поздней ее датировке.

Многие исследователи так или иначе отмечали связь «книги» Палицына с официальной историографией XVII в. И. П. Елагин, а спустя полтора века и Л. В. Черепнин выдвинули плодотворную гипотезу об официальном характере «Истории». ⁷⁹ В пользу этой гипотезы свидетельствуют и наша датировка первых глав произведения, а также вытекающее отсюда предположение о правительственной цензуре начальной редакции.

⁷⁶ П. Г. Любимиров. Новая редакция... с. 247.

⁷⁷ ПСРЛ, т. XIV. М., 1965, с. 149. Еще Д. И. Иловайский относил «Историю» к числу произведений, которые «или составлены, или получили окончательную редакцию уже во время Романовых (преимущественно под влиянием Филарета Никитича)» (Д. Иловайский. Смутное время Московского государства. М., 1894, с. 276, примеч. 1).

⁷⁸ Сказание, с. 239.

⁷⁹ И. Елагин. Опыт повествования о России, кн. 1. М., 1803, с. XXIII; Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века, с. 100.

Советские ученые много сделали для изучения официальной историографии первой трети XVII в. Выяснены изменения, которым подверглась в правительственных кругах «Повесть како отомсти». ⁸⁰ Можно говорить об официальной цензуре проекта исторического введения к «Утвержденной грамоте» 1613 г. и «Рукописи Филарета». ⁸¹ К числу этих памятников нужно отнести и палицынское «Сказание, ких ради грех».

Наша датировка первой части «Истории» делает понятным наличие здесь сведений, почерпнутых, по всей вероятности, в архивных материалах. Работа Палицына в архиве Посольского приказа относится исследователями к 1613—1614 гг. ⁸² Это мнение ничем не аргументировано. Больше оснований считать, что келарь был допущен в архив после составления его описи, т. е. не ранее 16 ноября 1614 г. ⁸³ Но с июня 1614 по конец марта 1615 г. троицкие власти, в том числе Палицын, были заняты составлением копийной книги, ⁸⁴ что требовало разбора огромного вотчинного архива монастыря. О присутствии келаря в Лавре в это время, помимо копийной книги 1614 г., говорят и другие источники. Палицын был в монастыре и летом 1615 г. ⁸⁵ А 24 октября того же года келарь «государевым словом» вызывал из обители в Москву троицких старцев Арсения Глухого и Антония Крылова для исправления богослужебных книг. ⁸⁶ Не исключено, что именно осенью 1615 г. он работал в посольском архиве.

По мнению И. А. Голубцова, Палицын был допущен в архив лишь при создании окончательной редакции. Но и в «Сказании, ких ради грех» содержатся уникальные данные (в том числе статистические), которые, видимо, восходят к архивным материалам. В Академическом же варианте имеется ряд новых сведений. В частности, там дается историческая справка о папских кознях на Руси. Возможно, одним из ее источников явились документы посольского архива о миссии Антония Поссевино. ⁸⁷ Нам представляется, что данную справку, как и сведения о местах боев между войсками Шуйского и его противников, автор «Истории» получил от дьяков и подьячих Посольского приказа, принимавшего, как известно, участие в составлении трудов о «смуте». ⁸⁸ В таком случае мы имеем еще одно ос-

⁸⁰ В. И. Буганов, В. И. Корецкий, А. Л. Станиславский. «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 236—240.

⁸¹ Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в., с. 100 и сл. Л. В. Черепнин склонен атрибутировать указанный проект автору «Истории» (там же, с. 100, 116). Но общие черты этих произведений характерны для всей литературы смутного времени, различия же их (идейные, фактические, стилистические, языковые) слишком велики, чтобы приписывать данные сочинения одному автору.

⁸² И. А. Голубцов. «Имена» Нагих, с. 67; Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в., с. 99, 100; Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М., 1959, с. 325.

⁸³ Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 года. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, с. 47. Л. В. Черепнин справедливо пишет, что опись «в числе других целей преследовала и задачу предварительного учета и разбора архивных фондов в целях их последующей историографической разработки», но почему-то не распространяет этого положения на Палицына (Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в., с. 92).

⁸⁴ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы. . . , ч. 2, с. 39, примеч. 1.

⁸⁵ Памятники социально-экономической истории Троице-Сергиевой лавры, т. I, с. 283, 286, 292; ААЭ, т. III, № 66; АИ, т. III, № 58; ДАИ, т. II, № 35, 37; Памятники хозяйственной истории Троице-Сергиевой лавры, т. II, с. 150, 153, 156; ср. с. 25.

⁸⁶ Леонид. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку троицкой духовной семинарии в 1747 году, вып. II. М., 1887, с. 196—197.

⁸⁷ Описи царского архива. . . , с. 64, 72, 77, 78, 110, 114, 115, 124. Одним из составителей описи 1614 г. был князь Д. Мезецкий, известный Палицыну по «великому посольству» к Сигизмунду III и депутации в Кострому в 1613 г.

⁸⁸ Конечно, Палицын литературно обработал представленный материал.

нование считать «Сказание, киих ради грех» официальным произведением. Что правительству было известно о литературных занятиях Палицына, можно видеть и из такого факта. Поручая в ноябре 1616 г. исправление требника троицким «духовным и разумичным старцом» во главе с архимандритом Дионисием, царь не назвал в их числе безусловно отвечающего этим требованиям келаря.⁸⁹

Датировка первой части «Истории» концом 1618—началом 1620 г. позволяет объяснить ошибку автора начальной редакции при определении времени наступления «беды по всей России», а не считать ее случайной.⁹⁰ Вычитая из числа 7127 годы «смятения» и два голодных года,⁹¹ приходим к 7111 г., когда, согласно «Сказанию, киих ради грех», на страну обрушилось стихийное бедствие. При этом Палицын не учел периода «мира и утверждения» или, ставя неправильную дату, еще не предусматривал его.

Наша датировка 6 первых глав палицынской «книги» значительно изменяет представление о ее литературной истории. Оказывается, что эта часть произведения написана позже остальных. Поэтому можно поставить вопрос об эволюции взглядов Палицына. Указанная датировка служит веским доводом против гипотезы о принадлежности первой редакции Дионисию. Она позволяет конкретизировать оценку идеологической борьбы первых лет после окончания гражданской войны и иноземной интервенции, особенно официальной идеологии этого времени.

⁸⁹ ААЭ, т. III, № 329.

⁹⁰ И. А. Голубцов. «Измена» Нагих, с. 66.

⁹¹ Так в Забелинском варианте; в Академическом правильно говорится о трех годах голода. Видимо, Палицын просто механически перенес дату из оригинала первоначального варианта.

Древнерусский смех и логика комического

Понятие смеха неоднозначно: оно может быть осмыслено сразу с нескольких попарно противостоящих друг другу точек зрения. Достаточно сказать, что смех бывает детищем и профессионального, и непрофессионального творчества; способен устанавливать социальную дистанцию и вместе с тем стирать социальные различия; в историческом плане как «возмущает», так и стабилизирует картину мира.

Открывающуюся тем самым возможность многочисленных альтернативных подходов к смеху подтверждает тот беспрецедентный по масштабам научный интерес нашей эпохи к этому явлению, который неуклонно растет, начиная с трудов А. Бергсона, М. Истмана, Э. Дюпреля и других вплоть до ряда новейших исследований.¹ Комическое оказалось материалом, удовлетворяющим разным толкованиям, которые взаимно дополняют друг друга, претендуя иногда на исключительные права в рассмотрении смеха.² Спрашивается, нельзя ли предпринять обобщение этих разноречивых трактовок в единой модели логических форм, семантического материала и функций комизма?

Русская научная школа 1920—1940-х годов обращалась к смеху главным образом в историко-культурных исследованиях,³ что в какой-то мере позволило ей избежать определений, сужающих объем этого понятия и абсолютизирующих его отдельные стороны. Именно этой традиции — в первую очередь идеям М. М. Бахтина — наследует книга Д. С. Лихачева

¹ См., например: А. Я. Сыркин. Некоторые аспекты изучения юмора и примеры из древнеиндийской литературы. — В кн.: Программа и тезисы докладов в Летней школе по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1964; L. M a k a g i u s. Clowns rituels et comportements symboliques. — *Diogenes*, 1970, № 69; G. B. M i l n e r. Homo Ridens: Towards a Semiotic Theory of Humor and Laughter. — *Semiotica*, 1972, vol. V, № 1; P. A. R. B o u i s s a c. 1) Les avatars du clown: Transformations sémiotiques et parallélisme des systèmes. — *Semiotica*, 1972, vol. V, № 13; 2) Clowns Performances, as Metasemiotic Texts. — *Language Sciences*, 1972, № 19; J. W e i s g e r b e r. Satir and Irony, as Means of Communication. — *Comparative Literature Studies*, 1973, vol. X, № 2; Вяч. Вс. И в а н о в. Из заметок о строении и функциях карнавального образа. — В кн.: Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973; Ю. М. Л о т м а н. Гоголь и соотношение «смеховой культуры» с комическим и серьезным в русской национальной традиции. — Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам, 1 (5). Тарту, 1974.

² Ср., например, утверждение Э. Дюпреля: «Социологическая проблема смеха — это проблема смеха в целом» (E. D u p r é e l. Le problème sociologique du rire. — *Rev. philos. de la France et de l'Étranger*, 1928, t. 106, № 9 et 10, p. 231).

³ О. Ф р е й д б е р г. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. Л., 1939, с. 100 и след.; В. Я. П р о п л. Ритуальный смех в фольклоре. (По поводу сказки о Несмеяне). — Учен. зап. ЛГУ, 1939. Сер. филол. наук, вып. 3, № 46; М. Б а х т и н. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; ср. также: Н. Н. С и р е т е н с к и й. Историческое введение в поэтику комического, ч. I. Ростов н/Д, 1926.

и А. М. Панченко «„Смеховой мир” Древней Руси»,⁴ авторам которой удалось не только раскрыть изменение функций смеха в процессе движения русской культуры от средневековья к XVII—началу XVIII в., но по существу дать импульс новому теоретическому осмыслению комизма.

Область смеха характеризуется в обсуждаемой книге (главы, написанные Д. С. Лихачевым) как «антимир» — «крошечный», «опричный», «инишний» мир.

Понятие «антимира» станет логически прозрачным, если обратиться к такому принципу изучения культур, который исходит из четырехзначного чтения культурных ценностей.⁵ Всякая ценность с этой точки зрения включена в классы либо положительных, либо отрицательных фактов культуры, совместно (синкретическая значимость) противостоящих классу природных явлений. «Крошечное», «опричное», «инишнее» принадлежит не только культуре (в позитивном или негативном ее вариантах), и не только природе, но представляет собой результат *смешения культурного и природного*.

Вот почему, в частности, смеются над одеждой, вывернутой мехом наружу, над обнаженным телом, над медведями скоморохов, подражающими людским манерам, над предметами культурного обихода, сделанными из «ложных материалов» (с. 20) — рогожи, соломы, бересты, лыка,⁶ над зооморфными масками и т. п.⁷

Слияние культурных и природных фактов — необходимое, но недостаточное условие смеха. Это обстоятельство хорошо демонстрирует диалог, взятый из «Сказания о молодце и о девице». Обращение сватающегося героя к строптивой невесте («... Ясна сокола очи, черна соболя брови, сера ястреба зрение, борза команя губы, бела горноста я скакание, павиное твое поседание»⁸) влечет в ответ брань, рассчитанную на комический эффект: «Подугольный сверчок. . . Жил бы ты как жолна в дупле, как мышь под кровлю, как червь под корою, как жук в г. . .».⁹ Хотя обе реплики одинаково стирают грань, отделяющую человека от животного царства, смешной, по всей видимости, оказывается только вторая из них. Помимо того, что комическое высказывание имеет регламентированный объем значения, указывая на сдвоенные культурно-природные объекты, оно должно также обладать специфическим содержанием зачения и располагаться в определенной позиции относительно смежных высказываний (план семантического развертывания текста).

Если в увещаниях героя антропо- и зооморфные признаки совместимы друг с другом (разумеется, под углом зрения некоторой культурной конвенции), то в ответе невесты они расщепляются, становятся несовместимыми: сватающийся молодец сопоставлен с символами отверженности и одиночества. Как видно, нейтрализация контраста между культурой

⁴ В дальнейшем страницы этого издания приводятся в тексте статьи в скобках.

⁵ A. J. Greimas. Du Sens. Paris, 1970 (Ch. «Les jeux des contraintes sémiotiques», — par A. Greimas et F. Rastier). Использование языка четырех—шести значной логики для проникновения в тексты культуры было предвосхищено в диалоге Платона «Филеб» (П л а т о н. Соч., т. 3, ч. 1. М., 1971, с. 26 и след.).

⁶ Ср. смеховую роль «низких» материалов в палеоазиатском фольклоре: Е. М. Мелетинский. Структурно-типологический анализ мифов северо-восточных палеоазиатов. — В кн.: Типологические исследования по фольклору. М., 1975, с. 105.

⁷ Ср. смеховое сопоставление мотивов продолжения рода и письменной коммуникации в «Заветных пословицах» В. И. Даля: С. С a r l e y. Les proverbes érotiques Russes. Études de proverbes recueillis et non publiés par Dal' et Simoni. The Hague—Paris, 1972, № 36, 52, p. 47, 49.

⁸ Хр. Л о п а р е в. Сказание о молодце и о девице. Вновь найденная эротическая повесть народной литературы. — ПДП, вып. ХСІХ. СПб., 1894, с. 17.

⁹ Там же, с. 18—19.

и природой сопровождается в комическом высказывании отбором взаимно исключающих признаков из той и другой областей.¹⁰

Развертывание фабулы предполагает такое упорядочение ее элементов, при котором всякий последующий мотив включает в себя признак предыдущего, — например реализация какого-либо события включает в себя предпосылку этого события, но не наоборот. В цитированном отрывке предпосылка объединения персонажей комбинируется с реализацией их разъединения. Тем самым связывание мотивов осуществляется через инверсию значения (в следующих друг за другом элементах высказывания положительные знаки меняются на отрицательные).¹¹ Инверсия к тому же слита с конверсией: действие в первой реплике направлено от героя к героине, во второй направлено на героя. Конверсия инверсии называется в логике контрапозитивным высказыванием. Связывание комического мотива с предшествующим ему смысловым отрезком текста, равносильное смене направления в описываемом действии (конверсия) и обращению значения этого действия, подтверждает родство смеха с тактикой игры-соревнования,¹² где поступки партнеров сочетаются между собой по точно такому же принципу. Если сопоставить разные способы расположения звеньев в смысловой цепи (прямой порядок, инверсия, конверсия, контрапозитивный порядок), то можно заключить, что смех вспыхивает в случае наименее предсказуемого линейного развертывания текста.¹³

Итак, намечены три правила, применение которых организует логическую форму смеха: 1) *правило смешения* несовместимых объемов значений; 2) *правило взаимного исключения* признаков этих объемов; 3) *правило контрапозитивности* комического высказывания относительно предшествующих элементов текста. Кроме того, сделано предположение, что *содержание* смеха образуется в силу снятия границы между культурными ценностями и природными фактами. С этим пониманием логики и материала комизма надобно согласовать теперь определение его функций в поведении человека, что повлечет за собой дальнейшую конкретизацию мотивов смеха.

К функциональному осмыслению смеха удобно подойти, опираясь на представление о наличии разных коммуникативных уровней в человеческом общении. Целесообразно различать три такие иерархические ступени, имеющие место в любом (комическом) тексте: уровень автокоммуникации, на котором раскрывается роль смеха в области индивидуальной психологии; уровень коммуникации внутри коллектива, обнаруживающий социальное значение комизма; наконец, уровень передачи информации во времени, т. е. историко-культурный уровень. Предположим, что каждое из только что перечисленных правил порождения смеха соответствует

¹⁰ Сближение контрастных значений как условие смеха неоднократно обсуждалось исследователями; ср. хотя бы определение Э. Обуа: «Комическое — это интеллектуальная игра, которая состоит в неожиданном примирении несовместимых объектов или в примирении несовместимых суждений либо сообщений относительно самих объектов» (E. Aubouin. *Technique et psychologie du comique*. Marseille, 1948, p. 121).

¹¹ Об инверсии языкового и социального синтаксиса в клоунаде см.: P. A. R. В о u i s s a c. *Les avatars du clown*. . . , p. 294.

¹² О связи смеха и игры см.: M. E a s t m a n. *The Sense of Humor*. New York—London, 1921. В дальнейшем изложении для анализа будет привлекаться главным образом смех, возникающий в речи, однако выводы этой статьи могут быть распространены и на комическое поведение.

¹³ Таким образом, приобретают логическую мотивировку обычные при изучении смеха указания на неожиданность комической ситуации, которые восходят к известному афоризму И. Канта: «Смех есть аффект от внезапного превращения напряженного ожидания в ничто» (И. К а н т. Соч., т. 5, М., 1966, с. 352).

одному из трех коммуникативных уровней, на котором оно получает актуализацию.

Допустим, далее, что на уровне автокоммуникации актуальным будет правило смешения несовместимых классов объектов. (В случае автокоммуникации, стало быть, искомыми оказываются объемы значений).¹⁴ *Нейтрализация противопоставления культура/природа воплощается для индивидуального сознания в мотивах смерти и продолжения рода*, где человек выступает сразу и в качестве социального, и в качестве биологического существа (ср. возрастной статус балаганных «дедов»¹⁵ либо черты инфантилизма, в частности случаи эгоцентрической речи, в шутовском поведении). В общественной жизни наиболее решительному обузданию и ритуализации подвергаются действия, связанные именно с этими мотивами. Понятно, что смех ослабляет складывающиеся тем самым напряжения и выполняет терапевтическую функцию,¹⁶ причем разрешение конфликта уводит смеющегося в особую логическую сферу.

Этот психический процесс бывает воплощен и в перенесении умиротворенного конфликта на партнера. Автокоммуникация (как и «внешняя» коммуникация¹⁷) протекает либо по схеме Я → Я, либо по схеме Я → ОН. В первой версии смех будет интравертирован, замкнут на субъекте, во второй — распространен на другое «я», экстравертирован. Преобладание *экстравертного смеха* предполагает, что смехом может быть достигнут каждый член общества, что комический акт зависит от конкретной ситуации и поэтому носит спонтанную, а не стереотипическую окраску.¹⁸ Напротив, *интравертный смех* ритуализует роль человека, побуждающего к смеху; комическая ситуация оказывается зависимой от исполнителя этой роли (балагура, шута, скомороха, профессионального актера и пр.). Склонность средневековых людей к смеху, направленному на самого смеющегося,¹⁹ которую особенно отчетливо выражает в древнерусской литературе «Моление Даниила Заточника» (с. 30—31), хорошо согласуется с общей характеристикой средневековья как «этикетной» культуры, где индивидуальное подавляется за счет типового. На последовательную разграниченность смехового и серьезного миров в средневековой культуре указывают сведения о том, что исполнителям ролей «халдеев» в «пещном действе» и участникам святочных игр предписывалось проходить очищение в крещенской проруби после водосвятия:²⁰ изменению комического амплуа сопутствовала процедура, символизировавшая новое рождение.

При переводе внутренней речи во внешнюю искомым для автора комического высказывания, по-видимому, становится второе из названных выше

¹⁴ Ср.: Л. С. Выготский. Избранные психологические исследования. М., 1956, см. особенно с. 371 и след.

¹⁵ П. Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 469—471. Заслуживает внимания догадка Ю. И. Юдина об огненном (рыжем) цвете волос шута как атрибуте, диахронически связанном с представлениями о потустороннем мире: Ю. И. Ю д и н. Свообразие историко-художественной проблематики русских бытовых сказок о шутах. — В кн.: Проблемы историзма в художественной литературе. Курск, 1975, с. 15.

¹⁶ Уместно сказать, что книга Э. Фрейда об остроумии (русский перевод: Э. Фрейд. Остроумие и его отношение к бессознательному. М., 1925) дает искаженное представление о рубрикации смеховых форм, основываясь, скорее, на логике немецкого языка, чем на универсальной логике, как это убедительно показал Цв. Тодоров: Tz. T o d o r o v. Recherches sur le symbolisme linguistique. — Poétique, 1974, № 18.

¹⁷ Ю. М. Лотман. О двух моделях коммуникации в системе культуры. — В кн.: Труды по знаковым системам, вып. 6. Тарту, 1973, с. 228 и след.

¹⁸ О противопоставлении спонтанного и стереотипического смеха см.: D. V i c t o r o f f. Le rire et le risible. Introduction à la psychosociologie du rire. Paris, 1952, p. 109 et sqq.

¹⁹ М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле. . . , с. 15 и след.

²⁰ Ал. С. Фаминцын. Скоморохи на Руси. СПб., 1889, с. 105, 165.

правил. При этом отсылающий сообщение обязан учитывать точку зрения адресата, которому для правильного усвоения сказанного необходимо знать, на каком основании классифицируются объекты речи. *Человек выходит за пределы биологического существования, создавая технические и знаковые ценности—артефакты и тексты.* Именно эти его свойства и исключаются, когда он превращается в предмет смеха²¹ (ср. хотя бы отступления от речевых норм—обмолвки, аграмматические конструкции и т. п. — в качестве возбудителей смеха, а с другой стороны — такой источник комизма, как описание ложных технологий, например рецепты лекарств в «Лечебнике, как лечить иноземцев»: «Когда у кого заболит сердце и отягощает утроба, и тому пристойные статьи: взять мостового белого стуку 16 золотников, мелкаго вешняго [конаго] топу 13 золотников, светлаго тележнаго скрипу 16 золотников. . . , а принимать то все по 3 дни не етчи»).²²

Придавая человеку свойства, которые противоречат общественной норме, смех расшатывает союз осмеиваемого с коллективом.²³ В то же время если подвергающийся осмеянию противостоит данной группе, то смех может стимулировать принятие этого индивида в члены коллектива. В обоих случаях смех солидаризует коллектив («одни равные смеются между собой»).²⁴ На уровне внутригруппового общения и/или контакта между сосуществующими группами смех имеет характер социальной санкции и подразделяется, если воспользоваться терминами Э. Дюпреля, на *смех исключения и смех включения*.²⁵

В свете сказанного средневековый смех выглядит парадоксальным культурным явлением. Вследствие формальной отмеченности границ, которые отсекали комический мир от серьезного мира и которые преодолевались лишь с помощью специальных очистительных процедур, естественный для средневековья смех, замкнутый на субъекте, должен был истолковываться в качестве смеха исключения. Быть смешным — значило принадлежать к обособленной от общества профессиональной группе. Не случайно средневековое мышление связывало «веселых людей» с символами социального отчуждения: в лубочной литературе скоморох мог изображаться в виде обросшего шерстью кинокефала,²⁶ в былинке ему было уготовано место «на печке на земляные»,²⁷ (ср. аналогичную символику в сказочном фольклоре (Запечник), появление которой, согласно Е. М. Мелетинскому, обусловлено юридической нормой отчуждения младшего брата при разделе родительского имущества²⁸); интересно, что фрески Софии Киевской, посвя-

²¹ В тех культурах, где абсолютизируется «естественный человек» и ставятся под сомнение технические и символические средства цивилизации, смех возникает в результате либо «овеществления» человека (люди как автоматы), либо дискредитации его семиотической деятельности («книжная мудрость»); ср. в этой связи концепцию смеха, предложенную в трактате А. Бергсона (русский перевод: А. Бергсон. Собр. соч., т. 5. СПб., 1914).

²² В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, с. 247.

²³ По этой же причине для замкнутого социума желательно, чтобы смех не оставался без ответа и был нейтрализован встречным смехом, восстанавливающим равновесие в коллективе; ср. структуру исполнения народных сатирических песен: Л. Б. Перевезев. К построению кибернетической модели художественной деятельности. — В сб.: Точные методы в исследованиях культуры и искусства (материалы к симпозиуму), ч. 1. М., 1971, с. 146.

²⁴ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти т., т. 13. М., 1958, с. 190.

²⁵ E. Durkheim. Le problème sociologique du rire, p. 288 et sqq.

²⁶ Ф. А. Рязановский. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915, с. 55.

²⁷ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. I. М., 1861, с. 144.

²⁸ Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958.

щенные скоморохам, расположены на стенах лестничного проема, ведущего на «хоры», т. е. в промежутке между основными пространственными зонами храма, моделировавшими мироустройство. Между тем христианская религия «основывается на ритуализации акта приобщения (communion) в евхаристии»²⁹ и поэтому не в состоянии мириться с господством исключающего смеха (отлучение от церкви по понятным причинам не бывает смешным). На русской почве средневековый религиозный смех предстает не только в полной (святочный цикл), но и в ослабленной форме, превращается в улыбку (ср. улыбку Богородицы³⁰), т. е. в такое коммуникативное действие, в котором погашены все значения смеха, кроме значения сопричастности коллективу.³¹

Парадоксальность средневекового отношения к смеху (которая свидетельствует об отсутствии взаимно-однозначного соответствия между коммуникативными уровнями средневековой культуры) удовлетворительно объясняет двусмысленное положение профессиональных исполнителей комических ролей в древнерусском обществе, не отказывавшихся от своей миссии, вопреки негодование христианских авторов и запретительным мерам вплоть до решений Стоглава. Как показал А. И. Кирпичников, опираясь на грамоты XVI в., скоморохи обычно находились под княжеским и боярским покровительством и не могли без особого на то разрешения преследоваться земскими людьми, которые в противном случае подвергались юридической ответственности.³²

Религиозный смех включения в его передупцированном варианте получает доступ в словесное искусство Древней Руси лишь после кризиса средневекового мира, в XVII в. («... примиряющий смех над... врагами», (с. 77) в «Житии» Аввакума), когда, несмотря на раскол церкви, оставалась надежда на объединение.

Теперь следует расшифровать функцию смеха в историко-культурном процессе. Ясно, что на уровне передачи информации во времени приобретает актуальность то правило формирования смеха, которое регулирует связь комического высказывания с предшествующей ему цепью сообщений. *Смех может быть контрапозитивен как относительно текстов, каноничных для данной культуры, так и относительно текстов, не принадлежащих к кругу ее ценностей.* Выступая в качестве конверсии историко-культурного ряда текстов и отрицая их семантическое содержание, смех ломает временную и причинно-следственную зависимость в этом ряду, прерывает и замыкает последовательность межтекстовых преобразований. В бытовой практике смех приурочивается к особым пограничным ситуациям, к моментам превращения одного (биологического, семейного, социального) состояния в противоположное (ср. такие факты из жизни Древ-

²⁹ H. C. S h a n d s. The War with Words (Approaches to Semiotics, 12). The Hague, 1971, p. 119.

³⁰ Ср. оппозицию (глумящийся) скоморох/(карающая) Богородица в сказании «О некоем скоморасе, хулившем пречистую Богородицу», из которого это противопоставление переключало на фрески Мелётовской церкви (Д. С. Л и х а ч е в. Древнейшее русское изображение скомороха и его значение для истории скоморошества. — В кн.: Проблемы сравнительной филологии. Сб. статей к 70-летию В. М. Жирмунского. М.—Л., 1964, с. 464 и след.; со ссылкой на описание фресок: Ю. Н. Д м и т р и е в. Мелётовские фрески и их значение для истории древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, с. 403—412).

³¹ О функции улыбки в системе коммуникации см.: R. L. B i r d w h i s t e l l. Kinesics: Inter- and Intra-channel Communication Research. — Information sur les sciences sociales, 1963, vol. VII, № 6, p. 20 et sqq.

³² А. И. К и р п и ч н и к о в. К вопросу о древнерусских скоморохах. — СОРЯС, 1891, т. 52, № 5, с. 17—18.

ней Руси, как обычай слушать бахарей перед сном;³³ участие скоморохов, замещающих родителей невесты-сироты, в свадебных поездах³⁴ и проч.). Известно, что передача сообщений во времени бывает рассчитана на сохранение или на дальнейшее наращивание социальной информации. Смех, в силу его пограничной природы, либо обрамляет разного рода культурные циклы, отмечая стыки периодически повторяемых культурных процессов (*смех, консервирующий картину мира*), либо сигнализирует о том, что получаемая из прошлого информация исчерпала свои преобразовательные способности, непригодна для новых метаморфоз (*смех, реформирующий картину мира*).

Примером консервирующего смеха (в соответствии с интерпретацией Вяч. Вс. Ивановым труда М. М. Бахтина³⁵) служит карнавал, знаменующий завершение старой и начало новой календарной фазы.³⁶ карнавал распространяет свое действие на весь семантический строй данной культуры, предусматривая тем самым воспроизведение и предотвращая изменение ее модели при переходе к новому календарному циклу. В пределах отдельно взятых текстов сходным образом допустимо толковать финальный смех в волшебной сказке, который отрицает истинность рисуемых в ней событий, чтобы замкнуть в себе мир значений одного из самых устойчивых жанров повествовательного фольклора.³⁷ Понятие консервирующего смеха приближает нас к загадке такого явления, каким была средневековая сакральная пародия, создававшая своего рода тупик на пути преобразования тех текстов, для которых полностью исключалась возможность каких бы то ни было инноваций. Вторжение в средневековую культуру Руси смеха, утратившего охранительную целеустановку, приходится на эпоху Ивана Грозного. То обстоятельство, что «шутовская и жестокая организация крошечников-опричников дезорганизовывала и высмеивала земщину: ее „знаковую систему”» (с. 61), было равносильно сужению социального объема карнавала, переводу смеха, направленного на общество в целом, в смех, раскалывающий общество на две половины.

Показательным для характеристики консервирующих социальных механизмов православного мира может считаться та разновидность карнавала, которую являл собой институт юродства — аналог сакральной пародии. Юродивый подвергает карнавальную трансформации подвиг Христа (низводит пророчества до комических загадок, иногда содержащих языческие мотивы (с. 131 и след.), наказывает побоями вместо исцеления

³³ Н. К о с т о м а р о в. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1887, с. 205.

³⁴ Ал. С. Ф а м и н ц ы н. Скоморохи на Руси, с. 19, 180; ср. приуроченность клоунады к паузам в цирковом зрелище.

³⁵ Вяч. Вс. И в а н о в. Из заметок о строении и функциях карнавального образа, с. 52.

³⁶ Ср. изображение карнавала в концовках фильмов: Вяч. Вс. И в а н о в. О структурном подходе к языку кино. — В кн.: Точные методы в исследованиях культуры и искусства (матер. к симпозиуму), т. 2. М., 1971, с. 288. Ввиду пограничной синтаксической позиции смеха исключительный интерес представляет утверждение Б. М. Эйхенбаума о том, что первые игровые фильмы (последовавшие за видовыми лентами) были комическими и сыграли решающую роль «в деле осознания кино как искусства» (Б. Э й х е н б а у м. Проблемы киностилистики. — В кн.: Поэтика кино. М.—Л., 1927, с. 14). Это замечание особенно любопытно, если учесть, что развитие кинематографа открывает увлекательную возможность для реконструкции генезиса искусства как такового. Ср.: А. Н. В е с е л о в с к и й. Разыскания в области русского духовного стиха, VI—X. — Зап. Имп. Акад. Наук, СПб., 1883, т. 45, с. 175. Здесь же (с. 197—198) см. о приуроченности всеобщего смеха к концу мира в апокрифической литературе.

³⁷ Однако наряду с комическими клише сказке известны финальные формулы, которые удостоверяют правдивость ее сюжета; о вариантах сказочных концовок см.: Н. Р о ш и я н у. Традиционные формулы сказки. М., 1974, с. 54—87.

и проч.) и, навлекая на себя осуждающие насмешки толпы, отводит смех от сакральных объектов. Иначе говоря, юродивый присваивает себе способность коллектива к смеху над неколебимыми культурными ценностями, изолирует эту способность в качестве явного отклонения от социальной нормы (институт юродства — «корпорация одиночек», с. 126). Поступки юродивого нуждаются в письменно зарегистрированной реабилитации, освобождающей их двойственный смысл: «Аще же не написана будут благодеяния их памяти ради достойныя, то убо ис памяти нашея изыдет и забвению и неразумению (sic!) подлежит».³⁸ Текст поведения и «Житие» (или собственноручный документ) юродивого — это парное образование. Житейная литература переворачивает смысл действий, совершенных юродивым: восстанавливает прочотское значение его комических загадок (Василий Блаженный, непотчетливо выплескивая вино на пиру Ивана Грозного, тушит пожар в Новгороде),³⁹ обличает толпу, которая не слышит его ночных молитв,⁴⁰ перечисляет чудеса исцеления, случившиеся у его гроба, указывает на жертвенный характер юродства. Олицетворяя сдвоенность самых разных культурных противоположностей, юродивый играет роль посредника (медиатора) в общественной жизни, в том числе роль посредника между царем и его подданными, между идеологическими партиями (в период раскола), между явленным и тайным мирами (Михаил Клопский находит украденную панагию,⁴¹ Василий Блаженный разбивает камнем икону, на которой «под образом богородичным» обнаруживается «образ дьявольский».⁴² Внутренне противоречивое отношение средневековой культуры к смеху преодолевалось двумя способами: одним из них был карнавал, который охватывал весь, временно отчуждаемый от самого себя, социальный организм; другим служило юродство, отторгавшее смех от общества.

Понятия, полученные при постройке порождающей модели смеха, выступают как исходный набор категорий, предназначенных для концептуализации отдельных комических ситуаций. Другими словами, обсуждав-

³⁸ Житие преподобного Прокопия Устюжского. СПб., 1893, с. 2.

³⁹ И. И. Кузнецов. Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради Московские чудотворцы. М., 1910, с. 93—94.

⁴⁰ Житие преподобного Прокопия Устюжского, с. 50.

⁴¹ Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Куселевым—Безбородко, вып. 4. СПб., 1862, с. 42.

⁴² И. И. Кузнецов. Святые блаженные Василий и Иоанн... с. 87. Позиция юродивого в христианской среде сближается с позицией шамана в архаических культурах. Ср. такие — частью негравитальные — показатели этого сближения, как шаманский травестиизм (В. Г. Богораз Чукчи. II. Религия. Л., 1939, с. 131 и след.) и рассмотренная А. М. Панченко (с. 151—153) неактуальность границ мужского и женского миров для юродивого (Авва Симеон заходит голым в женскую купальню); театрализованный характер камлания (Е. С. Новик. Камлание шамана как драматизированное описание вселенной. — В кн.: Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973, с. 20 и след.) и юродства (с. 104—139); обращение обоих, по терминологии К. Леви-Стросса, медиаторов к глоссологическим речениям и некоторые др. Сказанное не обязательно должно приводить на мысль о различии архаических тенденций в православии; ср. сопоставление шаманской и психоаналитической терапевтических систем: С. Lévi-Strauss. *Anthropologie structurale*. Paris, 1958 (Ch. «Magie et Religion»), p. 197 et sqq. Сличение с шаманами восточнославянских волхвов-скомоорохов находим у Н. П. Воронина: «Некоторые черты роднят северных волхвов с шаманами, которые также соединяют в себе функции жреца-посредника между людьми и духами, предсказателя, врача и заклинателя погоды» (Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке. — В кн.: Краеведческие записки Государственного ярославо-ростовского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, вып. 4. Ярославль, 1960, с. 85). Не исключено, что осознание смеха как магического действия объясняется способностью комического к одновременной консервации и реформации культуры.

шаяся выше схема может быть проверена аналитически — путем обзора соположенных комическим текстам реалий.⁴³

Рассмотрение прагматики смеха делает очевидным тот факт, что эти реалии должны не только поддаваться логическим процедурам, последовательно актуализуемым в трехслойной структуре комического высказывания, но и принимать на себя на каждом уровне как минимум одно из двух противоположных функциональных значений, благодаря которым смех определяется в качестве интравертного или экстравертного, исключаящего или включающего, консервирующего или реформирующего. Сверх того, на каждом коммуникативном уровне комические ситуации должны соответствовать как минимум одному из двух контрастирующих мотивов смеха: смерть/продолжение рода, артефакты/тексты, «своя» культура/«чужая» культура.⁴⁴

Поиск реалий, допускающих полноценную комическую интерпретацию, всякий раз будет зависеть от сложной комбинации условий, предшествующих возникновению смеха. Примером послужит «Повесть о Фоме и Ереме». Правилу слияния культурного и природного отвечают в ней мотивы физического уродства и старости персонажей, становящихся объектами экстравертного смеха. Остранение персонафицированной таким образом темы смерти происходит в результате того, что семантически совпадающие признаки действующих лиц расторгаются; «Повесть» рисует комическую ситуацию мнимого различия:

Ерема был крив, а Фома з бельмом,
Ерема был плешив, а Фома шелудив.⁴⁵

Комическая пара, в которой двойники (в плане референции текста) суть антиподы (в плане выражения текста), представляет собой явление, принципиально обособленное от всех остальных случаев объединения индивидов в группы, и неизбежно привлекает на себя исключаящий смех (ср. романтическую сатиру). Формально-грамматическое противопоставление синонимов (прием псевдодизъюнкции) отрывает текст от обозначающей реальности, делает его антитекстом, который заведомо не подлежит проверке, как об этом оповещает программа «Повести». При этом «Повесть» несопричастна явным образом какому-либо предшествующему ряду памятников, она контрапозитивна в сравнении с языковой нормой в целом. Смех, замкнутый внутри языкового мира «своей» культуры, выполняет защитную функцию применительно к лингвистическим правилам порождения высказываний, отклоняет как ошибочные семантически не отмеченные грамматические конструкции.⁴⁶

Требования, которым обязан удовлетворять репертуар комических ситуаций, заметно ограничивают его мощност. Следует ожидать, что

⁴³ Относительная независимость порождающих процессов от чувственного восприятия подтверждается новейшими данными физиологии, согласно которым механизм абстрактного познания сосредоточен (у правшей) в левом полушарии мозга: «Можно предположить, — пишут Т. А. Доброхотова и Н. Н. Брагина, — что процессы абстрактного познания свободны от рамок конкретного пространства и времени» (Т. А. Доброхотова, Н. Н. Брагина. Пространственно-временные факторы в организации нервно-психической деятельности. — Вопр. филос., 1975, № 5, с. 142.)

⁴⁴ Понятно, что здесь идет речь об идеализированной модели смеха, поскольку часто встречаются и такие комические тексты, в которых смех выступает в редуцированной форме, основанной на неполном использовании рассматриваемых логических процедур.

⁴⁵ Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954, с. 43.

⁴⁶ Ср. функцию аналогичных искусственных конструкций в лингвистике XX в., где они способствовали «возмущению» теорий языка.

«словари» комических реалий могут быть заданы закрытыми списками для разных этапов культурной истории⁴⁷ и тогда в каждом из полученных перечней последующие ситуации будут отличаться от предыдущих каким-либо одним свойством, созвучным тому или иному условию порождения смеха.⁴⁸

Дифференциацию комических текстов обеспечивают не только различия отображаемых в них реалий, но и различия самих видов отображения, т. е. тех логических средств, которые обуславливают процесс жанрообразования в области смеха. Комическое высказывание, как и любое иное, есть результат трансформации наличного речевого фонда, по ходу которой происходит замещение тех или иных единиц, принадлежащих к планам выражения, содержания и референции речи (означающая сторона знаков, признаки классов обозначаемых объектов, классы обозначаемых объектов).⁴⁹ Замещаемые (переменные) единицы сигнификации могут несколькими способами комбинироваться с единицами, сохраняющими стабильное состояние, и друг с другом, чем и объясняется (в первом приближении) жанровое расподобление комических текстов или их фрагментов, если тексты представляют собой сложные жанровые формирования. Поскольку трем планам речи соответствуют три формальные процедуры, стимулирующие смех, постольку в разных жанрах одни логические операции будут захватывать господствующее положение, а другие выступать как заданные автору комического высказывания.

1) В том случае, когда переменными становятся классы обозначаемых объектов, а планы выражения и содержания речи постоянны, возникает *гротескный*, или *метонимический*, смех.⁵⁰ Преобразование объема значения зависит от того, как соотносятся между собой трансформируемый и полученный в итоге трансформации классы объектов (см. ниже), и заключается в заменах части класса целым классом, части частью, целого частью или целого класса пустым классом. Ввиду того что при этом должно выполняться правило смешения культурного и природного, гротескный смех размыкает физические границы, разделяющие две смысловые области. Ср. замену частей человеческого тела деталями природного мира, которой сопутствует литота, в «Росписи о приданом».

Сама она в полдевята аршина,
Да поперек ее половина.
В носу у ней растет калина,
а в роту выросла рябина.
Шея журавлина,
ноги корабликом.
Рожа рыжа,
а в животе грыжа.⁵¹

Взаимодействие двух объемов значения — данного и искомого — бывает не только одновременным (парадигматическим), как в приведенном отрывке, но и последовательным (синтагматическим), осуществляемым

⁴⁷ Ср. набросок одного из таких «словарей»: В. Я. П р о п п. Проблема смеха и комизма. — Учен. зап. ЛГУ, 1971, № 355. Сер. филол. наук, вып. 76. Русская литература XIX—XX веков, с. 162—176.

⁴⁸ Исследование трансформационных правил, регулирующих становление исторических типов смеха, не входит в задачу этой статьи, материал которой ограничен древнерусской культурой.

⁴⁹ См. подробнее: И. П. С м и р н о в. Семантика литературного текста и семантика языка. — В кн.: Язык и стиль. Волгоград, 1976.

⁵⁰ Об исторической специфике средневекового гротеска см.: А. Я. Г у р е в и ч. К истории гротеска. «Верх» и «низ» в средневековой латинской литературе. — ИОЛЯ, 1975, т. 34, вып. 4, с. 317—327.

⁵¹ Русская демократическая сатира XVII века, с. 131.

в рамках линейно чередующихся мотивов,⁵² как, например, в «Скоморошине о чернеце». В этом тексте каждому мотиву, отсылающему к частям женского тела или ко всему телу, предмету сексуального вожделения персонажа, параллелен мотив пищи: «Вынесли ему белого хлеба, || А он просит у них белаго тела»⁵³ и т. п. Различение парадигматического и синтагматического смеха⁵⁴ увеличивает число названных вариантов комической метонимии до восьми.

2) Гротеску противоположен жанр *травестийного* или *метафорического смеха*, который образуется при вторжении новых означающих и сопричастных им смыслообразительных признаков в высказывания, обладающие стабильным референтным наполнением. В «Сказании о крестьянском сыне» вор, забравшийся в чужую клеть, маскирует свои действия конфессиональными цитатами; поедая каравай хлеба, он имитирует акт евхаристии: «Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите»;⁵⁵ обманутый хозяин принимает вора за ангела. Сохранение семантического объема изображаемого действия (поедание хлеба) сочетается здесь с подменой содержания этого действия на противоположное (нераскрытое воровство → таинство евхаристии) и с контрапозитивным превращением воровского слова в литургическую речь. Приписывая одному и тому же обозначаемому предмету контрапозитивные словесные знаки и взаимно исключающие семантические свойства, комическая метафора производит переупорядочение культурных ценностей,⁵⁶ тогда как комическая метонимия подрывает представление о культуре как об автономной пространственно-временной длительности. Контраст между этими типами смеха делает особенно наглядным внесловесная коммуникация, где травестийному жанру соответствует мимический грим,⁵⁷ а гротескному — обнажение.

3) Жанр *комической синонимии*, или *языкового комизма*, вызывается к жизни подстановками, совершаемыми в плане выражения речи, для которой заданными служат содержание и объем значений. Понятие языкового комизма раскроет «Притча о старом муже и молодой девице»: «. . . а тебе у меня, старому смерду, спать на полу или кутнике на голых досках с собаками, а в головы тебе из-под жернов дресваной камень <в мелких трещинах, нечистый — И. С.>; да пожалую тебя, велю тебе дать соломенную рогожу, да пей болотную воду, да ежь сухой хлеб, да квашенные поскрепки. . . , а тебе, старому смерду, побереженной <вызывает сомнение «ъ» в первом слоге корневой морфемы этого слова, которое, по-видимому, производно от лексемы «береста»> рожке, неколотой потылице <«потылица»=затылок>, жаравной <журавлиной> шее, лещевым скорыням <«скорынья»=челюсть>, сомове губе, щучьим зубам, понырой свине <понурой>, раковым глазам, потихлому г. . . у <«потиху»=украдкой, скрытно, тайком; скорее всего, однако, написание «потихлому» ошибочно и следует читать: «поухлому»>, опухлым пятам, желтая седина. . . , си-

⁵² Это утверждение, справедливое и для всех остальных жанров смеха, в том числе для метафорических, надо полагать, не согласуется с распространенным мнением о сопряженности метонимии и метафоры, с одной стороны, с активизацией синтагматических и парадигматических связей текста — с другой: R. Jakobson. Two Aspects of Language and Two Types of Aphasic Disturbances. — R. Jakobson, M. Halle. Fundamentals of Language. The Hague, 1956.

⁵³ А. М. Панченко. Скоморошина о чернеце. Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965, с. 92.

⁵⁴ См.: G. V. Milner. Homo Ridens. . . , p. 17 et sqq.

⁵⁵ Демократическая сатира XVII века, с. 111.

⁵⁶ Ср. метафорические по своей природе сказки о проделках шутов.

⁵⁷ В связи с обсуждавшимся выше инфантилизмом, присущим некоторым видам комической речи, ср. этимологический анализ позднелатинского «masca» в: Th. Thass-Thienemann. The Subconscious Language. New York, 1967, p. 59—60.

дел бы ты на печи, чтобы у тебя, смерда, в шее скрыпело, а в роте храпело, а в носе сапело».⁵⁸ В то время как обычная письменная речь тяготеет к тому, чтобы обслуживать носителей всевозможных (профессиональных, областных и возрастных) диалектов, тексты, относящиеся к жанру языкового комизма, напротив, возникают за счет перевода трансдиалектных лексических величин в знаки, циркулирующие в узких коллективах. Этот жанр смеха переворачивает вектор, обозначающий направление от периферии к центру культурного мира, и инверсирует ценность слова (в «Сказании о старом муже и молодой девице» смех обусловлен употреблением на месте (и на фоне) книжного стиля грубой просторечной лексики).

4) Актуализация единиц, входящих в планы содержания и референции речи (при неактуальности единиц плана выражения) создает эффект *иронии*, или *комической омонимии*. Поскольку искомые содержание и объем значения должны подчиняться, соответственно, правилу разъединения смысловых признаков объектов и правилу смешения несовместимых классов объектов, постольку ирония устраняет взаимно-однозначную связь между словесными знаками и их понятийно-референтным наполнением, низводит означающие до степени ложной формы, прямо противоречащей тому, что имел в виду автор иронического высказывания.⁵⁹ Образец иронии в древнерусской литературе — «Сказание о роскошном житии и веселии».⁶⁰ Если в начале этого текста описание страны избобилия может восприниматься как поддающееся верификации («Не в коем государстве добры и честны дворянин внов пожалован поместицом малым, и то ево поместье меж рек и моря, подле гор и поля, меж дубров и садов и рощей избранных»),⁶¹ то по ходу повествования такое ощущение сводится на нет с помощью нагнетения преувеличений: «А за таким великим приходом той земли не бывает снегов, не дождя, грозы не видеть и что зима отнюд слышать. . . Кто изволил до таких тамошних утех и прохладов, радостей и веселья ехать, и повез бы с собою чяны с чянички и с чянцы, бочки и бочерочки, ковши и ковшички, братины и братиночки, блюда и блюдички, торелки и торелочки, ложки и ложечки, рюмки и рюмочки, чашки, ножки и вичочки, ослопы и каменя, броски и уломки, сабли и мечи и хорзы, луки, сайдаки и стрелы, бердыши, пищали и пистолеты, самопалы, винтовки и метлы, было бы сем от мух пообмахнутися, а прямая дорога до тово веселья от Кракова до Аршавы и на Мозовшу, а оттуда на Ригу и Ливлянд. . . , а кого перевезут Дунай, тот домой не думай».⁶² Изображение путешествия в земной рай, кажется, обладает сходством с погребальным обрядом (собираясь в дорогу, нужно брать с собой оружие и приборы для еды). Такого аргумента было бы недостаточно для доказательства указанного сходства, если бы он не подкреплялся мотивом переезда через реку⁶³ и темой невозвратимости путешествующего. Если это предположение справедливо, то разбираемый текст не только выдает культурные блага за природные, но и отрицает содержание этих благ, переводя тему жизни в тему смерти.

⁵⁸ Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым—Безбородко, вып. 2. СПб., 1860, с. 454.

⁵⁹ Поэтому для усвоения иронии необходимо «однородное общество» (J. W e i s s e r g e r. Satir and Irony. . . , p. 166).

⁶⁰ Ср. также «Послание дворительное недругу».

⁶¹ Памятники старинной русской литературы. . . , вып. 2, с. 457.

⁶² Там же, с. 457—458.

⁶³ К этому стоит добавить, что гидроним «Дунай» обычно выступает в восточнославянских колядках в связи с пролитой кровью Христа (А. Н. В е с е л о в с к и й. Разыскания в области русского духовного стиха, VI—X, с. 244—245), а в словесном сопровождении свадебного обряда — как символ разлучения невесты с родным домом (Н. П. К о л п а к о в а. Лирика русской свадьбы. Л., 1973, № 287—289).

5) *Аллегорический смех*,⁶⁴ или *комический нонсенс*, создается в силу такой трансформации заданного автору материала, которая затрагивает сигнификативные единицы, образующие план содержания речи. Иначе говоря, в процессе порождения этой разновидности смеха актуальной делается лишь процедура разъединения признаков, идентифицирующих обозначаемые вещи и ситуации. Так, в «Повести о Шемякином суде» содержание действий персонажей последовательно (синтагматически) обретает смысл, противоположный исходному: герой падает «с полатей на зыпку» и убивает попова сына до смерти, — судья велит бедняку взять попадю и прижить с ней ребенка; герой показывает судье камень — Шемяка принимает камень за мзду и т. д. Комический нонсенс обрывает семантическую зависимость между знаком и предметом обозначения, подставляя вместо нее новую зависимость, противоположную по отношению к прежней. Если комизм языка и ирония острают выразительные средства речи, смещая связь центра и периферии словесной культуры, то аллегорический смех, переформируя соответствия между миром знаков и реальностью, придает культурным установлениям характер динамической системы.

6) С комической аллегорией в мире смеха контрастирует *комическая символика*, формируемая таким творческим актом, который состоит в преобразовании словесных знаков и их референтов. Существование этого логически допустимого жанра смеха доказывает, в частности, пародия «Праздник кабацких ярыжек»; ср. начало пародии («месяца китовраса в нелепый день иже в неподобных»), которое, согласно В. П. Адриановой-Перетц, представляет собой перелицовку извлечения из «служебной» мивеи: «Месяца мая в 8 день иже во святых».⁶⁵ Показательно, что сохранение смысла трансформируемого оригинала (календарная дата) сочетается в «Празднике. . .» с негустым пересечением планов выражения пародийного и пародируемого текстов (удерживаются интонационный контур и грамматический строй осмеиваемого источника), так как в противном случае восприятие жанра комической символики было бы затруднено (ср. комические загадки).⁶⁶ Комическая символика адресуется кругу посвященных, — не случайно поэтому «Праздник. . .» содержит обращение к искусственному читателю: «Всякое доброе, аще не добре творит, добро побеждает, яко же и при враческом художестве в зелиях бывает потребно и ядовие в мерном разтворении ко здравью, сице и зде, аще благоискусный читатель, иже весть предложитьи и ко времени и к лицу и к потребе сотворити по намерению своему полузу добрую»⁶⁷

7, 8) Логика комического, наряду с рассмотренными формами смеха, допускает и такие формы, которые основываются на полном (трансрациональном) преобразовании всех заданных автору комического высказывания сигнификативных компонентов (применительно к литературе нового времени ср. интересный случай комической глоссолалии в черновых тетрадах к «Бесам»),⁶⁸ чему противостоит минус-смех, отказывающий комическим текстам в праве быть смешными. В качестве примера последнего ср. «Письмо» Кантемира «К стихам своим», упоминающее «Повесть о Ерше»:

⁶⁴ Ср. понятие «антиаллегории», выдвинутое Цв. Тодоровым при изучении фантастических повестей предромантизма и романтической поры применительно к «Носу»: Т. Тодоров. Introduction à la littérature fantastique. Paris, 1970, p. 37 et sqq.

⁶⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века, с. 41.

⁶⁶ О тематике комических загадок см.: В. Адрианова-Перетц. Символика сновидений Фрейда в свете русских загадок. — В кн.: Академику Н. Я. Марру. М.—Л., 1935.

⁶⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века, с. 94.

⁶⁸ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30-ти тт., т. 11. Л., 1974, с. 235.

Когда уж иссленным время ваше пройдет,
 Под пылью, молям на корм кинуты, забыты
 Гнусно лежать станете, в один сверток свиты
 Иль с Бовою, иль с Ершом; и наконец дойдет
 (Буде пророчества дух служит мне хоть мало)
 Вам рок обернуть собой иль икру, иль сало.⁶⁹

Окончательная индивидуализация комических текстов, осуществляемая в рамках того или иного жанра, происходит в результате того, что замещаемые или замещающие сигнификативные компоненты могут быть связаны друг с другом (как параллельно, так и последовательно) разными отношениями, куда входят отношения пустого пересечения (два множества не имеют общих элементов), включения (одно множество есть подмножество другого), непустого пересечения (два множества имеют общие элементы) и совпадения (два множества идентичны).⁷⁰ Рассмотрение названных типов связей применительно к каждому из описанных выше жанров смеха позволило бы создать полный свод логических процедур, порождающих смех, который был бы частью общей риторики, т. е. науки о построении текстов.

⁶⁹ Антиох Кантемир. Собр. стихотворений. Л., 1956, с. 217.

⁷⁰ Ср. разграничение трех приемов создания комического сообщения (повторение, инверсия, интерференция): А. Бергсон. Собр. соч., т. 5, с. 145, след.

Речевая структура образа автора в Житии протопопа Аввакума

Житие протопопа Аввакума — одно из самых значительных произведений литературы Древней Руси. На протяжении многих десятилетий оно вызывает восхищение читателей и устойчивый интерес ученых, но, несмотря на это, многое еще остается неясным и неизученным. В частности, не определено место индивидуального стиля Аввакума в истории стилей русской литературы, не раскрыты основные художественные принципы повествования Аввакума, не выявлена полностью специфика стиля Жития, не решена проблема эволюции стиля Аввакума. Для успешного изучения стиля Жития необходим не узко лингвистический или чисто литературоведческий подход, а функциональный стилистический анализ текста, целью которого является показ «лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений».¹

Особенности поэтики Жития Аввакума позволяют отнести его к таким художественным системам, задача изучения которых состоит прежде всего в том, чтобы «обнаружить автора, его симпатии и антипатии, его отношение к изображаемой действительности, его личную заинтересованность в том, что он изображает».² В. В. Виноградов считал первостепенной задачей стилистики изучение проблемы образа автора: «... вопросы о речевой структуре „образа автора“ занимают очень важное место в науке о языке художественной литературы. Иногда именно в этом кругу стилистических явлений отыскивается разгадка композиционной структуры художественного произведения, его внутреннего стилистического единства. Индивидуальный стиль писателя, его качественные своеобразия в значительной степени определяются формами воплощения „образа автора“ в произведении этого писателя».³

Среди ученых нет единого мнения о том, что такое «образ автора». Наиболее обоснованной и последовательной представляется точка зрения В. В. Виноградова, который считал, что образ автора — это «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему структур повествования в их соотношении с повествователем-рассказчиком и через них являющееся идейно-стилистическим фокусом целого». Роль, которую играет образ автора в повествовании, В. В. Виноградов определяет следующим образом: «В образе автора, в его речевой структуре объединяются все качества и особенности стиля художественного произ-

¹ Л. В. Щ е р б а. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 97.

² И. П. Е р е м и н. Литература Древней Руси. Л., 1966, с. 236.

³ В. В. В и н о г р а д о в. Наука о языке художественной литературы и ее задачи. М., 1958, с. 26—27.

ведения: распределение света и тени при помощи выразительных средств, переходы от одного стиля к другому, перемены и сочетания словесных красок, характер оценок, выражаемых посредством подбора и смены слов и фраз, своеобразия синтаксического движения». ⁴ Кроме этого, образ автора открывается во внутренней связи всех элементов повествования. Следовательно, можно утверждать, что образ автора отражается в произведении прежде всего в характере оценок, которые автор дает самому себе, другим персонажам, событиям и т. д., а также в сцеплении эпизодов и картин, в способе организации повествования — в композиции произведения, которая отражает точку зрения автора на причинно-следственные и пространственно-временные связи событий.

Принято считать, что образ автора как литературная категория появляется лишь в литературе нового времени, однако исследование структуры произведения Аввакума позволяет отнести возникновение данной литературной категории к более раннему времени. Следует отметить при этом, что образ автора Жития существенно отличается от подобных категорий, с которыми встречается исследователь новой литературы. Образ автора в Житии — не литературная маска писателя, который не желает показывать «своей рожи», не личность, целиком созданная художественным воображением писателя, но это синтетичный образ, в котором наряду с известной долей абстракции существует и воплощение сугубо индивидуальных, аввакумовских качеств и страстей. И хотя образ подвижника, мученика, созданный им в Житии, отличался от реального Аввакума, в этом литературном образе человек реальный отразился гораздо более полно, чем во многих произведениях литературы нового времени. Кроме того, в Житии нет еще полной и ярко выраженной дифференциации между образом автора и образом героя.

В изучении индивидуального стиля того или иного писателя особенно важно найти организующий принцип его стиля, для того чтобы в поле зрения исследователя попали в первую очередь не нейтральные, пассивные приемы и средства, а явления стилеобразующие, несущие основные идейно-художественные нагрузки. Нельзя не согласиться с Я. Мукаржовским, когда он говорит, что «для характеристики индивидуального стиля литературного произведения недостаточно простого перечисления стилистических приемов и языковых средств, которыми автор пользовался; необходимо раскрыть основной принцип семантики, объединяющий стиль и придающий всем его элементам конкретное значение». ⁵

Аввакум является одновременно и автором, и героем произведения, все в Житии окрашено его восприятием, все изображаемое пропускается через призму его настроения, чувств, мировоззрения. Поэтому таким основным семантическим принципом Жития можно считать авторизацию, понимая ее как выражение отношения автора к содержанию сообщения. Суть авторизации заключается в том, что в повествование, содержащее какую-либо информацию, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на автора восприятия и выражающий авторскую оценку сообщаемого. ⁶ Авторизация реализуется на разных уровнях структуры художественного произведения: во взаимодействии словосочетаний, предложений, сверхфразовых единств и более крупных фрагментов текста, т. е. затрагивает сферу композиции. Авторизация —

⁴ В. В. Виноградов. О теории художественной речи. М., 1971, с. 181.

⁵ Я. Мукаржовский. Проблемы индивидуального изучения языка писателя. Доклад на IV Международном съезде славистов. — В кн.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. I. М., 1962, с. 541.

⁶ См.: Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса. М., 1973, с. 263.

это «материальное», воплощенное определенными языковыми средствами проявление образа автора в художественной ткани произведения.

Авторизация у Аввакума — это не только прием, обусловленный сюжетом и художественно-социальными задачами произведения, но и средство организации повествования, средство воплощения сложной композиции произведения.

Определив авторизацию как выражение авторского отношения к изображаемому, отметим, что это отношение может выражаться путем оценки событий, лиц, их поступков и путем соотнесения различных явлений действительности во времени. Поэтому возникает необходимость различать авторизацию оценочную и временную. Авторизация оценочная служит «распределению света и тени», конструирует образ автора посредством оценок, которые автор дает себе, персонажам произведения и событиям, являющимся предметом изображения. Временная авторизация выражает отношение повествователя к событию или лицу во времени: Аввакум часто связывает события таким образом, что читатель видит его точку зрения на каузальные связи явлений. Временная авторизация в отличие от оценочной реализуется в композиции произведения, формирует авторское время Жития.

Глубокое изучение различных видов и способов временной авторизации — дело будущего. В целом же можно сказать, что в Житии время и пространство тесно связаны между собой; собственно — это единая категория, некоторое «пространство—время». Художественное пространство в Житии не линейно, а имеет свою топологию, это не дорога, а местность — «пространство—степь», по выражению Ю. М. Лотмана.⁷ В силу этого пространственные перемещения героя являются также и перемещениями во времени. Переноса действие то в Даурию, то в Москву, то на Волгу, то на берега «акиана» и создавая многочисленные смещения временных планов, Аввакум создает единую пространственно-временную перспективу, в центре которой — он сам. Однако перспектива эта не замкнута, а обращена к читателю.⁸ Такая незамкнутость временной перспективы создается, в частности, тем, что Аввакум насыщает произведение обращениями к читателю, а также тем, что Житие Аввакума в отличие от традиционного жития не заканчивается смертью героя. Настоящее время Аввакума становится настоящим временем для читателя, — может быть, именно в этом заключается одна из загадок необыкновенного эмоционального воздействия на читателя рассказа Аввакума о своей жизни и борьбе.

Статья посвящена в основном описанию некоторых средств и способов оценочной авторизации, которая воплощает образ автора посредством выражения авторских оценок.

Все повествование пронизано субъективным отношением Аввакума к многочисленным людям и событиям, о которых он рассказывает. Помимо этого, Аввакум постоянно дает разнообразные, зачастую противоречивые оценки самому себе. Эти самооценки имеют огромное значение для изучающего речевую структуру образа автора.

⁷ Ю. М. Л о т м а н. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя. — Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. 1968, с. 10—11. (Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та, вып. 209).

⁸ Подобную «обращенность к зрителю» исследователи отмечают и в народном искусстве живописи, подчеркивая, что эта черта делает народные произведения жизненными и «современными» для людей, незнакомых ни с изображенными событиями, ни со средой, в которой жили и работали художники. См. об этом: В. М. В а с и л е н к о. Русское искусство XVIII—первой половины XIX века. М., 1971, с. 133—187.

Говоря о самом себе, Аввакум часто дает очень высокие оценки, называет себя пророком, сравнивает с мучениками и святителями, ставя себя в один ряд с ними: «. . .яко Лазаря во гною у вратех богатого пси облизаху гной его, отраду ему чинили, так и я»; ⁹ «. . .под сосною и жить стали, что Авраам у дуба мамврийска» (В, 181); «. . .аще ли в воду посадят, и ты, Владыко, яко Стефана Пермского освободишь мя» (А, 12; В, 94; В, 166).

Но часто Аввакум говорит о себе в совершенно других тонах, называя себя недостойным, невежественным, грешным: «. . .простите, господа ради! Кто есмь аз? умерый пес!» (А, 46); «Воистинну не знаю, как до края доживать: добрых дел нет, а прославил бог!» (А, 55); «Рекох и паки реку: аз есмь человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам и всякому человеку лицемерец окаянной» (А, 67).

Столь противоположные самооценки, сосуществующие в Житии, на первый взгляд противоречивы, взаимоисключают друг друга. Из-за этого создается впечатление раздвоенности, противоречивости образа героя, что отмечал В. В. Виноградов: «Попытка протопопа Аввакума в своем Житии сочетать просторечно-бытовую манеру изображения с книжно-агиографической, церковнославянской не привела ни к художественному единству, ни к целостному образу героя».¹⁰ Однако это противоречие объяснимо. В древнерусской житийной литературе традиционным было идеализированное изображение героя, себя же автор называл неученым, неразумным. В Житии протопопа Аввакума сталкиваются эти два стремления: стремление возвысить героя и умалить заслуги автора.

Аввакум по-разному оценивает себя в зависимости от того, рассматривает ли он себя как автора жития или как героя, поэтому в тех случаях, когда Аввакум-автор хочет выразить сочувствие к Аввакуму-герою или восхищение им, он зачастую говорит о себе в третьем лице: «. . .протопопа Аввакума, беднова горемыку, в то время с прочими. . . остригли» (А, 4); «. . .увы, Аввакум, бедная сиротина, яко искра огня угасает» (В, 233); «. . .приказал бог ребенку, и он, богом подвизаем, пророка от смерти избавил» (В, 234).

Вместе с тем Аввакума все время мучает сознание того, что, описывая свое житие и деяния, он поступает не по-христиански; он боится, что его поступок идет вразрез с представлениями о грехе гордыни, поэтому так часто его охватывают порывы самоуничужения, так часто появляется стремление оправдаться в глазах читателя, ссылаясь на авторитеты: «Посем у всякого правоверного прощения прошу, иное было, кажется, про житие-то мне и не надобно говорить, да прочтох Деяния Апостолская и Послания Павлова, — апостоли о себе возвещали же, егда что бог сделает в них» (А, 67).

Если рассматривать образ автора Жития с точки зрения его речевой структуры, то становится очевидным новаторство Аввакума в этой области, опирающееся, однако, на глубокую литературную традицию. Традиционное идеализированное изображение героя жития сталкивается с традиционным же изображением автора в уничижительных тонах, — обе эти противоположные тенденции соединяются и переплетаются так же, как в Аввакуме соединились одновременно герой и автор жития.

Уничижительные самооценки автора не случайны еще и потому, что вследствие собственной литературной позиции Аввакум стремится зама-

⁹ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1. Л., 1927 (РИБ, т. XXXIX), стб. 179, ред. В. Далее ссылки на это издание даются в тексте (буквы обозначают редакции Жития, цифры — столбцы текста).

¹⁰ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959, с. 468.

скировать свой творческий процесс, создать иллюзию безыскусного рассказа человека, говорящего «что на ум попало». Стремясь максимально приблизить стиль своего произведения к устной ораторской речи, запечатлевая ее своеобразную логику и образность, ее ритмический строй, Аввакум хочет убедить читателя в том, что он не стремится к красноречию, а просто «ворчит от болезни сердца».

Весь текст Жития пронизан оценочностью, все изложение субъективно; Аввакум оценивает своих единомышленников и врагов, их речи и поступки, самого себя, свои деяния и речи, используя для этого стройную систему разнообразных языковых средств, среди которых словообразовательные, морфологические, синтаксические, фразеологические. Остановимся подробно на способах самооценки, на структуре и особой роли сравнений в художественной системе Жития и на способах оценки речей персонажей произведения, так как это наиболее показательные, яркие и значительные черты индивидуального стиля Аввакума.

Аввакум дает себе различные оценки в зависимости от того, как он себя рассматривает — как автора жития или как его героя. Самохарактеристика автора дается в русле жанровой традиции, предписывающей автору неизменную маску скромности и приниженности: «Всявятая Троице, боже, и соделтелу мира всего! поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати делами благими, их же хочу ныне глаголати аз, недостойный, разумея же свое невежество» (А, 1; В, 155). Авторские самохарактеристики (по большей части отрицательные) выражаются лексическими средствами, словами с прямым значением отрицательной оценки: недостойный, многогрешный, окаянный, дурак; а также словами с переносным, конструктивно обусловленным значением оценки, например «грязь».

Оценки героя (в большинстве случаев положительные) выражаются словами с положительной оценкой: пророк, горемыка, нужетерпец, бедный, верный; а также сочетанием слов, из которых оба имеют ярко выраженный оценочный характер, усиливающийся от их соединения: «многострадальный юзник темничной»; «исповедник Христов»; «бедный горемыка»; «бедная сиротина». Такие характеристики, которые дает Аввакум-автор Аввакуму-герою выражают не только оценку личности персонажа, его поступков, но и создают особую эмоциональность повествования, заставляя читателя сопереживать страдающему герою, сочувствовать ему, т. е. призваны выполнять прагматическую функцию, что особенно важно для агитационной направленности произведения.

Несмотря на широкое использование Аввакумом словообразовательных и лексических средств оценки, его излюбленные языковые средства — синтаксические, так как они не только наиболее многочисленны, но несут основную идейно-художественную нагрузку. Среди синтаксических средств оценки, помимо словосочетаний, вводных и вставных конструкций, особое место занимают сравнения, включенные в состав простого или сложного предложения.

Сравнения у Аввакума передают обширную гамму разнообразных оттенков настроения, позволяют автору Жития соотнести поступки своих врагов, сподвижников и свои собственные с высокими образцами, которые дает священная история, противопоставить свои деяния «злокозненным» действиям никониан. В Житии ярко отразилась переходная ступень «падения условности»: сравнения у Аввакума в равной мере и символичны, и изобразительны; они и выражают внешние, непосредственно ощутимые сходства вещей, и подчеркивают их извечные, глубинные, сокровенные свойства.¹¹

¹¹ В. Д. Лихачева, Д. С. Лихачев. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971, разд. «Литература», с. 79.

Каков же круг понятий, из которого черпает Аввакум материал для сравнений? Это прежде всего явления повседневной действительности, хорошо знакомые Аввакуму и его читателю. Во-вторых, герои и события священной истории — библейские и евангельские персонажи, мученики, святители, отцы церкви, русские святые. Сравнения этого типа делятся, в свою очередь, на сравнения, выраженные средствами современной Аввакуму живой разговорной речи, и сравнения, которые носят ярко выраженный книжный характер, содержат библейские аллегорические образы, часто представляют собой цитаты или перифразы Писания. Хотя количество сравнений разных типов различно, во всех трех редакциях Жития преобладают сравнения первого типа, которые выполняют главным образом функцию изобразительности, воссоздавая «зримую и слышимую картину изображаемого».¹²

Сравнения первого типа — с явлениями обыденной действительности — выражаются преимущественно средствами современной Аввакуму живой речи, среди них наиболее многочисленны и значительны сравнительные обороты и придаточные сравнительные, присоединенные к главной части союзами «яко» и «что». Например: «. . . так, что скотинка волочусь, о правиле-то тужу, а принять ево не могу» (А, 47); «. . . ноги задрожат, да и паду в лямке среди пути ниц лицом, что пьяной» (Б, 232); «. . . что собачка в соломке лежу: коли накормят, коли нет» (А, 24; Б, 106; В, 179); «. . . ухватил меня и учал бить и драть и всяко меня, яко паучину терзает» (А, 74; Б, 139; В, 221). В целом такие сравнения имеют изобразительный характер, функция оценки в них отодвинута и реализуется морфологическими средствами языка: использование уменьшительно-ласкательных суффиксов («скотинка», «собачка», «соломка») создает нужный автору экспрессивно-эмоциональный тон, вызывает у читателя сочувствие и жалость к герою.

Сравнения второго типа (с явлениями библейской истории) построены преимущественно из более архаичного языкового материала, чаще всего это сравнения с союзом «яко», реже — с союзом «что». Например: «. . . так же к Москве приехал, и яко ангела божия прияша мя государь и бояре» (А, 44); «. . . я-су, — простите! — своровал: яко Раав блудная во Ерихоне Исуса Навина людей, спрятал его, положи на дно в судне» (А, 39); «. . . аз же, взяв клюшку, а мати некрещеного младенца, побрели, амо же бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженика древле» (А, 11; Б, 93; В, 165); «. . . под сосною и жить стали, что Авраам у дуба мамврийска» (В, 181). В сравнениях этого типа сосуществуют и внешняя изобразительность, и оценочность. Воплощая идею повторяемости священной истории, Аввакум не упускает случая уподобить события своей жизни деяниям высоко чтимых им библейских персонажей.

Несмотря на относительную многочисленность таких сравнений, в числе сравнений второго типа наиболее употребительны сравнения, которые можно назвать «скрытыми», так как они не содержат сопоставления по внешнему сходству, а указывают на глубинное сходство сущностей двух различных явлений. Их языковая структура также не несет формальных грамматических примет сравнения. «Скрытые» сравнения, уходящие порой в область подтекста, несмотря на их относительную немногочисленность, играют важную не только художественную, но и идеологическую роль.

Например, сцена суда над Аввакумом на соборе 1667 г. (А, 59; Б, 128, В, 207) напоминает читателю суд над Христом. И хотя сопоставление суда над Аввакумом с обстоятельствами распятия Христа отнюдь не прямолинейны, параллелизм этих эпизодов создается автором преднамеренно.

¹² Там же.

Об этом свидетельствует и необычайное сходство ситуации (те же события можно было описать и изобразить иначе), и даже словесное оформление этого эпизода в редакции Б: «. . . на меня пущи закричали: возми, возми, р а с п и н и его! — всех нас обесчестил!». По-видимому, Аввакуму такая аналогия показалась чересчур смелой, нескромной, противоречащей его представлениям о грехе гордыни, и в других редакциях он не вкладывает в уста своих гонителей евангельское «распни его!»; тем не менее сохраняя многозначительное сходство ситуации.¹³

Другой пример: «Ты, реку, мой царь, а им до тебя какое дело? Я, реку, не сведу рук с высоты небесной, дондеже бог тебя отдаст мне» (А, 61; Б, 129; В, 209). Аввакум сравнивает себя с Иисусом Навином, стоявшим в молитвенной позе, с поднятыми руками, до полной победы своего войска над врагами. Непрестанным молитвам («. . . я и ныне, елико могу, о нем бога молю») придается характер тяжелого труда, требующего больших не только духовных, но и физических сил. Разумеется, ценность таких молитв особенно велика.

Говоря о «скрытых» сравнениях, необходимо добавить, что современникам Аввакума, хорошо знавшим Библию и ее образную систему, эти, скрытые для нынешнего читателя, сравнения и образы говорили больше, чем читателям ХХ в., значительнее была и их художественно-идеологическая ценность.

«Скрытые» сравнения — важный элемент художественной системы *Жития*, создающий подтекст, «глубину» произведения.

Еще более многочисленную группу сравнений второго типа (с персонажами священной истории) составляют сравнения, которые можно назвать «развернутыми». Такие сравнения реализуются средствами больших фрагментов текста, путем сопоставления двух эпизодов, из которых один является цитатой или перифразой библейского текста, повествующей о поступке библейского героя, а другой содержит описание действий Аввакума в подобной ситуации; помимо этого, всегда имеется своеобразное заключение Аввакума о правильности своего поступка, его соответствии высокому библейскому образцу. Он покаянно говорит о том, что поступил «не так», или с гордостью отмечает, что в сходной ситуации он поступил точно так, как поступал в свое время библейский герой. Например: «Пастырь худой погубил свои овцы, от горести забыл реченное во Евангелии, егда Зеведеевичи на поселян жестоких советовали: господи, хочещи ли, речеве, да огонь снидет с небесе и потребит их, яко же и Илия сотвори. Обращъжеса Иус рече им: не веста, коего духа еста вы: сын бо человеческий не прииде душ человеческих погубити, но спасти. И идоша во ину весь. А я окаянной сделал не так. Во хлевине своей кричал с воплем к господу: послушай мене, боже, послушай мене, царю небесный-свет, послушай меня! да не возвратится ни один от них, и гроб им там устроиши всем! приложи им зла, господи, приложи, и погибель им наведи, да не сбудетса пророчество дьявольское! И много тово было говорено. И втайне о том бога молил» (А, 35).

Языковые средства, используемые в таких сравнениях, распадаются на две категории: архаичные даже во времена Аввакума (архаичная лексика, формы аориста, имперфекта, архаичные формы склонений существительных, употребление двойственного числа существительных и глаголов, использование дательного самостоятельного и второго винительного и т. п.) и живые, свойственные разговорной речи середины XVII в.

¹³ Это обстоятельство можно рассматривать как еще одно косвенное подтверждение гипотезы Н. С. Демковой о первоначальности редакции Б по отношению к остальным редакциям *Жития* (Н. С. Д е м к о в а. *Житие протопопа Аввакума*. Л., 1974).

Различно и синтаксическое движение фразы: спокойное, величаво-эпическое течение речи в первой части — и сбивчивый, взволнованный характер речи Аввакума, обращающегося к богу с «криком и воплем».

Существует особая разновидность сравнений второго типа, наиболее многочисленная в редакции В, чрезвычайно архаичная по своим языковым средствам. Такие сравнения выражаются в большинстве случаев сравнительными оборотами и придаточными сравнительными с союзом «яко». Например: «. . .прииде на мя благодать Духа святого, яко искры во очю моею блещахуся огня невестественного» (В, 229). Подобные сравнения носят абстрактный характер, и в целом они служат преимущественно не для усиления изобразительности, а для выражения высокой положительной оценки героя.

Сравнения этого типа часто включаются в конструкции, обладающие стилистической симметрией, отличающиеся интонационной стройностью и ритмической организованностью:

Увы, Аввакум, бедная сиротшна,
яко искра огня угасаает,
и яко неплодное древо посекаемо бывает,
только смерть пришла (В, 233).

Четкий, почти стихотворный ритм, правильное чередование интонационных подъемов и спадов, внутренняя рифма передают строй звучащей речи, что особенно важно было, если произведение было рассчитано на чтение вслух.

Иногда сравнения с библейскими персонажами и ситуациями бывают не столь абстрактны, раскрывают внешнее сходство или совпадение ситуации, которое, однако, непременно наталкивает автора на размышления и обобщения: «. . .собачка ко мне по вся дни приходила, да поглядит на меня, яко Лазаря во гробу у вратех богатога пси облизаху гной его, отграду ему чинили, так и я со своею собачкою поговаривал» (В, 179). Реальная собачка, приходящая взглянуть в щелку на одинокого узника, становится первым звеном в ассоциативной цепи, толчком к размышлению автора над своей судьбой, позволяя соотнести свою жизнь с судьбой библейского персонажа и по-новому, преломляя обстоятельства своих мытарств через призму глубоко символической притчи о Лазаре, взглянуть на свои дела и борьбу. Такое сравнение наводит на мысль о неизбежном божьем воздаянии за страдания и вселяет уверенность в правоте героя.

В последнем примере следует подчеркнуть стилистическую «двуслойность», которая присуща всем сравнениям этого типа. Первая часть фразы построена с использованием архаичных уже во времена Аввакума форм существительного множественного числа родительного падежа «у вратех», имперфекта «облизаху», которые создают особый экспрессивный тон фразы, стилизованной под церковно-книжную речь. Вторая часть фразы — «так и я со своею собачкою поговаривал» — создана в рамках иного стиля, носит отпечаток разговорности. Употребление слова «собачка» (в противовес книжному «пси») и глагола «поговаривал» переводит всю фразу в план просторечия, создавая впечатление безыскусной беседы.

В плане изучения речевой структуры образа автора представляется интересным не только рассмотреть систему средств и способов самооценки, но и проследить, как оценивает Аввакум своих врагов и единомышленников и какими языковыми средствами выражаются эти оценки. Выше было отмечено, что для оценки собственных поступков Аввакум чаще всего использует синтаксические средства, а именно сравнительные обороты в составе простого предложения и сравнительные придаточные с союзами «яко» и «что». Анализ предложений с этими союзами показывает, что

союзом «яко» по большей части маркированы сравнения с героями священной истории, содержащие высокоположительную оценку, а союзом «что» отмечены главным образом сравнения с обыденными явлениями, по большей части содержащие отрицательную оценку и выраженные средствами современной Аввакуму живой разговорной речи. Существует прямая зависимость между характером оценки и ее стилистическим выражением: сравнения, содержащие высокую положительную оценку, выражаются более архаичными, литературно-книжными средствами языка, а сравнения, несущие отрицательную оценку, выражены средствами живого разговорного языка, ориентированы на просторечие. Вследствие этого союзы «что» и «яко» можно рассматривать не только как сигналы различных стилистических стихий, «высокой» и «низкой», но и как сигналы различных по характеру оценок. Поэтому так многозначителен тот факт, что для оценки героя и единомышленников Аввакум чаще использует сравнительные конструкции с союзом «яко», а для характеристики врагов-никониан — построения с союзом «что».

Рассмотрим теперь оценки, которые автор дает своим единомышленникам и врагам. В использовании сравнений разных типов и других языковых средств авторизации для оценки и характеристики духовных детей и единомышленников Аввакума наблюдаются в основном те же закономерности, что и в способах самооценки, однако автор дает высокие оценки своим сподвижникам чаще, чем себе, и редко характеризует их отрицательно. Поэтому и языковые средства, используемые в этом случае, принадлежат к иному стилистическому пласту и несколько более архаичны.

Сравнения, характеризующие единомышленников Аввакума, сочетают в себе функции оценочности и образительности. Например: «Хорош был и Афонасьюшко. . . во иноцех Авраамий, что отступники на Москве в огне испекли, и яко хлеб сладок принесется святей Троице» (А, 57); «. . . исповедал его-света в темнице. . . и причастил тела Христова, яко непорочного агнца» (Б, 125); «. . . аще наказание терпите, тогда яко сыном обретается вам бог» (А, 24; Б, 105; В, 179). В последнем примере евангельская цитата, примененная к сподвижникам Аввакума и содержащая сравнение, утверждает идею христианского смирения и вместе с тем подчеркивает их превосходство над «непокорливыми» никонианами.

«Гораздо невелика была, промышляет около меня, бытто большая, яко древняя Юдифь о Израили, или яко Есвирь о Мардохее» (В, 234). В этом примере замечательно сочетание образительного сравнения, свойственного живой разговорной речи, — «бытто большая» — и оценочных, книжных, сравнений с Юдифью и Эсфирью, показательное также употребление союзов — разговорного «бытто» и книжного «яко».

«Иван и Прокопей тащили со мною, что кобелки за волок нарту» (В, 181); «. . . тут же священника Лазаря и инока Епифания старца; острижены и обруганы, что мужички деревенские, миленькие!» (А, 60); «. . . что за разбойниками, стрелцов войско за нами ходит. . . , помянется — и смех и горе» (А, 47); «. . . оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка на лбу» (А, 52); «. . . я-су, вышед, обниматца с ними, что с черпцами» (А, 44). Эти и подобные им сравнения не только более зримо изображают происходящее, но и обнажают чудовищные с точки зрения Аввакума несоответствия внутренней сущности человека и его состояния, внешности, положения. Аввакум изображает мир, в котором, как перед пришествием Антихриста, все перевернулось: священники обруганы, как деревенские мужики; сторонников «правоверия», как разбойников, стережет войско стрельцов; вместо собак в нарту Аввакума впряжены его сыновья; сам он, пророк, «устаами которого говорит господь», не имеет возможности прочитать молитву и волочится, «как скотинка»; он принужден «лицемеритца»

с басурманами и обниматься с ними, как с монахами; вынужден «проситься в тюрьму», чтобы спрятаться от преследователей. Наступили времена, когда все вывернулось наизнанку; высшую церковную власть захватили «шиши Антихристовы», а истинные христиане гонимы; времена, когда «сарай лучше церкви».

В изображении таких несоответствий в окружающем мире находят отражения представления Аввакума о богопротивном порядке вещей. Но одновременно в этом отразилось и свойственное Аввакуму понимание многогранности жизненных явлений, неразрывного сосуществования в жизни смешного и горестного; даже в самых трагичных ситуациях его не покидают оптимизм, любовь к жизни в самых разнообразных ее проявлениях, присущий ему гуманистический характер мироощущения. Поэтому так часто, описывая новые и новые эпизоды своей многотрудной жизни, Аввакум восклицает «и смех и горе!». Например: «. . . и смех и горе, как помянутся дни оны: робята те изнемогут и на снег повалятся, а мать им по кусочку пряничка даст, и оне, съедши, опять лямку потянут» (В, 181); «. . . дочь моя, бедная горемыка, Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе и смех! — иногда робенка погонят от окна без ведома бояренина, а иногда и многоноcko притащит» (А, 28).

Изображение противоречивости жизненных явлений, переплетение смешного и трагического создают глубоко волнующий эмоциональный тон повествования, пронизанный грустным юмором и печальной иронией. Открытие и отражение в Житии многообразия жизненных явлений — одно из высоких художественных завоеваний Аввакума.

Для изображения и характеристики главного героя Жития и его сподвижников Аввакум использует сравнения с явлениями повседневной действительности, с «положительными» героями Писания; даже прибегая к сравнениям с животными, Аввакум смягчает их, придает им трогательный характер, употребляя уменьшительно-ласкательные формы: «что собачка», «что кобельки», «что скотинка».

Своих врагов Аввакум изображает в резко отрицательных тонах, используя для этого разнообразные языковые средства оценочной авторизации, прибегая к средствам прямой оценки, выраженной оценочными словами, несущими отпечаток различных стилей — просторечного и книжного: «змий», «зверь», «окаянный», «суровый», «бесчеловечный», «зломудрствующий», «любодейный», «пестрообразный»; а также словосочетаниями: «овчеобразный волк», «борзой кобель» и т. п. Но наиболее многочисленны и ярки по своей изобразительности оценки, выраженные сравнениями.

Для изображения врагов Аввакум прибегает к сравнениям с существами отвратительными, враждебными человеку. Чаще всего это традиционные в литературе и фольклоре образы животных, воплощающих какие-либо отрицательные качества: лиса, волк, козел, рысь, змий; но Аввакум вводит и нетрадиционный образ такого экзотического для русского человека зверя, как белый медведь, отражая при этом собственный жизненный опыт и впечатления.

Никон сравнивается с лисом — традиционным воплощением коварства и лицемерия: «Егда ж приехал, с нами яко лис: челом, да здорово!» (А, 14; Б, 96; В, 168). «Начальник» Иван Родионович сравнивается со злобным псом: «Таже ин началник. . . на мя расвирипел, — прибежал ко мне в дом, бив меня и у руки огрыз персты, яко пес зубами» (А, 10; Б, 92; В, 164). Никониан Аввакум сравнивает с собаками (А, 52; В, 188, 205, 192), с пестрыми козами (А, 50; Б, 121), с лисами (А, 58; Б, 126; В, 205), тараканами: «. . . смотрел в алтаре у них действия, как просвиры вынимают: что тараканы просвиру исщиплют» (В, 194).

Афанасий Пашков постоянно во всех редакциях сравнивается с диким зверем: «. . . он рыкнул, яко дикий зверь, и ударил меня по щоке» (А, 22; а также А, 36; Б, 104, 115; В, 117, 189). Пашков «рычит» не только на Аввакума, но и на родного сына Еремея. Так в действиях Пашкова проявляется его сущность, о которой Аввакум пишет: «. . . суров и бесчеловечен человек» (В, 175). Аввакум, изображая своих противников, подчеркивает в них «звериное» начало, их нечеловеческую сущность. Но замечательно, что, изображая жестокость своих врагов, обращая внимание на их сходство с животными, сходство не только внешнее, но и по сути, Аввакум тем не менее говорит о том, что истинному «воину Христову» они не страшны: «Пашков же, возвед очи свои на меня, слово в слово что медведь морской белой, жива бы меня проглотил, да господь не выдаст!» (А, 38). Враги Аввакума — злобные, но трусливые «волчонки» (А, 59; Б, 127; В, 206). Даже их бесовские качества не страшны Аввакуму, ведь он и с бесами бьется, «что с собаками» (А, 71). Одновременно с жестокостью и бесчеловечностью врагов Аввакум изображает и их бессилие, он стремится вселить в своих единомышленников и читателей уверенность в своей правоте, в победе над противниками, так как на стороне никониан дьявол, а на стороне «правoverных христиан» — бог: «Я дьявола не боюсь, боюсь господя своего. . . , а дьявол какая диковина, чево ево боятца!» (В, 204); «. . . всяко бедные измышляют, как бы им меня прельстить, да бог не выдаст, за молитв пречистые Богородице, — она меня, помощница, обороняет от них» (В, 208).

Сравнения, которые использует Аввакум для оценки своих врагов, выполняют, помимо изобразительных функций, и функцию отрицательной оценки, служат для выражения идей Аввакума.

Говоря о сравнениях в Житии Аввакума, следует отметить, что, помимо изобразительных и оценочных функций, сравнения служат для реализации принципа контрастности изображения. На примере сложной системы сравнений видно, как ведущий принцип композиции — принцип сравнительности, контрастности воплощается на разных уровнях: морфологическом, когда сравнение выражается падежной формой слова (кукушкой куковать, собакой лаять): на уровне словосочетания (паче огня); на уровне простого предложения (придаточные сравнительные); на уровне сверхфразового единства («развернутые сравнения», которые являются переходным звеном от уровня языкового к уровню композиционному). Ведущий композиционный принцип сопоставления и противопоставления, реализуясь в произведении, пронизывает и подчиняет себе все уровни его структуры.

Житие протопопа Аввакума — произведение, пронизанное субъективным отношением автора-героя, никто и ничто не укрывается от его оценивающего взгляда. Особая социально-художественная задача Жития обусловила своеобразие его структуры, в центре которой — автор. своеобразие речевой структуры образа автора Жития заключается не только в разнообразии средств оценки действующих лиц, но и в том, что авторская речь, не изменяясь в принципе, заключает в себе речи всех персонажей произведения. При этом, несмотря на отсутствие структурной отделенности и обособленности речей персонажей от речи авторской, Аввакум создает в своем Житии живую иллюзию индивидуализированных речей. Этого художественного эффекта Аввакум добивается с помощью использования широкой системы средств оценки высказывания и введения чужой речи в авторскую.

У Аввакума мы находим развитую систему средств оценки высказывания при помощи глаголов, обозначающих акт говорения с различными экспрессивными оттенками значения. Представляется, что впечатление

индивидуализированности речи создается именно благодаря использованию различных средств оценки и введения чужого высказывания. Аввакум в своем произведении употребляет наряду с нейтральными в стилистическом отношении глаголами и слова, обладающие яркой и разнообразной экспрессивностью. Список глаголов, оценивающих чужую речь, насчитывает около 170 слов. Его герои не только «говорят» и «сказывают», но и «вопят», «кричат», «лают», «беседуют», «молят», «плачут» «шумят», «рычат» и «воют». При этом существует строгая зависимость между тем, как относится автор к персонажу, и тем, какими средствами и как оцениваются и вводятся в повествование речи этого персонажа.

Так, речи автора характеризуются иначе, чем речи Аввакума-героя. Существует некоторый фонд нейтральных в стилистическом отношении глаголов говорения, которые применяются для обозначения речей всех персонажей («говорить», «ректи», «сказать», «писать»), но существуют и слова, обладающие яркой оценочной экспрессией, прочно закрепленные для оценки речей только одного персонажа. Такими закрепленными только за речами Аввакума-автора являются слова «беседовать», «вкаты», «бранить». Речи Аввакума-героя обозначаются словами «обличать», «посрамить», «рассуждать», «проповедать», «приказывать», «велеть», «заказать» (в значении «запретить»), «понаказать», «учить». Эти слова используются только для введения речей Аввакума-героя, придавая им характер поучения, проповеди. За речами врагов оказываются закрепленными слова «вопить», «уговаривать» (они все время уговаривают Аввакума соединиться с ними), «завыть», «блевать», причем эти слова обладают такой яркой экспрессией отрицательной оценки, что, даже если не известно содержание речей, не остается сомнений в том, кто прав. Например, в сцене ссоры Аввакума с начальником: «. . . он меня л а е т, а я ему р е к л». Здесь высокий и даже во времена Аввакума архаичный глагол «ректи» подчеркивает моральное превосходство, правоту героя, а глагол «лаять», примененный к человеческой речи, не только обозначает ее характер (громкая, сердитая, отрывистая речь), но и отрицательно характеризует врага главного героя.

Анализ средств средств оценочной авторизации позволяет сделать вывод о том, что в Житии обособленно сосуществуют два художественных образа — образ Аввакума-автора и Аввакума-героя, которые нельзя отождествлять, несмотря на то что оба они — проявление одной реально существовавшей личности. Обособленность и разделенность этих образов создаются не только различными по характеру оценками, но и тем, что автор и герой живут и действуют в различных слоях художественного времени.

Художественное время героя — прошедшее. Художественное время автора — настоящее и будущее. Герой действует в одном временном плане, ему не известно, что будет после. Автору же известно будущее героя и его окружающих. Так, о четырнадцатилетнем брате героя Евфимии он сообщает: «. . . напоследок был взят к большой церкви вверх, а в мор и з женою преставился» (В, 215). О снохе Пашкова, помогавшей герою в Даурии, он говорит: «Выехав из Даур, умерла, миленькая, в Москве» (А, 34).

Различны и «круги общения» героя и автора. Герой окружен членами семьи, духовными детьми, единомышленниками, врагами. Автор же общается с читателем и «слышателем». В произведении существует не только соотношенность образов героя и автора, но и взаимодействие и противопоставленность образов автора и образа читателя.

Раскрытие сложных, но закономерных взаимоотношений образов автора и героя рассеивает недоумения по поводу «неорганичности и про-

тиворечивости» образа центрального персонажа Жития, говорит о большом литературном мастерстве Аввакума, который, будучи новатором, опирался при этом на богатые и прочные литературные традиции.

Сказанное позволяет также с большей точностью говорить о жанровой природе произведения Аввакума. Изучение повествовательной структуры Жития приводит к выводу о том, что Аввакум строил свое повествование в соответствии с канонами агиографического жанра, не только неуклонно следуя литературной традиции, но и преодолевая условности, разрушая жанровые штампы в тех случаях, когда окаменевшие формы жития не могли вместить небывалого содержания.

Анализ стиля Жития Аввакума дает возможность судить о высоком профессионализме писателя, исключающем существование какой бы то ни было доли «безыскусной импровизации». При сравнении трех редакций Жития раскрывается картина сознательной обработки и переработки произведения, совершенствования способов и средств выражения сложного и богатого идейного, эстетического и эмоционального содержания произведения. При этом количественный анализ выразительных средств показывает, что развитие стиля Аввакума шло в направлении усиления оценочности повествования и ослабления изобразительности. Так, в редакции В преобладают сравнения из области традиционной книжной символики. От редакции к редакции усложняется языковой строй произведения, — об этом говорит, например, увеличение удельного веса синтаксических средств выражения оценки. В процессе эволюции стиля в образной системе Жития нарастает художественная значимость таких выразительных средств, как сравнения; увеличивается также их количество (в редакции Б число сравнений на единицу текста равняется 0.6; в редакции А — 0.7; а в редакции В — 0.8). Таким образом, три редакции Жития — не «варианты» одного и того же текста, а разные стадии эволюции стиля Аввакума, развивавшегося в соответствии с литературной позицией писателя.

В. Н. СЕРГЕЕВ

Литературный источник рисунка XVII в. работы Василия Кондакова

В состав Сийского иконописного подлинника, представляющего собой листы — переводы с различных икон, входит необычный по содержанию рисунок.¹ На одном из листов изображен в сложном развороте влево молодой человек в богатых светских одеждах XVII в., трубящий в трубу, которую он держит в правой руке. У него довольно длинные, спадающие на шею, кудрявые волосы. Молодое полное лицо без бороды, но с небольшими, торчащими в стороны усами. Щегольской (до колен) кафтанец, с отложным ожерельем на воротнике и украшенными петлицами на груди, препоясан поясом, связанным сбоку узлом. Кафтанец снизу слегка распахнут, что подчеркивает свободу, почти небрежность позы «трубача». Разрез кафтанца на левом боку перехвачен ниже пояса застежкой. На правом бедре — сабля.² Молодой человек стоит подбоченившись. В левой руке, опирающейся на бедро, он держит шляпу с округлыми полями и тульей. Порты расшиты «узоромъем», и завершают этот роскошный наряд высокие сапоги с узкими носами и заостренными кверху голенищами.

Н. В. Покровский считал рисунок «образцом живописи светского характера».³ Действительно, здесь изображен не святой, а, говоря словами старинной русской повести, «юноша. . . велик роду, дивен удалец».⁴

Мастерский, свободный и выразительный рисунок, гибко очерчивающий сложно развернутую фигуру, сделан на уровне лучших произведений XVII столетия. Очень выразительно лицо трубящего — со сведенными бровями и надутыми щеками (последнее подчеркнуто складками у шеи). Молодой человек трубит с усердием, весь этому отдаваясь. Его картинная поза при богатых и щегольских одеждах ясно показывает зрителю «дивна удалца», красующегося и величающегося своей внешностью и занятием.

На обороте листа имеется надпись, сделанная почерком XVII в., называющая автора композиции и позволяющая приблизительно определить время ее создания: «Знамя Василия Осипова Усольца». Василий Осипов Кондаков, усалец, т. е. уроженец Усолья, упоминается в документах в период с 1666 по 1690 г.⁵ Иконописец, мастер стенового письма, миниатю-

¹ Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. IV. — ПДП, вып. СХХVI. СПб., 1898, с. 208—210, рис. 55, 56.

² Возможно поэтому считать, что рисунок дан в «обратном переводе». «Поколенный кафтанчик» в XVII в. был, очевидно, еще признаком особенного щегольства. Андрей Белобочий провозглашает в «Центатеугуме»: «Горе. . . ставиногом, вертикадком, поколенным кафтанчиком» (ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965, с. 57).

³ Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. IV, с. 208.

⁴ Сказание о молодце и девице. — ПДП, вып. ХСІХ. СПб., 1894, с. 15.

⁵ А. И. Успенский. 1) Царские иконописцы и живописцы XVII века. Словарь. М., 1910, с. 191—192; 2) Словарь патриарших иконописцев. М., 1917, с. 41—45.

рист, он был достаточно известен и, переехав из провинции в Москву, работал в Оружейной палате и среди патриарших иконописцев.⁶ В Сийском иконописном подлиннике есть и другие листы его «знамени», традиционно иконного содержания.⁷ Вероятнее всего предположить, что рисунок сделан в годы широкой известности мастера, т. е. между 1666 и 1690 г., поскольку подлинник повторяет его композиции со ссылкой на имя автора наряду с подписными произведениями ведущих иконописцев XVII в.

На обороте листа с изображением «трубача» читается еще одна надпись — тем же почерком XVII столетия.

Уже Н. В. Покровский высказал мысль, что эту надпись — «поучительную сентенцию» — «по-видимому, сам знаменщик присоединил в объяснение фигуры».⁸ Текст надписи следующий: «Хитроглаголиво слово и певец доброгласия, увеллива уста, быстростружюща речь языка не избавит мене от муки, зломысленно имуще сердце». Надпись осмысляет изображение и делает ясным назидательный смысл рисунка. Более того, без надписи подобный рисунок был бы не только непонятен, но и невозможен, тем более в составе иконописного подлинника.

Рисунок и надпись к нему, составляющие органическое целое, обращаются к традиционной для древнерусской культуры этико-религиозной мысли о большей важности в деле подготовки человека к вечной жизни, или, говоря словами надписи, для «избавления от муки», внутреннего совершенства, «доброто сердца», в сравнении с внешним «вежеством», красотой речи, с тем, как выглядит человек и что он о себе говорит. Чистая совесть, а не «увеллива уста», сочетающиеся со «зломысленным сердцем», представляется здесь главным в человеке и необходимым в деле его спасения.

Наш рисунок в изобразительном искусстве зрелого XVII в. неодинок. В одной из рукописей имеется рисунок пером, сделанный около 1680 г. и довольно определенно перекликающийся своим содержанием с работой Василия Кондакова.⁹ На нем изображен человек, стоящий перед зеркалом. Надпись, поясняющая изображение, гласит: «Приникни к зеркалу и посмотри лица своего, да, аще красен ся видиши, твори ж и дела против своей красоты и не посрами ее злыми делы. Аще ли злообразен еси, толикое оскудение свое украси добродееанием». Здесь также доминирует мысль о первичности «внутреннего» начала человека в сравнении с внешностью.

Возвращаясь к «трубачу», мы должны объяснить факт его появления в иконописном подлиннике. Скорее всего, рисунок предназначен был служить образцом для настенных листов, а может быть, и темперных картин, типа назидательных и аллегорических композиций о смерти, «Корабля веры», «Старчества законного изображения», которые дошли до нашего времени на гравюрах, картинах и листах подлинников XVII—XVIII вв.¹⁰

⁶ Перечень работ В. Кондакова см. в книге: В. И. Антонова. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1966, с. 119—120, рис. 112.

⁷ Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. III. — ПДП, вып. СХХII. СПб., 1897, с. 123, 136, 150, 179, 210.

⁸ Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. IV, с. 209—210.

⁹ Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева. М., 1970, с. 90. Рукопись — Синод. 701, л. 123 об.

¹⁰ Картина о смерти, названная А. И. Успенским «Тщета человеческой жизни», судя по надписи на ней, является копией XVIII в. с работы Симона Ушакова, сделанной в 1660 г. (А. И. Успенский. Иконописание в России до 2-й половины XVII в. — Золотое руно, 1906, № 7—9, с. 12, 30). Подобная композиция, выполненная в XVIII в. на доске и темперой, хранится в церкви пос. Вешняки под Москвой. В той же технике создана композиция и XVII—начала XVIII в. «Корабль веры» из собрания Третьяковской галереи (инв. № 14566), встречающаяся и в настенных росписях:

Отметим, что иконописный подлинник, в состав которого входит наш рисунок, содержит и подобного рода композиции.¹¹

Характерно, что надпись-комментарий читается на обороте листа. Это прием, встречающийся в подлинниках, в том числе и в Сийском. Мы не знаем других изображений «трубача», но если они были, то, естественно, надпись «Хитроглаголиво слово. . .» делалась не на обороте настенных листов или картин, а входила в саму композицию, как всякое «изображенное слово» на иконах, лубках, гравюрах.

Надпись ничего не говорит о трубе, но труба, которую держит молодой человек в щегольских одеждах, в контексте надписи символизирует склонность к красивому самовыражению — герой рисунка «трубит о себе», забывая о своем «зломысленном сердце».

Труба как символ часто встречается в русской литературе зрелого XVII в., причем употребление этого образа могло бы стать темой весьма небезыңтересного исследования. На нашем рисунке труба имеет явно отрицательный смысл. Однако в торжественно-официозной литературе этих лет образ трубы традиционно употребляется в положительном значении. Например, сборник, входившей тогда в моду южнорусской риторической проповеди, напечатанный в 1674 г., назван «Трубы словес проповедных».¹² В то же время труба символизирует «глас» торжествующей государственности. Песнопение 1676 г., написанное и распетое по случаю венчания на царство Феодора Алексеевича, начинается словами:

Днесь възгреме труба доброгласная
Посреде Великия и Малыя и Белья России
И провозгласи светогласным гласом
Ко всемирному собранию. . .¹³

Труба «провозгласи» идеальное состояние жизни в русском государстве, где якобы все проблемы и трагические противоречия «потребишася и попрашася». От этой «трубы доброгласной» с ее «светогласным гласом» открывался уже прямой путь к реальной и знаменитой трубе, через которую во время пышного театрализованного торжества по случаю штурма Азова в 1696 г. в Москве была сказана народу речь в стихах: молодой Петр «трубил» о своих успехах, открывая новый период русской истории — XVIII век.¹⁴

Назидательный рисунок Василия Кондакова — несомненно реакция традиционно мыслящего человека старого поколения, обращающегося к молодежи с ее новомодными идеалами. Недаром его герой без бороды, но в усах, — нововведение, утвердившееся в моде в петровское время, о носителях которого старообрядческие полемисты писали, что они ходят, «яко коты и псы — усы простирающе». Но это не только выражение взглядов уходящего поколения на молодежь. По-видимому, будучи

В. И. Антонова, Н. Е. Мневa. Каталог древнерусской живописи, т. II. М., 1963, с. 475. Аллегорически-назидательное «Старчества законное изображение» в виде темперных картин нам не известно, но оно имеется в русских гравюрах и подлинниках (Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. III. СПб., 1881, с. 156—157; Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. I. — ПДП, вып. CVI. СПб., 1895, с. 30—31).

¹¹ Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. I, с. 30—31; вып. IV, с. 172.

¹² Лазарь Баранович. Трубы словес проповедных. Киев, 1674.

¹³ В. Н. Сергеев. Русские песнопения XVII в. на историческую тему. Памятники культуры. Новые открытия. М., 1976, с. 42—43.

¹⁴ Н. Ф. Дробленкова, Л. С. Шелелева. Вирши на взятие Азова в 1697 г. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 427—432; К. Н. Григорьян. Об одной из последних работ Богдана Салтанова. — ТОДРЛ, т. XXIV. М.—Л., 1969, с. 307.

писях третьей четверти XVII в. и цитируется на рисунке, созданном, по всей вероятности, между 1666 и 1690 г. Имеющиеся сейчас данные позволяют датировать «покаянен» второй половиной XVII в. (возможно, ближе к середине этого столетия).

Василий Кондаков сокращает текст, используя первые четыре стиха. Сокращение надписей — как прозаических, так и стихотворных — встречается в древнерусском искусстве очень часто. Известны случаи использования первых стихов другого песнопения из «покаянных на осмь гласов» — «Плач Адама».¹⁷

«Покаянен» «Хитроглаголиво слово. . .» и в рукописи, и на рисунке, в соответствии с жанром этих лирических песнопений, написан от первого лица. Но это не значит, что надпись является прямой речью изображенного на рисунке героя. Отношения надписи и изображения более сложны. Надпись нельзя назвать также и прямым комментарием. Если бы художник переменил личностные формы, сменив форму «мене» на «тебе», зритель обращался бы «на ты» к изображенному на рисунке «трубачу», осуждая несоответствие его импозантного вида «зломысленному сердцу»: «Хитроглаголиво слово и певец доброгласия, уветлива уста, быстростружуща речь языка не избавит тебе от муки». В таком случае надпись обрела бы абсолютную цельность прямого назидательного комментария. Однако художник этого не делает, и оставление личностной формы лирического «покаяния» призвано преодолеть момент окончательного осуждения другого человека. Замечая в другом плохое, противоречивое, или, говоря в категориях мировоззрения эпохи, — вредное для спасения, могущее привести к «вечной муке», художник формой «мене» утверждает, что «хитроглаголивая» речь, желание человека представить себя лучше, чем он есть на самом деле, и «потрубить» о себе, интересуясь больше внешностью, чем сущностью своего «я», свойственны, особенно в молодости, не только «тебе» — трубачу, но и «мене» — художнику и зрителю. Пафос рисунка и надписи к нему не в насмешке и осуждении человека с позиций собственной безгрешности, а в назидании и нравственной помощи всем — «тебе» и «мене». Думается, этим объясняется отсутствие в рисунке того, что мы называем теперь каррикатурностью.¹⁸ «Трубач» действительно очень красив, но это, как мы узнаем из надписи, красота лишь внешняя. Изобразительный и литературный ряд, неотделимые друг от друга, представляют собой как бы два высказывания автора рисунка о своем герое: герой красив, величав, самодоволен, а ему нужно задуматься о «внутреннем», не «трубить», а, быть может, лучше бы вспомнить ему распетый на старинный знаменный распев покаянный стих. Так же следует, по мысли автора, поступить и всем, кто смотрит на его назидательный рисунок.

Особую важность для осмысления всей полноты художественных ассоциаций, вызываемых рисунком, — полноты, доступной современнику художника, но уже утраченной для зрителя нашего времени, — приобретает расшифровка покаянного песнопения, цитируемого на рисунке. Расшифровка крюковой нотации «Хитроглаголива слова. . .» и анализ его музыкальных особенностей, сделанные Т. Ф. Владышевской,¹⁹ пока-

¹⁷ Ф. И. Буслев. Заметки о старине и народности. Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. Т. 1. М., 1859, с. 151; Е. В. Петухов. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895, с. 305—306.

¹⁸ Ср., например, с рисунком протопопа Аввакума «Зри круга начертание» в Пуштозерском сборнике (Древлехранилище ИРЛИ, оп. 24, № 43, л. 2). Если гротескные каррикутуры на иерархов можно объяснить непрофессиональным уровнем рисовальщика, то характер откровенно ругательных надписей не оставляет сомнений в ином подходе Аввакума к «материалу».

¹⁹ Т. Ф. Владышевская. «Покаянен» «Хитроглаголиво слово. . .» в нотированной рукописи XVII в. (настоящее издание, с. 338 и сл.).

зывают, что песнопение распето на шестой глас, минорный по своей музыкальной окраске. Близость к речитативу делает это песнопение очень простым и безыскусным. Крайняя простота напева, который невольно должен был вспомнить зритель-современник, читающий надпись, резко контрастирует с изощренно щегольским видом героя, а общая минорная окраска противоположна тем музыкальным ассоциациям, которые вызывал у зрителя вид трубы. Музыкальные образы входили как составная часть в систему выразительных средств произведения наряду с изображением и текстом стиха.

Произведение Василия Кондакова можно определить как религиозно-демократическую реакцию на новшества, появлявшиеся в жизни правящего класса в переходный период. В русской культуре XVII в. большое внимание уделялось внешности человека. Достаточно вспомнить интерес протопопа Аввакума к внешности, костюму, прическе, проблеме бритья и т. д.²⁰ Однако по сравнению со старообрядческой культурой, в этом вопросе радикальной и резко осудительной, рисунок Василия Кондакова исполнен скорее тревоги за человека и мягкого наидания. Это настроение было несомненно более консервативным и более соответствовало духу традиционного христианства, чем «браню да лаю» протопопа Аввакума. Наш рисунок не единственный случай использования «покаянных на осемь гласов» в «изображенном слове».²¹ Однако изображение здесь находится в ином отношении с текстом «покаянна», чем в других известных случаях. «Трубач» без надписи просто непонятен. Реальные впечатления действительности рассматриваются здесь сквозь призму литературно-музыкального произведения, которое привлекло художника созвучностью с его собственными настроениями. Литературное произведение, организующее отношение зрителя к изображенному, становилось «ассоциативно-звучащим словом», оно «пело», рисунок же, исполненный с редкой для своего времени приближенностью к натуре, — ибо здесь изображался человек в знакомом зрителю костюме, со знакомыми «повадками и ухватками», — «жил», узнавался как отражение части окружавшей русского человека XVII в. действительности.

²⁰ А. Н. Р о б и н с о н. Идеология и внешность. Взгляды протопопа Аввакума на изобразительное искусство. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1966, с. 353—381.

²¹ В. Н. С е р г е е в. Духовный стих «Плач Адама» на иконе. — ТОДРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1971 с. 280—286; Т. Ф. В л а д ы ш е в с к а я, В. Н. С е р г е е в. Покаянный стих «Зрю тя, гробе...» в литературе, живописи и музыке XVII в. — В кн.: Древнерусское искусство XV—XVII вв. (в печати).

Т. Ф. ВЛАДЫШЕВСКАЯ

«Покаянен. Хитроглаголиво слово» в нотированной рукописи XVII в.

Источником для изучения «покаянна» послужила нам рукопись третьей четверти XVII в. (ГБЛ, ф. 379, № 2, л. 74—75 об., из собр. Разумовского). Этот стих был обнаружен в теоретическом трактате XVII в. ученого монаха Тихона Макарьевского, известного во второй половине XVII в. своими переводами крюковой нотации на киевскую.

Так же, как и вся рукопись, этот стих изложен в ней двумя способами — знаменной нотацией и киевской (рис. 1). При всей тщательности расшифровки крюковой нотации, точном переводе ритма знамен, их интонационного значения, в ней все же была допущена ошибка. Первая и бо́льшая часть стиха изложена на кварту выше той, которая указана в знаменах, тогда как вторая часть переведена в реальную высоту, из-за чего оказалась невыдержанной общая звуковысотная линия.¹ Поэтому за основу напева мы взяли крюковую нотацию стиха, которая является первоисточником его напева, а не пятилинейную киевскую.

Стих «Хитроглаголиво слово» исполняется шестым гласом знаменного распева — одним из наиболее развитых в системе осмогласия. Он отличается обилием гласовых попевок, широко распетыми мелодическими оборотами и минорным колоритом. Напев стиха целиком подчинен текстовым закономерностям, которые диктуют его структуру, ритмические и интонационные особенности и самую музыкальную форму. Его мелодика очень напоминает медленную распевную декламацию. Из общих декламационных закономерностей вытекает его литературное и музыкальное построение. Стих в соответствии с музыкальным строением фраз и характером расположения знаков разделен нами на 9 музыкальных строк, которые совпадают с фразировкой текста (рис. 2):

- 1) Хитроглаголива слова и певец доброгласия
- 2) уветлива уста быстростружуща речь язык
- 3) не избавит мене от муки зломысленно имуща сердце
- 4) оскверняюща в похотех душу
- 5) и во глубине огненной погружаем
- 6) милостиве господи приими мою худую песнь
- 7) не мудростию слагаему
- 8) но от горести сердца во гресех приноsimу
- 9) но даждь ми время покаяться

¹ К тому же нотная строка требует здесь дополнительной расшифровки, особенно в тех местах, где вводятся новые ключи, из-за которых появляются не свойственные знаменному распеву широкие скачки на септиму.

В каждой музыкальной строке имеются сходные черты, которые основываются на закономерностях декламационного произношения текста. Им свойственны общее волнообразное движение, подъем в начале фраз,

Рис. 1.

Две нотации стиха «Покаянен» (начало) из ркп. ГБЛ, ф. 379, № 2, л. 74.

понижение и замедление в конце. Такое декламационное, речитативное строение фраз отражает и характер крюковой нотации. Каждому слогу текста стиха соответствует преимущественно один знак, включающий от одного до трех звуков, что создает спокойную, плавную ритмику стиха, близкую к речевой интонации. Крюковые знаки, расположенные над

Хи - тро - гла - го - ли - ва сло - ва и пе - вец до -
 - бро - гла - си - я у - вет - ли - ва у - ста
 бы - стро - стру - жю - ща речь я - 'зык
 не из - ба - вит ме - не от му - ки зло - мы - сле -
 - нно и - му - ща серд - це о - скве - рня - ю - ща
 в по - хо - тях ду - шу и во глу - би - не
 о - гне - нней по - гру - жа - ем ми - ло -
 - сти - ве го - спо - ди при - и - ми мо - ю ху - ду -
 - ю песнь не му - дро - сти - лю сла - га - е - му но от
 го - ре - сти се - рдца во гре - сех при - но - си
 - му но даждь ми вре - мя. по - ка -
 - я - 'ти - ся

Рис. 2.

Расшифровка стиха «Покаянен» из рукописи ГБЛ, ф. 379, № 2, л. 74—75.

текстом, отражают особенности интонирования мелодического построения стиха.²

Напев стиха напоминает своеобразное высказывание, непосредственную, но сдержанную речь, которая, начавшись строгими и суровыми интонациями, постепенно расширяется. Приобретая все больший эмоциональный размах, мелодия подходит к кульминации в последней фразе «но даждь ми время покаяться», которая является центром стиха, к ней устремлено его музыкальное и литературное развитие.

Мелодическому строению стиха свойственны сдержанная равномерность ритма, большая слитность, плавность мелодии, которая основывается на естественных интонациях размеренной плавной речи. Интонационно выделены те фразы стиха, в которых чувства выражены с наибольшей полнотой, мелодия в них также приобретает большую выразительность, например, в четвертой строке «оскверняяща в похотех душу» появляются интонации-возгласы с широкими квартовыми ходами. В пятой строке «и во глубине огненной погружаем» мелодия опускается в самый низкий регистр звукоряда плавным поступенным движением, будто стремится передать «погружение в глубину». В строке «милостиве господи приими мою худую песнь» напев повышается, он как бы имитирует интонацию обращения в живой речи. Особенно ясно это чувствуется на слове «господи», интонация которого точно воспроизводит речевое звучание этого слова. Последняя, девятая, строка «но даждь ми время покаяться» — это заключение стиха, на ней сделан не только смысловой, но и музыкальный акцент. Здесь впервые мелодия поднимается к своей кульминации на си-бемоль в слове «покаяться», в нем особенно выделен его ударный слог. В то время как во всем стихе нет слогов, распетых более чем на 5 звуков, этот слог распет в 20 звуков. Его напев близок к плачу, это большая мелодическая волна, которая решительно набирает высоту и спускается постепенно, небольшими волнами.

Общий минорный колорит является основной краской этого стиха. Обладая глубоким нравственно-назидательным содержанием, текст стиха определяет и его мелодику, которая направлена на то, чтобы донести его слушателю, так музыкально оформить каждую фразу стиха, чтобы она с наибольшей полнотой раскрыла ее смысл. Такое музыкальное прочтение текста, направленность музыки к слову и их глубокий синтез являются замечательным свойством древнерусского знаменного распева.

² Так, в начале фраз располагаются знаки, характеризующие активное движение, — крюки, голубчики, переводки с очком; в конце их, как правило, расположен знак, обозначающий выдержанный звук, остановку — статьи; внутри фраз знаки знаменной нотации очень чутко отражают все ударные и безударные слоги текста.

В каждой музыкальной строке имеются сходные черты, которые основываются на закономерностях декламационного произношения текста. Им свойственны общее волнообразное движение, подъем в начале фраз,

Рис. 1.

Две нотации стиха «Покаянен» (начало) из ркп. ГБЛ, ф. 379, № 2, л. 74.

понижение и замедление в конце. Такое декламационное, речитативное строение фраз отражает и характер крюковой нотации. Каждому слогу текста стиха соответствует преимущественно один знак, включающий от одного до трех звуков, что создает спокойную, плавную ритмику стиха, близкую к речевой интонации. Крюковые знаки, расположенные над

Л. В. СОКОЛОВА

Об источнике перевода Повести об Аполлонии Тирском

В русской литературе XVII в. наряду с оригинальными беллетристическими произведениями видное место занимали произведения переводные. В это время особое распространение получили переводы западноевропейских рыцарских романов, отвечавшие интересу русского читателя к вымыслу, занимательности, интриге, романическому сюжету.

На Русь эти романы чаще всего приходили через польское или чешское посредство и поэтому распространялись у нас не в своих первоначальных версиях (нередко восходивших к эллинистическим романам), а в поздних, западославянских вольных обработках. Кроме того, и на русской почве эти переводные романы продолжали изменяться, с течением времени все больше сближаясь с произведениями оригинальными. Тем самым изучение древнерусских переводных романов представляет интерес не только для русской литературы, но и для анализа историй «мировых сюжетов» в литературе средневековья.

Литературоведами XIX в.¹ много сделано для изучения переводной беллетристики, но, как отмечает О. А. Державина, их работы «уже не могут удовлетворить современным требованиям, предъявляемым к научному исследованию, так как представляют собой лишь первоначальный этап в изучении того или иного произведения».² Они знакомят читателей с текстом (чаще всего по одному списку) и выясняют какой-либо из вопросов литературной истории изучаемого памятника. Советские медиевисты, продолжая изучение литературной истории переводных произведений, не ограничиваются этим. Они уделяют больше внимания истории текста русского перевода, изменениям его сюжета, особенностям поэтики. Именно эти черты свойственны, например, работам О. А. Державиной, В. Д. Кузьминой, Я. С. Лурье, А. М. Панченко, О. В. Творогова.

Из переводных западноевропейских повестей и романов, пришедших к нам в XVII в., основательно изучены «Девгениево деяние»,³ Повесть о Бове королевиче, Повесть о Петре Златых ключей,⁴ Фацеции,⁵ сборник «Великое зеркало»⁶ и некоторые другие произведения. Им посвяще-

¹ Бесспорную ценность представляют работы Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, А. И. Соболевского, С. Л. Пташицкого, А. Н. Пыпина, Н. С. Тихонравова. Из западных ученых — Ю. Поливки, М. Мурко, К. Крумбахера.

² О. А. Д е р ж а в и н а. Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII века. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 235.

³ В. Д. К у з ь м и н а. Девгениево деяние. (Деяние прежних времен храбрых человек). М., 1962.

⁴ В. Д. К у з ь м и н а. Рыцарский роман на Руси. Бова. Петр Златых ключей. М., 1964.

⁵ О. А. Д е р ж а в и н а. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XII века. М., 1962.

⁶ О. А. Д е р ж а в и н а. «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. М., 1965.

ны монографии, отвечающие всем требованиям современной медиевистики.

Предлагаемая статья посвящена памятнику, еще недостаточно изученному, — Повести об Аполлонии Тирском.

Произведение это в его латинской редакции много раз привлекало внимание ученых, но литературная история русского извода повести (как, впрочем, и других славянских текстов) изучена недостаточно.

До сих пор не решен вопрос о количестве переводов Истории об Аполлонии Тирском на русский язык, нет текстологического анализа имеющихся списков, не проанализирована она и с литературно-художественной стороны. В данной статье рассматривается лишь один из этой суммы вопросов — вопрос о переводе повести. Но прежде необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на литературной истории повести до ее появления в России.

История об Аполлонии Тирском восходит к греческому роману II в. н. э. Однако греческий текст не сохранился, в средневековой Европе роман был известен в латинском пересказе,⁷ и именно в той его редакции, которая с небольшими стилистическими изменениями вошла в «Gesta Romanorum».⁸

Проследим историю романа на славянской почве.

В чешской литературе Повесть об Аполлонии Тирском была довольно популярна. Она сохранилась в двух рукописях (1459 и 1539 гг.) и была много раз напечатана (известны издания 1733, 1761, 1769, 1793, 1799 гг.; кроме того, есть указание на издание 1567 г., но этот старейший печатный текст до сих пор не найден).⁹

Ю. Поливка, тщательно проанализировав чешский текст повести в сравнении с латинским (публикацией А. Ризе¹⁰ и позднейшей обработкой, вошедшей в состав сборника «Gesta Romanorum»¹¹), отметил расхождение их более чем в 70 случаях,¹² и этот сравнительный анализ убедительно доказывает, что чешский текст — ни в коей мере не перевод латинского, точнее, известных исследователям латинских текстов. Была высказана догадка (в частности, А. Н. Пыпиным¹³), что чешская повесть об Аполлонии — это обработка немецкой редакции. Но на основании сравнения чешского текста с немецким (в новонемецком переводе, напечатанном Зимроком¹⁴), а также на основании некоторых проанализированных им фактов Поливка не допускает, чтобы оригиналом для чешской повести был немецкий текст.

Итак, до сих пор не найден текст романа об Аполлонии Тирском, о котором можно было бы говорить как об источнике для чешского перевода. Исходя из этого, Поливка вполне обоснованно видит в чешском романе совершенно свободную, самостоятельную переработку романа об Аполлонии Тирском.

Эта чешская редакция романа и была переведена на польский язык. В польской литературе История об Аполлонии известна только в составе

⁷ О греко-латинском романе см.: Т. И. Кузнецова. Сказочный роман. «История Аполлония, царя Тирского». — В кн.: Античный роман. М., 1969, с. 132—156.

⁸ Эта латинская редакция была издана несколько раз, в частности, Лапауме: Scriptorum Graecorum bibliotheca, vol. XLV. Firmin Didot, 1856.

⁹ J. Polívka. Román o Apollonovi králi Tyrském v české, polské i ruské literatuře. — Listy Filologické, 1889, seš. V, VI.

¹⁰ «Historia Apollonii regis Tyri» recensuit et praefatus est A. Riese. Lipsiae, 1871.

¹¹ «Gesta Romanorum» von Hermann Oesterley, Bd 2. Berlin, 1872.

¹² J. Polívka. Román o Apollonovi králi Tyrském. . .

¹³ А. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, с. 242.

¹⁴ K. Simrock. Die deutschen Volksbücher, Bd III. Basel, 1846, S. 211—270.

сборника «*Historye rzymskie*»¹⁵ (далее: польские РД). Интересно, что почти все рассказы — легенды, входящие в состав польских РД, сходны с латинским текстом «*Gesta Romanorum*» в издании Остерлея (Oesterley) и представляют явно перевод последнего. Текст же нашей повести, вне всякого сомнения, относится к чешской редакции, так как, за небольшими исключениями, почти дословно передает ее текст; причем перевод был сделан, по наблюдениям Ю. Поливки, с такого чешского издания (до сих пор неизвестного), которое сходилось отчасти с известным чешским Оломуцким изданием 1769 г., а отчасти со старейшей рукописью, датированной 1459 г.

Видимо, польский книжник, составляя сборник «*Historye rzymskie*», включил в него уже готовый польский перевод Повести об Аполлонии Тирском. Предположение это подтверждается тем, что и при включении в сборник Жития Алексея человека божия составителем польских РД был также использован уже существовавший перевод — польское издание жития 1529 г.¹⁶

Обратимся теперь к вопросу о переводе Повести на русский язык.

Она пришла на Русь во второй половине XVII в. в составе «Римских деяний»¹⁷ (далее: РД), но получила также широкое распространение и как отдельное произведение, текст которого отличается от соответствующей повести в РД.

Различие между текстом повести, входящей в РД (далее: ред. РД) и отдельно встречающейся повестью, один из списков которой был издан Н. С. Тихонравовым¹⁸ (далее: ред. Т¹⁹), настолько существенно, что Н. С. Тихонравов видел в них два самостоятельных перевода, причем даже с разных языков (с польского и чешского).²⁰ Эта мысль не была текстологически обоснована, но, тем не менее, повторялась в дальнейшем другими русскими учеными. Такую точку зрения находим у А. Н. Веселовского,²¹ М. Н. Сперанского²² и др.

Но еще в конце прошлого века чешские ученые Ю. Поливка²³ и М. Мурко²⁴ высказали мнение, что был один перевод Истории об Аполлонии Тирском на русский язык, а именно в составе РД, и попытались это доказать. Ими были сделаны очень ценные и часто убедительные наблюдения, но так как и польский, и оба русских текста им были известны лишь по одному списку, к тому же польский текст (экземпляр краковской библиотеки) был дефектным, а известный им русский ред. РД (изданный ОЛДП) — самый плохой список, то их доказательства иногда опровер-

¹⁵ Старопечатное издание XVII в. переиздано: J. V y s t r o ů. *Historye rzymskie*. — In: *Biblioteka pisarzów polskich*, t. 29. Kraków, 1894.

¹⁶ С. Л. П т а ш и ц к и й. Средневековые западноевропейские повести в русской и славянской литературах. I. Истории из «Римских деяний». СПб., 1897, с. 39.

¹⁷ [П. П. В я з е м с к и й]. Римские деяния (*Gesta Romanorum*), вып. V и XXXIII. СПб., 1877—1878.

¹⁸ Н. С. Т и х о н р а в о в. Повесть об Аполлоне Тирском. — В кн.: *Летопись русской литературы и древностей*, т. I, ч. 2. М., 1859, с. 6—33.

¹⁹ Отметим, что Повесть об Аполлонии Тирском ред. РД рано выделялась из состава РД и также известна как отдельная повесть. Поэтому, говоря по традиции о редакциях РД и Т, мы будем подразумевать под ред. Т не каждую отдельно встречающуюся повесть, а текст, отличный от ред. РД.

²⁰ Н. С. Т и х о н р а в о в. Повесть об Аполлоне Тирском, с. 5.

²¹ См. его главу о повестях в кн.: *История русской словесности древней и новой*, т. I. Изд. 2-е. СПб., 1880, с. 436.

²² М. Н. С п е р а н с к и й. История древней русской литературы. Московский период. Изд. 3-е. М., 1921, с. 200—203.

²³ J. P o l í v k a. Ještě slovo k románu o Apollonovi, králi Tyrském. — In: *Drobné příspěvky literárně-historické*, č. I—IV. Praha, 1891.

²⁴ М. M u r k o. Die russische Übersetzung des Apollonius von Tyrus und der Gesta Romanorum. — *Arch. f. slavische Philol.*, 1892, Bd 14, H. 3.

гаются более ранним польским текстом (издания 1543 г.²⁵) и другими, лучшими и более старшими списками русской повести обеих редакций.

Поэтому мы позволим себе вновь обратиться к этому вопросу, тем более что советские исследователи точку зрения Ю. Поливки и М. Мурко не рассматривали и даже в работах сравнительно недавних продолжают говорить о двух переводах повести на русский язык. Такую точку зрения находим у В. П. Адриановой-Перетц в 10-томной «Истории русской литературы»,²⁶ а также у В. Д. Кузьминой и О. А. Державиной²⁷ в статьях, посвященных проблемам изучения переводной литературы Древней Руси.

То, что русский перевод РД, а следовательно, и нашей повести ред. РД был сделан с польского языка, считается у исследователей почти бесспорным. Иную точку зрения мы находим лишь у П. П. Вяземского, автора предисловия к изданию «Римских деяний». Он считает, что язык, на который переводились «Римские деяния» с латинского, был белорусский, исключая таким образом польское посредство. Отметим, что он даже не знает о существовании польских РД («Кажется, польский текст Римских Деяний так же неизвестен, как и итальянский и испанский»²⁸), поэтому не будем принимать во внимание эту точку зрения, тем более что, по словам С. Л. Пташицкого, «введение и указатель, приложенные к изданию (ОЛДП, — Л. С.), не выдерживают самой снисходительной критики».²⁹

На то, что русский перевод РД был сделан с польского языка, прямо указывают некоторые рукописи РД, свидетельствующие в своих заглавиях и записях, что перевод был сделан в конце XVII в. (1681 или 1691 г.) с польского печатного издания 1663 г. Так, в списке РД из ГИМ, собр. Уварова, № 555, читаем следующее заглавие: «Истории розмаитыя, сирѣчь повѣсти избранныя, с толкованием надлежащим, выписано из римских и из иных книг, яже нынѣ обрѣтаются в сей вышереченной книгѣ, кратко собранныя и людем в научение и к познанию изданныя. Печатаны в Краковѣ, в типографии пана Войтѣха Секѣлновича,³⁰ типографа его королевскаго величества Польскаго в лѣто от Христова рождения 1663 году. Нынѣ же милостию великаго бога с полскаго языка на славенский преведены в лѣто 7199 году» (1691 г.).

Это подробное заглавие в первой своей половине соответствует такому польскому: «*Historye rzymskie rozmaite z rożnych dzieiow z wykładami obuczaynemi krotko zebrane. Ludziom ku rozmyślaniu mądrości, y też i innych cnot przywodzące. Teraz z poprawą lepszą ku wiadomości ludzkiej wydane*».³¹

О польском оригинале русского перевода свидетельствует и состав русских списков, а также порядок следования повестей.³²

²⁵ К сожалению, этот текст известен нам только в отдельных фрагментах по работе А. Брукнера, сравнивающего по тексту нашей повести издание польских РД 1543 г. с более поздним изданием Быстроны. См.: А. В г ü с к н е г. *Zwei polnische Uiccate der Bayrischen Staatsbibliothek*. — Arch. f. slavische Philol., 1927, Bd 41.

²⁶ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Переводные западные повести. — В кн.: *История русской литературы*, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, с. 385—386.

²⁷ В. Д. К у з ь м и н а. Проблемы изучения переводной литературы Древней Руси. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 16—17; О. А. Д е р ж а в и н а. Задачи изучения переводной повести. . . , с. 242.

²⁸ [П. П. В я з е м с к и й]. Римские деяния. . . , Предисл., с. II.

²⁹ С. Л. П т а ш и ц к и й. Средневековые западноевропейские повести. . . , с. 3.

³⁰ По словам С. Л. Пташицкого, типограф Войтех Секелович (в русской рукописи ошибка в фамилии) действительно печатал в Кракове с 1660 по 1685 г. (см.: С. Л. П т а ш и ц к и й. Средневековые западноевропейские повести. . . , с. 45).

³¹ J. В у s t g o Ń. *Historye rzymskie*. . . , s. 1.

³² С. Л. Пташицкий в книге «Средневековые западноевропейские повести. . . » (с. 37) убедительно доказывает, что в польском сборнике мы имеем дело с выбором, сделанным самостоятельно прямо с латинского печатного издания со 180 главами.

Многочисленные свидетельства перевода с польского мы находим и в языке русского сборника, обильно насыщенном полонизмами разного рода — лексическими, синтаксическими, стилистическими. Повесть об Аполлонии Тирском не является в данном случае исключением.

Некоторые же расхождения в порядке следования повестей и в самих текстах можно отнести за счет того, что издание 1663 г., с которого, видимо, был сделан перевод, не обнаружено, — следовательно, непосредственного оригинала, наиболее близко подходящего к русскому переводу, мы не имеем.

Что же касается места, занимаемого нашей повестью в составе РД, то непостоянство ее местоположения: 1-я глава в рук. ГПБ, собр. Вяземского, Q.CXLIИ, 2-я глава в рук. ГИМ, собр. Уварова, № 555, 34-я глава в рук. ГПБ, Q.XV. 8, и собр. Погодина, № 1604, 36-я глава в рук. ГБЛ, собр. Тихонравова, № 16, 37-я глава в рук. ГПБ, собр. Погодина, № 1713 и 1775, ГИМ, собр. Уварова, № 66, — дало повод П. П. Вяземскому утверждать, что История об Аполлонии «не входила в первоначальный план сборника».³³

Не опровергая пока этой точки зрения, отметим только, что в одном из списков РД (собр. Уварова, № 66) мы находим объяснение писца, почему он перенес ее из начала в конец: «У сей истории об Аполлонѣ начала не обрѣтох с чего писана, понеже бо многие листы поистлѣли и поизгibli и того ради списать было несчею; и поставлена сия повѣсть в началѣ книги, а не на концѣ, и послѣ во других поставлена повѣсть о пустыникѣ, ей же начало: „Приклад о хитрости диявольстей, яко судьбы божии не испытаны и скрыты суть“».

Итак, русский перевод повести об Аполлонии Тирском был сделан в составе «Римских деяний» с польского языка. Непосредственный оригинал русского перевода пока не найден. Вполне вероятно, что это — издание 1663 г., на которое указывают русские рукописи. Отметим только, что польский оригинал русского перевода отличался большей близостью к чешскому тексту, чем известные польские издания. Это следует из наблюдения Ю. Поливки, что там, где чешский и польский (известный ему) тексты расходятся, русский текст чаще ближе к чешскому.

Исходя из языка русской повести, Поливка отверг непосредственный чешский источник и выдвинул предположение, что русский текст был переведен с польского (а тот, в свою очередь, с чешского), но с такого, который отличался большей близостью к чешской повести, чем известный Поливке польский текст.

Подтверждение этому мы находим в более поздних работах Я. Лоша³⁴ и А. Брукнера,³⁵ сообщающих о польском издании «Римских деяний» 1543 г. Из сопоставлений на материале Повести об Аполлонии Тирском текста, изданного Быстрономом, и издания 1543 г., которые приводит в своей работе Брукнер, очевидно, что текст русских РД передает текст более ранний, чем изданный Быстрономом и тот, который был известен Поливке (оба — конца XVII в.). Обратимся теперь к русскому тексту, известному как отдельная повесть (ред. Т).

Выясним вначале, могла ли быть переведена эта редакция Повести об Аполлонии Тирском непосредственно с чешского.

То, что этого быть не могло, видно уже из самого поверхностного сравнения чешского, польского и русских текстов обеих редакций. Польский переводчик вносит в текст своего чешского оригинала некоторые изменения. Здесь же он показывает соответствие русских РД по числу и расположению глав польским РД.

³³ [П. П. Вяземский]. Римские деяния. . . , Предисл., с. V.

³⁴ Jan L o ś. Początki piśmiennictwa polskiego (przegląd zabytków językowych), wyd. 2. Lwów—Warszawa—Kraków, 1922, s. 267—268.

³⁵ A. B r ü c k n e r. Zwei polnische Uiccate. . .

ния, которые, что очень существенно, *полностью* переходят в русский текст ред. РД, свидетельствуя, таким образом, о зависимости последнего от польского извода повести. Русская же повесть ред. Т следует в изложении за ред. РД, и, следовательно, за польским, а не за чешским текстом.

Кроме того, чешский, польский и русский текст ред. РД соотносимы, так как это пословный перевод с одного языка на другой (ниже будут указаны русские кальки с польских фразеологизмов). Русский же текст ред. Т не имеет с указанными выше текстами ни одного полностью (пословно) совпадающего предложения, все они оформлены иначе. Это было вызвано, без сомнения, стремлением редактора, перерабатывавшего русский перевод (ред. РД), избежать многочисленных полонизмов (лексических, синтаксических, стилистических) своего непосредственного оригинала.

На польский же (через РД!), а не на чешский источник русского текста ред. Т указывают также многочисленные общие места (включая и общие ошибки) в польском и обоих русских текстах в отличие от чешского, а также сохранившиеся полонизмы ред. Т, которые никак не могли бы появиться в русском тексте, если бы он пришел непосредственно с чешского.

Указывая общие чтения польского и обоих русских текстов, ограничимся лишь несколькими, но довольно убедительными примерами. Сопоставим название повести и загадки. Эти компоненты текста удобны, во-первых, потому, что они относительно самостоятельны и независимы от контекста, а во-вторых, потому, что в них нагляднее всего видна зависимость русского текста ред. Т от польского (через РД), а не от чешского. Тут полная свобода в польском переводе, довольно значительно отступающем от своего чешского оригинала. Русские же тексты обеих редакций передают во всех случаях польский текст.

Название русской повести ред. Т говорит о том, что она восходит к повести, входящей в состав «Римских деяний», и, следовательно, к польскому, а не к чешскому изводу.

Чешск.: Počiná sé Apollon.³⁶

Польск.: Historya o Apollonie, królu tyrskim, i Tarsyje królewnie. Przykład, iże smutek przemienion bywa w wesele.³⁷

Русск., ред. РД: История о Аполлонѣ королѣ Тирском и о Тарсѣ королевнѣ. Приклад, что печаль пременеется в радость.³⁸

Русск., ред. Т (рук. Q.XVII.139): Приклад дивный коль благ бог и всеислен и како прелагает печальная на радость. Слышанием древних деонисец. Повесть о Аполлонѣ короли Тирском и о Тарсии королевнѣ.³⁹

ПЕРВАЯ ЗАГАДКА ТАРСИСЫ⁴⁰

Чешский текст

Duom jeden vědě
uhodneš-li, povědě,
jeňž ten duom hluči,

Польский текст

Jest dom jeden chwalebny,
Wszemu światu potrzebny,
A ten dom zawsze huczy,

³⁶ Чешский текст здесь и далее цит. по реконструированной А. Вртятко повести, см: Časopis Musea království Českého, 1863 svazek 3, 4 (далее страницы указываются по этому изданию в тексте, в скобках).

³⁷ Польский текст здесь и далее цит. по старопечатному изданию XVII в. сборника «Historye rzymskie», переизданному Быстроном (далее страницы указываются по этому изданию в тексте, в скобках).

³⁸ Русский текст «Римских деяний» издан ОЛДП по самому плохому списку. Но это единственный из изданных и им поневоле приходится пользоваться (далее страницы указываются по этому изданию в тексте, в скобках).

³⁹ Русский текст ред. Т цит. (кроме данного примера) по изд. Н. Тихонравова в «Летописи русской литературы и древностей» (далее страницы указываются по этому изданию в тексте, в скобках).

⁴⁰ В русском тексте загадки даются без разбивки на стихи; мы реконструируем эту разбивку в соответствии с польским текстом для большей наглядности.

a hospodář jeho mlčí.

 J přijede muž bez koně,
 nesa nit na luoně,
 jem hospodáře přeč vleče,
 a duom dieřů přeč uteče (s. 359).

Текст ред. РД

Есть нѣкоторый дом хвалебной,
 всему миру потребной,
 а тот дом всегда гучит,⁴¹
 а государь в нем молчит,
 за государем ходит,
 а живот ему родит,
 и там муж без коня приехал,
 государя кратко обведет
 и объведчи вывlechет,
 а дом кратой утечет (с. 50).

A gospodarz w nim milczy,
 Z gospodarzem chodzi.
 Żywot jemu rodzi,
 A tam mąż bez konia przyjedzie,
 Gospodarza krata obwiedzie,
 Obwiódszy wywlecze,
 A dom krata uciecze (s. 38).

Текст ред. Т

Дом славный,
 всему свѣту надобный,
 той дом всегда крычит,
 господин же в нем молчит,
 с господином ходит
 и прибытки ему родит,
 тако⁴² муж без коня приѣдет,
 господина рѣшеткою обведет,
 Обведши, изведет,
 а дом рѣшеткою и уйдет⁴³ (с. 27).

Сопоставив славянские тексты, мы обнаруживаем, что русская ред. Т следует за ред. РД, в том числе и в тех характерных случаях, когда русские РД следуют за польскими РД, существенно отличаясь от чешского текста. Так, фраза «всему свѣту надобный» — это переделка фразы РД «всему миру потребной», которой есть соответствие только в польских РД. Аналогичный пример — слова «с господином ходит и прибытки ему родит». Им также нет соответствия в чешском тексте. Любопытно также, что слово «решетка» — это правильный перевод слова «krata» (вернее, полонизма в РД — «крата»), передающего в польском тексте в одном случае чешское слово «nit» (нить), а в другом чешское слово «diera» (дыра).

ВТОРАЯ ЗАГАДКА ТАРСИСЫ

Чешский текст

Zrostu jsem vysokého,
 A jsem dcera lesa krásného;
 Nevidomé sluhý mám
 Vodie mě, a ja jich neznám.
 Běžici cestú mnoho,
 Neostavě sledu i jednoho (s. 360).

Текст редакции РД

Когда⁴⁴ лесу красного,
 Возрасту сама великого,
 Невидимые слуги воздают,⁴⁵
 Около ей всегда ходят.
 Многими дорогами ходят,
 а слѣд не радит ее (с. 50).

Польский текст

Córa lasu krasnego,
 Wzrostu sama wielkiego;
 Niewidomi ją słudzy wodzą
 Około niej wszędy chodzą
 Wiele drogą chodzi,
 A szladu nie rodzi (s. 38).

Текст редакции Т

Дщи лѣса красного,
 возраста великаго,
 не разумѣюще слуги водят
 и окрест ея всегда ходят.
 Много путем ходит,
 А слѣду не родит (с. 28).

Вторая польская загадка отличается от соответствующей чешской в следующем.

1. Чешская загадка дана от первого лица, польская — от третьего.
2. Порядок следования первых двух строк чешской загадки изменен польским переводчиком.

⁴¹ После этой строки в РД следуют слова: «И там муж без коня. . .», ошибочно внесенные из нижеследующего текста. Мы опускаем их, так как это ошибка отдельного списка.

⁴² В списке ГБЛ, собр. Тихонравова, № 135, — «тамо».

⁴³ В других списках «утечет».

⁴⁴ В других списках «дора».

⁴⁵ В других списках «водят».

3. Третья и четвертая строки чешского текста, переводимые как: «Невидимых слуг имею, Они меня водят, а я их не знаю», — переосмыслены в польском. Русские тексты, в том числе и ред. Т, следуют за польским изводом повести.

ТРЕТЬЯ ЗАГАДКА ТАРСИСЫ

Чешский текст

V horkých stolicech seděch,
a však strachu nic neměch,
jednu věc v rukú držech,
pro niž se méně styděch;
dům holý bieše,
hospodář s hostmi nah sedieše (s. 360).

Польский текст

Jest dom w szaty ubogi,
Goście i gospodarz w nim nagi,
Tam rzecz w ręce trzymają,
A prze nią wstydu nie mają,
Ogień, wodę w nim przedają,
A w innych to darmo dają (s. 39).

Текст редакции РД

Есть дом в ризах не убогий,
Гости и государь в нем нагий,
И тамо вещь в руцѣ держит,
А в стыду не умѣют.
Огонь и воду в нем продают,
А у них то даром дают (с. 51).

Текст редакции Т

Дом в вещѣх не убогий,
Господин и гости в нем наги.
И нѣкую вещь в руках имѣют,
А стыда не разумѣют.
Огонь и воду в том дому продают,
А иножды у себе даром дают (с. 28).

Различие чешского и польского текстов третьей загадки заключается в следующем.

1) Первая и вторая строки чешского текста загадки (о том, что моющиеся в бане сидят на горячих скамьях, но не испытывают при этом страха) опущены в польском тексте.

2) Пятая и шестая строки чешской загадки стали, дополнительно изменившись, первой и второй строкой польской загадки.

3) В конце польского текста добавлены новые по смыслу строки (о продаже огня и воды).

Итак, третья загадка особенно значительно различается в чешской и польской редакциях. И русская повесть ред. Т снова следует (через РД) за польским текстом.

Русские исследователи Повести об Аполлонии Тирском (упомянутые выше) считали, что ред. Т — это другой (независимый от сделанного в составе РД) перевод повести на русский язык. Это утверждение строилось, в частности, на том, что язык повести в ред. Т отличается «полным отсутствием полонизмов».⁴⁶ На самом деле отсутствие их только кажущееся. Они есть, но, во-первых, их несравненно меньше, чем в РД, и, во-вторых, они менее заметны, так как в новой редакции остались в основном только те из полонизмов ред. РД, которые сами по себе, вне контекста, не воспринимаются как чуждые русскому языку слова. Чаще всего это слова, сходно звучащие в польском и русском языках, но имеющие или разные, или не полностью совпадающие значения.

Этот факт объясняется, на наш взгляд, тем, что автор новой редакции, пересказывая текст РД, сознательно и целенаправленно устранял полонизмы своего непосредственного оригинала.

Приведем несколько примеров полонизмов ред. Т.

1. «Изыде от мене (в другом списке ея) и повелѣ премного драгих златых ковров и иных поставов принести» (с. 7).

Слово «поставов» пришло в ред. Т из РД, где читаем: «И вышедши от нея, повелѣл много поставов злоютых золотых принесть» (с. 4—5). В свою очередь, в РД это слово передает польское «postaw» в значении «кусок сукна».

⁴⁶ Н. С. Тихонравов. Повесть об Аполлоне Тирском. . . , с. 5.

Отметим, что русское слово «постав» в данном значении имеет характер профессионализма и появиться в данном контексте без влияния польского не могло.

2. «Тѣло мое ям и кровь мою пью, сам и есмь зять себѣ, отца дщерь ж а д а е'т и видѣти не улучает, жена мужа не видит и муж женѣ быти не может» (с. 10).

Слово «жадает» произошло от «жедаю» ред. РД, которое, в свою очередь, — перевод польского «żadam» — «требую».

3. «По прошествии же близко годищнаго времени нѣкогда поя Аполлон жену свою кралевну Лучницу и идоша на брег морской погулять» (с. 15).

«Б л и з к о г о д и щ н а г о» соответствует в тексте ред. РД «близ году», что, в свою очередь, польскому — «blisko już roku».

4. «В та же лѣта ни брады, ни главы г о л и т и, ни тѣло своё мыти завѣщася» (с. 20).

Полонизм «г о л и т и» (из польск. «golić» — «брить») пришел из РД, где он употреблен, как и в польском тексте, с дополнением «бороду». Редактор Т, видимо, не счел этот глагол чуждым русскому языку и употребил его не только со словом «брады», но и со словом «главы».

5. «Вшед же в корабль, нача по морю ж а л о с т н о шествовати» (с. 20).

Слово «жалостно» передает, вслед за РД, польское «żałościwie», означающее «тоскуя», «печалась».

6. «И по мнозѣм неутѣшном плачи погребѣ ю близко моря и положи завѣт себѣ входя и исходя от училища н а д г р о б о м ея плакати» (с. 21).

Это выражение соответствует в РД следующему: «. . . прежде бывает на мамкине гробѣ и там плакалась горко о мамке своей милой» (с. 35). Здесь неверное употребление слова «гроб» еще нагляднее. Дело в том, что польское слово «grób» означает «могила»; русский же переводчик (а вслед за ним и автор редакции) передает его сходно звучащим русским словом, имеющим иное значение.

Приведенные выше примеры, которые можно значительно умножить, довольно убедительно, на наш взгляд, говорят о том, что русская повесть ред. Т не могла быть переведена непосредственно с чешского языка, так как восходит, как и ред. РД, к польскому, а не к чешскому изводу повести.

Попытаемся теперь показать, что и с польского языка был только один перевод, а именно — в составе РД. Для этого покажем зависимость русского текста ред. Т от ред. РД.

На эту зависимость указывают, во-первых, многочисленные общие чтения (включая и общие ошибки) обеих русских редакций, отличающиеся от чтений в польской повести; во-вторых, случаи изменения текста редактором Т, объясняемые тем, что соответствующие места в ред. РД были непонятны и автор новой редакции или осмыслил их по-своему, или опустил; и, в-третьих, «темные места» в ред. Т, которые понятны только из сопоставления их с ред. РД.

Начнем с указания на некоторые из общих чтений русских текстов, которыми они отличаются от польского.

1. При переводе польского предложения «Król . . . kazał Apollona przypisać ku swemu dworu, dawszy mu królewne do nauki» фраза «dawszy mu królewne do nauki» была опущена. Вместо нее в ред. РД читаем: «и терем особой ему дать». Это изменение переходит в ред. Т.

«Король . . . повелѣ Аполлона приписать к своему двору и терем особой ему дать» (ред. РД, с. 20). «Краль . . . повелѣ Аполлона приписать к ближним своим вельможам и храмы на своем дворѣ особья ему дати» (ред. Т, с. 14).

2. Фразеологизм «Bieęę to na swe zdrowie», означающий «клянусь своим здоровьем» переводится в ред. РД дословно: «принимаю то на свое здо-

ровье», и эта калька переходит в ред. Т, дополнительно переосмысляясь: «приемлю на душу мою».

«Принимаю то на свое здорвье, что не точию едину тысящу, якоже в сем листу стоят писаны, чтобы на погребение дать, но и обѣ тысячи хочу отдать ей на погребение» (ред. РД, с. 29).

«Приемлю на душу мою и не единую токмо, яко же писано, в погребение ея истошу, но и другую» (ред. Т, с. 18).

3. Польское выражение «*idź na górę*» (иди на гору) передается в ред. РД словосочетанием «иди на игру» (с. 16), которое переходит в ред. Т, где читаем: «. . .иди в корчму на игру» (с. 13).⁴⁷

«В корчму» добавлено редактором Т ошибочно, оно внесло противоречие в текст, так как ниже читаем: «Аполлон же ста издалеча, игры смотряше» (с. 13), т. е. игра (в мяч), на которую шел Аполлон, предполагает открытую площадь и в корчме проходить не могла.

4. Дионисия, приказывая Феофилу убить Тарсису, объясняет, что лучше это сделать на могиле ее кормилицы, куда она ходит перед обедом, — «*przed obiadem*».

Словосочетание «*przed obiadem*» переведено так: «прежде ни пьет, ни ест» и в таком виде переходит в ред. Т.

«Имѣет Тарсия тот обычай, что она прежде ни пьет, ни ест, дондеже ходит меж гробов плачючи о своей мамки» (ред. РД, с. 37).

«Имать бо нрав: прежде не пьет, ни яст, но ходит ко гробищу плакати своя воспитавшия» (ред. Т, с. 22).

5. К польскому выражению «*i mówić sam w sobie*» русский переводчик (ред. РД) добавил «с плачем». Редактор Т лишь видоизменяет это добавление: «со слезами».

«Узрѣвши ю, Феофил убоялся велми и рекл сам в себѣ с плачем» (ред. РД, с. 37).

«Феофил, узрѣв ее, ужасеся зѣло и рече в себѣ со слезами» (ред. Т, с. 22).

6. Польское слово «*przysięgać*» в значении «клясться» было лишь транслитерировано при переводе повести на русский язык. Позднее полонизм «присягать» (рук. ГПБ Q. XV 8) был заменен выражением «ротиться и кляться» (изд. ОЛДП), и именно в таком виде мы читаем его в ред. Т.

Этот пример указывает не только на то, что текст Т возник на основе ред. РД, но и на то, что редактирование осуществлялось на основании сравнительно позднего списка, где полонизм «присягать» был уже заменен русским словом «кляться» с добавлением слова «ротиться».

«И нача Феофил ратиться и кляться, что он о том никогда не помышлял» (ред. РД, с. 36).

«Он же нача ротиться и кляться, яко никоего зла сотворил, ниже помыслил» (ред. Т, с. 22).

7. Польское словосочетание «*zlitować się nie umie*» (не умеет жалеть, проявлять жалость) было переведено на русский язык выражением «милостивно быть не может», которое мы находим и в ред. Т, но в несколько «исправленном» виде: «море же. . . немилостиво бывает».

«Видиши ли то, что еси бремена и к непогоде к морской ты не привыкла еси, а море милостивно быть не может» (ред. РД, с. 26).

«Предрагая моя, ты убо еси нынѣ непрадна, а приближается и рождение; море же бѣдне вѣси, како немилостиво бывает» (ред. Т, с. 16—17).

Приведем далее несколько примеров изменения текста автором новой русской редакции (Т) по той причине, что соответствующее место в ред. РД было ему непонятно, и он или пересказал его по-своему, или пропустил.

⁴⁷ В чешской повести в соответствующем месте стоит слово «*tržiště*».

1. Бессмысленная фраза ред. РД «Аполлон убѣжати могл, но и от нас утечь не может» (с. 12) — неудачный перевод с польского: «Apolon zbiegnać mógł, ale od nas uciec nie może» (Аполлон сбежать смог, но скрыться от нас ему не удастся). Редактор Т непонятное для него выражение пересказывает по-своему: «Како может убѣжати, толикою дерзостию обезчестя (мя и всѣх) нас?» (с. 11).

2. В следующей фразе ред. РД: «. . . меж клейноты ничего так другого нѣсть, яко ужиточное выстереганы» (с. 14) — последнее словосочетание не переведено, а только транслитерировано русским переводчиком (соответствует польскому «użyteczne ostrzeżenie» — полезное предостережение). Редактор русского текста Т передает это непонятное место по-своему: «Между драгих всего свѣта дражае мнѣ здравие свое» (с. 12).

3. В следующем примере к переосмыслению первоначального текста автора ред. Т привела незначительная неточность русского переводчика: польское «wedle» (согласно, соответственно) он перевел предлогом «по», в результате чего получилось словосочетание («мудра по твоим лѣтом»), допускающее двоякое толкование: «мудра соответственно своим годам» и «мудра не по годам». Автору новой русской редакции больше пришлось по душе второе значение.

«Вижу тя стыдливу и честну дѣвку, а елико еси мудра по твоим лѣтом, буду с тобою говорить, а ты моей речи не будешь разумѣть» (ред. РД, с. 48).

«Дѣвице, вижу тя благоразумну и премудру в таковых лѣтах; и хощу глаголати с тобою, обаче не уразумѣши глагол моих» (ред. Т, с. 27).

В нижеследующих примерах места, непонятные в ред. РД, выпущены в новой русской редакции (Т).

1. Не понята и опущена редактором Т следующая фраза ред. РД: «. . . послушай нѣкоторыя мудрости от мене, что (в рук. ГПБ Q.XV.8 «чтобы») твоя милость меня приучила» (с. 49), в которой при переводе была сделана ошибка: устойчивое местоименное словосочетание «Тва Miłość» в значении «ты» было переведено пословно.

2. Польское выражение: «Wiem, że ludzie szlachetni zawsze są miłościami. Przetoż o twej miłości nie chcę rozpaczyć» (с. 40) перезодится в РД так: «Вѣм, что люди шляхетные суть всегда милостивой, и сего ради о твоей милости не хощу распочать» (ред. РД, с. 52). Автор ред. Т не понял второй части этой фразы (из-за непереведенного слова rozpaczać — горевать, отчаиваться) и опустил ее: «Вѣм, яко сицевыя чести, якоже ты, милостивыи суть» (ред. Т, с. 28).

3. Следующее место было, по-видимому, искажено при переводе с чешского на польский, и в последующих польских изданиях выпущено как непонятное.⁴⁸ Но в издании 1663 г., с которого (как указывают русские рукописи) был сделан перевод «Римских деяний», оно еще было, так как русский текст ред. РД сохраняет это явно бессмысленное место. Автор же новой русской редакции опустил его как явно не поддающееся объяснению.

«И потом королева преставися и королю оставила великую жалость в сердцы. Тогда король в великой печали нача со дщерию своею дары дарить, понеже бо на ней ниц не было замѣшкало прироженье, развѣ ю что бог смертно учинил» (ред. РД, с. 2).

Так как в польском тексте, изданном Быстрономом, это место выпущено, восстанавливаем смысл приведенной выше фразы ред. РД по чешскому тексту: «Ta králová, ostavivši královi žalost v srdci, z svĕta snide, a dceru jemu ostavi, všemi dary buohem obdařenu. Nebo na ni nebylo nic obmeškáno přirozením, jedno to že bylo smrtedlnu i učinilo» (s. 278), т. е. «королева. . . умерла, оставив королю дочь, наделенную от бога всеми дарами,

⁴⁸ С. Л. П т а ш и ц к и й. Средневековые западноевропейские повести. . . , с. 50.

ибо ничего не было упущено естеством при ее рождении, кроме одного: была она смертна».

И, наконец, о зависимости ред. Т от ред. РД говорят «темные» места отдельной повести, которые без текста, входящего в РД, непонятны.

1. Рассуждения Тарсисы после получения письма от отца в ред. Т представляются оборванными, незаконченными: «„Аще ли правду отписать, срамота ми есть; аще ли же не отпишу, велику тщету восприять“. Восприим же хартию и трость, нача писати» (с. 15).

И действительно, в ред. РД читаем продолжение: «А всяко лутче есть срам мал, нежели велика тщета» (с. 22).

2. В ред. Т непонятна следующая фраза: «Егда же уже два мѣсяца пловуше, тогда кралевѣ морской смрад и колебание внутренняя ея возмутиша, приближися же и рождения время; но еже по естеству, от моря бѣд премѣнися» (с. 17).

Это место соответствует следующему в РД: «. . . а время приближилось родить, и тако с великими корабли (Q. XV. 8 болѣстьми) ложе в ней завратило, и того дѣля не могла долго дитяти породить» (с. 27), т. е. плод в чреве матери перевернулся с великой болью, и поэтому она долго не могла родить дитя. Ср. польское: «. . . czas się przybliżał dziecięciu, a tak z boleściami okrutnemi łoże (в др. изд. płód) się w niej zawróciło, a przeto nie mogła porodzić dziecięcia dużego» (s. 25).

3. В ред. Т читаем: «Тиримон же, слыша сия, с великою честью поклонися ей, упроси ю, еже стояти (!) ей в большей божницѣ вмѣсто богини (!) или вмѣсто властели(ни)» (с. 20).

В данном случае соответствующее место в ред. РД также непонятно: «И так ей тот мистр да помог, что ю княжною учинил той, бога ненарицаемой (вместо: богине, нарицаемой) Вѣста» (с. 32).

Больше того, и в польском тексте это место немногим яснее: «Potym jej on mistrz dopomógł, że ją księżną uczyniono tej boginie, rzezoněj Westa» (s. 28).

Оказывается, ошибка была сделана при переводе с чешского на польский и затем перешла в русский текст ред. РД. Это еще раз подтверждает указанное выше взаимоотношение славянских текстов: чешский → польский → русский. Редактор Т, стараясь исправить текст, окончательно испортил его.

Дело в том, что чешское слово «kněžka» — «жрица» сходно со словом «kněžna» — княгиня, и поляк-переводчик ошибочно перевел чешское «kněžka» словом «księżna».

Итак, русская повесть ред. Т восходит, вслед за РД, к польскому тексту. Что же заставило русских исследователей предполагать для ред. Т чешский оригинал?

Н. Тихонравов⁴⁹ говорил о чешском источнике на основании имени «Лучница» (вместо «Луцина» ред. РД) и слова «хладничек», чуждого, по его мнению, польскому языку.

Однако эти слова, истолкованные как чехизмы, вовсе не свидетельствуют о чешском оригинале русского текста.

В чешских рукописях и печатных текстах, как сообщает Ю. Поливка,⁵⁰ есть только имя «Луцина». «Лучница» принадлежит, бесспорно, автору русской ред. Т.

Слово «хладничек» употреблено в ред. Т в сцене оживления Лучницы, тело которой нашли в лодке, прибывшей к берегу: «И взем Силимонус ученик нѣкий состав и растворив, повелѣ на двух столпах хладничек поставити, и тѣло наверху положить, а под хладничком малый огонь складе и на огонь положи нѣкое кореньцо, да тѣло согрѣется» (с. 19).

⁴⁹ Н. Тихонравов. Повесть об Аполлоне Тирском. . . , с. 5.

⁵⁰ J. Polivka. Ještě slovo k románu o Apollonovi, králi Tyrském, s. 126.

В чешской повести в соответствующем месте употреблено слово «lésa»⁵¹ (лодка⁵²). На польский язык оно было переведено сходно звучащим «łasa», имеющим в данном контексте значение «placówka» (плетенка),⁵³ которое, в свою очередь, было передано при переводе на русский язык словом «лѣса», осмысленным иногда русским переводчиком и последующими переписчиками как «лес»: «. . . и повелѣ на четыре коры (в других списках колы) лѣсу положить и тѣло наверх взложить и под тѣм лѣсом (!) учинил огонь», но ниже: «. . . та лѣса, на которой лежала, потряслася» (с. 30).

Итак, чешскому слову «lésa» (лодка) соответствует польское «łasa» (плетенка) и «лѣса» (лес?) русской ред. РД.

Каким же образом во второй русской редакции появилось в этом месте слово «хладничек»?

Ю. Поливка⁵⁴ предполагает, что уже в какой-то польской редакции слово «łasa» было заменено словом «chłodniczek», изменившимся затем на русской почве в «хладничек».

Но этого не могло быть по следующим причинам: во-первых, у польского слова «chłodniczek» нет ни одного значения, в котором оно могло бы быть употреблено в данном контексте;⁵⁵ во-вторых, слово «хладничек» могло прийти в ред. Т с польского языка только через ред. РД, как было показано выше. Во всех же известных нам списках РД стоит слово «лѣса». А если учесть точку зрения М. Мурко⁵⁶ и С. Пташицкого⁵⁷ о том, что перевод РД на русский язык был один, то можно с уверенностью предположить, что слова «хладничек» нет ни в одном списке РД.

Следовательно, оно возникло во второй русской редакции. Но каким образом могло появиться здесь слово, не существующее в русском языке и совершенно непонятное в данном контексте? Вопрос этот пока не решен. Предположим только, что в архетипе ред. Т на этом месте могло быть слово «кладничек», которое мы находим в одной из рукописей XVIII в. (ГИМ, Музейское собр., № 1043).

Таким образом, слова «Лучница» и «хладничек» не могут свидетельствовать о чешском источнике русской ред. Т уже потому, что их нет в чешских текстах, они появляются лишь во второй русской редакции.

Но в ред. Т есть одно слово, которое действительно может навести на мысль о чешском оригинале русской повести второй редакции, — слово «меч».

Оно встречается здесь в двух случаях: в сцене морской бури («. . . волнами море кораблем нача яко мечем играти», с. 12) и в сцене игры короля Алтыстратеса («Егда же Алтыстратес, играя мечем, из рук его испусти, тогда Аполлон скочи, подаде мечь благочинно кралю», с. 13). В русском тексте ред. РД и в том и в другом случае находим полонизм «пила» (из польского «piła» — «мяч»), тогда как в чешском стоит в этих местах слово «mieč» — «мяч».

Считая, что это слово ни в какой мере не может поколебать показанное выше взаимоотношение славянских текстов (чешский → польский → русская ред. РД → русская ред. Т), попытаемся объяснить происхождение слова «меч» в ред. Т.

⁵¹ Там же.

⁵² В словаре старочешского языка (J. Gebauer. Slovník staročeský. Praha, 1903—1906) ко второму значению слова — «lod'ka», «Floss», «Kahn» приводится пример как раз из нашей повести.

⁵³ M. B. Lindé. Słownik języka polskiego, t. 2. Lwów, 1858, s. 594.

⁵⁴ J. Polívka. Ještě slovo k románu o Apollonovi, králi Tyrském, s. 127.

⁵⁵ M. B. Lindé. Słownik języka polskiego, t. 1. Lwów, 1858, s. 245.

⁵⁶ M. Murko. Die russische Übersetzung des Apollonius von Tyrus. . . , S. 412—413.

⁵⁷ С. Л. Пташицкий. Средневековые западноевропейские повести. . . , с. 96—98.

Нам кажется в данном случае убедительной точка зрения Ю. Поливки. Он считает, что в том белорусском списке повести ред. РД, который послужил оригиналом для ред. Т, полонизм «пила» был уже заменен словом «мяч», переданным, в силу особенностей белорусской речи («я» безударного слога звучит в белорусском языке как гласная, близкая к «е»⁵⁸) словом «меч».

Ю. Поливка предполагает далее, что редактор Т просто перенес это слово в свой текст, оставив грубую ошибку. Трудно думать, — пишет он, — что русский книжник имел в виду меч, особенно в сцене морской бури.

Но с этим вряд ли можно согласиться. Автор текста Т при создании своей редакции вполне осознанно и целенаправленно исправлял различные недоразумения и ошибки ред. РД. Поэтому мы считаем, что слово «меч» было понято им как оружие и лишь поэтому оставлено в соответствующей форме (через «е»).

Подтверждает это рукопись ГИМ (Музейское собр., № 1043), в которой мы встречаем двоякое написание этого слова: в сцене морской бури переписчик догадался, что речь идет о мяче и написал это слово через «я». Но на то, что в оригинале этого списка стояло слово «меч» указывает пояснение переписчика: «. . . игралищем детским, сиречь мячем» (л. 39 об.).

Во втором же случае, в сцене игры в мяч Алтыстратеса со своими вельможами, он оставляет слово «меч», предполагая, что король играл оружием: «. . . король Алтыстрател, играя мечем и абие испусти его от рук своих» (л. 40). На то, что такое понимание редактором Т и последующими переписчиками слова «меч» вполне возможно, указывает рукопись ГБЛ, собр. Ундольского, № 912, в которой на месте слова «меч» стоит «кошь».

Итак, литературная история славянских текстов Повести об Аполлонии Тирском может быть представлена следующим образом: чешский текст → польский текст → русская ред. РД → русская ред. Т.

Чешский текст представляет собой редакцию, отличную от всех известных западноевропейских. Польская повесть, входящая в состав РД, — это перевод чешского текста с некоторыми отступлениями от него. Перевод повести на русский язык был сделан в составе РД с польского печатного текста, причем такого, который был ближе к чешскому, чем известные польские издания. Русская ред. Т, известная как отдельная повесть, восходит к ред. РД, отличаясь от последней главным образом более чистым русским языком и стилем изложения.

Н. Тихонравов, а вслед за ним и другие русские исследователи, предполагали для этой редакции чешский источник на основании имени «Лучница» и слова «хладничек», а также на основании языка повести, лишенного, по их мнению, полонизмов. Но полонизмы там все же есть, хотя их гораздо меньше, чем в ред. РД, и они менее заметны, так как осознаются полонизмами только в контексте. Слова же «Лучница» и «хладничек» не могут свидетельствовать о чешском источнике второй русской редакции уже потому, что они не встречаются в чешском тексте, а принадлежат только русской ред. Т.

Кроме того, о том, что русская ред. Т восходит к польскому (через РД), а не к чешскому тексту, говорят общие чтения польского и обоих русских текстов в отличие от чешского (в том числе и общие ошибки).

Перевод Повести с польского на русский язык был один. Об этом говорят многочисленные общие чтения (включая и общие ошибки) обеих русских редакций в отличие от польского текста.

Первичной была ред. РД. На это указывают переосмысления некоторых мест и пропуски в ред. Т именно в тех случаях, когда текст в РД непонятен, а также многочисленность полонизмов ред. РД, опущенных или замененных в ред. Т.

⁵⁸ Е. Ф. Карский. Обзор звуков и форм белорусской речи. М., 1885, с. 46.

Н. В. ПОНЫРКО

Стихиры Феодосию Васильеву

В сборнике Государственной Публичной библиотеки О.І.369¹ находится памятник, характеризуя который мы неизбежно должны будем обратиться к проблемам пародии и смеховой культуры в древнерусской литературе. Это «Стихиры» Феодосию Васильеву, принадлежащие поздней старообрядческой письменности. Исследователя не должно смущать то, что произведение датируется концом XVIII в. Известно, что словесность старообрядчества очень долго сохраняла и консервировала в себе традиции древнерусской литературы и развивалась по ее законам.

Если искать литературных уподоблений, то новый памятник следует поставить в один ряд с таким произведением, как «Служба кабаку». Так же как и в «Службе кабаку», автор здесь прикоснулся к литургическому жанру, соединив его с заведомо недостойным этого жанра объектом.

«Стихиры» написаны «в честь» основателя федосеевского старообрядческого согласия Феодосия Васильева. Автор их происходит из среды филипповского согласия, чем и объясняется его отрицательное отношение к «герою». Чтобы была понятна подоплека этого произведения, следует сказать несколько слов об исторической ситуации, его породившей.

Основное несогласие между двумя крупнейшими старообрядческими толками — поморским и федосеевским — сводилось к спору о так называемой «титле», надписи на кресте распятия. Поморцы обвиняли федосеевцев в том, что они пишут на «крестном древе» литеры И. Н. Ц. И. (что означает Иисус Назарянин, царь Иудей), в то время как по их мнению следовало писать Ц. С. И. Х. (Царь славы Иисус Христос).² Филипповцы в этом вопросе (как и во многих других) следовали поморскому согласию, отвлечением которого являлись.

Как показывает знакомство со старообрядческим рукописным наследием XVIII в., в 90-е годы столетия между представителями федосеевского и филипповского толков предпринимались шаги к примирению. Были написаны «Статьи»,³ где основные догмы Феодосия Васильева, в том числе и начертание И. Н. Ц. И., признавались его последователями «неправедными». Но в то же время федосеевцы не отказывались от почитания Феодосия Васильева и считали необходимым «законно помянуть» его имя, что, с точки зрения филипповцев, выглядело нелепо.

Все это и объясняет, почему для иронии над основателем федосеевского толка и его адептами была избрана форма стихир, якобы входящих в службу

¹ См.: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, с. 412.

² П. С. Смирнов. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909, с. 283—294.

³ ГПБ, О.І.369, л. 65—67 об.; ГПБ, Q.І.1083, л. 112—123 об.; ГПБ, Q.І.1089, л. 5—12 об.

святому. Как справедливо было замечено Б. А. Успенским, основной эффект иронии заключается в несовпадении позиции, с которой ведется повествование, и позиции оценки. «Автор говорит или действует от некоего лица, но само это лицо выступает не как субъект, а как объект оценки. . . Ирония тем самым предстает как специальный случай притворства автора».⁴

В нашем случае автор говорит от лица филипповцев, почитающих Феодосия Васильева за святого и поющих ему гимны. Но оценка «героя» производится с сугубо противоположной точки зрения.

О наш добрый пастырю!
Нетленные твоя мощи,
незаконное твое предание
и неизвестное твое дарование,
Феодосие, отче наш (л. 59 об.).

Автор передает слова федосеевцев, но вкладывает в их уста эпитеты («незаконное предание», «неизвестное дарование»), которые соответствуют не точке зрения федосеевцев, а его собственной оценке. Установленные этикетом эпитеты обращаются в свою противоположность, и в этом главный прием. Вообще смысл данной пародии или, правильнее сказать, стилизации (ибо пародируется не жанр, а событие) — в разрушении этикетной ситуации, выворачивании ее наизнанку. Прославляется тот, о ком заранее известно, что он недостоин прославления, поклоняются тому, что заведомо достойно поругания.

«Стихиры» Феодосию Васильеву — еще один памятник русской смеховой культуры.

Рукопись ГПБ, О.І.369 представляет собой ярко выраженный коллекционерский конволют; л. (56—62)+I составляют отдельную рукопись в 8-ку, на голубоватой бумаге; филигрань не просматривается; небрежная скоропись с элементами полуустава конца XVIII в. На л. I об. полууставом: «на стиховне стихиры святителем».

Текст публикуется по правилам, принятым в ТОДРЛ.

Сиде лепо есть глаголати и пети о Федосеевых от лица Филипповых,¹ л. 56
понеже они выправляют Федосеево новое учение.

Глас 1

Наша книги и колокола и ученые пономоря. —
Глаголют Федосеевы, —
и многоплетенная словеса,
и стружемья речи,
сельская философия,
загражающая учения христианская,
заглажающи предания отеческая
обличают филипповы. ||

О поминании Федосья и о учении его.

л. 56 об.

Глас 2

Глаголют Федосеевы согласники:
«Довлеет поминат(и) Федосея Васильевича,
учителя нашего, а не святителя,

⁴ Б. А. Успенский. Поэтика композиции. М., 1971, с. 166.

¹ Испр.; в ркп. Филипповых.

страдальца святого, и не мученика законного,
сыскавшего законы не христианския,
но четыре буквы никониянския,

Глас 3

уничжившаго учение и предание святых отец и святитель
и проповедник, ||

л. 57

купно с ними и учение отца Андрея Дионисьевича,
и вся Поморския и Соловецкия обители обычая.
О рачителю Федосее
и желателю вседушно раздора церковнаго!».

Глас 4

Феодосиян похвала.

«О наш добрый пастырю и учителю Феодосие,
ревнителю апостолом,
ты поревнова на апостольскую проповедь,
ты взыска законы, непреданныя церкви, ||
ты научи люди раздору церковному,
незнающия веры христианския
и ненавыкшия обычаем и учением отеческим.
ты пресъче пределы вечныя,
ты раздра ризу Спасову,
ты озлоби жену благочестивую,
ты возмути старицу святолепную
и претружденную от новолюбцев и досадителей
церковных.^а

л. 57 об.

К тебе бо оная сие вопияше:

л. 58

«Иди, иди, странниче, || путем своим
и не пытай вины плача моего,
иди и не стужай многоскорбней моей утробе,
ибо плачь мой неизреченен есть,
и печаль моя несказанна есть,
отиди от мене и не досаждай ми.

И ты еси от тех же досадителей,
иже словесы мя лобызают, а дела разграбляют,
иже приобщившися священной моей пастве
свински виноград мой последний поядают,
в дом мой || инога господина вводят,
а честь мою всю отъемлют.

л. 58 об.

Ты же, о Феодосие, в дом мой вести инога посрамился,
а на крест мой подписать не убоялся,
ризы моей разодрать не устыдился
и чад моих преступники еуангелия именовать научился,
и в далнюю страну отлучился,
и тамо свое учение распространить не обленился,
и на Андрея Дионисьевича возгородился,
и чадами своими распространился,

л. 59

^а В данном случае автор прибегает к литературному напоминанию. У выговского писателя Андрея Денисова есть сочинение «Слово плачевно о злостраданиих и скорбях церкви христовы», где церковь представлена в виде благочестивой старицы, плачущей о своих скорбях. От слов «Иди, иди странниче» и до слов «свински виноград мой последний поядают» идет цитата из сочинения Андрея Денисова (ГПБ, О.І.359, л. 174 об.).

и за свою проповедь пострадать потщался.
 О наш добрый пастырю,
 нетленные твоя мощи,
 незаконное твое предание
 и неизвестное твое дарование,
 Феодосие, отче наш,
 не отлучайся нас, своих овец, Федосее,
 богатое стадо твое и наследие вечное. ||

л. 59 об.

Глас 5

Помогай нам, отче Федосее,
 утверждать твое учение новое,
 твое бо есмы достояние,
 но погубихом твое предание —
 четыре буквы никонияньские.
 Запрещает бо нам содержати твое предание новое
 учение христианское.
 Но мы паки еще сие утверждаем,
 и похвалою || Христу нарицаем,
 и Пилатовым подписанием утверждаем.
 Аще и на крест не пишем,
 но всячески сие выправляем.
 Аще и закона твоя отлагаем,
 но учение твое приемлем и страдание почитаем.
 А филиповых проклинаем,
 понеже они отлучают от тебе, нашего пастыря,
 противные спорщики Филиповы.
 Они бо есть противны || твоему учению новому».

л. 60

л. 60 об.

Глас 6

О разуме Фед(осиеве).

О первобытное сие начертание святое Пилатово —
 «Исус Назарянин, царь иудейский!»
 Аще и писать тебя не изволяем,
 но святую Троицу в тебе заключаем
 и сыном Божиим именуем,
 не человечество показуем,
 но полную славою именуем
 и свято || лепным подписанием нарицаем,
 его же апостоли на крест не предаша
 и отцы поморские вознегодоваша,
 Игнатий да Андрей со ученики своими.

л. 61

Глас 7

Феодосиян похвала титлы.

О истинная Пилатова титла
 на первобытном кресте Христове,
 кто тя изринул писати на кресте
 и лишил нас тебе, титле, поклоняться ||
 И подражати своему учителю Феодосию,
 разве тии, не ведают кои святого писания
 из древних лет.

л. 61

Глас 8

Похвала четырем буквам ИНЦИ от лета 1666-го.

4. 62

Сия святоподобна титла пилатовой,
юже писал на кресте отец наш Феодосий Васильевич.
Сего || ради мы тя почитаем и ублажаем,
отче наш Феодосие,
понеже ты учитель наш великий и ревнитель крепкий,
возревнова преданием неслыханным,
отступи от учения латынского,
а взя с собою предание никониянское,
Феодосие, отче наш.

М. П. ЧЕРЕДНИКОВА

Древнерусские источники повести Н. С. Лескова «Очарованный странник»

Вопрос о древнерусских источниках произведений Н. С. Лескова не раз привлекал внимание исследователей. В частности, есть специальные работы, посвященные анализу лесковских легенд, написанных по сюжетам Пролога.¹ До сих пор считалось, что обработкой легенд из Пролога Лесков впервые занялся в 80-е годы, в то самое время, когда Л. Н. Толстой использовал этот древний источник для своих народных рассказов. Однако анализ повести «Очарованный странник» доказывает, что Лесков обратился к Прологу значительно раньше. Используя сюжетную канву патериковых легенд из Пролога, Лесков создает легенду о попики и митрополите Филарете, события которой истолкованы в духе народных легенд.

Никто из современников, читавших повесть, не обнаружил источника «дивной истории» о попики-запивашке, и сам писатель на него никогда не указывал. Это было сознательное умолчание. Известно, что духовная цензура настороженно встречала переделки произведений церковно-учительской литературы. Красноречивым свидетельством цензурной «опеки» является, например, письмо К. П. Победоносцева Е. М. Феоктистову от 28 мая 1888 г.: «В „Новом времени“ появилось известие, что Н. С. Лесков готовит к печати целую книгу рассказов, обделанных им из „Пролога“. Опасаюсь, как бы тут не было кривляний по книге, имеющей церковное значение. Прикажете — не признаете ли нужным? — присмотреть за этим кому следует».² Феоктистов незамедлительно ответил: «Относительно книги Лескова будьте спокойны. Приняты меры».³ Вполне понятно в связи с этим, что Лесков не хотел привлекать к повести «Очарованный странник» излишнее внимание цензоров из святейшего Синода и поэтому нигде не сослался на авторитетный религиозный источник.

В одном из своих писем Лесков писал: «О значении прологов надо бы сказать потверже. Пролога — не священная и даже не церковная книга, а отреченная, так сказать „отставная“. Притом там не все говорится о подвижниках, а часто подвижники говорят о „прилогах“, то есть о случаях, им известных, по-нашему — рассказывают друг другу анекдоты» (XI,

¹ См., например: В. Ю. Т р о и ц к и й. О художественном своеобразии легенд Н. С. Лескова, написанных по материалам Пролога. — Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1964, № 213; Н. Г. М и х а й л о в а. Творчество Лескова в связи с некоторыми образами народного эпоса. — Вестн. МГУ, 1966, Сер. X. Филология, № 3; М. П. Ч е р е д н и к о в а. Об источниках легенды Н. С. Лескова «Скоморох Памфалон». — В кн.: Русский фольклор, т. XIII. Русская народная проза. Л., 1972.

² Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову. — Лит. наследство, 1935, № 22—24, с. 534.

³ Там же.

451).⁴ Таким образом, Пролог интересен Лескову прежде всего тем, что это книга «отставная» и в ней отразились неканонические представления людей о вере. Иначе, чем Лесков, смотрел на этот источник Л. Н. Толстой, который писал о чтении Четьи Миней и Пролога: «Исключая чудеса, смотря на них как на фабулу, выражающую мысль, чтение это открывало мне смысл жизни».⁵ Ссылаясь в своих письмах на ту или иную легенду из Пролога, Толстой, как правило, подчеркивает аллегорический смысл древнего сюжета.⁶ Не случайно из лесковских легенд Толстому больше всего нравилась «Прекрасная Аза» — легенда, в которой Лесков сознательно не отступил от источников, так как намеревался поместить ее в обозрении «под числом», когда о ней читается в Прологе.⁷

В высказываниях Лескова нет и тени того благоговения, которое характерно для толстовских упоминаний о Прологе. «Я с удовольствием говорю, что сделал дело трудное и полезное для литературы, — пишет Лесков А. С. Суворину. — Пролог — хлам, но в этом хламе есть картины, каких не выдумаешь. Я их покажу все, и другому в Прологе ничего искать не останется» (XI, 362). В отличие от Толстого, Лесков находил в Прологе не «знание веры» и «истину», а великолепный источник «картин», т. е. сюжетов, которые с успехом могли быть использованы в новейшей литературе. С точки зрения Лескова, именно «фабула» проложных легенд («прилоги») и представляет наибольший интерес. «Какие есть сюжеты в благочестивых византийских сказаниях!» — с восторгом пишет он в одном из своих писем (XI, 338). По свидетельству Лескова, Толстой после чтения его легенд говорил: «„Зачем очень хорошо написано? Это заставляет обращать внимание на художество, красоту и закрывает суть“ (т. е. дело)».⁸

Лесков убежден в обратном: он считает, что сами по себе «прилоги» в изложении, соответствующем оригиналу, вовсе не имеют смысла. «Тема Пролога, — пишет он, — не обязательна к точному ее воспроизведению. Тема как тема, а я могу из нее сделать, что нахожу возможным. Иначе на что бы ее и переделывать, а надо бы брать ее просто и перепечатывать... И вышло бы просто и глупо, как сам Пролог» (XI, 517). По поводу критиков, упрекавших его в фальсификации древнерусского первоисточника, Лесков писал В. А. Гольцеву: «Эти господа все не хотят понять, что мы совсем не желаем поддерживать их православие и воспроизводить отреченные сказания во всей их бессмысленной точности».⁹ Старинная легенда, как правило, давала толчок творческому воображению писателя, и на основе древнерусского сюжета создавалось новое оригинальное произведение, приобретавшее под пером Лескова актуальность и злободневность. Так была написана и «дивная история» «Очарованного странника». Мы попытаемся проследить, каков характер переосмысления древнерусского первоисточника в легенде о попики и митрополите Филарете.

История попики-запивашки — единственный фрагмент в повести, не затрагивающий событий, так или иначе связанных с биографией героя-рассказчика. Эта история предшествует рассказу Ивана Северьяныча

⁴ Все цитаты из произведений Лескова даны по изданию: Н. С. Л е с к о в. Собр. соч. в 11-ти тт. М., 1956—1968 (далее в скобках римской цифрой — тома, арабской — страницы).

⁵ Л. Н. Т о л с т о й. Полн. собр. соч., серия I, т. 23. М., 1956, с. 52.

⁶ См., например: Л. Н. Т о л с т о й. Полн. собр. соч., серия II, т. 65. М., 1953, с. 111; т. 66. М., 1953, с. 182.

⁷ Письма русских писателей к А. С. Суворину. Л., 1927, с. 69.

⁸ Там же.

⁹ Н. С. Л е с к о в. Письмо В. А. Гольцеву от 19 октября 1893 года. — В кн.: Памяти Виктора Александровича Гольцева. Под ред. А. А. Кизеветтера. М., 1910, с. 251.

Флягина о его нелегкой жизни. Поводом для первого рассказа Ивана Северьяныча послужил разговор его случайных спутников о самоубийцах. Это любимая Лесковым «форма рассказа о том, что „было“, приводимое „кстати“ (à propos)» (XI, 569). Когда один из собеседников с уверенностью сказал, что самоубийцы «целый век будут мучиться. За них даже и молиться никто не может» (IV, 386), молчавший до сих пор герой возразил ему: «Есть такой человек, который все их положение самым легким манером очень просто может поправить» (IV, 387). По просьбе всех присутствующих Иван Северьяныч рассказывает «дивную историю». Митрополиту Филарету было написано «донесение» на некоего попа московской епархии. «Один благочинный» писал, что «этот попик ужасная пьяница, — пьет вино и в приходе не годится» (IV, 388). Митрополит, вызвав попа в Москву, решил, что быть ему за его пьянство «без места» (IV, 388). Участь попа-пьяницы была бы решена, если бы не чудесное вмешательство святого Сергия. В центре рассказа — явление святого Сергия спящему митрополиту Филарету. Сергий повелевает «явить милость» наказанному попику.

Все основные мотивы, составляющие этот рассказ (донос на какого-то священника вышестоящему духовному лицу, вызов обвиняемого в центр епархии с последующим наказанием, явление святого или ангела, приходящего на помощь наказанному), почти в точности воспроизводит сюжетную схему патериковых легенд о невинно оклеветанных иереях. В состав Пролога вошли две таких легенды. В записной книжке Лескова, хранящейся в ЦГАЛИ, выписано название одной из них.¹⁰

В легенде Пролога от 8 декабря рассказывается о том, как «некий поп оболган бысть к епископу. И, не испытав о нем епископ, послав его от села, и предаде ѱ в темницу». «В нощи явился» ангел и вывел затворника из темницы, чтобы оклеветанный пресвитер смог совершить литургию в своей церкви. На вторую ночь ангел снова привел попа к месту заточения «и посади ѱ в темнице, не ведущу темничному стражу». Узнавший о случившемся епископ «ужасся» и «отпусти попа с миром, и много казни обидившаго ѱ». В этой легенде наказанный поп — оклеветанный праведник. Вмешательство ангела помогает установить ложность доноса и восстанавливает справедливость.

В другой легенде («Слово об епископе, оболганнем к папе римскому» — Пролог, 8 января) некто написал донос «к блаженному папе римску» на епископа града Румула, «яко на блюде священе есть». На основании этого доноса епископ был приведен в Рим и посажен в темницу. Однажды папа «виде в сне некого глаголюща к нему, яко в сию неделю не проскумисаи». «Некто» приказывает, чтобы папа поручил сотворить проскомидию заключенному в темницу епископу. Папа сомневается в «духоводительности» видения: «. . . возбудив же папа, недоумяше в сне, его же видя, глаголя в себе: „Такову клевету слышах о нем, то сему ли е проскумисати?“». Голос, повелевающий поручить совершение службы на святой неделе наказанному епископу, повторяется трижды. Только после этого папа следует повелению. Во время совершения проскомидии оболганный епископ просит отступить от алтаря оклеветавшего его дьякона, «яко не видех по обычаю святаго духа пришествия». Папа повелевает исполнить волю епископа, и тогда все присутствующие на литургии священники видят, как сама по себе поднимается алтарная завеса и «покры папу и епископа и вся диаконы». Так доказывается праведность оклеветанного епископа.

¹⁰ Янв. 8. Слово об епископе, оболганном пред папою. — ЦГАЛИ, архив Н. С. Лескова, ф. 275, оп. 1, № 113. Записная книжка № 4, л. 5.

Таким образом, сюжет «дивной истории», рассказанной лесковским героем, предельно близок сюжету патериковых легенд о невинно оклеветанных иереях. Однако традиционные мотивы получают в рассказе Ивана Северьяныча своеобразное и далеко не традиционное толкование.

«Донесение» митрополиту Филарету в легенде о попики-запивашке формально справедливо. Греховность попики первоначально не подвергается сомнению. Филарет в отличие от епископа патериковой легенды сам убеждается в виновности «слабого» иерея. Лесковский герой так рассказывает об этом: «Владыко < . . . > посмотрели на него и видят, что действительно этот попик запивашка» (IV, 388). Явление святого Сергия, защищающего пьяницу, вызывает у митрополита сомнение. Владыка, так же как папа патериковой легенды, не знает, «к чему это причесть: простой это сон, или мечтание, или духоводительное видение?» (IV, 388—389). Он тоже принимает видение за простой сон, так как не может поверить, что св. Сергий счел нужным вступить за жалкого пьянчужку. В соответствии с легендой Пролога об оболганном епископе владыке дается новое видение, подвергающее его в большое смятение: «. . . грохот. . . такой страшный грохот, что ничем его невозможно выразить. . . Скачут. . . числа им нет, сколько рыцарей. . . несутся, все в зеленом убранстве, латы и перья, и кони, что львы, вороны, а впереди их горделивый стратопедарх в таком же уборе, и куда поманет темным знаменем, туда все и скачут, и на знамени змей. Владыко не знают к чему этот поезд, а оный горделивец командует: „Терзайте, — говорит, — их: теперь нет их молитвенника“, — и проскакал мимо; а за сим стратопедархом — его воины, а за ними, как стая весенних гусей тощих, потянулись скучные тени, и все кивают владыке грустно и жалостно, и все сквозь плач тихо стонут: „Отпусти его! — он один за нас молится“» (IV, 389). Так в рассказ Ивана Северьяныча вводится один из древних житийных мотивов — борьба бесов за души грешников.

Бесы, обступающие грешную душу, изображаются в житиях и патериках страшным воинством. Они появляются «топот велик творяше». Рядом с «множеством эфиоп» — сам сатана, наводящий ужас на несчастного грешника, «нечистый демон, имея очи яко дивовы, страх творяше зрящему на него» (Пролог, 15 октября). Иногда грешника спасает предсмертное раскаяние и слезная молитва, обращенная к богу.¹¹

В таком случае бесы оказываются бессильными, а ангелы торжествуют и славят праведный и милосердный божий суд. Когда прегрешения умерших особенно тяжелы, спасти грешные души может только заступничество какого-нибудь святого. Он обращается с молитвой к богу и просит помиловать несчастного. Например, Андрей не только молит господу о снисхождении к грешнику, но и «плакася горько, донележе немочи нача, яко от плача многа опухли беста ему очи» (Пролог, 15 октября).

Смысл видения в рассказе Ивана Северьяныча становится понятным тогда, когда провинившийся попик признается митрополиту в том, что он молится «за без покаяния скончавшихся и руки на ся наложивших» (IV, 389). Он и есть тот заступник, который доброй своей молитвой спасает души грешников. Причину своей необычной молитвы поп объясняет собственной душевной слабостью и греховной мыслью «жизни себя лишить» (IV, 389). «Ну, тут владыко и поняли, что то за тени пред ним в видении, как тощие гуси, плыли, и не восхотели радовать тех демонов, что впереди их спешили с губительством, и благословили попику: «Ступай, — изволили сказать, — и к тому не согрешай, а за кого молился — молись»

¹¹ См., например, «Слово святого отца Нифонта, како в последнем издыхании покаянием и слезами и милостынею угодити богу» (Пролог, 29 октября).

(IV, 389). Интересно, что лесковский попик обращается со своей молитвой к богу во время святой проскомидии, т. е. во время той же службы, при совершении которой было доказано праведничество оболганного епископа в патериковой легенде.

Поп и епископ в легендах Пролога — безгрешные праведники. Обвинения, которые против них выдвигаются, — ложь и клевета. Смысл легенд — в разоблачении лжи и наказании клеветников. В отличие от героев патериковых легенд московский попик никем не оклеветан. Он действительно «ужасная пьяница», и сам сознает свой грех. Более того, «слабость душевную имея», попик-запивашка приходит к греховной мысли «жизни себя лишить». Таким образом, герой рассказа Ивана Северьяныча грешен вдвойне. Церковно-дидактические поучения из века в век повторяли: «Пианицы царства небесного не наследят». Согласно с традициями церковной литературы, человек, повинный в пьянстве, тем более священник, должен быть наказан. С этой точки зрения, решение митрополита Филарета вполне справедливо. Однако в истории, рассказанной Иваном Северьянычем, выражается представление о греховности и праведничестве, прямо противоположное церковному канону. Праведником в лесковской легенде оказывается «прегорчающий пьяница» — несчастный и жалкий попик. В связи с этим для нас интересен тот факт, что в Прологе есть апокрифическая легенда, герой которой (в том же противоречии с церковным каноном) — пьяница, ставший святым. Доказательством того, что эта легенда могла послужить косвенным источником «дивной истории», является тот факт, что Лесков при работе над Прологом обратил на нее особое внимание, выписав ее название в свою записную книжку.¹²

Герой легенды жил во времена царя Диоклетиана и был рабом некоей римлянки. Звали его Вонифатий. «Бяше же и пианица, но милостив бе и страннолюбив» (Пролог, 19 декабря). Однажды госпожа приказала ему отправиться на Восток и принести ей мощи святых, «да имамы сих на помощь и на спасение душевное. Вонифатий же, засмеявся, рече: „Да аще принесут мое тело, примеш ли е?“». Она же возсмеявхися и пианицу того нарекши». Римлянка этой легенды реагирует на слова своего раба в соответствии с догматическими представлениями о том, что пьяница не может стать святым. Однако Вонифатий, попав к язычникам, добровольно открывается им, как это делали многие первохристиане. Он подвергается страшным мучениям и погибает. Кончается легенда тем, что госпоже Вонифатия вместо мощей святых приносят его тело, и она строит церковь во имя нового святого — мученика Вонифатия.

Другим косвенным источником лесковской легенды о попике-запивашке могла быть и «Повесть о бражнике», герой которой тоже повинен в пьянстве.¹³ В повести XVII в., также в противоречии с известными традициями церковной литературы, бражник удостоивается «царства небесного». В связи с анализом «Очарованного странника» для нас особенно важно то, что святые, с которым разговаривает «бражник», гонят его от врат рая, считая, что он недостойн стоять рядом с ними. Но герой древнерусской сатирической повести доказывает, что его грех ничтожен по сравнению с грехами самих канонизированных праведников.

В лесковской повести попика-пьяницу осуждает и наказывает митрополит Филарет, из-за которого «запивашка» остался без места. Наказан-

¹² Дек. 19. Вонифатий-пьяница. — ЦГАЛИ, арх. Н. С. Лескова, ф. 275, оп. 1, № 113. Записная книжка № 4, л. 4.

¹³ Текст «Повести о бражнике» см. в кн.: Русская демократическая сатира XVII века. Подгот. текстов и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954, с. 107—109.

ного попа мучает мысль о том, что он лишил свою семью средств к существованию. Доброта грешного попаика с его тайной молитвой за самоубийц противопоставляется официальному благочестию Филарета Дроздова. Не случайно на вопрос митрополита: «Что же твоей чистоте угодно от моего недостойнства?» — Сергей отвечает: «Милости хочу» (IV, 388). Ответ Сергея в лесковской легенде — неполная библейская цитата: «Милости хочу, а не жертвы» (Кн. Осии, VI, 6). Эту цитату произносит Христос, когда фарисеи упрекают его в том, что он ест и пьет с мытарями и грешниками (Матф., IX, 13). Показное благочестие Филарета так же далеко от истинного милосердия, как внешнее благочестие евангельских фарисеев и «святых отцов» из «Повести о бражнике». В связи с этим традиционный агиографический и патериковый мотив сомнения в святости видения приобретает новый смысл. Иван Северьяныч так рассказывает о реакции «его высокопреосвященства» на первое видение: «И стали они размышлять и, как муж ума во всем свете именитого, находят, что это простой сон, потому что статочное ли дело, что святой Сергей, постного и доброго, строгого жития блюститель, ходатайствовал об иерее слабом, творящем житие с небрежением» (IV, 389). Возвышенность книжной церковной лексики в этой части рассказа переходит в плоскость иронического осмысления, а потому и весь рассказ пронизан скрытой иронией над «мужем ума во всем свете именитого», который в конечном итоге посрамлен великодушием «иерея слабого, творящего житие с небрежением». Недаром именно это место вызвало особое неудовольствие Каткова, который считал, что печатать повесть «неудобно» прежде всего из-за эпизода о Филарете и св. Сергии.¹⁴

Образ владыки Филарета, «великий дух» которого повергнут в смятение божественным видением, невольно ассоциировался в памяти читателя с реальной фигурой Филарета Дроздова, прославившегося мракобесием и жестокостью. Про него в Москве сложилась поговорка: «Владыка за трапезой пескарика скушает, а целым полом закусывает».¹⁵ Слова «муж ума во всем свете именитого» не могли не вызвать иронической улыбки при воспоминании о деяниях «лихой памяти митрополита Филарета» (XI, 584).

В известной статье «Жития как литературный источник» Лесков с восхищением писал об обработке старинных сказаний Флобером в «Иродиаде» и в «Искушениях святого Антония»: «Это буквально был вспрыск свежей струи из-под седого, мхом обросшего камня. Одни сравнения Иоанна с придворными проповедниками нашего времени как ожгли глаза всем, кто захотел в это всмотреться».¹⁶ Такого рода сравнения возникали и при чтении лесковских легенд из Пролога. Недаром они «жгли глаза» цензорам из Синода, которые предпочитали их «к напечатанию не дозволять».¹⁷ В архиве Лескова (ЦГАЛИ) хранится доклад цензора духовного цензурного комитета Свитковского от 30 апреля 1886 г. В докладе речь идет о «Повести о богоугодном дровосеке» Лескова и «Сказании о гордом Агее» Гаршина. Авторам вменяется в вину то, что в их переделках «невежественный мужик, занятый своим трудом, выставляется человеком, стоящим ближе к богу, чем какой-нибудь епископ или царь».¹⁸ В заключении цензор пишет: «Так как оба рассказа Лескова и Гаршина в отдельном

¹⁴ А. Н. Л е с к о в. Жизнь Николая Лескова по его личным и семейным памяткам и записям. М., 1956, с. 296.

¹⁵ С. У м а н е ц. Мозаика. — Ист. вестн., СПб., 1912, декабрь, с. 1054.

¹⁶ Н. С. Л е с к о в. Жития как литературный источник. — Новое время, СПб., 1882, № 2323, 17 августа.

¹⁷ ЦГАЛИ, арх. Н. С. Лескова, ф. 275, оп. 1, № 340, л. 18.

¹⁸ Там же.

издании составят едва несколько страниц, то ясно, что как по содержанию, так и по объему своему они назначены для обращения между простым народом. В этой малообразованной среде содержание их может быть, без всякого сомнения, понято и истолковано в ущерб значению как царской власти, так и церковной иерархии и питать мысли, клонящиеся к унижению их достоинства».¹⁹

Таким образом, Катков проявил достаточную «дальновидность», самостоятельно, без предупреждения Победоносцева поняв «опасную» тенденциозность легенды о попике-запивашке и митрополите Филарете. В первом рассказе героя повести «Очарованный странник» выразилось недвусмысленное отношение Лескова к известному церковному иерарху. Вместе с тем по заключительной фразе этого рассказа можно судить и о том, как оценивает события «дивной истории» сам рассказчик: «Этакий человек (имеется в виду попик-пьяница, — М. Ч.) всегда таковым людям, что жизни борения не переносят, может быть полезен, ибо он уже от дерзости своего призвания не отступит и все будет за них создателю докучать, и тот должен будет их простить» (IV, 389). Этот вывод удивляет слушателей, и поэтому Ивану Северьянычу сразу задают вопрос: «Почему же „должен“?».²⁰ Ответ рассказчика еще в большей степени проясняет его отношение к лицам и событиям необычной истории. Свое толкование рассказа лесковский герой объясняет таким образом: «А потому что „толцтыся“, ведь это от него же самого повелено, так ведь уже это не переменится же-с» (IV, 390).

В доказательство своей правоты Иван Северьяныч ссылается на евангельский текст, напоминая слушателям цитату из нагорной проповеди Христа: «Толцтыся и отверзется вам, просите и дастся вам, ищите и обрящете» (Матф., VII, 7, 8). В понимании этого текста Иваном Северьянычем выражается наивная народная вера в милосердного бога, который не оставит без ответа просьбу самого последнего грешника за несчастных братьев своих и «должен будет их простить».

По народным представлениям, которые нашли свое выражение в многочисленных легендах о святых, грешнику открывается путь к праведничеству, если он, отказавшись от своих эгоистических побуждений, посвящает себя служению людям. Действенная помощь ближнему, сострадание и участие рассматриваются в народных легендах как служение богу. Согласно с этими представлениями, грешный попик-запивашка из рассказа Ивана Северьяныча становится праведным, как только находит выход из своего несчастья в готовности помочь страдальцам, взявшим на душу смертный грех самоубийства. Его тайная молитва ставит его в один ряд со святыми, голоса которых доходят до слуха господя. Так же, как Христос отвечает милосердием на мольбы Богородицы и святых в известной апокрифической легенде «Хождение Богородицы по мукам», так, по мнению Ивана Северьяныча, бог должен будет ответить прощением самоубийц и на молитвы попика из московской епархии. Московский священник не просто молится за грешников, но в этих молитвах находит свое призвание и даже не страшится «докучать» создателю, как это делает в упомянутой легенде Богоматерь, к повторным молитвам которой присоединяются ангелы и святые. Так в первом рассказе героя выражается своеобразный символ веры очарованного странника — его понимание милосердия и праведничества, столь далекое от канонического, церковного понимания.

¹⁹ Там же.

²⁰ Курсив Н. С. Лескова.

Смысл «рассказа кстати», — писал Лесков, — отметить «такие явления, по которым видно время и веяние жизненных направлений массы» (IX, 569). Без выполнения этого условия «а прогос» обратится «в карикатуру» (IX, 556).

Мы имели возможность убедиться в том, что в легенде о попике-запивашке, написанной по сюжетной канве «прилогов» о невинно оклеветанных иереях, это требование неукоснительно соблюдается. В первом рассказе Ивана Северьяныча отмечено существенное явление времени, которое характеризуется фарисейским благочестием неправедных «князей церкви», подобных Филарету Дроздову. Это было первое выступление Лескова, направленное против московского митрополита, совмещавшего в себе, по выражению Герцена, «белый клобук с жандармским аксельбантом».²¹

С другой стороны, в легенде о попике-пьянице выразилось народное понимание праведничества и милосердия, которое противопоставляется отвлеченной идее древнерусского первоисточника. Согласно этому пониманию, нравственным оправданием человеку служит не пассивная безгрешность, а стремление принести пользу слабым и страждущим людям, «что жизни борения не переносят». Это, по мысли Лескова, была одна из важных «истин, лежащих в природе духа и сердца» русского человека (X, 342).

«Жизненное направление массы» в лесковской легенде противопоставлялось не только идее первоисточника, но и представлениям митрополита Филарета. Это — факт тем более важный, что в своем знаменитом катехизисе, оправдывающем крепостное право и телесные наказания, «владыко» осуждает. . . «неправильную» народность в литературе. Об этом Лесков напишет спустя 10 лет после выхода в свет «Очарованного странника» в статье «Оживленная память», которая будет напечатана только после революции.²² Писатель дословно цитирует высказывания «мужа ума во всем свете именитого». «С некоторого времени, — пишет Филарет, — в области русского слова распространяется род безначалия, невнимания к принятым прежде правилам, — под видом народности и общепонятности развивается направление не к народности чистой, благородной, правильной, но к простонародности смешанной, низкой, бесправильной».²³ Под народностью «правильной» следует, конечно, разуметь верность знаменитому уваровскому триединству: «православие, самодержавие, народность». Как бы в ответ на сетования митрополита-мракобеса в повести Лескова звучит утверждение народных представлений о нравственном подвиге человека как единственно правильных и разумных.

Так отвлеченный проложный сюжет наполняется конкретным злободневным содержанием. А «рассказ кстати» приобретает далеко не случайное значение в повести, которая посвящена осмыслению призвания русского человека из народной среды. История попика-запивашки непосредственно соотносится с судьбой главного героя «Очарованного странника». Иван Северьяныч, так же как и московский попик, подвергается «искушениям пьяного беса» и страдает тяжкими запоями. Но именно он, предчувствуя угрожающую Родине опасность, плачет и молится «за народ свой русский» (IV, 511—512). Подобно попику «дивной истории», он обращается с молитвой к богу, но его молитва — предстательство перед господом не за близких грешников, а за спасение Родины от «всякого

²¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти тт., т. XIV. М., 1958, с. 82.

²² Н. Лесков. Оживленная память. (Государственное учение Филарета, митрополита Московского). — Антирелигиозник, М., 1939, № 6.

²³ Там же, с. 35.

врага и супостата» (IV, 512). Так Лесков создает в повести образы предстоящих, канонизация которых не могла входить в планы святейшего Синода.

С другой стороны, место, которое занимает в сюжете повести «дивная история» (первый рассказ героя), имеет тонкую психологическую мотивировку в свете всего содержания «Очарованного странника». Рассказ о попике для Ивана Северьяныча — не книжная история, а случай, достоверность которого подтверждается всеобщей устной молитвой. «Помилуйте-с, — говорит он, — это не я один знаю, а все в московском округе про то знают» (IV, 387).

Уверенность в достоверности рассказа очень важна для лесковского героя. Вмешательство Ивана Северьяныча в общий разговор вызвано не его словоохотливостью, а причиной глубокой и принципиально важной для рассказчика. Он молчит до тех пор, пока речь не заходит о судьбе самоубийц. Для Ивана Северьяныча это не просто тема для разговора, а один из самых главных, жизненно важных вопросов. После трагической смерти цыганки Груши лесковский герой живет в постоянном беспокойстве: «Думаю только одно, что Грушина душа теперь погибшая и моя обязанность за нее отстрадать и ее из ада выручить» (IV, 498). Формально Груша — грешница из числа «руки на ся наложивших». Но те муки и страдания, которые привели ее к гибели, должны, с точки зрения Ивана Северьяныча, оправдать ее и снискать милосердие божие вопреки всем догматам официальной церкви. Мысль об этом не покидает героя с момента смерти Груши, поэтому для него так важен рассказ о человеке, который нашел свое призвание в молитве о спасении грешных душ. Уверенность в достоверности этого рассказа позволяет Ивану Северьянычу думать о том, что спасена и душа несчастной цыганки. Таким образом, разговор пассажиров коснулся темы, на которую не мог не откликнуться лесковский герой. Для самого Ивана Северьяныча первая история — едва ли не самая важная из всех, рассказанных им в этот день. В связи с этим становится понятным, почему легенда о попике и митрополите Филарете предшествует всем остальным рассказам героя.

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. И. Малышева)

Н. В. ПОНЫРКО

Находки в Тарногском районе Вологодской области

Вологодская экспедиция 1975 г. обследовала Тарногский район: Верховский, Верхне-Спасский и Заборский сельсоветы. Здесь, как и в прошлом году, основные книжные приобретения были сделаны у потомков старообрядцев. В Вологодском крае их остается все меньше, вместе с ними теряются и следы древних книг, крестьянских библиотек, которых, по воспоминаниям старожилов, еще в послевоенное время было довольно много, почти в каждом старообрядческом доме. Теперь только две-три старушки из деревни блюдут правила старой веры и книги сохраняют «самые необходимые» — чин погребения, помянник. Другие же книги либо давно уже собраны (мне приходилось писать в прошлогоднем отчете о полувековом собирательстве, которое вел в Тарногском районе Ф. А. Калинин), либо погибли по разным причинам.

Мне хочется особенно поблагодарить Авдотью Михайловну Армееву, Марию Всеволодовну Силинскую, Ольгу Ивановну Девятковскую, помогавших мне в поисках рукописной старины в Тарногском районе.

Авдотья Михайловна Армеева живет в деревне Цыбуниха Верховского сельсовета. В старину Верховье было почти сплошь старообрядческим краем. В начале века здесь нашли себе приют два старообрядческих толка: филипповский и федосеевский. Оба согласия резко отмежевались друг от друга и осознали себя как нечто самостоятельное и особое и в области догматики, и в области собственной истории. Теперь никакой границы не существует, как не существует и того, что можно было бы назвать согласием, общиной. Есть еще старушки, хранящие свою веру и соединенные этим воедино. Они собираются из разных деревень, когда нужно похоронить свою подругу. У каждой старообрядки найдешь рукописный канон за единоумершего, чин погребения. Иногда это список конца XVIII в., иногда — школьная тетрадка, исписанная лиловыми буквами. Редкие «четыре» рукописи хранятся на повети, их уже никто не читает.

В деревнях Верховья мною были приобретены следующие рукописи: часовник первой четверти XVII в., очень плохой сохранности; лицевая рукопись последней четверти XIX в., Мучение Кирика и Улиты. Миниатюры этой рукописи, судя по манере исполнения, представляют, очевидно, работу местного изографа. Затем каноник XIX в., часовник XIX в., сборник XIX в. со словами о поминовении родителей, о страшном суде, статья об ангельских чинах, Сказание о чуде Георгия о змие, сборник XIX в. в 16-ю долю листа, писанный каллиграфическим почерком. В него входит статья, посвященная сравнению бога и дьявола и Сон Богородицы.

Кроме того, найдены сборник-конволют XIX—XX вв. В нем: вопросы и ответы типа Беседы трех святителей; толкование о кадиле, о лестовке, о чинах ангельских; молитва архангелу Михаилу; хронологические сведения о Христе и Богородице, стих о Борисе и Глебе, апокрифическое

сказание, «какo претерпе Христос господь вольное страдание», отрывки из «Пчелы», Снов Шахаиши; выписки из Евангелия, Катехизиса и другие статьи. Пролог сентябрьской четверти датируется 1930 г. и писан рукой «раба божия Гавриила».

Приобретены также сборник старообрядческий начала XX в., содержащий Азбучный патерик, выписки из Требника, Кормчей, слов Иосифа Волоцкого, Кирилловой книги, творений отцов церкви на тему о еретиках, перекрещивании, священстве, «титле», каждении; сборник, писанный в 1968 г. Натальей Дормидонтовной Глушовой и подаренный ею Древлехранилищу. Он содержит вопросы и ответы типа Беседы трех святителей и статьи, переписанные из Пролога или пересказывающие Пролог: страдания Увара, Улиана, Улиании-девы и статья о Вассе и Петре.

Зоя Ивановна Деятовская помогала мне при поисках книг в деревнях Заборья. Восьмидесятилетняя старушка неумоимо путешествовала вместе со мной, рекомендуя меня своим друзьям-старообрядцам.

В деревнях Тюребери — так называется гнездо деревень, одна из которых была родиной Ф. А. Каликина, — главной моей помощницей была Мария Всеволодовна Силинская. Большинство рукописей приобретены мною здесь благодаря ее заботам и советам. Мария Всеволодовна подарила Древлехранилищу сборник стихов — рукопись конца XVIII в., в которой среди прочего материала отрывок стиха о патриархе Никоне, приписываемого протопопу Аввакуму. От нее получен также обиход первой четверти XIX в. и сборник 90-х годов XIX в., содержащий отрывок из Хронографа, выписки из «Альфы и Омеги», «Пчелы»; Слово Максима Грека о плачущей жене и преходнике; толкование Максимом Греком 102-го псалма; Прение Живота и Смерти; притчу из Повести о Варлааме и Иоасафе и ряд слов из Пролога.

Перечислю далее другие находки этого года: Поморские ответы, рукопись первой четверти XIX в., Паренесис Ефрема Сирина XIX в., сборник середины XIX в., содержащий Слово инока Захарии ко ученику своему о Антихристе (из Старчества), слово из патерика «о первых мнисех и о нынешних», сказание о детях служащих; месяцеслов второй половины XIX в.; сборник последней четверти XIX в. с тропарями, кондаками общими и каноном-молебном за творящих милостыню; стостатейник, принадлежащий странническому согласию, и соборное постановление старообрядческого собора, бывшего в Москве в 1860 г.; сборник последней четверти XIX в., имеющий Слово о восприемниках Симеона Фессалоникийского, повесть из Синайского патерика о старце, прельщенном мясом, повесть о мнисе, впадшем в любодеяние и не отчаявшемся, хронологические сведения об Иисусе Христе и Богородице; помявник XIX—XX вв., ведшийся от 1896 до 1935 г. (среди поминаемых специально выделены «вологодские христиане», есть, кроме того, черевковские, астраханские, кимрские); сборник кондаков отдельным праздникам и святым. Любопытен настенный лист, рисованный в конце XIX в. На нем изображены в красках 3 лица, центральное из которых «истинно» осеняет себя крестным знамением, двое же других — «неистинно». Под рисунком помещено слово из Стоглава о крестном знамении и поясняющие надписи.

Всего из Тарногского района в 1975 г. привезено 30 рукописей XVII—XX вв. Осталось сказать о старопечатных книгах. Их разыскано 7. Все они Иосифовой или Иосафовой печати. Это: Минея общая. Киев, 1628; Триодь постная. М., 1635; Трефологион, ч. II. М., 1638; Трефологион, ч. IV. М., 1638; Минея служебная, сентябрь. М., 1644; Апостол. М., 1648; Шестоднев. М., 1650. Все старопечатные книги поступили в Научную библиотеку им. А. М. Горького Ленинградского университета. На доставленные рукописные книги составлено краткое описание.

В. П. БУДАРАГИН

Пополнение Северодвинского собрания

В июне 1975 г. автор статьи и И. И. Гумницкий продолжили археографическое обследование Верхнетоемского и Виноградовского районов Архангельской области. Первым пунктом нашего маршрута стало с. Нижняя Тойма. Места уже знакомые, есть и конкретные адреса. Прежде других навещаем Анну Григорьевну и Ивана Андреевича Третьяковых. Здесь сохранялся на протяжении 40 лет архив замечательного нижнетоемского художника и умельца Василия Ивановича Третьякова. Основные материалы были переданы нам ранее, но трудно было расстаться Анне Григорьевне с лицевыми Страстями Христовыми, переписанными и проиллюстрированными Василием Ивановичем еще в начале нашего века. Он сам и переплел эту книгу. И все-таки «на пользу людям» книга была подарена в этом году Древлехранилищу. Это — один из лучших образцов северодвинской книжной миниатюры конца XIX—начала XX в.

Дополнительно передала нам хозяйка гектографированное издание конца XIX в., содержащее слова Спиридона Потемкина, епистолию дьякона Федора к некоему Иоанну, послание Андрея Плещеева к протопопу Аввакуму и ответное послание Аввакума.

Из других нижнетоемских находок можно отметить сборник духовных стихов конца XIX в. со стихами о потопе, о юности (2 варианта), о пустыни (один стих в местной переработке), об Адаме, стихом Иоасафа-царевича, и др.; сборную рукопись последней трети XIX—начала XX в., содержащую Сравнение дел бога и дьявола, праздничные стихиры — благовещению, сошествию во ад, воскресению — и стих о грешниках (на крюках), стих об Алексее человеке божьем, о втором пришествии и проч.; два списка Устава о христианском житии и отрывок Псалтыри с изображением царя Давида 60—70-х годов XIX века.

В дальней нижнетоемской деревне Прилук мы с сожалением узнали о смерти нашей давней знакомой М. И. Сенчуковой. Часть ее довольно значительного по нынешним временам книжного собрания разошлась по соседям, но почти все рукописи были переданы в Пушкинский Дом. Среди них: литературный сборник 30-х годов XIX в., включающий в свой состав список Сказания о Мамаевом побоище (только начало), о благочестивом разбойнике, Сказание о грозе в Нерченском уезде, Кургостоемском селении, Кастанской крепости в 1811 г., старообрядческий стихсатиру на нравы XIX в., повесть о кущце Федоре, Сравнение дел бога и дьявола, стихи об Адаме, Алексее человеке божьем и т. п.; Устав о христианском житии, переписанный в 1873 г. пучужским писцом и художником Ф. Ф. Кузнецовым; лицевые святцы конца XIX в., чин погребения и часослов в списках последней четверти XIX в. К концу века относится и список Повести о склонении ко греху (из Великого Зерцала), подаренный нам в Прилуке Ф. В. Булавиным.

Следующим районом поисков стали деревни Ляховского сельсовета. Попадая туда, мы поднялись вверх по Двине до с. Черевково, где и посетили местный краеведческий музей. В его фондах оказалось десятка полтора печатных книг XVIII—XIX вв. и одна рукопись 20—30-х годов XVIII в. Заведующая музеем М. В. Солоницына, тщательно проверив все наши «верительные грамоты», передала эту ценную для изучения истории края «Повесть о Соезерской пустыни и чудесах иконы Троицы» в Северодвинское собрание Древлехранилища. В самом же Ляхове поиски оказались безрезультатными, даже имен прежних грамотеев здесь уже не помнят.

Не было находок и в одном из самых живописных мест Северной Двины — с. Вершина. Е. В. Ворогушина из дер. Томаша, к которой мы ехали, оказалась по случаю праздника в Красноборске, а в других домах за все время наших поисков видели мы одну-единственную рукопись — Устав о христианском житии последней четверти XIX в. Устав этот прежде принадлежал О. М. Орехову, по прозвищу «Ося Портретович», который был самым известным книжником на Вершине. О судьбе его собрания ничего не известно, дом частично «разворочали», ключи от дома — в Архангельске.

Течения рек Верхней и Нижней Тоймы здесь сближаются и из с. Качем попадали раньше на Двину в с. Верхняя Тойма через Вершину. В этом году мы узнали, что в 50 км выше Качема по Нижней Тойме была в XIX в. пустынь Мути, откуда родом были родители В. И. Третьякова.

В с. Верхняя Тойма мы были на этот раз только проездом. У местного коллекционера здесь хранится старообрядческий Цветник начала XX в., но переговоры о приобретении рукописи для Древлехранилища не дали желаемого результата.

Следующие дни мы провели на левом берегу Северной Двины в с. Пучуга. Здесь были сделаны последние наши находки, причем все они происходят из дер. Кодима, где до 40-х годов находилась старообрядческая молельня (после закрытия молельни книги из нее были переправлены в г. Кировск). В числе пучужских находок Присяга «хотящим взыти на степень священства» патриарха Иоакима в списке 10-х годов XIX в., Стих об Алексее человеке божьем и Плач Иосифа Прекрасного XIX в. (30-е годы), орнаментированный месяцеслов 1834 г., три списка Азбуки конца XIX в., Обиход крюковой XIX в., Чин погребения XIX в., каноны Николе Чудотворцу и Богородице XIX в., переписанный в XX в. Чин исповедания и др.

Побывали мы в доме, где живут потомки автора местного полемиического сочинения «Утверждение пустынного жительства», художника и писца Ивана Филипповича Колодкина (ум. в 1834 г.). В доме сохранился переплетный станок XIX в., несколько рукописей, одна из которых переписана и украшена Иваном Филипповичем. А книг было много. Хозяйство до самого последнего времени «не нарушалось» и книги переходили от родителей к детям. Несколько же лет назад часть книг, где «много титлов было и бабушка читать не могла» (не скоропись ли?), увез некто «Володька из Архангельска», остальные, не подозревая о их возможной ценности, хозяин недавно забил в простенок дома. Те, что мы видели, сохраняются как память об умершей матери.

Среди них — три списка лицевых святцев, которые в Прилуке и Афанасьевском так и называют «пучужские». Когда же в этом году мы стали выяснять, кто в Пучуге рисовал такие святцы, местные авторитеты в один голос заявили, что рисовала их «Гороховица» (имени и фамилии не помнят) из Нижней Тоймы. В Нижней Тойме мы нашли лист таких святцев, выполненных В. И. Третьяковым. Очевидно, история этого на-

родного календаря в местной рукописной традиции нуждается еще в уточнении.

В XX в. занимался в Пучуге переписыванием книг Матвей Иванович Сафронов, образчик почерка которого мы привезли еще два года тому назад. У его жены сохраняется значительное количество переписанных им рукописей. Похоже, что это был последний пучужский книгописец.

Из Пучуги мы переправились на другой берег, ниже по течению, в с. Борок, конечный пункт нашей поездки.

В борецких деревнях мы не нашли ни одной рукописи, но думается, что находки здесь еще будут. В дер. Сельменьга умерла М. С. Тюлюбаева, книги увезли старушки из Топсы; А. А. Сенчукова раздала свое собрание, оставив себе печатную Псалтырь XVII в.; в дер. Городок умер наставник В. Ф. Парфенов — дальнейшая судьба книг пока неизвестна; в дер. Скобели наверняка есть отдельные рукописи из библиотеки В. М. Амосова — А. Ф. Богдановой и т. д.

Всего в этом году нашей экспедицией было привезено 28 рукописей XVIII—XX вв. Результат вполне закономерный. Ведь с 1967 г. археографы ежегодно выезжают на берега Северной Двины. Сейчас рассчитывать на обильные находки уже не приходится. К тому же городские родственники местных жителей, художники, искусствоведы, журналисты и другие любители старины, переводя иконы и книги в категорию сувениров, из года в год сокращают их количество в районе поисков. Тем не менее находки последних лет расширяют наши представления о северодвинской рукописной традиции, все больше имен местных мастеров книги вводится в научный оборот, все теснее смыкается изучение народного прикладного искусства с рукописным наследием Севера. Накопленный материал свидетельствует о необходимости продолжения поисков. А искать надо в самое ближайшее время, не откладывая.

Г. В. МАРКЕЛОВ

Экспедиция в Пудожский район и Заонежье

В июле—августе 1975 г. состоялась археографическая экспедиция в Карелию. В ней принимали участие автор этой заметки и научные сотрудники Пушкинского Дома Г. М. Прохоров и Д. Б. Макринов. Предполагалось изучить два района Карельской АССР — Пудожский и Медвежьегорский.

Районы эти были выбраны не случайно. Во-первых, на территории Медвежьегорского района некогда располагалось Выго-Лексинское общежитие — известный рукописно-книжный центр, распространявший и свою продукцию, и вообще книги по всему Северу, во-вторых, к указанному району относятся Заонежье и бывший Повенецкий уезд, на территории которых были сделаны значительные находки старинных рукописей экспедициями В. И. Срезневского начиная с 1903 г. Затем, уже в советское время, указанные районы неоднократно посещались В. И. Малышевым (в 1940—1946 гг.), а также А. Д. Соймоновым, О. Г. Большаковой, В. М. Морозовым, Л. А. Дмитриевым, Е. А. Майминым. Собранные во время этих экспедиций материалы составляют ныне значительную часть Карельского собрания Древлехранилища. Однако последние 25 лет Медвежьегорский и Пудожский районы не обследовались археографами.

Наша экспедиция началась с г. Пудожя, известного как очень старое русское поселение на Севере. Наиболее интересный исторический объект в городе — краеведческий музей, организатором которого уже много лет является А. Ф. Кораблев. Среди громадного этнографического материала музея древнерусских рукописей не было, но хранитель дал нам несколько нужных адресов.

Мы обследовали куст старинных деревень: Авдеево—Бураково-Мелентьево — Алексеево, расположенных вокруг Купецкого озера. Староверы в этих деревнях некогда были, и нам даже показывали их старинное кладбище, но существенных находок сделать нам не удалось. Для комсомольского актива района, бывшего здесь на сельхозработах, мы прочитали лекцию о древнерусской культуре и охране памятников старины.

Затем мы переправились на большое и живописное Водлозеро. Здесь обследовали деревни: Куганаволок, Канзанаволок и Ильинский погост. В Ильинском погосте, замечательном памятнике архитектуры XVIII в., наше внимание привлекли книги регистрации исповеди и причастия местных прихожан 1881 г. и «Обыск брачный» за 1885—1895 гг., содержащие любопытные статистические сведения по водлозерскому крестьянскому населению (Карельское собрание, № 588, 589).

От Водлозера наш маршрут пролегал через деревни и леспромхозовские поселки Кубово, Кривцы, Сюзик-Озеро и далее к границе с Архангельской областью к кустам деревень Колодозеро—Заозерье—Усть-Река, Корбозеро—Салмозеро. Это очень старинные деревни, их не раз посещали

фольклорные и этнографические экспедиции, поэтому книжный материал здесь весьма скуден. Любопытно отметить, что местные старожилы советовали нам побывать в соседнем Каргопольском районе на р. Кене, где наша экспедиция уже была.¹

Возвратившись в Пудож, мы отправились далее в соседний Медвежьегорский район. В самом Медвежьегорске, в школьном краеведческом музее, хранилась рукопись конца XV в. — Евангелие-апракос, найденная школьниками в дер. Калгалакша (под Кемью). Эта рукопись передана Древлехранилищу и теперь занимает достойное место в Карельском собрании в ряду других ценных образцов Севернорусской книжности (№ 580).

Десять дней экспедиция работала в Заонежье. Были обследованы старинные заонежские деревни по маршруту от Шуньги до Великой Губы: Коровниково, Паяницы, Перхино, Путка, Онежанский Погост, Шильтя, Великая Нива, Тязвизя, Терехово, Космозеро, Ламбас-Ручей, Типиницы. Места эти облюбовали в свое время скрытники-староверы, следы пребывания которых нам доводилось здесь встречать. Население в довоенные времена явно придерживалось старых обычаев и обрядов. Однако минувшая война нанесла большой ущерб местной культуре. А ныне различные многочисленные научные экспедиции и «вольные» туристы-любители древностей в безудержной охоте за всякой стариной буквально опустошили некогда богатое книжностью Заонежье. С грустью мы смотрели на разрушающиеся памятники старины, до которых не доходят руки республиканских музеев. А в Типиницах застали на месте очень красивой шатровой церкви XVIII в. следы пожара — церковь сгорела весной 1975 г. «от молоньи».

Всего в результате экспедиции в Пушкинский Дом доставлено 10 рукописей XV—XIX вв., в основном служебного и уставного содержания. Из печатных изданий отметим Часослов, Могилев, 1697 г. в составе конволюта (Карельское собр., № 581) и лубочные издания начала XIX в. сказок о Еруслане Лазаревиче и Бове Королевиче (Карельское собр., № 585).

Наша поездка показала, что обследованные нами районы не перспективны для проведения здесь дальнейших археографических поисков.

¹ См. нашу заметку «Пополнение Карельского собрания», напечатанную в т. XXIX ТОДРЛ (Л., 1974, с. 353—355).

А. И. МАЗУНИН

Славяно-русские рукописи научной библиотеки Ташкентского университета и республиканской библиотеки имени Алишера Навои

I. Рукописи университетской библиотеки

Во время командировок в г. Ташкент в феврале и апреле 1975 г. мне удалось познакомиться с собранием славяно-русских рукописей научной библиотеки Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Благодаря любезному содействию хранителя фондов редкой книги Л. К. Бартошевской я смог получить все наличные рукописи, просмотрел их и сделал краткое описание.

Выяснить время и пути поступления в библиотеку рукописных материалов по инвентарным книгам не удалось. Из бесед со старейшими сотрудниками библиотеки явствовало, что рукописи находятся в фонде редких книг с 20-х годов, т. е. со времени основания университета. Действительно, на внутренней верхней крышке переплета одной из рукописей (№ 3) имеется карандашная помета о покупке ее библиотекой в 1928 г. На других (№ 6, 19) по нижнему полю листов оттиснуто: «1-й САГУ. Кабинет Права и Экономики». Сведений о покупке и поступлении рукописей в библиотеку университета в более позднее время нам не встречалось.

Рукописи не имели палеографического описания, содержание их или совсем не было раскрыто, или было указано весьма приблизительно. Вследствие этого они не были занесены в каталог (за исключением № 19, имевшего библиотечный шифр).

Всех рукописей оказалось 19. По времени они распределяются так: XVII в. — 4, XVIII в. — 14, XIX в. — 1.

Здесь имеются памятники житийной литературы (№ 8), переводные сочинения (№ 3), произведения исторического содержания (№ 4, 11, 13, 14) и литературно-художественного (№ 3, 12, 17), образцы деловой письменности (№ 1, 2, 6, 7, 10, 15, 19), богословские и богослужебные рукописи (№ 5, 16), научные сочинения (№ 18) и др.

Ниже дается описание этих рукописей. Оно расположено в хронологическом порядке, в скобках указаны номера, под которыми большинство рукописей числится в настоящее время в фонде редкой книги университетской библиотеки.¹

1 ($\frac{09}{635}$). «Память» 30 июня 7145 (1637) г. из Новгородской четверти в Двинский уезд Куроостровской волости целовальнику Суботке Петрову «с товарищи» о передаче

¹ Под номером $\frac{09}{393}$ значился «Свод» Ивана Семенова, который в 1960 г. выдавался по читательскому требованию преподавателю университета П. А. Данилову и был принят от него. После землетрясения 1966 г. следы рукописи затеряны.

в оброк сенных покосов «под Анниною горою» церковному приказчику Васье Полицарпову Пекишеву и установлении оброка с «наддачей» против прежних лет. Столбец. Сохранилась прикладная овальная «на черном дегте» печать, которую «к сей памяти» стольник и воевода князь Василий Петрович Львов приложил. На обороте столбца скрепа дьяка Тимофея Пчелина.

2. Указ царя Федора Алексеевича 10 мая 7187 (1679) г. на челобитную подъячего Судного приказа Прокофия Строкина, подтверждающий владельческие права челобитчика на «селцо Пястое Хлабово и пустоши» в Можайском уезде Турьевской волости. Столбец. Сохранилась круглая «на черном дегте» печать Поместного (?) приказа. На обороте скрепа дьяка Тимофея Литвинова.

3 $\left(\frac{09}{1198}\right)$. «Римские деяния», XVII в. (2-я половина), в 4-тку, 154 листа, пагинация поздняя, карандашом, скоропись. Переплет — доски в коже, верхняя крышка расколота надвое, от нижней сохранилась половина. На внутренней верхней крышке переплета карандашная запись о покупке рукописи библиотекой в 1928 г. Флигрань: герб Амстердама. На л. 113 об. надпись: «1715 году июля в день по указу Сергия Ивановича и Михайла Сергеевича ехать. . . (нрзб.). . . и в Темниковские (?) отчины. . . (нрзб.).»

4 $\left(\frac{09}{618}\right)$. «Летописец сея святыне обители Воскресенские, еже есть Новый Иерусалим», конец XVII—начало XVIII в., в 4-тку, 139 листов, скоропись. Переплет — картон в коже по углам, корешок кожаный, на корешке типографская надпись: «Никол патриарх». Флигрань: герб г. Амстердама. Л. 6 об.: «Капитан поручик Михайла Василев Киселев»; другим почерком по нижнему краю листа: «О создании монастыря Нововоскресенского и Нового Иерусалима». Л. 139 об. — запись 16 августа 1847 г.: «Автор Иоани Корнильевич Шуперин»; другим почерком: «От жития святейшего Никона Патриарха Московского и всех северных мирян».

5 $\left(\frac{09}{624}\right)$. Сборник, XVIII в. (1-я половина) в 4-тку, без пагинации, ветхий. В тексте неразборчивые владельческие записи, сделанные в Вологодском уезде Боровецкой волости от 2 марта 1776 г., 25 декабря 1786 г. Содержание: слова и поучения Иоанна Златоуста о посте, милостыни, смиреннии, изречения Иисуса Сирахова, Ефрема Сирина, выписки из Четвероевангелия, сочинений отцов церкви и др.

6 $\left(\frac{09}{948}\right)$. Сборник, XVIII в. (1-я половина), в лист, 93 листа, без пагинации, скоропись. Переплет картонный. Флигрань: герб г. Амстердама. Печать: «1^{ша} САГУ. Кабинет Права и Экономии». Содержание: копии печатных указов с 1712 по 1742 г.: 8 февраля 1725 г. о подушной подати, 15 марта, 4 и 12 апреля 1722 г. о беглых крестьянах, 24 февраля 1722 г. о рекрутском наборе, 9 января 1712 г. штаты кавалерийских полков и суммы на их содержание, 15 января 1739 г. реестр генерал-лейтенантам, генерал-майорам, вице-губернаторам, обер-комендантам, копии манифестов Анны Ивановны 14 февраля, 12 марта 1740 г., указы военной коллегии 7 августа 1740 г. 26 июня, 19 декабря 1742 г.

7 $\left(\frac{09}{629-1}\right)$. Сборник копий императорских указов 1743 г. из Архангелогородской губернской канцелярии в Пустоозерскую воеводскую канцелярию, в лист, 5 листов, скоропись, без пагинации. Без переплета. Первая часть более обширного дела, вторая половина которого в библиотеке не обнаружена. Содержание: указ императрицы Елизаветы Петровны 28 сентября 1743 г. из Архангелогородской губернской канцелярии в Пустоозерскую воеводскую канцелярию «о важнейших винах и преступлениях бывшего генерал-поручика Степана Лопухина с женою ево Натальею и с сыном Иваном и бывшей графине Анны Вестужевой и протчими»; указ Елизаветы Петровны 21 июня 1743 г. из Архангелогородской губернской канцелярии Пустоозерской воеводской канцелярии «об отдаче охотникам в собственное содержание путивльской суконной фабрики»; указ Елизаветы Петровны 2 сентября 1743 г. из Архангелогородской губернской канцелярии в Пустоозерскую воеводскую канцелярию о наличии в провинциальных магазинах «зборного овса и ячменя на дачю здешнего гарнизона круп и ячменя»; указ Елизаветы Петровны 15 сентября 1743 г. из Архангелогородской губернской канцелярии в Пустоозерскую воеводскую канцелярию о покупке драгунских лошадей; указ и «шромемория» Елизаветы Петровны 31 мая 1743 г. о приведении к присяге наследнику Петру Федоровичу церковнослужителей и лиц, находившихся ранее в отлучке. Указы подписаны князем Оболенским.

8 $\left(\frac{09}{620}\right)$. Житие Варлаама Хутынского, XVIII в. (середина), в 4-тку, 86 листов + III чистых, полуустав, переходящий в скоропись. Переплет — картон в коже. Флигрань: ГУБР, ФСIII.

9. «Мастеровик» XVIII в. (2-я половина), в 4-тку, 2 листа, полуустав, переплет бумажный. Содержание: о составлении чернил и о растворении киновари.

10 $\left(\frac{09}{947}\right)$. Межевая инструкция, XVIII в. (2-я половина), в лист, 68 листов, скоропись, переплет бумажный.

11 $\left(\frac{09}{623}\right)$. «История о московском государстве, царство царя и великого князя Федора Иоанновича всея России», XVIII в. (2-я половина), в 4-тку, 62 листа, скоропись двух почерков. Переплет картонный. Л. 17: «1850 году Федор. . . (нерзб.); л. 51: «Читал Василий Федоров Ноаурии (?)». Л. 1: начало — «В лето 7092 божим судом изволением паче же его человеколюбием хотением бысть преставися благоверный и христолюбивый царь и великий князь Иоанн Васильевич». Содержание — л. 8 об.: «О совете митрополита Дионисия Московского и всея России а бояры и купецкими людьми к государю царю»; л. 12 об.: «О преставлении государя царя и великого князя Федора Иоанновича всея России»; л. 13: «Царство Борисово, иже от сихайтского сану рекомое»; л. 18 об.: «О начале беды во всей России и о глде велицем и о мору на люди»; л. 21: «О начале разбойничества по всей России»; л. 29: «О расстриге Григорье и о смерти царя Бориса»; л. 38 об.: «О первой брани»; л. 41: «О пленении Комаритские волости от Бориса»; л. 42: «О укреплении Борисове всенародноу множество московского»; л. 43 об.: «Царство Федора Борисовича Годунова»; л. 52: «Царство ростриги Григорья Отрепьева, иже лжею взят на ся именоване царевича Дмитрия ложкою»; л. 54 об.: «О изгнании патриарха Иова Московского и всея России»; л. 58: «О сотворении ада яа Москве реце ростриго»; л. 58 об.: «О женитве ростригине».

12 $\left(\frac{09}{621}\right)$. Сборная рукопись, XVIII в. (2-я половина), в 4-тку, 100 листов, скоропись. Переплет картонный. На верхней и нижней крышках переплета: «Сия книга деревни Волковы Кузмы Матвеева Платова», «1851 года 1 марта числа. Сия книга принадлежит Кузьме Матвееву Платову». Содержание — л. 1—5 об.: «Врачество духовное»; л. 6: «О житии святых»; л. 6 об.: «От жития блаженныя Марии, иже от Ладкии»; л. 7: «Инаго рассуждение»; л. 7 об.: «О злых женах»; л. 8 об.: «О создании храма, иже во Иерусалиме святая святых»; л. 10 об. — 26: «Луцидариос, сиречь Златой бисер», ч. II, гл. 1; л. 27—41 об.: «Чин изображения и рукоположения архиерейского»; л. 42: начало конона; л. 43—56: «Введение в генерал(ь)ную историю». Перевод с немецкого Сергея Волчкова (с печатного издания); л. 57—64 об.: «Беседа святых великих отец»; л. 65—100: «Книга, глаголемая Цвет добродетелей» (с печатного издания 1733 г.).

13 $\left(\frac{09}{622}\right)$. Сборник, XVIII в., 4-тку, 125 листов, скоропись. Переплет картонный. Филигрانی: герб Ярославской губ. Содержание. — л. 1—58: «О зачатии и рождении Петра Первого» (Ш. Н. Крекшина); л. 58—95: «Журнал, шествие было из Москвы»; л. 96—97 чистые; л. 98—125: «Любезный мой сыне. . .», конец: «. . . остаюсь с любовию родительскою Василий Татицев» (из «Разговора о пользе наук и училищ»).

14 $\left(\frac{09}{6199}\right)$. Краткий летописец Российской с родословием. Сочинение М. Ломоносова. СПб., 1760 (копия с печатного), XVIII в. (последняя треть), в 4-тку, 69 листов (конца недостает), скоропись. Без переплета. На титульном листе в вишнетке: «В городе Ромны, почал 1775 году, октября 28».

15 $\left(\frac{09}{393}\right)$. Сборник, XVIII в. (последняя четверть), в лист, 145 листов, скоропись, переплет картонный. Л. 1: «Сей свод отставного прапорщика Ивана Семенова сына Анфимова. Списан в городе Полоцке. . . (нерзб.) . . . 1776 году маяя 5 дня». «1784 году марта 22 дня». Содержание — копии с печатных манифестов: Елизаветы Петровны 24 января 1752 г. о межевании земель, Екатерины II о повиновении крестьян помещикам (8 октября 1762 г.), сенатские указы 1765, 1773, 1780, 1786 гг.

16 $\left(\frac{09}{1099}\right)$. Толкование на послание апостола Павла к корфянянам, конец XVIII—начало XIX в., в 8-ку, без пагинации, скоропись (на латинском и греческом языках).

17 $\left(\frac{09}{617}\right)$. Сборная рукопись, конец XVIII—начало XIX в. в 4-тку, 27 листов, скоропись четырех почерков в двух тетрадах. Переплет бумажный. Филигрانی: герб Ярославской губ., ЯМВСЯ; во второй тетради — год выпуска бумаги «1795». Содержание — л. 1—8 об.: «Ода к Фелице» Державина; л. 9—13: «Молодая жена. Скаска», Начало: «Колико я в мой век бумаги исписал, той песню, той сонет, той льстивый мадригал»; л. 13—16 об.: «Песня к приятелю, или Безпристрастный зритель», начало: «Куда ни погляжу, везде я вздор встречаю» (подписано: «Ер: кост.»); л. 17—18 об.: «К татарскому мурзе, сочинившему оду премудрой Фелице, письмо 2» (подписано: «О. К.»); л. 19—21 об.: «Глас невинности», начало: «О боже праведный, душ чистых покровитель»; 23 об.: «Возражение на Глас невинности», начало: «Вотще твой дерский

глас возносишь к творцу, напыщенная тварь»; л. 23 об.—26: Ода «Бог» Г. Р. Державина; л. 26 об.—27: переложение 49-го псалма, начало: «Кто в блесках молнии нисходит, колеблет гласом гор сердца» (подписано: «Карамзин»).

18 (⁰⁹/₂₂₅). Сборник, конец XVIII—начало XIX в., в 8-ку, 70 листов, скоропись.

Без переплета. Имеется оглавление, по которому в рукописи 58 разделов, 268 листов. Содержание — «О практической электрике и электрическом приготовлении вообще». Л. 70 об.: выписка из «Московских ведомостей» от 1 января 1782 г. о предстоящих в Москве экспериментах с электричеством г-на Роспина.

19 (1162). Реестр указам с 1649 по 1713 г., последовавшим на докладные выписки Поместного приказа, XIX в. (1-я четверть), в лист, 531 лист, скоропись разных почерков. Переплет — картон в дерматине. Филиграния: герб Ярославской губ., ЯМГЯ. По нижним полям печать: «1-й САГУ. Кабинет Права и Экономики».

II. Рукописи Республиканской библиотеки

В Республиканской публичной библиотеке им. А. Навои в Ташкенте оказалось 5 рукописей, постушивших сюда в 1974 г., а потому и не вошедших в сделанное нами ранее описание ее фондов.¹ Сообщаем содержание данных рукописей. В скобках указаны инвентарные номера, под которыми эти рукописи записаны отделом редкой книги.

1 (№ 35176). Сборная рукопись, XVIII в. (1-я четверть), в лист, 614 листов, скоропись. Переплет — доски в тисненой коже, сохранилась одна медная застёжка. Пагинация другими чернилами — середины—второй половины XVIII в. Филиграния: герб Амстердама, голова шута и буквы НГ. Содержание — л. 1—22 об.: «Книга, глаголемая Космография», начало: «Всемирное описание земель, едино пребывание и назнаменованию степени во округах небесных»; л. 23—30 об.: выписка из «Пчелы», начало: «Пчела летит на красен цвет и собирает себе медвяную сладость»; л. 31—59: «О начале славенороссийского народа и первоначальных князех вкратце», начало: «По столпотворении, егда раздели бог человеки на 72 языка и разсея их по лицу всея земли»; л. 60: «Выписано на перечень из двух кровников полских»; л. 69—70 чистые; л. 71: «От летописца Соловецкого монастыря», начало: «В лето 6937 (1429) из Валаамского монастыря прииде на Соловецкие острова преподобный Савватий и с ним авва Герман из Сумы»; л. 75: «Перевод с турецкого писма, каков лист писал турецкий султан к полскому королю во 181 [1673] году генваря в 22 день», начало: «Султан, сын освещенного царя, божий внук, цесарь турецкий»; л. 75 об.: «Список с листа с турецкого Магмета царя, каков лист писал турецкой султан к цесарю христианскому во 181-м [1673] году февраля в 23 день», начало: «Магмет, сын преславный славы, над всеми иными повелитель»; л. 76 об.: «Против сего листа писал к турецкому султану. . . цесарь крестьянский сице», начало: «Магмет, сын погибели, дедичю вечного осуждения»; л. 78: «Список епистолия султана турецкого к цесарю римскому и королю полскому», начало: «От превысоце царствующего бога на небеси мы един токмо султан Магамет в великой милости бога на земли»; л. 80: «Список с листа салтана турецкого, писанного в Чигирин к казакам 186 [1678] года июля в 7 день» (Сходен с опубликованным, см.: Переписка чигиринских казаков с турецким султаном. Изборник (сборник произведений Древней Руси). М., 1969, с. 684); л. 80 об.: К салтану ответ из Чигирина от казаков (сходен с опубликованным, см.: там же, с. 684—685); л. 81: «Краткое и полезное руковедение во арифметику или во обучение и познание всякого счоту в сочетании всяких вещей»; л. 86 об.: «Sententiae» (на латинском и русском языках); л. 91 об.: «Притчи; прилагание притчи»; л. 97: «Список с листа из Мальтейска острова. . . ноября в 5 день 202 [1694] года»; л. 99: «Морская картина преславного путешествия на Азовское море в десяти кораблях воинских и двух галерах. . . месяца августа 1699 лета»; л. 99: «Gloria triumphorum et trophaeorum»; л. 102: «Бессмертная слава преславных дел против турком. . . Mercurgius ranegyricus — Еремей славящий — ad a (nno) 1697 usque ad a (nno) 1700»; л. 103: «Венец славяноороссийский» (на латинском и русском языках); л. 110 об.: Апокалипсис, гл. 12; л. 113: «В походе 203 (1695) году в июле и августе» (перечислено 12 человек, среди которых генерал Ф. Лефорт, кн. Б. А. Голицын, Ю. И. Татищев и др.); л. 114: «Лета 7203 [1695] июля в 28 день»; л. 122: «Из Рима чрез почту прислано» (о землетрясении во многих городах Европы); л. 122 об.: «205 [1697] году писано» (о потерях цесарского полка в пехоте и коннице); л. 127: «Выписано из переводу с латинского языка» (о потерях турецкого войска в пехоте, коннице, утонувших и т. д.); л. 131: Вины и списки казенных стрельцов «Федорова полку Казакова, Афанасьева»

¹ См.: А. И. М а з у н и н. Рукописные и старопечатные книги Государственной библиотеки им. А. Навои в Ташкенте. — ТОДРЛ, т. XXV. Л., 1971, с. 349—351.

полку Чюбарова», которые «в прошлом 207 [1699] году» в г. Тороще «учинились проивныи государю»; л. 132: «7208 [1700] года августа в день» письмо дьяка Е. И. Украинцева об отношениях с турецким султаном; л. 148: Указы Петра Первого о летописании от рождества Христова, о начале Нового года с января месяца, о ношении платья иноземного («венгерского») образца, о челобитье и «письме целыми именами», о челобитных на имя государя; л. 152: «Чертеж преславного и предивного похода восточной части Азовского моря»; л. 154: «О свейской службе на Чудском озере» (описание боевых действий, роспись команд, пленных и пр.); л. 166: «Роспись шведскому полону» (людей, артиллерии, амуниции и пр.); л. 167: О взятии Нотебурха (г. Оршек); л. 169 об.: Список с московского печатного листа («Ведомости» «нынешнего 1702 году декабря в 4-й день» — вести из Астрахани, Казани, из Воронежа, Сибири и др.); л. 171: «Юрнал, или Поденная роспись»; л. 177—208: «Ведомости»: «На Москве вновь ныне пушек медных, гоубиц и моргиров вылито 400»; л. 288: Отписка генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметьева 1703 г., октября 25; л. 292: «Торжественная врата, вводящая в храм бессмертных славы непобедимому имени» (на нижнем поле листа скорописью: «... списано с печатной квиги у Осипа Тевляшина 709 года мая 27»); л. 292 об.: «Поставленная лета господня 1703 лета воемврия в 9 день»; л. 293—309: «Изъяснения лицам и прочим вещем на торжественных сих вратах изобретающимся»; л. 310—333: «Ведомости, присланные чрез почту декабря в 30-й день»; л. 334: «Ревность православия» (на нижнем поле листа скорописью: «... списано с поледестевой тетради у Осипа Тевляшина 709 года мая 26»); л. 340: «Ведомости московские»; л. 348: «Прошлого июня в 30-й день изволил великий государь... пойтить под Дерпт»; л. 351: «Ведомости московские» (на поле: «1704 года»); л. 367: «Подлинное доношение» (победы «в нынешнем 1705 году от июня до септемврия месяца»); л. 370: «Ведомости»; л. 373: «Списано с указа» (о подаче челобитных на дарское имя); л. 374: «1703 года. Летоначание ианнуария 1 числа»; л. 375: «Список с ведомости о взятии Астрахани, которая от воров боем взята 1706 года»; л. 378: «Список с почты астраханской подлинной»; л. 381: Боярин Б. П. Шереметьев... «прислан в Астрахань присыльных 1706 года, марта в 8 день»; л. 382: Духовная грамота митрополита Дмитрия Ростовского; л. 383: «Ответ краткий на подметное письмо о рождении сими времени Ангихриста», начало: «Всякому злому начинанию сатана, видя род человеческ»; л. 389: Жалованная грамота Петра Первого А. Д. Меншикову с перечислением его заслуг; л. 395: Реляция «июня 20 дня 1706 года»; л. 399: «Ведомости»; л. 402: Реляция «17 мая нынешнего 1708 году»; л. 405 чистый; л. 406: «Августа в 22 день господин адмирал Апраксин писал из Нарвы» (списано на Москве сентября в 16 день 1708 года); л. 411: «Из военного походу с боевого места писано сентября в 29 день»; л. 414 чистый; л. 415: «Объявление малороссийскому народу» (о измене Мазепы); л. 416 об.: «Список с листа изменника Мазепы, писанного к Лещинскому»; л. 418: «Ведомость получена от князя господина Меншикова апреля в 28 день 1709 году»; л. 419: «Ведомости» А. Д. Меншикова 1709 г., апреля 29; л. 419 об.: «Ведомости» А. Д. Меншикова 1709 г., мая 18; л. 421: «Из лагеря из Полтавы»; л. 422: «Реестр шведскому войску, которые князю Меншикову сдались 30 июня 1709 года» (печатное); л. 425: «Объяснительная реляция о главной баталии... неподалеку от Полтавы июня 27 1709 г.»; л. 428 об.: «Роспись, что во время баталии у Полтавы взято в полон людей»; л. 430: «Роспись, что у Переволочны при Днепре остатого войска здалось»; л. 435: Послания И. Скоропадскому; л. 441: «Петра Алексеевича войску запорожскому»; л. 448: «Изъявление торжественного входа нынешнего 1709 года декабря 21 дня» (печатное — порядок шестия пленных, взятых при дер. Лесной 28 сентября 1708 г. и «в нынешнем 1709 году при Полтаве»); л. 449: «Изъявление фейерверка 1710 году, генваря в 1 день» (печатное); л. 450: «Ведомости, присланные чрез почту в генваря 14 день»; л. 460: «Ведомости из полского города Эльбинга»; л. 465: «1710 года, февралья 5. Объявление аудиенции, какову имел... чрезвычайный посол... Карл Витфорт»; л. 471: «1710. «Ведомости, присланные чрез почту майя в 12 день»; л. 473: «Реестр книгам гражданским, которые по указу царского величества напечатаны новоизобретенною амстердамскою азбукою на первое число нынешнего 1710 году»; л. 473 об.: «Ведомости... майя в 21 день»; л. 475: «1710 года, июлий. Реляция о взятии Выборка; regiment стабу или полковых чинов»; л. 479: Из письма Петра Первого Б. П. Шереметьеву и боярину Т. Н. Стрешневу о взятии Риги; л. 480: Реляция о взятии г. Риги «в нынешнем 1710 году июля 8-го дня»; л. 484: «Ведомости присланы из Вилни»; л. 486: «Реляция о взятии города Ревеля, то-есть Кольвани»; л. 490: «Копия с писма, каковое прислано к московскому коменданту князю Матвею Петровичу Гагарину за рукою царского величества октября 24 дня 1710»; л. 491: «Ведомости, присланные чрез почту ноябрия в 10 день»; л. 493: «Благочестивейший государь царь пришел к Москве сего 711 году генваря в 21, в день неделной, после литоргии, в пятом часу дня»; л. 494: «Копия с указа генералу президенту графу Н. М. Зотову февралья 22 нынешнего 1711 года»; л. 496—497: текст воинской присяги; л. 498—499: «Указ правительствующему Сенату»; «Ведомости 1711 г., марта 19»; л. 501: «Манифест, или объявление о вероломном разрыве мира салтана турецкого Ахмета против его царского величества 1711, февралья в 22 день»; л. 509: «От великого государя грамота к салтану турецкому 1710 г., июля 17»; л. 511: «Великого государя грамота к салтану»

(1710 г., октября 18); л. 513: «Великого государя грамота к салтану» (1711 г., генваря 7); л. 515: «Грамота султанская к великому государю (писано 1121-го в последних числах месяца шевала)»; л. 519: «Ведомости майя в 19 день»; л. 529: Реляция; л. 530: «Список с отписки царского величества»; л. 531: «Господа сенаты»; л. 532: «Секретарь посольских дел Василий Степанов»; л. 533: «Реляция о побитых турецких войсках»; л. 537: «Реляция о побитых кубанских татарах и о взятом у них русском полоне»; л. 539: «Выписка из саксонского города Торговы октября 21—26 1711 года»; л. 541: «Ведомости, майя в 9 день 1712»; л. 542: «Видение» огненного змея в г. Чердыни 23 ноября, «в день неделный», 1712 года; л. 543: «Ведомости февраля 2, 1713»; л. 546: «Ведомости, полученные в Питере 1713, марта 29»; л. 548: Реляция «о разорении шведской армии, бывшей под командою фетмаршала графа Штейнбока»; л. 551: «Реестр, сколько при шведской армии обреталось здоровых и больных, а также знамен, ружей и пр.»; л. 554—555: «Ведомости 1713, ноября 2 дня»; л. 556: «Указ о вершении дел»; л. 557: Указ о неделении имущества; л. 561: Реляция, 1714, август; л. 562: Реляция «о морской баталии между российской авангардиею и шведкою»; л. 563 об.: Реестр шведским судам, пушкам, людям; л. 566: Письмо неизвестного лица (к Петру Первому?) 22 августа 1714 г. о молебне, после которого «ис» пушек палили круг Кремля города и на Лобном месте (у) Успенских ворот»; на обороте отметка о получении письма 21 сентября 1714 г., следы красных сургучных печатей; л. 567: Реляция о взятии у шведов датской и прусской армиями острова Рюгена; л. 568 чистый; л. 569: оглавление Евангелия от Иоанна; л. 571—573: Из Песни песней; л. 574—578: выписки из Евангелия, из Триоди постной; л. 586: выписки из книги «Меч духовный» Лазаря Барановича; л. 587: чертеж неизвестного храма — поперечный разрез с указанием размеров в сажених; л. 588: латинские стихи с надстрочным переводом на русский язык; л. 590—592: выписки из «Скрижали», гл. 1 — «Что есть церковь»; л. 593—596: выписки из книг аввы Дорофея, Ефрема Сирина, разные выписки богословского характера; л. 597: Сказание о явлении иконы Успения пресвятой Богородицы в Соликамском уезде, «в верху Пыжьяни речки» Родиону Иванову; л. 601: Сказание о явлении чудотворного креста в Муромском уезде; л. 611—614: Сказание о прении между христианами и евреями на соборе в Иерусалиме.

2 (№ 35167). Сборник, начало—середина XVIII в., в 4-тку, без пагинации, полуустав. Переплет — картон в коже. Филиграния: герб г. Амстердама. Содержание: тропари, кондаки, икосы, явление образа Богородицы.

3 (№ 35179). Страсти Христовы, вторая половина XVIII в., в 4-тку, 106 листов, полуустав. Переплет картонный. Филиграния: герб Ярославской губ., ЯМАЗ.

4. Октоих на ливейных нотах, конец XVIII в., в 4-тку, полуустав. Пагинация буквенная, доведена до л. 28, первые 17 листов отсутствуют. Без переплета.

5. Ирмологий крюковой, конец XIX в., в лист, 196 листов, полуустав, подражающий поморскому. Переплет — доски в коже. На нижней крышке переплета 5 медных жуковин.

С. П. ГОРДЕЕВ

Новые поступления рукописей и старопечатных книг в Государственный объединенный Владими́ро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Планомерное археографическое обследование Владимирской области объединенный Владимиро-Суздальский музей начал в 1971 г. с тех районов, в которых в отдельных селах частично сохранилось старообрядческое население. В течение 4 лет было направлено 4 экспедиции в Гороховецкий район, по одной в Муромский и Судогодский, совершена кратковременная поездка в сел. Меленки. С разной степенью тщательности обследовано около 40 населенных пунктов. Из каждой поездки привозилось в среднем по 5—7 рукописных и старопечатных книг. 10 старопечатных изданий доставлено из Вязниковского района экспедицией, которая целенаправленно археографическими поисками не занималась.

Большинство экспедиционных находок — старообрядческая литература XIX—начала XX в. Это в основном сборники и певческие рукописи на крюковых нотах. Самая древняя рукопись найдена в с. Внукове Гороховецкого района. Она представляет собой сборник конца XVII в. с редкой повестью об основании Оранского монастыря.

В 1973 г. в музей поступило несколько книг и гравюр из собрания скончавшегося владимирского библиографа и краеведа Л. С. Богданова. Среди его материалов оказались также столбец XVII в. и рукописный сборник повестей XVIII в.

В 1974 г. музей приобрел большую часть библиотеки протоиерея Н. Ф. Филиппова (г. Владимир). В ее составе — 4 рукописных и 16 старопечатных книг. В числе их сборник конца XVIII—XIX в. с многочисленными миниатюрами, списками сочинений протопопа Аввакума, дьякона Федора, повестью о 12 снах царя Мамера и др. и требник 1651 г. московской печати с вкладной записью Григория Гавриловича Пушкина, одного из предков великого поэта, а также Евангелие 1606 г. на греческом языке.

Кроме того, в разное время несколько рукописей и старопечатных книг было получено музеем от Я. Я. Жаренова (г. Ковров) и В. В. Белоусова (пос. Великодворье Гусь-Хрустального района).

Результаты собирательской работы 1971—1974 гг. позволяют сделать вывод о том, что находки рукописей и старопечатных книг во Владимирской области еще возможны.

Ниже приводим краткое описание вновь приобретенных рукописей и список старопечатных книг, поступивших в музей в 1971—1974 гг.

I. Рукописи

1 (В-15231).¹ Память Лазарю о несении государевой службы в Верхнем Ломове и ломовской черте, XVII в. (3-я четверть), 1003×16 см, скоропись разных почерков, без начала. На обороте записи: 1) скрепа «Федор Грибоедов дьяк»; 2) «Справил Петруха Самойлов».

2 (В-13768). Звезда пресветлая, 1685 г., в 4-тку, 204 листа, полуустан. На последних 12 листах Молитва к Богородице — сочинение Димитрия Кантакузина. Переплет — доски в коже, застежки утрачены. Записи: 1) «Из книг свящ. Евф. Фетисова» (XIX в.; на переднем форзаце); 2) «Сия книга глаголемая звезда пресветлая, а подписал стольник Григорий Иванов сын Полуектов по приказу отца своего Ивана Леонтьевича своею рукою лета 7199 (1691) году мая в 9 день» (по л. 1—22).

3 (В-14969). Сборник, конец XVII в., в 8-ку, 232 листа, полуустан. Без переплета. Записи: 1) «... сентября 1 день» (конец XVII в.); 2) «Михайла Петрова сына Гляткова» (XVIII в.). Состав: воскресная служба (л. 1), служба по вся дни (л. 43), канон тропце (л. 71), канон Спасу (л. 89), канон благовещению (л. 105), последование святых купины (л. 123), канон Богородице знамению (л. 137), канон ангелом (л. 149), канон ангелу-хранителю (л. 161), служба ко пресвятей Богородицы пред новоявленным образом ея, иже в пустыни на Словенской горе (л. 183), Повесть о новоявленных чудесах от образа пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии нарицаемого Владимирского, содеянных пределах по единому великия России от градов, нарицаема Нижнего Нова града в пустыни, близ оранаго поля, на Словенской горе (л. 211).

4 (В-15297). Сборник повестей, XVIII в., в 4-тку, 165 листов, скоропись разных почерков. Переплет из холста. Записи конца XVIII в. о принадлежности книги Ивану Лукоянову. Состав: Повесть о храбром рыцаре Петре Златых ключей и о прекрасной королевне Магелене; Повесть о российском кавалере Александре; История о Елисабете королеве англинской; Разсуждение холостого человека о женитьбе; о гордости человечестей; иже ни во что обращает и живота лишает; О рыцаре и жене его, которая хотела его чернокожником, с которым она чужеложествовала, умертвить; О хитрости женской и о ослеплении прельстившихся.

5 (В-16300). Ирмологий крюковой, XVIII в., в 4-тку, 208 листов, полуустан, раздельноречный, нотация знаменная, с пометами, признаки применяются ограниченно, орнамент (инициалы, вязь). Переплет — картон, обтянутый дерматином в 1968 г.

6 (В-14211). Поучения аввы Дорофея (список с московского издания 1652 г.), конец XVIII—начало XIX в., в лист, 170 листов, полуустан, орнамент (5 заставок, отгиснутых с двух досок). Переплет — доски, кожа утрачена.

7 (В-15902). Канон пасхальный, конец XVIII—начало XIX в., в 8-ку, 15 листов, полуустан двух почерков. Переплет — доски, обтянутые кожей. Записи: заметки последнего владельца рукописи Н. Филиппова.

8 (В-15903). Сборник старообрядческий, конец XVIII—XIX в., в 4-тку, 164 листа, полуустан разных почерков, имеются миниатюры. Переплет — доски, обтянутые кожей. Состав: Сказание дьякона Федора о протопопе Аввакуме, Лазаре и Епифании; Сказание протопопа Аввакума, иерея Лазаря, дьякона Федора и инока Епифания в исповедании православной веры; «Выписано от епистолии священномученика Федора дьякона о священных»; От канона Андрея Критского на исход души; жития — Дмитрия Угличского (лицевое, миниатюры с краткими пояснениями) и Кирилла Новоезерского; из летописца архирейского: о Филарете (Федоре Никитиче); Сказание о чудесах Петра, Алексия и Ионы Московских; выписки из книги «Небо новое» И. Галаятского; Повесть о 12 снах царя Мамера и др.

9 (В-14445). Беседа на гробу младенца о бессмертии души, 1822 г., в лист, 123 листа, скоропись. Переплет — картон, обтянутый кожей.

10 (В-13769). Житие и чудеса Василия Блаженного, 1838 г., в 8-ку, 43 листа, полуустан, орнамент (акварельные заставки (32), концовки (две) и титульный лист в цветной орнаментальной рамке). Переплет — картон, обтянутый кожей, обрез золоченый. Запись: «Писал Федор Григорьев Прозуменьщиков. 1838 года в Москве, октября 21 дня» (на обложке титульного листа).

11 (В-13984). О Антихристе, XIX в. (1-я половина), в 4-тку, 37 листов, полуустан. Переплет картонный.

12 (В-14370). Ирмологий крюковой, XIX в. (2-я половина), в лист, 244 листа, полуустан, с наличием раздельноречных форм, нотация знаменная, с пометами, признаки применяются ограниченно, есть указания на «ин распев», орнамент (инициалы, вязь). Переплет — доски, обтянутые кожей, застежки утрачены.

13 (В-13974). Сборник старообрядческий, XIX в. (1-я половина), в 4-тку, 109 листов, полуустан. Переплет картонный. Содержание: обзор памятников древнерусской книжности и материальной культуры с аполгией старообрядчества.

14 (В-16304). Сборник, XIX в. (1-я половина), в 4-тку, 24 листа, полуустан.

¹ В скобках обозначен инвентарный номер рукописи, являющийся и ее шифром.

Переплет — картон, обтянутый кожей. На полях и заднем форзаце заметки последнего владельца рукописи Н. Ф. Филиппова. Состав: Серапион, архиепископ Суздальский и Тарусский; Служба Софии Суздальской (л. 1); из жития Евфимия, о Покровском монастыре (л. 12); о строениях Покровского монастыря и захоронениях в нем (л. 15—19 об.); Сказание о житии и чудесах Софии Суздальской (л. 20).

15 (В-13796). Минея общая, XIX в. (2-я половина), в 4-тку, 265 листов, полуулав.

Переплет — доски, обтянутые кожей, с застежками (верхняя утрачена).

16 (В-17314). Сборник певческий (песнопения постной и цветной Триоди), кроковой, XIX в. (2-половина), в 4-тку, 59 листов, полуулав, нотация знаменная, с пометами и признаками, орнамент (заставки, инициалы). Переплет картонный. Записи: 1) «Сия книга певча Ивана Леонтьевича Паткина» (начало XX в.; на заднем форзаце); 2) «Дарю на память кроковую книгу моим родным внучатам. От Ивана Леонтьевича Паткина» (XX в.; на обороте верхней крышки).

17 (В-16366). Сборник певческий кроковой, XIX в. (2-я половина), в 4-тку, 109 листов, полуулав, с наличием раздельноречных форм, нотация с пометами и признаками, на л. 8 об. указание: «Демеством»; орнамент (в красках заставки, рамки, инициалы, среди украшений имеются незавершенные). Состав: припевы на «Господи возвах», кафизмы с 1-го по 20-й, кондаки и стихиры пасхе, псалмы. Переплет картонный.

18 (13871). Сборник, XIX в. (2-я половина), в 8-ку, 30 листов, полуулав, орнамент (две заставки с одной доски, вырезанные из старопечатной книги). Переплет картонный. Состав: каноны Кирику и Улите, Киру и Иоанну.

19 (13986). Устав о христианском житии, XIX в. (2-я половина), в 8-ку, 86 листов. Переплет — доски, обтянутые кожей, застежки утрачены.

20 (В-16369). Сборник певческий, кроковой, XIX в. (2-я половина), в 8-ку, 59 листов, полуулав, с наличием раздельноречных форм, нотация знаменная, с пометами и признаками. Состав: октоих, обиходные песнопения, праздничные службы.

21 (В-17315). Праздники, кроковые, конец XIX в., в 4-тку, 174 листа, полуулав, нотация знаменная, с пометами и признаками, 12 наклонных раскрашенных гравюр, орнамент (в красках заставки, инициалы, мелкие инициалы). Переплет — картон, обтянутый кожей. Печать: «Иван Левонтевич Паткин. д. Осинки» (л. 1).

22 (В-16074). Сборник старообрядческий, XIX в. (3-я четверть), в 4-тку, 200 листов, полуулав. Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, с застежками. Содержание: выписки из Кормчей, Маргарита, Пролога, Стоглава, Катехизиса, сочинений Иоанна Дамаскина, Ефрема Сирина, Максима Грека, Иосифа Волоцкого и др. о почитании, украшении и каждении икон, о иконописцах, о службе в дому, о проезжих грамотах в иные государства (из Уложения 1649 г.), об отношении к еретикам и т. п.

23 (В-16364). Ирмологий кроковой, конец XIX в., в 4-тку, 263 листа, полуулав, раздельноречный, нотация знаменная, с пометами, признаки применяются ограниченно. Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки утрачены.

24 (В-14369). Октоих кроковой, начало XX в., в 4-тку, 187 листов, полуулав, с наличием раздельноречных форм, нотация знаменная с пометами и признаками, орнамент (инициалов 17). Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, с заставками. Штамп: «Иван Васильевич Кочетков».

25 (В-13872). Сборник, конец XIX в., в 4-тку, 40 листов, полуулав. Переплет картонный. Состав: акафист Кресту (л. 1); канон скорбящей божией матери (л. 17); акафист всем святым (л. 29). Запись: «№ 87. Из библиотеки игумена Тихона» (л. 1).

26 (В-13873). Служба мученице Фелицате, конец XIX в., в 4-тку, 26 листов, полуулав. Переплет — картон, обтянутый тканью.

27 (В-13884). Каноник, конец XIX в., в 4-тку, 101 лист, полуулав. Переплет — картон, обтянутый тканью, застежка утрачена.

28 (В-13982). Сборник, конец XIX в., в 4-тку, 548 листов, мелкий полуулав, орнамент (9 заставок, оттиснутых с двух досок). Переплет — доски, обтянутые кожей, с застежками. Состав: Житие Иоанна Дамаскина (л. 1); Мучение десяти мученик, яже в Крите (л. 27); Житие Евфимия Великого (л. 34); Страдание великомученика Прокопия (л. 87); Житие Стефана Сурожского (л. 112); Житие Епифания Кипрского (л. 132 об.); Житие Афанасия Афонского (л. 199); Исаак Сирия «О чинуновоначальных и уставе» (л. 269); «Слово, яко не подобает веры яти клевете» (л. 273); Слово о Василии Великом и Ефреме Сирине (л. 275); Слово Иоанна Златоуста о покорении всякого человека (л. 277); Повесть о преподобном Елисее (л. 279); Катехизис (л. 289); Маргарит. Слово Иоанна Златоуста на иудеев (л. 492); Маргарит. Слово Иоанна Златоуста о лжепророках и лжеучителях (л. 520); Пролог. Слово о возгребавшем мертвых и паки спасшемся покаянием (л. 539); Слово о молчании и смирении еже не отчаятся (л. 541); Слово Ефрема о подвиге (л. 544).

29 (В-14209). Каноник, конец XIX в., в 4-тку, 830 листов, полуулав разных почерков. Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, с застежками. На нижней крышке выбито: «Перешлетная Н. И. Тарасенкова». Состав: Каноны ярославским князьям Василию и Константину (л. 1), Кириллу Белозерскому (л. 11 об.), мученице Акилине (л. 19 об.), мученице Агриппине (л. 26), царевичу Димитрию (л. 34), пророку Елисею (л. 45 об.), Петру и Февронии Муромским (л. 52), Киру и Иоанну (л. 59),

царевичу Петру Ростовскому (л. 65), на положение ризы Богородицы (л. 73), Андрею Критскому и Марфе, матери Симеона Дивногольца (л. 80 об.), Афанасию Афонскому (л. 93), Сергию Радонежскому (л. 103), на усение княгини Ольги (л. 115), Михаилу Малееву (л. 125 об.), архангелу Гавриилу (л. 135), князю Владимиру (л. 143), великомученице Марине (л. 159), Марии Магдалине (л. 168 об.), Анне, матери Богородицы (л. 176 об.), Макарию Желтоводскому (л. 185), великомученику Прокопию (л. 194), Панкратию, епископу Тавропенийскому (л. 203), на положение ризы господней. (л. 210 об.), святым отцам (л. 219), мученику Анфиногену (л. 226 об.), Макрине, сестре Василия Великого (л. 232), пророку Иезекиилу (л. 239), Иоанну и Симеону (л. 244 об.), мученице Христине (л. 251), Борису и Глебу (л. 259 об.), Николаю Кочанову (л. 276), апостолам Прохору, Никанору, Тимону, Пармену (л. 285), Евдокиму Каппадокийскому (л. 292), кресту (л. 292 об.), Софии (л. 301), первомученику Стефану (л. 314), семи мученикам (л. 328), Антонию Римлянину (л. 335 об.), кресту (л. 351 об.), Василию Блаженному (л. 362 об.), Петру-митрополиту (л. 379 об.), апостолу Матфею (л. 390 об.), положению пояса Богородицы (л. 414), предпразднеству преображения (л. 427), предпразднеству усения (л. 435), Александру Свирскому (л. 443), Симеону Столпнику (л. 457), Савватию Соловецкому (л. 466 об.), святым женам (л. 479), пророку Моисею (л. 489), пророку Захарии (л. 498), рождеству Богородицы (л. 506), святителю Иоанну (л. 615), Иосифу Волоцкому (л. 530), мученицам Минодоре, Митродоре, Нимфодоре (л. 542 об.), предпразднеству воздвижения креста (л. 552 об.), князьям Феодору Смоленскому и его детям Давиду и Константину (л. 561), князю Михаилу Черниговскому и боярину Феодору (л. 573), на зачатие Иоанна Предтечи (л. 584), Евфросинии Александрийской (л. 594 об.), Сергию Радонежскому (л. 606), Кириаку-отходнику (л. 619), Григорию Пельшемскому (л. 654), апостолу Луке (л. 664), Иоанну Рыльскому (л. 674), апостолу Иакову (л. 685), преподобному Авраамии (л. 695), Гурию Казанскому (л. 704 об.), Лазарю (л. 718), Флору и Лавру (л. 729), Андрею юродивому (л. 741), апостолу Фоме (л. 753), Сергию и Вакху (л. 761 об.), Пелагии (л. 773), апостолу Иакову (л. 782 об.), отцам седьмого собора (л. 792 об.), мученику Лонгину (л. 803), Андрею Критскому (л. 813 об.).

30 (В-14379). Канонник, конец XIX в., в 4-тку, 70 листов, полуустав. Переплет картонный. Состав: каноны троице (л. 1), Иоанну Богослову (л. 7), богородице Федоровской (л. 15), неопалимой купине (л. 30); каноны-молебны: в смертоносную язву (л. 38), о дожде (л. 46), Паисию/Великому (л. 52), в субботу сыропустную (л. 59).

31 (В-13870). Канон великомученице Екатерине, конец XIX в., в 8-ку, 18 листов, полуустав. Переплет — картон, обтянутый тканью.

32 (В-14378). Канон мученику Харлампию, конец XIX—начало XX в., в 4-тку, 10 листов, полуустав. Переплет картонный. В начале книги: «О шествии Николы в Палестину» (отрывок на 1-м л. отдельного счета).

33 (В-14971). Сборник богослужебный, конец XIX—начало XX в., в 4-тку, 229 листов, полуустав разных почерков. Переплет — доски, обтянутые тканью, с застежками. Содержание: службы страстной недели (л. 1); канон на боготелесное погребение (л. 30); службы пасхи (л. 87); канон благовещению (л. 99); паремии богородичным праздникам (л. 128); канон-молебен о дожде (л. 132); канон-молебен о ведре (л. 140); канон-молебен, певаемый во брани против супостатов, находящихся на ны (л. 146 об.); канон купине (л. 153); как крестить младенца (л. 186); канон за болящего (л. 194); служба Тихвинской богоматери, конец XVIII в. (л. 204).

34 (В-17313). Праздники, крюковые, конец XIX—начало XX в., в лист, 219 листов, нотация знаменная, с пометами и признаками, полуустав, орнамент (в красках: заставка-рамка, заставки (23) инициалы (22), мелкие инициалы). Переплет — картон, обтянутый кожей. Запись (карандашом): «1906 год. Павел Иванов Паткин».

35 (В-14970). Сборник старообрядческий, конец XIX—начало XX в., в 8-ку, 265 листов, полуустав. Переплет — доски, обтянутые тканью, с застежками. Включает около 50 произведений и отрывков, в том числе: Слово о Федоре купце (л. 4); Повесть о иконе Иверской богоматери (л. 15 об.); О двенадцати снах царя Мамера (л. 108); Десятое послание Мелетия, патриарха Александрийского, к князю Василию Острожскому (л. 154 об.); из Барония: Слово о хранительном и несытном былии (картофеле) (л. 201) и др.

36 (В-13291). Сборник («Выписка из книг»), начало XX в., в 4-тку, 218 листов, полуустав. Переплет — доски, обтянутые кожей, сохранилась нижняя крышка с застежками. Содержание: выписки по вопросам истории русской церкви и старообрядчества из книг: «История Государства Российского» Н. Карамзина, «История России» С. Соловьева, «История русской церкви» Макария; П. Знаменский. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1888, и др.

37 (В-13983). Апология о вечности церкви, старообрядческое сочинение на гектографе, начало XX в., в 4-тку, 104 листа, полуустав. Переплет картонный. Содержание: «О существе церкви»; «О погрешностях грекороссийской церкви»; «О печальной жизни старообрядцев».

38 (В-16194). Оды и стихотворения Ф. Я. Селезнева. С автобиографическим очерком, конец XIX в., в 8-ку, 143 листа, письмо — подражание печатному шрифту.

II. Старопечатные книги

- 1 (В-13322, В-13321). Октоих, ч. 1 и 2. М., печ. Андроник Невежа 1594.
- 2 (В-16372). Минея общая. М., печ. Андроник Тимофеев Невежа, 1600.
- 3 (В-16296). Евангелие. Венеция (?), 1606.
- 4 (В-16297). Евангелие. М., печ. Анисим Михайлов Радишевский, 1606.
- 5 (В-13317). Минея, октябрь. М., печ. Иван Андроников Невежин, 1609.
- 6 (В-13767). Триодь цветная. М., печ. Кондрат Иванов, 1621.
- 7 (В-13313). Минея, январь. М., 1622.
- 8 (В-13316). Минея, февраль. М., 1622.
- 9 (В-16087). Иоанн Златоуст. Беседы на деяния св. апостол. Киев, тип. Печерской лавры, 1624.
- 10 (В-13314). Минея, март-апрель. М., 1625.
- 11 (В-16368). Евангелие. М., 1628.
- 12 (В-14968). Минея общая. М., 1628.
- 13 (В-16371). Евангелие учительное. М., 1629.
- 14 (В-16721). Триодь постная. М., 1630.
- 15 (В-14367). Октоих. ч. 2. М., 1631.
- 16 (В-16376). Триодь цветная. М., 1635.
- 17 (В-13315). Минея, сентябрь. М., печ. Бурцов, 1636.
- 18 (В-13315). Минея, декабрь. М., 1636.
- 19 (В-13276). Трефологион. М., 1637.
- 20 (В-13975, В-14184). Трефологион. М., 1638.
- 21 (В-13320). Шестоднев. М., печ. Бурцов, 1640.
- 22 (В-13319). Иоанн Златоуст. Маргарит. М., 1641.
- 23 (В-16752). Пролог, сентябрь-декабрь. М., 1642.
- 24 (В-16367). Службы и житие Николая-чудотворца. М., 1643.
- 25 (В-14368). Минея, июль. М., 1646.
- 26 (В-14481). Сборник из 71 слова. М., 1647.
- 27 (В-16373). Апостол. М., 1648.
- 28 (В-15891). Октоих, ч. 2. М., 1649.
- 29 (В-16298). Триодь постная. М., 1650.
- 30 (В-16299). Требник. М., 1651. Запись: «Лета 7160-го году генваря в 30 день сию книгу Потребник дал боярин и оружейничей Григорий Гаврилович Пушкин в свою вотчину в село Голенищево в церковь Рождества Богородицы» (по л. 1—20 второго счета).
- 31 (В-13767). Часослов. [М., 1652?].
- 32 (В-16750). Кормчая. М., 1653 (в переделанном виде).
- 33 (В-15857). Требник. М., 1658.
- 34 (В-15861). Минея общая с праздничной. М., 1663.
- 35 (В-16379). Триодь постная. М., 1663.
- 36 (В-16086). Октоих, ч. 1. М., 1666.
- 37 (В-15893). Евангелие. М., 1685.
- 38 (В-16083). Минея, декабрь. М., 1690.
- 39 (В-16305). Минея, июль. М., 1691.
- 40 (В-16085). Октоих, ч. 2. М., 1692.
- 41 (В-15859). Триодь цветная. М., 1695.
- 42 (В-16084). Пролог сентябрь-ноябрь. М., [2-я половина XVII в.].
- 43 (В-15860). Минея, февраль. М., 1710.
- 44 (В-15862). Минея, июнь. М., 1711.
- 45 (В-15299). Грамматика. М., 1721.
- 46 (В-13318). Альфа и омега. Супрасль. 1738.
- 47 (В-15298). Молитвослов. Киев, 1742.
- 48 (В-16081). Минея, апрель. М., 1747.
- 49 (В-16080). Дмитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брянской вере. М. [2-я половина XVIII в.].
- 50 (В-16301). Служебник. М., 1760.
- 51 (В-16302). Служба Дмитрию Ростовскому. М., 1763.
- 52 (В-13976). Иоанн Златоуст. М., 1773.
- 53 (В-14377). Часовник. Супрасль. 1780.
- 54 (В-16308). Ефрем Сирий, авва Дорофей. Поучения. Вильна, 1780.
- 55 (В-15863). Катехизис. Почаев, 1782.
- 56 (В-13278). (Лаврентий Зизаний) Катехизис. Гродно, 1788.
- 57 (В-13794). Псалтирь. Львов, 1791.
- 58 (В-14210). Георгий Кедрин. Деяния церковные и гражданские. М., 1794.
- 59 (В-15858). Иоанн Златоуст. Беседы и поучения. Вильна, 1798.
- 60 (В-16378). Минея общая с праздничной. [Б. м.; конец XVIII в.].
- 61 (В-16082). Типикон [М., конец XVIII в.].
- 62 (В-16303). Ирмологий нотного пения. М., 1800.

Е. А. БОБКОВ

Певческие рукописи гуслицкого письма

В Древлехранилище Пушкинского Дома имеется интересное собрание гуслицких певческих рукописей,¹ возникшее в результате экспедиции в Орехово-Зуевский и Куровский районы Московской области в декабре 1958 г.,² а затем пополнившееся благодаря отдельным поступлениям.³ Это собрание содержит старообрядческие певческие рукописи XVIII—начала XIX в. на крюковых нотах из очень интересного подмосковного района — Гуслиц.

Гуслицкие певческие рукописи имеются также в фондах Рукописного отдела Государственного Исторического музея, Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Рукописного отдела Государственного центрального музея музыкальной культуры им. М. И. Глинки, в Книгохранилище Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища, в Книжнице Рижской гребенщицкой старообрядческой общины и в ряде частных коллекций, в частности у М. И. Чуванова (г. Москва), у Л. И. Пименова (г. Горький) и у автора настоящей статьи.

Гуслицкие певческие рукописи происходят из среды старообрядцев-поповцев, связанных с Рогожским кладбищем в Москве. В то время как все старообрядческие рукописи из беспоповской среды принадлежат к одной традиции графического оформления — поморской, что объясняется существованием в конце XVII—XIX в. сильного единого центра их — Выгорецкого общежительства в Поморье, в среде старообрядцев-поповцев до середины XIX в. не было единого центра и, видимо, поэтому не было единой рукописной традиции.

Гуслица, или Гуслицы, — очень интересный район, недостаточно описанный в литературе. Отдельных изданий по ним нет совершенно, имеются лишь краткие упоминания в некоторых книгах.⁴

Местность эта получила свое название по имени реки — Гуслица, притока р. Нерской, впадающей в Москву-реку. В конце XVII—начале XVIII в. в гуслицкие леса бежали старообрядцы, спасаясь от гонений за веру.

¹ В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов). М.—Л., 1965, с. 23—24.

² Н. Ф. Дробленкова, Н. С. Сарафанова. Поездка за рукописями в Орехово-Зуевский и Куровский районы Московской области в декабре 1958 г. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 539—542.

³ В. И. Малышев. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома АН СССР. — РЛ, 1973, № 2, с. 198—199; 1974, № 1, с. 235, 1975, № 4, с.

⁴ См., например: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1960, с. 8, 9, 34, 74, 360, 424, 434; Россия. Полное географическое описание нашего отечества, под общим руководством П. П. Семенова-Тянь-Шанского. СПб., т. 1, с. 293.

В Гуслицах было много талантливых мастеров, занимавшихся художественными промыслами. Иконописный, меднолитейный и другие промыслы были здесь давними занятиями многих художественно одаренных местных жителей. Из числа таких художников-самоучек и могли выходить талантливые переписчики и оформители рукописей. Интересные сведения о художественных промыслах в Гуслице находятся в работе К. А. Вернера «Кустарные промыслы Богородского уезда Московской губернии».⁵ Автор отмечает следующие промыслы в Гуслице: иконописный — в деревнях Запоторской волости (Анциферово, Яковлевская, Костино, Давыдово, Гора, Ляхово, Елизарово); изделия из дерева — в Ильинском погосте; изделия из меди — в деревнях Ильинской волости (Давыдовская, Мосягино, Чичево, Челохово); изделия из железа — в дер. Беляево Запоторской волости; отмечаются также следующие промыслы: изделия из рога и копыт, кожевенные работы и различные ткацкие и отбельные промыслы.

Почти во всех гуслицких старообрядческих селениях были свои моленные и регулярно совершались службы. Поэтому многие жители этих сел и деревень хорошо знали знаменное пение, пели на клиросе, пели у себя дома при молитве. Из среды таких людей выходили переписчики крюковых книг. Многие из них, будучи художественно одаренными людьми, достигали высоких результатов в оформлении переписываемых ими певческих книг.

Гуслицкие певческие рукописи до сего времени мало изучены и в научной литературе не освещены. Имеются лишь отрывочные упоминания о них (например, у С. Смоленского в его работе «Древнерусские певческие нотации»⁶ и в его же обзоре рукописного собрания синодального училища церковного пения).⁷

Наряду с гуслицким часто в литературе упоминают еще беливское письмо (у С. В. Смоленского в инвентарной описи синодального певческого собрания рукописей⁸ — «бельское письмо»). Наименование «беливское письмо» по названию одной из гуслицких деревень — Беливо — следует считать ошибочным. В рукописях гуслицкого письма есть свои оттенки, которые свойственны чаще даже отдельным мастерам, чем местностям. Можно выделять имена отдельных переписчиков: Шитиковы, Крутиковы, Кашкин, Добренький, Кабанов и др.; выделяются отдельные группы деревень: Белино и Загряжская, Мисцево и Петрушино, Степановка и Абрамовка. Но все различия в письме и орнаменте рукописей из этих мест — лишь варианты гуслицкого письма, все эти рукописи имеют очень много сходного и отличаются одним общим направлением.

Вместе с тем существует так называемый «Беливский распев» — явление музыкального, а не графического порядка. Отсюда, очевидно, и пошло выражение «беливское письмо». Однако правильно говорить, конечно, о гуслицком письме, имея в виду те общие признаки, которые характерны для всех рукописей, выпшедших из этого района.

Как и все старообрядческие певческие книги, гуслицкие крюковые

⁵ К. А. Вернер. Кустарные промыслы Богородского уезда Московской губернии. [В. м.], 1890, с. 31.

⁶ С. В. Смоленский. О древнерусских певческих нотациях. — ПДПИ, вып. СXLV, СПб., 1901, с. 73—75, 79.

⁷ С. В. Смоленский. О собрании русских древнепевческих рукописей в Московском синодальном училище церковного пения. — Русская музыкальная газета. Отдельный оттиск. М., 1899. Высокую оценку гуслицким рукописям в свое время дал П. И. Мельников-Печерский (см.: Сборник Нижегородской ученой архивной комиссии, т. IX. В память П. И. Мельникова (Андрея Печерского), ч. II. Н. Новгород, 1910, с. 313).

⁸ Находится в Отделе рукописей ГИМ. Упоминается в кн.: Сокровища древней письменности и старой печати. — Тр. ГИМ, т. XXX. М., 1938, с. 71.

рукописи являются пометными, т. е. в отличие от более ранних русских певческих рукописей (примерно до середины XVII в.), именуемых беспометными, гуслицкие рукописи содержат киноварные пометы. Они имеют также и признаки, что характерно для рукописей из среды старообрядцев, имеющих священство.

Текст гуслицких рукописей истинноречный, или наречный, в отличие от раздельноречного, или наонного (иногда называемого также и хомовым) текста поморских рукописей.

Корни истинноречных рукописей уходят в XVII век. Имеется свидетельство протопопа Аввакума, который заявлял, что имел сам певческие рукописи, писанные «на речь».⁹

Как и во всех других старообрядческих рукописях, текст гуслицких рукописей принадлежит старой традиции, т. е. повторяет текст дониконских книг, не содержит изменений текста, сделанных в результате реформы бывшего патриарха Никона.

Орнамент гуслицких певческих рукописей очень своеобразен, его трудно спутать с каким-либо другим, особенности его очень индивидуальны. Он представляет собой, на наш взгляд, очень своеобразное развитие элементов старопечатного орнамента московских книг. В нем постоянно присутствуют такие характерные элементы, как например черта с выюнком. Но строгая графика старопечатного орнамента дополнена здесь богатством красок и своеобразностью вариантов развития. Истоки гуслицкого искусства оформления рукописей выходят из московской традиции, но в отличие от «академизма» профессионалов московской графической школы здесь мы имеем дело с народным искусством; в Гуслице оформлением рукописей занимались народные умельцы, талантливые мастера-любители. Несомненно, что, убегая от преследований в гуслицкие леса, московские ревнители церковной старины по возможности уносили с собой все дорогие для них священные предметы, в первую очередь — иконы и книги. Экспедиции в Гуслицу находили там и старопечатные книги, и рукописи XVI—XVII вв., в том числе и певческие. Например, в 1966 г. экспедиция Отдела рукописей ГБЛ привезла из Гуслиц в числе многих певческих рукописей три певческих сборника XVII в. (ГБЛ, ф. 218, поступл. 1966 г., № 64/59, 64/69, 64/70) и один певческий сборник XVI в. (№ 64/68). Подобные образцы могли служить исходными точками для развития своих традиционных приемов оформления рукописной книги.

Сочетания цветов бывают обычно двух видов: или желтый, красный, голубой и зеленый, или же — желтый, зеленый, с добавлением неяркого красного. Второе сочетание выглядит мягче, нежнее. Возможны и некоторые другие сочетания красок, но эти две разновидности наиболее распространены. Примерно с середины XIX в. в орнаменте гуслицких рукописей появляется также золото, чаще всего взамен желтой краски, а иногда в добавление к ней. Заставки и инициалы становятся более торжественными.

В собрании гуслицких рукописей Пушкинского Дома представляет интерес настенный лист (№ 16) — стихира воздвижению креста, работа М. А. Кашкина. Лист украшен нарядным инициалом, на полях листа — цветочная рамка. Подобные листы с различными стихирами, иногда с антифонами, нередко встречаются в старообрядческих храмах Московской области.

Как правило, все рукописи гуслицкого письма имеют красивые и прочные переплеты, изготавливаемые обычно из тонких досок, обтянутых

⁹ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1, стб. 327. — РИБ, т. 39. Л., 1927.

кожей. Переплеты имеют тиснение, нередко даже с золотом. Тисненный золотом орнамент по красновато-коричневой коже придает книге исключительную торжественность и красоту. Иногда, помимо орнамента, на переплете встречаются и изображения, например фигуры евангелистов в углах лицевой доски переплета.

Можно предполагать, что гуслицкая рукописная традиция сложилась уже в XVIII в. Но имена гуслицких мастеров рукописной книги XVIII в. неизвестны. Книг этого времени попадает мало. Известнее имена мастеров, работавших в XIX—XX вв. Рукописные книги вообще редко подписывались именами мастеров. Так и в Гуслицком собрании Древлехранилища Пушкинского Дома нет подписанных мастерами рукописей, за исключением ркп. № 15. Лишь в отношении некоторых рукописей есть указания прежних их владельцев на имя мастера, писавшего книгу, как например сведения о написании листа со стихирой воздвижению (ркп. № 16) М. В. Кашкиным из дер. Устьяново. Рукопись за № 15 (Обедница на крюковых нотах) имеет запись, являющуюся одновременно и владельческой, и вкладной, и, так сказать, авторской: «Сия книга принадлежит дьячку дер. Молоково Михаилу Мартиановичу Демину, писана его рукою, дарю ее в церковь села Слободищи».

Некоторые гуслицкие рукописи в других собраниях имеют записи переписчиков или владельческие записи с указанием имени мастера, изготовившего книгу. В этом отношении очень ценно собрание И. Г. Иванова (ф. № 614) в Отделе рукописей ГБЛ. Иван Георгиевич Иванов, гуслицкий уроженец (из дер. Равенской), сам был певцом и переписчиком певческих книг. Собирая рукописные певческие книги, он всегда выяснял имена их переписчиков и отмечал в записях. На основании подобных записей владельцев и самих мастеров автором настоящей статьи составлена таблица (Приложение 1), которая содержит имена гуслицких мастеров рукописной книги, их местожительство, шифры их рукописей в фондах государственных хранилищ. По характерным признакам оформления тех рукописей, имена создателей которых известны, можно в большинстве случаев методом сравнения определить имена мастеров для тех рукописей, которые не подписаны.

В Приложении 2 приводятся несколько характерных авторских и владельческих записей. Они могут представить интерес для изучения гуслицкой рукописной школы.

В начале XX в., примерно с 1908 г., начинается печатное издание певческих книг большими тиражами. Печатные книги были, конечно, дешевле рукописных. Переписчикам приходится переживать трудные времена. Сокращается спрос на певческие рукописи. Многие переписчики лишаются заказов и средств к существованию.

После 1917 г. издание певческих книг прекратилось. Но и переписка их уже не могла наладиться. Известны лишь несколько рукописей, написанных в 20-е годы гуслицкими выходцами при Рогожском кладбище в Москве. За более поздние годы можно отметить лишь имена двух-трех переписчиков энтузиастов. Так, например, упоминавшийся выше И. Г. Иванов, скончавшийся в 1960 г. в Москве, гуслицкий уроженец Е. И. Карпов, скончавшийся в Киеве в 1965 г., П. И. Телкин, ныне проживающий в Москве.

Но у поздних переписчиков не было тех привычных и опробованных долголетним опытом необходимых принадлежностей рукописного промысла. Ватманская бумага и тушь, незаменимые для чертежных работ, мало подходят для изготовления певческих рукописей. Элементы гуслицкого письма, несмотря даже на тщательное их выполнение, при таком необычном исполнении очень уступают традиционным образцам.

Список писцов книг

Фамилия и имя мастера	Место рождения (деревня)	Название	Место написания	Год	Местонахождение и шифр
Никитин Иван (он же старец Илья)		Демественник Трезвоны полные		1804	ГБЛ, ф. 247, № 410 ГБЛ, ф. 218, п. 1966 г. № 64/28
				1821	
Шитиков Михаил Иванович		Праздники Октай с обиходом		1832	ГБЛ, ф. 614, № 94/1 ГБЛ, ф. 614, № 94/3
				1838	
Шитиков Назар Алексеевич	Понарино	Демественник Праздники Октай с обиходом	На Рогожском	1875	ГБЛ, ф. 247, № 113 ГБЛ, ф. 614, № 94/9 ГБЛ, ф. 614, № 94/10
				1888	
				1895	
Крутиков Степан Иванович	Заполицы	Октай с обиходом	На Рогожском	1902	ГБЛ, ф. 614, № 94/11
Кашкин Максим Александрович	Устьяново	Октоих	В Устьяновке	Начало XX в.	ГБЛ, ф. 218, п. 1966 г., № 64/41
Добренький И. Ф., Федотов Антон	Мисцево-Заполицы	Праздники и Ирмосы		Конец XIX— начало XX в.	ГБЛ, ф. 614, № 94/7
Капустин Степан Алексеевич	Беливо	Ирмосы		1908	ГБЛ, ф. 218, п. 1966 г., № 64/52
Кабанов Лазарь Онуфриевич	Беливо	Псалмы, стихи духовные	В Москве	1899	Собрание автора
Демин Михаил Мартиньянович	Молоково	Обедница		Начало XX в.	Древлекранилище Пушкинского Дома, Гуслицкое собрание, № 15

П Р И Л О Ж Е Н И Е 2

I. Записи переписчиков книг

Сия богодухновенная книга глаголемая трезвонны полныя начата писать в лето 7329, месяца генваря во 8 день. Совершился сего же года месяца марта в 17 день; писал гуслицкий старец Илия бывший Иван Никитин.

ГБЛ, ф. 218, п. 1966 г., № 64/28. Трезвонны полные (стихирарь). (7329 лето — 1821 год, см. также первую запись в следующем разделе: записи владельца и проч. заметки).

Сия святая и богодухновенная книга, глаголемая октай певчий, полный самый, и с обиходом полным, и с нужными христианину потребами. Написан трудами и тщанием мастера Михайлы Иванова сына Шитикова. От создания мира, в лето 7346, месяца марта, в 9 день. А от воплощения бога Слова, 1838 года.

ГБЛ, ф. 614, № 94/3. Октоих с обиходом.

Славу и благодарение господу богу и спасу нашему Иисусу Христу, и пречистой его матери, и всем святым, возсылаю давшему мне начати писать сию святую и богодухновенную книгу певчую, нарицаемую демественик, в славном и богоспасаемом царствующем и великом граде Москве. И помощью его и благим поспешением, сподобившему и совершити ю. В лето от сотворения мира 7383; от рождества же Христова 1875-го года; месяца августа в 19 день; на память от святого мученика Андрея Сратилата, и иже с ним пострадавших дву тысяч и пяти сот и девяносто и трех. Тщание в художестве и трудех многогрешнаго и непотребнаго раба, Богородскаго уезда деревни Понариной Назара Алексеевича Шитикова, служившего при Рогожском старообрядческом кладбище в певчих, в храме Рождества Христова и в храме Покрова пресвятыя Богородицы. В писании же трудившагося любезными труды о господе. В похвалу и славу и пение, всесильному иже в Троице славимому богу, и пречистой Богородице и всем святым. Тому подобает всяка слава, честь и велелешие и поклоняние от всея твари. Всегда и ныне и присно, и во веки веком, аминь.

Писана сия книга с книги демественика похвального напева, писанного в Беливе.

ГБЛ, ф. 247, № 113. Демественик.

Сия книга, глаголемая Октай с Обиходом, начата в 1844 году Федотом, племянником Петра, Васильевым. запольским. Речь писана им, Федотом, застафьки рисовал и раскрашивал, писал крюки Михайла Сидоров. Рисовал в 1849 году, крюки писал в 1863 году и кончил 1863 году сентября 2-го.

ГБЛ, ф. 247, № 917. Октоих с обиходом. (Запольский — очевидно, из села Заполицы).

Сия святая и боговдохновенная книга певча нарицаемая праздники начата бысть писатися первоначально учеником крестьянским сыном деревни заполицы Московской губернии Богородского уезда, Василием Степановичем Крутиковым 1901 года месяца октября в 30 день.

ГБЛ, ф. 651 (собр. Усова), № 41. Праздники.

Сия святая и боговдохновенная книга Божественная литургия Иоанна Златоустаго патриарха Царя-града, на греческом диалекте списана с рукописи, находящейся в библиотеке Пафнутия епископа Казанского, с оной сия написана на Рогожском кладбище в Москве в лето 7423 ноября в 5 день. Писал Лазарь Онуфриев Кабанов.

ГБЛ, ф. 218, п. 1968 г., № 56.41. Обедница на греч. яз. на крюковых нотах.

Сия святая книга нарицаемая чин Божественной соборной архиерейской литургии. Писана трудами и тщанием певцом храмов Рождества Христова и Покрова пресвятыя Богородицы, что в Рогожском кладбище в Москве Степаном Ивановичем Крутиковым, месяца ноября 20 дня 1925 года.

Книгохранилище Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища, инв. № 165. Литургия на крюковых нотах.

II. Записи владельцев книг и другие заметки

1804 года марта 1 числа (1-й почерк) писана в Гуслицах мастером Иваном Никитиным (2-й почерк), которой в 1810 году пострижен в монахи (3-й почерк, самый поздний).

ГБЛ, ф. 247, № 110. Демественник. (Запись сделана тремя разными почерками в разное время).

Сия книга ирмосы принадлежит крестьянину Московской губернии Запонорской волости дер. Куровской Афанасию Ионову Бичеву. Написаны в деревне Беливе Степан Алексеевым Капустиным ценою за двенадцать рублей, переплет два руб. 50 коп., а всего стоимость четырнадцать руб. и 50 к. Писана в 1908 году, в сентябре месяце.

ГБЛ, ф. 218, п. 1968 г., № 64/52. Ирмосы.

Сия книга глаголемая Псалмы, сиречь собрание духовно божественных стихов. Принадлежит крестьянину, Московской губ., Богородского уезда, Запонорской волости, дер. Новой, Василию Васильевичу Рунову. Написано в Москве, в лето от Адама 7407-е. Писал сию книгу Лазарь Онуфриев Кабанов. Уроженец того же уезда и волости, дер. Беливой.

Собрание автора. Псалмы, стихи духовные на крюковых нотах. 1899 г

Об одном важном источнике Тихомировского собрания (Страничка воспоминаний)

В 1965 г. в Сибирское отделение АН СССР поступило, как дар владельца, крупное собрание древнерусских рукописей и старопечатных книг академика М. Н. Тихомирова. В него входят 648 рукописей и рукописных книг XIV—XIX вв., 97 старинных изданий, в основном славяно-русского происхождения, XVI—XVIII вв., 24 иностранные рукописи XV—XIX вв. и значительное количество документального (делового) материала XV—XIX вв.¹ Однако мало кому известно, что основу этого замечательного собрания составляют рукописные материалы, принадлежавшие видному ленинградскому коллекционеру Виталию Феофановичу Груздеву. Автор настоящей заметки был причастен к тому, что ценная коллекция В. Ф. Груздева стала тихомировской, и полагает, что ученым, особенно сибирякам, небезынтересно будет узнать о том, когда и как это произошло.

Но сначала о В. Ф. Груздеве и его коллекции. Полковник медицинской службы в отставке, кандидат медицинских наук, доцент В. Ф. Груздев, как он сам сейчас вспоминает, начал увлекаться собиранием древнерусских рукописей еще в 1913 г. в Казани, будучи студентом медицинского факультета Казанского университета. За 8 лет проживания в этом городе он приобрел на базаре, в магазинах и у местных коллекционеров (Н. М. Коровина, Г. М. Залкинда, Н. Ф. Катанова и др.) несколько десятков рукописных книг XVI—XIX вв. Но здесь его постигло несчастье: незадолго до его отъезда из Казани большая часть найденного им старинного материала погибла при пожаре. Это, однако, не остановило собирательского пыла юного медика.

Бывая по делам службы в Казанской и Пермской областях (городах Кунгуре, Ядрине, Рыбной слободе, с. Урахча и др.), проходя в 1922—1924 гг. воинскую службу врачом в псковском погранотряде, В. Ф. Груздев непрестанно заботился о пополнении своей коллекции. В Пскове, например, он раздобыл более десятка ценных рукописных книг XVI—XVII вв. Среди них было несколько лицевых и орнаментированных.

В 1937 г. В. Ф. Груздев переехал на постоянное жительство в Ленинград. И здесь-то во всю ширь развернулась его собирательская деятельность и талант искателя, следопыта. Он — частый гость книжных букинистических магазинов, заводит знакомство с известными ленинградскими собирателями (Ф. А. Каликиным, В. Ф. Гаршиным, П. М. Исаевым,

¹ А. И. Рогов, Н. Н. Покровский. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР. — Археогр. ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 162—172. См. также: М. Н. Тихомиров. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968, 196 с.

К. П. Ванюковым, В. А. Крыловым, Н. З. Цигирь и др.) и многими любителями старины; регулярно посещает уличные книжные развалы и городские толкучки, устанавливает контакты с некоторыми семьями местных старообрядцев. Его коллекция быстро растет, пополняется первоклассными рукописями. Только при посредстве старообрядца К. П. Ванюкова, имевшего обширные связи в среде держателей старины и старообрядцев, В. Ф. Груздев приобрел около 50 рукописей. Более десятка их было получено от Ф. А. Каликина. Среди них — две пергаменные рукописи XIV в.: Слово Григория Богослова о Маккавеех и листок из Апостола XV в. Следует отметить, что многие рукописи, полученные через К. П. Ванюкова, ранее принадлежали петроградским купцам — старообрядцам Кокоревым, имевшим их у себя довольно много.

Проживая в Ленинграде, В. Ф. Груздев несколько раз специально ездил за рукописями в Москву и на родину — в Юрьевецкий район Ивановской области. У московских коллекционеров и в магазинах «Старая книга», а также в деревнях Ивановской области он приобрел более двух десятков рукописей. Пять рукописных книг XVII—XIX вв. ему удалось найти в Кирове в 1941—1944 гг., куда он был эвакуирован с Военно-Морской медицинской академией.

Первое послевоенное десятилетие было особенно богато для В. Ф. Груздева счастливыми находками. В его коллекции появилось еще три стареньких пергаменных рукописи и ряд ценнейших памятников древнерусской письменности и литературы. Имя В. Ф. Груздева приобрело известность и авторитет среди работников антикварно-букинистических магазинов и местных владельцев старины. Ему теперь охотно уступали интересующие его рукописные материалы. В эти годы несколько ценных рукописей подарили ему Д. С. Лихачев и В. В. Мавродин, 10 рукописных книг он приобрел от сестры покойного собирателя Михаила Ивановича Успенского — Юлии Ивановны Успенской. При помощи Сергея Варшавского, видного ленинградского коллекционера, к В. Ф. Груздеву перешло более 20 рукописей и столбцов из коллекции М. Н. Куфаева, а 3 интересные рукописи ему уступил рижский профессор П. И. Страдынь.

К осени 1955 г., когда для В. Ф. Груздева, по семейным обстоятельствам, возникла необходимость расстаться со своей коллекцией, она насчитывала более 325 рукописей XIV—XIX вв., в основном древнерусской письменной традиции. В нее входило также более сотни столбцов XVI—XVIII вв., полтора десятка огромных роскошных жалованных грамот XVII—XVIII вв. с вислыми печатями (из коллекции московского собирателя Сузина). Было 36 рукописей XV—XIX вв. на восточных, западноевропейских и языках народов СССР, 25 лечебников XVII—XIX вв., а также русские рукописи нового времени. Имелось 6 Хронографов XVII—XVIII вв. В коллекции находилось до 20 славяно-русских старопечатных книг XVI—XVIII вв. и столько же зарубежных изданий того же времени.

Коллекция В. Ф. Груздева включала в себя первоклассные материалы по русской истории, древнерусской литературе, народной медицине, естественнонаучным и прикладным знаниям, изобразительному искусству (немало было в ней лицевых и орнаментированных рукописей XV—XIX вв.), праву, учебной литературе и по многим другим разделам русской культуры прошлого.² В 1955 г. она была самой крупной частной

² См. о содержании этой коллекции в 1948—1949 гг.: В. И. Малышев 1) Коллекция славяно-русских рукописей В. Ф. Груздева. — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1948, т. 67, с. 265—269; 2) Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, с. 458—459.

коллекцией древнерусских рукописей в Ленинграде и успешно конкурировала с рядом замечательных личных коллекций такого же профиля в Москве (В. В. Величко, А. П. Гранкова, М. И. Чуванова и др.).

Материалы коллекции широко использовались в трудах ученых нашей страны. Самим В. Ф. Груздевым, на основании имевшихся у него более двух десятков лечебников XVII—XIX вв., была написана кандидатская диссертация, успешно защищенная в конце 1945 г. В 1946 г. она вышла в свет отдельной книжкой.³ Еще раньше некоторые тексты по народной медицине, археологии и этнографии были использованы В. Ф. Груздевым в статьях, напечатанных им в 20-е годы в казанских университетских изданиях. Медицинские рукописи изучались также историком русской медицины Н. А. Богоявленским.⁴ Литературными и историческими произведениями пользовались в своих работах В. П. Адрианова-Перетц, С. Н. Валк и другие исследователи.⁵

С В. Ф. Груздевым меня познакомил в конце 1946 г. покойный Ф. А. Калинин. У нас сразу же установились дружеские отношения. Мы стали частенько встречаться. Я с интересом следил за быстрым ростом его коллекции, помогал ему в поисках рукописной и печатной старины до тех пор, пока летом 1949 г. в Пушкинском Доме не стало создаваться свое собрание древнерусских рукописей. Но и после этого наше знакомство не прекратилось и отношения оставались прежними. В. Ф. Груздев так же сообщал мне о всех своих новых рукописных находках, планах поисков и даже не раз делился адресами собирателей. При его прямом содействии Пушкинский Дом приобрел тогда несколько ценных рукописных книг. А я со своей стороны помогал В. Ф. Груздеву в оценке и определении научного значения приобретаемых им рукописей.

Не переставая частенько бывать у В. Ф. Груздева, я продолжал знакомиться с его методикой собирания, перенимать богатый опыт тонкого и умелого обхождения с коллекционерами самых различных рангов и специальностей. Должен отметить, что в подборе ключей к сердцу собирателей В. Ф. Груздев был большой специалист. Увидев у кого-нибудь из них понравившуюся ему рукопись, он в конце концов обязательно оказывался ее владельцем. Для этого он старательно выявлял вкусы и желания коллекционера.

Вот почему когда в 1955 г. семейные обстоятельства вынудили В. Ф. Груздева расстаться с коллекцией (он уходил в отставку, переезжал жить в купленный в г. Пушкине дом и т. д.), он, заботясь о будущем своего собрания рукописей, прислал мне в Пушкинский Дом письмо следующего содержания: «Дорогой Владимир Иванович! Посылаю Вам один экземпляр описи моих рукописей. Прошу помочь их ликвидировать. Я хотел бы продать их все в одну из государственных библиотек».⁶

К сожалению, в тот момент это не удалось сделать.

Беспокоясь о том, чтобы такое ценное собрание не попало в случайные руки, я в начале декабря 1955 г. сообщил по телефону М. Н. Тихомирову

³ В. Ф. Груздев. Русские рукописные лечебники. Л., 1946, 72 с.

⁴ Н. А. Богоявленский. Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. М., 1960, с. 308.

⁵ Русская демократическая сатира XVII века. Подгот. текстов, статья и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954, с. 17, 25, 208, 213, 214; С. Н. Валк. Татищевские списки Русской правды. — В кн.: Материалы по истории СССР, вып. V. М., 1957, с. 612—614.

⁶ Институт Русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Рукописный отдел. Фонд 494 (архив В. И. Малышева). Письмо В. Ф. Груздева от 16 сентября 1955 г. Далее сокращенно: Архив В. И. Малышева.

о намерении В. Ф. Груздева продать свои рукописи и посоветовал ему их приобрести. Я твердо был убежден, что если коллекция попадет к нему, то это все равно как если бы она перешла в государственное хранилище. М. Н. Тихомиров весьма охотно согласился на мое предложение и попросил, чтобы В. Ф. Груздев выслал список рукописей с оценкой каждой рукописи в отдельности. 7 декабря М. Н. Тихомиров прислал мне телеграмму с просьбой сообщить в общих чертах содержание коллекции, что я тут же и сделал.⁷ Лишь 30 декабря я смог зайти к В. Ф. Груздеву и объявить ему о намерении М. Н. Тихомирова приобрести его коллекцию. В. Ф. Груздев с радостью встретил это известие, так как знал М. Н. Тихомирова не только по отдельным его работам, ценил их, но и был знаком с ним лично.

А состоялось это знакомство при следующих обстоятельствах. Однажды весной в 1953 или 1954 г., точно не помню, М. Н. Тихомиров после какого-то заседания в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР (оно помещалось тогда в здании Библиотеки Академии наук СССР) зашел в Пушкинский Дом за мной пообедать, после чего имел намерение погулять по Центральному парку культуры и отдыха им. С. М. Кирова. М. Н. Тихомиров любил этот зеленый, живописный уголок Ленинграда и мы не раз проводили с ним здесь время. В конце обеда, в гостинице «Астория», я, неожиданно для себя, предложил М. Н. Тихомирову посмотреть интересную рукописную коллекцию В. Ф. Груздева, хронографами и летописцами XVII в. которой он как-то интересовался, узнав о них из моих указанных выше обзорных статей. М. Н. Тихомиров не возражал. А я, предлагая эту поездку, знал, что В. Ф. Груздев в этот день дома, и мы очень скоро были у него на квартире, на Свеаборгской улице, д. 27, кв. 9, неподалеку от Московского парка Победы.

Хозяин квартиры был несколько смущен нашим неожиданным приездом, а узнав, что перед ним известный историк, академик, совсем растерялся. Он сразу же начал извиняться за тесноту и беспорядок в комнатах, освобождать от всяких завалов для нас места. Жил же В. Ф. Груздев в те времена действительно тесновато. Две совсем небольшие комнатухи. Одна из них до самого потолка сплошь была забита самыми разнообразными коллекционерскими трофеями. Тут были всякие предметы старого быта, образцы старинного вооружения, живопись, гравюры и многое-многое другое. Все это предназначалось для обмена на рукописные книги. Поместиться в такой комнатке троим было делом нелегким, но мы все же как-то устроились. М. Н. Тихомиров сел к окну, хозяин встал у книжных полок, а я занял промежуточную между ними, передаточную, позицию. Так М. Н. Тихомиров провел у В. Ф. Груздева более трех часов за просмотром рукописей, работая с увлечением, отказавшись даже от чая.

Получив у В. Ф. Груздева 30 декабря список коллекции с оценкой каждой рукописи в отдельности, я в тот же день отправил его с попутчиком М. Н. Тихомирову. Им был кто-то из сотрудников ЛОИИ. Через два дня я получил его обратно с тем же попутчиком с положительным ответом и с некоторыми замечаниями по отдельным рукописям. 2 января 1956 г. В. Ф. Груздев зашел ко мне домой показать только что приобретенный сборник XVII в., и я познакомил его с условиями М. Н. Тихомирова. Он все их принял. Теперь мне оставалось только написать М. Н. Тихоми-

⁷ Архив АН СССР (Москва), ф. 693 (архив М. Н. Тихомирова), оп. 4, ед. хр. 369, л. 91—91 об. Письмо В. И. Малышева М. Н. Тихомирову от 7 декабря 1955 г. Далее сокращенно: Архив М. Н. Тихомирова.

рову письмо и ждать его приезда в Ленинград, что я, не откладывая, и сделал.⁸ Сам В. Ф. Груздев также написал М. Н. Тихомирову письмо.⁹

Однако приезд М. Н. Тихомирова в Ленинград из-за его болезни несколько задержался. В письме мне он сообщил: «Не писал Вам потому, что был болен. Да и никак не могу установить время приезда в Ленинград, где рукописи должен посмотреть сам. До февраля явно не удастся, а в феврале доктора посылают в Кисловодск. Если туда в феврале не поеду, то в середине его приеду к Вам. Если В. Ф. нуждается очень в деньгах, могу перевести ему аванс тысяч в 10. Спросите его».¹⁰

В середине марта 1956 г. мне сообщили, что М. Н. Тихомиров и его ученик Александр Николаевич Мальцев собираются в ближайшие дни приехать за рукописями В. Ф. Груздева. А через два или три дня я уже встречал их на Московском вокзале. С вокзала мы поехали прямо ко мне, на Боровую улицу, д. 11. Наскоро попив по-холостяцки чайку (все трое мы были холостяками), обменявшись новостями и поговорив о предстоящей работе, мы направились к В. Ф. Груздеву на работу в клинику глазных болезней Военно-Морской медицинской академии, которая находилась в то время напротив Витебского вокзала. Было условлено начать приемку с завтрашнего дня.

На следующий день мы рано утром были на квартире В. Ф. Груздева. Хозяин ждал нас, приготовил в дополнение к нашему упаковочный материал (мешки, бумагу, веревки), выделил отдельно отобранные М. Н. Тихомировым рукописи. Сразу же началась проверка их по списку и упаковка.

В первый день М. Н. Тихомиров приобрел 168 русских рукописей XIV—XX вв., 10 жалованных печатных грамот, дела Верхотурского и Каширского приказов, 26 рукописей на иностранных языках и др. Список всех их с оценкой каждой рукописи или группы рукописей сохранился в его архиве.¹¹

Вечером М. Н. Тихомиров решил, что он неоправданно отказался от некоторых рукописей, и на следующий день мы были снова у В. Ф. Груздева и отобрали еще рукописных книг. Как и в первый день, самые ценные были положены в чемоданы, а все остальные завязаны в тюки для багажа.

Все приобретенные от В. Ф. Груздева рукописные материалы были вечером второго дня доставлены мне на квартиру, заполнив мою комнату так, что в ней троим было трудно находиться. Радостный М. Н. Тихомиров не хотел расставаться с рукописями.

Около половины рукописей, и притом наиболее интересные, были сразу же увезены в Москву. Остальные остались на моем попечении. Вскоре М. Н. Тихомиров сообщил мне: «Собираюсь прислать за рукописями А. Н. Мальцева, тогда Вы их ему отдайте. Великое Вам спасибо за помощь. И хорошо сделал (В. Ф. Груздев, — В. М.), что продал. За 2—5 лет книги превратились бы в труху».¹² Через несколько дней приехал А. Н. Мальцев и забрал у меня все оставшиеся рукописи. О своем благополучном прибытии в Москву он известил меня следующим письмом: «Дорогой Владимир Иванович! Из Ленинграда до Москвы доехал хорошо.

⁸ Архив М. Н. Тихомирова, оп. 4, № 369, л. 92. Письмо В. И. Малышева от 2 января 1956 г.

⁹ Архив М. Н. Тихомирова, оп. 4, № 200, л. 1. Письмо В. Ф. Груздева от 30 декабря 1955 г.

¹⁰ Архив М. Н. Тихомирова, оп. 4, № 30, ч. I, л. 51. Письмо М. Н. Тихомирова В. И. Малышеву от 15 января 1956 г.

¹¹ Архив М. Н. Тихомирова, оп. 4, № 30, ч. II, л. 1—9.

¹² Архив М. Н. Тихомирова, оп. 4, № 30, ч. I, л. 1. Письмо М. Н. Тихомирова В. И. Малышеву от 15 апреля 1956 г.

В Москве меня встретил Владимир Владимирович (Зеленин, — В. М.). Все книги доставлены в целостности и сохранности». ¹³

Так завершился переход основной и самой ценной части коллекции В. Ф. Груздева в собрание М. Н. Тихомирова. Все древнерусские рукописи исторического, литературного, естественнонаучного и бытового содержания, деловые бумаги XVI—XVIII вв., большинство рукописного материала новой письменной традиции (среди них было несколько семейных архивов, замечательных дневников, записок и др.), немало рукописей на иностранных языках и языках народов СССР стали отныне собственностью М. Н. Тихомирова.

Позднее М. Н. Тихомиров очень сожалел о том, что не приобрел все груздевские рукописи, нарушив тем самым целостность его коллекции. Он отказался от медицинских (в основном лечебников), математических и ряда других рукописных материалов. Они вскоре поступили в ГПБ и Военно-Медицинский музей в Ленинграде. ¹⁴ Несколько списков произведений писателей XVIII—XIX вв., в том числе три текста «Горя от ума» Грибоедова, перешло к Н. К. Пиксанову, а после его смерти — в Пушкинский Дом АН СССР.

После продажи своей коллекции М. Н. Тихомирову В. Ф. Груздев не утратил с ним связи. Наоборот, он стал одним из деятельных его помощников в формировании собрания. Уже вскоре после отъезда М. Н. Тихомирова в Москву В. Ф. получает от него 10 тыс. руб. на приобретение рукописного материала. ¹⁵ А В. Ф. Груздев писал М. Н. Тихомирову: «Я считаю, что моя моральная обязанность перед Вами — пополнять Ваше собрание рукописей. Поэтому я буду сообщать Вам, если что-либо приобрету подходящее для Вас». ¹⁶

И В. Ф. Груздев свое обещание выполнил полностью. Почти до конца жизни М. Н. Тихомирова он поставлял в его собрание рукописные материалы, заботился, чтобы ни одна хорошая рукопись не прошла мимо его собрания. М. Н. Тихомиров отвечал ему за это благодарностью.

Сколько еще рукописей поступило за эти годы в собрание М. Н. Тихомирова через В. Ф. Груздева, сказать с определенностью нельзя. Оба не вели такого учета. Но предполагаю, что не менее полсотни, потому что еще в 1956 г. В. Ф. Груздев купил и отправил М. Н. Тихомирову их около двух десятков. Где бы ни бывал в это время В. Ф. Груздев — в Кировской области, Пскове, Риге, — он неизменно искал рукописные материалы для М. Н. Тихомирова. Все письма В. Ф. Груздева к М. Н. Тихомирову 1956 и последующих годов проникнуты большим и искренним стремлением помочь ему в увеличении собрания. В. Ф. Груздев не только сам покупает и сразу же отправляет М. Н. Тихомирову рукописные материалы, но и дает советы, где их надо искать, сообщает имена знакомых московских коллекционеров, рекомендует, какие периферийные коллекции следует приобрести. ¹⁷

Таким образом, как видно из изложенного выше, груздевские рукописи занимают важное место в собрании М. Н. Тихомирова. Задача состоит

¹³ Архив В. И. Малышева. Письмо А. Н. Мальцева от 28 апреля 1956 г.

¹⁴ См.: Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Новые поступления в Отдел рукописей (1952—1966). Краткий отчет. М., 1968, с. 70—76.

¹⁵ Архив М. Н. Тихомирова, оп. 4, № 30, ч. II, л. 1. Письмо В. И. Малышеву от 15 апреля 1956 г.

¹⁶ Архив М. Н. Тихомирова, оп. 4, № 200, л. 4. Письмо В. Ф. Груздева М. Н. Тихомирову от 25 мая 1956 г.

¹⁷ Архив М. Н. Тихомирова, оп. 4, № 200, л. 1—8. Письма В. Ф. Груздева к М. Н. Тихомирову 1955—1961 гг. См. в этом архиве также по этому вопросу письма М. Н. Тихомирова к автору данных строк и его письма к М. Н. Тихомирову за те же годы.

теперь в том, чтобы на основании материалов архива М. Н. Тихомирова постараться более точно выяснить вклад В. Ф. Груздева в создание собрания. К сожалению, следует отметить, что В. Ф. Груздев лишь изредка помечал свои рукописи, а потому принадлежность многих, попавших в собрание М. Н. Тихомирова, установить будет нелегко. Но не невозможно. Помогут списки, которыми обменивались В. Ф. Груздев и М. Н. Тихомиров, хотя составлялись они довольно обще. Окажут помощь, несомненно, две обзорные статьи о коллекции В. Ф. Груздева автора этих строк, указанные выше. Они охватывают материалы, как сказано, по 1949 год. Ценные сведения могут быть почерпнуты из писем М. Н. Тихомирова к В. Ф. Груздеву и особенно — В. Ф. Груздева к М. Н. Тихомирову. Некоторые из них сопровождалась списками рукописей. Немало интересного по этому вопросу найдется в переписке автора этих строк с М. Н. Тихомировым.¹⁸ Я был все время в курсе взаимоотношений В. Ф. Груздева и М. Н. Тихомирова по части формирования собрания, но к сожалению, не мог с достаточной полнотой воспользоваться всеми этими материалами по состоянию своего здоровья. Обращение же к ним, *безусловно, уточнит и дополнит сообщаемые здесь сведения.*

При научном описании собрания М. Н. Тихомирова надо также учитывать, что он получал рукописи и от других лиц, в частности от М. С. Севастьянова.

Собрание М. Н. Тихомирова уникально по своему составу, и тем необходимым и важнее знать все пути и источники его формирования.

¹⁸ Все письма М. Н. Тихомирова к автору этой статьи переданы последним в архив М. Н. Тихомирова.

ЗАМЕТКИ

О. В. ТВОРОГОВ

Необходимые уточнения к книге И. Б. Грекова «Восточная Европа и упадок Золотой Орды»

Опечатки и неточности в библиографических ссылках еще встречаются, к сожалению, в наших научных изданиях, но редко можно увидеть их в таком изобилии, как в недавно вышедшей книге И. Б. Грекова.¹

Начну с такого примера. На с. 320 рассматриваемой книги мы читаем: «Последние исследования „Задонщины“, предпринятые В. П. Адриановой-Перетц [113; 114, 197],² Р. Якобсоном [538a], Д. С. Лихачевым [269a, 84—107], Р. П. Дмитриевой [195, 199—263; 196, 264—291], О. В. Твороговым [378a, 292—343], Л. А. Дмитриевым [193, 385—439], Н. С. Деминой [190, 440—476] и другими, позволяют говорить о существовании двух изводов в комплексе дошедших до нас списков рассматриваемого памятника». Попытаемся разобраться в приведенных указаниях. Номер 113 объединяет две различные работы В. П. Адриановой-Перетц, что едва ли правомерно,³ номер 114 отсылает нас к ее же статье «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского»,⁴ однако указание на с. 197 ошибочно, так как статья занимает с. 73—96. Номер 538a вообще отсутствует в перечне литературы, и мы должны догадываться, что здесь имеется в виду книга: Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field. Ed. by R. Jakobson and D. S. Worth. The Hague, 1963. Номером 195 в перечне литературы обозначена книга Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях владимирских», тогда как здесь имеется в виду иная ее работа — статья «Взаимоотношение списков „Задонщины“ и текст „Слова о полку Игореве“»;⁵ номер 196 соответствует книге М. В. Довнар-Запольского, но по смыслу текста выясняется, что речь идет о другой статье Р. П. Дмитриевой — «Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка „Задонщины“».⁶ Обе эти важнейшие работы исследовательницы вообще не названы, хотя ссылки на них, т. е.

¹ И. Б. Греков. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975.

² Первая цифра указывает номер работы в приложенном к исследованию списке использованной литературы (см. с. 488—516), следующие цифры — страницы цитируемой работы. Замечу при этом, что в большинстве случаев И. Б. Греков ограничивается ссылкой на всю книгу (статью), предоставляя читателю самому отыскивать страницы, на которых излагается интересующий его в данном случае сюжет.

³ В. П. Адрианова-Перетц. 1) Задонщина. Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947; 2) Задонщина. Опыт реконструкции авторского текста. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948.

⁴ ТОДРЛ, т. V. И. Б. Греков приводит ее «укороченное» наименование: «Слово о житии и преставлении в. кн. Дмитрия».

⁵ См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 199—263.

⁶ Там же, с. 264—291.

на несоответствующие им номера 195, 195а и 196, встретятся у И. Б. Грекова и далее (с. 403, 404, 406, 408, 413). Под номером 378а подразумевается статья О. В. Творогова, но в списке литературы под этим номером названа книга Е. Сыроечковского «Гости-сурожане». Н. С. Демина — это не известный искусствовед Н. А. Демина (чья работа упомянута под номером 190), а литературовед Н. С. Демкова, статья которой «Заемствования из „Задонщины“ в текстах Распространенной редакции „Сказания о Мамаевом побоище“»,⁷ в списке вообще не упомянута. Попутно замечу, что этот перечень работ вообще дезориентирует читателя, так как обоснование существования двух изводов «Задонщины» содержится лишь в одной из статей Р. П. Дмитриевой и книге Р. Якобсона и Д. Ворта.

Обратившись к списку использованной литературы, мы с огорчением убедимся, что рассмотренный пример — не досадное исключение: мы встретим еще десятки подобных ошибок.

Они начинаются уже в списке сокращений (с. 517) — ключе к библиографии. «Археографический ежегодник» назван там «Археологическим ежегодником»; Известия ОРЯС издавались не в Москве, как пишет И. Б. Греков, а в Петербурге (Ленинграде). Удивительно, что Санкт-Петербург назван местом издания Трудов ОДРЛ, выпускаемых с 1934 г. Институтом русской литературы АН СССР. Широко известные каждому историку и филологу «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» превращены в мифические «Чтения Общества любителей российских древностей».

Ошибки в списке использованной литературы трудно исчислить. Мы встретим здесь вообще не существующие издания. Так, под номером 229 упоминается издание «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, вышедшее в Москве в 1962 г.; под номером 230 значится книга: К а р г а л о в. Татаро-монгольское нашествие на Русь. СПб., 1842. Вероятно, имеется в виду книга советского исследователя В. В. Каргалова «Монголо-татарское нашествие на Русь» (М., 1966). Под номером 329 названа книга Б. Я. Рамма: Папство и Русь в X—XI вв. М.—Л., 1967; следует читать: Папство и Русь в X—XV веках. М.—Л., 1959. Не существует книги А. И. Рогова: Жизнь Александра Невского. М., 1968 (см. № 333).

Названия многих работ у И. Б. Грекова искажены. Так, книга М. Н. Тихомирова называется не «Источниковедение СССР» (см. № 381) а «Источниковедение истории СССР»; капитальный труд «Очерки истории исторической науки в СССР» ошибочно назван «История исторической науки» (см. № 222); в наименованиях пропускаются и искажаются слова: так, пропущено слово «в тверском» в названии статьи И. У. Будовница (№ 144), слово «исторической» в названии статьи П. Г. Васенко (№ 146); книга Ю. А. Лимонова именуется «Летописание Владимиро-Суздальской Руси», а не «Летописание Северо-Восточной Руси» (см. № 259), в статье Я. С. Лурье (№ 279) слова «национального государства» заменены словами «централизованного государства». Во многих случаях автор не заметил весьма неприятные опечатки: так, вместо «Полоцкой земли» читается «Полецкой земли» (№ 186), вместо «Литовская метрика» — «Литовская матрика» (№ 135), вместо «Завоевание турками Морей. . .» — «Завоевание турками морей. . .» (№ 228), вместо «Известия Лаоника Халкокондила» — «Известия Л. Холкокоидша», наконец вместо «Исихазм и русская живопись. . .» — «Психоз и русская живопись. . .» (№ 162а). Перечислить все случаи искусственно «укороченных» наименований, пропусков предлогов, искажения датировок, произвольного изменения падежей,

⁷ Там же, с. 440—476.

орфографических ошибок (особенно частых в трудах украинских ученых) в данной заметке просто нет возможности (см., например, № 113, 116, 125, 126, 130, 132, 143, 144, 166а, 173—182 и т. д. и т. п.).

Искажены фамилии и инициалы авторов: Н. Барсуков превращен в И. Барсукова, И. Д. Беляев в И. Л. Беляева, В. С. Борзоковский в В. С. Борзиковского, Б. Т. Горянов в Б. Т. Горянинова, академик Н. П. Лихачев в П. Н. Лихачева, М. Н. Тихомиров в М. А. Тихомирова, А. И. Соболевский — трижды в А. Н. Соболевского, и т. д. Ряд авторов вообще не был удостоен чести именоваться с инициалами (см. № 190а, 196, 197, 227, 228, 230, 286а).

Ошибки встречаются также в указаниях места и года издания; ссылаясь на периодические издания, И. Б. Греков зачастую не называет номеров томов или выпусков (см. № 150, 162а, 166а, — при этом в данном случае неверно указан и источник — 171, 200а, 233, 251, 256 и т. д.).

Столь же небрежно поданы библиографические указания и в тексте книги. Зачастую из-за пропуска точки с запятой (на первый взгляд — это мелочь!) невозможно отличить указания на сами исследования от указаний на их страницы (см., например, с. 114, 132, 145, 168, 175 и др.); как уже сказано выше, встречаются ссылки на работы, не поименованные в списке использованной литературы. В результате библиография не только не помогает читателю, а напротив, заставляет его с трудом разбираться в авторских ошибках и самостоятельно добираться до истины.

Выход в свет такой книги не принесет чести ее автору.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные. . . Археографической экспедицией.
 АИ — Акты исторические.
 АН СССР — Академия наук СССР.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
 Брикэ — С. М. B r i q u e t. Les filigranes. Paris, 1907.
 ВВ — Византийский временник.
 ВИ — Вопросы истории.
 ВЛ — Вопросы литературы.
 ВМЧ — Великие Минеи Чети, изд. Археографической комиссии.
 ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
 ГВЛ — Галицко-Волынская летопись.
 Гераклитов — А. А. Г е р а к л и т о в. Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
 ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
 ГЛИМ — Государственный Литературный музей (Москва).
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
 ГРМ — Государственный Русский музей (Ленинград).
 ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим.
 ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ИА — Исторический архив.
 ИЗ — Исторические записки.
 ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
 ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
 Клешиков, Филигр. и штемп. — С. А. К л е п и к о в. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959.
 КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
 ЛЗАК — Летопись занятий Археграфической комиссии.
 Лихачев, Бум. мельн. — Н. П. Л и х а ч е в. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
 Лихачев, Вод. зн. — Н. П. Л и х а ч е в. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.

МДА	— Московская духовная академия.
НІЛ, НІІЛ, НІІІЛ, НІVЛ, НУЛ	— Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
ОИДР	— Общество истории и древностей российских при Московском университете.
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности.
ОЛЯ	— Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
ПВЛ	— Повесть временных лет.
ПДП	— Памятники древней письменности.
ПДПИ	— Памятники древней письменности и искусства.
ППС	— Православный Палестинский сборник.
ПІЛ, ПІІЛ, ПІІІЛ	— Псковские первая, вторая и третья летописи.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РИБ	— Русская историческая библиотека.
РЛ	— Русская литература.
СГГД	— Собрание государственных грамот и договоров.
СОРЯС	— Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
СПб. ДА	— Санктпетербургская духовная академия.
СІЛ, СІІЛ	— Софийские первая и вторая летописи.
Срезневский, Материалы	— И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
Тромониі	— К. Тромониі. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. . . М., 1844.
ЦГДА	— Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
ЦГАЛИ	— Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИАЛ	— Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
ЧОЛДП	— Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ, ПРИСЫЛАЮЩИХ СВОИ СТАТЬИ В «ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

1. Рукописи должны представляться в 3 экземплярах, отпечатанных на машинке через два интервала (в том числе и подстрочные примечания). Нумерация подстрочных примечаний должна быть сплошная по всей статье.

2. Текст статьи должен представляться в окончательном виде. Изменения в корректуру могут вноситься только в исключительных случаях: когда они диктуются новыми данными в науке.

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

4. При библиографических ссылках в тексте и сносках необходимо давать следующие сведения: инициалы и фамилию автора, название работы, название и номер издания (для статьи), место издания (в том числе и для журналов), год издания, страницы.

5. При повторном упоминании работы в тексте или сносках дается сокращенное ее название. Сокращение «ук. соч.» не допускается.

6. В тексте статей необходимо придерживаться сокращений, список которых публикуется в конце каждого тома «Трудов Отдела древнерусской литературы», начиная с т. XIV.

7. Представляемые тексты памятников должны быть тщательно выверены по оригиналу и оформлены согласно правилам, опубликованным в т. XI «Трудов Отдела древнерусской литературы» (с. 494—498).

8. Фотографии представляются в 2 экземплярах, отпечатанных на глянцевой бумаге с накатом. Они должны сопровождаться списком, в котором приводятся: подпись к каждой иллюстрации, местонахождение оригинала, его шифр, датировка, размер (для рукописей и изданий дополнительно номера листов).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ИССЛЕДОВАНИЯ

	Стр.
— <i>М. А. Салмина</i> (Ленинград). Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве	3
— <i>Р. П. Дмитриева</i> (Ленинград). Повесть о рязанском епископе <i>Василии</i> (История текста первоначальной редакции)	40
— <i>Я. С. Лурье</i> (Ленинград). Вторая пространная редакция Первого послания Грозного Курбскому	56
— <i>Л. Хант</i> (Ванкувер, Канада). Самооправдание протопопа Аввакума	70
— <i>Н. В. Понырко</i> (Ленинград). Русские святки XVII в.	84
<i>А. М. Панченко</i> (Ленинград). Два этапа русского барокко	100
<i>О. А. Белоброва</i> (Ленинград). Аллегория наук в лицевых списках «Книги избранной вкратце. . .» Николая Спафария	107
<i>Н. А. Герасимова-Персидская</i> (Киев). Партесное многоголосие и формирование стилевых направлений в музыке XVII—первой половины XVIII в.	124
<i>Д. К. Уо</i> (Сиятл, США). К изучению истории рукописного собрания <i>П. М. Стрובה</i>	133

ПОЛЕМИКА

<i>Г. М. Прохоров</i> (Ленинград). Летописные подборки рукописи ГПБ, Ф. IV. 603 и проблема сводного общерусского летописания	165
<i>Я. С. Лурье</i> (Ленинград). Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи	199

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>К. Иванова</i> (София). Цикл великопостных гомилий в гомилиарии <i>Михановича</i>	219
<i>О. Ф. Коновалова</i> (Ленинград). Традиционная метафора в «Житии Стефана Пермского»	245
<i>Н. А. Казакова</i> (Ленинград). Заметка о Риме русского путешественника середины XV в.	252
<i>О. В. Теоротов</i> (Ленинград). Материалы к истории русских хронографов. I. Ефросиновский хронограф	256
<i>Д. М. Буланн</i> (Ленинград). Комментарий Максима Грека к словам Григория Богослова	275
<i>Я. Г. Солодкин</i> (Курск). О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына	290
<i>И. П. Смирнов</i> (Ленинград). Древнерусский смех и логика комического	305
<u><i>М. В. Меркулова</i></u> (Ленинград). Речевая структура образа автора в Житии протопопа Аввакума	319
<i>В. Н. Сергеев</i> (Москва). Литературный источник рисунка XVII в. работы <i>Василия Кондакова</i>	332
<i>Т. Ф. Владышевская</i> (Москва). «Покаянен. Хитроглаголиво слово» в нотированной рукописи XVII в.	338
<i>Л. В. Соколова</i> (Ленинград). Об источнике перевода Повести об Аполлонии Тирском	342
<i>Н. В. Понырко</i> (Ленинград). Стихиры <i>Феодосию Васильеву</i>	356
<i>М. П. Чередникова</i> (Ульяновск). Древнерусские источники повести <i>Н. С. Лескова</i> «Очарованный странник»	364

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ	
(Печатается под наблюдением В. И. Малышева),	
<i>Н. В. Понырко</i> (Ленинград). Находки в Тарногском районе Вологодской области	369
<i>В. П. Бударгин</i> (Ленинград). Пополнение Северодвинского собрания	372
<i>Г. В. Маркелов</i> (Ленинград). Экспедиция в Пудожский район и Заонежье	375
<i>А. И. Мазунин</i> (Ленинабад). Славяно-русские рукописи научной библиотеки Ташкентского университета и республиканской библиотеки имени Алишера Навои	377
<i>С. П. Гордеев</i> (Владимир). Новые поступления рукописей и старопечатных книг в Государственный объединенный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник	383
<i>Е. А. Бобков</i> (Люберцы). Певческие рукописи гуслицкого письма	388
В. И. Малышев. Об одном важном источнике Тихомировского собрания (Страничка воспоминаний)	395
ЗАМЕТКИ	
<i>О. В. Творогов</i> (Ленинград). Необходимые уточнения к книге И. Б. Грекова «Восточная Европа и упадок Золотой Орды»	402
Список сокращений	405
К сведению авторов, присылающих свои статьи в «Труды Отдела древнерусской литературы»	406

ТЕКСТОЛОГИЯ И ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XI—XVII ВЕКОВ

ТОДРЛ, т. XXXII

Утверждено к печати

Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

Редактор издательства Н. Г. Гилянская

Художник М. И. Разулевич

Технический редактор Г. А. Смирнова

Корректоры Н. П. Кизим, Ф. Я. Петрова и Т. А. Румянцева

Сдано в набор 31/V 1977 г. Подписано к печати 2/XII 1977 г. Формат бумаги 70×108^{1/16}.
 Бумага № 2. Печ. л. 25^{1/2}=35.70 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 37.99. Изд. № 6444. Тип. зак. № 125.
 М-15199. Тираж 3900. Цена 3 р. 60 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12